ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

В. А. Артамонов

ТУРЕЦКО-РУССКАЯ ВОЙНА

1710–1713 гг.

Москва
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)5
А 86

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 19-19-00045
в рамках Конкурса проектов 2019 года
по изданию научных трудов, не подлежит продаже.

Утверждено к печати Ученым советом
Института Российской истории
Российской академии наук

Рецензенты:
доктор исторических наук *А. И. Аксенов*
доктор исторических наук *Г. А. Санин*

Артамонов Владимир Алексеевич
А 86 Турецко-русская война 1710–1713 гг. — М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 448 с.; 8 л. ил.

ISBN 978-5-907171-00-8

Османская империя после поражения под Веной в 1683 г., все еще оставалась мировой евразийско-африканской державой. Россия после победы под Полтавой превратилась в гегемона Северной и Восточной Европы и прямую угрозу для Османской империи, которая решила вывести из-под контроля России бессильную Речь Посполитую и отвоевать Азов, что стало основной причиной войны 1710–1713 гг.

В результате Россия была отрезана от южного моря, были потеряны Азов, Таганрог и часть влияния в Молдавии, Валахии, Черногории, Герцеговине, Сербии, Западной Черкесии и Кабарде. Война с Турцией продлила Северную войну на несколько лет. Тем не менее, походы Петра I к Дунаю, Крыму и Кавказу стали этапом русской политики в «восточном вопросе» и предвестием османских неудач в войнах XVIII — первой четверти XIX вв.

The Ottoman Empire after being defeated at Vienna in 1683, still remained a Eurasian-African world power. The Russian Kingdom had after the victory at Poltava in 1709 became a hegemon in the Nothern and Eastern Europe and direct threat to the Ottoman Empire. The Sublime Porte sought to remove Tzar's control from the powerless Rzeczpospolita and this was the main cause of the conflict in 1710–1713.

As a result, Russia was cut off the south sea, lost Azov, Taganrog and a considerable part of Russia's influence in Moldavia, Wallachia, Montenegro, Herzegovina, Serbia, Western Circassia and Kabarda. The war with Turkey prolonged the North war for several years. Nevertheless, the campaigns of Peter I to the Danube, the Crimea and the Caucasus became a phase of the Russian policy in the "Eastern Question|" and a harbinger of failure of the Ottoman Empire in the wars of XVIII centuryand the first quarter of the XIX century.

ISBN 978-5-907171-00-8
Тираж 300 экз.

Светлой памяти
Ольги Онисифоровны Артамоновой (1914–1967)
моей мамы, человека большой души

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

На западных и южных границах Российского царства (империи) в XVII–XVIII вв. было три исторических соперника — абсолютистское Шведское королевство, переживавшее в 1630–1718 гг. эпоху великодержавия, децентрализованная шляхетская Речь Посполитая и сильный Османский халифат.

Первоосновы Турции и России (Османский бейлик и Московское княжество) стартовали на исторической арене одновременно в XIII–XIV вв. Османская и Российская империи развернули экспансию — первая от Алжира до Месопотамии, вторая — от Вислы до Калифорнии. Обе страны на разных этапах стали мировыми державами, бывало, наводя страх «турецкой» или «русской угрозы». Мощь Османской империи была расшатана Габсбургами, Испанией, Венецией, Ираном. России выпала судьба нанести завершающие удары османскому великодержавию. В обеих странах вооружённые силы оказались доминантой политической и социальной истории.

Военное развертывание изначально кочевого Османского государства опередило русское. При этом геополитическое положение османов, сражавшихся одновременно в кольце фронтов на разных направлениях, было более сложным, чем Российского царства. Большим успехом России в Средневековье была ликвидация Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Военная сила османов раздавила более полутора десятков княжеств, султанатов, королевств, царств и империй. Османская мощь сти-

мулировалась византийским, арабским и славянским наследием трёх континентов. Султаны считали себя халифами и правителями всех мусульман мира, но турки были всего лишь одним из 72 народов империи и меньшинством среди остальных этносов. Христиане составляли три четверти населения европейской части этой империи и две трети в Константинополе[1]. Земледельческая же Россия с трудом могла мобилизовать скудные ресурсы угрофинских племён и военный опыт степняков. Воинственность кочевых и горнопастушеских племён Османской державы удачно была дополнена могучей артиллерией и появившейся в 1326 г. отборной янычарской пехотой, умевшей брать крепости. Османская империя за XV–XVI вв. запасла огромную прочность, хватившую ей на несколько столетий. С 1460-х и до 1560-х гг. османы в Европе считались «бичом Божиим», они могли без союзников и, по сути, без дипломатической подготовки вести одновременно войны на трёх континентах[2].

При Сулеймане Великолепном (1520–1566) Османский халифат за счёт ограбления захваченных земель достиг зенита и стал мировой державой, — «наиболее грозным государством Европы. Его дисциплинированные, имеющие отличную мотивацию и вооружение янычары были крупнейшей и опаснейшей профессиональной пехотой на континенте. Накал боеспособности удесятеряли воины, готовые к смерти во имя ислама — «гази». Лидерство османской военной техники и полководческого искусства было в то время бесспорным. Земли и доходы султана были больше, чем земли и доходы любого из его христианских соперников»[3]. Методы «великолепного века» были сочтены универсальными, что стало одной из причин упадка Османской империи. Однако и в XVII в. эта главная исламская держава могла вести, правда, уже не по своей воле,

---

[1] *Jacov V.* Europa i osmanie w okresie Lig Swiętych. Polska między Wschodem i Zachodem. Kraków, 2003. С. 115. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

[2] О военном деле османов см.: *Özcan A.* Ottoman military establishment // History of the Ottoman State, Society & Civilization. Istanbul, 2001. P. 349–430; История Османского государства, общества и цивилизации. В 2-х т. / Под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1. С. 263–319.

[3] *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века и до наших дней. М., 2007. С. 240.

войны с «неверными». Янычарский корпус считался привилегированным. Из-за запретов на брак он ежегодно пополнялся «девширме» — принудительными наборами. Янычары набирались не из низов христиан, а из семей знатных и «лучших гяуров». Эта первая в Европе регулярная пехота, фанатично преданная исламу и султану, была сплоченной, лучшей и храбрейшей в мире. Она получала жалованье от падишаха, которого считала отцом. Янычарам предоставлялся сбор налогов с «реайи» (райи) — податного населения. (Центральная власть не была заинтересована в поголовной исламизации, так как христиане платили дань, от которой были освобождены мусульмане; их позволялось грабить и обращать в рабство). Товары янычарам продавались со скидкой, в их руках было пожарное дело (и грабёж погорельцев). Вооружены они были луками (с начала XVI в. ружьями-«янычарками»), саблями, ятаганами, щитами и имели топорики для хозяйственных нужд. При выходе на поле боя для окапывания им выдавались кирки и лопаты. Янычарские «орта» (артели) обладали не только корпоративной, но и земляческой спайкой и имели общий котёл, как и солдатские артели Русской армии. Казарменный быт «названых братьев» отличался строгой дисциплиной (за отлучку из казарм наказывали палками). Как и тяжёлая линейная пехота в России XVIII–XIX вв., янычарский корпус («рука и крыло» османской династии) составлял ядро султанской армии («капыкулу аскерлери»). В XVI в. янычар было около 12 тысяч, в начале XVII в. — 37 тысяч, на рубеже XVII–XVIII вв. 53–54 тысячи[1]. Другие рода войск янычары презирали. Поколениями османы накапливали веру в непобедимость. Военная психология отлилась в наступательную доктрину и стратегию сокрушения противника. «Нападать на врага, едва завидев его» — такова была старая османская традиция. В основе османского экспансионизма было понятие исламского превосходства и «священной войны», которая по Корану может перемежаться только временными перемириями. «Делом великих государств является завоевание стран и поражение врагов». Перманентная

[1] Перед ликвидацией в 1826 г. строгого отбора уже не было и корпус насчитывал 110–140 тысяч. *Марсильи Л. Ф.* Военное состояние Османския империи с ея приращением и упадком. Ч. 1. СПб., 1737. С. 57, 70; *Витол А. В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С. 23–24.

война использовалась как символ государственного единства и стремления к мировому господству[1].

Со второй половины XVI в. боеспособность янычар и конного феодального ополчения (сипахов) стала падать. Как и прежде, войска отличались «жестокостью и свирепостью», но железная дисциплина таяла. С конца XVI в. янычарам разрешили обзаводиться семьями; с 1582 г. в корпус стали направлять своих детей мусульмане. Военные должности начали продаваться. Служба оказалась наследственной привилегией; с 1651 г. в корпус поступали только дети янычар. Янычарская вольница, имевшая своих судей и имущество, не подлежащее конфискации, могла смещать своих начальников и султанов. Жизнь вне казарм с семьями, случаи задержки жалованья, занятие торговлей и ремеслом разлагали «янычарское братство». Офицеры и рядовые игнорировали учения и военное искусство. На маршах огромная масса людей с обозами не соблюдала дисциплины и интервалов. Поражение в войне, начатой в 1683 г., было закономерным, а Карловицкий мир 1699 г., по которому Габсбурги отвоевали Венгрию и Трансильванию, а Польша Подолье, был первым разделом Османской империи.

К XVIII в. организация военного дела оставалась на уровне века XVI. Сипахское ополчение потеряло военное значение[2]. Сипахи интересовались больше своим хозяйством, чем войной. Исчезал фактор, выправлявший военную отсталость и промахи командования — воинский дух. (Панацеей против разложения властители в Стамбуле считали продолжение захватнических войн).

В России XVII в. солдаты и драгуны «иноземного строя» точно также теряли боеспособность, атаковали не строем, а «кучей», за взятки уклонялись от военной службы. Как русское, так и турецкое воинство набиралось на одну кампанию

---

[1] По легенде после завоевания Константинополя в 1453 г., османы свергли статую императора Юстиниана, в руках которого была золотая, с крестом держава-яблоко («алтын эльма») — символ мирового господства. Это «золотое яблоко» закатилось в Рим. Цель османов захватить его и обрести мировое господство. *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012. С. 15–17.

[2] Если при Сулеймане Кануни с крупных ленов (тимаров и зеаметов) собиралось до 200 тысяч воинов, то в начале XVIII в. всего 20 тысяч. *Витол А. В.* Османская империя… С. 22–23.

(с апреля по конец октября), а потом распускалось. И там и там много умирало от антисанитарных условий. Силы, выставлявшиеся на время войны из провинций («эялет аскерлери»), не оплачивались, они содержали себя за счёт военного грабежа, также, как нерегулярные соединения в России.

В Великой Турецкой войне 1683–1699 гг. османское войско было самым большим в Европе — 135–200 тысяч человек. В нём усилился вес тюркского ядра, перекрывшего периферийные воинские образования албанцев, босняков, курдов и др. Наследники великой славы — османские воины сознавали свой исламский дух и готовность к смерти: «если мы мусульмане, какой гяур может победить нас?» «Слабое и презренное племя христиан несравнимо ни по душевным, ни по телесным качествам с османами»[1].

Авторитет «безбожных агарян» оставался таков, что в России и Речи Посполитой перенимали дорогое турецкое оружие, аргамаков, сбрую и военную музыку. Облегченный шишак переняли австрийские кирасиры, польские тяжёлые гусары и русские воины. Но заимствовать наступательный дух не удалось ни одному из соперников.

В «период отката» из Европы османская идея мирового господства уже испарялась и после 1683 г. Порта вела оборонительные войны. Но, даже воюя на техническом уровне XVI в. с устаревшей тактикой и при неустойчивой верховной власти (с 1617 по 1922 г. 15 из 22 султанов были умерщвлены или низложены), без полноценного офицерского корпуса и дворянской касты, Сиятельнейшая Порта в 1672 г. присоединила Подолию, собиралась овладеть Правобережной Украиной, в 1683–1699 гг. воевала почти со всей Европой, в 1710–1713 гг. отбросила Россию из Речи Посполитой, в 1724 г. остановила продвижение царя Петра через Дагестан и Иран в Индию, в 1727 г. захватила Тегеран. И всё это — нерегулярной военной силой. Не иссяк и дух османского великодержавия — султаны-халифы величали себя «тенью Божьей на земле», «львами страшнейшими», «защитителями святых мест Мекки и Медины, повелителями и самодержцами Александру

[1] На сборах в Адрианополе (Эдирне) даже в начале XVIII в. османские воины пронзали руку кинжалом, оставляя его в ране и демонстрируя пренебрежение к боли.

равными, государями государей, князьями князей, превельможнейшими, державнейшими и превеличайшими, [владыками] Египта, Абиссинии, Арабии, Адена, Триполья, Туниса. Алжира, Кипра, Родоса, Кандии и иных островов Белого моря, Вавилонии… Вана, Карса, Эрзерума… Ниневии, или Ассирии, Месопотамии, Ракки и Дамаска, Алеппо, Ирака, Персии, Арабии и Курдии, Туркестана, Георгии, Дагестана и Трапезунда… Тартарии, Черкассии, Абазии, Крыма и Дешт-и Кипчака якоже и восточные и западные Азии и Греции, Константинополя… Адрианополя».

Но положение султанов было изрядно шатким. Перед каждым маячила вероятность свержения из-за мятежей янычар, бунтов столичной черни, восстаний и сепаратизма на окраинах, чехарды верховных везиров.

Цари российские не претендовали на господство над миром и старались избегать войн с южным соседом[1]. Военная доктрина России в то время была оборонительной, с предпочтением теснить противника гигантскими засечными линиями. После Крымских походов 1687 и 1689 гг. наступательных действий Москва не предпринимала и в 1694 г. правительство Нарышкиных даже готово было возобновить «поминки» Крымскому ханству, прекращённые с 1685 г.[2]

---

[1] С воцарением династии Романовых в 1613 г. для Российского царства началось Новое время и «эмбриональный» период Романовской империи, апогей которой наступил в 1770–1814 гг. *Артамонов В. А.* Героика патриотизма: патриотизм и державное сознание русского народа X–XX вв. // Меншиковские чтения 2014. Научный альманах. Вып. 5 (12). СПб., 2014. С. 28.

[2] *Артамонов В. А.* О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 71–88. Навечная отмена погодных дач была письменно зафиксирована в восьмой статье договора от 3 июля 1700 г.: «Понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была крымским ханам и крымским татаром, или прошлая, или ныне, впредь, да не будет должна от его священного царского величества Московского даватись, ни от наследников ево. Но и крымские ханы, и крымцы, и иные татарские народы впредь ни дачи прошением, ни иною какою причиною или прикрытием противное что миру да [не] сотворят, но покой да соблюдут». РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 8. Л. 14; *Богословский М. М.* Пётр I. Материалы для биографии. Ленинград, 1948. Т. 5. С. 212. Неверно, что Россия продолжала после 1670 г. платить 30 лет поминки-дань до 1700 г.

Наступательный русско-австро-венецианский союз, заключенный 29 января 1697 г., помог России выйти из начатого в 1687 г. конфликта с Турцией. В июле 1700 г. русская дипломатия заключила в Стамбуле перемирие на 30 лет и 19 августа 1700 г. Пётр I начал «Свейскую эпопею». Но стратегическое противостояние с Османской империей не исчезло. Степь от Южного Буга до Азова беспрестанно сотрясалась от взаимных набегов казаков, ногайцев, крымцев и калмыков.

Порту беспокоил русский флот на Азовском море. В декабре 1702 г. султан Мустафа II потребовал убрать корабли от Азова и Таганрога (Троицкой пристани), прервать строительство новых судов на воронежских верфях, размежевать границы и срыть крепость Каменный Затон, стоявшую в сотне километров от турецких фортов на нижнем Днепре и мешавшую татарским набегам на Украину. В том же году турки стали крепить Керчь, строить Еникале и отсыпать каменную дамбу поперёк Керченского пролива.

Русский триумф над лучшей армией Европы под Полтавой и снижение напряжённости в 1709–1710 гг. в отношениях с турками, увенчались полным завоеванием Прибалтики от Выборга до Риги и политическим контролем над Речью Посполитой. В Варшаве была восстановлена власть короля Августа II из саксонской династии Веттинов. Россия стала державой-гегемоном Северной и Восточной Европы. Нависшая от Азова до Днестра над Османской империей сила, растревожила Стамбул. Порта не хотела ни русского, ни саксонского, ни шведского контроля над шляхетской республикой. В то время политический престиж шведского короля Карла XII ещё не исчез и тот уверял турок, что двойной удар — шведов из Померании, а османов от Днестра вышибет русских из Речи Посполитой.

Именно это стало основной причиной конфликта Блистательной Порты с Российским царством, продолжавшимся вплоть до русско-турецкого разграничения в Причерноморье в 1714 г.

См.: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 77.

* * *

Событиям Турецко-русской войны 1710–1713 гг.[1] посвящено немало исследований. Как ни странно, почти обойдены вниманием отечественных историков добротные, основанные на турецких источниках труды Й. Хаммера и Д. Кантемира[2].

Объёмную работу о Прутской кампании написал профессор истории Анкарского университета А. Н. Курат. Сокращенное его изложение он дал в шведском и западногерманском журналах[3]. В 1950-е гг. господствующей на Западе была идея поставить предел «распространению коммунизма». По мнению Курата, государственный интерес Порты в начале XVIII в. состоял в том, «чтобы заключить Россию в её «естественные границы», сохранить великую шведскую державу, поставить во главе Польши правительство, враждебное русским, спасти Украину от московской зависимости и предпринять решительные меры для сохранения Крыма»[4]. Турецкий профессор писал, что царь, вторгшись в Османскую империю и собравшись завоевать Константинополь, в июле 1711 г. оказался в руках верховного везира Балтаджи. Именно от последнего зависело «всемирно-историческое решение», после которого история Восточной Европы покатилась бы по другой колее. Достоинством Курата было привечение большого объёма новых материалов из турецких и европейских архивов, а также работ турецких, русских, немецких, шведских, румынских и польских историков, что позволило ему широко осветить политику Порты и состояние турецкой армии на тот период. Необоснованные допущения, доверие к турецким

---

[1] Так как объявление войны последовало со стороны Турции, разумнее дать заголовок «Турецко-русская война 1710–1713 гг.», в отличие от существующего обычая именовать все войны России как «русско-турецкие», «русско-шведские», «русско- польские» и т. д.

[2] *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 7. Pest, 1831; *Kantemir D. K.* Geschichte des Osmanischen Reichs nach seinem Anwachse und Abnehmen, beschrieben von Demetrie Kantemir… Hamburg, 1745.

[3] *Kurat A. N.* Prut seferi ve barişi. 1123 (1711). Ankara, 1951–1953. С. 1–2. Его же Prutfelttåget och Prutfreden 1711 // Karolinska Förbundets Årsbok. 1939; его же. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 10. Wiesbaden, 1962. H. 1.

[4] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 11.

нарративным источникам и морализаторство не могут служить украшением его труда. Тяжелые для России договоры 1711, 1712 и 1713 гг. турецкая историография привязывает к победе на Пруте, тогда как Русская армия 12 июля 1711 г. ушла из Молдавии непобежденной[1].

В нашей стране победы русского оружия естественно, привлекали бóльшее внимание, чем поражения. Поэтому крупный военный историк А. З. Мышлаевский в начале XX в. назвал Прутский поход «сплошным вопросительным знаком». Цельного труда по данной теме он не создал, но выявил огромное количество документов из отечественных архивов и написал несколько статей по войне 1710–1713 гг.[2]

За исключением не потерявших своего значения трудов С. М. Соловьева, отечественные историки ограничивали себя, как правило, только Прутской кампанией[3].

Панорамный взгляд на эпоху Петра Великого дал Н. И. Павленко[4]. Записи молдавских хроник о Прутском походе ввел в оборот Р. Ю. Энгельгардт. На этого автора наложила отпечаток недавно отгремевшая война 1941–1945 гг. По его мнению, «тактическая неудача» на Пруте произошла в основном,

---

1 *Артамонов В. А.* Дунайский поход Петра I в 1711 г. М., 2015. С. 69.

2 *Мышлаевский А. З.* Две катастрофы. Суворов в Швейцарии. Пётр на Пруте. СПб., 1901; его же Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. 1901. № 1–2. Мышлаевский считал, что Прутский поход не был авантюрой, Петру I прежде всего нужен был политический успех — мир на юге, вся операция 1711 г. была подготовлена безукоризненно, трудности с провиантом не имели решающего значения, все неудачи — результат трений с поляками и валахами. *Новицкий Е.* Прутский поход 1711 года. Итоги архивных розысков. Отчёт о сообщении проф. А. З. Мышлаевского. СПб., 1899.

3 См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 8; *Бутурлин Д. П.* Военная история походов россиян в 18 столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2; *Бранденбург Н. Е.* Кубанский поход 1711 г. // Военный сборник СПб., 1867. Т. 54; *Бранденбург Н. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. // Артиллерийский журнал. 1897. № 1; *Манойленко Ю. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе (1711) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. М., 2008. № 77; *Санин О. Г.* Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 гг. // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах М., 2000. № 2.

4 *Павленко Н. И.* Пётр Великий. М., 1990. События Турецко-русской войны освещены им в статье: Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни 1978. № 3.

из-за измены валашского господаря К. Брынковяну и численного превосходства турок. Противник согласился на мир, так как ему был нанесён сильный удар. «Выгодный» (!) Прутский договор 1711 г. был победой русской дипломатии; никакого подкупа турецкого командования не было[1]. Т. К. Крылова в серии статей 1941–1966 гг. о международной обстановке и политических отношениях Турции с Россией подробно изложила по нескольким фондам содержание архивных материалов РГАДА[2]. Не вызывают возражений расставленные автором основные вехи в сфере русско-турецких отношений 1700–1711 гг. (дипломатическая деятельность посла П. А. Толстого на Босфоре, противоречия между Бахчисараем и Стамбулом, межевание границ в Причерноморье и др.). Недостаток её работ — прямолинейный пересказ российских источников, без их глубокого анализа и сопоставления позиций воюющих сторон.

Политику Османской империи и европейских держав в отношении России в 1709–1713 гг. иследовала С. Ф. Орешкова. Помимо исторических работ, опубликованных в Европе, она, в отличие от Т. К. Крыловой, использовала большой объём турецкой литературы и источников. Автор справедливо полагает, что «нейтралитет» Турции в 1700–1710 гг. во время войн за Испанское наследство и Северной был следствием разорения и упадка страны. Турецкое командование в 1711 г. надеялось на «небольшую победоносную войну», но в сражении на Пруте «с радостью согласилось на русское предложение о начале мирных переговоров», так как «возможность полной победы представлялась проблематичной». Сомнительно высказывание о том, что «даже полная победа над царской армией

---

1 *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода Петра I // Кишинёвский Госуниверситет. Ученые записки. Т. 6 (исторический). Кишинёв, 1953. С. 97–117; см. также: *Кириченко Н. П.* К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 г. Кишинёв, 1958.

2 *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10; её же Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические записки. М., 1959. Т. 65; её же Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714) // Проблемы источниковедения. М., 1961 Т. 9; её же Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710–1713 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. 1964. № 49; её же Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966

на Пруте и пленение самого царя не сулили ничего иного, кроме затяжной войны». Скорее всего, «птенцы гнезда петрова» постарались бы закончить военные действия на юге. Трудно согласиться и с тезисами, что Франция, Англия, Австрия и Венеция к 1710 г. «объединились в одном направлении — развязывании войны между Россией и Турцией», что Прутский мир 12 июля 1711 г. был «большим дипломатическим успехом России», что турецкое требование уступки Украины в 1712 г. означало участие Порты в «планах создания франко-шведской дипломатией новой расстановки сил на востоке Европы»[1].

Внутренее положение Османской империи в XVIII в. подробно проанализировал историк А. В. Витол, назвавший прутский успех турок «в значительной степени случайным»[2]. Л. Е. Семёнова, в максимальной степени подняв румынские и молдавские источники, детально рассмотрела связи валашского господаря К. Бынковяну и молдавского господаря Д. Кантемира с Россией в своих очерках по истории Валахии и Молдавии[3].

В защиту русской истории и дипломатии великого царя, подвергнутой на Западе сокрушительной критике, написал очерковую книгу Н. Н. Молчанов[4]. Вполне приемлема его концепция о неизбывной вражде Европы к России, что особенно сказывается в наши дни. Однако автор допустил много погрешностей. К примеру, он считал, что на фоне бурного разворота внешней политики Петра I, разгром шведов под Полтавой «вызвал в Стамбуле взрыв слепой ярости» (на самом деле привёл к подтверждению русско-турецкого перемирия), что Прутская история была всего-навсего «нелепой трагикомической интермедией» с парадоксальными ошибками и случайностями, что победитель царя Мехмед-паша Балтаджи «по своей ненависти к России и преданности её врагу — Карлу XII превосходил всех своих предшественников» (фактически тот был беззлобной и слабой личностью).

---

1 *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения…С. 190–193.

2 *Витол А. В.* Османская империя… С. 32.

3 *Семёнова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969; *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006.

4 *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 273–275.

Много статей и монографий, посвящённых жизни Д. Кантемира в Турции и России, молдавским воинским формированиям в составе Русской армии и Прутской кампании, опубликовал молдавский историк В. И. Цвиркун. Этот исследлватель объективно и благожелательно изучает русско-молдавские отношения. Взяв за образец «Письма и бумаги императора Петра Великого», автор составил корпус документов о Кантемире, предварив их биографией сына молдавской земли[1] Цвиркун основательно проработал российские и румынские архивы, а также румынскую, турецкую и российскую историографию.

Фундаментальное исследование о «турецкой политике» Карла XII в Молдавии, Стамбуле и Крыму в послеполтавский период 1709–1713 гг. провел шведский историк Э. Тенгберг[2]. Автор проанализировал и ввел в оборот массу документов, которые освещают политику и военные действия 1710–1713 гг. с точки зрения королевской канцелярии, Бахчисарая, польской оппозиции и запорожцев.

Перипетиям Прутского похода посвятил несколько исследований Я. Е. Водарский[3]. Он досконально изучил переписку Петра I, донесения русских и иностранных дипломатов, генералов и тайных агентов, воспоминания участников похода и восстанавливал ход событий по дням и даже часам. Он же объяснил противоречия в источниках и дал квалифицированные комментарии в издании «Письма и бумаги императора Петра Великого» (М., 1962 и 1964. Т. XI. Вып. 1). Водарский провел анализ причин неожиданного окружения Русской армии в Молдавии, соотношения сил противников, действий

---

1 *Цвиркун В. И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010; *Цвиркун В. И.* У истоков русско-молдавского боевого содружества // *Ţvircun V.* Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006; *Цвиркун В. И.* Легенды и вымыслы о жизни и деятельности Димитрия Кантемира в России // Revista de istorie a Moldovei. Chişinau, 1994. № 2 (18); *Цвиркун В. И.* Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Димитрия Кантемира в Турции и России. Кишинёв, 2012.

2 *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender. En studie i Karl XII:s turkiska politik 1709–1713. Lund, 1953.

3 *Водарский Я. Е.* По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР. 1963. № 6; его же Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004; его же Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26.

Петра I и его жены Екатерины в критические минуты сражения, легенды о «решающей роли» подкупа турецкого командования и поддельного письма Петра Великого Сенату. Работы Я. Е. Водарского — крупный шаг вперед в исследовании военных действий в 1711 г.

Дипломатическое противоборство России в 1709–1714 гг. с Турцией, Швецией, Францией и переговоры о сотрудничестве с Австрией, Саксонией, Речью Посполитой рассмотрено в работе: Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. «Приключения» Карла XII в Турции качественно и художественно, но с погрешностями описал Б. Н. Григорьев[1].

Скороговоркой поход 1711 г. изложил А. В. Кутищев в лаконичных статьях, где поражение оправдывается тем, что не были созданы «ни плацдарм, ни коммуникации, ни тыловая база. Но был ли у Петра Великого выбор, когда на юге началась война?» — задает вопрос этот автор. Если бы царю пришлось затратить на эти приготовления хотя бы «как минимум год… [то] шведы наверняка оправились бы после Полтавы. Россия могла утратить плоды десятилетних усилий в Северной войне, всё пришлось бы начинать заново… Русская армия должна была… упредить турок на Дунае… на переправах нанести им поражение, затем вести войну, опираясь на массовую поддержку населения и местную тыловую базу. Исход кампании зависел… от того, кто захватит переправы через Дунай»[2].

---

1 Из оплошностей этого автора можно указать на такие: Турецкая армия не «тащилась черепашьим шагом на север», а двигалась оперативно навстречу русской. Неверно, что Балтаджи «ни за что бы не решился пойти на окружение Русской армии», если бы не воля Девлет Герая и настойчивость С. Понятовского. Русско-турецкий мир был подписан не 10, а 12 июля 1711 г. Карл не мог прискакать к месту сражения в 13 часов 12 июля, когда русская армия ещё оставалась там. Вопреки Григорьеву, турки выделили конвой для русских. *Григорьев Б. Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 402–408.

2 *Кутищев А. В.* «Итить с войском к Дунаю». Прутский поход — героическая трагическая страница российской истории // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 17–18. Вопреки автору, можно было бы выбрать разные операционные направления — например, на Керчь, Очаков, Крым, встретить противника на Днепре или Днестре. Военная сила Швеции так и не оправилась после 1709 г. Захват переправ на Дунае не гарантировал победы. «Поддержка» слабого молдавского и валашско-

Только недавно историки Северного Кавказа начали заполнять лакуну, связанную с военными действиями России в Прикубанье в начале XVIII в.[1]

К 300-летию Прутского похода была выпущена беспомощная, переполненная ошибками и неточностями популярная книжка Е. В. Беловой[2]. Пренебрежительно описал «фиаско на Пруте» и всю Северную войну В. А. Красиков[3].

«Холодная война» родила концепцию о том, что шведы, турки, крымцы и поляки вместе могли бы воспрепятствовать рождению «державного монстра России». Западногерманский историк О. Хайнц сокрушался — как 12 июля 1711 г. все они позволили уйти врагу, находящемуся в безвыходном положении?[4].

После уничтожения СССР эта идея оказалась востребованной «либеральными» и сепаратистскими историками РФ и лимитрофных республик. Доктор исторических наук В. Е. Возгрин создавший в советское время доброкачественный труд

го ополчения не спасла бы царя. Тот же автор писал, что Прутский поход «стал верстовым столбом на пути становления русской профессиональной армии… монументом неброского героизма русского солдата». *Кутищев А. В.* «…Повелеваем вам… походм поспешать безотлагательно…» К 300-летию Прутского похода.// Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 1 (35). С. 125.

[1] *Сокуров В. Н.* Освобождение Кабарды от крымско-турецкой зависимости (1670–1708) // Кавказские научные записки. 2011. № 1 (6); *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М., 2012.

[2] *Белова Е. В.* Прутский поход. Поражение на пути к победе? М., 2011. Из многих несуразностей можно указать одну: «драгуны молдавских полков». Содержат ошибки статьи «Прутский мир» и «Прутский поход» см.: Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 71–72 и Новая Российская энциклопедия. Т. 13 (2). М., 2014. С. 240–241. Буйной фантазией, незнанием исторических источников отличается роман: *Раскина Е., Кожемякин М.* Первая императрица России. Екатерина Прекрасная. М., 2013. Хорошее знание исторических реалий показал *Гордин Р. Р.* Жестокая конфузия царя Петра. Историческое повествование. М., 1996.

[3] Автор абсурдно пишет, что российская армия «за конец июня и июль потеряла убитыми, а также умершими от жары, жажды, недостатка продовольствия и болезней 27 285 человек». «Непомерно высокая цена успеха» в Северной войне составила 250 тысяч человек. *Красиков В. А.* Северная война или блицкриг по-русски. М., 2010. С. 81, 97, 98.

[4] *Heintz O.* König Karl XII von Schweden. Bd. 2. Berlin, 1958.

«Россия и европейские страны в годы Северной войны. (История дипломатических отношений в 1697–1710 гг.)». Л., 1986; превознёс Крымское ханство с его «40-тысячным войском», равным по боевой мощи турецким и русским силам и «не страшившееся даже австрийской армии». По мнению автора, ханы, в отличие от близоруких турок, торговавших интересами родины, самоотверженно боролись против экспансии России и могли якобы появиться даже в Северной Германии[1]. Возгрин принимает за истину заведомо тенденциозные источники и уверен, что весной 1709 г. (когда армия Карла XII была обессилена), был реален шведско-татарский поход на Москву (!) при содействии наследника Мазепы Ф. Орлика, который якобы «как полководец обладал чрезвычайно высоким авторитетом во всей Европе». «Талантливый» провидец и «политически несгибаемый» Девлет II Герай «к незаурядному политическому дару которого» прониклась уважением вся Европа, создал проект «многосторонней системы… единственно способной предотвратить… агрессию России на черноморском и балтийском направлениях в будущем»[2].

---

[1] *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; *Возгрин В. Е.* Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. (К 200-летию подписания Тильзитского договора). Материалы международной научной конференции. СПб., 2008. С. 61; *Возгрин В. Е.* Южный фронт российской внешней политики накануне и после Полтавы // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (К 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского) СПб., 2009.

[2] *Возгрин В. Е.* Военно-политический конфликт… С. 66. Потерю выхода России к Азовскому морю автор считает «смехотворной». Вот некоторые из ошибок Возгрина: воевода Киевского воеводства Речи Посполитой Ю. Потоцкий переведен в 1705 г. разряд «воеводы польского Киева» (Киев с 1667 г. был в составе России). «Крымско-татарская рать», собравшаяся помогать шведам, будто бы стояла на Днепре после Полтавской победы вплоть до августа 1709 г. (в таком случае непонятен её отказ от помощи генералу А. Л. Левенгаупту, капитулировавшему в Переволочне 30 июня 1709 г.). Молдавский господарь Кантемир, оказывается, воевал в 1711 г. на стороне татар! Петровские солдаты «не осмелившиеся» форсировать р. Прут, оказывается за Дунаем в Исакче «устроили страшную резню», хотя они там не появлялись. «Лукавый царедворец» Балтаджи, будто был умерщвлён по инициативе Девлет Герая (на самом деле тот умер своей смертью). О других «фантазиях» В. Е. Возгрина см.: *Цвиркун В. И.* Под сенью двух держав… С. 37–38.

Во всех бедах, в том числе и в «депортациях» 1711–1712 гг. украинского народа, винит Россию историография современной Украины[1].

Можно понять, как гордость за прошлое своей нации сопрягается с отторжением истории «чужой страны». Труднее уразуметь тех, кто топчет собственную историю. Казалось бы, вписываясь в антисоветизм после 1991 г., историки-конъюнктурщики будут «превозносить» Отечество, существовавшее до 1917 г., но под нож пошла вся русская история. И дело не только в «покаянии», «информационной войне» против России и якобы потере русским народом «государственного иммунитета». Номенклатура и интеллигенция после крушения СССР стала утверждать, что катастрофа конца XX в. вызвана историческим наследием и ущербным «цивилизационным кодом» русского народа. «Позорна и бесталанна» будто бы вся русская история, а все войны России бездарны. Концентрат яда вылил на Отечество плодовитый публицист А. М. Буровский, писавший, что для «агрессивного москальства, опасного для всего человечества», нужна «хорошая оккупационная армия — как в Германии 1945–1960 годов»; «результаты модернизации «проклятого императора» Петра I были меньше, чем при его отце, масштаб разрушений такой, что Мамай и Тохтамыш позавидовали бы. Сломано в сто раз больше, чем сделано, страна будет веками расхлебывать кашу, заваренную царём Антихристом»[2]. Питерский историк Е. В. Анисимов раньше допускал выражение, что он «ненавидит Петра I, потому, что тот построил полицейское государство». Реформы Петра I по его мнению привели «не к улучшению жизни общества, а к усилению власти государства, увеличению числа чиновников, налогов, повинностей, к росту его имперских аппетитов… крепостное право

[1] См.: *Крикун М.* Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років. (До питання про політику Петра I стосовно України // Україна модерна. Львів, 1996. № 1. С. 42–88; *Матях В. М.* Гетьман в еміграції Пилип Орлик: історико-історіографічний портрет політика // Український історичний журнал. Київ, 2001. № 4; *Чухлиб Т.* Скитание гетмана Мазепы // Родина. 2017. № 7.

[2] *Буровский А. М.* Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии. М., 2010. С. 55, 339, 355, 380–381.

и деспотическая власть остались прежними… почему для этого нужно проливать реки крови?»[1]

Новосибирский историк Д. О. Серов гипертрофировал виртуальную смуту и развал России после якобы неизбежной гибели Петра в Молдавии, не случись подкупа турецкого командования. Синоним «тенденциозности» в его понимании — патриотизм. Автор до предела заострил доводы советологов периода «холодной войны». Он заявил о полнейшей продовольственной неподготовленности похода *«на Босфор и Константинополь»* (!?). В сражении на Пруте эффективная оборона «обескровленными дивизиями» якобы полностью исключалась, а при прорыве они бы погибли. Как считает Серов, турки упустили грандиозный исторический шанс надломить Россию и существенно изменить на обозримое будущее геополитическую ситуацию в Восточной Европе. Петру I предстояла или смерть в бою или шествие «с петлей на шее улицами Константинополя, а будущей императрице Екатерине Алексеевне — оказаться среди султанских невольниц». Надежды на спасение не было ни для канцлера Г. И. Головкина, ни для фельдмаршала Б. П. Шереметева, ни военачальников Я. В. Брюса, М. М. Голицына, В. В. Долгорукова, П. И. Ягужинского, А. М. Девиера, секретаря А. В. Макарова, а также будущих генерал-прокурора Сената Е. И. Пашкова, кабинет-министра А. П. Волынского, историка В. Н. Татищева, вице-канцлера А. И. Остермана, российского посла в Стокгольме М. П. Бестужева-Рюмина. Серов подробно описал перспективу России после гибели армии в 1711 г. Разорённую налогами и лихоимством страну якобы ждала катастрофа. В условиях «всенародного разорения» и новых военных поражений Россию захлестнул бы потоп преступности. Меншиков упрятал бы Алексея Петровича в Соловецкий монастырь или к себе в Раненбург, но за царевича вступилась бы старая родовитая аристократия. В схватке за престол неизбежно всплыли бы самозванцы Лжепетры, Лжеалексеи, отвалилась бы Малороссия, «не открылась бы в 1725 г. Академия наук, не возникла бы в 1718 г. зловещая Тайная канцелярия». «Петербург стал бы одной из шведских крепостей, Курск, Воронеж, Смоленск и Новгород — пограничными городами».

[1] *Анисимов Е. В.* Пётр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. С. 4.

«Многое, очень многое сложилось бы иначе в нашей истории, если бы… не двинулся в сторону турецких окопов барон Пётр Павлович Шафиров»[1].

Певцом донского казачьего сепаратизма выступает историк казачества Д. В. Сень[2].

Суммируя литературу, посвящённую Турецко-русской войне 1710–1713 гг., можно сказать, что отечественная и западная историография не рассматривала события 1712–1713 гг., последовавшие вслед за катастрофой на Пруте. Не привлекала внимания и напряжённость в отношениях с Османской империей вплоть до 1714 гг., когда была проведена демаркация границ в Причерноморье. Слабо освещались военные действия русских, калмыков и адыгов в Прикубанье.

Причины провала Дунайского похода 1711 г. отечественная историография сводила и до сих пор сводит к погоде и нехватке провианта. Такая концепция восходила к установке Петра I, который указал своим соратникам в качестве причин поражения выставить невыносимую жару, безводье, изнурение конницы, отсутствие продовольствия и фуража. До 1905 г. историки предпочитали не критиковать царей, советская же историография при описании войны 1710–1713 гг. следовала концепциям, наработанным до 1917 г. На самом деле армия полтавских ветеранов, разгромившая в 1709 г. лучшую военную силу Европы и мира, не потерпела в 1711 г. поражения. Тяжелый Прутский мир 1711 г. стал следствием психологического слома главнокомандующего — царя Петра.

Изолированно и выборочно рассматривался русской и сербской историографией антиосманский «западно-балкан-

---

1 *Серов Д. О.* Прутский поход 1711 г.: аспекты несостоявшейся катастрофы // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Сборник материалов Всероссийской научной конференции. СПб., 2002. Вып. 2. С. 44–51; его же. Администрация Петра I. М., 2008. С. 94–97.

2 *Сень Д. В.* «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно…». Из истории начального этапа освоения дорнским казачеством Северного Кавказа в конце XVII — начале XVII в. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37). С. 10–25; *Сень Д. В.* Миграция некрасовских казаков на земли Причерноморья: практика и тенденции начального этапа (до 1712 г.). Проблемы адаптации // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 18–20 вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011.

ский фронт» в 1711–1714 гг., который в определённой мере облегчил противоборство Петра I с Портой.

Никто из историков не затрагивал вопрос и о русско-крымском диалоге в начале XVIII века. Документальные источники, как неопубликованные, так и выпущенные в свет, помогают дать новое освещение перипетиям войны царя Петра I с османским соседом.

* * *

Основная источниковая база, касающаяся Турецко-русской войны 1710–1713 гг. издавалась ещё в XVIII–XIX вв. Богатый актовый материал можно найти в изданиях: Письма Петра Великого, писанные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников. М., 1774; Походные и путевые журналы императора Петра I за 1711 г. СПб., 1854; Переписка и бумаги графа Б. П. Шереметева. СПб., 1879; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого СПб., 1880. Т.1; Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. СПб.,1898.

Каждодневную политику Петербурга в 1708–1711 гг. освещал посланник при русском дворе Ч. Витворт[1].

Драгоценные свидетельства отечественной истории, напрямую касающиеся войны с Турцией, опубликовали в своё время сотрудники Института истории АН СССР Я. Е. Водарский, А. П. Глаголева, Е. П. Подъяпольская, Т. С. Майкова в фундаментальном издании: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962/1964. Т. 11. Вып. 1–2; В. А. Артамонов, С. Ю. Королева, Е. А. Швецова (РГАДА). М., 1975/1977. Т. 12. Вып. 1–2; В. А. Артамонов, Л. К. Бажанова, Г. А. Санин, Д. А. Ширина, Т. Д. Лавренцова, (РГАДА); Т. А. Лаптева М., 1992/2003. Т. 13. Вып. 1–2.

Большую ценность представляют статейные списки и донесения послов, касающиеся русско-турецких отношений пер-

[1] Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50.

вых десятилетий XVIII в., такие как: Русский посол в Стамбуле. (Пётр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века). М., 1985; [Тальман И. М.] Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977. [Sutton R.] The dispatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1710–1714). L., 1953. Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. Hallart L. N Dagbok förd under Ryssarnes fälttåg vid Prut I Juni-15 August n. st. 1711 // Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1913. Bd. 9; [Lagerberg S.] Acter, rörande öfferste lieutenanten Sven Lagerbergs beskickningar ifrån Bender till Tartar Chan // Handlingar, hörande till Konung Carl XII:s historia Sthlm.,1820. Delen II; [Lagerberg S.] Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartar-Chan Dowlet-Gherey 1710–1711. Göteborg, 1896; [Моро де Бразе]. Записки бригадира Моро де Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1965. Т. 8; La Motrey A. de. Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Vol. 2. A la Haye, 1727.

Немало новых источников вышло в свет и в XXI в.

Несколько лет вела кропотливую работу по подведению разночтений к разным вариантам официозного труда «Гистория Свейской Войны» неутомимый труженик Института истории СССР Т. С. Майкова (1918–1991). (Предыдущие две части «Гистории», выпущенные в свет в Петербурге князем М. М. Щербатовым (1733–1790) под названием «Журнал, или Поденная записка… Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира» в 1770–1772 , не было научным) После долгих мытарств труд Майковой был издан в 2004 г.[1] Редакторская работа Петра I и его «птенцов» над «Гисторией Свейской войны» ради прославления русского оружия и самого императора началась после 1715 г. и продолжалась до его смерти. Фактический материал 1700–1721 гг. в этом труде давался выборочно и зачастую с пропусками важных эпизодов. Препарированное описание Дунайского похода в значительной мере противоречит актовым документам того времени[2].

[1] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1–2.

[2] Т. С. Майкова, считая царя «первым русским историком», приняла редакторскую правку Петра за углублённый анализ кампании 1711 г.

В 1782 и в 1784 гг. на английском и немецком языках публиковались воспоминания за 1704–1745 гг. о путешествиях от Германии до России и Вест-Индии двоюродного племянника генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса Питера Генри Брюса (1692–1757). Перевод его истории Прутского похода 1711 г. с малоизвестными подробностями в 2006 г. издал С. В. Ефимов[1].

Событием в науке стал выпуск в 2011 г. Т. А. Базаровой и Ю. Б. Фоминой трёхтомной публикации писем и бумаг русских государственных деятелей, отложвшихся в делах вице-канцлера П. П. Шафирова (1669–1739)[2]. Наиболее ценной для нашей темы является часть первая, в которой опубликованы документы Походной канцелярии А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, а также бумаги И. С. Мазепы, А. А. Вейде и др. за 1706–1713 гг., хранящиеся в Научно-историческом архиве Петербургского института истории РАН. В 2016 г. Т. А. Базарова выпустила огромный труд с комментариями — Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. СПб., 2016.

Хорошим подспорьем для военных историков является издание: Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов. Составитель К. В. Татарников. М., 2010. Т. 1–2. Тот же К. В. Татарников издал огромный сборник: Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов в 2-х томах. М., 2015. На первый взгляд эти послужные списки выглядят лаконичными, но будущая компьютерная обработка позволит получить ценнейшую информацию об участии Русской армии Северной и Турецко-русской войне.

Майкова Т. С. Пётр и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ Петра М., 1973. С. 113, 131.

[1] *Ефимов С. В.* Новый источник по истории Прутского похода 1711 года // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–17 сентября 2006 года. Секция «Военная история России: опыт современного изучения». СПб., 2006. На нем. яз. см.: [*Bruce P. H.*]. Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, Tartarey, Turkey, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Russland. Leipzig, 1784.

[2] Походная канцелярия Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. СПб., 2011.

Не вводились ранее в оборот донесения австрийских дипломатов из России, фотокопии и машинописные изложения документов на немецком языке из фонда «Россия» Венского государственного архива (Haus- Hof- und Staatsarchiv). Они были скопированы в период советской оккупации Австрии и хранятся в РГАДА в фонде 32 «Сношения России с Австрией». Необычайно важны для отечественной истории инструкции высших чинов монархии Габсбургов своим послам и резидентам в России, Западной и Центральной Европе, а также донесения австрийских дипломатов из Лондона, Берлина, Гамбурга, Москвы, Петербурга и др. Наиболее важные материалы изложены полистно и подробно, иногда с дословным цитированием, менее важные — вкратце.

Крайне содержательны инструкции послу в России с 1709 г. барону чешского происхождения Г. В. Велчку (1665–1730), переговоры об оборонительном австро-русском союзе, о работе католической миссии в России, о лечении Петра Великого в Карлсбаде, о царских торжествах, торговле и др. Посланцы императора подробно описывали политические события в России, записывали реплики Петра I и уточняли рассказы участников войны 1710–1713 гг.

Богатейшие архивы РГАДА, Санкт-Петербургского Института истории РАН и Польского Главного архива древних актов (AGAD) позволяют раскрыть новые моменты отечественной истории, относящиеся к турецко-русскому конфликту. Само собой разумеется, что не всем архивным документам можно деверять в равной мере. В переписках должностных лиц встречаются фантазии, сознательное введение в заблуждение адресатов, похвальба и нелепые слухи.

ГЛАВА I

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СТОРОН

1.1. ПЛАНЫ ПОРТЫ

В начале XVIII в. Османская империя оставалась великой евразийско-африканской державой с огромным финансовым потенциалом, централизованным войском и населением около 25 млн человек. Расстояние от османских границ в Алжире на западе до Ирана на востоке составляло около 4500 км, от Молдавии на севере до Хиджаза на юге — более 3000 км, от Боснии до Месопотамии почти столько же. Стамбул с населением до 700 тысяч человек был таким же центром международной политики, как Гаага, Лондон, Вена и Париж.

Наступательная сила турок была сломлена после битвы под Веной в 1683 г. Европейского военного искусства османы не знали и поддерживали оборону не военной техникой и профессионалами военного дела, а громадным нерегулярным войском. В 1703–1704 гг. численность армии и флота Османской империи составляла 196 227 человек В 1716 г. только на Босфоре стояло до трёх десятков 60–100-пушечных линейных кораблей, на содержание которых расходовалось 7 млн пиастров в год.

Называть 1700–1710 гг. периодом «внешнеполитического нейтралитета» Турции[1] вряд ли верно. От соперничества с османами отошли Испания и Речь Посполитая. Турки всерьёз опасались Габсбургов, резко усиливших свою мощь и военную славу после победы в Турецкой войне 1683–1699 г., но пренебре-

[1] *Орешкова С. Ф.* Османская империя и европейские международные отношения начала XVIII в. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишинёвского compозиума 1973 г.) Кишинёв, 1973. С. 192.

гали слабейшими звеньями бывшей Священной Лиги — «Венецейской» и Польской республиками, которые боялись турецкого реванша. Обновляемую Петром I Россию Пресветлая Порта не считала полноценной великой державой. «Поворотное движение в петровской России игонорировалось»[1]. Все противники турок в 1710–1711 гг. исподтишка надеялись «спихнуть» османскую агрессию в сторону соседа. Когда Габсбурги завязли в войне за Испанское наследство (1701–1714), а в Венгрии в 1703 г. вспыхнула антиавстрийская Освободительная война Ференца II Ракоци, Вену очень беспокоила османская мощь.

В первом десятилетии XVIII в. ни Турции, ни России война была не нужна. Все внимание Петра Великого было приковано к Балтике. С 1700 г. он стремился любой ценой (даже сожжением части Азовского флота в 1709 г.) избежать конфликта с Турцией[2]. Военные приоритеты османов были на Балканах и на иранском направлении, а Восточная Европа оставалась на периферии их интересов. За Швецию «вечный салтанский дом и крепчайший Оттоманский род» воевать не собирался. Азов был первым турецким городом, который завоевала Россия в 1696 г., но эта утрата казалась мелкой в сравнении с потерями, которые нанесли Габсбурги в Венгрии и Трансильвании, и Венеция в Пелопоннесе. Оттуда ежегодно в турецкую казну поступали большие доходы[3]. Вот почему турки не использовали поход Карла XII на Москву в 1708 г. для отвоевания Азова.

После поражения в войне 1683–1699 гг. со «Священной Лигой» Порте приходилось заботиться не столько о расширении владений, сколько об обороне. Над ней витал призрак тяжёлых неудач при Хотине 1673 г., Вене и Парканах 1683 г., Буде 1686 г., Мохаче 1687 г., Белграде 1688 г., Сланкамене 1691 г., Азове 1696 г. и Зенте 1697 г. С мегаломанией было покончено. Превосходство европейской тактики и оружия удерживали

---

[1] *Шеремет В. И.* «Мужикистан» и «Туретчина» // Родина. 1998. № 5–6. С. 19.

[2] «Война против воли» — так назвал Турецко-русскую войну 1710–1713 гг. западногерманский историк Р. Виттрам. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1962. Bd. 1. S. 362. За день до Полтавской битвы, 26 июня 1709 г., Пётр I предлагал подтвердить русско-турецкий мир.

[3] *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 260.

османов от реванша. Вместе с тем Порта была не против нового появления Карла XII на польской сцене.

Перемирием 1700 г. границы между Османской империей и Россией не были отмечены на местности. Только в 1704 г. азовский губернатор И. А. Толстой и Хасан-паша провели демаркацию границы к югу от Азова на расстоянии в 10 часов верховой езды (примерно на 100–120 км) каменно-земляными курганами (на русской стороне со столбами, на торце которых был укреплён кованый железный крест). В октябре 1705 г. думный дьяк Е. И. Украинцев и «капитан рек Дуная, Днепра и Чёрного моря эфенди Коч-Мегмет» «крепко и нерушимо» утвердили новую русско-турецкую границу от польских рубежей до Днепра[1].

Главным противником Российского царства на юге было Крымское ханство, против которого усиливалось крепостное строительство. В устье левобережного притока Днепра (до начала порогов), на правом берегу р. Самары с 1688 г. стояла дерево-земляная, площадью 10,6 га, крепость Новобогородицкая («Самара»). Вокруг неё был отсыпан пятиугольный с бастионами ретраншемент периметром 3200 м, рвами глубиной 2,3 сажени[2] и валами в 1,7 сажени. Ширина рвов и валов была около 22,4 м. (Замеры 1736–1739 гг.; после кампании 1711 г. рвы частично засыпали.) В 1709 г. крепость защищали 734 солдат, 34 пушки средних и малых калибров и две мортиры. Площадь посада составляла 47,8 га[3].

На левом берегу Днепра несколько выше Чертомлыцкой Сечи, существовавшей в 1652–1709 гг., в 1704 г. появилась сильная крепость Каменный Затон[4].

В верховьях р. Самара скромная, дерево-земляная, квадратная в плане с четырьмя бастионами и двумя воротами

---

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 11, 12.

[2] Сажень равна 2,13 метра. — *Примеч. ред.*

[3] РГАДА. Каб. ПВ., Отд. 2. Кн. 10. Л. 491; Хроника 2000. Дніпропетровські виміри історичної долі. Дніпропетровськ, 2008. В. 73. С. 127–128. В 1730-х гг. Новобогородицкая была восстановлена под названием Старосамарского ретраншемента. *Малов О. В., Векленко В. О., Векленко А. В.* Картографічні джерела до історії Богородицкої фортеці — Старосамарського ретраншементу. // Фронтири міста. Історико-культуролог ічний альманах. Дніпропетровськ, 2012. № 1. С. 117–131.

[4] В 1709 г. там находилось 1727 солдат 67 пушек и пять мортир. Четыре пушки были калибром в 12 фунтов, а одна даже 14 фунтов. РГАДА. Каб. ПВ., Отд. 2. Кн. 10. Л. 487–493.

Новосергиевская крепостца контролировала брод «Вольный». Она была построена за три недели 18 июля 1689 г. Там, кроме роты солдат, находилось 798 «черкас». Боеприпасов особых не было, кроме 4500 патронов в сумах солдат. Длина её валов по периметру была всего 811 м, ров шириной 10,8 м, глубиной 6,5 м; земляной окоп вокруг посада — 1296 м[1].

Крупными крепостями на Украине были Белая Церковь, построенная поляками в 1664–1665 гг. для усмирения казачьих бунтов, Киево-Печерский монастырь, Полтава и Харьков. Воронежское Адмиралтейство азовского генерал-губернатора (с июня 1710 г.), тайного советника, президента Адмиралтейства, генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина управляло воронежскими верфями и заводами, а также мощными твердынями — Таганрогом и Азовом. Изюмская засечная черта, построенная в 1677–1681 гг., для прикрытия Слободской Украины, оказалась в тылу, но ещё имела стратегическое значение. Ханы Крыма считали, что Таганрог и стоявший в 120 верстах[2] от Перекопа Каменный Затон воздвигнуты на землях Крымского ханства.

Посол П. А. Толстой из Стамбула писал, что турки почитают царя за «великосилного», но народ российский якобы «не имеет искусства в художестве воинском», что из-за взаимной удалённости ни Россия, ни Турция не могут нанести друг другу вреда. С 1703 г. они настаивали на ликвидации Азовского флота и Каменного Затона. Толстой оповещал, что турки способны мобилизовать войска из дальних провинций не ранее полугода, что янычары склонны к бунтам, султан запустил государственные и военные дела, османские чины радеют только об обогащении, казна расхищается[3].

«Заместитель Бога и Пророка», халиф всех мусульман, «румский» (римский) кесарь», алчный, угрюмый, жестокий

---

[1] *Філімонов Д.* Новосергіївська фортеця: маловідома пам'ятка Присамар'я кінця XVII — XVIII століть // Нові дослідження пам'яток козацької доби України. Збірник наукових праць. Вип. 21. Ч. 2. Київ, 2012.; *Мільчев В. І.* Сергіївська фортеця на землях Запорозької Січі (1689–1711) // Twierdze Osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej stuki wojskowej. Oswięcim, 2016. S. 164–175.

[2] Верста равна 1,07 километра. — *Примеч. ред.*

[3] Русский посол в Стамбуле. (Пётр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века). М., 1985. С. 38, 44–45, 47–48, 49–50, 134.

и подозрительный падишах Ахмед III (1703–1730) «сильнейшее и державнейшее его императорское салтаново величество» (такой титул давался ему в русских грамотах) поначалу не планировал реванша ни против России, ни Габсбургов. Он признавал, «что никому не люб, но все его ненавидят». Верховный везир (в русских источниках — «верховный», «большой», «крайней», «первенствующий управитель») Али-паша Чорлулу стремился упорядочить финансы и усилить войско и флот. В сентябре 1709 г. именно он добивался подтверждения 30-летнего перемирия 1700 г. и даже заключения «вечного мира» с Россией, из-за чего стал личным врагом Карла XII. Везир хотел отправить Карла XII в Польшу с эскортом всего в 500 турок, причём до шведских владений должны сопровождать его русские офицеры. (Беглец-король добивался конвоя в размере его «дополтавской» армии — не менее 30 тысяч сипахов и 20 тысяч янычар)[1]. Карл XII не сомневался, что поднимет все силы ислама для отпора «русскому наступлению на Чёрное море и проливы», после чего русские уйдут из шведской Померании. В августе 1709 г. он предлагал Порте заключить оборонительный и наступательный союз против России[2]. Для разжигания конфликта с Россией, Карл XII приказал отряду подполковника лейб-гвардии А. Юлленкрука подняться к польской границе, на самый север Молдавии — к Черновцам, где стояли русские войска[3].

3 января 1710 г. Порта подтвердила мир с Россией, предоставив ей свободу рук на Балтике и намереваясь отправить Карла XII в его владения через Германию. Нового хана Девлет II Герая Порта послала в Крым с приказом сохранять мир с русскими[4].

Это было большим успехом посла П. А. Толстого, который на первой ауенции у султана преподнес дар в 25 тысяч талеров. Он, как и другие послы, не жалел золота для подкупа должностных лиц Порты. Ради мира посольству в Царьграде

[1] *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1831. Bd. 7. C. 141.

[2] Ibid. S. 140.

[3] Драгуны бригадира Г. Кропотова в сентябре 1709 г. вторглись в «османскую» Буковину и Черновцы и пленили 554 шведов во главе Юлленкруком. ППВ. Т. 9/2. № 3452.

[4] *Kantemir D.* Geschichte des Osmanischen Reichs…S. 759.

из царской казны выделялись ежегодно огромные средства. Для подарков турецким чинам посылалось на 10 тысяч руб. соболей, для тайных оплат осведомителей и турецких чиновников 5500 золотых червонных (около 10 тысяч руб.), — всего около 25 тысяч руб. (В европейские центры международной политики посылалось в пять раз меньше: в Гаагу А. А. Матвееву — 5265 руб., и Б. И. Куракину в Лондон — 4477 руб.)[1].

В начале XVIII в. П. А. Толстой писал, что в казну султана поступала в лучшем случае треть собираемых с населения денег, прочие растекались по карманам чиновников, которые даже не стремились установить точные цифры доходов и расходов, «...понеже в том, или искуства добраго не имеют, или не радят, не хотя трудитися, или умышлением о том не берегут, дабы способнее могут красть и росхищать казну народную».

6 февраля 1710 г. молебном и праздничной канонадой отметила Москва подтверждение перемирия с Портой. Мир на юге позволил блестяще закончить «остзейскую кампанию» — взять Ригу, Выборг, Ревель, Кексгольм и окончательно завоевать Восточную Прибалтику. Однако Карл XII, осевший в Молдавии, сумел перекинуть раскалённые угли Северной войны в Юго-Восточную Европу[2]. 15 июня 1710 г. благодаря интригам агента шведского короля — генерала шведской службы С. Понятовского[3], Али-паша Чорлулу был сменён шведофилом Нуман-пашой Кепрюлю.

Польско-литовская республика в то время была под военным контролем России и Нуман-паша, более известный учёностью, чем военным делом, решил превратить проезд Карла XII в военную демонстрацию с турецким конвоем в 40 ты-

---

1 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 392–395.

2 Контакты со шведами Порта начала 10 лет назад, когда отправила поздравление султана Мустафы II шведскому королю после победы под Нарвой. 27 ноября 1707 г. Карл встречался с турецким посольством под Торном, но был настолько уверен в своей силе, что вместо того, чтобы поднять Порту против России, велел канцлеру К. Пиперу в декабре 1707 г. отправить в Бендеры всего-навсего письмо об установлении торговли с османскими подданными и защите шведских торговцев от «варваров-татар». *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender. En studie I Karl XII:s turkiska politik 1709–1713. Lund, 1953. S. 5–7.

3 Жена С. Понятовского содержалась в русском плену. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 24. Л. 276.

сяч войск. Царь известил султана 17 июля 1710 г., что это было бы нарушением мира.

В начале августа 1710 г. П. А. Толстой через французского посла П. П. Дезальера передал для Карла XII заверения о том, что Пётр I искренно желает мира и что он, П. А. Толстой, уполномочен начать переговоры о возвращении «домой» шведского короля, который должен назначить место и представителя для переговоров, причём царь готов принять посредничество Франции. К переговорам можно подключить и Речь Посполитую, но они должны проходить втайне от Турции, Австрии и её союзников[1].

Конечно, это было утопией, Франция стремилась сколотить антиавстрийский «Восточный барьер» из Швеции, Речи Посполитой и Турции. 18 октября 1710 г. Пётр I предлагал Ахмеду III сохранить мир. 6 ноября 1710 г. посол Б. И. Куракин должен был склонить Англию к посредничеству в заключении мира России со Швецией.

Турецкая дипломатия в то время отставала от европейской. «Турки никаких интересов христианских и состояния дел и положения земель почитай, что не знают» — писал, основываясь на своём опыте, П. П. Шафиров. Однако на Босфоре верно поняли смену декораций в Причерноморье: русские, прежде не знакомые с морским делом, строят на Дону большой флот и гавань в Таганроге. Султан высказывался так: «Этот враг не сдержан в своих непомерных планах. Из его деяний я ясно вижу, что царь стремится к господству над миром. Этот неверный должен быть остановлен, прежде чем навредит нам. Если не обратить внимания на его поступки, то, когда мы будем вовлечены в войну с другими народами, он доставит нам много неприятностей»[2].

---

[1] П. П. Дезальер — Г. Г. Мюллерну 15 августа 1710 г. н. ст. *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 82.

[2] Верховный везир Нуман-паша Кёпрюлю запрашивал П. А. Толстого, зачем царь строит так много кораблей на Дону. Ведь если он хочет мира, то новый флот не нужен. Толстой отвечал, что идёт достройка давно заложенных кораблей и государь не предпримет никаких враждебных действий при существующем перемирии. *Kantemir D.* K. Geschichte des Osmanischen Reichs nach seinem Anwachse und Abnehmen, beschrieben von Demetrie Kantemir… Hamburg, 1745. С. 762–763.

Французская и шведская дипломатия уверили Порту в «неудержимом экспансионизме» России, которая, окончательно завладев Польшей, продиктует всё, что захочет ослабленной Швеции, введёт флот в Чёрное (внутреннее османское) море и запалит войну на Балканах ради возрождения «Ориентального цесарства» (православной Греко-византийской империи). Действительно, мысль Петра I обращалась к истории Византии. В записной книжке, возможно, в феврале 1711 г., он отметил: «258 лет назад взят Царьгород». В Москве ещё в конце XVII в. ходило пророчество, что «Царьгород будет взят от русских»[1]. Крымский хан предупреждал об опасных связях царя с «христианской райей» и угрозе захвата Румелии[2].

С. Понятовский переслал султану отпечатанную в Амстердаме провокационную листовку с портретом царя и надписью «Petrus Primus Russo-Graecorum Monarcha»[3]. Хотя в отечественных источниках нет сведений об утверждения власти царя к югу от Дуная, но противникам России нельзя отказать в предвидении — всего через семь десятков лет Петербург замыслил расчленение Османской империи и восстановление православной Византии[4]. Порта стала опасаться, что на её границах от Балкан до Азова нависнет враждебная сила с перспективой вмешательства в дела христиан[5].

Не в кризисный 1708 год, когда Карл XII шёл на Москву, а в годовщину побед русского оружия в Прибалтике, Стамбул

---

1 *Богословский М. М.* Пётр I. Материалы для биографии. Т. 2. М., 1941. С. 203–204.

2 *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches…. Bd. 7. C. 149.

3 *Kantemir D.* K. Geschichte des Osmanischen Reichs… S. 761.

4 На «греческий проект» Г. А. Потёмкина, некоторое время ориентировалась политика Российской империи. Маркова О. П. О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России. Сб. статей. М., 1986. С. 5–46. *Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потёмкина. М., 2000; *Елисеева О. И.* Геополитические проекты царствования Екатерины II // Российская империя от истоков до начала 19 века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 755–757.

5 В августе 1704 г. крымский хан переслал в Стамбул письмо от прошведской Варшавской конфедерации о том, что царь стремится поглотить Польшу и Литву и после вторжения в Подолию молдаване, валахи и другие турецкие христиане выступят за царя и тот овладеет землями от Днестра до Дуная. *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения… С. 264.

решил отбросить Российское царство от своих северных рубежей. В разжигании Турецко-русской войны особенно активны были шведы, чтобы снять русский натиск на Балтике, Крымское ханство, северные границы которого сдавливала Россия, польская оппозиция во главе с экс-королём Станиславом Лещинским и запорожская вольница, подминаемая русским абсолютизмом.

В пропаганду Высокой Порты, крымского хана, шведского короля и Лещинского закладывался «благородный» лозунг «освобождения» Польши и Украины. Опасаясь Русской армии после Полтавской победы, османы надеялись на прорыв шведского корпуса из Померании в Польшу, где вспыхнет «настоящая революция»[1]. Наступать на Киев и вторгаться в Польшу вплоть до Силезии, чего опасались тогда в Европе[2], турки не собирались.

26 сентября 1710 г., верховным везиром был назначен Мехмед-паша Балтаджи. Ко двору султана ловкий царедворец попал в период, когда Ахмед III в первые 8–10 лет своего правления казнил много людей[3]. Прозвище «Балтаджи», он получил по службе в корпусе стражников гарема. По характеру Мехмед-паша был снисходителен, приветлив, пуглив, пользовался популярностью в народе, доверием Ахмеда III и его матери (валиде султан) Гюльнуш Эметуллах Рабии.

В первый раз верховным правителем империи он был назначен в декабре 1704 г. На государственном поприще он избегал риска, интриговал среди сановников, ставил на хлебные места свои креатуры, благодаря чему раздул своё состояние. Коринфский грек Иерусалимский патриарх Досифей Нотару, намекая на педерастию, язвил о нем: «Это человек молодой, ничтожный и весьма непотребный». В апреле 1706 г. Балтаджи помогал заключить торговый русско-турецкий договор. В мае 1706 г. он был отправлен отставку в качестве вали (бейлербеем, губернатором) Алеппо в Сирию. В 1710 г. он не хотел разрыва с Россией.

---

[1] Г. В. Велчек из Петербурга 4 января 1711 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 66.

[2] Ч. Уитворт — С. Джону 26 мая 1711 г. из Берлина Сб. РИО. Т. 50. С. 440.

[3] *Арунова М. Р., Орешкова С. Ф.* Османская империя в начале 18 в. и её описание П. А. Толстым // Толстой П. А. Русский посол в Стамбуле… С. 20. За время правления этот султан восемь раз менял ханов в Бахчисарае.

7 (18) ноября 1710 г., при подстрекательстве «зложелателей» П. П. Дезальера, С. Понятовского, Девлет II Герая и Ю. Потоцкого, «метавшихся всюду денно и ночно как бешеные собаки» (таковым было живописание Шафирова), шейх-уль-ислам объвил фетву (воззвание) о войне с Россией. Хану выдали соболиную шубу на красном бархате, такую же шапку, саблю, колчан и коня с чепраком. 9 (20) ноября 1710 г. после зачтения манифеста на большом совете улемов, войсковых чинов, везирей, в присутствии Ахмеда III, война была официально объявлена.

Россия обвинялась в вероломном нарушении договоров, постройке крепостей Каменного Затона («в 12 часах езды от Перекопа»), «Самары» (Новобогородицкой), Таганрога; в захвате шведов у Черновиц при переходе границ Молдавии и у Южного Буга; подчинение запорожцев и малороссийских казаков; захват украинских земель между Южным Бугом и Днепром[1], которые Порта уступила Польше. Упоминалось о вторжении калмыков в крымские владения, где те разорили две деревни, угнали скот и убили 20 мусульман и о размещении гарнизонов в Польше под предлогом её защиты.

Тут же были составлены приказы о мобилизации 30 тысяч янычар, 10 тысяч джебеджи (оружейников), 7 тысяч топчи (пушкарей) и снаряжении флота для похода в Азовское море. Вместо Николая Маврокордато молдавским господарем был назначен Дмитрий Кантемир[2]. 10 ноября 1710 г. перед тем, как его бросили в подземелье Семибашенного замка (Йеди-куле) П. А. Толстой набросал: «Наскоро доношу, что турки по многим советам утвердили короля швецкого ныне отпустить вскоре с многими татары чрез Польшу насилием и войну с нами начать ныне чрез татар, а весною всеми турецкими силами, понеже во всё своё государство указы разослали вчерась, чтобы рати все конные и пешие сбирались в Бендер, так азиатские, как и румельские в апреле. И вскоре пойдёт султан во Ад-

---

[1] Порта признавала русские границы исключительно по Днепру и р. Самаре.

[2] *La Motrey A. de.* Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Vol. 2. A la Haye, 1727. P. 2. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches… Bd. 7. S. 150. Указ султана Ахмеда III 9 ноябра 1710 г. о начинающейся войне между Турцией и Россией см.: *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 342–344

рианополь, а везирь пойдёт в Бендер и хан крымской пойдёт в Крым через Бендер. А всё сие учинилось от хана крымского, понеже возмутил народ и всем народом возбудились к войне»[1].

России выставили ультиматум — вернуть Азов и Таганрог, разорить крепости, построенные на пограничье с Крымским ханством, отдать все завоеванные земли шведам, ликвидировать Петербург, вывести русский флот из Приазовья к Воронежским верфям, разорвать союз с Августом II, удалить войска из Речи Посполитой и признать «антикороля» Лещинского. Вдоль северных границ Молдавии были выставлены турецкие заставы, чтобы предотвратить выезд христиан на службу царя[2].

В 1710–1713 гг. Порта не допустила образования антитурецкого фронта, как было в 1683–1698 гг. Из нескольких возможностей — заключение союза со Швецией, объявление войны Августу II (Саксонии) или Речи Посполитой и локализация войны только с Россией — Порта выбрала последнее, чтобы не возродить «Священную лигу». В апреле 1711 г. посланец Порты известил Евгения Савойского о соблюдении Карловицкого договора 1699 г. с Австрией и Польшей, о нейтралитете по отношению к восстанию Ференца II Ракоци и о войне только с одной Россией[3].

Османы понимали тяжесть войны на «обширных пустынных провинциях» Причерноморья и ни в 1711, ни в 1712–1713 гг. не планировали идти через земли Речи Посполитой к Киеву или Чигирину.

С ноября 1710 г. Порта готовила такую же армию, как под Вену в 1683 г. — «столько же личного состава, артиллерии, оружия, провианта и фуража, как тогда»[4]. Предполагалось, что

---

[1] *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения… С. 271.

[2] *Цвиркун В. И.* Молдавские формирования … С. 57.

[3] Габсбурги в условиях войны за Испанское наследство не собирались помогать России против турок, Принц Евгений Савойский 4 (15) апреля 1711 г. написал Мехмеду Балтаджи, что Вена хочет дружбы с Портой. Царь желает австрийского посредничества и если Высокая Порта и Карл XII согласятся на него, то император возмёт на себя это дело. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII, roi de Suéde. T. 2. A la Haye, 1748. P. 485; *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches…S. 152; *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender…S. 101.

[4] Так заверили австрийского посланника в Стамбуле И. М. фон Тальмана. См. его донесение от 27 ноября 1710 г. н. ст. [*Тальман И. Г.*] Турция

5000 «обозников» молдаван и 10 000 валахов пойдут к Бендерам. (В османской армии молдаванам и валахам, как христианам, доверялась только вспомогательная служба — они обеспечивали транспортировку амуниции, провианта и ремонт дорог.)[1] При случае аскеры грабили и избивали их. Новому молдавскому господарю Кантемиру было предписано избегать всего, что могло бы дать повод к войне с Речью Посполитой. К турецко-татарской армии собирались присоединиться поляки и запорожцы[2].

1.2. БАХЧИСАРАЙ И «КАРЛОПОЛИС» ПЕРЕД ВОЙНОЙ

В составе Османской империи военно-феодальное Крымское ханство, державшее под угрозой набегов земли вплоть до Воронежа, Львова и Вены, было самостоятельным государственным образованием. В конце XVI — первой половине XVII вв. Крым достиг максимального веса в международных отношениях. В начале XVIII в. население Крыма, возможно, составляло 250–300 тысяч человек. Его военная сила учитывалась в Варшаве, Москве, Стамбуле, Кёнигсберге, Стокгольме, Вене и Исфагане. Династия Гераев, возводивших себя к Чингисхану, уважалась в Турции. При смене властителей Крыма их не казнили, как османских верховных везиров. (Во время

накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 85. Под Веной янычары, спахи, гвардия великого везира, артиллерийские и инженерные части насчитывали до 50 тысяч человек, крымские татары 15–20 тысяч, войска с подвластных земель — 110 тысяч, всего возможно, 175 тысяч). Тальман сообщал, что сформированная «по-европейски» турецкая армия будет под командой Карла XII. По характеристике П. П. Шафирова Тальман — «человек зело злой и к стороне неприятельской зело склонной», «цесарской посланник и прост и бездельник и Царского Величества интересу всегда противен».

[1] С весны 1711 г. валахи и молдаване наводили для турок стратегические мосты у Исакчи через Дунай. Закончены они были в конце мая. Опасаясь диверсий молдаван или валахов, или неожиданного рейда русского корволанта («летучего корпуса»), мосты охранялись на левом берегу турецкой стражей. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 24.

[2] Правда, среди запорожцев «происходила противность: пехота хотят принести повинную Государю, а конница не хотят». Вести из Запорожья в ноябре 1710 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 216; *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 85.

низвержения султана Мустафы II в 1703 г. всплыл даже проект смены Дома Османов на династию Гераев.) На откуп Бахчисараю Стамбул отдал отношения с Речью Пополитой, Россией и горцами Северного Кавказа. Крымское ханство в Османской империи имело гораздо бо́льший политический вес, чем княжества Валахия и Молдавия.

Тюркское население ханства состояло из двух этносов — крымских татар и кочевых ногайцев, которые вели собственную политику. Его структура представляла децентрализованную монархию, которая управлялась ханами, членами их семей, татарскими и ногайскими феодалами[1].

С последней трети XVII в. наступающей стороной была Россия и эта угроза чётко осознавалась в Крыму. Основными целями ханов были — отпор «реконкисте» России, вбивание клина между ней и Речью Посполитой, борьба с независимыми адыгами Кавказа и с сепаратизмом ногайцев, среди которых вспыхивали мятежи «против хана и турка». Нападения на земли молдаван, украинцев, русских и черкесов преследовали цель обогащения, а вторжения в Польшу и Россию в определённой мере были средством сохранения крымской государственности. Опустошительные набеги на соседей вызывались низким развитием производительных сил. «Однообразие форм феодальной эксплуатации сохранялось в неизменном виде на протяжении столетий. Земледелие не только оседлого, но и полуоседлого типа внедрялось среди татар поразительно медленно»[2].

Никакой «постоянной угрозы для целостности [Российского] царства на юге и его осознания Третьим Римом»[3] ханство не несло — утвердить новые границы севернее «Дикого поля» ему было невозможно. Однако финансовые и людские потери Русского государства были огромны. В первой половине XVII в. Москва израсходовала миллион рублей на «полоняничные деньги и дань безопасности» и потеряла 150–200 тысяч че-

[1] *Kolodziejczyk D.* Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanae: «Oriental Despotism» à rebours? // Acta slavica japonica. 2012. Vol. 32. P. 1–21.

[2] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 6.

[3] *Jobst K. S.* Die Perle des Imperiums: Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz, 2007. S. 65.

ловек пленными. (Для сравнения: между 1600 и 1650 гг. за 1 млн руб. можно было бы построить четыре небольших городка)[1].

Крым имел свою денежную систему, административный аппарат и право внешних сношений с соседями. Состояние военного дела было ниже, чем в государстве Бату-хана. Конница «перекопских татар» насчитывала 20–30 тысяч[2]. Из казны хана ничего не тратилось на её содержание. В назначенный день все воины собирались со своим оружием, конями и провизией, как и казаки, они надеялись на военную добычу.

Крымские татары хорошо сознавали «превосходство регулярных дисциплинированных войск, чтобы атаковать их даже при численном превосходстве. Они более способны делать набеги и грабить, чем сражаться, но всё же в последней войне [1768–1774 гг.] они часто выказывали много храбрости. Все они наездники и трудно найти более лёгкую конницу, чем крымско-татарская… Большая часть имеет плохих лошадей. Сабля, ружьё и пара пистолетов составляют вооружение богатых, но большинство имеет только луки и стрелы или деревянную пику, закалённую или заострённую при помощи огня. О военных упражнениях они имеют мало или никакого понятия. Их считают гораздо более храбрыми, чем остальных татар, находящихся под властью хана». [Ногайцы] «гораздо грубее крымских татар… кроме лука и сабли они носят ещё очень длинный дротик (сунгу), кинжал в кушаке и кожаные верёвки, чтобы связывать пойманных ими невольников». Они «могли выставить от 30 до 40 тысяч воинов; всячески они старались свергнуть владычество османов и крымского хана; они очень неспокойны и свободолюбивы»[3].

---

1 *Khodorovsky M.* Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire 1500–1800. Bloomington, 2002. P. 223. Цит. по: *Jobst K. S.* Die Perle des Imperiums…S. 66.

2 Отчёт отца Дюбана маркизу де Торси в 1713 г. // *Кондараки В. Х.* В память столетия Крыма. Исторические картины Тавриды. М., 1883. Т. 2. С. 114–121. Равнинные (западные) черкесы, подчинявшиеся хану, «доставляют ему в случае нужды 25 000 и более человек». «Кабарда в состоянии выставить в поле 5000 воинов». Ксаверио Главани. Описание Черкессии… 20 января 1724 г. Цит. по: *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 399, 661, 667.

3 *Тунманн Г. Э.*. Крымское ханство. Перевод с немецкого издания 1784 г. Симферополь, 1991. С. 23, 47, 55–56.

Турецкий произвол при смене ханов сильно раздражал, престолонаследие не было отрегулировано[1] и крымские правители добивались, чтобы Порта признала хотя бы их пожизненное право на должность[2]. На южном побережье Крыма и Керченском полуострове санджак Кафа (Кефе) был отдельным османским владением. Турецкие города и крепости — Бендеры, Аккерман, Кафа, Керчь, Очаков, Азов сковывали феодалов Крыма[3]. Доходы от торговли в этих городах миновали казну ханов.

Недовольство вызывала и отправка воинов на балканский фронт, поставка рабочей силы для постройки новых крепостей Еникале и Темрюка в 1702–1707 гг., а также периодические запреты совершать набеги на Украину.

На пограничье Дикого поля никогда не прекращалась «малая война» ханства с донцами, калмыками, запорожцами, черкесами и кабардинцами. Виновниками конфликтов турки признавали как «беспощадный, суровый, мстительный народ татар», так казаков и калмыков — «воров и разбойников, не подчиняющихся никакой власти»[4].

Некоторым облегчением для ханов было то, что в первое десятилетие XVIII в. окраины Российского царства пытались избавиться от бремени, которое навалила на него центральная власть. Восставший люд в Астрахани (1705–1706), в Башкирии (1705–1711), на Дону и Запорожье (1707–1708), пытался найти

---

1 С середины XV в. по 1783 г. средний срок их правления составлял 5 лет. За 1700–1720 гг. турки 8 раз сменили ханов в Бахчисарае. *Bennigsen A.* Le Khanat de Crimée dans les Archives du musée du Palais de Topkapi. Paris, La Haye, 1978. P. 361–370.

2 «Прошение» крымцев в Стамбуле в 1701–1702 гг. РГАДА. Ф. 79, Оп. 1. 1703. Д. 8. Л. 11–12, 28 об. – 29. Хан Девлет Герай выставлял себя суверенным государем («королём») и протестовал против титула «наместник салтанской». В 1712 г. садразам Юсуф-паша и рейс-эфенди, смеясь «ханским похвалам», говорили что «могут сделать, что он хан съедет долой с своей власти». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 811 об.

3 Азов рассекал владения хана. «Татары не рады, дабы Азов был за турками» — писал Л. Барка С. Л. Владиславичу 14 ноября 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 13. Л. 40 об. П. П. Шафиров считал, что «лутче господина Луки Барки и по искусствам и по верности невозможно быть».

4 *Орешкова С. Ф.* Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII в. об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С. 143.

поддержку в Турции, Крымском ханстве и Швеции. Острой занозой для ханов (и запорожской вольницы) были русские крепости Каменный Затон и Новобогородицкая, поэтому среди запорожцев ходили слухи, что турки намереваются захватить эти выдвинутые в степь укрепления, что хан ликвидирует «гультяйскую» Сечь на Олешках и поселит запорожцев, бежавших после Полтавской битвы, на месте старой разорённой Чертомлыцкой Сечи[1].

Хан Девлет II Герай к тому времени проявил себя храбрым и искусным правителем (в 1683 г. он воевал в Австрии) и пользовался авторитетом у татарских мурз. Его план военных действий на 1711 г. был разумным — перекрыть 30 тысячами конницы (вместе запорожцами и поляками) тыловые коммуникации Русской армии, а 7–8 тысяч татар оставить для защиты Буджака[2].

Карл XII вплоть до смерти не считал себя побеждённым и оставался крупной фигурой на международной арене. (Военно-морская сила Шведского королевства оставалась мощной). Постепенно к нему стекались разбитые осколки польской и казачьей эмиграции. В Молдавии король ни на минуту не отказывался от военного реванша, но плохо представлял состояние России, Польши и самой Швеции. Самонадеянность толкала его к попытке низвержения Августа II, замены его Станиславом I и превращению Речи Посполитой в шведского вассала[3].

Первая ставка Карла XII была устроена в топкой низине Днестра под Бендерами. После половодья 1710 г. он основал за счёт турецких и мазепинских денег укреплённый шанцами военный городок в двух верстах от Бендер, на высоком берегу за селом Варница. Резиденция короля, которую часто именовали «Карлополисом» или «Новым Стокгольмом», четыре года, вплоть до «калабалыка» (схватки шведов с турками 1 февраля 1713 г.) была активным центром международной политики. Там же содержалась и сотня русских и малороссийских пленных[4]. В то время пуска-

---

[1] Показания пленных запорожцев. Сказка, приложенная к письму Скоропадского от 22 мая 1711 г. к графу Ф. М. Апраксину. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 252

[2] *Carlson E.* Kapten Jefferyes bref till engelska regeringen från Bender och Adrianopel 1711–1714, från Stralsund 1714–1715. Stockholm., 1897. S. 8.

[3] *Feldman J.* Stanislaw Leszcziński… S. 65.

[4] Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Часть 2.

лись в оборот шведские медали с профилем короля и на реверсе — дремлющего под полумесяцем льва и надписями: «Спящий под луной, он ждет солнца», «Что будет, когда он проснется?»[1].

В 1711 г. в районе Варницы в «крайней бедности» стояло 130 шведских офицеров из разных полков, 350 драгун, 60 драбантов (лейб-гвардейцев). Всего под рукой шведского короля и на его содержании было до 12 тысяч разношёрстного конгломерата — около 8 тысяч частично без ружей запорожцев и до 2–3 тысяч пеших, и «худоконных» поляков с четырьмя пушками гетмана (киевского воеводы) Ю. Потоцкого, которые крали молдавский скот, хлеб и травили посевы[2].

Запорожцы не поддавались на «увещевательные грамоты» царя, посылаемые от имени гетмана Скоропадского, проклинали «предателей» И. И. Галагана и Д. П. Апостола и грозили, что шведский король продолжит, как и раньше, «громить и гнать как зайцев» москвитян[3].

Порта не сразу пришла к мысли использовать шведского монарха против России, однако король убедил, что жизненный интерес османов состоит в том, чтобы выбить русских и саксонцев из Речи Посполитой и восстановить на польском троне Станислава I. Турецкое наступление с юга будет поддержано шведским ударом с севера, из Померании.

Первые контакты Девлет Герая со шведами (и запорожцами) начались с 1702 г.[4]

1714. СПб., 2011. С. 82.

[1] *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… Т. 4. P. XI. Рядовые каролинцы бедствовали. Подполковник Питц, который летом 1712 г. разыскивал свою плененную в 1711 г. семью, говорил, что в Бендерах ассигнации Карла в 100 ефимков не брали и за 20 ефимков, «а простые шведы для поискания своих поживлений принуждены у турков вместо метресс употреблятьcя; в мою бытность я сам видел, что шведов 2 человека за тот грех по указу королевскому разстреляны». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев…С. 189.

[2] Против них господарь Н. Маврокордато даже вооружал жителей Ясс. *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода… С. 101. Запорожцы ухитрялись угонять даже у шведов и татар лошадей. Допрос дезертира сержанта Ф. Шульца 10 февраля 1710 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею … С. 215.

[3] «Иосиф Кириленко, атаман кошовый зо всем старшим и меншим товариством Войска Запорожского на низу Днепра знайдуючогося» — И. И. Скоропадскому, август (?) 1710 г. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–26.

[4] *Возгрин В. Е.* История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма в четырёх томах. СПб., 2013. Т. 1. С. 727.

Карл XII советовал «всесильному и светлейшему князю, великому хану Перекопских, Крымских и Ногайских татар», пока русские не собрались с силами, не дожидаясь османского войска у Южного Буга, блокировать Таганрог, потом Азов. Для осады Азова Карл XII намеревался направить резидента при хане С. Лагерберга с двумя лейтенантами и генерал-майором К. Г. Хордом[1].

Главная цель короля состояла в повторном овладении польским плацдармом и восстановлении шведского господства в Восточной Европе, на сей раз османской силой. Пытаясь заключить союз с турками, король уверял, что все польские сословия стоят за него, за Лещинского и великого коронного гетмана Ю. Потоцкого. Война с Россией якобы будет нетрудной. Большая часть русских сил будет скована шведами в Польше и как только лёгкие турецкие или татарские отряды появятся у Подолии, то 40 тысяч отборных шведских солдат из Померании «войдут как нож в масло» в Польшу[2]. Ю. Потоцкий намеревался дойти до Каменца-Подольского, поднять в Подолии бунт, переманить польские хоронгви и прорываться глубже в Польшу[3].

Замирить Карла XII с его противниками пытались Великобритания и Голландия, заинтересованные в успокоении севера Европы. 20 марта 1710 г. монархия Габсбургов, Великобритания и Нидерланды заключили «Пакт о нейтралитете», по которому шведской Померании предоставлялась безопасность от нападений, но шведы оттуда не имели права вторгаться ни в Польшу, ни в Данию. В то же время у Северного союза, оставалась возможность нападать на шведские земли с других направлений, поэтому Дания, Саксония и Россия присоединились к этому пакту, а Карл XII резонно не признал этого соглашения[4]. В апреле 1711 г. в Стамбул и потом в Бендеры прибыл английский резидент-посредник Д. Джеффрис, пытавшийся от имени Англии, Священной Римской империи и Голландии погасить напряжённость. Но Карл XII верил в турецкую звезду и в 1711 г.,

---

[1] В Азове находился пленный швед Спер Реутер, обещавший помочь взять эту крепость. [*Lagerberg S.*] Acter, rörande … S. 174, 176, 187–189.

[2] На самом деле в Померании было всего 10 050 шведов, в гарнизонах оставалось 11 250 человек ППВ. Т. 11/2. С. 352, 377.

[3] Г. Г. Мюллерн — С. Лагербергу из Бендер 10 апреля 1711 г. [*Lagerberg S.*] Acter, rörande… S. 162.

[4] *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 72.

предлагая заключить шведско-турецкий союз, заверял, что без Порты он не подпишет сепаратного мира Россией.

Ободряющими казались шведам донесения шпионов о том, что «корпус нейтралитета» на севере Германии не соберётся, что в Польше вспыхнет восстание, что саксонские войска собираются укрыться в Саксонии, что в Лифляндии мало русских войск[1].

1.3. ПЛАНЫ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Преобразования Петра I преследовали цель вывести страну из состояния второразрядности в круг ведущих европейских государств. Но при знаменитом реформаторе Россия ещё не стала великой державой. Великодержавие определяется военно-экономической или только милитаристской мощью, а также природными, людскими ресурсами и силовой политикой. Людской потенциал огромной по площади страны в 1719 г. составлял 15 738 000 человек — меньше, чем во Франции, где в начале XVIII в. жило 26,4 млн, чем в Османской империи — 25 млн и меньше, чем в монархии Габсбургов — 16,9 млн[2].

В начале XVIII в. великих держав было пять. Первенствующей была Франция Людовика XIV (400 тысяч солдат). Постоянная армия Великобритании (15–20 тысяч человек) в военное время выростала до 70–100 тысяч человек, а её военно-морские силы (200–400 кораблей) насчитывали 80–100 тысяч человек. Великой державой после завоевания в 1699 г. Венгрии и Трансильвании стала монархия Габсбургов со 100-тысячным войском. Войско и флот Османской империи, как указывалось выше, доходили до 200 тысяч человек. Наемные войска на службе Голландии тоже поднимались до 100 тысяч человек[3].

---

1 [*Lagerberg S.*] Acter, rörande… S. 190–192. В мае 1711 г. король осматривал расположенные около Бендер турецкие войска. Сб. РИО. Т. 50. С. 442.

2 Русских было (в тысячах человек) 11 127,5, украинцев — 2025,8, белорусов — 382,7, эстонцев 309, 2, мордвы 107,4, татар 293,1, башкир 171,9, калмыков 200,0. *Водарский Я. Е.*, *Кабузан В. М.* Территория и население России в 15–18 веках // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 339, 345, 346, 349, 351.

3 *Rostworowski E.* Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977. C. 149–152.

Регулярная армия Петра I в битве под Полтавой насчитывала меньше — 57 200 человек[1]. Однако Полтавский триумф 27 июня 1709 г. и разгром лучшей армии Европы поднял авторитет царя и вознёс до небес веру генералитета в свои силы. В Российском царстве стали претендовать на статус «Священной Римской империи», Испанской колониальной империи или Французского королевства[2]. Претендовавшая ещё в начале XVII в. на господство над Европой Испанская великая держава с её огромными колониями в Новом Свете, имела 15–20-тысячную армию и сходила с мировой арены. Последний потомок испанской линии Габсбургов Карл II (1665–1700) был физическим и умственным вырожденцем и с 1701 г. вплоть до 1713/1714 гг. в Западной Европе и Северной Америке горела война за Испанское наследство между Францией, Испанией и Баварией с одной стороны и Великобританией, «Священной Римской империей», Голландией, Португалией, Савойей, Бранденбургом-Пруссией и Ганновером с другой. Эта антифранцузская коалиция называлась «Великий союз». (На год раньше против Шведского королевства начали войну Датско-Норвежская уния, Саксония и Россия — «Северный союз». В 1704 г. к союзу трёх государств присоединилась Речь Посполитая, в 1715 — Пруссия и Ганновер).

Объявление войны турками, полученное в России 22 декабря 1710 г., было неожиданным. Неприятное сообщение встретили с досадой, которую Юст Юль неверно истолковал как спад духа[3]. 1 января 1711 г. на Васильевском острове в Петербурге фейерверком засияли два столпа, на первом горела звезда с девизом: «*Господи, покажи нам пути Твоя!*», на втором — ключ и палаш с девизом: «*Иде же правда, там и помощь Божия!*».

В условиях войны против Швеции и Османской империи, когда вооружённые силы были разбросаны по просторам и гарнизонам Великороссии, Украины, Прибалтики и Поволжья, Сибири и Польши, насущной стала задача поиска союзников.

---

1 *Кротов П. А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. С. 271.

2 Так гротескно охарактеризовал претензии русского двора австрийский посол Г. В. Велчек 11 (22) ноября 1710 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 84.

3 «Вследствие означенной вести русские так пали духом, что ходят как расслабленные… как после долгого поста». *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом //Лавры Полтавы. М., 2001. С. 232.

Русская дипломатия пыталась возродить «Священную Лигу» — оборонительный или наступательный союз с монархией Габсбургов и Венецией, при этом «Священная Римская империя» и «Великий союз» должны были дать гарантии против вторжения в Польшу шведского 20-тысячного корпуса из Померании. Пётр I ставил на вид, что если «Великий союз» до марта 1711 г. не сформирует антишведского «корпуса нейтралитета», то русские, датские и саксонские войска ещё до начала похода турок атакуют померанские владения шведов в «Священной Римской империи». Царь требовал, чтобы морские державы не вербовали для себя шведов в Померании и Бременской области, в противном случае он де обеспечит свою безопасность силой и не станет придерживаться нейталитета относительно шведских владений в Германии[1].

Война за Испанское наследство соответствовала русским интересам — ведь в случае мира Франции с Габсбургами, тем вообще не будет нужен союз с Россией. Если же император Иосиф I и «Великий союз» помогут добиться достойного мира для России в Северной войне, то царь не только пошлёт войска против Франции и выплатит огромную сумму — миллион ефимков, но и вступит в «Великий союз». Заверялось, что венгерские мятежники Ференца II Ракоци никогда не были и не будут под покровительством России[2].

Но надежда на помощь Габсбургов и «корпус нейтралитета» была слабой. Имперский «корпус нейтралитета», формировавшийся в Силезии, не смог бы остановить вторжение шведов в Польшу и Саксонию из Померании. Для Вены были нежелательны как рост русского влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе, так и усиление османов после возможной победы над русскими[3].

Габсбурги не хотели, чтобы союз с царём втянул их в конфликт с турками и считали целесообразным связать османов

---

[1] Г. В. Велчек из Петербурга 28 июля (8 августа) 1710 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 79. «Великий союз» планировал навербовать из Померании 8 тысяч шведских подданных за 400 000 ефимков. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 12. Л. 58.

[2] Русские инструкции И. Х. Урбиху, которые попадали в руки Г. В. Велчка. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 88.

[3] *Първев И.* Балканите между две империи: Хабсбургата монархиа и Османската държава (1683–1739). София, 1997. С. 159.

войной с Россией[1]. Вена обещала России только своё посредничество в мирных переговорах с турками, а им — австрийский нейтралитет в предстоящей войне. От имени римского цесаря и двух морских держав предлагалось в Бендерах Карлу XII «помириться» с «королями Августом и Датцким, також и с царём Московским», но тот ответил — пусть они принудят первых двух к выполнению мирных договоров с ним королём в 1700 и 1706 гг., «что же о царе принадлежит… и то де невозможно, пока он король»[2]. Османам австрийцами «ясно было объявлено, что ежели они в Польшу вступят, то они того вытерпеть по союзу [с поляками] не могут, но принуждены будут в то дело вступиться… и турки объявили, что им дела до Польши нет». Для вида австрийские дипломаты сообщали, что оборонительный союз Австрии, Речи Посполитой, Венеции и России возможен в случае, если царь откажется от вмешательства в венгерские дела. (Русские части Г. Гольца и Л. Г. Януса в 1710 г. заняли Спиш — польский анклав в «Верхней Венгрии» [Словакии]). Австрийцы беспокоились, что русские войдут в соглашение с Францией, поэтому османская угроза считалась и средством отвлечения их от Парижа. Вместе с тем, и Вена и Петербург заботились о том, чтобы Порта не подвергла ревизии Карловицкий мир.

Упования на Пруссию, которая сдержала бы шведов в соответствии с договором 1709 г. в Мариенвердере, тоже не было.

Османы традиционно вели трудные войны с Персией, но с шахиншахом Хусейном (1694–1722) Москва не завязала союзные отношения и не мобилизовала персов для удара по турецкому тылу. В 1712 г. шахиншах направил в Москву посольство Фазл Али бека, но только с целью разведать намерения Петра I в отношении Ирана. Православная Эфиопия тоже не всплыла на горизонте русской дипломатии.

Перед походом к Дунаю русские представители были посланы за поддержкой в Англию, Ганновер, Францию и Голландию[3].

---

[1] Евгений Савойский полагал, что Пётр I более заносчив, чем Карл XII и Россия стала опаснее для Империи, чем Швеция. *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1971. С. 60, 63.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 759.

[3] Подробнее о действиях русской дипломатии в Европе см.: *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 68–80.

Не получив ни от кого помощи, Москве пришлось избавляться от конфликта на юге путём вторжения вглубь османских владений, где будто бы восстанут «тьмы народа нашего».

Допускать вторжение османской армии в Польшу Пётр не собирался и пытался подключить шляхетскую республику к совместному выступлению против турок. Но в 1699 г. окончилась последняя в истории Польши война с турками. Ввязываться снова в конфликт с Османской державой шляхта не желала, поэтому выставляла спекулятивные запросы — отдать под польский контроль русские завоевания — Ригу, Лифляндию, Эльблонг, а также всю Правобережную Украину, включая «пустую» полосу вдоль Днепра от Чигирина до Стаек, имения А. Д. Меншикова в Полонном и удалить русские гарнизоны из Полоцка и Витебска. Если будут выданы многотысячные денежные субсидии в соответствии с «Вечным оборонительным союзом» 1704 г. и порох, то Речь Посполитая якобы выставит против турок 62 тысячи (!) жолнёров[1]. Послеполтавская Россия казалась Польше настолько мощной, что оттуда предупреждали турок, что в случае их такого же поражения, как случилось со шведами, русское могущество вырастет ещё больше. Лучший способ воспрепятствовать этому — уговорить Карла XII помириться с Северным союзом. Если один из участников будет отказываться, то его можно принудить к миру с помощью Порты. Такому миру дадут гарантии и европейские державы[2].

В Петербурге было решено, не оставляя попыток восстановления мира, готовить операции на двух направлениях — как на севере, против шведской Померании (вместе с Августом II), так и на юге. Приходилось помнить и о «восточном фронте» в Приуралье, где против башкир держали регулярный семитысячный корпус[3].

На южном направлении Россия была заинтересована в быстротечной кампании. Русский стратегический план поражал

---

[1] См. посольство М. Воловича в Москве в феврале — марте 1711 г. РГАДА. Ф. 79.. Оп. 1. Д. 24. Л. 181–186. Русская дипломатия обещала отдать полякам Лифляндию после окончания войн со Швецией и Турцией.

[2] *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia 1709–1714. Kraków, 1926. S. 59.

[3] Л. Вейсброд — герцогу Квинсберри 4 января 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. СПб., 1886. С. 397.

размахом. Операции замышлялись как наступательные — в направлении Балкан, Крыма, Прикубанья, так и оборонительные — в Польше, на Правобережной Украине, а также у Азова и Таганрога.

Три варианта определялись географией Причерноморья.

Во-первых, можно было, опередив турок, достичь нижнего Дуная, чтобы стимулировать восстание христиан. (Ещё в 1699 г. П. Б. Возницын уверял, что если Русская армия появится у Дуная, её поддержит всё православное население Балкан).

Во-вторых, можно занять оборону на Днепре (как в 1676–1677 гг.), переложив тяжесть степных переходов на противника (именно такой вариант рассматривался в 1712–1713 гг.).

В третьих, была мысль встретить османов на р. Днестр, не допустив их прорыва в Польшу (именно таким стал вариант 14 июня 1711 г. — см. ниже). Захвата четырёх турецких фортов в низовьях Днепра — Тавани, Газикермана, Исламкермана и Мюбарекермана, как это было в 1695 г., не предусматривалось. Не собирались тратить время и на осаду Бендер. Не планировался и выход Азовского флота в Чёрное море, может быть оттого, что турки в 1702–1704 гг. отсыпали дамбу в Керченском проливе[1]. Вице-адмирал К. Крюйс собирался выехать в Азов и туда же готовились отправиться моряки Балтийского флота[2].

Конечно, оптимальнее всего было бы прикрыть польскую границу по Днестру, а в случае прорыва турок отходить к русским рубежам — к Днепру и Киеву. Но в Москве схватились за петиции о принятии в русское подданство молдаван и валахов, сербов и черногорцев, украинцев с Правобережья Днепра, греков, венгров, народов Северного Кавказа и Средней Азии (хивинцев). «Под руку царя» (под протекторат) собрались принять Молдавию, Валахию, а также Северный Кавказ — Черкессию, Кабарду, Чечню и кумыков[3]. Задумали даже установить

---

[1] Рейтар Ларион Федоров, взятый в плен под Азовом в 1695 г., был послан с каторги в 1702 г. строить крепость Еникале «и понеже того города их же невольников посылали с каторг на Чёрное море в одном месте от берега каменья бросать чрез всё море, и они невольники в том месте камень бросали два года, и тем каменьем перепрудили того моря многое число. И тот де город делают и море прудят и по се число невольники». РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1704. Д. 3. Л. 37.

[2] Сообщение Л. Вейсброда 25 января 1711 г. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 403.

[3] Можно согласиться с тем, что поход на Кубань открывал самостоятельный «восточный» фронт кампании против Порты. *Приймак Ю. В.* Северо-Во-

политическое преобладание в европейских провинциях Османской империи[1].

При планировании похода к Дунаю видимо, учитывалось соединение османов со шведами, которые могли ворваться в Польшу из Померании[2], но эта угроза была ложной, турки не собирались провоцировать воссоздание Священной Лиги и войны с польско-саксонской унией и Габсбургами!

Пётр I взял командование на себя и вышел с лучшим составом армии за тысячу вёрст к Дунаю, надеясь, что глубокое вторжение на Балканы заставит султана быстро пойти на мир. Главным инициатором «дунайской кампании» стал уроженец Герцеговины серб С. Л. Владиславич (Рагузинский). Он убедил, что вторжение на Балканы, поддержанное христианами, устрашит и поразит в сердце врага, а польский союзник обеспечит тыл и оборону по Днестру. Владиславич с декабря 1710 г. слал курьеров и лазутчиков в османские владения, особенно в Молдавию и Валахию, истратив на них 16 тысяч руб.[3].

Между 20 декабря 1710 и 17 января 1711 г. он составил план, намечавший:

1. отвлечь *анатолийские силы* (!) османов от Молдавии наступлением донцов и калмыков на Кубани;

2. связать малороссийскими казаками крымских татар, «а в Крым не вступать и промыслу не чинить, токмо [чтобы] тех татар в их кочевьях удержать»;

3. собрать войско по обоим берегам Днестра «до совокупления наших главных сил», освободить столицу Молдавии — Яссы и призвать под русские знамёна молдаван;

4. перебросить весной на судах боеприпасы и провиант к Очакову от Киева и Смоленска;

сточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть в. XIX вв). Армавир, 2011. С. 238.; *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление. Дисс… степени канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 138–141.

[1] *Достян И. С.* Балканские народы во время войны Священной лиги с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Часть 2. С. 373.

[2] *Анисимов Е. В.* Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 215.

[3] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда петрова. М., 1994. С. 340.

5. с той же целью сбить плоты в Могилёве-Подольском для отправки их по Днестру к Соро́кам и Бендерам;

6. вдохновить христиан Албании и Македонии к восстанию грамотами и «превеликими силами» царя;

7. обещать привилегии Дубровницкой республике и сербским кнезам;

8. послать грамоты в Дубровник и к племенам на западе Балкан;

9. завязать контакты с Венецией;

10. поднять сербов.

Объемный план Владиславича был сомнителен в части всенародных восстаний на Балканах. Всеобщего подъема болгар, македонцев, сербов и восточных романцев не произошло бы, даже если бы Русская армия вышла к Дунаю раньше турок.

Главная квартира провела расчёт расстояний по переходам и часам как водой от Каменца-Подольского по Днестру до Чёрного моря, от устья Днестра до устья Дуная и вверх по этой реке до Валахии, так и по суше от Киева и Бендер до Царьграда (!)[1]. Опыт сражений при Чигирине, при захвате четырёх фортов на нижнем Днепре в 1695 г. и у Азова, казалось, подкрепляли мысль о слабости турок. Русский штаб имел сведения, что «по Дунаю от Чёрного моря до Мунтянской земли суть турецкие городы не крепки, старого строения»[2]. Все надеялась, что оккупация части Балкан приведёт к быстрой победе. Посол в Речи Посполитой Г. Ф. Долгоруков самоуверенно написал царю 22 марта, что если не пропустить турок за Дунай, то можем «не токмо волохов и мултян, но и всем краем *по Дунай*… овладеть, что неприятель принуждён будет или полезного нам миру искать, или вовсе пропадать»[3].

Опыт вторжений австрийцев на Балканы не учитывался, по крайней мере, документов об этом пока не обнаружено. Войска Габсбургов в 1689 г. дошли до Белграда, Ниша и Скопье, но потом вынуждены были отступить, и с ними ушло из Косово и Сербии около 70 тысяч мужчин, женщин и детей. Предположение, что Османская империя, увидев русских на Дунае, тут же пойдёт на мир, было совершенной утопией.

---

[1] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 219–221.

[2] Там же. С. 221.

[3] ППВ. Т. 11/1. С. 420.

31 января 1711 г. Пётр I распорядился «принимать и обнадёживать, как возможно» «крымских и кубанских мурз и татар и черкесов», если те прикочуют к Азову[1].

Провал походов в Молдавию польского короля Яна III Собеского в 1683, 1685, 1686, 1691 гг. и Августа II в 1698 г. видимо, не смущал — «поляки не чета русским».

А учесть печальный польский опыт следовало бы. Осенью 1683 г. Собеский, вдохновлённый победой под Веной, планируя захватить степи между Днепром и Дунаем и создать унию с Молдавией и Валахией, послал польские войска и казаков наказного гетмана С. Куницкого на овладение Молдавии. Были заняты Яссы, в Буджаке рассеяны татары и турки, но 30 декабря у Прута казаки были окружены и разбиты ханскими войсками. В сентябре 1685 г. польские жолнёры с шестью тысячами казаков перешли Днестр, подверглись нападению османских и татарских войск, оказались на грани катастрофы и были вынуждены отступить. В 1686 г. Собеский, собрав больше сил, чем под Вену (28 тысяч из Короны, 10 тысяч из Великого княжества Литовского, 90 пушек и 2 тысяч запорожцев), собрался нанести османам поражение в генеральном сражении, выйти к Дунаю и зимовать в Молдавии. 12 августа 1686 г. 8-тысячный польский отряд снова занял Яссы, но на его сторону перешло всего две тысячи молдаван. Польские авангарды добрались до Измаила и Галаца, но татары, уклоняясь от битвы, жгли степь по левому берегу Прута. В польском войске начались болезни и дезертирство. Голод и засуха заставили Собеского покинуть молдавскую землю. На всём пути отхода королевские войска преследовались ханскими воинами.

В 1691 г. Собеским была предпринята последняя попытка добиться успеха на южном направлении. Королю удалось собрать 30-тысячное войско, но нехватало провианта, амуниции и жалованья жолнёрам. Степняки, уклоняясь от сражения и атакуя отдельные отряды, разоряли землю, чтобы лишить польское войско продовольствия. Молдавский господарь также сжигал пастбища и зарывал зерно в землю. В октябре 1691 г. польская армия, дойдя до Буджака, начала отступать. Отступление превратилось в катастрофу — войско уничтожа-

---

1 Резолюции на «пункты» Ф. М. Апраксина. Там же. С. 48.

ло повозки, кареты, амуницию, палатки и оружие. От болезней и дезертирства было потеряно 10 тысяч человек. У шляхты окончательно испарилась вера в «священную войну». Наступательных планов король уже больше не замышлял[1].

Блицкриг на Балканах в расчёте на такое же восстание христиан, как при вторжении австрийцев в 1688–1689 гг., был рискованным. Оставалось неясным, насколько действенной окажется помощь народов, угнетённых «великим босурманским страхом». Не было ясно, как долго продлится кампания, сколько потребуется воинов, оружия и боеприпасов, каковы будут потери, как удержать протекторат над Молдавией и Валахией.

В 1711 г. войну начали, как и в 1700 г. против шведов — «как слепые». (В последующих русско-турецких войнах 1735–1739, 1768–1774 и 1787–1791гг. не было безоговорочной ставки на помощь балканских единоверцев и надеялись, прежде всего, на разгром противника своей армией). Неверное стратегическое решение привело к катастрофе 1711–1713 гг.

Пётр Великий для христиан Османской империи не был небесным посланником, но после громоносной Полтавской победы он стал их «православным царём». Запад Балкан вдохновился надеждой освобождения. Шли вести о «знамении», появившемся «прямо над самим Царём-Градом… звезда с хвостом к северу висящая в превеликом сиянии», с толкованием «что Царь-Град будет поборен и взят»; о том, что если бы «царь Московский учинил нападение на турецкие места…, христиане б возстали от всех стран против их»; что поэт-славянин пишет: «пес турский и шведский купно выет, а Царь Московский обоих по главе биет»[2].

Весть папского нунция от 8 января 1711 г. из Стамбула о том, что будто бы от Албании до Черногории и венецианского Котора 20–30 тысяч христиан, православных и католи-

---

[1] *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 298, 301, 302, 310–311; *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия…С. 246, 249, 250, 256.

[2] Ведомости в октябре 1710 г. из разных мест, писаны к надворному советнику господину Рагузинскому. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 215–216.

ков, «слыша о турецкой войне збунтовали и взяли град Спузей (Спуж) и порубили всех турков», показалась ободряющей[1]. В Москве сделали вывод, что появление царя раньше турок у Нижнего Дуная стимулирует восстание в Дунайских княжествах, Болгарии и приведёт из Венгрии 10–20 тысяч сербских добровольцев. Мятеж, возможно, перекинется на Грецию и воспрепятствует переходу Дуная противником. От этого большинство турок разбежится и, может быть, поднимут бунт.

Зная свой авторитет среди балканских христиан, царь решил возглавить сам Балканский поход, чтобы как можно скорее заключить мир и вернуться «в собственный Эдем» (Петербург) и на Балтику. На Царьград русское правительство тогда не претендовало, в отличие от Габсбургов, считавших себя единственными наследниками бывшей Римской державы и мечтавших завладеть Константинополем, который с начала IV в. н. э. был столицей Восточной империи. Пётр Великий не считал целесообразным связывать руки «восточным вопросом» (изгнанием турок и татар), вставшим перед Европой после битвы под Веной в 1683 г.[2]

2 марта 1711 г. в Венецию был послан Д. Ф. Боцис — поднимать славян на войну с турками. Туда же 12 апреля был отправлен агент М. Каретта, чтобы привлечь к союзу Папское государство и мальтийских рыцарей и переводить деньги и оружие балканским христианам[3]. Немцы русской службы, лишённые славянской солидарности, считали советы герцеговинского патриота провальными. Губительным считал план С. Л. Вла-

---

[1] «А приезжий греченин сказал, что ныне зимою албанасы, сербы, боснаки и болгары против турка збунтовали». ППВ. Т. 11/1. С. 70.

[2] Пропаганда противника пускала молву, что царь, «уверенный в победе, говорил, что хотел бы после смерти быть похороненным за стенами Стамбула. *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski kasztelan krakowski, ojciec Stanislawa Augusta. T. 1. W Poznaniu, 1880. S. 47.

[3] ППВ. Т. 11/1. № 4299–4300, 4383. В июле 1693 г. несколько голландских капитанов в Гааге предложили австрийцам финансировать экспедицию 18 линейных кораблей к Босфору для бомбардировки Стамбула. Но правительства Великобритании и Нидерландов не желали серьёзно ввязываться в войну с турками, а в Вене понимали, что только разгром османских сухопутных сил приведёт к победе. *Първев И.* Балканите между две империи… С. 128. Петербург в 1711 г. мог бы изыскать средства для найма голландских военных кораблей, но такая операция не была предусмотрена.

диславича и генерал А. А. Вейде: «Три вещи нас нагло погубили — не здравые, без опасные и не искусные советы, неосторожность в запасах и малосильство нашей конницы»[1].

2 января дворянскому ополчению — царедворцам и городовым дворянам всех губерний предписали к марту 1711 г. быть в Путивле. 2 марта Пётр приказал имения укрывающихся от службы отдавать доносителям. Войска поредели после чумы 1710 г. в Прибалтике и 21 марта царь указал для турецкой кампании собрать со всех губерний 25 тысяч рекрутов (из них 12 тысяч в полевую армию), а для драгун 7 тысяч лошадей. Доставить к сроку новобранцев из Сибирской и Архангельской губерний было почти невозможно. С Казанской губернии предписывалось собрать 4625 человек. В 1710 г. в Киевской губернии в 15 гарнизонах стояло 27 полков. В 1711 г. в малороссийских гарнизонах стояло 20 полков — 21 283 человека[2]. Казанский и астраханский губернатор П. М. Апраксин спешно закупал лошадей в Астрахани и Уфе[3].

После измены Мазепы «обжёгшись на молоке, дули на воду». К гетману И. И. Скоропадскому, который хотел осесть на правом берегу Днепра в Умани, в Москве относились настороженно. Киевский губернатор Д. М. Голицын писал, что Умань недалеко «от степи самой», в этом городе вместе с уездом 5–6 тысяч жителей и рекомендовал поместить Скоропадского в середине Гетманщины[4]. Только через три года после вступления в должность, Скоропадскому дали жалованную грамоту в феврале 1711 г., подтвеждавшую его «уряд» и раз-

---

1 А. А. Вейде — А. Д. Меншикову 23 июля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 342. Нельзя принять допущение, что «поспей русские войска к Дунаю раньше… у валашского господаря Бранкована не было бы оснований для колебаний, и он, возможно, не перешёл бы на сторону османов, а остался верным России, поднялись бы на борьбу болгары». *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 340. Даже если бы Брынковяну и перешёл к русским, боеспособность его ополчения была очень низка.

2 РГАДА. Оп. 2. Кн. 21. Л. 574–588; Там же. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 575.

3 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 192, 199.

4 Д. М. Голицын в письме Г. И. Головкину 17 февраля 1710 г. советовал: «Зело надобно, дабы во всех порубежных городах были полковники несогласны гетману, и ежели несогласны будут и дела их все будут нам открыты». РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–4.

решавшую ему иметь артиллерию и знаки гетманской власти («клейноты»)[1].

27 марта и 17 апреля только что «Высокоучрежденный, достохвальный и превосходительнейший Сенат» под угрозой жестоких наказаний разослал в губернии листы о сыске уклонявшихся от службы, которые прибивались на городских воротах. 25 апреля пригрозили сажать в тюрьму тех царедворцев, их детей, братьев и свойственников, кто не выедет в Белгород из деревень[2]. «За неисправление рекрут» сенатор Т. Н. Стрешнев и князь М. П. Гагарин временно засажены были в подвалы Земского приказа.

В это время приходилось учитывать угрозу шведского вторжения из Финляндии к Петербургу. Шведский флот на Балтике многократно превосходил русский. На главной базе в Карлскруне в 1710 г. кроме малых судов «было 38 линейных кораблей с вооружением от 110 до 48 пушек (всего 2466 орудий) и 6 фрегатов (190 орудий)». Русский тогда имел всего два корабля, 11 фрегатов, девять шняв[3], один бомбардирский корабль, 60 галер (всего 93 судна)[4]. Отдельные шведские отряды в 1711 г. появлялись к северу от Невы, а некоторые партии перебирались через Неву между реками Мья и Мойка. Иногда шведы выходили к р. Славянке и «многие пакости… починили»[5].

Пламя конфликта в 1711 г. грозило охватить Северную, Центральную и Восточную Европу, в том числе на тысячевёрстной ногайско-крымско-османской границе от Кубани до Молдавии и на Правобережной Украине, где оставался ещё «горючий материал» — из наследников «иуды-гетмана» Мазепы.

---

1 Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. № 334. Л. 89–92. Это обещалось ещё 31 июля 1709 г. после Полтавской победы. Там же. Л. 87.

2 Вплоть до 22 июня не явилось ни одного человека. П. М. Апраксин — Сенату 2 июля 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 38, 41, 42.

3 Шнява — небольшое парусное торговое или военное судно, распространённое со второй половины XVII до конца XIX в. в странах Северной Европы и России. — *Примеч. ред.*

4 *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 22; *Быховский И. А.* Петровские корабелы. Л., 1982. С. 34. См. также *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 329.

5 А. Д. Меншиков — Сенату 22 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 368 об. – 372.

Пётр принял на себя ведение военных операций на второстепенном фронте против османов, а генерал-фельдмаршалу А. Д. Меншикову — «второму государю», герою Калиша и Полтавы был поручен основной театр военных действий — в Прибалтике, Польше и Германии, а также оборона всего Северо-Запада страны (Выборг — Ревель — Рига). У «светлейшего князя» под рукой должны были «повсягодно быть готовы к походу» 25 тысяч пехоты и 7 тысяч драгун[1].

Представление о стратегии турок в Петербурге было ошибочным. Из замыслов противника лучше всего был известен план, распространявшийся Карлом XII в Молдавии[2]. В Москве верили П. А. Толстому и допускали, что шведский король, победный гипноз которого не рассеялся даже после Полтавы, способен совершить в Польше переворот в пользу Лещинского. Поэтому, назначая сбор войск над Днестром, готовились не пускать за польские границы турок, которые якобы после сосредоточения у Бендер вместе с Карлом XII через Каменец-Подольский прорвутся в Польшу и соединятся с померанскими шведами. Не исключалась вероятность, что крымский хан совершит набег на Украину, к Харькову и Воронежским верфям. Были слухи, что король шведский вступит в Саксонию, а турки с частью поляков «останутца против московских в Польше… потом, обратясь всеми потенциями, шведы с турки и с поляки его царское величество намерены будут [во] всеконечное порабощение привести и разделение Российской империи [совершить]»[3]. «Турецкую армию… поведут на Москву великий везир и шведский король»[4].

Перенос Петром I операции на Балканы был рискованным, но не обязательно грозил катастрофой. Поднимая дух поколению XVII в., царь прививал ему понятия чести, долга,

---

[1] РГАДА. Ф. 248. ОП.1. Кн. 2. Л. 195, 196. Для прикрытия Петербургской губернии князь затребовал дополнительно к 25 пехотным полкам ещё 7565 солдат, а к драгунским полкам — 4870 «лучших» рекрут. Для пополнения «батальона городовых дел» он запрашивал 180 человек РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 192.

[2] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 36, 310, 317.

[3] Письмо П. А. Толстого 14 ноября 1710 г. из Стамбула // ППВ. Т. 11/1. С. 335, 347.

[4] Донесение И. М. фон Тальмана 14 июля и 27 ноября 1710 г. из Константинополя. [*Тальман И. Г.*] Турция накануне…С. 74, 86.

военной славы и презрения к смерти. (Выносливость, самоотверженность, послушание и храбрость были природными качествами русского человека.) За 10 лет Северной войны Пётр I приучил свою армию к дисциплине, в том числе и жестокими наказаниями. Регулярное войско было обученным и дисциплинированным, пороки начальства[1] не «делали погоды».

Северная война дала громадный опыт русскому командованию и армии, на ключевые посты которой Пётр поставил способных военачальников. Высший командный состав практически не уступал европейскому, доказав это Полтавской битвой. Вот его краткая характеристика.

Пётр I Алексеевич Великий, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, после князя Дмитрия Донского был единственным государем, лично сражавшимся на суше и на море с 1695 г. Он организовал регулярную армию, флот и невиданный для Восточной Европы массированный огонь артиллерии. В Полтавской битве царь фактически командовал всей армией с начала и до конца, ликвидировал прорыв неприятеля в центре первой линии и своей контратакой развалил армию шведов на две части. Благодаря доскональной подготовке царём сражения, победа обошлась «малой кровью», шведы потеряли 8–9 тысяч человек убитыми и до 3 тысяч пленными.

Борис Петрович Шереметев с 1679 г. был товарищем воеводы в Большом полку в боях против крымцев. В походе 1689 г. стоял во главе Белгородского полка. В 1695 г. захватил четыре османских форта в низовьях Днепра, в 1698 г. награждён алмазным Мальтийским крестом. Возглавлял набеги в Прибал-

---

[1] К примеру, командный состав утаивал «умерших, беглых и отлучных солдат», присваивал их жалованье, уклонялся от военных учений, офицеры зимой «больше смотрели в свои сумы, собирая великие порционы». В. В. Долгорукий — Петру I 22 мая от Бреславля, отшед 2 мили. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. 1711. Кн. 13. Л. 475–476. Генералы, штаб- и обер-офицеры не довольствуясь денщиками и слугами заставляли строевых солдат заготавливать для себя дрова, сено и отсылали в Москву и свои деревни драгунских лошадей. Чтобы воспрепятствовать этому, Пётр I 13 апреля 1711 г. предписал П. С. Салтыкову поставить по большим дорогам заставы до самой Смоленской губернии. ППВ. Т. 11/1. С. 184. 19 марта 1711 г. было приказано для личных нужд использовать только своих денщиков и извозчиков, которым выдать серые мундиры с синими обшлагами и с оловянными пуговицами, чтобы отличать от солдат. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 231

тику с 1701 г., и с того же года стал генерал-фельдмаршалом. В битве под Полтавой держал центр армии и был под сильным огнём противника; пуля пробила его рубашку. Берег солдат и был любим ими, на его плечах лежало формирование и снабжение армии почти во всех походах Северной войны. Крупным недостатком была его опасливость. «Шереметев редко дает окончательное решение, если только не боится скорого гонения вместо награды»[1].

Яков Вилимович Брюс участвовал в Крымских 1687/89 и Азовских 1695/96 походах. В 1701 г. в сражении при Эрестфере с помощью подоспевшей артиллерии под командованием Брюса, было нанесено поражение генерал-майору В. А. Шлиппенбаху. В 1702–1704 гг. после бомбардировки его осадными орудиями капитулировали Нотебург, Ниеншанц, Дерпт и Нарва. Верный сподвижник царя модернизировал артиллерию, повысил её прицельность, дальнобойность и маневренность. Под началом А. Д. Меншикова он сражался в победной битве при Калише в 1706 г. Умело руководил огнём пушек в самом продолжительном сражении Северной войны под деревней Лесной. В чине генерал-лейтенанта Брюс распоряжался всей артиллерией в Полтавской битве. Его канониры отбили атаку шведов на редуты и главный ретраншемент. Во второй фазе боя он открыл смертельный огонь всех орудий, который сломил дух противника. После его мастерского обстрела капитулировала в 1710 г. Рига. 3 августа 1711 г. был утвержден генерал-фельдцейхмейстером. В 1712–1713 гг. распоряжался соединенной артиллерией датчан, саксонцев и русских в Северной Германии.

Исключительной храбрости князь Михаил Михайлович Голицын сражался под Азовом (1695–1696), Нарвой (1700), Нотебургом (1702), Лесной (1708). В Полтавской битве он командовал гвардией на правом фланге пехоты и снёс противника с поля боя. Возглавлял погоню за разбитым неприятелем вплоть до Днепра, где заставил 30 июня капитулировать остатки шведов. По военным заслугам иностранцы ставили

---

[1] [*Плейер О.*] О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. Донесение Оттона Плейера в 1710 году. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Апрель — июнь. Кн. 2. М., 1874. С. 20.

Голицына вслед за Шереметевым. Побывавший в 1710–1714 гг. в русском плену швед Л. Ю. Эренмальм восторженно писал: «Он заслужил особенную славу за свой природный добрый ум, приветливое обращение с подчинёнными офицерами и рядовыми, за свою отвагу и приобретённый в этой войне опыт; он не теряет присутствия духа в любой обстановке. Царь советуется с ним, особенно если планируется какой-либо важный поход. Голицын также очень предприимчив и не жалеет усилий для того, чтобы быстро и со всей осторожностью осуществить порученное ему. Он стремится как в одежде, так и всем образом жизни выглядеть истинным солдатом и своими большими заслугами располагает к себе офицеров и солдат. Его природная приветливость и приятные манеры также весьма способствуют упрочению любви, которую он заслужил у своих подчинённых, однако всё это перевешивает большая отвага, за которую его уважают… Различные проведённые под собственным командованием Голицына операции убедительно свидетельствуют о том, что ему не занимать приличествующей генералу храбрости. Он на службе в годы войны приобрёл большой опыт, выполняя задания, в том числе и опасные. Он не корыстолюбив, а охотно делится с другими тем, что имеет с собой в походе. Сам царь также хвалит его, говоря, что ценит его более, чем какого-либо другого своего генерала, и часто публично говорит, что Голицын намного превосходит самого Шереметева… Он курит много табаку и имеет обыкновение, идя навстречу неприятелю, держать во рту трубку, не обращая внимания на летящие вокруг него пули и на направленное на него холодное оружие, из чего можно сделать вывод о его большом самообладании во время акции, которое может почитаться за одно из важнейших качеств всякого генерала»[1]. Английский дипломат К. Рондо добавлял: он «с детства воспитан солдатом и доблестно отличился на военном поприще… муж великой доблести и отваги беззаветной: мужество своё он доказал многими подвигами против шведов… Таким образом он приобрёл более познаний в искусстве войны, чем кто-либо из русских генералов, и этим снискал уважение и лю-

---

[1] *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 324–325.

бовь всего войска. По этой же причине… царь Пётр I никому не оказывал большего уважения, чем князю»[1].

Людвиг Николай Алларт считался одним из лучших европейских инженеров и генералов. В чине генерал-лейтенанта руководил осадой Нарвы в 1700 г. В оборонительной кампании 1708–1709 гг. в Белоруссии и Малороссии командовал дивизией в чине генерала. В Полтавской битве распоряжался левым крылом пехоты, отразил удар гвардии Карла XII и уничтожил правый фланг шведов. Возведён в кавалеры ордена Андрея Первозванного. По заданию Петра I составил толковую «Историю Северной войны» на немецком языке.

Курляндец Карл Эвальд Рённе после службы у шведов, голландцев и саксонцев получил чин полковника в 1702 г. в драгунских частях Русской армии. Инициативный и храбрый рубака по напору, риску и алчности был подстать А. Д. Меншикову. В Полтавской битве дрался в зоне редутов, отражая натиск пехоты и кавалерии врага, был тяжело ранен. За храбрость получил чин полного генерала от кавалерии. Как опытный кавалерист внёс большой вклад в становление драгунской конницы в России.

Князь Аникита Иванович Репнин бился под Азовом в 1695–1695 гг. и участвовал в штурмах Нотебурга, Шлиссельбурга и Нарвы в 1702–1704 гг. В 1708 г. достойно сражался против Карла XII в бою при Головчине и «показал дело своё мужественно» под деревней Лесной в 1708 г. В Полтавской битве командовал пехотными полками на правом фланге и сбил с поля пехоту левого крыла противника. Осаждал Ригу в 1709–1710 гг. и стал её первым генерал-губернатором.

Адам Адамович Вейде участвовал в Азовских походах 1695/96 гг., посетил несколько европейских стран, составил в 1698 г. «Воинский устав», успешно держал оборону в сражении под Нарвой в 1700 г.

Князь, подполковник Преображенского полка Василий Владимирович Долгоруков в 1705 г. был ранен при осаде Митавы, воевал против шведов в Польше, Белоруссии и на Украине, усмирял восстание булавинцев на Дону в 1708 г. и за скорую расправу был произведён в подполковники Семёновского полка. В судьбоносной битве под Полтавой командовал драгунами

[1] Там же. С. 325.

на правом фланге Русской армии. В 1710 г. участвовал во взятии Выборга.

Не вписался в круг этих воинов лишь генерал-фельдмаршал-лейтенант Л. Г. Янус фон Эберштедт, которому поручили командовать кавалерией. При абсолютном незнании русского языка, он был самолюбив, самоуверен и сразу же начал ссориться с М. М. Голицыным. Он откровенничал, что нанялся к русским только ради денег. В армии Петра I Янус был и платным агентом-осведомителем австрийского правительства, раскрывшим тому план русского вторжения в Дунайские княжества[1]. (На месте Януса был бы более кстати герой Калиша, Лесной, Батурина, Полтавы и Переволочны фельдмаршал А. Д. Меншиков).

На войну с турками собралась и часть остзейских немцев, бывших подданных шведской короны. Среди них были бывший генерал-майор и вице-губернатор Риги Г. Э. Альбедюль, советовавший нанести удар в сердце Швеции, три полковника, два подполковника, два майора, четыре капитана и поручик[2] (Часть шведских рядовых и капитан Э. Х. Раппе перебежали к туркам. См. Приложение № 2).

Австрийский посол Г. В. Велчек в конце февраля 1711 г., остерегал русское правительство не надеяться на благоприятный исход кампании и предупреждал о 300-тысячной (с тремястами пушками) османской армии[3]. Велчек отклонил предложение о русско-австрийском оборонительном союзе и указывал, что император Иосиф I не боялся турок, «тем более, что он смирил всю Венгрию». По мнению Велчка, русские смотрели на войну слишком оптимистично. Они рассказывали, что опередят врага своим вторжением в его земли, казаки и калмыки нападут на Крым и заставят турок разделить силы. Осад крепостей не будет, склады снабжения есть в Киеве, потом они появятся и на Правобе-

---

1 *Wittram R.* Peter I… S. 487; ППВ. Т. 11/2. С. 84–85.; *Lukinich J. A.* S. 442, 572–573. Как раз в мае-июне Вена определила ему связного офицера. Инструкция австрийского двора Велчку 10 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 42. Янус соперничал с таким же осведомителем австрийцев — К. Э. Рённе. Русское командование не знало о связи обоих с габсбургской разведкой.

2 ППВ. Т. 11/1. С. 354.

3 РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 58. По наблюдению Велчка, хотя русские и говорили, что османское войско не представляет опасности, но на самом деле они были сильно озабочены. Донесение Велчка из Москвы 5 марта 1711 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 85.

режной Украине. В случае русско-австрийского союза император Иосиф I может напасть на турок либо через Венгрию, либо послать австрийские войска на помощь русским. За всё это будет заплачено и альянс будет взаимовыгодным. Велчек давал такой комментарий: если у турок будет столько же войск, как в 1683 г., то царь попадёт в тяжёлое положение, так как не имеет хороших офицеров и генералов, кроме д'Энсберга и Януса. Драгуны в седле держатся плохо и ссаживаются для боя, что непригодно в войне с турками. Нет ни ясного плана войны, ни большого войска, ни денег; решения меняются ежедневно. Как русские будут противостоять огромной османской силе — неясно[1]. О том же нашептывал австрийцам «тайный секретарь» Ижёрской канцелярии А. Д. Меншикова крещёный еврей А. П. Веселовский: несмотря на «большое послушание», рекрутов отправляли в кандалах и русским будет трудно собрать армию в 60 тысяч человек[2].

Получая путаные вести с Балкан, русское правительство учитывало выход турок в Молдавию и присоединение к ним шведов Карла XII и поляков-станиславцев. Брались в расчёт и набеги крымцев на Украину, и высадка турецкого десанта с моря у Азова и Таганрога. (От «выходцев» и языков знали, что османский флот пойдёт к Азову и Таганрогу).

Турецкий командный состав русское командование считало неопытным[3]. «*Турок ставили за мало*» — за этими, сказанными уже вслед за прутской неудачей словами, Пётр I скрыл целый

---

1 Депеши Велчка 23 января и 26 февраля 1711 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 53, 56, 68–69. 27 января Велчек ещё раз подчеркнул отсутствие чёткого плана и слабость военных приготовлений, в сравнении с которыми силы императора выглядели явно выигрышнее. Там же. Л. 70. «Русская кавалерия… рассеивается при первой атаке и только позже собирается снова, а потому, конечно, вся будет изрублена турецкой кавалерией, обыкновенно нападающей плотным строем, опрокидывая и кроша всё, что попадёт под руку, при малейшем замешательстве или беспорядке в неприятельских рядах, не давая им опомниться ни на минуту». Пересказ слов Велчка Л. Вейсбродом в письме 1 февраля 1711 г. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 405.

2 Когда из Москвы в Польшу под надзором 200 старослужащих отправили 4 тысячи рекрут, то те будто бы исчезли вместе с сопровождением. Донесение Г. В. Велчка из Москвы 15 марта 1711 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 47. Прусский посол И. Г. Кайзерлинг правильно полагал, что царь не сможет выставить против турок больше 40–50 тысяч солдат. *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 306.

3 О. Плейер — вдове-императрице Элеоноре 29 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 51.

пласт промахов. В отличие от тщательно разработанных операций против шведов, кампания 1711 г. стала рискованной импровизацией. После оборонительных боёв 1677–1678 гг. у Чигирина, русские не имели полевых сражений с численно превосходящими османами. В результате триумфов 1709–1710 гг. над лучшей армией Европы в Москве надеялись, что Турецкая война будет быстротечной. Впрок будущим союзным христианам заготовили даже наградные медали[1] (см. рис.), но не создали для наступающей армии достаточных складов продовольствия. (В феврале 1711 г. «на пропитание трёх дивизий с артиллерией» Шереметев указал создать магазины в Пинске, Остроге, Луцке и некоторых других городах.)[2] Выгоду позднего начала военных действий, когда к осени османское войско стремилось разойтись по домам, не учли и операции решили вести летом. («Касимов день» 25 октября считался в Турции днём окончания военных действий.)

Князь Меншиков бравировал возросшей по сравнению с Крымскими и Азовскими походами мощью России, которая де позволит быстро расправиться с войсками султана.

И всё же основным было стремление избежать войны на южных границах. 6 января 1711 г. в день, когда крымское войско уже отправлялось на Украину, царь сообщил султану Ахмеду III, что если тот сохранит мир, «то хотя войска наши в свою опасность и приближатся к границам, однакож никакого неприятства чинить не будут… и паки от границ ваших отведены будут, «и мир без нарушения с нашей стороны с Вашим Величеством содержан будет»[3].

9 января 1711 г. Пётр приказал «нижнего и верхнего юрта атаманам и казакам» и всему Войску Донскому быть готовыми отразить нападения врага «морем и сухим путём», но «прежде начинания с турской стороны… никаких неприятельств к ним не показывать»[4].

---

[1] Торговый консул в Венеции Д. Ф. Боцис — Г. И. Головкину 18 августа 1711. РГАДА. Ф. 41. Оп. 1.1711. Д. 2. Л. 27–31 об.; ППВ. Т. 11/1. С. 422–423.

[2] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 5. В то время сено в Малороссии стоило 10 алтын пуд, овёс — 1 р. четверть. Шереметев Б. П. Переписка и бумаги графа Б. П. Шереметева. СПб., 1879. С. 322.

[3] Пётр I — Ахмеду III 6 января 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 25.

[4] ППВ. Т. 11/1. С. 28–29.

В двадцатых числах января русская сторона согласилась на мирное посредничество австрийцев, которым было сообщено, что турецкие претензии необоснованны, что Карл XII будет пропущен через Польшу при конвое, не превышающем 5000 человек и что христианские страны не должны допускать войска ислама в Речь Посполитую и Россию. Русские канцлеры сообщали о нежелании верховного везира воевать, о чём тот заявлял английскому и голландскому послам, и что конница хана Девлет Герая будет заперта в Крыму из-за вторжения туда русских сил от Азова.

И Россия, и Османская империя начинали конфликт «без сердца». Турки не были уверены в исходе войны. «Везир и другие командиры… вступают в кампанию с большой неохотой, тем более, что сам султан недоволен войной, а лучшая часть населения открыто выражает свои страхи и неприязнь к ней»[1]. 23 января царь говорил Г. В. Велчку о желательности «примирения» с турками, но без принятия ультиматов Порты[2].

Петру I было всё равно, кто в Европе склонит султана к миру — Франция или её противники — Англия и Нидерланды («Речь Посполитая Галанская», «Статы»). В январе — феврале 1711 г. послы в Вене «аглинской и голанской… говорили [русскому послу И. Х. Урбиху], что писали к ним министры их из Царяграда, якобы турок, хотя и зачал войну, против Царскаго Величества, однакож в разкаяние приходит и хочет мир паки возобновить». 2 марта канцлер Г. И. Головкин просил через посла в Гааге А. А. Матвеева, чтобы Статы «своими средствы потрудилися ту войну прекратить»[3]. Французский посол в Стамбуле П. П. Дезальер весной 1711 г. считал, что в случае неблагоприятного для Порты хода кампании, можно предвидеть заключение мира[4].

Ради примирения со Стамбулом продолжались контакты с французским послом Ж. К. Балюзом и вождём венгерской Освободительной войны Ференцем II Ракоци в Польше. Ференц Ракоци давал знать, что если царь поддержит его как князя независимой Трансильвании, то он отдаст под протекторат царя людей «русской веры» (видимо, русинов) Венгерского ко-

[1] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 102.

[2] *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1971. С. 109.

[3] ППВ. Т. 11/1. С. 400

[4] *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia… C. 52.

ролевства (примеру которых последуют де православные Османской империи) и пошлёт на русскую службу 4000 венгров[1].

Россия на юге с XVI в. традиционно вела войны на крымском направлении. Впервые в истории русско-турецких конфликтов борьбе против Крыма ошибочно отвели подчинённую роль[2]. О превентивном вторжении в Крым никто не думал, о сроках набега татар не знали, драгун на опасных направлениях не выставили, калмыков загодя не вызвали, казакам Скоропадского «управиться» с татарской конницей было не под силу.

5 января главнокомандующим в предстоящей войне до приезда в армию Шереметева был назначен генерал-лейтенант М. М. Голицын: «всё в вашей команде состоит. И надлежит вам смотреть на обращение неприятельское, а наипаче на Каменец, дабы турков не впустить» — писал Пётр I[3].

Сбор новобранцев проходил с трудом — к партиям в две тысячи набранных приходилось добавлять по сотне рекрут для компенсации тех, кто сбежит по дороге и по 6 лошадей для погони за беглецами.

В районах Можайска, Ярославля, Твери, Переяславля-Залесского, Волока Ламского зверствовали «великим собранием» толпы дезертиров и крестьян — они отбивали рекрут, которых насильно включали в свои шайки, грабили проезжих и жгли деревни. Для отлова беглых солдат поставили заставы в Можайске, Вязьме, Дорогобуже и Смоленске. 18 февраля опубликовали амнистию бежавшим и «воровавшим» с 1700 г. драгунам, солдатам, рекрутам и матросам. Если те явятся в Воинский приказ или в города к губернаторам, то станут «заслуживать свои вины» в прежних чинах, если же за полгода не явятся, то им уготована смерть[4]. Всего в марширующую на юг армию было зачислено

---

[1] Так говорил Г. И. Головкин английскому послу Ч. Витворту 29 мая 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. С. 442–443. В мае 1711 г. полковник драгунского Гренадёрского полка Х. Ф. Ропп в трёх милях от Дрогобыча распределял среди эмигрировавших куруцев 12 тысяч ефимков. ППВ. Т. 11/1. С. 225.

[2] *Рахаев Дж. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М., 2012. С. 74.

[3] *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 120.

[4] До 20 августа 1711 г. в Воинский приказ явилось всего-навсего 147 человек РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 124 об., 141 об., 144, 202, 336.

12 324 новобранца. Таким образом, из 38 тысяч сражавшейся на Пруте регулярной армии до трети составили новички, которые «и во крестьянех быть негодны, не токмо что в солдатех»[1]. (Противопоставлять на этом основании боеспособность османского и русского войска не следует: из Малой Азии и с Балкан на север шли тоже не все ветераны Турецкой войны 1683–1699 гг.).

Сбор денег на военные расходы проходил тоже с трудом. С Казанской губернии в 1711 г. с ратушских доходов и с ясачных людей Ближняя канцелярия предполагала собрать в Воинский, Артиллерийский, Адмиралтейский, Посольский приказы, в Петербургскую губернию и в низовые полки 276 388 руб., но собрала только 11 756 руб.[2]

Военные приготовления приостановились после ложного сообщения А. Н. Сенявского о том, что в Стамбуле, где были недовольны объявлением войны России, был поднят мятеж и задушен султан Ахмед III[3]. 14 января 1711 г. послу А. А. Матвееву поручили ходатайствовать в Гааге о «миротворении с Турскою Портою» и предложить условия мира со Швецией (Ингрия, Карелия, Эстляндия и Выборг России, Лифляндия с Ригой — Короне Польской). За это Петербург обещал поставить 30 тысяч солдат против Франции. Если морские державы принудят шведов к миру, то Россия переймёт «опасность с стороны турецкой на себя» и вступит в союз против Франции[4]. (Осенью 1711 г. царь обещал Людовику XIV во время войны за Испанское наследство «ни с кем вступать в алианс против турка»)[5].

Шесть месяцев, по мнению царя, было необходимо для подготовки войны с Турцией[6], а этого катастрофически не хватало.

С зимы 1711 г. началась война с пространством. 11 февраля от Риги в «великий ветер и снег» в тысячекилометровый поход

---

[1] Доклады и приговоры состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого СПб., 1880. Т. 1. С. 101. Пётр в письме Сенату от 19 июня предписал губернаторам самолично «пересматривать рекрут». ППВ. Т. 11/1. С. 296; РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 456 об.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 48–50.

[3] РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 67.

[4] ППВ. Т. 11/1. С. 38–41, 355.

[5] Инструкция Б. И. Куракину и Г. И. Волкову в сентябре (или октябре) 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 117.

[6] *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения… С. 269.

через заносы, половодья, реки и припятские болота к Молдавии поднялась пострадавшая от чумы пехота фельдмаршала Шереметева вместе с артиллерией генерал-лейтенанта Я. В. Брюса. 9 рот «Полка артиллерии» (из них одна бомбардирская, одна минёрная, одна понтонная) были под командой генерал-майора Гюнтера. По штату там было 1227 человек (среди них — несколько десятков шведов, изъявивших желание воевать против турок). В фурманской части было 1514 человек, 2679 лошадей[1].

Больных оставляли в городских пунктах сбора с выделением туда фельдшеров от каждой дивизии. 17 марта Шереметев получил указ следить за укладкой гатей на Припяти, чтобы войска успели перейти по льду. (Припять вскрылась и пришлось делать паромы).

Под командой генерала А. А. Вейде были гвардейские Астраханский и Ингерманландский, а также Гренадёрский, Ивангородский, Копорский, Лефортовский, Ренцелев и Тобольский полки. В дивизии генерала князя А. И. Репнина были Белгородский, Бутырский, Гренадёрский, Киевский, Нарвский, Тверской и Шлиссельбургский полки. В дивизии генерала Л. Н. Аллларта — Гренадёрский, Казанский, Московский, Нижегородский, Псковский, Сибирский и Устюжский полки. В полках и дивизиях завели лазареты («шпитали»).

Для прикрытия Подолии к «волошским границам» из Польши двинулись 10 полков генерал-фельдмаршал-лейтенанта Л. Г. Януса и его заместителя М. М. Голицына[2]. Киевский губернатор Д. М. Голицын должен был защищать Малороссию, а адмирал Ф. М. Апраксин «наступательно и оборонительно на суше и на воде» — в Приазовье.

Тогда же из предосторожности запретили выезд из России на юг греков, валахов и молдаван. Малороссийскому войску поручили вспомогательную операцию на второстепенном направлении — идти к Днепру в Переяславль и «чинить отпор неприятелю» вместе с русскими полками. Две тысячи казаков предполагалось послать на защиту Азова. На Украину направ-

---

1 На самом деле в наличии было не больше 970 строевых чинов, сотня мастеровых, около двух тысяч лошадей и 1150 чинов фурштата. (В Прутском походе пало 502 лошади.) *Бранденбург Н. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. // Артиллерийский журнал. 1897. № 1. С. 2–4, 12.

2 *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 54–55.

лялся дополнительно полк М. Г. Ромодановского. Помня об измене Мазепы, из предосторожности всем жёнам генеральной и войсковой старшины и жене самого гетмана И. И. Скоропадского велели собраться в Глухове. Жёнам правобережной старшины указали перебраться в Киев. Несколько старшин предполагалось заменить новыми[1].

Приходилось оглядываться и на волнения в центре страны, на донских казаков и башкир. О поисках покровительства феодальной верхушки башкир в Крыму и Стамбуле Москве было известно. Башкиры весной 1711 г. угрожали нападениями с севера на тылы союзного ханства Аюки и появились «недалече Самары» и летом 1711 г. подходили под Уфу[2]. Казанскому и астраханскому воеводе П. М. Апраксину царь указал 5 марта «наипаче возмущения на Дону остерегаться». Возможно, под влиянием молвы о войне с турками, в Казани среди пленных шведов замышлялся мятеж, но заговорщики были выданы одним из саксонцев[3]. Шведских пленников из Азова и Воронежа отправили в Сибирь.

Пётр I, предложив 3 марта 1711 г. воевать за «свободу и вольность» христианам Сербии, Славонии, Македонии, Боснии и Герцеговины, 4 марта отправил с капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Александром Бековичем Черкасским воззвание «Татархану, князю черкесскому и братьям ево и прочим владельцом и всему народу тому и кабардинских и горских черкес» при поддержке калмыков, донских, яицких и гребенских казаков, показать «службу и верность против салтана турского и хана крымского»[4]. Александр Бекович призывал

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 364–365. Распоряжение о роспуске жён по домам после возвращения Скоропадского из похода было дано уже после Прутского мира 3 августа 1711 г. из обоза от Могилёва-Подольского. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 9. Л. 17 об.

[2] П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину 3 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 495.

[3] На допросах выясняли, нет ли у пленных сговора с казанскими и астраханскими татарами. Донесение Г. В. Велчка из Москвы в Вену 14 марта 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 46; Д. 13. Л. 193, 211.

[4] ППВ. Т. 11/1. № 4312. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2. С. 3. 9 апреля 1711 г. Ф. М. Апраксин и И. А. Толстой через донских казаков послали «листы», в которых упоминались «обиды, налоги, тяжкое разорение, наругательство» и захват детей крымцами и ногайцами в Кабарде и предлагалось быть «под

не только адыгов, но и всех горцев Северного Кавказа (кумыков, мичкисов и чеченцев) пойти «в службу» Царского Величества.

«На кубанцов иттить и их разорить или покорить, с помощию Божиею» — такова была резолюция Петра Великого на донесении П. М. Апраксина от 5 марта 1711 г. Подбодрить кабардинцев должна была грамота Петра I о том, что грузинский царь Арчил II «постановил служить нам, великому государю» и даст ведомость в Кабарду о том, что грузины «с крымцами такожде завоевались». «Кабардинских и горских черкес» царь «милостиво изволял» принять «к себе в подданство и оборону, не требуя никаких податей и обещая «погодное жалованье»[1].

1 (12) февраля 1711 г. русские канцлеры снова сообщали Габсбургам, что против турок соберут 60-тысячную армию. 27 тысяч солдат стоят в завоёванных у шведов крепостях, 8 тысяч с польской границы будет переброшено на помощь Дании, а 10 тысяч украинских и донских казаков вот-вот вторгнутся в османские владения.

К главной армии царь собирался присоединить хотя бы 2 тысячи калмыков или послать 4 тысячи к Каменному Затону, но калмыцкий хан Аюка возможно обманывая, сообщал, что опасается башкирского удара по своим кочевьям[2]. Перед австрийцами царь блефовал, что калмыков с ним будет 15 тысяч[3]. На самом деле ни одного калмыцкого всадника не было в Дунайском походе.

Из-за пожаров, разбоев и чумы, катившейся из Прибалтики и Украины, пришлось ставить посты из отставных дво-

рукою» Великого государя и «чинить противность» татарам. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 233–235.

[1] Грамота Петра I кабардинским владельцам 4 марта 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 122–123. Резолюции 5 марта на доношении П. М. Апраксина. Там же. С. 129.

[2] ППВ. Т. 11/1. № 4313 и прим., № 4411, 4443.

[3] Донесение Г. В. Велчка из Москвы 5 марта 1711 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 57. Велчек слал в Вену другое: набор рекрутов проходил «зело тупо» из-за отсутствия резервов. Офицеры плохи, многие только впервые набраны из дворян, часть их уклоняется от службы, кавалерия плохая, складов провианта нет, и если турки начнут наступать с такой же силой, как в 1683 г., то царь не сможет оказать им сопротивление. Депеша Г. В. Велчка из Москвы 12 февраля 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 73.

рян у Клина, Переяславля-Залесского, Можайска, Тулы, Калуги, Коломны, Боровска, Алексина, Дедилова и по реке Угре. (18 июля 1711 г. эти заставы были сняты).

1.4. ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАБЕГ КРЫМЦЕВ

Почти до марта теплилась надежда, что Турецкая война минует Россию. В связи с надеждой на мир, русское командование не планировало зимой-весной 1711 г. превентивных ударов по Крымскому ханству и предупреждающие нападения нанесли крымско-татарские войска на Правобережной (до Киева) и Левобережной (до Харькова) Украине. Они были болезненными и сильно осложнили кампанию.

В конце декабря 1710 г. Девлет Герай вернулся из Стамбула в Бахчисарай и быстро, всего за три недели мобилизовал конницу. «Зловерная орда Крымская оголосила войну». 12 января 1711 г. хан писал Карлу XII из Бахчисарая, что атакует московские владения одновременно с разных направлений вместе с запорожцами и малороссийскими казаками («барабашами»). Из Крыма Девлет Герай послал к Днестру «ханского гетманчика» Петрика для вербовки казаков.

С ханом начали поход его сын калга Мехмет Герай и три брата, а также его племянник Ислам Герай. Войска Селим Герая с Кубани собирались пройти на север между Азовом и Новосергиевской крепостью и после облав на рабов соединится с ханом[1].

В январе 1711 г. Карл XII для отвоевания польского плацдарма, объявил войну «узурпатору» Августу II. В манифесте к полякам он обвинял короля-саксонца в разрыве Альтранштадского договора 1706 г., грабежах в Польше и заявлял, что вместе с «Оттоманским императором и великим ханом татарским» защитит польские свободы[2]. В универсалах для запорожцев Карл XII восхвалял гетмана Ф. Орлика, турок и татар,

---

[1] *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P. 470, 474–475

[2] Manifeste du Roi de Suede contre le Roi Auguste. Dabantur ad urbem Benderam die 28. Januarii 1711. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 4. P. 236–238. За полгода до этого 17 июня 1710 г. шведы обещали превратить всю Речь Посполитую в вассала турецкого султана. [*Тальман И. М.*] Турция накануне…С. 29, 89.

которые сохранят вольность Украины от «московского ига»[1]. К Харькову отправился хан, а к Белой Церкви и Киеву — Мехмет Герай[2]. 1 января 1711 г. полякам и казакам было велено из Ясс идти к Соро́кам и хоть они пострадали от морозов, но по пути вместе с ногайцами разоряли местноть.

Операцию крымцев целесообразно, забегая вперед, осветить вплоть до апреля 1711 г. Посылая буджакских ногайцев на юго-восточные земли Польской Короны, турки не считали это войной против Речи Посполитой — ведь почти половина «польской» Правобережной Украины была под военным контролем России. Главной целью набега было опустошить местность перед Русской армией. Нападавшим предписывалось забирать скот, провиант и фураж, но «не рубить и не брать в полон» жителей Правобережья[3].

В то время за «пустой и разорённой» молдавской границей прикрывая Подолию, наблюдал генерал-лейтенант М. М. Голицын. Под его командой были 8 драгунских полков генерал-майора А. Г. Волконского и два пехотных генерал-майора И. Видмана, а также казаки и молдавские гусары. От агентов, возвращавшихся из Молдавии и Бендер, М. М. Голицын в декабре 1710 г. в галицийском Ярославе получал ложные вести о турецких планах. Уверенности в казачьих полках Правобережья у него не было («черкасы нам небезопасны») и он просил усилить его корпусом, который собирался в Померанию, и русской пехотой из Великого княжества Литовского. Голицын держался мнения, что не надо вторгаться в Молдавию, провоцируя турок на её занятие. 29 января 1711 г. от «корреспондентов и шпигов» из Молдавии и Валахии он получил сведения, что «на Немиров и на пасы наши будет выправляться сими числы» партия, хан и Орлик «как станут реки», пойдут на Украину. Турки же до весны «фундаментально» к войне не готовы и станут «изнурять» русских только партиями[4].

---

1 «Literae universalis regis sueciae ad ucrainensis» 28 января 1711 г. — ЧОИДР 1847. № 1. С. 35.

2 В. Е. Возгрин ошибочно пишет, что зимой 1710/11 гг. ханство бросило на левый и правый берег Днепра по 40 тысяч воинов (т. е. всего 80 тысяч) и «отправило» (на самом деле угнало в рабство) в Крым 10 тысяч «пленных». *В. Е. Возгрин*. Военно-политический конфликт… С. 61–62.

3 Расспросные речи ногайца 13 февраля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 221–222.

4 М. М. Голицын — Петру I и П. П. Шафирову 29 января 1711 г. из Злочева. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 216. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13.

Воевать с Речью Посполитой и Августом II Саксонским и Польским Порта не собиралась[1]. Но гвардейский командир, под влиянием поляков, ошибочно предположил, что следует прикрывать не киевское, а более уязвимое «польское» направление, так как через «факции» поляков османы могут захватить плохо укреплённый Каменец-Подольский с гарнизоном всего в 1200 человек («а где Каменец будет, там и поляки»). Голицын считал, что противник двумя дивизиями начнёт наступать на полки Волконского и Видмана, прикрывающие Подолию, третьей дивизией — на 50 хоронгвей Коронного войска, стоящих «на пасах» к югу от Каменца-Подольского и, наконец, ещё две дивизии пойдут на Правобережную Украину, чтобы скрыть место, где будет прорываться шведский король[2]. Ошибочным было предположение, что зимние нападения «татарских партий» на русские границы, будут иметь цель, «чтоб нас ис Полши отманить, а им бы, турком, теми числы короля шведцкого отпровадить в Каменец-Подольской, и ежели мы ис Польши выйдем, то можем и поляков от своей стороны отлучить»[3].

В остальном его действия были правильными. Он распорядился быть войскам «во всякой осторожности и к походу готовыми», просил прислать к нему пехотные Ингерманландский и Астраханский полки, «которые имеют быть на конех» и, в добавку к полякам, ввести русские гарнизоны в Каменец-Подольский и в крепость «Окоп Св. Троицы», расположенную при впадении реки Збручь в Днестр[4]. Русские полки от Орши и Но-

---

Л. 332. «Языки» на допросах говорили, что под Бендерами турки соединятся с Карлом XII, а хан, выйдя на Украину, будет «смотреть» на казаков. Если те перейдут на сторону османов и крымцев, то он вторгнется на великороссийские земли, в противном случае станет разорять украинцев. Допрос пленного крымца. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 33. Л. 3; АЮЗР Ч. 3. Т. 2. С. 187–188.

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 7а. Л. 28–29; *Sutton R.* The dispatches of sir Robert Sutton. L., 1953. P. 37, 220.

[2] Г. Ф. Долгорукий — Петру 26 января 1711 г. из Ярослава. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею…С. 39; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 15. Д. 9. Л. 1–2.

[3] М. М. Голицын — П. П. Шафирову 2 января 1711 г. из Ярослава. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 211. Из-за этой ошибки Голицыну в марте 1711 г. пришлось гнаться за татарами, запорожцами и поляками вплоть до Белой Церкви.

[4] Поляки уверяли Голицына, что свой двухтысячный гарнизон в Каменце-Подольском они усилят до шести тысяч, но просили выплатить

вогрудка Голицын предлагал переместить на Волынь, а корпус, назначенный для похода в Померанию, сместить в Мазовецкое воеводство, «чтоб во время неприятелских оборотов могли заступить путь от нашей границы». Он же советовал заранее заполнить продовольственные склады «для прибудущих войск», хотя это было бы и «не без злобы» для поляков[1].

Выбитые Полтавской битвой в Молдавию осколки шведов, поляков и запорожцев были ничтожны, но война Османской империи и Крымского ханства с Россией дала им надежду вернуть потерянное. В январе 4000 татар появилось у Умани. Разведку вели польские кавалеристы и татары-липки (потомки «литовских» татар, ушедших из Речи Посполитой к туркам). На положении «инструкторов» были 30 шведских офицеров с генерал-майором Г. Цюлихом, а также несколько драбантов и офицеров шведской гвардии. Карл XII поначалу заверял хана, что последует за татарским войском[2], но, видя слабость конгломерата, он не счёл возможным возглавить его и ограничился проводами «великого коронного гетмана» Ю. Потоцкого на несколько километров.

В феврале поднялась основная сила — почти вся Буджакская и Белгородская орда, вооружённая копьями, саблями и луками. 11 февраля к ней из-под Бендер присоединился Ю. Потоцкий с тремя тысячами «ляхов», пятью пушками и гетман Ф. Орлик «обоих сторон Днепра в войсках Запорожских» с четырьмя тысячами конных и пеших запорожцев. Начатый в начале февраля рейд Мехмет Герая на правобережные «казацкие земли» предварялся универсалом, в котором писалось, что его отец, подняв все силы против «врагов свободы», доверил ему освобождать буджакцами и ногайцами от «нестерпимого ига московитов» угнетённую Польшу, отважных

обещанные по договору 1704 г. деньги на жалованье Коронному войску, которое в противном случае может «пристать до противной стороны» и выдать им провиант с русских «винтер-квартир». М. М. Голицын — П. П. Шафирову 26 декабря 1710 г. Походная канцелярия…Шафирова. Ч. 1. С. 206–208.

[1] М. М. Голицын — П. П. Шафирову 9 января 1711 г. из Сосниц. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 212–214.

[2] Карл XII — Девлет Гераю 3 февраля 1711 г. [*Lagerberg S.*] Acter, rörande öfferste lieutenanten Sven Lagerbergs beskickningar ifrån Bender till Tartar Chan // Handlingar, hörande till Konung Carl XII's historia… S. 136.

запорожских и малороссийских казаков. Всем, кто объявит себя за «светлейшего» короля Станислава I и присоединится к «фельдмаршалу Польского королевства» Ю. Потоцкому и пану гетману Войска Запорожского и Малой России Ф. Орлику, будет оказана защита и помощь; кто воспротивится, будет сочтён за предателей Отчизны и истреблён. Правое дело завершится победой, тем более, что «всемогущественный король» шведский не сложит оружия, пока не освободит своих союзников от рабства короля Августа II и царя Московского[1].

Больше половины казаков были без ружей, «понеже от голоду продавали, идя из Бендер и ныне одни палки имели при себе»[2]. Современные украинские историки пишут, что в 1710 г. Орлик готовил «великое национально-освободительное восстание на Украине» и хотел втянуть в шведско-русское противостояние Турцию, Крым и Молдавское княжество с целью создания «независимого Украинского казацкого государства»[3]. Выдумки Орлика предвосхитили фальшивку «Завещания Петра Великого». Ради «извержения ярма московского» гетман «обеих сторон Днепра» в универсале к «валечному (воинственному) народу малороссийскому» раздул погудку Мазепы о планах Москвы забрить казаков в драгуны, истребить или загнать за Волгу «посполитый народ» вместе с донскими

---

[1] Manifeste de Mehemet Geray, fils de Cham des Tartares (1711). *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII…T. 4. P. 240–241. То же на польском языке: Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика и киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках // ЧОИДР. № 1. М., 1847. С. 36–49.

[2] Допрос польского фуражира-«челядника» Новосельского 21 февраля 1711 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 304; то же самое: РГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–13. Городовых правобережных казаков и запорожцев по другим преувеличенным данным было около 10 или даже 14 тысяч. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 491–492 об.; ППВ. Т. 11. Вып. 1. С. 385. Пленный ногаец 19 марта 1711 г. рассказал, что из Буджака пошло 8 тысяч орды с 12 тысячами запорожцев, которые от Белой Церкви вроде пойдут к Фастову и будут ждать там прихода турков. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 229. Цифру в 12 тысяч запорожцев приводит *Fabrice F. E.* Zuverlässige Geschichte Karl des Zwölften. Hamburg, 1759. S. 60.

[3] *Матях В. М.* Гетьман в емиграції Пилип Орлик: історико-історіографічний портрет політика // Український історичний журнал. Київ, 2001. № 4. С. 127, 128, 130.

и слободскими казаками, заселить Малороссию русскими, а тамошние гарнизоны пленными шведами и немцами. Ради покорения Швеции, Крыма и Турции, Москве якобы сначала надо поработить Украину. Мазепинец фантазировал, что некий московский вице-адмирал составил карту, которая «замыкает в себе все пристани Чёрного моря и того ж панства Крымского». Если татары потеряют украинскую «стену», то русские с помощью флота из Таганрога овладеют Крымом быстрее, чем весть об этом долетит до Царьграда. Захват Темрюка, Тамани и устьев рек, впадающих в Чёрное море, угрожает Турции, Персии, Китаю, Индии и всем государствам Балтики[1].

Нападавшие прорвались через пограничные кордоны. Когда ногайцы показались в двух милях к северу от Рашкова, Голицын «для охранения Каменца-Подольского» выслал 9 драгунских полков бригады Волконского, 1600 человек из бригады Видмана, а также Ингерманландский и Астраханский полки, молдаван, казаков и 20 хоронгвей полковника Загоровского, после чего неприятель отвернул на северо-восток к Немирову и Брацлаву[2]. Заняв Брацлав, орликовцы собрались его укреплять. Население принимало «гостей», чтобы спасти свои жизни. Жители обоих городов, входивших в магнатские имения Потоцкого, увидев многочисленное войско, встречали старых неприятелей — поляков и татар хлебом-солью[3]. Большинство казаков Богуславского, Корсунского, Уманского и Брацлавского полков перешло к Орлику. В то время киевский губернатор Д. М. Голицын сомневался, сможет ли он только своими силами защитить Печерскую крепость и старый Киев. Но белоцерковский полковник А. М. Танский, чигиринский полковник И. И. Галаган, брацлавский полковник И. Григораш с молдаванами остались на русской стороне[4].

---

[1] Универсал Филиппа Орлика народу малороссийскому 9 марта 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 225–228. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 478–482 об.

[2] М. М. Голицын — Петру I 16 февраля 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 385.

[3] Допрос пленного из отряда Ю. Потоцкого — РГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–13. М. М. Голицын — Петру I РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн13. Л. 295–298. М. М. Голицын — Петру 28 февраля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 40.

[4] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 17. Л. 16. Преувеличенным было высказывание Петра I: «здесь заднепрская Украина вся было к Орлику и воеводе

М. М. Голицын писал 18 марта 1711 г. из Злочева Петру I: сын хана, Потоцкий и запорожцы хотели пробиться к Каменцу-Подольскому, но их отбили на восток[1]. Помня измену Мазепы, в городках Лево- и Правобережной Украины расставили русских полковников. Бутурлин рапортовал Петру I, что в Чигирин из-за татар и для «обнадёживания малороссийского края» он посылает полковника Чернцова. Впрочем, по совету Скоропадского и Галагана, из-за того, что «некрепкое место» и твёрдой надежды на людей нет, потом решили перевести чигиринцев на восточный берег Днепра, а город сжечь. Частичное переселение началось в марте 1711 г. В середине марта 1711 г. пошёл в поход против крымцев генерал-майор Волконский[2].

Между тремя командующими — Мехмет Гераем, Потоцким и Орликом не было согласия. Потоцкий считал, что Правобережье может быть только польским, сгребал отовсюду провиант и просил придать ему 12 тысяч татар, чтобы пробиваться через Подолию в Польшу, но крымцы с Орликом отвернули на Правобережную Украину, надеясь присоединить казачьи полки. К Потоцкому «жолнежи», державшие сторону Августа II, не присоединялись и с ним осталось всего две тысячи исламских всадников[3].

«Загоны» направились к Белой Церкви. Нападавшие грабили хаты, разоряли русские церкви, сеяли страх и хватали пленных. Так писали шведские очевидцы. За ясырём[4] ногайцы гонялись вплоть до Полесья. «Валечное» (по выражению Ор-

киевскому пристала, кроме Танского и Галагана, но оною изрядно наши вычистили, и оных скотов иных за Днепр к гетману, а прочих, чаю, в подарок милости вашей в губернию на пустые места пришлём». Пётр I — А. Д. Меншикову 3 мая 1711 г. — ППВ. Т. 11/1. С. 216.

[1] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 45, 59.

[2] И. И. Бутурлин — Петру I 9 марта 1711 г. из Лубен. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 140 об., 143. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 51; М. М. Голицын — Г. Ф. Долгорукому 19 марта 1711 г. из Злочева. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 485.

[3] [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok. Utg. S. E. Bring. Stockholm., 1928. S. 90. Слухи, что Потоцкий соединится с ордой у Чигирина и там будет ожидать подхода Карла XII и турок из Бендер не подтвердились. Д. М. Голицын — А. Д. Меншикову 12 апреля 1711 г. из Киево-Печерской крепости. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 491.

[4] Ясырь — пленные, которых захватывали турки и крымские татары во время набегов на русские, польские, валахские, молдавские земли. — *Примеч. ред.*

лика) население разбегалось перед ордынцами и запорожцами. «Мы шли по пустыне… по пути — пустые хаты, лошади голодают». Карл XII даже просил султана отозвать буджакцев назад, пока турки не наведут среди них порядок[1]. Престиж мазепинского наследника Орлика был подмочен.

Как указывалось, казачий Белоцерковский полк не присоединился к Орлику. Белую Церковь, обеспечивающую контроль над Киевщиной и Брацлавщиной, защищали пять сотен русских солдат с полусотней пушек во главе с бригадиром Г. И. Анненковым, три сотни драгун и «белоцерковские казаки». Это была квадратная крепость размером 86х86 саженей с земляными валами, четырьмя бастионами, двумя равелинами и сухим рвом. Силы противника составляли не менее 30 000–20 000 ногайцев, 3000 «ляхов» и волохов, около 10 000 запорожцев К. Гордиенко и городовых казаков, но всего восемь пушек[2].

Первый приступ 25 марта 1711 г. был отбит артиллерией. Даже штурмовая группа, в которой на несколько сотен запорожцев приходился один шведский офицер, ничем не могла помочь. Как писал Вейсмантель, с такими «дикими людьми» взять крепость было невозможно — они не понимали ни немецких, ни шведских команд[3].

26 марта Орлик и кошевой Гордиенко обещали Потоцкому захватить город, если подступиться со всех сторон, в том числе Богуславским и Корсунским полком. Для устрашения вокруг города собрали всё наличное воинство. В 11 часов ночи 26 марта казаки под руководством шведов подвезли на возах множество фашин и восемь пушек. На рассвете четыре тысячи орликовцев «учинили со всех сторон окрик», прорвались через невысокий частокол, сожгли «нижний острог» (предместье) и «поделали шанцы». Но круглый, с пятью бастионами и высокими стенами белоцерковский детинец в 150 шагов в поперечнике на скалистом правом берегу реки Рось оказался крепким орешком.

---

[1] [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok... S. 85–87. Г. Г. Мюллерн — С. Лагербергу 2 июня 1711 г. // [*Lagerberg S.*] Acter, rörande… S. 185.

[2] Брат П. П. Шафирова сообщал Л. Вейсброду 3 мая 1711 г., что в нападении на Белую Церковь участвовало 40 тыс татар и казаков. — Сб. РИО. Т. 50. С. 427; *Trąbski M.* Przejęcie twierdzy Biala Cerkiew przez wojsko koronne w 1713 r. // Twierdze Osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojskowej. Oświęcim, 2016. S. 371.

[3] [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok... S. 89.

Казаки начали рыть шанцы, но стрельба сверху из 36 пушек препятствовала приблизиться к «замковой горе». В 4 часа ночи рота русских солдат вместе с частью казаков Белоцерковского полка ворвалась в шанцы, закидала землекопов гранатами и бросилась в рукопашную. Устремившуюся на выручку татарскую конницу отбили выстрелами из детинца. Неприятеля погнали через весь «нижний острог со многою стрельбою и бросанием гранат» вплоть до Фастовских ворот. Неприятель втащил пушки в нижний город и стал стрелять по верхнему, но новая вылазка с гранатами и штыками прогнала их.

Белая Церковь устояла. Два запорожских полковника было убито, захвачено 8 казацких и 14 татарских знамён из чёрной камки, луки и много стрел[1]. Налёт окончился сожжением предместья и превращением, как шутили шведы «Белой Церкви в Чёрную». Видя невозможность захвата детинца, неприятель ушёл к Фастову, потеряв до тысячи человек[2].

Татарское вторжение получило отпор и Коронного войска, которое не присоединилось к Потоцкому «плуту, изгнанному из отчизны своей». С польскими всадниками поручика Калитинского в разведку был отправлен бригадир Г. И. Кропотов. Наткнувшись на 6000 татар и потеряв 46 человек русских, около сотни поляков, этому отряду пришлось отступить. «И уж слава Богу, с татары, обще с войски нашими, бьются поляки» — сообщал П. П. Шафиров Ф. М. Апраксину 5 апреля 1711 г. из Луцка[3].

В пяти милях от Белой Церкви был «пойман родной брат кошевого Костки» Гордиенко, который был отправлен в Киев[4].

М. М. Голицын покинул Подолье и прошёл 250 вёрст до Белой Церкви, потом до Триполья и Богуслава. Марш от Каменца-Подольского бригады А. Г. Волконского и И. Видмана, Ингерманландского и Астраханского полков и польских сандомирян

---

[1] Трофеи были посланы в Киев. *Юль Ю.* Записки… С. 297.

[2] Реляция бригадира Г. И. Анненкова от 4 апреля 1711 г. о действиях у Белой Церкви в марте 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 229–231.

[3] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 65, 68. «Поляки к нам доброжелательны и обще с нашими бьются» против Буджакской орды, стоящей по Днестру — писал он 9 апреля.

[4] М. М. Голицын — Б. П. Шереметеву 20 апреля 1711 г. // Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев... С. 19. См. также письмо М. М. Голицына Б. П. Шереметеву от 25 апреля — РГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

грозил отсечь нападавших от Молдавии. Большая часть татарско-запорожско-польского воинства «ни малого бою дав», стала уходить, хотя некоторые татарские отряды завернули под Киев и выжгли большую часть предместья Василькова, обратив в бегство или пленив большинство тамошних жителей[1].

Конгломерат нападавших после провала под Белой Церковью рассыпался в разные стороны. Запорожцы бежали из Канева. Население тогда уже оказывало сопротивление, в том числе пожилые люди и женщины[2]. Русские войска спасли 7000 украинцев, «переловили» старшину («всех принцыпалов»), в том числе полковника Богуславского полка Самуся с его сыном Иосифом и полковника Корсунского полка и выслали их в Киев[3].

Реку Рось отступавшие перешли под Корсунью. 26 апреля Корсунский и Богуславский полки ушли за Южный Буг и в конце апреля через Ягорлык вернулись в Молдавию. Как язвил Скоропадский, изменник Орлик «отлетел в неведомые места». На обратном пути ногайцы и крымцы продолжали грабить церкви, угонять население и даже захватывать запорожцев, что вызвало вопли жалоб у Орлика о разграбленной и вырезанной лживыми татарами несчастной Украине, а также протест Карла XII Порте[4].

4 мая М. М. Голицын завершил преследование Орлика у Днестра. Тыл (Правобережье Днепра) был очищен[5].

---

[1] *Юль Ю.* Записки… С. 296.

[2] [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok… S. 90–94.

[3] ППВ. Т. 11/1. № 4413; М. М. Голицын — Петру I 16 апреля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 44.

[4] Literae ad Regem Sueciae… ducis Orlik. ЧОИДР. № 1. 1847. С. 38; Карл XII — С. Лагербергу 22 апреля 1711 г. из Бендер. [*Lagerberg S.*] Acter, rörande… S. 163. Провал единственного военного деяния своего отца сын Орлика — Григорий в 1736 и 1740 г. списывал на татарский грабёж и противоречия с Ю. Потоцким. *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 104. Лагерберг представил хану, что казаки могут отойти от общего дела. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 4. P. 487.

[5] 31 июля 1711 г. Пётр написал: «козаков, которые бунтовали, вывесть за ту их вину к Москве ближе, а протчих за Днепр перевесть». ППВ. Т. 11/2. С. 56. Переселение «к Москве и Петербургу» было отставлено. 27 сентября царь указал правобережным полковникам, старшине и казакам, желающим остаться в российском подданстве, переселиться в Малую Россию и получить компенсацию за «свои маетности, хутора и заводы», оставленные на правобережье Днепра. Там же. С. 150–151.

На Левобережную Украину набег возглавил сам Девлет Герай. Из Перекопа он вышел 23 января 1711 г. Сильные крепости — Каменный Затон и Новобогородицкая у устья реки Самара, были «не по зубам» нападавшим. Из Новобогородицкой солдаты гарнизона бросали гранаты, били ядрами из пушек, но посад был испепелён. Из-под крепости часть татар (8 тысяч) вместе с добычей ушла в Крым[1]. Татарское войско (вряд ли 30–40 тысяч, как говорили пленные на допросах) свободно просочилось вдоль Дона, целясь на Воронежские верфи и освобождение работавших там якобы 4000 пленных шведов[2]. В феврале орда появилась у Водолаг, Берёзова и у «самой Тарановки», а вместе с ней было до двух тысяч конных и несколько сотен пеших запорожцев, а также несколько шведов из Бендер[3]. Гетман Скоропадский в то время стоял в Лубнах. Городовые казаки не перешли на сторону татар, вопреки их надеждам.

В том же месяце 12 тысяч ханских воинов изменой взяли Новосергиевскую крепостцу. Жители посада с жёнами и детьми убрались в острог, к роте капитана Ивана Муханова. Казаки сверху поначалу открыли стрельбу и убили нескольких татар. Штурмовать даже такую слабую фортецию крымцы не могли и подослали запорожцев. Сотник Пляка добровольно выехал к хану на переговоры, после чего обратился к людям, что хан просит всего лишь провиант. Собрав «черкас» с ружьями и косами, Пляка пленил солдат и вывел их к Девлет Гераю[4]. По просьбе Пляки Новосергиевскую заняли две тысячи татар.

---

[1] Й. А. Нордберг писал, что в 1711 г. в крепости было 400 солдат, 600 казаков и 85 пушек. Он же фантазировал, что сожжение посада и 150 судов якобы сорвало русский план загрузить тут корабли пехотой и пушками и спустить их по Днепру в сторону Крыма. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… P. 480.

[2] Бригадир Ф. Осипов писал Д. М. Голицыну 19 февраля 1711 г. из Богодухова, что хан от Харькова пойдёт на Воронеж. *Мышлаевский А. З.* Война с Турцией… С. 43.

[3] Известие о набеге татарском из Мерефы 14 февраля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 222. Жители Водолаг приняли хана с хлебом-солью. Г. И. Головкин — И. И. Скоропадскому 13 мая 1711 г. Материалы ВУА ГШ. С. 712.

[4] Солдаты потом были отпущены ханом. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 223–224. М. М. Голицын писал, что Новосергиевская была захвачена якобы из-за нехватки пороха. М. М. Голицын — Петру I 29 января 1711 г. — РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 337.

Две недели Девлет Герай разорял Харьковский и Изюмский полки. Было подожжено 13 местечек и пять из них сгорели дотла. (Из-за этого набега Петру пришлось отправляться на юг не через Киев, как он собирался, а по дуге через Смоленск, Слуцк и Луцк). На стенах Харькова выставили посты. В начале февраля 1711 г. 6–10 тыс. ногайцев и И. Некрасов с двумя сотнями казаков захватили несколько пленных в Северо-Восточном Приазовье. Попытка 2–3 февраля взять одну из слобод, которая отбивалась ружейным огнём, не удалась[1].

Зимний поход для татар был трудным. В глубоких снегах от стужи и бескормицы и усталости пало до пяти тысяч лошадей[2]. В марте татары от Харькова отвернули. После оттепели пошёл ледоход. Не желая терять полон, они жердями притягивали льдину, держали на ней один конец верёвки, а другой перебрасывали на противоположный берег. На льдины загоняли невольников и те течением пригонялись к другому берегу[3]. Набег на Воронежские верфи, конечно, был не по плечу Девлет Гераю, но в целом действия разношёрстных сил выглядели успешно: захвачено в плен 11–12 тысяч (С. Лагерберг) украинцев, разорено много населённых пунктов[4]. 24 марта хан ушёл за Перекоп, 30 марта вернулся в Бахчисарай.

3 апреля генерал-майор Ф. В. Шидловский, узнав, что часть татар ушла под Бахмут и Тор, вышел из Харькова с Воронежским и Г. И. Анненкова полками, а также с 1267 казаками слободских Ахтырского, Харьковского, Сумского, Изюмского и Чугуевского полков и 11 апреля перешёл реку Орель[5]. Вместе со слободскими полками у него было 4112 человек.

---

1 После их ухода жители подобрали 3500 стрел. *Аваков П. А.* Оборона Крынкской слободы в 1711 г. (эпизод из истории русско-турецкой войны 1710–1713 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д., 2018. С. 95–105.

2 *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 222, 224–225, 232.

3 Менее чем за день таким способом переправили якобы около 70 тысяч рабов, причём потонуло очень мало — присочинял Нордберг. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P. 480–481.

4 Пётр I полагал, что отступление ногайцев Малой Орды на Кубань было вызвано переходом 10 тысяч калмыков через Дон. Пётр I — А. Д. Меншикову 6 марта 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 134.

5 Шидловский доносил: «черкасы сдалися и, изменяя, обще с запорожцами, других городков добывали и, добыв три местечка — Мерефу, Соколов, Тара-

Пляка и Нестулей пытались нападать на его отряд с тыла. 12 апреля за «два часа до света» Шидловский штурмовал Новосергиевскую 2117 солдатами. С одной стороны били из пушек, с другой — гранатами отбросили казаков от стен, подрубили палисады, захватили и подожгли посад. Пляка с шестьюстами сторонников и татарами бежал через реку Самару, многие укрылись в «земляной замок», но в пятом часу дня сдались. Трофеями стала пушка, 1305 казацких пищалей, 3 знамени, литавры, пленено 700 казаков, в том числе 46 запорожцев и 3240 женщин и детей. Укрепления крепости были разрушены вопреки Ф. М. Апраксину, который советовал сохранить фортецию. Из штурмовавших погибло 22, ранено 69 челолвек[1]. Всех новосергиевских и водолажских мужчин, кто встречал крымского хана «с хлебом и солью и местечка ему отдавал и бились против войск Его Царского Величества великороссийских и малороссийских, казнить для построаху другим», по жребию каждого десятого, а «достальных з жёнами и з детьми послать к Москве ради ссылки»[2].

В апреле больше тысячи кубанских ногайцев и три сотни некрасовцев совершили набег к Саратову, Пензе и станицам верхнего Дона, «побрали людей» и разбили калмыцкий отряд тайши Чеметя[3]. Тогда же, весной 1711 г. с Кубани на донскую станицу Верхняя Каргала налетел «вор Некрасов с товарищи». С ним было 3000 «воровских казаков», 2000 «диких калмык» и ногай-

товку, одних вырубили, других побрали в полон» и что если бы хан пошёл далее Харьковского и Изюмского полков, «то б многие изменили и в бунт вступили». Ф. В. Шидловский — А. Д. Меншикову из Харькова 9 марта 1711 г. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 482 и об. Шидловский, отбиравший в пользу А. Д. Меншикова имения польской шляхты в Посожье, в июне 1711 г. был лишён чина и своих имений, которые были отданы Д. Кантемиру. ППВ. Т. 11/1. С. 476–477. Ф. В. Шидловский — Ф. М. Апраксину 20 марта 1711 г. Шидловский С. П. Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696–1727 гг. СПб., 1896. С. 47–48.

[1] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 235. Ф. М. Апраксин — Петру I 20 апреля 1711 г. из Таврова. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 455; То же: Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13; Шидловский С. П. Материалы… С. 49–50, 68. В штурме принимал участие и бывший ахтырский полковник, бригадир Ф. Осипов с украинскоми полковниками и казаками. 5 мая 1711 г. Ф. М. Апраксин просил для него, его офицеров и казаков ради «куража» 2 тысячи рублей. ППВ. Т. 11/1. С. 478. 21 июня 1711 г. Пётр I разрешил наградить их «по примерам прежних дел». РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 437. Этого письма царя нет в ППВ.

[2] Г. И. Головкин — И. И. Скоропадскому 13 мая 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 497.

[3] П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину 3 июня от Царицына. Там же. С. 495.

цев. 50 своих агентов Некрасов отправил в Кременчуг, Власовку и Голтву звать малороссийских казаков к себе в Берду[1]. В паре с ногайцами некрасовцы разоряли и жгли деревни, продавали русских пленных в ногайские аулы и на турецкие галеры[2]. В Москве опасались, что будет захвачен Черкасск. Этот неукреплённый город контролировал судоходство по Дону, вокруг него были болотистые места и считалось, что в случае захвата противником, того будет трудно изгнать оттуда. Черкасск начали спешно укреплять, а донским казакам посылали щедрую помощь[3]. Когда некрасовцы подкатились к рр. Хопру, Бузулуку и Медведице, то взбунтовалась только часть донцов на р. Хопре. С локальным мятежом управились быстро. Казнили 13 хопёрских казаков, одного шпига «для страху повесили за ребро, другого за ногу», освободили две тысячи пленных. Казачьи старшины в Черкасске и по всем станицам привели донцов к «крестному целованию»[4].

В апреле Девлет Герай снова вышел «со всем своим поганским трупом» и встал на реке Татарке (южнее р. Самары). По Муравскому шляху «престерегая» поход на юг Бутурлина и Скоропадского, четыре-пять тысяч крымцев Батыр Герая султана, 700 конных янычар и до двух тысяч запорожцев прорвались под Тор, Бахмут и Змеев «для разорения». Они перебили около 500 человек и якобы хотели идти 27 мая под донецкие и оскольские сёла[5]. На самом деле это было отвлекающее нападение. Под Тором атака продолжалась только до полудня. Неприятель по-

---

[1] «И велел сказывать, что у него 10 тысяч войск». Допросные речи некрасовцев в мае 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 251.

[2] «Нынешнею весною кубанские татары с ворами казаками ходили под русские городы и привезли на Кубань многое число русских людей, жён и ребят». П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину 20 апреля 1711 г. из Казани. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 77. «Вор Некрасов явился в Хопёрских и Бузулуцких и Медведицких городках и починил некоторое над казачьими городками разорение». Ф. М. Апраксин — Петру I 5 мая 1711 г. из Таврова. Там же. С. 90. Донцы выловили 6 шпионов некрасовцев Ф. М. Апраксин — Петру I 21 мая 1711 г. из Осереди. Там же. С. 104.

[3] «В донской отпуск на дачю приезжим казакам и в посылку на Дон» ежегодно посылалось 17 142 руб. К ним же из Приказа артиллерии отправлялось 230 пудов пороха, 15 пудов свинца, 10 пудов железа, 500 ведер «вина», 6500 четей хлеба. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 391 об.

[4] Ф. М. Апраксин — Петру I из Таврова 5 мая 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 477.

[5] И. И. Бутурлин — Петру I 31 мая и 8 июня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 116, 117, 125. Ф. М. Апраксин — Петру I 20 апреля 1711 г. из Таврова. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 5, 1079.

терял 60 человек, а осаждённые одного драгуна, одного казака и пятерых раненых. Пленные говорили, что этот налёт — краткосрочный и через 25 дней им велено вернутся в Крым.

Карл XII в июне 1711 г. предлагал татарами и частью сипахов окружить русское войско в Молдавии, а янычар и главное турецкое войско направить на Киев и отнять у царя Украину. В том же месяце запорожцы на 15 лодках и пешим порядком хотели разбить русский караван, сплавлявший провиант по Днепру до Каменного Затона, но увидев уже разгруженные суда, ушли восвояси[1].

Прорваться татарам к Киеву и Воронежу не удалось, но всё же хан гордился своим набегом: «Как я ходил к Киеву» — вспоминал Девлет Герай в 1712 г. Превентивная стратегия опустошения имела положительный результат для Стамбула и Бахчисарая. Набег оголодил пути будущего наступления Русской армии к османским границам[2].

Гетману Скоропадскому (20 000 казаков) с явным запозданием были поставлены вспомогательные задачи. В начале мая он вместе с частью русской пехоты генерал-майора И. И. Бутурлина должен был стоять на реке Самаре у крепости Новобогородицкой «во удобном месте», чтобы «закрыть все малороссийские городы»[3]. Потом оба должны были переместиться южнее к Каменному Затону и «престерегать того, дабы неприятелей не допустить, не токмо чинить впадение в Украину, но оным пресекать, чтоб не могли соединитись с турскими войски». 12 мая Скоропадскому и Бутурлину было указано готовиться к вторжению в Крым, для чего им будет придан «знатной корпус регулярного войска» и калмыцкие конники[4].

В дополнительной части плана С. Л. Владиславича, не помещённой в ППВ, великороссийским и малороссийским полкам указывалось пройти вдоль Днепра к Каменному Затону, блокировать крымских татар за Перекопом и при появлении главной армии Петра I в Молдавии, пустить загоны казаков через Сиваш и вторгнуться в «самой Крым». «В клещи» соби-

1 *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 253–254, 259.

2 Ошибочен тезис Я. Е. Водарского, что татарам «не удалось помешать походу Русской армии в Молдавию». *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 54.

3 Пётр I — Ф. М. Апраксину 4 мая 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 218.

4 Пётр I — И. И. Скоропадскому 12 мая 1711 г. Там же. С. 232.

рались взять Малую Ногайскую орду: с севера русскими войсками П. М. Апраксина, с юга — кабардинцами и со стороны Тамани — десантом с Азовского флота[1].

Угроза Крыму была бы действенной и с керченского плацдарма, но большого морского похода на Керчь, как в 1699 г., начать было нельзя, так как вода в доках Таврова для кораблей, предназначавшихся для спуска в море, не поднялась до нормального уровня. 6 апреля Азовскому флоту предписали идти с шестью бригантинами и двумя шнявами к Таганрогу, присоединить там пять-шесть кораблей и других судов и *«чинить диверсию, сколько время допустит» в Керченском проливе*. Если турецкая эскадра выдавит флот из пролива, то предлагалось крейсировать на Азовском море и 20–30 казачьими лодками в сопровождении бригантин пытаться жечь селения на кубанском и крымском берегу[2].

В условиях татарского набега нельзя считать несуразностью призывы царя, разосланные 4 марта к мурзам и народам Крымской, Буджакской, Ногайской и Кубанской орд «освободиться от порабощения салтана турского» и перейти в подданство России[3]. (Даже 7 мая 1711 г. Пётр предписывал «угрозами, разорением и искоренением, також и обнадёживанием милости» склонять Буджакскую орду к подданству»)[4]. Ведь таким способом надеялись вывести русские владения через ногайские степи и Буджак к границам Молдавии.

---

[1] См.: РГАДА. Ф. 9. Кн. 14. Л. 204–206; ППВ. Т. 11/1. С. 338–339. Ф. М. Апраксин — Г. И. Головкину из Таганрога 28 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711. Д. 11. Л. 2–3. При этом учитывалось, что «невольников наших на Кубани много, которые взяты за мирным состоянием, только де кубанцы их таят и продают тайно в Черкесы и в иные разные места и на каторги». *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре… С. 264. Для усиления Азовского флота Сенат 30 апреля 1711 г. определил 5 тысяч солдат и 100 тысяч руб. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 14. Л. 23, 23 об.

[2] «Людей народу бусурманского, которые могут служить» предавать смерти (кроме мурз и малолетних детей мужского и женского пола). «Пункты» вице-адмиралу К. Крюйсу 6 апреля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 232–233.

[3] ППВ. Т. 11/1. № 4282–4284.

[4] Там же. № 4436. В середине июня 1711 г. были получены сведения от перебежчиков, что Буджакская орда якобы не будет сражаться и готова перейти в русское подданство на условиях выплаты определённой дани скотом. *Hallart L. N.* Dagbok förd under Ryssarnes fälttåg vid Prut I Juni-15 August n. st. 1711. // Karolinska Krigares Dagböker. Lund, 1913. Bd. 9. S. 222

Знаковым для всей Дунайской кампании был русско-молдавский договор 13 апреля 1711 г. В апреле в Луцк из Молдавии приехал черновицкий староста, вистерник (казначей) Дмитрия Кантемира — Штефан Лука, с предложением «быть под протекциею» русского царя. С 1704 г. военная сила царя вдоль Днестра (Брацлавский казацкий полк) соседила с Молдавией. Дмитрий Константинович Кантемир был недавно, 23 ноября 1710 г. назначен новым господарем в Молдавии по предложению хана Девлет II Герая как «противовес» валашскому господарю К. Брынковяну. Национальной идеей предтечи просвещённого абсолютизма — молдавского князя было освобождение от османского владычества, восстановление исторических границ Молдавского княжества до Чёрного моря и преобразование его в наследственную монархию. (Это обещал его отцу, Константину Кантемиру король Ян III Собеский, если тот перейдёт под протекторат Польши.)

Молдавские боярские группировки имели в виду варианты освобождения как с помощью Габсбургов, так Польши и России, хотя была и партия, предпочитавшая остаться под защитой Порты. Как и большинство молдаван, Д. Кантемир сочувствовал православной России. 13 апреля Пётр подписал «Диплом и пункты», предусматривающие полный суверенитет молдавского господаря под русским протекторатом.

Кантемир не собирался конфликтовать со шведским лагерем под Бендерами и направил 11 апреля «высокопочитаемому другу» Карлу XII пожелание «процветания власти и империи Священнейшего… Королевского Величества»[1]. Он хорошо знал традицию трёхвековой молдавской ориентации на Польшу и понимал, что в децентрализованной Речи Посполитой можно надеяться на несравненно большие экономические и политические свободы и привилегии, чем в самодержавной России.

Турецкому правительству Кантемир доносил о громадной силе русских и тем самым несколько замедлил движение турок на север[2].

---

1 *Цвиркун В. И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010. С. 112–114.

2 *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski… S. 47.

В июне 1711 г. господарь тайно осведомил великого коронного гетмана А. Н. Сенявского о том, что трактат с Россией только обман, настоящее же его желание — быть под протекторатом Речи Посполитой — если боярам будут предоставлены места в Сенате и все шляхетские привилегии[1]. Это был «запасной проект» извлечь Молдавию из-под османов.

Позже был намечен и проавстрийский план: в мае 1715 г., учитывая невозможность Петра I из-за Северной войны снова воевать на Балканах, Кантемир просил Габсбургов дать ему титул князя «Священной Римской империи» и вызвать, как имперского вассала на австрийскую службу из России, где ему навязывают «совершенное русское рабство»[2].

Выписанный Кантемиру царский «диплом» 13 апреля, который должен был содержаться в тайне, нельзя считать «договором» равных. Молдавское княжество и Российское царство не были равновесными партнёрами на международной арене. Глава небольшого княжества обращался с просьбой о подданстве аналогично тому, как 16 марта 1656 г. молдавские послы просили «с великим желанием и любовию поклонятца и покорятца честным стопам» царя Алексея Михайловича и 1 января 1684 г. просили царей Петра и Иоанна Алексеевичей избавить «от… бед, приближающимся нам уже к конечной погибели от безбожных турков и татаров» и послать войска «против агарянов»[3].

Учитывая, что «господарь и принц Волоские земли Димитрий Кантемир… разсудил за благо… обще с нами трудитися и за освобождение славного народа волоского… купно и иных народов христианских, под игом варварским страждущих,

---

[1] 27 июня 1711 г. А. Н. Сенявский просил Августа II дать ему полномочия для подписания окончательного договора с Д. Кантемиром. *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia… S. 69. За день до этого, 26 июня он же поздравил из Львова П. П. Шафирова с присоединением молдавского господаря, но остерегал «быть осторожными с этим народом, ибо не было ещё примера, когда они сдержали бы свои обещания». РГАДА. Ф. 79, Оп. 1. 1711. Д. 6. Л. 2.

[2] *Артамонов В. А., Константинов В. А.* Дмитрий Кантемир и монархия Габсбургов в 1715 г. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 342–345; *Artamonov V., Constantinov V.* Incercarea de trecere a lui Dimitrie Cantemir sub protectorat Austriac in anul 1715 // Revista de istorie a Moldovei. Chişinau, 2011. № 1–2. P. 32–43.

[3] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семёнова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М. 1996. С. 13–14, 44–54.

не щадя також живота и благосостояния своего», диплом царя декларировал быть «яснейшему принцу… в подданстве у нашего царского величества и наследников наших ему и наследникам его — вечно».

В Москве *Молдавия (и Валахия) мыслились как русский плацдарм на Балканах.* 9 июня 1711 г. П. П. Шафиров поздравлял А. Д. Меншикова «прогрессами… и умножением подданных Его Царского Величества земель, а чаем вскоре того ж и от мултянского слышать». Отсутствие общей границы с Молдавией не смущало. Польская Киевщина и Подолия, заселённые украинцами, с 1704 г. уже 7 лет находились под русским военным контролем и казаками бывшего гетмана Мазепы, так что сфера русского влияния простиралась от Киева до Днестра. К началу 1711 г. было сформировано шесть новых молдавских полков[1]. Виды Москвы на Молдавию и Валахию облегчал «нейтралитет» Габсбургов в Турецко-русской войне. 10 июня 1711 г. австрийский двор инструктировал Г. В. Велчка: «что касается намерений царя в отношении молдавского и валашского господарей, то мы желаем, чтобы вы держали дистанцию в этом вопросе»[2].

Учитывая слабую боеспособность нерегулярного молдавского войска, русское командование приняло на себя обязательство содержать тех ополченцев, которых собирал господарь и которые должны были действовать «обще с войски нашими, по указом нашим, против врага креста Господня». Россия признавала династию Кантемира наследственной и обещала восстановить княжество в его исторических границах. Договор должен был содержаться в «высшем секрете», но присягу царю Кантемир обязывался принести «как наискорее» и никак не позже конца мая 1711 г.

Молдавский гетман и летописец Йон Некулче записал помимо названных и другие (видимо, желательные) условия договора: русские гарнизоны задержатся в Молдавии только временно, до установления там порядка, Молдавия не будет платить налогов России, господарь — «светлейший князь Молдавии, самодержец и союзник Российской империи», не станет

[1] *Ţvircun V.* У истоков русско-молдавского боевого содружества // Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006. P. 36.

[2] РГАДА. Ф. 32. Оп. 5 Д. 6. Л. 42, 44.

лишать имущества и привилегий бояр, не совершивших государственных преступлений. Русские не будут занимать государственных постов и приобретать имущество в Молдавии, царь не заключит мира с турками, по которому Молдавия возвращалась бы под власть османов. Кантемир сохранял право свободного выезда из России в любом направлении[1].

---

[1] *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода… С. 103–104; *Цвиркун В. И.* Дмитрий Кантемир. Краткое жизнеописание // Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006. С. 171–172. *Cojocaru T.* Tratatul dintre D. Cantemir şi Petru I // Basarabia. Chişinau, 1991. № 5. P. 125–126.

ГЛАВА II

ДУНАЙСКИЙ ПОХОД

2.1. ГЛАВНОЕ — ВЫИГРЫШ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Война была объявлена турками, поэтому на фейерверке 1 января 1711 г. как указывалось, выставлялся щит с надписью «*Иде же правда, там и помощь Божия*». Если Б. П. Шереметев беспокоился: «у нас в армии не зело людей, а ныне происходит дело великое», то Меншиков уверял, что полевая армия « в лучшее состояние ныне приведена, полки все сполна рекрутованы и мундированы…, все войска имеют быть в соединении. Слава Богу, не в таком они нас состоянии застали…, как в Крымских походах, так и под Азовом… Ныне видя себя в таком добром состоянии и довольном авантаже, надеемся сию ожидаемую войну счастливо продолжать и окончать»[1].

К 22 февраля 1711 г. подготовили «Манифест или объявление о вероломном разрыве мира салтана турскаго Ахметя против Его Царского Величества», с перечислением обид, причинённых Российской монархии «хищным волком турком» с 1677 по 1710 гг.

Гвардейцам в это время тульские и шведские ружья заменяли «амстердамскими», выдавали новые сёдла, портупеи, перевязи и новые «медвежьи» шапки для гренадёров[2]. Армейские телеги для скорости было приказано запрягать не в одну, а в две-четыре ло-

---

[1] Б. П. Шереметев — А. Д. Меншикову 4 февраля 1711 г.; А. Д. Меншиков — В. Л. Долгорукому 21 янаря 1711 г. из Петербурга. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 317–319.

[2] ППВ. Т. 11/1. С. 90–91. Полки гвардии были полностью укомплектованы людьми и лошадьми. Части пикинёров дали тогда вместо пик фузеи со штыками (из 3000 в Киевский полк — 216 фузей). Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 2.

шади. 15 февраля царь приказал к весне «сыскать довольное число судов» в Польше на Днестре для будущего сплава провианта.

19 февраля в Стамбуле выставили «бунчуки войны» и в мечетях вознеслись молитвы о даровании Аллахом победы над гяурами. И почти одновременно, 25 февраля в Успенском соборе Кремля с «благовестом и звоном» испрашивалась помощь Бога против «вероломного и клятвопреступного неприятеля… салтана турского и его союзников».

В Москве объявление войны проходило торжественно — с участием царя, «главных министров» и дипломатического корпуса. Чтобы ещё пышнее обставить процедуру, царь вызвал из Великого Новгорода оба полка лейб-гвардии под командой генерал-майора князя В. В. Долгорукого.

Секретарь Посольского приказа В. В. Степанов с амвона громогласно зачитал длиннейший манифест против «турка», который намеревается низложить польского короля Августа Сильного, поработить «под своё варварское иго» Польшу, снова завоевать польскую Подолию, а в России мазепинцами и булавинцами разжечь бунты. Царь стоял под двумя новыми освящёнными знамёнами гвардии — на сей раз они вместо традиционно белых были красными, с сияющим золотым крестом в крыже.

Под конец литургии все опустились на колени, слушая молитву о даровании победы над «турецким фараоном». Блюститель патриаршего престола митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский сравнил государя с Моисеем, которого Господь посылал освобождать израильтян из Египта. Ныне же второй Моисей — российский станет освободителем христиан. Митрополит благословил всех золотым распятием, царь первым поцеловал крест и руку Яворского, вслед за ним приложились к кресту генералы и офицеры. Всех окропили святой водой. Стоящим в параде с оружием на Соборной площади Преображенскому и Семёновскому полкам вручили красные знамёна и Пётр I Алексеевич, обнажив шпагу, под гром литавр, барабанов и труб повёл гвардейцев за Боровицкую башню к Каменному мосту. На «священную войну» Русская гвардия и освободитель христиан выходили под девизом: «*За имя Иисуса Христа и христианство*», «*Где правда, там и помощь Божия*». Вслед за тем с трёх часов дня до трёх ночи Пётр I пировал во время начавшегося Великого поста с министрами в доме польского посла М. Воловича.

Для проповеди слова Божьего в походе царь наметил Феофана Прокоповича, который так полюбился ему после Полтавской победы панегириком 10 июля 1709 г. Не был забыт и типографский станок для тиснения воззваний свободы на церковно-славянском — тогда международном языке[1].

Но всего через три дня, 28 февраля, когда юг России и Украина уже полыхали, Пётр I в очередной раз заявил, что готов с Портой «и ныне ещё добродетельно согласитись и… в приятстве жити» и как только от султана «доволное безопаство учинится», то царь отведёт войска от границ и будет прилагать «всякие способы к приятному примирению»[2].

Верховный правитель царства обладал развитой интуицией и не исключал несчастного исхода «Турецкой войны» и даже своей смерти. Завещанием выглядели в «жестокое время» указы самодержца 2 марта 1711 г. о присяге губернаторов и сенаторов («клятва пред Престолом Божиим» в Успенском соборе) в верности «всему государству», указы о беспрекословном послушании новому органу власти — Сенату и об учреждении института фискалов.

Венчание в селе Преображенском с Екатериной Алексеевной, объявленной 6 марта 1711 г. «законной государыней» стало «одним из самых изумительных событий нашего странного века» (Ч. Витворт). Оно вершилось для того, чтобы в случае беды его дочери Елизавета и Анна, «ежели сироты останутца, лутче бы могли своё житие иметь»[3], а родня самодержца считала Екатерину Алексеевну «вдовствующей царицей».

---

[1] *Юль Ю.* Записки… С. 248; *Ченакал В. Л.* Очерки по истории русской астрономии. М.; Л., 1951. С. 38. Был прихвачен и любимый токарный станок царя, на котором Пётр собирался в свободное время заниматься любимым делом. (Он был утрачен за Прутом 8–10 июля). Царевич Алексей послал батюшке в поход мартышек. ППВ. Т. 11/2. С. 21, 76.

[2] ППВ. Т. 11/1. С. 74–83, 85–86. Примиряющий жест был вызван сообщениями английского и голландского послов из Стамбула, что «турок в раскаяние приходит и хочет мир паки возобновить». В связи с этим А. А. Матвееву был послан указ просить посредничества Голландии, чтобы та воспрепятствовала конфликту. Г. И. Головкин — А. А. Матвееву 2 марта 1711 г. // ППВ. Т. 11/1. С. 400.

[3] Пётр I — А. Д. Меншикову 12 мая 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 230. Официальная свадьба состоялась 19 февраля 1712 г. в Петербурге. Можно напомнить предчувствие несчастья, когда царь 18 ноября 1700 г. за 11 часов до появления шведов, предвидя поражение, уехал из-под Нарвы.

В ночь с 6 на 7 марта царь выехал из Преображенского догонять армию. Своей «волею» к нему присоединилась «новонаречённая» царица, которая позже, 10 июля вывела монарха из стресса во время сражения на р. Прут. Её сопровождала свита женщин и генеральских жён, многие из которых взяли с собой в спальные кареты и детей.

Иностранных послов Пётр уверял 6 марта, «что через 10 дней предполагает быть на границах Валахии, а оттуда — прямо возвратится в Польшу»[1]. Для себя он мрачно называл марш на юг «безвестным путём».

Недобрым предзнаменованием стала жесточайшая хворь правителя. С 27 марта по день Пасхи 5 апреля в Луцке Пётр I две недели (!) «не чаял живота себе» *(«весьма жить отчаялся», «не надеелся вас всех более видеть»)*. Властитель был *«болен скорбью такою, какой болезни отроду... не бывало»*. Только 9 апреля он «стал учиться ходить». 24 апреля монарх считал себя «почитай, в отчаянии сущему... ибо дела, что [ни] день, отменяются»[2].

13 апреля Пётр I вызвал фельдмаршала Шереметева, великого канцлера Г. И. Головкина, подканцлера П. П. Шафирова и посла в Польше Г. Ф. Долгорукова. Этот военный совет постановил «не упуская времени» к 20 мая всей армией с полным составом людей, повозок и лошадей наибыстрейше занять исходный плацдарм для вторжения в османские владения, начиная от центрального склада продовольствия в Брацлаве на Южном Буге и до Днестра у Соро́к. («Стать в поле от Брацлава к Днестру»).

Комплект офицеров был полный, «упалых мест» не было. Двенадцать саксонских офицеров русской службы даже были отосланы из Яворова в Нарву. Провианта должно было хватить для армии на четыре месяца[3]. С конца апреля 1450 драгун и три сотни донских казаков собирали к Немирову хлеб, овец, волов и лошадей и занимались отсылкой в Киев тех казацких старшин, которые «были при Орлике»[4].

---

[1] Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 412.

[2] Пётр I — Ф. М. Апраксину 24 апреля 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 194. Во время предпасхального поста много солдат умерло. Там же. С. 166–167.

[3] Пётр I — Б. П. Шереметеву 13 апреля 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 177.

[4] М. М. Голицын интересовался, переводить ли крестьян на Левобережье, так как при появлении врага на правом берегу Днепра возможна

Татары, поляки Потоцкого и орликовцы зимой-весной 1711 г. так разорили Подолию, что хлеба в Брацлаве было в обрез. Шереметев предупреждал, что на пути надо загодя устроить провиантские склады, что конный парк в «великом походе» 1709 г. от Полтавы в Прибалтику и во время осады Риги в 1709–1710 гг. «разорился», что перевозить полковую амуницию не на чём, что «донские казаки при дивизиях, также и при кавалерии… в худом состоянии и лошадьми опали и просят непрестанно о жалованье». Таким образом, идти на юг Русской армии пришлось со скудным запасом в надежде на провиант в Молдавии и Валахии.

Царя в это время беспокоил вопрос, как новобранцы и армия будут биться «огненным боем». Рекрутов приказывалось «учить непрестанно стрельбою». Даже драгунам, вопреки указу биться холодным оружием при конных атаках, теперь предписывалось «твердить стрельбу», не жалея пороха. Рогаток Пётр приказал сделать сверх нормы на пять полков, а каждый солдат и драгун должны были иметь футляры для «ножей»[1].

Особые усилия прилагала русская дипломатия, чтобы получить помощь польского короля и Речи Посполитой. «Дела Северного союза в очень грустном положении», «всё назрело для общего отпадения от короля Августа». «Поляки же, если быть может и не расположены к России, то разрознены, нерешительны, ежеминутно могут быть подкуплены подарками и подавлены силою. Потому, пока у царя есть деньги, пока оружию его сопутствует успех, вряд ли они выскажутся против него»[2].

Вести о переходе Молдавского княжества под протекторат Российского царства беспокоили Августа II, Речь Посполитую и Габсбургов. В то время боевой дух Войска польского резко спал. После многих поражений оно утратило веру в свои силы и разлагалось распрями. Дурно снабжавшиеся жолнежи были деморали-

очередная измена. М. М. Голицын — Петру 24 апреля 1711 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 330–331.

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 177. Ножи предполагалось разбрасывать вокруг ретраншементов, чтобы повреждать копыта коней и ноги неприятеля. [*Левшин В. А.*] Жизнь, анекдоты, военные и политические деяния российскаго генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, любимца Петра Великаго и храбраго полководца. СПб., 1808. С. 101. Такое оружие, полученное из Саксонии в 1705 г. оказалось бесполезным на Пруте (см. ниже).

[2] Ч. Уитворт — С. Джону 26 мая 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. С. 441. См. также С. 428, 435, 437.

зованы. Нелояльные королю гетманы были лишь управленцами, но не полководцами[1]. Поляки настойчиво убеждали вынести «всё седалище войны» за пределы Речи Посполитой и с удовлетворением приняли известие о русском наступлении в Молдавии.

Польское командование, сознавая слабость своих вооружённых сил (12–18 тысяч), воевать с османами никак не хотело и в Турецко-русской войне старалось держаться нейтралитета («с ласкою») к русским. Шляхта не желала ввязываться в конфликт и требовала компенсаций за русские грабежи, в том числе костёлов и монастырей[2]. С начала XVIII в. истаял и шляхетский мессионизм, заквашенный на «сарматизме», мегаломании и вековом отпоре врагам: «поганцам» — туркам и татарам, «схизматикам» — украинцам и русским, а также «еретикам» — шведам и пруссакам[3]. Тем не менее, Пётр собрался нанять в поход панцерные и гусарские хоронгви — хотя бы шесть тысяч, на что обещались и деньги. Все оказалось напрасным. Как писал Головкин, поляки, несмотря на союз 1704 г. «выдали нас». Всего лишь сотня польских хоронгвей и несколько регулярных полков (около 8 тысяч) встали в приграничье в пяти-шести милях от Жванца, а другие польские войска — около Львова.

Тем не менее, совет польских сенаторов на переговорах 26–27 мая 1711 г. в галицийском Ярославе выразил желание участвовать в дележе Османской империи. Полякам ответили туманно: если они примут участие в войне против турок и если будет возможность удержать завоёванное, то всё будет поделено поровну между партнёрами[4]. Сенаторы хотя и постановили

---

1 *Gierowski J. A.* Historia Polski 1505–1764. Warszawa, 1979. С. 368.

2 Г. В. Велчек из этого делал вывод, что воевать против турок, шведов и сторонников Лещинского поляки не станут, а русская конница без польской кавалерии не устоит против османов. Донесение Г. В. Велчка из Москвы 19 февраля и 5 марта 1711 г. н. ст. 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 40, 88.

3 Slownik sarmatyzmu. Idee, pojęcia, symbole. Kraków, 2001. С. 111–114, 175–179. П. А. Толстой сообщал, что турки «поляков ни во что вменяют… и оставляют их под побеждение татарам крымским». Того же мнения был Ч. Витворт: «поляки, если, быть может, и не расположены к России, то разрозненны, нерешительны, ежеминутно могут быть подкуплены подарками и подавлены силою». Ч. Уитворт — С. Джону 26 мая 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. С. 441.

4 Подробно о переговорах царя в Ярославе с саксонцами и поляками см.: *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 61–67, С. 64–65.

«силу силою отбивать, озлобления взаимно отдавать», но Август II и Речь Посполитая «желали миру паче, нежели войны».

«Верный брат» царя (так подписывался в грамотах к Петру I Август II) больше всего боялся прорыва турок Карла XII в Польшу и заботился о том, что бы его 30-тысячная саксонская армия защищала его наследственные владения в Германии. Саксонский дипломат Ф. Фицтум требовал отдать польскому королю Лифляндию и Эстляндию, упрекал «мертвую хватку» России за Белую Церковь и Ригу, куда не впускают польских жолнёров и укорял в разорении польской земли. 29 мая был подписан договор с Саксонией, по которому в Померанию должен быть направлен русско-саксонский корпус.

В то время Август II, оберегая себя, сообщал в Стамбул, что Россия со дня на день становится всё более грозным противником, который, имея виды на «Греческую монархию», может раздавить Порту; но если Турция останется в мире с Польшей, то Москвы можно не бояться. Султану выгоднее мир с Речью Посполитой, а не помощь Швеции. Карла XII Август II извещал, что продолжая войну, тот рискует развалом своей страны, утратой короны и ему надо «защищать туловище, если нельзя сохранить члены»[1].

Г. Ф. Долгоруков в Ярославе пытался в очередной раз поднять в глазах австрийцев значимость балканского похода. Он указывал, что мощь русской армии выросла за счёт молдаван, валахов, буджакских татар и калмыков, что верховный везир из-за начинающегося мятежа сербов не осмелится вступить на левый берег Дуная, что шведский король застрял под Бендерами и царь приказал части своей пехоты блокировать его войска[2]. Австрийцы, имевшие виды на Дунайские княжества, беспокоились перемещением русских границ к Карпатам, но считали, что ни Молдавии, ни Валахии русские не удержат из-за отсутствия там крепостей и провианта[3].

В 1712 и 1713 гг. поляки ещё дважды поднимали вопрос о разделе дунайских провинций султана.

1 *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia... С. 51–52.

2 О. Плейер вдове императрице из Ярослава 29 июня н. ст. 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 51. На самом деле Бендеры было решено держать только под наблюдением.

3 Австрийский посол Г. В. Велчек доносил из Москвы в феврале и марте 1711 г.: «Их силы и финансы малы, вооружение плохое, кавалерия к Ту-

Имеет смысл привести неизвестную ранее оценку австрийцами преддверия похода Петра I на Дунай. По мнению Г. В. Велчка, русские ни турок, ни Карла XII не боялись. Царь стал «намного дружелюбнее» к австрийцам и много расспрашивал о прошлых турецких войнах. Пётр I, по словам Велчка, рассуждал — пусть Карл XII остаётся при турках и если тот будет «также хорошо» командовать турецкой армией, как своей, то быстро потеряет и её[1]. Пётр I, Меншиков, оба канцлера и Апраксин просили посредничества императора Иосифа I и его союзников перед Портой и сообщали, что условия будут в ближайшее время и переданы ему, Велчку. Турецкое требование свободного пропуска Карла XII через Польшу является только поводом для переворота в пользу Лещинского[2]. Саксонцев и поляков русские убеждали, что вооружённые силы России будто бы составляют 300 тысяч, из которых 130 тысяч — регулярные войска и что против турок уже якобы поднялась Албания и Болгария. Велчек советовал австрийскому правительству подкупить Рённе или Меншикова конфискованными у восставших венгров-куруцев токайскими имениями[3].

Генерал-«богемец» русской службы Микош убедил Меншикова, что «последователи русской веры» тяжко угнетены в Чехии, вынуждены проводить богослужения в подземельях, симпатизируют царю и могут поднять «революцию» как во владениях императора, так и султана. При «приближении» войск Франции они попытаются вернуть себе свободу. Доводы Рённе о том, что в Чехии никогда не жили приверженцы «русской веры» и только очень давно — гуситы, на «светлейшего» не действовали. Чтобы быстрее склонить императора Иосифа I к России, князь собрался в качестве средства давления пригласить французского посла в России Ж. К. Балюза и ку-

---

рецкой войне не пригодна, хороших генералов, кроме Януса и д'Энсберга нет, офицеры неопытны, но претензии московитов велики и, что самое главное, на их обещания нельзя положиться». РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 46, 56, 59, 68, 86; Оп. 1. Д. 4. Л. 86, 99, 176, 205.

[1] Г. В. Велчек из Петербурга 12 (23) января 1711 г. РГАДА. Ф. 32. ОП.5. Д. 6. Л. 68.

[2] Донесение Г. В. Велчка из Москвы 26 февраля и 12 марта н. ст. 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 53, 59.

[3] Донесение Г. В. Велчка из Петербурга 11 (22) ноября 1710 г. РГАДА.

руцев на переговоры с царём[1]. В Вене в это время русский посол И. Х. Урбих уговаривал принца Евгения Савойского заключить антитурецкий оборонительный и наступательный союз, предлагая огромную сумму — 4 млн «немецких флоринов»[2]. Он же должен был «стараться» заключить союз с Венецией.

Тогда же русский дипломат Маттео Каретта предлагал мальтийским рыцарям на русские деньги дополнить их флот четырьмя кораблями и совершить рейд к Эгейскому архипелагу[3]. Открытия «второго» (австрийского) фронта добиться так и не удалось и ставка на балканских христиан стала для Москвы основной.

Боеспособность русской армии была тогда ниже, чем во второй половине XVIII — XIX вв. и тактика Петра I была осторожнее, чем у П. А. Румянцева, А. В. Суворова и героев антинаполеоновских войн. Для подготовки войны с тогдашней великой державой османов нужно было не два-три месяца, а много больше. Из-за спешки не удалось выявить специфику балканского театра войны. Операционные линии «дунайского похода» оказались так и не обеспеченными складами провианта. Обязательную перед любым вторжением разведку продовольственных запасов в Молдавии не провели и не учли уязвимость коммуникаций при переносе операций к Дунаю.

Залог успеха виделся в быстроте: «*пропущение времени смерти невозвратной подобно*» — считал царь. Верховный

---

[1] Донесение Г. В. Велчка из Петербурга 13 января 1711 г. Австрийский посол был доволен, что этот Рённе будет послан не в Померанию, а в Польшу, где он будет полезнее при выведывании намерений восставших венгров.

[2] *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута… С. 102. Венский двор упрекал, что Россия покровительствует венгерским мятежникам. В условиях войны за Испанское наследство Вена стремилась разъединить турок и шведов, но и не ослабить их способность «противодействовать честолюбию царя». В целом же Вена не хотела давать поводов для раздражения ни царю, ни шведскому королю, ни султану. Ответ из Вены Г. В. Велчку 6 февраля 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 40. *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута… С. 105. Австрийский резидент в Стамбуле И. М. Тальман «непрестанно виделся с шведским посланником и с Понятовским» и не помогал в предотвращении Турецко-русской войны.

[3] Мальтийцы отговорились невозможностью что-либо предпринять без санкции Рима. Русский агент в Италии М. Каретта — Г. И. Головкину из Венеции 4 марта 1712 г. РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. 1712. Д. 2. Л. 10.

правитель России заклинал Шереметева опередить турок при вторжении в Дунайские княжества иначе «вдесятеро тяжелее» будет. Расчитывали, что кампания, возможно, продлиться не дольше четырёх месяцев, учитывая, что 13 апреля 1711 г. приказали собрать провиант для армии на 4 месяца.

Вероятность восстаний в Дунайских княжествах, Болгарии и Греции сильно преувеличили. Русское командование полагало, что если поражение 115-тысячной османской армии под Веной в 1683 г. привело к вооружённому выступлению на Балканах, то можно расчитывать на тоже самое и в 1711 г. От балканских христиан, естественным стремлением которых было завлечь русских глубже на Балканы, постоянно получали вести о волнениях в Стамбуле, о дезертирстве, низкой боеспособности и о непопулярности войны среди османов, опасавшихся таких же катастроф, как в войне со «Священной лигой».

Оптимальным вариантом считался марш к Дунаю, в связи с чем предполагалось иметь проводников, «которые бы знали путь *до Дуная и далее*»[1]. (Вспомним слова Г. Ф. Долгорукова о том, что «можем… не токмо волохов и мултян, но и всем краем по Дунай за Божиею помощью овладеть».)[2] У этой реки предполагалось при необходимости и зимовать. Наступление на Перекоп, Очаков, Бендеры, десант под Керчь или на южный берег Крыма (а тем более оборонительная война на Днестре), считались делом второстепенным. Был сделан вывод, что появление православного царя у Нижнего Дуная вызовет мятеж в Дунайских княжествах, Болгарии и привлечёт из Венгрии 10–20 тысяч сербских добровольцев. Молдавские, валашские и сербские войска могли бы стать ядром будущих национальных формирований в России. Бунт, возможно, перекинется на Грецию и воспрепятствует переходу Дуная противником.

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 1147 об. Нелепы высказывания о том, что Пётр I был инициатором войны с турками и готовил поход через Молдавию и Болгарию на Стамбул. — Shaw S. History of Ottoman Empire and modern Turkey. Cambridge-London-New York-Melbourne, 1978. P. 230.

[2] За Дунай вряд ли собирались переходить, вопреки записи А. А. Яковлева: «Шереметев послан был наперёд с одною частию армии для благовременного строения моста чрез Дунай». Яковлев А. А. Выписка из журнала А. А. Яковлева, находившагося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711-м году // Отечественныя записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб., 1824. № 51. С. 16.

После этого следовало заключить мир и как можно скорее вернуться на Балтику. Никаких мыслей об овладении Черноморскими проливами не было. (Толки о намерении русских вторгнуться в Румелию и захватить Стамбул кружили в османской армии). В Яссы войска заранее посылать не стали, чтобы не провоцировать турок к преждевременному переходу Дуная.

3 мая Пётр I считал, что «ныне ничего злого нет» и его войска появятся у Днестра 15 мая 1711 г. 7 мая верховный главнокомандующий уточнил план «дунайского похода»: молдавский и валашский господари «с войски нашими совокупятся и весь народ свой многочисленной побудят к восприятию оружия против турков; на что глядя, и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), також и болгары и иные христианские народы против турка восстанут, и оные к нашим войскам совокупятся, иные ж внутрь их турской области возмущение учинят, что увидя, турской везирь за Дунай пойтить не отважится и большая часть от войск его розбежится и, может быть, что и бунт учинят. А буде мы тою посылкою не ускорим, то… большая часть христиан не посмеют до тех мест к нам приступить, пока увидят разве нашу… счастливую баталию»[1].

Шереметев с авангардным корпусом кавалерии, Ингерманландским и Астраханским полками (14 870 человек) должен быстро навести переходы через Днестр, поднять молдаван, идти к Дунаю, овладеть там турецкими мостами, соорудить редуты и не допускать переправы противника на судах. Если же неприятель успеет «со всей силой» перейти Дунай, то надо остаться за Днестром, организовать провиантский склад, собирать вокруг себя всех христиан и склонить в русское подданство Буджакскую орду[2]. Кавалерия, казалось, была обеспечена пропитанием: «провиянту у драгун, сказывал фельдмаршал, на месяц будет; быки есть и сверх месечного провиянту» — писал В. В. Долгоруков Петру 13 мая 1711 г.

Из сообщений агента в Стамбуле дубровчанина Л. Барки в феврале 1711 г. всё русское командование знало, что войска

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 221.

[2] Пётр I — В. В. Долгорукому и Б. П. Шереметеву 7 мая 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 221.

противника будет не менее 118 400 человек[1], но этого не боялись, зная превосходство своих регулярных войск[2].

Большие надежды возлагались на первого балканского кавалера российского ордена Андрея Первозванного — валашского господаря К. Брынковяну, который в 1709 г. заключил тайный союз с царём, сулил в случае войны с Турцией встать на его сторону, поднять на восстание 30 тысяч сербов и болгар, обеспечить за деньги продовольствием Русскую армию и помочь сербам, желавшим пробиться из Венгрии к русским[3]. С 1695 г. он имел и наследный титул князя Габсбургской империи.

Пропаганда царя заявляла о стремлении освободить балканские народы и даже «загнать турок в Аравию», но при этом провозглашала отсутствие территориальных претензий на освобожденные земли. 8 мая 1711 г. государь воззвал «единоверную братию» — молдаван, валахов, греков, «славян», сербов, болгар, албанцев воевать за «древние свободы», «за освобождение церкви и веры святыя православныя от гонения бусурманского». Утверждалось, что русский самодержец не хочет «никакой корысти и над оными самовластия». Все освобождённые племена останутся с «прежними их принцы и началники», все будут содержаться как «союзныя народы» под «вольной протекцией» России[4].

И русская, и турецкая стороны, собирая максимум сил, затянули открытие военных действий. Оба соперника старались опередить друг друга — русские в надежде на восстание христиан, турки — чтобы не допустить этого. К войне с полтавским победителем Порта готовилась как к трудному испытанию, но мобилизация турецких сил оказалась быстрее, чем русских.

---

1 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 19 и об. Л. Барка такую же цифру сообщил и Саттону. *Satton R.* The Despetchts… P. 32.

2 В Яворове, где Пётр I находился с 16 апреля по 21 мая, он видел во сне славу («фаму») балканского похода. ППВ. Т. 11/1. С. 497.

3 *Xenopol A. D.* Istoria Românilor din Dacia traiana. Jasi, 1896. Vol. 8. P. 60–61; *Kogalnicean M.* Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour server à l'histoire de Pierre-le-Grand, Charles XII, Stanislas Leszczynski, Démétre Cantimir et Constantin Brancovan. Jassi, 1845. Vol. 1. P. 43, 64.

4 Манифест всем христианским народам. ППВ. Т. 11/1. С. 225–227. Составлен С. Л. Владиславичем.

Цель турецкого командования была такой же, как и во всех последующих войнах с Россией — задержать противника на пути к Дунаю и отбросить его с османской территории. Уязвимость турецкой стратегии была в сезонности — кампании велись с марта по октябрь. В период осенних дождей и зимы боеспособность воинов падала и приходилось прерывать кампанию до следующей весны.

Сбор провинциального войска («эялет аскерлери») из Румелии и Анатолии был назначен на 21 марта. 16 марта фавориту султана — «первому среди великих» садразаму (верховному везиру) Мехмеду-паше Балтаджи вручили, как главнокомандущему, зелёное с золотой бахромой Санджак-и-шериф — священное знамя Пророка Мухаммеда.

9 апреля 1711 г., получив почётный кафтан от султана, Балтаджи двинулся к Адрианополю (Эдирне). Вместе с ним, приняв такие же знаки отличия, пройдя перед султаном, ехали наместники со свитами из Карамана, Анкары, Сиваса, Алеппо, Диярбакыра и др., а также принявший наградную саблю янычарский ага («йеничери-агасы») храбрый и великодцушный мусульманин-грузин Юсуф-паша, которого (по словам П. П. Шафирова) «от войска и всего народа зело любили за его добрые поступки, как мало прежде бывало». Часть пути войско сопровождал сам Ахмед III.

Худшего, чем Балтаджи полководца нельзя было и придумать. Если за плечами Петра I были походы на Азов, опыт Северной войны, разгром в 1708 г. генерала А. Д. Левенгаупта при деревне Лесной и Карла XII под Полтавой, то родившийся в Анатолии Мехмед-паша не разбирался ни в войне, ни в дипломатии и был лишён предусмотрительности. На одном из военных советов он простосердечно заявил: «Я до сего времени не был ни в одном походе и ничего не могу знать о хитростях врага»[1]. Не зная морского дела, он одно время назначался даже капудан-пашой («наивысшим адмиралом Оттоманского флота»). Полтавский триумфатор и накат русской мощи в 1711 г. казались садразаму грозными, он не исключал поражения и не спешил с маршем на север[2]. В русской армии о военном убожестве османского главнокомандующего не знали.

[1] *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 44.

[2] Балтаджи был «труслив как заяц, с военным делом был совершенно незнаком, предводителем армии быть не мог, а в политике ничего

С 19 апреля Мехмед-паша был в Эдирне, но о войсках из Анатолии, ещё не было слышно. Прибывший из Бендер шведский посланник Т. Функ[1] имел аудиенцию с Балтаджи и потом был отправлен в Стамбул. Там из-за сомнений в исходе войны султан переслал королю через других лиц неофициальные, без подписи и печати, фразы о согласии на координацию действий с Карлом XII. Королю был «учинён от салтана изустной ответ»: «*Понеже де король шведский в наш Оттоманский двор и землю пришёл и в наше вспоможение себя вручил и тако мы за него вступаемся. И суть сие настоящия иждивения и война для его покою токмо учинены. И когда Бог даст, что мы с Москвою мир сочинить имеем, и тако будем мы как мир сочинять, так и войну отправлять единокупно и обще с ним*»[2]. Официальный договор султан отказался заключать.

В том же месяце флот капудан-паши Ибрагима из 360 судов[3] с 35 тысячами матросов и воинов распустил паруса и вышел к устью Дуная, в Килию, чтобы перевезти тяжёлые орудия и провиант. Потом он должен был перейти к Керченскому проливу. Главной же целью войны было отвоевание Азова. Большой флот и крепкие, том числе 110-пушечные корабли, могли метать с нижней палубы мраморные ядра весом в 3 пуда.

Дубровчанин Лука Барка, исключительно для того, чтобы ободрить русских, расписал турецкую армию как сброд нищих: «*Войско азийское, почитай, всё пришло сюда, токмо*

не понимал и никакого желания её понять не испытывал». *Григорьев Б. Н.* Карл XII… С. 399.

[1] Тот самый Т. Функ, который в 1708 г. перебил и сжёг заживо в Тернах до трёх тысяч украинцев, включая женщин и детей. *Артамонов В. А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 397.

[2] Сообщение подкупленного Шафировым «шведского переводчика». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 17 августа 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 444 об. – 445, 703–704. Это «согласие» шведы считали военным союзом. В другой редакции — Там же. Д. 7а. Л. 584. После победы в Молдавской кампании ничтожный вес «шведской помощи» и это «согласие» перестали приниматься османским правительством во внимание. Предоставлять турецкие войска королю Порта не собиралась из-за опасений, что тот втянет её в войну с Австрией и Речью Посполитой. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 18–19, 26–27.

[3] 22 больших военных корабля, 27 галер, 30 галеонов и 60 фрегатов, остальные малые суда. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches… S. 155.

остались там двое пашей. И за великой стыд себе причитают турки видеть такое войско, ибо народ плох, ободран, без ружья, и от далёкого пути утомлён, и за тем на войну без сердца идут... Хотя войско турецкое есть многочисленно, однакож торопко, нерегулярно, без голов [начальников] *умных, которое войско не имеет боязни ни от везиря, ни от других офицеров».* Шведский пастор Агрелль, напротив, видел «на удивление красивые, молодые и бодрые отряды», полковники были одеты в «блестящие кольчуги, с позолоченными луками и расписными колчанами, наполненными дорогими стрелами»[1].

По традиции исламское воинство на войну собиралось как на праздник. Поражал вид сипахов, гарцующих на «ветроногих» конях, разноцветные и ярко-красные одежды, «блеск оружия, сверкающего наподобие бесчисленных алмазов»[2], море белых тюрбанов и янычарских головных уборов-«рече» с журавлиными перьями и длинными шлыками сзади из белого войлока. Военный оркестр «мехтер» с его литаврами, тарелками, медными трубами, огромным барабаном, бунчуками с колокольцами поднимал дух янычарскими маршами.

Прошлую военную славу турки не растеряли. П. А. Толстой писал: «Состояние народа турецкого суть гордое, величавое, славолюбивое, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн союзу ни с кем… не имеют и не требуют. Едини со всеми окрестными себе християны… зверобовствуют и так уповают, что ни от кого не могут побеждены быть… Народ турецкой… природы строптивой и глаголют о себе яко суть народ свободной»[3]. «Народ турецкой на боях велми яр», «к войне все прилежание имеют, так по охоте, как и за страхом [от позора при поражении]», «всё их военное искусство во множестве».

Подкрепляла османов и «злоба к российскому народу»: «россиян главными себе неприятелми вменяют… и опасение от них имеют паче иных всех христианских народов»[4].

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 570; [*Agrell S.*] Sven Agrells dagbok 1707–1713. Stockholm, 1988; *Bengtsson F. G.* Karl XII:s levnad. Från Altranstädt till Fredrikshall. Tryckt i Finland, 2001. S. 269.

[2] *Моро Ж. Н.* С. 456.

[3] Русский посол в Стамбуле… С. 37.

[4] П. А. Толстой сообщал и о пороках османского войска: «пехота их закрывается конницею и делает… великую противность неприятелю,

Как только была получена весть, что аскеры из Анатолии переправились через Босфор, османское войско 21 мая двинулось из Адрианополя на север, чтобы занять стратегическую переправу через Дунай и упредить возможный мятеж православных. На север в авангарде ехали сипахи, за ними тысячи буйволов, верблюдов, ослов и коней тянули огромное количество — четыре сотни орудий (на сотню больше, чем под Вену в 1683 г.)[1]. Следом шагали четыре тысячи орудийной прислуги, шесть тысяч слесарей, кузнецов и возчиков, затем двигались повозки для больных и раненых. Затем шествовали янычары, а за ними верховный везир с личной охраной и турецкой военной музыкой. Войска наместников находились в арьергарде. Обоз насчитывал тысячи фур и телег с боеприпасами и провиантом. Его сопровождали водоносы, пекари, торговцы хлебом и разной снедью. Часть продовольствия даже оставили у Браилы. Неповоротливая масса людей, телег и животных не соблюдала интервалов и дистанций, дисциплина была разболтанной.

Янычары не голодали — по уставу в походе они получали усиленное питание — два каравая хлеба, 0,5 кг пшена или ячменя, коровье масло и примерно до 0,5 кг мяса[2]. Марш османского войска через Болгарию не был осложнен ни нехваткой провианта, ни восстанием греков, македонцев или болгар, подобных тому, которое случилось в Черногории и Герцеговине в 1711–1714 гг. (Не было восстаний в Болгарии и Македонии

но когда и пехота бывает оставлена от конницы, также, сказывают, погибает бедно… и в прошлых войнах конница их тому учинилася причиною». «И многие смущения в полках турецких, сказывают, чинилися от непорядку конного их строю и пехота от них пропадала также пропадал обоз с пушками от той же неупорядошной конницы, за то уже ныне турки не в великом почитании держат конницу свою именуемую спахов». Русский посол в Стамбуле… С. 45–46, 100.

[1] Вполне вероятно, 366 пушек и 33 мортиры. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… P. 484. Всего возможно было отправлено 407 единиц. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 42–43. В официальной турецкой описи указано 255 стволов. 300 пушек и 20 мортир упомянул *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches… S. 155. Возможно, в Порте приняли к сведению слух, что стойкость русской пехоты можно сломить только пушками.

[2] Русский посол в Стамбуле… С. 58–59. В войсках обоих противников началась традиционная полевая болезнь — дизентерия.

и при вторжениях русских сил за Дунай в 1773, 1791, 1809–1811, 1828–1829 и в 1854 гг.)[1]. В первых числах мая из района Бендер вышли в поле 3000 татар с частью казаков и станиславцев. 28 мая к хану пришёл приказ сераскера двинуться в Буджак и 4 июня тот выступил из Бахчисарая[2].

Для русских и османов успех предрешался способностью выдержать дальние марши. Оба войска прошли огромные расстояния. Выносливость русских солдат поражала иностранцев. «Я с удивлением наблюдал, как русский полк проходил в день 5–6 немецких миль [до 35 км], причём совершенно свободно» — писал финский швед Л. Ю. Эренмальм[3]. Русские полки с полковой и полевой артиллерией прошли от Пернова (Пярну), Ревеля и Риги (а драгунские полки из Польши) по распутице и бездорожью литовских, белорусских и украинских земель до середины Молдавии — не менее полутора тысяч километров. Османское, если считать от Диярбакыра (города и вилайета у верховьев р. Тигр, на юго-востоке Анатолии) около 1800 км. (От Адена, Каира и Алеппо войска переправлялись на судах). Выносливость русских войск в тысячевёрстных походах была проверена историей, но зимнее-весенний марш 22 полков от Балтики и летний через степь, дался непомерно тяжелее, чем туркам.

В Белоруссии в марте — апреле была бескормица, на Украине на скот напал мор, лошадям приходилось скармливать солому с крыш, многие из них издыхали и в каждом драгунском полку было по 200–300 человек пеших[4]. Многочисленный обоз, составленный из одноконных телег, был перегружен пятипудовыми бочками с порохом, понтонами, запасными осями и колёсами, наваленными на телеги четырёхгранными трёхметровыми брусками рогаток и их двухметровыми спи-

---

[1] Были лишь отдельные отряды при русской армии. *Фролова М. М.* Болгарские вооружённые отряды в русско-турецких войнах XIX в. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–78. М., 2006. С. 65–79.

[2] Г. Г. Мюллерн — С. Лагербергу 7 мая 1711 г. [*Lagerberg S.*] Acter, rörande… S. 169.

[3] *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники… С. 240.

[4] О шести тысячах пеших драгун написал австрийский посол в России Г. В. Велчек вдове-императрице Элеоноре 30 июня 1711 г. // *Lukinich J. A.* Satmari beke tortenete es okirattara. Budapest, 1925. S. 506–507.

цами («свиная щетина»). Артиллерия с ящиками ядер и картечи, офицерские и генеральские телеги, кареты с офицерскими жёнами и багажом замедляли марш. В узких местах повозки медленно тащились одна за другой. При переходе припятских болот «не было такова дни, в которой бы по горло в воде на переправах не были». Тягловых волов по мере расходования провианта забивали на говядину.

Корпусу Шереметева царь велел быть на рубеже Днестра к 15 апреля, хотя бы и без провианта, в надежде на снабжение из Молдавии и Валахии. Поход на юг с ограниченным запасом продовольствия стал предвестием неудачи на Пруте.

Задача генерал-фельдмаршала состояла в том, чтобы выйти на Дунай, разбить там турецкую переправу, не допустить врага на левый берег реки и тем самым надёжно гарантировать переход Валахии и Молдавии на русскую сторону. Запасной вариант предусматривал оставление Дунайских княжеств под контролем турок и подтягивание всех православных добровольцев за Днестр. Если *«турки чрез Дунай со всею силою перешли, то встать за Днестром в удобном месте и иметь добрую осторожность... И трудиться привлекать к себе волохов, мультян, сербов и прочих христиан»*[1].

Гонку к Дунаю русские проиграли — 16 мая войско Шереметева находилось у Брацлава на Южном Буге (в 400 километрах от дунайской переправы). Фельдмаршал понимал, что достичь Дуная прежде неприятеля невозможно, но в ставке царя надеялись, что турки не успеют перевести все силы через переправу у Исакчи[2].

Большая часть Правобережной Украины была разорена татарами. Их нападения, падёж тягловых волов и лошадей, оголённая засухой степь и отсутствие хлеба сковывали движение. «Походная аптека» с медикаментами, имуществом аптекарских чинов и провиантом на 50 подводах была в «зело слабом состоянии» и еле управлялась с больными.

17 мая в Брацлаве Шереметев смотр драгунской кавалерии и направил её вместе с обозами к Днестру. В тот же день

---

1 Пётр I — В. В. Долгорукову и Б. П. Шереметеву 7 мая. ППВ. Т. 11/1. С. 221–223.

2 Г. И. Головкин — А. Г. Головкину 8 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.

он послал в молдавские Соро́ки манифест, чтобы «правоверные христиане и истинные сыны восточныя христианския кафолическия церкви» поднимались против неприятеля. Ставки месячных выплат обещались высокими: полковнику, собравшему полк — 100 руб., капитанам и ротмистрам — 30 руб., поручикам — 20 руб., хорунжим — 15 руб., рядовым — 5 руб.[1]. (В 1712 г. после Прутского мира, ставки молдаванам уменьшились: полковникам — впятеро, поручикам и хорунжим — втрое).

В том же месяце он послал двух «шпигов», которые вернувшись, сообщили, что с везирем будет 200-тысячное войско, но в слабо укреплённых Бендерах турки «от войск царя в великом страхе» и говорят, «что все волохи будут держать сторону московских войск». Крепость подправляется «русскими скованными невольниками»[2].

Турки от Адрианополя прошли 450 км и достигли Исакчи у Дуная 3 июня. Этот день стал знаменательным — он снял возможность перехода господаря Брынковяну на русскую сторону.

На военный совет верховный везир вызвал крымского хана и шведского короля. Но канцлер Г. Г. Мюллерн и секретарь К. Фейф отговорили Карла XII от поездки, чтобы не унизить славу полководца и рекомендовали самому Балтаджи прибыть в Бендеры. «Я знал, что этот гяур никогда не пойдёт нам навстречу» отозвался оскорблённый Мехмед-паша, обращаясь к хану[3]. Более чем дюжина шведских высших офицеров[4] при садразаме оставались в роли наблюдателей.

23 мая 1711 г. бригада генерал-майора Вейсбаха навела небольшой мост через Днестр, переправила 300 человек,

---

[1] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 25–26.

[2] Расспросные речи «шпигов» о турках 28 июня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 259–261.

[3] *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski… Т. 1. С. 48. Карл XII считал, что не может низвести себя до уровня постороннего офицера при турецкой армии и в июне через Понятовского сообщал верховному везиру, что он высокого мнения о его храбрости и способностях и вся кампания окончится успешно для султана. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P. 497.

[4] *Hultman J. D.* O panowaniu Karola XII króla Swecji. Kraków, 2015. S. 60.

но редута не успела закончить и ушла назад после перестрелки (убит один гренадёр и ранен капитан Масальский)[1].

200 сипахов и 1000 поляков и молдаван команды Я. Грудзинского после перестрелки, в которой был убит один турок и шестеро ранено, разобрали два русских звена, но когда прибыл Вейсбах с подкреплением, противник 24 мая отступил к Бендерам. По данным агентов в районе этой крепости находилось до 20 тысяч турок, шведов, поляков и волохов, а вокруг рылись окопы.

С 25 по 30 мая у Рашкова авангардом Шереметева (два пехотных и десять драгунских полков — 14 873 человека) продолжался «мешкотный» (в одну телегу) переход «Рубикона» — молдавской границы Османской империи на Днестре. 30 мая «управитель» Кантемира, комендант Соро́к С. Афендик сдал крепость русским, после чего получил чин полковника.

Внезапно большой татарский отряд захватил до шести сотен телег с провиантом, 700 фуражиров и отослал всё в Каушаны. На тыловые обозы наседал Мехмет Герай, хотя четыре драгунских полка, оставленные за Днестром, должны были обеспечить их безопасность. За Днестром в «зоне войны» 15 тысяч крымцев, поляков и запорожцев К. Гордиенко шли по пятам, готовые в любой момент напасть («особливо на обозы»). Маршировать приходилось «помалу». Рассеять их нерегулярными силами численностью в 8510 человек[2], которые были в подчинении полковника Исупова, было невозможно. Шереметев двигался медленнее, чем Балтаджи, но считать, что русская армия «вползала в ловушку» — нельзя. Турецкое и татарское население из Буджака и от Бендер «со всеми пожитками» уходило за Дунай, «токмо оставались люди военные».

По просьбе Кантемира Шереметев 29 мая послал в Яссы полковника Г. И. Кропотова с тремя драгунскими полками и молдавским полком Ф. Апостола-Кигеча. С ними было послано 10 тысяч рублей для закупки провианта и выплаты жа-

---

[1] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 249.

[2] Два молдавских полка Танских, одиннадцатая рота Кигеча, рота сербов и казаки атаманов Кутейникова, полковников Микифора Иванова, Лариона Леонтьева, Степана Михайлова. Извлечения из ведомости 31 мая 1711 г. отправленной из-за Днестра за милю. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 249–251. 28 мая Шереметев распорядился расписать, сколько нерегулярных «доброконные с оружием» и велел принимать молдаван только вооружённых и «доброконных». Там же. С. 243.

лованья добровольцам-молдаванам. Травить и косить хлеб у молдаван Шереметев под страхом смерти заказал, «дабы здешних обывателей хлебов, дорогою не отягчили и озлобление не чинили»[1] и ничего не брать безденежно.

Молдаване радовались и, подбадривая русских, говорили, что турки «*не имеют куражу и сами себе пророчествуют гибель*». От них же исходила ложная весть, что Брынковяну идёт навстречу и находится якобы в двух днях пути от Ясс[2].

В день рождения государя на молдавской земле для высших чинов корпуса был устроен праднічный обед, при котором надеялись «благополучием торжествовать, как и в 1709 году».

2 июня Кантемир уведомил Б. П. Шереметева и С. Л. Владиславича, что раздаёт жалование ополченцам и рассылает указы по всей Молдавии, чтобы все вооружались и «*пришли к монаршеским войскам под мою команду до 15 числа сего месяца, а кто не придет,* [то] *шляхтич будет отлучен от маетностей своих, а народы будут преданы суду не токмо мирскому, но и церковному проклятию*». «Любезнейшего брата» Брынковяну он побуждал немедленно присоединиться, «*понеже честь, достоинство и монаршеские милости получаются с трудами и страхом*»[3].

Полной уверенности в «молдавском успехе» не было, приходилось учитывать наветы Брынковяну, что Кантемир предан туркам. Иерусалимский патриарх Хрисанф («друг туркам»), которого Порта в 1712–1713 гг. собиралась поставить «на Казачью патриархию», писал, что «желание свобождения их принуждает писать и обещать то, чего не могут учинить», что Кантемир якобы предавал его самого и Брынковяну, сообщая туркам, что Хрисанф де «русской партии», что к русским господарь «пришёл от нужды, а не от любви», что он и раньше остерегал не верить молдавскому князю[4].

---

1 Б. П. Шереметев — А. А. Вейде 1 июля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 147–148.

2 В. В. Долгоруков — Петру I 31 мая из-за Днестра. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 472–473.

3 *Цвиркун В. И* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010 г. С. 121; РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 1048 об., 1052.

4 Патриарх Хрисанф — П. А. Толстому 13 августа 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 6. Л. 725, 728.

День 3 июня был радостным — Кантемир провозгласил Молдавское княжество под русским протекторатом. («Обязал чрез всю сию войну, яко союзник, крепко держатися и со всею своею силою купно с нами против общаго неприятеля действовать»).

Балтаджи с 4 по 17 июня задержался у моста в Исакче, поджидая окончательного сбора провинциальных сил («еялет аскерлери»), численность которых должна быть почти такой же, как у Кара-Мустафы под Веной в 1683 г. К войску султана присоединились ногайцы, католики-поляки Ю. Потоцкого и православные запорожцы во главе с Ф. Орликом. У Исакчи будто бы проводился смотр войск и обговаривалась формула войны — «найти неверных и где те будут найдены, там дать битву»[1]. На самом деле турецкий главнокомандующий оттягивал столкновение с русскими. Отпадение молдавского господаря стало для него как гром среди ясного неба. Можно было предположить, что после Ясс русские пойдут в Валахию и, возможно, разрушат в турецком тылу переправу у Исакчи.

«У турок так сильно было уважение и трепет перед москвитянами, что везир, несмотря на повторные сообщения о тяжёлом состоянии их армии, и, несмотря на постоянные уговоры шведов, не собирался переходить Дунай, пока не придёт последняя лошадь из Азии» — сообщал Р. Саттон[2].

18 июня Мехмед-паша начал движение вверх по восточному берегу Прута «с большой боязнью, так как не были известны ни численность, ни намерения русских»[3]. Медлил

[1] С большим запозданием, в июне 1711 г. Карл XII предложил план долгой войны, чтобы Порта начала поход от Бендер, запустила в Молдавию часть сипахов и татар, окружила армию царя и отсекла ему подвоз провианта. Янычары с другой частью конницы должны были ударить на Киев. Когда русские станут отступать из Молдавии, сипахи и крымцы начнут их преследовать. Но Балтаджи собирался вести войну без вторжения на Украину, получить Азов, добиться невмешательства царя в польские дела и выпроводить короля на родину. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 24, 27.

[2] *Satton R.* The Despetchts… P. 75–76. Как только это услышали сторонники шведского короля, они оттянулись ближе к Бендерам. [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok… S 100.

[3] Подход частей из Анатолии к Дунаю продолжался вплоть до 11 июля. *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 115–116, 119.

турецкий главнокомандующий ещё и потому, что возможно, считался с наступлением «цесарских сербов выше Белграда на Босну»[1]. На уклонение от битвы верховного везира рассчитывало и русское командование: «великий визирь… перейдёт ли сюда со всею армиею и при сближении Его Царского Величества будет ли стоять, о том время научит, хотя многие о том зело сомневаются»[2].

Кантемир, используя данные своей разведки, правильно советовал спешить русской пехоте, пока к северу от Дуная мало турок. «[Господарь] желает и рассуждает, что если бы… было пехоты 20 000, то *можно было бы над турком великую викторию искать,* понеже не все паши собрались»[3].

Семь с половиной веков, со времен князя Святослава в 968–971 гг., русская пехота не появлялась в Днестровско-Прутском междуречье. Присоединение Молдавского княжества было успехом Дунайской кампании. В Яссах собирались служивые, крестьяне, горожане, сапожники, портные, землекопы, трактирщики, батраки, мелкие купцы[4]. Из сёл люди стекались под защиту полтавских победителей, боясь мести татар. Молдаванам после оглушительных русских побед 1709–1710 гг. казалось, что вдоль Дуная вырастет стена железных полков и турки не смогут противиться русским, ибо все христианские государства будут в союзе с Россией[5]. В Сороках, Бельцах и Яссах жители, впервые увидевшие русских солдат, выкатывали им на улицы бочки с вином. «Вся страна была с москвитянами», — писал гетман молдавского войска Й. Некулче, сопровождавший Петра I от польской границы. В молдавских городах начались стихийные грабежи лавок турецких купцов, угон скота и убийства турок.

---

[1] Допрос пленного турка из Бендер в мае 1711 г. РГАДА. Ф. 89. оп.1. 1711. Д. 6. Л. 2 об.

[2] Г. И. Головкин — А. Д. Меншикову 18 июня 1711 г. из Сорок. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 346.

[3] В. В. Долгоруков — Петру I от Ясс 8 миль. 4 июня 1711 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 469 и об.

[4] *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 282.

[5] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 259. Для поляков, молдаван и валахов самым лучшим вариантом был выход Русской армии вообще за Дунай.

Боеспособность молдавского ополчения конечно, была ниже, чем у полтавских ветеранов. Они были необучены и плохо вооружены[1]. О низкой боеспособности молдавских и валашских ополченцев знали и турки, и русские. Кантемир считал, что Молдавия едва от 6000 до 8000 человек может выставить против неприятеля, и только «обитатели Нижней Молдавии привыкшие жить с татарами в войне, суть лучшие солдаты, притом и дичее других, также больше возмутительны и непостоянны… и без изъятия верят, что каждому человеку назначен свой день к смерти, прежде которого никто не умрёт, ни в войне не лишится жизни. Сие придаёт им великую отважность, так что иногда в бешенстве на неприятеля идут»[2].

Напротив, национальные формирования русской армии — молдавские («волошские») легкоконные полки с начала их формирования в 1707 г., также как казаки, калмыки (и «валахи» шведской армии), отличались энергией и инициативой. Они были авангардом регулярных частей. К 1711 г. в петровской армии было шесть таких полков[3].

Через 15 дней после своего манифеста Кантемир собрал 17 полковников и 170 ротмистров, в ротах которых должно было быть набрано по сотне человек[4]. Господарь поднял все ресурсы, которые могла дать Молдавия и почти столько же ополченцев, сколько собирали с княжества турки. Всего собралось 6–7 тысяч молдавских и русинских (с севера Молдавии) воинов.

Для Европы Пётр I и Г. И. Головкин представляли завышенное (10 000) количество «благовооружённых и конных» молдаван[5], к которым якобы скоро присоединятся валахи,

---

[1] «Господарь… привёл до шести тысяч плохой молдавской конницы: их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры». Моро Ж. Н. С. 413.

[2] [*Кантемир Д. К.*] Димитрия Кантемира, бывшаго князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнию сочинителя. М., 1789. С. 222, 320.

[3] *Цвиркун В. И.* У истоков русско-молдавского боевого содружества // *Ţvircun V.* Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006. С. 36.

[4] *Семёнова Л. Е.* Княжества Молдавия и Валахия… С. 282.

[5] Там же. С. 289, 549.

«буджакские татары» и поможет калмыцкое воинство властителя «над многими степными ордами» хана Аюки[1].

Переход Молдавии под русский протекторат и восстание сербов на западе Балкан оказался скверной неожиданностью для Стамбула, но там скорее ожесточились, а не впали «в трепет», как доносили оттуда балканские агенты России и австрийский резидент И. М. Тальман[2]. Турок беспокоило прежде всего русское вторжение.

6 июня Кантемир «себя, оружие своё и войска» присоединил к корпусу Шереметева. Он прибыл из Ясс к фельдмаршалу в урочище Цецуру вместе с гетманом Некулче, пятью ротмистрами и боярским окружением.

Русский фельдмаршал торжественно встречал его за лагерем, «полки все стояли в параде с распущенными знамёны и честь была ему с барабанным боем». После обсуждения военных дел Кантемир в шатре Шереметева, «пив водку, кушали» вместе с русскими генералами. Свита князя была одарена «собольими и другими товары, которые взяты из Сибирского приказу». Князь показал Шереметеву своих ликовавших верховых, вооружённых в основном, луками и короткими пиками. На дачу «новозатяжным» 5000 молдаванам Шереметев выделил 30 750 рублей. Он же писал, что запасов Молдавского княжества на 30-тысячную армию хватит на один месяц.

Узнав о переходе противника через Дунай, фельдмаршал, пройдя от Брацлава 200 км, 8 июня собрал военный совет, который постановил переправиться на западный берег Прута, и повернуть к Яссам, *то есть уйти от столкновения с османской армией, которая должна была двигаться вдоль восточного берега Прута.*

Совет учитывал, что «по обе стороны Дуная» собралось около 60 тысяч турок и 20 тысяч татар, что провианта нехватает, что вдали от своих «краёв» блокада врагом приведёт войско к «худому состоянию». Вот причины, по которым совет Шере-

---

[1] Так заверял О. Плейера Г. Ф. Долгоруков в июне 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 51.

[2] «…Турки были в великом страху, наипаче когда слышали, что господарь волоской отдался. Салтан со всем народом на всякой день три раза были на молитве… и миру велми желали». С. Л. Владиславич — Г. И. Головкину 18 сентября 1711 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711. Д. 4. Л. 100–101.

метева «рассудил за благо» маршировать к Дунаю, прикрыв себя рекой Прут. Действия переводились в оборонительные: из-за Прута можно будет *«с неприятелем дефензиво поступать»*, высылая через понтонный мост против врага «знатные партии»[1]. Указывались и плюсы такого решения: можно овладеть хлебом в придунайских «без фортеции стоящих» городах, отрезать Валахию от неприятеля и привлечь её «частию чрез принуждение» на русскую сторону[2].

Беспокойство русских о том, что бояре переметнутся к туркам, в связи с тем, что царь «учинил господаря наследником» (наследственным молдавским самодержцем),[3] Кантемир снял: «хотя у него с ними [боярами] и есть противность, однако ж на них надёжен, что они николи к турецкой стороне не будут, разве некоторые немногие, кои на низу Прута живут»[4].

Господарь обещал к 15 июню собрать 10 тысяч молдаван, «а ежели кто не прибудет, к вышеписанному числу до наших войск, причтён будет за изменника». Обещалось доставить 15 000 баранов и 4000 волов (в значительной мере принадлежавших сбежавшим туркам). Но хлеба и на три дня собрать нельзя — говорил князь, в Молдавии был недород[5].

9 июня фельдмаршал, генералы и Кантемир снова устроили смотр всем полкам. 12 июня Кантемир сообщал, что ещё

---

1 Постановление военного совета в июне 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 262–263. Это постановление можно твёрдо датировать 8 июня, так как здесь повторена фраза о «сциссии» или «разделении» молдаван, что и выше в ППВ. Обманную причину перехода Прута («для лучшаго конскаго корму»), дал 30 июня Г. И. Головкин в письме А. Д. Меншикову. Там же. С. 339

2 Часть молдавского боярства осталась на стороне турок. «На воложский народ обнадёжится невозможно, ибо скоро могут чрез факции и деньги показать между собою …разделение, о чём отчасти и показывается». ППВ. Т. 11/1. С. 546–547.

3 «Между господарем з бояры ево великое несогласие, а болши то, что Ваше Величество учинил господаря наследником, чего у них не бывало».

4 В. В. Долгоруков — Петру I 18 или 19 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 550.

5 «А хлеба нет, весьма отказал». «От оскудения хлеба начали есть мясо». Б. П. Шереметев — Петру I 16 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 547–548; Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 44. «Живыми консервами» армия и молдавские добровольцы запаслись в достатке и их хватило даже на обратный путь после 12 июля.

до прихода русских в Яссы около 40 тысяч турок перешло на левый берег Дуная и там сооружается крепостца с пушками. Буджакских татар соберётся до 30 тысяч, а «турки и татары в великом страхе»[1]. 20 тысяч буджакских татар в июне 1711 г. оттянулось к Дунаю.

Уклонение Шереметева с прямого пути к Дунаю и мешкота при сборе провианта вызвали гнев царя, который пригрозил пустить фельдмаршала «на съедение солдатам»: «[Днестр]… вы перешли 30 числа, и тако десять дней потеряно; к тому ж на Ясы — криво. І ежели б по указу учинили, то б, конечно, преже турков к Дунаю были… А ныне старые ваши песни в одговорках, на которое дело я больше не знаю, какие указы посылать, понеже обо всём уже довольной указ дан, в чем можете ответ дать… когда солдат приведем, а у вас не будет что им есть, то вас оным в снедь дадим»[2].

Однако через 6 дней решающий совет основной армии 14 июня у Днестра в районе Сорок оставил в силе действия Шереметева, хотя и вызвал резкие разногласия. Этот совет стал первым решающим в Дунайском походе. В палатке генерала Я. В. Брюса зачитали обращение Кантемира, просившего всю русскую армию спешить к его столице. Генералы-иноземцы д'Энсберг, фон дер Остен, В. Беркгольц и другие советовали сменить войну на оборонительную — отдохнуть от изнуряющих переходов за водной преградой Днестра и опереться на гарнизоны трёх крепостей — Могилёва-Подольского, Сорок и (пока не захваченных) Бендер. На безводных и безлюдных степях между Днестром и Прутом нет ни воды, ни хлеба и следует дождаться провианта, который сплавят из Подолии по Днестру[3].

---

[1] В. В. Долгоруков — Петру I от 12 июня от р. Прут. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 1082.

[2] Пётр I — Б. П. Шереметеву 12 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 285–286. Позже Пётр I сам сожалел, что слишком углубился в Молдавию (см. ниже). Может быть, после этого у фельдмаршала вырвалось с горечью: «Не ангел я, не испытлив дух имею, как могу делать, [делаю], а велят делать ангельски, а не человечески». Б. П. Шереметев — Ф. М. Апраксину в 1711 г. Шереметев Б. П. Переписка и бумаги графа Б. П. Шереметева. СПб., 1879. С. 340.

[3] «Войско не имело съестных запасов и на восемь дней и могло, если оных не находилось в Молдавии, быть уничтожено не неприятелем, а голодом. Это затруднительное положение было известно всем; генералы,

От недостатка провианта армия может в короткий срок погибнуть, а для создания полных складов продовольствия нужно более полугода. Противник же, после перехода Прута ослабнет, потеряет лошадей и не сможет взять крепости, защищаемые «исправным войском». Строить мосты и переходить Днестр под угрозой русского нападения турки не осмелятся. Оборона на Днестре прикроет и коронные земли Польши.

Л. Н. Алларт указал, что катастрофа Карла XII на Украине должна стать уроком: тогда король был обманут Мазепой, а нынешнее положение русских схоже со шведским. Кантемир, несмотря на стремление быть вместе с Россией, может ввести в заблуждение, как и Брынковяну, а его молдаване, которые привыкли служить в османском войске, могут и не быть одного с ним мнения[1].

Идея встретить противника на Днестре была разумной. Царь понимал, что «попал на место пустое и бескормное и далече от тех мест, откуда бы мог иметь себе помочь… [и] сие-то самое приводило его в болшее смущение»[2]. Но Пётр I продолжал считать, что главное — это выигрыш времени и пространства. Сочувствуя единоверцам, он надеялся на успех: *«Християне бедныя зело ревностно к нам поступают непрестанно и пишут неописанный страх и комфузию в поганых»*[3].

«Русская партия» (Головкин, Шафиров, Брюс, Владиславич, Вейде, князья Долгоруков и Репнин), в отличие от генералов-иностранцев, учитывала православную взаимность (конечно, и мнение своего государя). Вторжение почти без провианта на землю противника начиналось в уверенности, что боевой дух неважного турецкого войска невысок. Довлел и хмель Полтавы — говорили, что неприятель, встретившись с русскими победителями, падёт духом ещё ниже.

министры, сам государь это знал: комиссары посланы были им в Венгрию для закупки быков, а в Украйну для забрания баранов и муки». Моро Ж. Н. С. 416.

1 [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, Tartarey, Turkey, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Russland. Leipzig, 1784. S. 46–47.

2 *Соймонов Ф. И.* История Петра Великого. СПб., 2012. С. 221.

3 ППВ. Т. 11/1. С. 216.

Дело решило пламенная речь «сорви-головы» — курляндского протестанта Рённе — мол, недостойно отсиживаться за рекой с такими прекрасными войсками; продовольствия довольно в Валахии, весь православный люд, как только появятся русские, поднимется как и молдаване, и нет смысла тратиться на свои магазины, «когда можно делать это на счёт неприятеля… Турки будут полууничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы»[1].

В главной квартире не учли, что османский дух не был сломлен в 1687–1689 гг., когда австрийцы вместе со славянами Сербии, Македонии, Далмации воевали в Валахии и Македонии, заняли Бухарест, а венецианцы осаждали афинский Акрополь. Были забыты слова П. А. Толстого о том, что турки считают себя неодолимыми, не боятся цесаря и ненавидят венецианцев. В тылу оставалась бендерская крепость[2] и буджакские татары. «Устрашить» противника могла только антиосманская коалиция, но таковой в 1711 г. как раз не было. Сам Пётр I позже оценил Прутский поход как авантюрный: «*Сей марш против турков зело отчаянно учинён*»; «*если бы получили викторию, тогда б ещё дальше зашли*» и тогда бы «*ещё хуже было*»[3].

Но в середине июня, зная, что у Дуная собралось только 60–70 тысяч турок, царь «искал неприятеля» и «чаял баталии, прося у Праведного Судии милости»[4]. Сдать только что поднявшихся молдаван на милость врагу было бы позорно.

Генералитет раскололся. «Немецкой партии» пришлось, скрепя сердце, замолчать.

---

1 Моро Ж. Н. С. 420. О том же см.: *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… Т. 2. С. 492.

2 Уникальна и вряд ли достоверна заметка Алларта о том, что конница «в то время непрестанно кругом Бендера во объезд ездила, где едва короля шведского самого не поимали». РГАДА. КАб.ПВ. Отд. 1. Д. 13. Л. 93.

3 ГСВ. Вып. 1. С. 176, 373–374. Военный историк Д. П. Бутурлин считал, что если бы царь пошёл вниз по Днестру для осады Бендер это дало бы ему базу для дальнейших операций через Бессарабию к Дунаю. Балтаджи отправился бы на выручку Бендер и там можно было бы дать сражение. При неудаче можно было укрыться за Днестром и польской границей. *Бутурлин Д. П.* Военная история… Ч. 1. Т. 2. С. 490–491.

4 ППВ. Т. 11/1. С. 296, 298. 16 июня Пётр I писал Шереметеву, что провианта для армии хватит всего на 100–120 км, т. е. от Соро́к до Ясс. ППВ. Т. 11/1. С. 290.

Генерал-майора А. А. Гешева оставили собирать хлеб за Днестром.

В ту же ночь 14 июня, чтобы избежать дневного зноя, войска стали переходить Днестр по мосту, наведённому Аллартом. Больных вместе «с принадлежащим им провиантом», лекарями (по одному от дивизии) и полотнами для пошива палаток оставили в полевом «шпитале» в Соро́ках[1]. Опасаясь диверсии из Бендер, там же, в Сороках оставили гарнизон в четыре тысячи человек и большое количество пороха в бочках. Для охраны мостов на обоих берегах Днестра у Сорок воздвигли шанцы, где Пётр I оставил две сотни драгун и 300 казаков[2].

2000 солдат было оставлено в Могилёве-Подольском и три тысячи — в Яссах для защиты бояр и молдавской столицы, вместе с частью гусар молдавского полка ротмистра Ф. Апостола-Кигеча[3].

Тогда же Пётр I, входя в османские владения, распорядился удалить всех генеральских и офицерских жен. Однако царица Екатерина Алексеевна настояла на том, чтобы сопровождать своего супруга (и тем выправила его мучительное состояние на Пруте 10 июля — см. ниже). Генералы через неё получили такое же позволение и для своих жен. Прочие офицерские жёны сочли, что тоже могут поехать и царь не воспротивился этому[4].

2.2. «С НЕСКАЗАННЫМ ТРУДОМ ОТ ЖАРУ И ЖАЖДЫ»

Марш к Дунаю был подготовлен плохо — без детального расчёта расстояний и необходимого количества продовольствия и фуража. Квартирмейстеры не знали, где водные источники и ко-

---

1 *Бумай О. К.* Организация медицинского обеспечения армии и флота при Петре I // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). СПб., 2004. Часть I. С. 31.

2 Знаменательно, что провианта у них должно было быть на месяц. ППВ. Т. 11/1. С. 301,302. Бендеры не были блокированы и оттуда 1 июля партия в 800 человек подошла к Соро́кам и отогнала два табуна драгунских лошадей, разбила обозы, которые следовали за армией и взяла языков. Донесение полковника С. Хлопова 2 июля 1711 г. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 1031.

3 Б. П. Шереметев — Петру I 1 июля от р. Прут с Ясской стороны. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 3. Л. 1096 и об. Моро Ж. Н. С. 430.

4 «Жёны браны по их желанию, а не по указу» — писал позже царь. ППВ. Т. 11/2. С. 49.

лодцы. Складов продовольствия в Подолии не было, подвоз хлеба с Украины на телегах или паромах по Днестру безнадёжно запаздывал. Возы с провиантом из Киева пошли на юг к Немирову только в июле. Движение от Днестра к Пруту по нестерпимой жаре, раскалённой безлюдной степи проходил «с несказанным трудом от жару и жажды». Старались идти ночами. Громадная цепь экипажей, телег, тележек, карет, возов замедляла ход.

Солдаты, получали с июня треть хлебной нормы и, не имея палаток, страдали от солнечных ударов и жажды. 28 и 30 июня Пётр запоздало распорядился для защиты солдат от зноя закупить на 10 тысяч рублей во Львове, в Киеве или Москве (!) 170 000 аршин холста для палаток[1].

Сгущая краски и возлагая вину на климат и географию, Пётр I позже записал в «Гистории Свейской войны», что от жажды на 100-километровом переходе к Пруту у многих солдат шла кровь из носа, глаз и ушей. На берегу этой реки пало несколько тягловых лошадей, опившихся водой. Солдаты, бросаясь к воде, также будто бы «опивались ею и умирали».

22 июня в лагерь Шереметева, тайно выехав из Валахии, прибыл великий спафарий (мечник) Фома (Тома) Кантакузин с восемью ротами лёгкой конницы и с «объявлением своей и всего мултянского народа к Его Царскому Величеству верности, что коль скоро войска Царского Величества к ним приблизятся, то они тотчас ко оному пристанут»[2]. Обнадёживание о присоединении валахов оказалось ложным — когда русский корпус Рённе объявился у Дуная, к нему примкнуло чуть больше сотни «мултян» (см. ниже).

От Прутской долины, куда первые дивизии прибыли 23 июня, царь отправил бочки с водой к полкам, идущим

---

1 ППВ. Т. 11/1. № 4543 и 4545. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 155. При отступлении от Прута царь отменил закупку холста. ППВ. Т. 11/2. С. 15.

2 «Для проведывания и призыву» Ф. Кантакузина к нему трижды подсылали курьеров в мае 1711 г. *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Томы Кантакузино в письмах и документах. СПб., 2015. С. 28, 30, 93. О тайно отъехавшем из Валахии Ф. Кантакузине Шереметев оплошливо писал, что надо быть с ним осторожным, не добивается ли он какого-нибудь своего интереса, иначе можно «озлобить» валашского господаря. Б. П. Шереметев — Петру I 22 июня от р. Прут. РГАДА Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 13. 1069–1070; ППВ. Т. 11/1. С. 556.

следом. «Мы продолжали двигаться по бесплодной степи три ночи. На всём пути не было ни капли воды» — вспоминал П. Г. Брюс. Ногайцы испортили и забросали падалью многие колодцы, но полностью безводными были только места примерно на половине 118-вёрстного расстояния от Днестра до Прута. Станы устраивались от реки до реки, через 10–31 версту — от Сорóк до реки Кейнары (23 версты), до реки Реут (17 вёрст), до реки Белзы (25 вёрст), до Вешневца, где воды «почтай, не было» (31 верста), до «урочища Стратил» (10 вёрст). От Стратил до Прута — 12 вёрст.

Таким образом, воды почти не было только у Вешневца, да у «урочища Стратил» вода была «самая худая, не толико что людем пить, но и лошадям не мочно, ибо многой скот и собаки, пив, умерли тут. И тако безводными местами будет идти от Белзы до Прута 51 верста»[1].

Русская армия перешла на западный берег Прута, чтобы спускаться к Валахии, но не имела данных о противнике. Эта река отделяла русских от турок точно также, как Ворскла от шведов перед Полтавской битвой. Осмотрев 23 июня войско Шереметева, Пётр I приказал наводить через Прут на 16 медных понтонах ещё два моста, которые через пять дней были готовы. Узкие переходы были наведены и на однодревках, найденных по берегам реки. После того, как Пётр с гвардией и с остальными пехотными и кавалерийскими полками соединился с корпусом Шереметева, командование всей армией перешло в руки царя.

В эти дни вступившее в Молдавию русское правительство упустило шанс избавиться нежеланной Турецкой войны и без потерь вернуться на северный фронт.

23 июня в лагере у Ясс неожиданно появился грек-посланец — конюший и резидент валашского господаря в Москве Георгий Кастриот[2]. Он имел инструкцию от князя Валахии

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 304.

[2] Это был старый знакомец, предлагавший ещё в 1697 г. принять Молдавию и Валахии «под кров и власть» России, которая должна атаковать Очаков и Керчь, блокировать татар в Крыму, а валахи и молдаване нападут на Буджак. *Семёнова Л. Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 123–126. В 1711 и 1712 гг. Кастриот как резидент Брынковяну жил в Киеве и продолжал сообщать от валашского господаря сведения о турках. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 131.

и извинялся за хозяина, что тот «в рассуждении приближения турков не может прислать в Российскую армию ни войск, ни съестных припасов»[1]. Турки первыми перешли Дунай и лишили валахов русской защиты. Брынковяну вместо смены подданства намерился помочь царю в примирении с турками.

Кастриот объявил невероятное — верховный везир тайно осведомил Иерусалимского патриарха Хрисанфа о желательности мирных переговоров («наклонен ли Российской государь к миру»)[2]. Возможно, Балтаджи созвал совет, «дабы мог с Царским Величеством мир постановить, хотя и с малою прибылью турецкою, токмо бы королю шведскому дали свободную дорогу»[3]. Это подтверждали и пленные турки[4].

Чем было вызвано такое нежданное решение турецкой стороны?

Дело в том, что о помощи «сорокатысячного войска» шведов из Померании не было слышно[5]. По мере разгорания войны высшие чины Порты начали колебаться — не стоит ли уладить дело миром на условиях «статус кво»? Ослаб старый стереотип о русских, которые, «будучи бедными презренными и простодушными, без храбрости, боясь удержать место в сражениях с другими народами, ушли далеко на север, где вечная зима и студёный мрак». «Война против Московии из-за обширных пустынных

---

[1] [*Левшин В. А.*] Жизнь… Бориса Петровича Шереметева… С. 112.

[2] После того, как Брынковяну услышал о рейде Рённе к валашским границам, «пришли на греческом языке и цифрами писанные письма от Бранкована от 7 июля, к канцлеру графу Головкину и к Кастриоту, в которых удивляется он и медленному ответу от Кастриота». Там же. С. 112–113. В письме к Кастриоту валашский господарь выражал желание «с радостию видети такого приближения [русских], через что дабы и корреспонденцию чаще нам иметь, получая наставления от вас полезныя». *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 285–286.

[3] Л. Барка — С. Л. Владиславичу 19 ноября 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 13. Л. 40. Речи не могло быть об уступке турками «Новороссии с Очаковым, Бессарабии, Молдавии и Валахии». *Керсновский А. А.* История Русской армии. М., 1999. С. 35.

[4] Походный журнал 1711 г. СПб., 1854. С. 63. Иностранные наблюдатели писали, что Балтаджи получил от султана разрешение «заключить мир… без учета интересов шведского короля». *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 119.

[5] В Висмаре, Бремене и Померании по данным от 12 июля 1711 г. было 21 300 человек, а тех, которые за оставлением в гарнизонах могут быть в поле» — 10 050 человек РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711. Д. 18. Л. 42–43.

провинций» особо не вдохновляла и аскеры уже «начали дезертировать в значительном количестве» из османского войска[1].

Зондаж о мире отвечал интересам Балтаджи, который сознавал свою военную никчёмность. «Султан ни в чем не доверяет шведам и кается, что поверил доношениям хана крымского, которого все нежелающие войны бранят, говоря, что он склонил на то султана не для интересу империи, но для одной приватной своей прибыли… Турки… зело удивляются, что шведское войско умедлило выступить в Польшу до сей поры, ибо обещано было, чтоб шведам вступить в Польшу к месяцу июню и видеть туркам такую мешкоту и трудность шведов вступления в Польшу гораздо нелюбо и *за тем готовы суть паки честной мир учинить… Министры теперь не говорят, что зачали войну для разорения новопостроенного города и для сожжения флота московского,* но для того, чтобы войско московское выступило из Польши и проводить… свободнее короля шведского»[2]. Русско-турецкий мир на условиях «статус кво» избавил бы от тяжёлых потерь по Прутскому миру, заключённому всего через 19 дней после предложения Кастриота.

Миссия от валашского господаря подняла настрой и русский штаб отверг мирное предложение. Ведь в Молдавию вошли самые боеспособные войска вместе с победителем-самодержцем, опытной и храброй гвардией, лучшими генералами, офицерами, солдатами и канонирами. Представлялось, что стальной клин полтавских победителей разнесёт противника на пути к Дунаю. Командование держало в уме *«большую баталию»*, понимая, что султан *«не уступит волохов, а Царскому Величеству, взяв их в верность за себя,* [нельзя] *уступать ему* [султану] *под меч»*[3].

---

1 *Sutton R.* The dispatches… P. 55. Донесение И. М. фон Тальмана 14 июля 1710 г. из Константинополя. [*Тальман И. Г.*] Турция накануне… С. 74. Возможно, до турок доходили слухи, что царь на границе собрал 180 тысяч войск, а в Азовском море готовится большой флот из 60-ти больших, 40 кораблей поменьше, 50 галер и 700 лодок. *Радонић Ј.* Римске курије и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 529.

2 Л. Барка — Г. И. Головкину 3 июля 1711 г. из Стамбула. ППВ. Т. 11/1. С. 569–570, 577. Л. Барка добавлял, что один из основных инциаторов Турецко-русской войны — хан Девлет Герай после перехода Д. Кантемира на сторону России «кредит потерял при султане». *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 117, 119.

3 П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину 2 августа 1711 г. от озера Бакулинского. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею 1711 года… С. 175.

Пётр I предписал «министру и надворному советнику» при штабе Шереметева С. Л. Владиславичу успокоить снедаемого тревогой Кантемира, что русские на мир не пойдут[1]. Но в «Гистории Свейской войны» написали, что валашскому резиденту просто «не поверили»: «от мултянского господаря Константина Бранкована посланник Кастриот… при поздравлении Его Величеству объявил, что везирь турской патриарху Иерусалимскому приказывал чрез господаря его проведать, есть ли склонность с стороны Его Величества к миру, о чём он от салтана трактовать указ имеет. Но тогда тому не поверено, а паче того ради то не принято, дабы не придать неприятелю сердца или куражу»[2]. Возможно, повлияло и враждебное настроение («суспиции») Кантакузина против Кастриота[3].

Вечером 24 июня к молдавской столице с конвоем из 300 всадников отправился и Пётр I. При подходе к Яссам царя-освободителя и Екатерину Алексеевну встречало семейство Кантемира с женой Кассандрой и детьми, митрополит Гедеон II и молдавские бояре. Царь не преминул посетить молдавские церкви и монастыри. От приёма Кантемира и его двора 25 июня в ясском дворце монарх был в восторге («зело возделенный приём нас от господаря волоского и прочих сей земли»). О трудностях степного пути было забыто. Музыканты играли турецкие напевы, сочинённые самим князем. Царь много раз обнимал, целовал и поднимал в объятьях невысокого молдавского князя. Господарь был награждён высокой наградой — портретом государя с бриллиантами.

Столицу Молдавии, казалось, взяли под прочную защиту — там, как в Могилёве-Подольском и в Сороках, оставили гарнизон. Если хмельного у Кантемира было сверх меры, то с провиантом дело обстояло хуже. На военном совете с Кан-

1 Пётр I — С. Л. Владиславичу 20 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 298.

2 Кастриот объявил, что «везирь турской патриарху Иерусалимскому [Хрисанфу] приказывал чрез господаря его проведать, есть ли склонность с стороны Его Величества к миру, о чём он от салтана трактовать указ имеет». ГСВ. Вып. 1. С. 173, 369. О предложении Кастриота русское командование, будучи в блокаде 10 июля, напомнило Мехмеду Балтаджи. ППВ. Т. 11/1. С. 570. Можно предположить, что если бы стороны вступили в переговоры, всё окончилось бы подтверждением старых границ и уходом Русской армии из Молдавии вместе с Кантемиром.

3 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 189 об.

темиром, Ф. Кантакузином, С. Л. Владиславичем и Г. И. Головкиным основной была эта проблема. Как вспоминал Кантемир, продовольствия для армии оставалось на 20 дней и у царя возникли сомнения — идти вперёд, назад, или стоять на месте[1].

Для дезинформации «вытрубили» о грядущем штурме Бендер, что обеспокоило противника.

С 22 по 29 июня армия, будто забыв о Дунае, поджидала обозы с хлебом, которые вёз с севера Репнин.

26 июня Пётр вернулся к войску, стоявшему у Цецуры и там «светлейшему князю и самодержцу Молдавии» предоставили почётное право принять парад в честь второй годовщины Полтавской битвы. Все полки выстроились с распущенными знамёнами. Гвардия и войско «по всему фрунту» отдавали честь барабанным боем «светлейшему князю» и формальному начальнику армии — фельдмаршалу Шереметеву. Государь Российского царства (и реальный главнокомандующий), как генерал-лейтенант, стоял перед Преображенским полком и салютовал палашом молдавскому князю.

С этого момента Кантемир со свитой неразлучно сопровождал Петра Великого. Его способности как человека «зело разумного и в советах способного» были сразу оценены. Кантемир великолепно знал военное (особенно турецкое) дело, умело обращался с пушками, был ловким наездником, на полном скаку далеко метал джирид (лёгкий дротик)[2]. При Русской армии он занял положение советника, а его молдавское ополчение («милиция») — фактически перешло под русскую команду.

Умом, красотой и манерами молдавский князь произвёл прекрасное впечатление. Господарь «был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен, и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели»[3].

---

1 *Kantemir D.* Geschichte des Osmanischen Reichs... S. 766. Не все молдаване были согласны с Кантемиром. Некоторые его отряды, посланные для сбора провианта, ушли к туркам. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P.494.

2 *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2009. С. 320.

3 Моро Ж. Н. С. 431.

Утром 27 июня славили триумф под Полтавой. Полки парадно выровнялись по трём сторонам каре, по четвёртой — артиллерия. Генералитет и государь в походной артиллерийской церкви слушали обедню и Феофана Прокоповича, который предрекая новые лавры, славил вторую годовщину великой победы и мощь Российского царства. На молебне присутствовал и митрополит Гедеон II с монахами. Потом 60 пушек дали залп и по фасам каре инфантерия открыла непрерывный салют. Порох жгли, не жалея: «полки стреляли по мере приближения к ним огня».

За праздничный, накрытый коврами «земляной стол» сели 220 генералов, офицеров и 15 виднейших бояр. Ноги всех спускались в неглубокие ровики, пологи связанных вместе шести палаток защищали от зноя. В центре «зело радостно» пировали трое — царь, великий канцлер Г. И. Головкин и Кантемир. Несмотря на петровский пост, ели скоромное и «пили, так уж пили» — с удовлетворением вспоминал Моро. Бесшабашно веселились до одиннадцатого часа вечера. Токайское и прочие вина подавались гвардейскими капитанами, каждый из них с помощью трёх слуг прислуживал шести гостям. Первая дама армии — государыня Екатерина потчивала жён генералов. Настрой подогрело полученное в 5 часов дня сообщение Репнина, что он гонит 4000 быков, 8000 овец и 300 польских повозок с рожью и мукой[1] Состояние духа командования и солдат был превосходным. «Царское угощение» имелось и для рядовых — для них государь закупил несколько бочек молдавского вина. Преображенцев собственноручно угощал царь. Никто не поминал тяжесть пути и приближавшегося неприятеля. Не было жалоб на непосильность марша и в тогдашних письмах командного состава.

На генеральном совете в Яссах 28 июня постановили «быть войску в околичностях того города, пока построено будет доволное число магазейнов для поклажи в них салдатского правианта». Валахи, как и молдаване должны были присоединиться к великому государю и воевать против «врага креста Господня, турского солтана и его подданных бусурман». В штаб-квартире понимали, что Валахия до появле-

---

1 «Государь тут же распределил, что куда доставить». Моро Ж. Н. С. 425. Ночью заснувшие на пиру молдавские бояре и их слуги были обшарены солдатами.

ния русских не поднимется. Брынковяну «в подданстве Его Царскому Величеству весьма медлит и некоторые отговорки от того и несклонность являет, понеже зело богат и не хочет себя в трудность и опасность вдавать»[1]. Кантемир, Ф. Кантакузин и Рённе предложили послать 15 тысяч войск в Валахию, чтобы «народ мултянский скорее к стороне нашей привлечь… и провианту на армию получить…, а ежели, господарь тамошний… противен тому явится, то…дать народу обрать вместо него иного господаря». Если валахи соединятся с партией Рённе, то царь намеревался идти к Галацу и турецкой переправе на Дунае «под Облучицами»[2].

Помешать переправе через Прут хан Девлет Герай не мог, но движение в очередной раз замедлил. Как только 28 июня (9 июля н. ст.) за Прут перешла часть русских полков, сзади на горизонте замаячили всадники хана. Пришлось строить боевой порядок и собирать цепь из рогаток.

Распоряжался в том месте Янус фон Эберштедт. Он выставил два батальона гренадёр по флангам и велел зарядить картечью 30 пушек[3]. Приближаться к орудиям крымцы не смели и только кружили вокруг. «Фельдмаршал приказал казакам и молдаванам… прогнать неприятеля. Они пустились с быстротою неимоверною, но которая час от часу более и более ослабевала. С обеих сторон всё кончилось скаканием да кружением» — вспоминал Моро.

---

[1] «Бранкован и народ ещё до сих мест себя против турок не объявили и проволакивают, отговариваяся, что до прибытия к ним войск Царского Величества учинить того не могут». Г. И. Головкин -А. Д. Меншикову 30 июня из лагеря от р. Прут. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Карт.16. № 75. Л. 1–2.

[2] П. П. Шафиров — Ф. М. Апраксину 30 июня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 141; *Соймонов Ф. И.* История Петра Великого… С. 221; *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого… С. 83.

[3] Ж. Н. Моро в десять раз преувеличил численность татар, написав, что их было якобы 30 тысяч. «28 июня (9 июля) с утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успела переправиться, как более 30 000 татар явились перед лагерем. Войско остановили и тотчас выстроили в боевом порядке под прикрытием рогаток. Пикет отозвали; по приказанию генерала Януса два батальона гренадёр поставлены были на оба фланга и в сём расположении стали ожидать приближения татар, дабы угостить их картечью из тридцати орудий». Моро Ж. Н. С. 433–434. На самом деле татар было около 3000, такую численность дал Алларт.

Геройский подвиг тогда совершили вступившие на русскую службу куруцы (венгерские повстанцы, воевавшие в 1703–1711 гг. против Габсбургов). «Один капитан, родом венгерец, вступивший в службу Его Царского Величества… уговорил отряд казачий поддержать его, обещаясь доказать, что не так-то мудрено управиться с татарами. Казаки обещались от него не отставать. Он бросился со своими двенадцатью венгерцами[1] в толпу татар и множество их перерубил, пробиваясь сквозь их кучи и рассевая кругом ужас и смерть. Но казаки их не поддержали, и они уступили множеству. Татары их окружили, и все тринадцать пали тут же, дорого продав свою жизнь: около их легло 65 татар, из коих 14 были обезглавлены. Всех менее раненный из сих храбрых венгерцев имел 14 ран. Все, бывшие, как и я, свидетелями их неуместной храбрости, сожалели о них. Даже наши конные гренадёры, хоть и русские, то есть хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, дабы их выручить; но генерал Янус не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем. Пока татаре привлекали на себя наше внимание, генерал Янус, предвидя, что наше отступление могло быть обеспокоено ещё большим числом татар и даже самими турками, приказал переправить все корпусные экипажи, всех лошадей драгунских и прочей кавалерии и остальные экипажи офицеров, дабы тем удобнее отступить до нового лагеря теснинами, ведущими к мостам, что и производилось во весь тот день и в ночи. Между тем татаре, не видя никакого движения в лагере, где полки наши стояли все ещё в боевом порядке за рогатками, ожидая смело их нападения, около третьего часа пополудни отступили, наскакавшись вдоволь, и таким образом дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться в новый лагерь, куда вступил он самый последний (10 июля). Он приказал разобрать оба моста и караулить лодки по нашу сторону реки: они могли пригодиться»[2].

Гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков писал царю 3 августа о мадьярах: «во много мер венгров держать перед волохами прибыльнее, первое — что у них начальные люди

---

[1] Л. Н. Алларт писал, что с капитаном было 24 венгра.

[2] Моро Ж. Н. С. 434–435.

добры гораздо и они им гораздо послушнее, из нерегулярных людей всех порядочнее, другое — волохов держать 3000, а венгров для прямого дела прибыльнее держать 1000 человек; венгров можно перед волохами назвать добрыми солдаты»[1].

На праздник Свв. Петра и Павла 29 июня «добрый начаток» продолжился. В ясской соборной церкви «Трёх Святителей» молдавские бояре присягали на верность властителю России. Командующий войском Валахии Ф. Кантакузин, который полюбился царю, получил чин генерал-майора русской службы. «За ревность его к великому государю… дана Его Величества персона в алмазах ценою в тысячу рублей, да сверх того денег тысячу рублей»[2]. «Государыню» Кассандру одарили соболями и бриллиантовым крестом[3]. Все генералы поздравили государя с именинами и снова до 7 часов вечера кутило застолье, будто в знак предстоящей победы.

П. П. Шафиров «с похмелья после вчерашнего» убеждал в письме от 30 июня Ф. М. Апраксина, что царь с главной армией уходит за Прут не потому, что хочет отгородиться водной преградой от турок, а с целью прикрыть отправленный к Браиле корпус Рённе. Пётр I собирался через десять дней поспеть к Дунаю, отсечь Брынковяну от османов и выйти на соединение с ним.

Постулат Наполеона о том, что «моральный фактор относится к физическому как три к одному» абсолютно верен. Русское командование знало о неустойчивости противника. Царь полагал, что турки даже с их артиллерией в 500 пушек (!) уклонятся от баталии и собирался повторить свой успех 1709 г. под Полтавой: «*Турки перебрались чрез Дунай на сю сторону, а мы надеемся к Дунаю около десяти дней стать. И чаю, около половины июля всё окажется: даст ли баталию, или нет… Про турок сказывают, что будто не зело охочи на сию войну, а под-*

---

[1] Потом пять сотен венгров перешло на польскую службу. В. В. Долгорукий — Петру 3 августа 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 177.

[2] На его похоронах в 1721 г. царь говорил «что он был храбрый, отличный солдат и вернейший из всех валахов, перешедших к нему в подданство». *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2009. С. 304; *Цвиркун В. И.* У истоков русско-молдавского боевого содружества // *Ţvircun V.* Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006. С. 38.

[3] Расходы С. Л. Владиславича за 1710–1711 гг. *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого… С. 92.

линно Бог весть. Артиллерию великую имеют, а именно пятьсот пушек… Дай Боже, чтоб в ыюле то же видеть как в ыюне»[1].

Впрочем, штаб царя, кроме того, что турки перепуганы[2], не имел точных сведений о намерениях турецкой армии.

В Вене в начале июля 1711 г. после перехода Молдавии под русский протекторат полагали, что кампания закончится русской победой, армия царя захватит склады продовольствия в Молдавии и Валахии, осадит Бендеры и «царь, если ему (что вероятно), удастся захватить турок по ту сторону Дуная, пожалуй, уже выедет в Германию […] посмотреть на действия союзников и повиднее блеснуть успехами своего победоносного оружия»[3].

«Невыносимый трагизм» марша от Днестра до Прута, описанный позже в официозной «Гистории Свейской войны» был преувеличен и вероятность русской победы была возможна. 14 (25) июля 1711 г. Р. Саттон отмечал, что «турки находятся в большом смущении вследствие известия о переходе русских через Днестр; если царские войска будут двигаться и впредь с тою же энергией и успехом, — туркам придётся изменить весь предположенный план кампании»[4].

Если Пётр I предлагал авангарду регулярной конницы и части нерегулярной идти в Буджак для захвата провианта[5], то Кантемир не рекомендовал двигаться дальше без пехоты и указывал на бесполезность отправки кавалерии в том направлении, так как ногайцы не только не приняли русское подданство, но вместе с кибитками и скотом откочевали к Дунаю и к берегу Чёрного моря, а конница крымских татар в пяти милях от авангарда Шереметева перекрыла путь на юг.

Чтобы ускорить восстание в Валахии, Шереметев собрался отправить туда с генералом Г. С. Волконским три тысячи

---

1 Пётр I — А. Д. Меншикову 30 июня 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 305.

2 «Визирь сего месяца 18 дня перешёл чрез мост на сю сторону Дуная, а войска при нём, как выходцы и шпеги заподлинно сказывают, всего пятьдесят тысяч и в великом страхе оные от наших обретаются». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 140–141.

3 Ч. Витворт — С. Джону 4 и 11 июля 1711 г. из Вены. Сб. РИО. Т. 50. С. 454, 456.

4 Сб. РИО. Т. 50. С. 461.

5 ППВ. Т. 11. № 4515, 4516, 4519, 4520.

конницы. Пётр I счёл, что корпус следует усилить и вручить команду не Волконскому («Волконской глуп»), а смелому и расторопному генералу К. Э. Рённе. Согласно решению совета от 28 июня, в тыл османам к нижнему Дунаю 30 июня бросили корволант («летучий корпус») — восемь полков драгун, батальон ингерманландцев (всего около 7 тысяч) с семью лёгкими двух- и трёхфунтовыми пушками. Несмотря на опасность перехвата турками корволанта, Рённе должен был поднять валахов, захватить склады провианта в Браиле и разрушить мост у Исакчи. Вместе с Рённе к Браиле отрядили бригадиров Л. С. Чирикова и Г. И. Кропотова и пять тысяч молдаван и валахов под командованием Ф. Кантакузина. Тот заявлял, что когда валашский народ и всё войско соберётся, а Брынковяну будет изолирован, он, забрав браильские припасы, выйдет с войском навстречу царю в Фальчи. На вербовку валахов и покупку провианта было выделено 15 тысяч рублей[1].

Корволант в Валахию следовало бы отправить раньше, ещё от Днестра, теперь же разделение кавалерии стало ошибочным — среди причин провала Дунайской кампании позже чаще всего называлась нехватка конницы. Через семь дней Пётр приказал Рённе вернуться обратно.

В русских источниках нет свидетельств о дезертирстве, но при степных переходах происходили «великие оплохи и частые непорядки»[2]. Ради пропитания отставали пехотинцы с ротными телегами и даже офицеры «ради прихотей своих».

Противники сближались по разным сторонам Прута. 29 июня Мехмед-паша от Дуная из Карталы потянулся вверх по восточному берегу. По его приказам от 1 и 2 июля турки начали сжигать деревни молдаван[3]. Как указывалось, русской регулярной войсковой разведки, постоянного наблюдения и кон-

---

[1] *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 284. Подробную роспись корпуса Рённе см.: *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 157. 28 июня Я. В. Брюс писал А. Д. Меншикову, что с Рённе было послано три восьмифунтовых пушки и пудовая мортира. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 337.

[2] А. Н. Сенявский получал из Молдавии вести, что в русской армии «великий голод» и болезни, из-за чего появились дезертиры. Р. Саттон писал о «дезертирах, шведах по происхождению». Сб. РИО. Т. 50. С. 482.

[3] *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 36.

такта конных разъездов с противником не было. Вместо этого надеялись на агентов, доставлявших зачастую «липу». 10 тысяч казаков, молдавские гусары русской службы и 6–7 тысяч ополченцев Кантемира не разсылались вперёд и по сторонам, а держались при регулярных полках «ради охранения дивизии, разъездов и караулов, также и для отсталых солдат в маршу»[1].

Напротив, «быстрая, яко ветр» крымско-татарская конница, ни на минуту не теряла из виду противника и оповещала о каждом шаге Петра Великого. Османское войско было зрячим, в отличие от армии царя, спускавшейся «наощупь». «Положено всему войску итить по правую сторону Прута (дабы сия река была между нас и турков) до урочища Фалцы (понеже ниже сего урочища за великими болотами неприятелю зело трудно или и весма невозможно перебиратца было)»[2]. После сокрушительного поражения под Нарвой в 1700 г. военный стиль царя отличался предусмотрительностью. Неукоснительной установкой Петра было создание многократного «запаса прочности» (превосходства сил) над противником. «Не азардовать» — постоянно предписывал он военачальникам.

Из-за неясности обстановки уверенность главнокомандующего стала падать. Царь-полководец собрался теперь уже *не битвой, а маневром взять контроль над обоими Дунайскими княжествами*.

Но в воздухе отчётливо повисло предвестие боя. 29 июня царь «вздёрнул» дисциплину. Генерал-гевалдигеру князю Ю. Ф. Шаховскому приказали перед тем, как будут «бить поход», заранее собирать полковых профосов[3], заплечных дел мастеров, и, имея наготове кандалы, виселицу и «несколько казаков или драгун», «стать тотчас позади всей армии… и смотреть, дабы никто не оставался». Ему предписывалось «без всякого милосердия»

---

[1] А. И. Репнин — Б. П. Шереметеву 16 июля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 157. Об армии противника ничего не знали, «пока она не попала в поле… зрения». *Ефимов С. В.* Прутский поход 1711 года в воспоминаниях шотландского офицера на русской службе // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 16.

[2] Реляция о Прутском походе 25–28 июля 1711 г. (Редакция окончательная). ППВ. Т. 11/2. С. 35.

[3] Генерал-гевалдигер заведывал полицейской частью при главном штабе армии. Профосы следили за порядком, чистотой и исполнением наказаний в полках.

вешать «отлучившихся от строю» офицеров, солдат и тех, кто будет замечен в грабеже молдаван «хотя б на единый алтын». Профосов, не уследивших на стоянках за своевременным закапыванием сдохших животных, приказывалось сечь «батожьями гораздо». После отбоя они должны были незамедлительно пресекать шум, крик и продажу «пойла шинкарями»[1].

3 июля после переправы через Прут всей армии, сломали оба моста и цугом тремя колоннами двинулись по три мили в день вниз по западному берегу. Конница и колонны пехоты с многопудовыми запасами ядер, гранат и картечи, с тяжёлыми орудиями — вся вереница обозных телег, карет и колясок покатилась к Дунаю. Ежечасно были готовы отражать татарские нападения с фронта, с флангов и тыла. С отстающей артиллерией отдельно шли дивизии А. А. Вейде и А. И. Репнина[2].

Солдаты теперь не страдали от жажды и голода: вода и скот были рядом, но на сухой и безлюдной земле не хватало конского корма. Транспортные колонны с провиантом были далеко и только-только спускались на юг от Бродов, Полонного и Жванца[3]. Тыловые пути пресекла татарская конница и часть обозов застряла в Яссах.

---

[1] Инструкция генерал-гевалдигеру кн. Ю. Ф. Шаховскому 2 июля 1711 г. Имевшихся в пехотных дивизиях арестантов предписывалось предать «кригсрехтам». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 261–262, 346–347.

[2] 3 июля Л. Барка из Стамбула отправил Г. И. Головкину сообщение, что султан боится, как бы турки не пострадали также, как под Веной. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 519. Корреспонденты С. Л. Владиславича приободряли 24 июля: «турки были в великом страху, наипаче, когда слышели, что господар волоской отдался. Салтан со всем народом на всякой день три раза были на молитве… и миру велми желали». С. Л. Владиславич — Г. И. Головкину из Нежина 18 сентября 1711 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711. Д. 4. Л. 100–101.

[3] Генерал-майор А. А. Гешев 2 июля отправил с лейб-региментом подполковника Асмонта 1077 подвод с 4000 четвериками ржи, муки (в четверике 25 гарнцев), 579 четвериков круп и гороха, соли 3000 гарнцев и 30 бочками пороха. К 12 июля он собрался послать обоз из 700 подвод с тремя ротами в конвое. К 22 июля 1711 г из Полонного и Бродов в Жванец должны были прибыть 1000 подвод. (Подводы «с хозяевами или без хозяев» забирались «у обывателей» с обещанием возврата. У Корсуни ватага запорожцев и крестьян в 250 человек «чинили нашим людям великую шкоду», отказываясь пропускать телеги с провиантом). А. А. Гешев — Петру I 8 июля 1711 г. из Жванца. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 154, 158.

За дурную примету приняли атаку громадной тучи саранчи, оседавшей от Молдавии до Подолья. На стоянках кишащее бурое месиво накрывало весь лагерь. Оставляя голую землю, миллионы крылатых насекомых начисто сжирали траву, солому, листья и даже молодую кору. Палили из пушек и ружей, жгли на земле порох, но отогнать перелётного врага не удалось вплоть до появления турок. Неприхотливые низкорослые степные лошади ели горькие злаки, которые не трогала саранча, листву, грызли кору и корни деревьев, но всё же волокли артиллерийские орудия. Боевые кони получали немного овса, но часть тягловых передохла. «Мы продолжали наш марш вдоль Прута до 21 числа, когда мы увидели страшное множество саранчи, которая, когда поднималась, тучей накрывала всю армию. Она сжирала не только траву на полях, но все листья и молодую кору на деревьях. Здесь мы опять из-за нехватки корма потеряли часть наших обозных лошадей. Было странно, что саранча никак не оставляла нашу армию и как только мы разбивали наши палатки, она спускалась и покрывала весь лагерь. Мы стреляли из пушек и ружей, рассыпали по земле порох и поджигали его, но всё напрасно. Она сопровождала нас на всём пути вдоль реки вплоть до 27 числа, когда мы увидели турецкую армию, которая как раз собралась переправиться через реку»[1].

От шпионов дошли мутные вести, что турки наводят мосты на западный берег Прута у «местечка Трояна» (видимо, Троян на левом берегу Прута километрах в 30 от Станилешты) и строят там предмостные укрепления. П. П. Шафиров полагал, что верховный везир находится у Трояна в 20 русских милях (около 120 км) от русской армии. Было решено ещё дальше уклониться от противника «в правую сторону, к Сырете, но великих ради гор и безводицы не могли того учинить». Шафиров бодрился: «и тако при сближении туда надеемся вскоре быть со оным баталии, в чем даждь Вышний нам своё благословение»[2].

---

[1] [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten… S. 47–48. О том же писал Ю. Юль: «В одном месте на протяжении 18 миль нам не попалось в поле ни одной соломинки: не только весь хлеб на корню, но и листва нередко и кора деревьев были съедены этими насекомыми».

[2] П. П. Шафиров — Ф. М. Апраксину 5 июля «Из обозу от реки Прута». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 153.

В это время османский авангард находился всего в 18 километрах от русских.

Татарская конница, страдавшая от жары и саранчи не меньше русской, сидела на хвосте, отрезая связь с тылом и Пётр 5 июля отослал полковника Роппа с тысячью конных гренадёр и двумя молдавскими проводниками, выделенными Кантемиром, проверить вероятность нападения крымцев. Ропп вернулся к вечеру и сообщил, что русская партия в 200 человек с капитаном, охранявшая на Пруте челны наплавных мостов и собравшаяся было сняться вслед за армией, всего за две мили от лагеря была перебита несколькими тысячами татар, которые переплыли реку, держась за хвосты лошадей. «Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль реки гренадёрские взводы в некотором расстоянии один от другого»[1].

Армия готовилась оградиться, как под Полтавой, ретраншементом. 5 июля Шереметев приказал провести в пехоте ревизию шанцевого инструмента. В тот же день фельдмаршалу представили «ведение» о полевой артиллерии. Для двух 12-ти фунтовых пушек было «к каждой зарядов с ядры по 60, с дробью по 26, картечи по 33». Для восьми восьмифунтовых пушек было «к каждой зарядов с ядры по 81, с дробью по 50, картечи по 14, да ко всем пушкам простых ядер — 96». Для двух пудовых мортир было по 120 бомб, к 12 шестифунтовым медным и девяти шестифунтовым мортирам было «по 30 гранат, да на полковые мортирцы 1893 гранаты». К пудовой гаубице — 120 бомб и 36 картечей, к полупудовой гаубице 150 бомб и 24 картечи. Для восемнадцати трёхфунтовых пушек было «к каждой с ядры по 77, с дробью по 45, картечь по 5, да ко всем пушкам простых ядер — 376»[2]. В каждом полку было по две-три лёгких трёх- и двухфунтовых пушек. Огневая мощь артиллерии была сравнима с полтавской и могла соперничать с османской.

5 июля Шереметев определил порядок марша: в авангарде Янус с двумя конными гренадёрскими и с четырьмя драгунскими полками, а также со всеми нерегулярными полками, потом гвардейская бригада, следом дивизии Алларта,

[1] Моро Ж. Н. С. 439. Характерно, что не казаков или молдаван, а гренадёр.

[2] *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 285.

д'Энсберга, артиллерия Брюса и дивизия Вейде. В арьергарде должна следовать дивизия Репнина и два драгунских полка под командой генерал-майора князя Волконского. В самом конце армии (а не впереди) находились выборные казаки Д. П. Апостола.

Приказали разыскивать ручные жернова и солдатам позволили снимать хлеб с молдавских полей. «А на офицеров конечно, под жестоким штрафом того хлеба жать заказать»[1].

6 июля у реки Васлуй, предчувствуя бой, Пётр I провел смотр своего почти 47-тысячного (вместе с нерегулярными) войска. Старослужащие поход выдержали, смертность от изнурения пала в основном на рекрутов. Больных в дивизии А. А. Вейде было 92 человека. В бригаде Моро из 4 тысяч солдат умерших оказалось 17%[2]. До 5 сотен больных Пётр I велел из-за тряски снять с телег и отправить на 16 понтонах вдоль правого берега Прута, причаливая на ночлег только там, «где армия ночевать будет»[3]. Предвидеть, что все они будут перебиты (см. ниже) царь не мог.

У турок потери от болезней, может быть, были не меньше. Вплоть до ноября много аскеров болело, умирало и «многие из азиатских провинций от морового поветрия и бывшей войны весма разорены»[4].

7 июля армия царя остановилась на отдых у Прута в урочище Станилешты. Пётр I тогда был хладнокровен и писал Сенату об «исправлении векселей», о продаже соли, поташа, смолы и запрашивал, кому раздали дворцовые сёла с 1682 г.[5]

В 5 часов утра царь предусмотрительно выслал вперёд четыре драгунских и два конно-гренадёрских полка (всего около 5 тысяч всадников)[6] под командованием Януса и бригадира, полковника Казанского драгунского полка Жана Ни-

1 То есть офицеры не испытывали недостатка в хлебе. Приказ у пароля июля 5 дня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 263.

2 «724 оказались убывшими, из коих только 56 убиты в помянутом сражении при пикете». Моро Ж. Н. С. 440.

3 Наказ А. А. Вейде капитану Ерофееву 6 июля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 348.

4 Л. Барка — Г. И. Головкину19 ноября 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 13. Л. 35.; Там же. 1712. Д. 8. Л. 99 об.

5 ППВ. Т. 11/1. № 4550 и 4560.

6 *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 77–78.

коля Моро де Бразе. Этой дивизии были приданы 32 двух- и трёхфунтовые пушки («сыны полка»), повозки с амуницией, 7,5 тысячи (так писал Д. Кантемир) молдаван и несколько сот казаков. Всего в авангарде было около 13 тысяч человек. Приказ предписывал «пас по реке Пруту одерживать, дабы неприятель безвестно через ту реку не перешёл». Моро писал определённее: 1. «напасть [на турок] и разрушить то, что они построили, если мы не в состоянии удержать за собою… мосты…» 2. «Если мы не найдём турок на протяжении восьми миль, идти к Дунаю [и] остановиться там», т. е. практически у Галаца или Браилы[1].

«Напасть и разрушить мосты» — означало не пустить врага через Прут, т. е. установку на оборону. «Если не найдём турок… идти к Дунаю» — показывало неведение о противнике.

В тот же день 7 июля отрядили конные и пехотные отводные караулы, усилили охрану стад скота, а от всех полков послали фуражиров за кормом. Корволанту Рённе Пётр I приказал немедленно вернуться к армии.

Колонна Януса, прикрывая цепь телег с амуницией, эскадрон за эскадроном, осторожно потянулась вдоль Прута. Восемь конных гренадёр и две сотни драгун ехали в переднем дозоре. К 11 часам дивизия одолела всего 18 км. (Моро считал милю за два французских лье или 9 км).

В полдень не казаки или драгуны, а сам начальник русской кавалерии — генерал-фельдмаршал-лейтенант, выехав вперёд, недалеко от местечка Фальчи (рум. Фелчиу — Fălciu) заметил вдали воинов в белых чалмах. Моро отметил «сюрприз» с издёвкой: «Генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его Царскому Величеству его шпионами; в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведённые и укреплённые, когда предполагали найти их ещё только начатыми в 8-ми милях, и то — не наверное»[2].

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 309; «В случае, если турков не встретим, то идти к Дунаю и там остановиться, о чём также донести». Моро Ж. Н. С. 441

[2] Моро Ж. Н. С. 443. А. Г. Шкваров отказ донцов дать весть о противнике, несуразно объяснил местью «за сожжённые городки во время Булавинского бунта, за все притеснения в вольностях, за многочисленные жертвы карательных акций на Дону. Они просто смешались с татарами и ушли». *Шкваров А. Г.* «Пётр I и казаки». СПб., 2010. С. 330–331. Сколько было при армии донских казаков — неизвестно.

На деле первыми обнаружили отряд Януса татары, которые успели захватить несколько пленных. 7 июля турецкие войска соединились с татарами поляками и запорожцами у Фальчи.

Возможно, татарские всадники следили за Янусом ещё при выходе со стоянки. «Турки узнали о подходе русской армии раньше, чем русская разведка узнала о них; они знали, что отряд Януса опередил главную армию на два часа, но не знали намерений русского командования» — так писал И. М. Тальман[1].

Русских турки заметили, когда они были в двух-трёх километрах (!) и на совете (диване) решили наводить три моста через Прут. Около 15–17 часов вплавь на камышовый болотистый правый берег переправилось несколько тысяч сипахов и татар, которые кинулись навстречу Янусу[2].

Преодоление водной преграды всегда рискованно. Балтаджи, впервые очутившись на войне, боялся поражения. Возможно, помня разгром Евгением Савойским верховного везира Мехмеда Алмаса в 1697 г. на Тисе у Зенты, садразам прежде всего заботился о безопасности переправы и удержал войско на левом берегу, включая пехоту, артиллерию и часть татар (как противодействие казакам, которые, по его мнению, могли бы опустошить страну)[3]. Поджидая остальные османские части, разбили палатки на левом берегу Прута и стали засыпать топкое место камнями, песком, деревцами и кустами. Тет-де-пон (предмостное укрепление) с частоколом в виде полумесяца укрепляли 4000 человек.

13-тысячный корпус Януса был тогда заведомо сильнее — кроме драгун он имел и 32 пушки. Орущую толпу сипахов из авангарда пашей Румелии, Сиваса и Диярбакыра Янус принял за 50 000 тысяч (см. ниже). Озлившись на русское командование, не доверяя князю Г. С. Волконскому и генерал-майору И. Б. Вейсбаху, опешивший Янус, Моро и генерал-майор И. Видман не стали разбираться, сколько турок оказалось у них под носом. Проведя короткую рекогносцировку, они вообразили, что наткнулись на всё османское войско. Янус первым

1 Цит. по: *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 88.

2 *Kurat A. N.* Prut seferi ve barişi 1123 (1711). Ankara, 1951. S. 444.

3 *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P. 498–499. Вейсмантель писал, что везир разделил войско на две части, вторая — на две мили была позади, чтобы не рисковать в случае неудачи. Первая часть преследовала отступающих русских [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok… S. 114.

слепил образ, что Русская армия попала в западню. Он послал царю эту весть с подполковником Фейтом. Первая возможность успешной атаки была упущена. Янус проиграл начало баталии и раньше времени растревожил Петра I. С этого момента всё обвально посыпалось и через пять дней (кто бы мог подумать!) был свёрстан бессрочный («вечный») русско-турецкий мир.

Несколько шведов, принятых в русскую службу, перебежало к туркам. Среди них был капитан Э. Х. Раппе (Рапп), раскрывший всё, что знал о Русской армии. Нападавшие предъявили у шатра Балтаджи несколько отрезанных голов и языков противника. За каждый трофей их награждали сначала пятьюдесятью, потом тридцатью курушами (серебряными монетами)[1].

Э. Тенгберг привёл выдержки из дневника шведа фон Кохена: «Генерал Янус и Видман 7 (8) июля подошли с целью разведки на пол-мили к турецкому лагерю… В том месте переплыли через реку много турок и татар. Турки… начали тем же вечером между 7/8 и 8/9 июля наводить свои мосты через русло Прута, два из которых были готовы к середине дня 8/9 июля, а к вечеру и третий. И после полудня 8/9 июля по двум готовым мостам стали переходить трое пашей — Кирук, паша из Румелии, Мехмед-паша Черкес из Сиваса, и Мактуль-оглу паша из Диярбакыра…»[2].

Прочие действия генерал-фельдмаршал-лейтенанта были правильными. Едва подавив «бешенство» (Ж. Н. Моро), он спéшил конницу, сформировал каре и загнал внутрь повозки и лошадей, поручив надзор за ними ослабевшим и больным рекрутам: «Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга между третьим и четвёртым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадёрам, составлявшим наш арьергард (или фронт карея со стороны турок), не стрелять без приказания, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были уставлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частию рекрут, и приказа-

[1] *Kurat A. N.* Prut seferi… С. 447. Головы, скорее всего, были молдаван, которых приказывалось убивать как предателей, русских же забирали в плен.

[2] *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender…S. 129, 131.

ли им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре карея»[1].

Оправдывая отказ атаковать турецкую переправу, Моро преувеличил силу «уверенно переправлявшегося» противника. Он де увидел за двумя обнесёнными частоколом предмостными укреплениями («deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demi-lune»), множество янычар и «два готовых моста, через которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине» (т. е. на западном берегу). После того, как дивизия тронулась с места, «две толпы в белых чалмах, скачущие треугольником и ревущие во всё горло, как бешеные», понеслись на неё, чтобы нагнать страх диким рёвом разверстых глоток. Это была часть 8-тысячного отряда албанцев и босняков[2].

Выучка конно-гренадёр, драгун и пушкарей была на высоте: «как скоро они приблизились, первый ряд наших гренадёров лёг наземь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однако ж это не помешало им нас окружить. Но, встретя со всех сторон отпор и видя, что нападать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием и своими стрелами»[3].

«Нечаянная подлинная ведомость» от Януса о том, что верховный везир находится всего в четверти мили и уже наводит мосты, по которым перешло 3000 янычар и переправлено несколько пушек — дошла в русский лагерь в шестом часу вечера[4].

---

[1] Моро Ж. Н. С. 443.

[2] *Sutton R.* The dispatches… P.45, 65.

[3] Моро Ж. Н. С. 444.

[4] Неточно изложено в «Военно-походном журнале Б. П. Шереметева» «визирь с турецкими силами пришёл к урочищу Фальцам, от нынешняго нашего лагеру в 6 милях, и татары и хан крымский с ними соединились. Потом от него ж, Януса на вечеру получили ведомости…, [что турки] «между нашим лагерем и его, Янусовым, сделали два моста, а третий татары доделывают, и стали перебираться, и с 2000 янычар перебрались и палили из пушек его, Януса, по корпусе, однакож большого повреждения не учинили». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 51; ППВ. Т. 11/1. № 4555 и прим. (Навесная стрельба из луков даже с «безопасного расстояния» в 250–260 м нанесла некоторые потери — см. ниже).

Принц Евгений Савойский, Карл XII, П. А. Румянцев, А. В. Суворов, рванувшись вперёд, накрыли бы передовые части врага и, может быть, захватили плацдарм на правом берегу Прута. Но Пётр I, встревожась депешей «военного профессионала» Януса, после совещания с генералами, приказал ему немедленно «соединиться с пехотной армией… под покровом ночи». (Между Янусом и главной армией просочились крымцы и подполковник Фейт, отправленный обратно к Янусу, был убит вместе с денщиком и приказ тому доставили казаки, возможно вместе с поручиком Н. П. Вильбуа).

Тут же вечером 7 числа царь объявил «алярм» и приказал полкам выставить рогатки и встать под ружьё. Дивизиям А. А. Вейде, А. И. Репнина, К. Э. Рённе, и артиллерии Я. В. Брюса велели как можно быстрее спешить на соединение. Именно тогда, с ночи 7 на 8 июля, нервная система Петра дала сбой — целую неделю потом он почти не смыкал глаз[1].

С полудня и до двух часов дня 7 июля сипахи, учитывая неравенство сил, не атаковали. Моро лгал, что «более пятидесяти тысяч… сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас…» и что над ними повисли смерть или рабство[2]. С двух часов дня до 10 часов вечера (т. е. за восемь часов!) корпус по оценке Моро, непрерывно отстреливаясь, прошёл всего четверть мили (чуть более двух километров). «Довольно уж и того, что мы не погибли под усилиями пятидесяти тысяч человек, сражавшихся противу восьми и менее. Мы лишились одного подполковника, двух капитанов, трёх поручиков. Ранены были: подполковник моего полка, два поручика и триста

---

1 14 июля Пётр I написал: *«В сию всю неделю ещё первую нынешнюю ночь свободную получил сном»*.

2 Моро Ж. Н. С. 445, 447. При шестикратном превосходстве турки не преминули бы смять отступающих. Л. Барка писал Г. И. Головкину, что у турок «только первые бьются», и если бы Янус не отступал, то начали бы отступать турки. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 8. Л. 23; 6 января 1712 г. Л. Барка писал Г. И. Головкину и Б. П. Шереметеву из Стамбула, что в войске турок был страх «не в пример нынешнему» (1712 г.). Когда Янус ретировался, они «зело ободрились, правда, и со стыдом», ибо их лучшая конница не смогла разбить «такой малый отряд». Барка советовал вести оборонительную войну и не бояться большой численности «нерегулярного» противника, который не выдерживает силы огня. Там же. Оп. 1. 1712. Л. 9 об.; Архив СПбИИ. Ф. 83. Оп. 3. 1712. Д. 5. Л. 13 об. — 14.

с чем-то драгунов и других конных рядовых; раны большею частию были лёгкие. Генерал барон Денсберг потерял одного пехотного полковника, о котором весьма сожалели, семь или восемь раненых офицеров, 160 рядовых убитыми и 246 ранеными — всё это менее чем в два часа с половиною времени. Нет сомнения, что весь наш отряд был бы истреблён, если бы неприятель ранее мог нас заметить. Но он дал нам время выстроиться в каре, что и способствовало нам удержаться и спасло нас от смерти или рабства»[1]. Было потеряно и 16 телег с армейской амуницией и около сотни пленных.

К полуночи 7 июля войско Балтаджи, опасаясь нападения, расставило по прибрежным камышам посты. В дождливую ночь с 7 на 8 июля среди турок поднялся страшный переполох, крики и стрельба — им показалось, что русские пошли в ночную атаку[2]. Такова была боязнь османского командования.

Моро скрыл, что Янус большую часть провианта ночью спалил в кострах и около 3 часов ночи 8 (19) июля начал отступление, которого, как ни странно, не заметила турецкая разведка. Когда русские ушли на полмили, это было сочтено западней[3]. Для проверки турки на рассвете опасливо выслали вперёд два небольших разведывательных отряда под командой Мехмед-паши Черкеса. Только убедившись, что русские отступают, неорганизованные толпы «ободрились» и стали снова из луков и ружей обстреливать уходящих. Всего вместе с татарами утром 8 июля на корпус Януса наседало, возможно, до 20 тысяч всадников во главе с Девлет Гераем и Мехмед-пашой Черкесом. Без пехоты и артиллерии они не могли отсечь авангард Януса и только кружили вокруг. Благодаря «огневой завесе» картечью из двенадцати трёхфунтовых маневренных

---

1 Моро Ж. Н. С. 447. С. Лагерберг написал, что Янус потерял убитыми и пленными до 500 человек [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs Dagbok… S. 188.

2 Массовая паника и всеобщая стрельба разразилась из-за переплывавшего ночью буйвола. *Kurat A. N.* Prut seferi…С. 449.

3 «В ночь с 7 на 8 июля была даже поднята ложная тревога, так как охранникам показалось, что враг наступает. Однако наутро турки обнаружили, что русские покинули свои позиции и отошли… Турецкое командование решило, что этим враг пытается подстроить турецким войскам какую-то западню, и послало на разведку два небольших отряда…». Запись секретаря янычарского корпуса Х. Кюрдю. *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 120; *Sutton R.* The dispatches… P. 58, 65.

пушек и двадцати шестифунтовых мортирок драгуны отбились «многою пушечною стрельбою… нерегулярные бились же». «Неприятель не подходил ближе 200–300 шагов» — отмечал Л. Н. Алларт. «Нарочные стычки» быстро окончились, османские скакуны были отогнаны.

Сам Балтаджи с основным войском продолжал стоять на восточном берегу Прута и не отпускал от себя янычар и артиллерию, боясь противника[1].

Приказ о переправе османского войска был дан лишь 8 июля после того, как поступило сообщение, что передовые турецкие части догнали отступавших и нанесли им потери. Эту первую схватку турки сочли победой и через 9 дней на обратном пути Балтаджи «со всем своим двором и многими пашами» совершил на этом месте благодарственный молебен.

2.3. ОТСТУПЛЕНИЕ

В русском штабе не возникло сомнения в истинности донесений Януса. В 1711 и в начале 1712 г. Пётр I «непременно пребывал в прежней своей милости» к нему. Только на основании позднейших известий русских агентов из Стамбула, в редактируемой царём «Гистории Свейской войны» появились строки: «…сей рапорт [Януса] после явился лжив, ибо тогда ещё турки не перешли, но на той стороне были. И конечно мог бы оной Янус их задержать, ежели б зделал так, как доброму человеку надлежит. Но он потом ретировался к пехоте и тем подал туркам кураж…»[2]

Турецкие гонцы просили Мехмеда-пашу прислать пушки, провиант и воду, но тот напротив, вечером 8 июля даже приказал вернуть к мостам конницу вали (губернаторов провинций) Сиваса и Диярбакыра и 10 (по другим данным 20) стволов, оправленных было к сипахам. Росказням пленных о 80–120 тысячной армии врага, тремя частями которой командовали царь и Рённе, который мог бы напасть с тыла, Балтаджи поверил больше, чем опытному шведскому капитану Раппе.

---

1 *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 37.

2 ГСВ. Вып. 1. С. 370. В конце июля 1711 г. Янусу дали временный отпуск, после которого он не вернулся на русскую службу. ППВ. Т. 11/2. С. 54.

Увидев возвращавшихся, охрана мостов в замешательстве хлынула обратно на левый берег Прута. Своему авангарду вместо орудий и янычар Мехмед-паша отправил послание: «Братья, продолжайте делать то, что делаете, сила в ваших руках. Вы не упустили неверных, не теряйте их и сейчас, а мы завтра с благословением Пророка и Творца придем к вам на помощь. Да оградит вас Аллах от боли»[1]. Девлет Герай с татарами и около тысячи турок не ушли назад и ночевали недалеко от корпуса Януса.

Вечером 8 июля глашатаи ходили по табору и объявляли, что назавтра предстоит переправа пехоты и тяжёлой артиллерии. Настрой был шатким: «Вечером войско поело плова, вестники оповещали…, что утром, даст Аллах, двинемся вперёд. Все прощались друг с другом, разве можно было сомкнуть глаза в такую ночь? Братья по вере говорили: «брат, не оставим же наши тела неверным, а оставшиеся в живых пусть отомстят за наших сыновей и дедов». Все со слезами повторяли: «Боже, когда же наступит утро?»[2]

8 июля Пётр I собрал «генеральную воинскую думу», на которой генералы говорили, что местность не годна для сражения — у противника до 40 тысяч янычар и до 400 крупных и малых орудий, которые с окружающих высот откроют губительный огонь (Л. Н. Алларт). Решили искать подходящую позицию. Обследовать местность отправились генералы во главе с Петром I. На расстоянии в одну милю ничего путного не нашли и постановили отступать севернее.

Навстречу Янусу на полмили вперёд выслали четыре полка дивизии генерала д'Энсберга и четыре тысячи молдаван Кантемира[3]. Дивизия Януса, оторвавшись от «15–16 000 сипахов, татар и 3000 янычар» (такие цифры, в отличие от Моро, дал Алларт в своём дневнике) прошла девять километров до селения Хушь (Хуши) недалеко от урочища Станилешты и около двух часов дня соединилась с основ-

[1] *Kurat A. N.* Prut seferi…S. 452, 455, 462.

[2] Записи одного из участников похода. Там же. S. 464–465.

[3] *Цвиркун В. И.* Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Димитрия Кантемира в Турции и России. Кишинёв, 2012. С. 96. В этой работе учтены сведения о количестве и действиях молдавских отрядов Русской армии и Кантемира.

ной армией[1]. Описание боя дивизии Януса 7–8 июля хорошо согласуется с рассказом молдаванина участника боёв, прибывшего в начале августа 1711 г. во Львов[2]. К вечеру 8 июля удачно подоспели дивизии Вейде и Репнина, которые выстроились в боевом порядке за рогатками.

В историографии ничего не писалось о единственном наступательном действии, которое отмечено только в дневнике Л. Н. Алларта. Около 14 часов 8 июля Пётр I, чтобы прояснить ситуацию, принял решение провести разведку боем. Наскоро был составлен план: гвардия и дивизия Алларта двинутся на врага, чтобы определить его состояние.

Гвардия пошла вдоль теснины, а вслед за ней собралась подняться на господствующие высоты дивизия Алларта. Наступление ничего не дало — конники неприятеля (по сообщению Саттона, это также были босняки и албанцы) после нескольких пушечных выстрелов и мушкетных залпов не приняв боя, отступили на окружающие лысые холмы. Вся операция продолжалась до 6 часов вечера. Пришлось вернуться на прежние места, частью для того, чтобы прикрыть лагерь, частью чтобы искать новую позицию. Конную дивизию Януса и дивизию д'Энсберга, которые устали, поставили в тыл.

7 и 8 июля русская армия, обладая всеми родами войск, качественно и количественно превосходила конницу противни-

---

1 См. также: *Манойленко Ю. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе (1711) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. М., 2008. № 77. С. 131. На смотре у Днестра 1 августа 1711 г. в дивизии Януса было: 205 офицеров, 2237 нижних чинов конных, 1526 пеших, больных и раненых — 977 человек. Итого 4945 человек. Подсчёт в рапорте Януса (РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 14. Л. 262) неточен. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 295.

2 «Двадцать пять тысяч турок со всеми татарами и с войском воеводы киевского, пользуясь крайне дождливым временем, атаковали передовой отряд русских в пятнадцать тысяч человек, но царские войска два раза отбрасывали их, пока оружие и заряды не намокли. Когда же турки повели третью, особенно энергическую атаку, не взирая ни на постоянный огонь, ни на пики и рогули неприятеля, совершенно утомленные и измокшие русские должны были отступить. Отступление своё они совершили в сносном порядке, несмотря на преследование турок, а когда к ним подошло новое подкрепление в десять тысяч человек, они остановились снова и, в свою очередь, напали на турок, которые, не удерживая позиции, оставили преследование». Ч. Витворт — С. Джону 11 августа 1711 г. из Вены. Сб. РИО. СПб. 1886. Т. 50. С. 475.

ка и, тем не менее, уходила от врага, не имевшего ни пехоты, ни артиллерии. Вечером 8 июля был упущен второй шанс успеха.

После 6 часов вечера 8 июля собрали ещё один военный совет, ставший (после совета 14 июня) для Дунайской кампании вторым переломным. На нём огласили показания пленного буджакского ногайца, захваченного утром молдавскими гусарами полка А. Танского. Пленный сообщил важное — на западный берег Прута перешла всего лишь татарская и турецкая конница, а 50 или 60 тысяч пехоты со 160 пушками выйдут только к полудню 9 июля. Всего же будет «войска турецкого с визирем: янычар 60 000, спагов 40 000, да их татарской буджацкой и крымской орд 40 000, всего 140 000 и они, татары, все ныне стоят по лесам»[1].

Возмущённый Янус первым заявил о том, что армия попала в «отчаянное положение» и в «лабиринт». (Вспомним слова Моро, что «от смерти или рабства» их спасло только боевое каре). Генерал-фелдмаршал-лейтенант вылил весь яд, накопившийся у него за три месяца похода. Едва сдерживаясь, он упрекал в небрежении к нему и к иностранным генералам, «к которым прибегали только тогда, как дела были уже в отчаянном положении… что он, будучи начальником всей кавалерии и первым генералом армии, не был заранее уведомлен о предположениях всего похода». Намекая на решение «русской партии» 14 июня 1711 г., он заявил, что те, кто втянул, пусть и выводят армию из лабиринта[2]. «*Все иностранные генералы с большим удовольствием слушали генерала Януса*» (Ж. Н. Моро). Подобный афронт иноземцев был неслыханной дерзостью, но Пётр I сдержался и, подбодряя всех, просил Януса успокоиться и дать совет. (После Прутской кампании царь уволил около двух сотен иностранных генералов и офицеров.)

Тирада Януса произвела впечатление. Другие военачальники напомнили о «великом недостатке» провианта и фуража, изнурении лошадей, численном превосходстве (ещё не подошедшей) 100-тысячной турецкой армии, об «отлучении генерала Рена и генерал-майора Гешова» и неудобстве для баталии

---

[1] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 52.

[2] «Тот, кто завёл Его Царское Величество в это положение, должен был быть величайшим безумцем всего света». Моро Ж. Н. С. 448, 459.

здешнего «пустого места», где окружающие высоты дают преимущество неприятелю. Однако нашлись и те, кто советовал в оставшееся светлое время предпринять что-либо и избежать возможных неудач. Не поднимался вопрос и о боеприпасах — все считали, что их было в достатке. Вечернее время 8 июля, когда силы противника не превышали русские, оказалось безвозвратно упущенным. Конечно, нанести поражение турецко-татарской коннице было трудно, но «сбить кураж» с неё и частично занять холмы — возможно.

8 июля русское вторжение на Балканы было свёрнуто. Царь сдал инициативу туркам. Совет постановил спалить часть тяжёлых генеральских и офицерских телег и вещей и в полночь, чтобы избежать ночного преследования, отходить вдоль Прута к Яссам под предлогом поиска места для баталии. Теперь двигаться решили двумя параллельными колоннами, с артиллерией и обозом между ними. Правильным было решение вести всю кавалерию пешим порядком. Прикрывать ретираду иррегулярной конницей было бессмысленно. «Положено было армии воротиться назад, устроясь в каре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре… Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны»[1].

«Немецкая партия», которая 14 июня настаивала на «днестровском варианте» войны, могла торжествовать. Теперь стремились только выскользнуть из-под удара врага. Отступающий не обязательно обречён на поражение, но его соперник тут же взбадривается надеждой на победу.

Дотемна войска стояли под ружьём у рогаток на расстоянии «в версте или малым меньше» от турок. «Из-за того, что все наши войска были в темноте отделены друг от друга, а также из-за того, что в тот момент мы испытывали большой недостаток лошадей, было решено сжечь часть наших обозных телег, чтобы они не достались в руки неприятелю. Удивительно, что по количеству огней, ярко горевших в ночи, враг не почувствовал нашего замешательства, которое давало хорошую возможность разбить всю нашу армию. Они легко могли сделать это при помощи небольшой части своей армии. К счастью для

---

1 Моро Ж. Н. С. 448.

нас, они больше беспокоились о собственной безопасности, чем о том, чтобы разбить нас»[1]. Когда стали жечь «тягостные обозы и непотребное», лагерь осветился «как днём» — сжигались телеги и палатки, закапывались бомбы и тяжёлая амуниция. Конники неприятеля выше на холмах тоже жгли костры и непонятными казались его перемещения в разных направлениях. Некоторые думали, что враг хочет охватить со всех сторон и отрезать от Прута.

В 23 часа пехота выстроилась шестью двухполковыми (бригадными) каре[2] и «армия ради тесного места отступила». Обоз, полевая артиллерия, стада скота и восемь полков драгун Януса были прикрыты со всех сторон инфантерией. В голове шли семь полков дивизии Репнина, потом дивизия Вейде, затем артиллерия, дивизия д'Энсберга, и пехота Алларта. Гвардейская бригада — Преображенский, Семёновский, Ингерманландский и Астраханский полки, шли в арьергарде («в замке, обложась с обе стороны от неприятеля рогатками, которыя несли на себе»). Пётр I, Екатерина, министры и весь двор были помещены в начале колонны.

Уходя в темень от турецкого авангарда вдоль Прута на север, старались двигаться быстро. Когда солдаты перестали видеть друг друга, как и следовало ожидать, возник беспорядок. Измождённых лошадей оставляли в трясине[3].

В ночь с 8 на 9 июля началась основная переправа османских сил. Она продолжалась днём 9 июля после укрепления мостовых конструкций для прохода тяжёлых орудий. 9 июля «часа за два до свету» османская конница увидела не только обугленные остатки багажа, остовы и колёса подвод, но и часть брошенных боеприпасов — 28 пудовых бомб, 119 трёх- и восьмифунтовых картечей, почти пять тысяч двух- и шести-фунтовых гранат и столбы дыма от подожжённого

---

[1] [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten… S. 48–49; Моро Ж. Н. С. 449–450.

[2] *Клокман Ю. Р.* Кутузов в период русско-турецких войн второй половины XVIII в. // Полководец М. И. Кутузов. Сборник статей. М., 1955. С. 23–24. «Устав Воинский» 1716 г. рекомендовал боевое построение в полковом каре.

[3] Донесение О. Плейера вдове-императрице Элеоноре из Ярослава 18 августа РГАДА. Ф. 32. ОП.5. Д. 6. Л. 31–32.

пороха (больше двух тонн пороха было сожжено или утоплено)[1]. Все это было сочтено бегством и боевой дух конницы неприятеля резко возрос.

Избежать разрыва русских колонн не удалось. Авангардная дивизия Репнина (7534 строевых и 1139 нестроевых)[2] маршировала не оглядываясь. На неровной почве часть экипажей опрокинулась. Между дивизией Алларта и гвардией образовался разрыв. Татары и сипахи вихрем налетели на оставшиеся без прикрытия телеги с провиантом и фуражом, на кареты и коляски. Было перебито много рогатого скота и умерщвлены попавшие под сабли и копья безоружные возчики, даже женщины и дети. Конники врага захватили и пленных, половина которых потом вскоре умерла от голода[3]. Много экипажей[4] было разграблено, из полевой канцелярии пропал «воз документов». Часть добра из заваленных телег успели подхватить себе солдаты, денщики и возчики. Алларт выстроил Нижегородский полк, гренадёр Роппа и драгун и приказал нескольким взводам встать между фурами. Как только пехота показала вид атаки, а пушки дали несколько залпов, сипахи отпрянули. Конницу берегли и против сипахов не выпускали. Здесь же фузилерные и гренадёрские роты драгун ружьями и мортирками успешно отбивали противника. Многих молдаван, ехавших впереди, сипахи перебили. «Бедняги молдаване, которые могли ещё держаться под своими знамёнами, шли в авангарде вне русских средств защиты [рогаток]. Турки атаковали их с яростью стаи голодных волков, попавших в овчарню. Не имея возможности дать отпор, те были вынуждены бежать. Во время бегства враги настигли многих и беспощадно перебили. Те, кто избежал резни, очутились перед средствами защиты, но русские, опасаясь, что вместе с бегущими ворвутся и нападавшие, отказались принять их и дали знак, чтобы они вошли к ним со стороны, которая была меньше атакована. Турки, поняв это, снова по-

---

[1] *Бранденбург Н. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. // Артиллерийский журнал. 1897. № 1. С. 14–15.

[2] Состояние на 10 июня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 284.

[3] *Satton R.* The Despetchts… P.75–76.

[4] Сомнительно, что «более двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших попались в руки неприятелю». Моро Ж. Н. С. 451.

гнались, пытаясь отсечь им дорогу, но молдаване припустились и укрылись за рогатками»[1].

Накал схваток был таков, что не только солдаты, но и высшие чины попадали под пули. Генерал-лейтенант фон дер Остен получил контузию в правое плечо, в правое же плечо был задет пулей и генерал-майор князь В. В. Долгоруков. Тогда же 59-летний Борис Петрович совершил подвиг, о котором прочно помнили в роде Шереметевых. Увидев, что один сипах занес саблю над солдатом, генерал-фельдмаршал выскочил на коне, свалил нападавшего из пистолета и даже захватил его аргамака, которого подарил потом царице Екатерине Алексеевне[2].

Репнина остановили. Пять часов колонны «сшивали» в окружении противника. Затем движение продолжилось в лучшем порядке.

Балтаджи лишь на рассвете 9 июля перешёл реку, поставил свой шатер внутри тет-де-пона и несколько часов наблюдал за переходом пехоты и артиллерии. Когда разведка донесла, что противника впереди нет и тот продолжает ретираду, Мехмед-паша вышел на ясскую дорогу, но вместо того, чтобы послать на помощь коннице пехоту и хотя бы лёгкие пушки, тянул время. Тогда же утром 9 июля поляки напали на 16 понтонов с хворыми русскими солдатами, которых вынесло вперёд

---

[1] Так писал очевидец Й. Некулче. *Kogalnicean M.* Fragments tires… P. 81.

[2] «Когда прежде ещё переговоров о мире, российская армия начала отступать обратно вверх реки Прута и с обеих сторон сопровождаема была от турков ружейною и пушечною стрельбою, отстал один русской солдат позади армии. Знаменитый турецкий наездник вырвался из толпы и с наднесённою саблею скакал на солдата; он, без сумнения, изрубил бы его в куски, ежели бы не усмотрел сам фельдмаршал: тотчас выехал и турка в самое то время, когда готовился он умертвить солдата, убит был из пистолета. Верное в тогдашнее время сделанное и раскрашенное изображение сего происшествия, сохраняется в кабинете его сиятельства Николая Петровича Шереметева... Здесь упоминается и доказывается, сколько любовь к Отечеству действовала в графе Шереметеве, которой и об утрате одного солдата жалел. Пётр Великий, умевший ценить сотрудников великих своих деяний, не токмо сделал ему лёгкий выговор за его пылкий поступок, но и запретил впредь в такие опасности вдаваться». [*Левшин В. А.*] Жизнь… Бориса Петровича Шереметева… С. 119–120; *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 122. В Военно-походном журнале Б. П. Шереметева 1711- 1712 гг. этот эпизод не отмечен.

быстрое течение. Больные пытались бежать в лес, но за ними погнались янычары и «охота» закончилась их уничтожением[1].

С разных сторон русской армии «неприятель жестоко… в маршу мешал». Отступали «с такою теснотою и такою стрельбою, что ко отходу способ вельми противен был». Много внимания приходилось уделять экипажам, в которых сидели дамы и прикрывать их повозками в середине. Расстроенные части снова сбивали в плотный строй.

Если шведы, чтобы оторваться от корволанта Петра I и Меншикова в Белоруссии в 1708 г., контратаковали[2], то отступающие русские лишь отстреливались. Кавалерия, возможно, стреляла из полупудовых коротких мортир, конные гренадёры бросали, вероятно, и гранаты — нежданное для противника огневое средство. Такое предусматривалось уставом при отступлении.

Историки не обратили внимания на «особливые» воспоминания Шереметева в 1712 г. об эффектной стрельбе двух пудовых мортир в теснине между холмами и руслом реки: «[две мортиры], которые ныне при Пруте были и при дефилеи не малую помощь чинили (о чём Вашему Царскому Величеству известно)»[3].

Пройдя «милю и больше» (7–8 км), уставшим колоннам около 14 часов 9 июля пришлось остановиться на более или менее подходящей позиции — на луговине («в пространном месте») у деревни Новые Станилешты (турецк. Хуши), в 70 км южнее Ясс[4]. Тыл прикрывал Прут, а правый фланг — болото и заросли кустарника.

---

1 *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P.499. Шведы и турки полагали, что на этих понтонах русское войско замышляло снова перебраться на левый берег Прута. [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok… S. 213; *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 469.

2 *Артамонов В. А.* Мать Полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008. С. 51–61.

3 ППВ. Т. 12/1. С. 186. Помимо 28 брошенных ночью, в зарядных ящиках оставалось ещё много пудовых бомб. Они могли взрываться в рядах противника на расстоянии до двух километров.

4 «Для великого жара и понеже люди устали, ибо неприятель был непрестанно кругом оных и докучал нападениями, …принуждены всем войском стать к реке Пруту для отдыхания и получения воды». ГСВ. Вып. 1. С. 370–371. А. А. Вейде писал, что противник «припёр нас к реке».

К пяти часам дня подтянулся весь арьергард. Несмотря на зной и усталость, все понимали, что отсыпать ретраншемент надо живее. Войско проворно «окинули» рогатками[1]. Если храбрость османов и русских была равной, то выучка и дисциплина была явно выше у русских. Непрерывная стрельба не позволяла близко подъезжать всадникам в чалмах. Солдаты, драгуны, казаки и молдаване кирками и лопатами сноровисто набросали землю и песок на рогатки с южной стороны, откуда прибывал противник. Вырос вал в половину человеческого роста, из которого торчали острия «свиной щетины». Лошади не идут на штыки и пики и рогатки можно было бы не ставить, но такова была тогдашняя тактика. С северной стороны было болото и там 18 полков огородились только телегами, рогатками и павшими лошадьми. Для прикрытия пехота использовала и заросли кустов. Вместе русскими на Пруте бились сербы, молдаване, венгры, французы и донцы полковника Игнатия Ефимова.

Под Полтавой победа была одержана умелой тактикой, численным превосходством войска и артиллерии и мощной инженерной подготовкой поля боя. Здесь времени на устройство редутов и ретраншемента полного профиля не было. Собирались построить правильный прямоугольник (именно так показано на некоторых схемах), но получилась трёхфасная фигура, похожая на ломаный треугольник, примыкавший основанием к реке. Фронт, обращённый на юг, был опаснейшим. Туда поставили самые боеспособные полки: Астраханский — 1008 человек, Ингерманландский — 1259 человек, Преображенский — 2051 человек и Семёновский — 2010 человек, а также дивизию Л. Н. Алларта (полки Пермский, Нижегородский, Псковский, Сибирский, Гренадёрский (Кропотова), Московский, Вятский, Казанский) — всего 26 батальонов.

Историки не подсчитывали периметр ощетинившейся на все стороны русской армии. По уставу в батальоне должно было быть 600 солдат и строился он в четыре шеренги. Если принять, что на солдата приходилось 0,7 м, то первая шеренга из 150 человек по фронту могла занять 105 м. (Вряд

---

[1] По команде «*Ставь рогатки!*» два солдата на плечах выносили за концы брус-основу и в их отверстия вставляли по 24 пики. Рогатки сцеплялись друг с другом петлями и смычными крючьями, закреплёнными в торцах бруса.

ли она была сдвоенной.) Интервалы между батальонами для полковых пушек были восемь-десять метров. Таким образом, фронт из 12 лучших полков русской армии, готовых к бою, был примерно три километра. На коротком фасе параллельно реке стояло всего два полка — Бутырский и другой Гренадёрский (на схеме показано три батальона — по длине они могли занимать до 340 м). Сзади в глубине, в русле высохшего ручья стояли (как резерв?) Ивангородский и Черниговский полки. Тыловой, (условно «северный») фас у болота, за которым вдалеке стояли крымцы, ломано тянулся к Пруту. Там были поставлены 18 полков — Новгородский, Белозерский, другой Казанский, ещё один Гренадёрский, Азовский, Санкт-Петербургский, Ренцелев, Копорский, Ростовский, Нарвский. Рязанский, Великолуцкий, Лефортов, Тобольский, Белгородский, Тверской, Шлиссельбургский, Киевский. Эти 36 батальонов вытянулись на четыре километра. Таким образом, пехотные полки заняли расстояние примерно до 7,5 км километров. Нет сомнений, что 6692 человека спешенных драгун не стояли без дела внутри ретраншемента, а тоже заняли от полутора до двух километров боевых позиций. Общий периметр лагеря видимо составлял 9–9,5 километров. Разрывов в валах и выходов как было в лагере под Полтавой (кроме двух, указанных на схеме Ермитажного собрания Публичной библиотеки, № 363) не было. Приходится сделать вывод, что готовились только к обороне.

В центре лагеря Я. В. Брюс расставил «главную артиллерию» — восемь медных восьимфунтовых и две 12-фунтовых пушки, две пудовых, двадцать одну шестифунтовую мортиру, одну пудовую и одну полупудовую гаубицу. 87 трёхфунтовых пушек находились при полках в разрывах между телегами. Всего в лагере было 122 орудия и 30 846 человек пехоты[1]. Недалеко от реки отсыпали «цитадель», куда поместили царицу Екатерину Алексеевну и жён офицеров. Землянку царя и царицы, накрытую палаткой, отрыли там же. Туда же, ближе к берегу, поставили фуры, телеги, кареты — весь обоз. Куда загнали скот, на схемах не указано.

---

[1] *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 94, 205–206.

Отсечь русскую армию от воды противник не пытался и был очень осторожен. «Они больше беспокоились о собственной безопасности, чем о том, чтобы разбить нас. Оказалось, что они были очень заняты в то время укреплением своего собственного лагеря, и это помогло нам избежать нападения» — писал П. Г. Брюс[1].

Прут удачно прикрывал тыл и смерть от жажды не грозила. Ширина русла была «в пистолетный выстрел» — не более 20 м, или в 30 локтей (до 18 м — С. Лагерберг). На левом берегу, чтобы помешать русским по броду уйти через реку, встало «на горе против нашего лагеру с распущенными 22 знамёнами» 10-тысячное скопище ногайцев Буджака, поляков Потоцкого, запорожцев и небольшой кучки шведов без пушек[2]. Доступ к воде поначалу был затруднён выстрелами неприятеля из луков и ружей из-за реки. «Но стоило подвести несколько пушек, чтобы их припугнуть, как они тотчас предпочли держаться подальше» (П. Г. Брюс) и воду можно было забирать.

Турки начали палить бестолку из четырёх пушек малого калибра уже с дальней дистанции, боясь подвести их ближе. В русском лагере сделали было вывод, что на подходе турецкая пехота, но на самом деле янычары были ещё далеко, а Балтаджи находился в трёх-четырёх часах хода от русских. Мехмед-паша Черкес и Девлет Герай послали гонца к садразаму с просьбой спешить — враг окружён, без турецких пушек и пехоты его не задержать и он может вырваться из окружения «в леса и горы».

2.4. ПОБЕДНЫЙ ВЕЧЕР 9 ИЮЛЯ

Вечером 9 июля грохот русских барабанов дал сигнал «к бою». В русских источниках приводятся разные сведения о подходе и нападении янычар — «за час до захода солнца», «за три с половиной часа до захода солнца», «7 часов вечера», «около 17 часов». А. Н. Курат пишет, что большинство этого привилегированного низама пришло к 19 часам. Пётр I и генералитет выехали на конях к солдатам на «свои участки» обороны.

---

[1] *Ефимов С. В.* Прутский поход 1711 года… // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 16.

[2] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 52.

В России знали о турецких атаках — «чрез своё многолюдство окружить и во фланги или в заднюю линию ударить». Суворовским «глазомером, быстротой и натиском» Пётр I не владел, но весь день и вечер 9 июля, невзирая на обстрел, как под Лесной и Полтавой, он делал всё, как положено, командующему: «Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берёг, как и храбрейший из его воинов. Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно, часто их расспрашивая о том, что происходило на их постах»[1].

Янычары ходко, без передышек спещили за конницей. Погоня так их распалила, что они решили атаковать сходу. Как обычно, они намеревались парализовать страхом соперника. Этому должно было служить всё — и яркая одежда, и ужасающий крик, и грохот штурмового военного оркестра «мехтер», и ярость безжалостной рубки холодным оружием. Изобретательности не было — османы ломали дух противника ударом в лоб. Чтобы шире охватить врага, войско выстраивалось полумесяцем. Толпа янычар сбивалась в трапецию, вперёд вставали храбрейшие («дели-баши») с «байраками»-значками. С саблями или ятаганами в правой руке, с ружьями-«янычарками» или кинжалами в левой, аскеры-смертники с бешеным воплем кидались вперёд. Разметать противника могло просто «силовое поле» атакующих. Первый налёт «вихрем» был самым страшным — он или обращал врага в бегство, или, вломившись, яростно крушил строй изнутри.

Конница изматывала врага ложными выпадами и атаковала лавой, либо широким клином, в острие которого мчались самые неустрашимые. При неудачной атаке противник окружался и атаки повторялись. Если в строе врага появлялся разрыв, сипахи «змеёй» устремлялись туда и взрывали его сзади.

Несмотря на совет Девлет Герая о том, что янычары должны отдохнуть, окопаться, дождаться артиллерии и остальных войск, чорбаджи (командиры янычарских рот) ничего не могли поделать с дурной дисциплиной. Не могли помочь и опытные в военном деле и посланные от шведского короля С. По-

---

1 Моро Ж. Н. С. 453. Бригадир-француз клеветал, что «русские начальники показывались только ночью, а днём лежали под своими экипажами» и что только «иностранные генералы одни могли спасти» армию царя. Там же. С. 453.

нятовский, генерал-лейтенант Ю. В. фон Дальдорф и генерал-майор Г. Цюлих — они не могли влиять на решения. Сераскеру Мехмеду-паше, который не бывал в боях, войско не доверяло.

«*Мы ждём встречи с врагом уже три дня…, а нам предлагают сидеть в укреплениях. Соперник под носом, а нам напрямик говорят не нападать. В таком случае мы не станем выполнять приказы!*» — ярилась янычарская пехота[1].

Без начальников и артиллерийской подготовки бóльшая часть подоспевших янычар (в том числе египетские) сбилась в плотную трапецию «К шатру визиря явился янычар и стал кричать: "Будем ли мы лежать здесь, пока не умрем от болезней и невзгод? Пусть все истинные мусульмане идут за мной сражаться с неверными!" Он схватил одно из знамён, стоявших у шатра, и побежал вперёд. За ним немедленно последовали другие, схватив прочие знамёна, и... собравшись вместе, с обычными криками в беспорядке бросились на врага»[2].

Пальба из разнокалиберных ружей-янычарок не могла нанести вреда, так как русские пушки уже вели огонь по толпе. В спешке первый ряд янычар дал залп, задние навесом стреляли наугад с десятых, двадцатых и даже сотых рядов[3]. Потом все валом рванулись к вершине русского «треугольника» — с севера было болото, с юга — можно было попасть под косоприцельный огонь двенадцати русских полков. Бросаться только с холодным оружием под ядра и картечь, которые били на 500 и 200 шагов было безумием. Во «фронте первой шеренги» со свирепым «Аллах!» неслись 300–400 дели-башей, за ними без строя менее отчаянные, потом — толпа остальных. Задние напирали так, что передние не могли ни остановиться, ни развернуться. Тысячи сипахов и татар помогали только тем же боевым кличем.

Отвлекающих приступов с других мест не было[4].

---

1 *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 475.

2 *Satton R.* The Despetchts… P. 65–66.

3 [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok… S. 214. Конечно, янычарская толпа не была глубиной ни в милю (6 километров), ни в полмили, как позже указывалось в «Гистории Свейской войны». ГСВ. Вып. 1. С. 175, 371.

4 Более сложные действия, например, главный удар по одному из флангов при демонстративной атаке центра, относился к тактике уже XIX в. *Жомини Г.* Очерки военного искусства. Изд. 2-е. М., 2011. Т. 2. С. 17.

Как и под Полтавой в 1709 г., тут решающим фактором стала русская артиллерия. Оборона имеет преимущество — атакующий всегда несёт бо́льшие потери. Огневая мощь орудий — 87 трёх-фунтовых полковых, полевых двух 12-фунтовых пушек, восьми восьмифунтовых, двух однопудовых и 21 шестифунтовых мортир, пудовой и полупудовой гаубицы была сокрушительной.

К короткому фасу позиции Пётр I приказал подтащить (и Алларт выполнил приказ) все восемь огромных восьмифунтовых орудий весом по 240 пудов и дополнительно несколько трёхфунтовых пушек («понеже видели, что с других сторон нет нападений»). Там же, в единственном месте удара можно было сменять уставших и раненых. Канониры в алых кафтанах сноровисто перезаряжали стволы и демонстрировали такое же мастерство, как под Полтавой. Смертоносный огонь двойными зарядами с ядром и картечью пробивал бреши в густых рядах нападавших. Особенно впечатляла скорострельность — в минуту из трёхфунтовой пушки вылетало одно ядро или 2,5 картечи. Ближе 30 саженей янычары на могли подбежать. «*Скорою стрельбою, двойными выстрелы, то есть ядры и картечи, во оный клин стреляли, отчего их зело много побито как ис пушек, так и из ружья мелкого… потом сами турки сказывали, что их тут около 7000 пропало*»[1].

Рогаток, которые можно было раскидать, не боялось ни одно войско, но С. Понятовский неудачу турок списал на них и только во вторую очередь, на артиллерию.

Русский строй не боялся турецкой численности, он был знаком с ещё более грозными шведскими штурмами. Выучка

---

[1] «Испуская дикие вопли, взывая, по своему обычаю, к Богу многократными криками «алла, алла», они бросились на неприятеля с саблями в руках, и, конечно, прорвали бы фронт, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними... Сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привёл их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая [заместитель великого визиря] и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить». Третья атака тоже была отбита и тогда кегая сказал Понятовскому: «Мы рискуем быть разбитыми и это неизбежно случится». *Poniatowski S.* Remarques M. le Comte Poniatowski… A la Haye, 1741. Рогатки в русской армии отменил П. А. Румянцев.

солдат-ветеранов была на уровне побед 1708–1710 гг. Биограф султана Ахмеда III Дилавер-заде Омер-эфенди назвал солдат врага «дьяволоподобными», а Петра I «искусным фокусником»[1].

Вдохновлявший сзади атаку верхоконный Юсуф-паша был ранен в ногу вместе с лошадью, но не покинул поле сражения[2]. Рукопашных схваток не было. «Зелёная стена» русской пехоты вела бой, как по уставу — первые две сдвоенные шеренги полков палили и заряжали, не вставая с колена, третья и четвёртая — стоя. Солдаты в три приёма справно прибивали заряд-патрон шомполами. В жару кремнёвый замок почти не давал осечек. Посреди рот в первой или второй шеренге («спереди, дабы удобнее видеть и повелевать») командовали капитаны, по концам рот подпоручики и фендрики, поручик смотрел сзади «над всею линиею своей роты». Офицеры следили, «чтоб четвёртый плутонг отнюдь прежде не выстрелил, пока первый мушкеты набьёт»[3]. Несмотря на клубы порохового дыма вряд ли много пуль летело мимо густого клина.

Оправдалась оценка Л. Барки: «турки не суть столь ратники и не имеют уряду, ниже могут терпеть огня… и буде первая их линея учнёт ретироваться, то прочие все в великую конфузию и в побег обратятся»[4]. Яростный таран отразили бесстрашием, орудиями и мушкетами. Клин не вломился в лагерь и отпрянул, не доходя до рогаток тридцати сажений[5]. «В русских полках играла музыка и раздавались трубы». (Й. Некулче).

Австрийцы ставили часть лёгкой конницы — венгерских гусар или сербов на фланги пехоты. При неудаче они откатывались под защиту пехотинцев и пушек. Имперский генерал-фельдмаршал Р. Монтекукколи советовал так побеждать турок: «...с самого начала к неприятелю подходя, надобно

---

1 *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender…S. 133.

2 *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 480. В 1713 г. П. П. Шафиров называл его «хромонога». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 132 об.

3 Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов. Составитель К. В. Татарников. Т. 1. М., 2010. С. 52.

4 Л. Барка — Г. И. Головкину 6/17 января 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 8. Л. 10.

5 *Бутурлин Д. П.* Военная история походов россиян… С. 471–473.

ево пушечною пальбою встретить. Потом ближе подошедши, из мушкетов и пистолет пулями осыпать; за тем уже копьями в него ударить, а во окончание дела, на палашах или на штыках с ним схватиться...».

Русское командование против «лёгких и скорых» сипахов тоже поначалу выставило 7,5 тысяч молдавских конников и 3 тысячи казаков.

В июне 1711 г. молдавские гусары и казаки неплохо бились в авангардных и арьергардных стычках, в поисках и преследовании врага, но мелкие донские и молдавские лошади были слабее турецких и австрийских. Позже в Петербурге, чтобы подправить впечатление от неудачи на Пруте, её приписали казакам и молдаванам: «…Волохов немалое число имели при себе, которые внутри обоза для безопасности своей были, от которых более комфузии, нежели помочи было, также как и от своих черкас или казаков украинских»[1].

Прогнав нерегулярную конницу, сипахи «образом саранчи» пугали зверскими воплями, скакали вокруг, сверкали саблями и только некоторые сорви-головы подлетали к рогаткам[2]. В реляции Ж. Б. Савари было написано: «Они бросились поначалу сразу на рогатки, но были отбиты, так что в большом беспорядке вернулись обратно к лагерю. Если бы русские имели кавалерию для преследования, тогда бы они легко могли навалиться и вызвать общее бегство всей турецкой армии»[3]. «Отпор, данный русскими, так сильно поколебал храбрость турок, что им также не хотелось снова атаковать, как русским — подвергнуться атаке» — писал Р. Саттон.

Янычарские чорбаджи не хотели рисковать, но атакующие снова пошли на приступ. И снова ураган картечи рвал их в клочья. Теперь «ярость» исчезла. Никто из подоспевшей позже турецкой пехоты не присоединился к нападению. Рус-

---

1 ГСВ. Вып. 1. С. 371.

2 «Но из них гораздо малые люди близко приезжали, а протчие только издали криком атаковали». ГСВ. Вып. 1. С. 175.

3 *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 132. О том же писал молдавский хронист Николай Мустес: «Если бы русские продолжили эту атаку несколько часов, то все силы Балтаджи были бы полностью рассеяны». Там же. S. 135.

ский отпор «произвёл на османскую армию сильное впечатление, даже у самых решительных проснулось чувство страха»[1]. Возникла реальная вероятность русской победы. Позже венецианский посол писал из Стамбула 16 ноября 1712 г., «что он сам от турков слышал, что ежели бы Царского Величества войска у Прута прямо на турков наступили, они б совершенную викторию одержать могли, понеже превеликой страх между турками был»[2].

Провальные приступы турецкие участники сражения освещали неохотно[3]. После кровавых атак кяхья (управитель военными и гражданскими делами) Осман-ага крикнул С. Понятовскому: «мы потерпим неизбежное поражение!» Потом турки оправились, увидев, что русские не используют их замешательство и не выходят из лагеря[4].

Находившийся на острие атак Аллapp был поражён пулей у локтя в правую руку. Он сдал команду генерал-лейтенанту фон дер Остену и поехал к царю с просьбой сменить Гренадёрский и Казанский полки, которые потеряли часть офицеров, солдат и израсходовали много боеприпасов. Алларт особо упомянул о русской храбрости: «противник вторично с большой стрельбой и криком пытался прорваться к рогаткам, но, как и прежде, благодаря стойкой храбрости русских был снова отбит, и вынужден ретироваться на свои прежние места». Там же был тяжело ранен генерал-майор Волконский, командовавший спешенными драгунами. Гарь, пот, пыль и порох так осели всех, что люди не узнавали друг друга.

Турки отличались природной «запальчивостью», но их отвага оказалась бессильной против линейной тактики. 11 августа Р. Саттон записал показания очевидца о том, что в турецком лагере возник хаос. Янычары были отбиты с потерей 8000–9000 человек и пришли в «величайшее смя-

---

[1] *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 482.

[2] И. Х. Урбих — Г. И. Головкину 14 декабря 1712 г. н. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712. Д. 4а. Л. 92.

[3] Курат писал, что в некоторых источниках упоминались третья и четвертая атаки, но в русских источниках отмечаются только две. Прибывший поздно вечером к бою Балтаджи, написал матери султана, что он «глядя в лицо смерти, с саблей бился с врагом».

[4] *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski… S. 51.

тение». «Если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты»[1]. Но пленных, которые могли бы рассказать об «ужасе и оцепенении» не оказалось.

Юсуф-паша, став в 1712 г. великим везиром, сообщил Ахмеду III о вероятности бегства его пехоты в случае русской атаки. Вот его слова в передаче Л. Барки: «Все турки сами дивятся храбрости пехоты государевой и жестокого огня. И новый визирь по два случая самому салтану доносил, что сей мир Бог вышний ему даровал от гордости и недоумия москвитян, а не от храбрости турков. И ежели бы Москва наступала, то бы они никогда места одержать не могли; как многократно турки наступали и никогда устоять не могли, но назад утекали. И когда был у них бой с пехотою при реке Пруте, то уже турки задние почали было утекать, и ежели бы москвичи из лагару выступили, то бы и пушки и амуницию турки покинули. И в том ссылаетца на вышних и нижних офицеров: когда во второй день рано [10 июля] велел и паки наступать, то и енычары все отказали, что они наступать не хотят и против огня московского стоять не могут»[2].

Преследованию воспрепятствовала линейная тактика русских. Под Полтавой Пётр I тоже не преследовал разбитых шведов полками, потерявшими строй[3].

Если 7–8 июля лёгкая турецкая и татарская конница имела перевес над русской, то 9–10 июля роль кавалерии с обеих сторон была невелика. Превосходство османских и татарских

---

1 *Satton R.* The Despetchts… P. 66. «Турки признались, что потеряли убитыми 8900 человек… что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить». Моро Ж. Н. С. 460.

2 Л. Барка — С. Л. Владиславичу 5 декабря 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 568. Далее Барка писал, что стыдится поверить бумаге то, что говорили турки о русском походе и управлении и винил Кантемира, который держал русских без подлинной ведомости, «да ещё турок к баталии принуждал и ваше недовольство им объявил» РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 566.

3 *Порфирьев Е. И.* Пётр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии. М., 1952. С. 225; *Артамонов В. А.* Полтавское сражение… С. 581–585.

всадников над русскими не имело значения, вопреки Я. Е. Водарскому[1]. Русские кони были внутри лагеря, а турецкие и татарские верховые, видя стойкость русской пехоты, только гарцевали и пугали стрелами.

Порядок пехоты царя не нарушался ни на минуту. Её шквал огня был так невыносим, что «*неприятель заколебался, отошёл на несколько сотен шагов*» и укрылся в логе, где ему не могли вредить ядра. Пороховой дым скрыл противника. Русский огневой отпор, продолжался «близ трёх часов или более до самого вечера»[2].

После сражения Балтаджи написал матери султана, что русские отбрасывали турок, выбегая за рогатки. Возможно, он имел в виду вылазку гренадёр. Шереметев послал в атаку 80 гренадёр с капитаном, чтобы выбить врага из укрытия. Гренадёры, у каждого из которых было по две гранаты, «в три ухвата» (вынимая гранату из сумы, зажигая фитиль, выдёргивая зубами деревянную пробку из затравочного отверстия и бросая снизу вверх на 12–18 м) выполнили приказ. Осколки разлетались до пяти метров. У турок такого оружия не было, и они отбежали из лога назад. Правда, когда гренадёры возвращались, янычары преследовали, но несколько залпов заставили их, бросая убитых, снова укрыться на высотах. (О потерях среди гренадёр нет сведений).

Конец дня 9 июля стал победным для русской армии, доказавшей превосходство своей артиллерии и пехоты. Турки потеряли убитыми не менее 7–8 тысяч человек. Это сопоставимо с потерями под Веной в 1683 г., где ущерб османских сил составил 10 тысяч убитыми, а христианских войск — 2 тысяч убитыми[3]. Дух янычар и турецкого командования был сбит. «Каждый раз они [турки] в беспорядке бежали обратно. После третьей атаки их замешательство и расстройство были так

---

1 *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 96.

2 ГСВ. Вып. 1. С. 371. Судя по журналу Б. П. Шереметева «великий бой» 9 июля окончился «часа за два до вечера». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 53.

3 *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловицкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Часть 2. С. 259. А. Н. Курат, написал, что «потери янычар в тот день составили максимум 1500 человек». *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 480.

велики, что можно наверняка полагать, что если бы русские контратаковали их, то они бежали бы без всякого сопротивления»[1]. Балтаджи, прибывший к концу штурма вместе со священным знаменем Пророка, распорядился: «раз янычары не могут добиться успеха и обратить врага в бегство, то пусть займут окопы»[2]. В обоих станах зажглись костры.

Только к часам 22-м, начали (после намаза) стрелять первые прибывшие пушки турок. «Непрестанно огонь был с обеих сторон… в обозе нашем многих людей и лошадей вредило». Русские бомбы и ядра «вредили» туркам не меньше. Невысокие валы охватили целиком только южный фас русского лагеря, севернее сновали турецкие и татарские всадники и были заросли кустов. (Нагнетая безвыходность положения, Моро сочинял, что «турки упёрлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трёх сторон двойною линией, расположенной полукружием»). На самом деле с севера турки не могли «упереться к реке», так как там были густые заросли кустов. Одно из ядер подкатилось к шатру верховного везира и он велел перенести свой шатёр на один километр от огневых позиций. Весь османский лагерь разместился вне сферы русского огня. Янычары взялись за лопаты и кирки отрывать шанцы. К полуночи из-за спины янычар уже стреляло с разных сторон 250 пушек, но семь самых тяжёлых орудий, каждое из которых тянуло по 36 пар буйволов, так и не прибыли на поле боя. Всю ночь Юсуф-паша провёл в шанцах. Изредка выстрелы с обеих сторон раздавались и ночью.

Разгром янычар поднял настрой русского командования, а «солдаты российские великий кураж имели». Перед полуночью 9 июля Пётр I накоротке созвал очередной военный совет. Армия не была полностью окружена. Решили произвести внезапную «под рассвет» атаку по типу шведской: «В последующую ночь у Алларта царь собрал вторично военный совет. Было решено этой ночью атаковать врага несколькими тысячами человек, чтобы прогнать его с занятых позиций и если это удастся, то на рассвете атаковать врага всей армией и победить с Божьей помощью. И хотя были действительно

---

[1] *Satton R.* The Despetchts…P. 76. Это подтверждает и Ла Мотрей: «Это так их [янычар] устрашило, что храбрость их покинула».

[2] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С .122.

сделаны соответствующие распоряжения царём к этой атаке («auch die Dispositions wuerklichen darzu gemacht»), но этого не случилось — они лучше знают, почему»[1].

Судя по Алларту, собирались неожиданно сбить противника с позиций, овладеть его пушками, а потом, как в победный день 27 июня 1709 г., оставив в лагере резерв, выйти всей армией, построенной двумя боевыми линиями. В полки разослали приказы готовить солдат к бою на рассвете 10 июля[2].

«Смелость силе воевода». Огневая мощь линий и больших каре гасили стихийные атаки «правоверных». В 1664 г. у Рааба, 37 тысяч воинов Р. Монтекукколи разгромили до 122 тысяч воинов верховного везира Фазыла Ахмед-паши со 135-ю пушками; в 1683 г. под Веной и в 1697 г. на Зенте турецкие войска были разбиты вдвое меньшими силами христиан. 5 августа 1716 г. у Петерварадина (ныне город Нови Сад) Евгений Савойский с 60-тысячной армией атаковал 150-тысячное войско верховного везира Дамата Али-паши. Австрийская пехота сбила янычар, а тяжёлая кавалерия обратила в бегство сипахов. Турки, потеряв до 6 тысяч убитыми, бросили 164 пушки. Под Белградом 16 августа 1717 г. принц Евгений с 20-тысячной армией штурмовал позиции 200-тысячного войска садразама Халил-паши. Его пехота пошла в штыковую атаку навстречу огню турецкой артиллерии, приблизилась к главной батарее, вызвала панику и наголову разгромила османов, потеряв всего около 2 тысяч человек. Потери турок составили до 20 тысяч.

Становление регулярной армии царя Петра произошло необычайно быстро. Она накопила богатый опыт в борьбе со шведами. Православное войско представлялось монолитным: генералы и офицерский корпус были профессионалами военного дела, дисциплина, выучка солдат, овладевших швед-

---

1 Неточный перевод дан в ППВ. Т. 11/1. С. 313: «атаковать ночью неприятеля силами в несколько тысяч человек и прогнать его с занятых им позиций; а также, если счастье будет на нашей стороне и представится возможность, то на рассвете атаковать неприятеля всей армией».

2 «При наступлении ночи роздали нам по 800 новоизобретённых ножей, с трёх сторон острых, как бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались в землю; нам повелели их бросать не прежде, как когда неприятель вздумает нас атаковать». Моро Ж. Н. С. 453.

ской тактикой «сокрушающего удара», была выше, чем у турок и татар. Правда, австрийская тактика победных войн с турками в 1660–1664, 1683–1699, 1684–1688 и 1697 гг. не была освоена[1].

Об изъянах османского войска знали многие, в том числе и царь. Турки не бились в линейных порядках: «*Мнение в неискустве онаго неприятеля в воинском деле и не обмануло*» — вспоминал позже Пётр[2]. Янычары не имели пик и не умели сражаться против штыков и пикинёров. Ручных гранат и мортирок они не имели. Ружья были разными по длине и калибру, каждый отливал свои пули. Ятаганами трудно было колоть, а рубленые раны не всегда были смертельны. Широкая одежда была неудобной. Дисциплина была слабой, команд никто не мог слышать, каждый сражался как мог.

Сипахи «с малолетства» занимаясь джигитовкой, в одиночных боях были превосходными кавалеристами, обладали искусной выездкой («конь на пятачке пропляшет»), могли легко спускаться с круч и подниматься вверх, но не имели ни кирас, ни мушкетов, их стрельба из луков была малодейственной. Их легко можно было рассеять при настойчивом преследовании.

Привычная к дальним походам и маневрам рассыпная конница Крымского ханства была бессильна против слабых укреплений и пугалась «огненного боя». Турецкие пушкари, до половины которых, были не из «природных турок», не знали «артиллерийской науки» и стреляли медленнее канониров Я. В. Брюса. Держаться в поле без укреплений турки не могли и не владели искусством отступления. В отличие от европейцев с их памятью о рыцарстве, османское командование по старой кочевой привычке бегство считало не позором, а приёмом боя. Если сбегало командование, вслед за ним исчезала и армия. В военном деле разбирались только храб-

---

1 Только в мае 1723 г., через пять лет после побед принца Евгения в 1716–1717гг., Пётр I велел командующему Украинским корпусом генерал-аншефу князю М. М. Голицыну обучить один из драгунских полков «…в стрельбе и швенкелях [поворотах, передвижениях — *В. А.*], как употребляют цесарцы противу турок». М. М. Голицын потом пояснял, насколько австрийский опыт применим для русских солдат. Строевые уставы, инструкции и наставления… С. 9–10, 92–98.

2 ГСВ. Вып. 1. С. 373. В 1788 г. такую же оценку давал и Г. А. Потёмкин: «О турках думать, как о нестройных мужиках, ибо турки таковы».

рый и опытный янычарский ага Юсуф-паша (по характеристике Луки и Николая Барки тот «человек умный и к войне искусен и ево всяк любит»), начальник канцелярии садразама, активный кяхья Осман-ага и 60-летний Девлет Герай.

8 июля 1711 г. преображенцы без кавалерии успешно отражали наседавших сипахов, а утром 9 июля армия в бригадных каре удачно отходила от противника. Удар такими же каре, между которыми помещались бы драгуны и нерегулярные части, или линиями, в интервалах которой накатывались трёхфунтовые пушки (такого типа атак турки не знали), обратил бы неприятеля в бегство. Потеря обоза, лагеря и артиллерии вызвала бы панику противника. Чтобы не попасть под удар при построении, линии (бригадные или дивизионные каре) можно было сформировать внутри лагеря и прикрывать их выход стрельбой из тяжёлых орудий.

Такая тактика применялась русскими через 60 лет. 17 июня 1770 г. на Пруте у Рябой Могилы 38 тысяч П. А. Румянцева разбили 72 тысяч турецко-татарского войска. На Ларге 7 июля того же года 1-я армия в 39 тысяч при 115 пушках рассеяла почти 80-тысячное скопище неприятеля. При Кагуле 1 августа 1770 г. 27 тысяч русских разбили 150-тысячного противника. При Рымнике 11 сентября 1789 г. 25 тысяч русских и австрийцев под командованием А. В. Суворова нанесли поражение 100-тысячному неприятелю.

О вероятной победе возникали толки и в окружении царя. Сам Пётр I много позже вспоминал о том же: «И тако оные с помощию Божиею отбиты и, ежели бы за ними, хотя мало следовали, то б полную викторию получить могли»[1].

Вечером 9 июля был упущен третий шанс рассеять неприятеля — тогда ещё не прибыла вся османская пехота и артиллерия. Татарские и османские всадники не могли полностью блокировать Русскую армию и отсечь пути на север. Но за грохотом орудий, дымом и пылью никто не знал о янычарском неповиновении. В русском лагере не появилось ни турецких перебежчиков, ни молдавских или болгарских обозников, которые рассказали бы о неразберихе в османском войске.

В ночь с 9 на 10 июля 1711 г. Пётр I отменил нападение, которое могло увенчаться победой и ушёл в глухую защиту, хотя можно было предвидеть, что положение будет только

---

[1] ГСВ. Вып. 1. С. 371.

ухудшаться. По какой причине главнокомандующий сдал инициативу туркам? Ведь можно было предвидеть, что оборона в окружении грозит капитуляцией[1]. Может быть, Пётр I не надеялся на утомлённую армию, которая трое суток вела бой без отдыха? Может быть, его тревожила поголоска, что «двухсоттысячное» исламское войско возглавляет Карл XII?[2]

Вспоминая решение начать переговоры с противником, Пётр I после 1715 г. оправдывался, что преследовать янычар было нельзя, так как не успели окопать обоз и ворвавшаяся конница врага могла бы уничтожить «пропитание, которого и так мало было». А русский успех будто бы привёл даже к худшему: «Дальнее захождение без магазеинов и людство неприятеля… крайнею б беду принесло. Правда, что зело бедствен сей случай был и печален, но ежели б получили викторию над неприятелем, тогда б ещё далее зашли… и тако без сомнения злее б было»[3]. Такое оправдание принять нельзя — после победы можно было бы не идти на юг, а уходить на север!

Скорее всего, Пётр I учёл перемену обстановки в ночь на 10 июля. Турки быстро усиливали контрвалационные укрепления (шанцы) и продолжали подтягивать орудия.

---

1 «Но, несмотря на то, что было принято такое спешное решение [об атаке] и последовали необходимые для этого распоряжения, Его Царское Величество отменил его по причинам, ему одному известным» — так, отказываясь критиковать царя, лаконично записал Алларт.

2 Пётр I был хорошо знаком с военным даром своего шведского «учителя» и у него не было уверенности, что «лев севера» остался под Бендерами. «На другой стороне реки и вокруг нас стояли крымские татары, среди которых свой лагерь разбил шведский король, наблюдая за действиями нашей армии» — писал П. Г. Брюс. [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten… S. 49.

3 В этой фразе царь вычеркнул слова: «едва б не последовало, как шведов при По[лтаве]». ГСВ. Вып. 1. С. 176, 372–374.

ГЛАВА III

ПРУТСКИЙ МИР

3.1. НЕРЕШЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ СРАЖЕНИЯ

Ночью с обеих сторон раздавались нечастые залпы. Рассвет 10 июля на широте Станилешты начинается в примерно три утра. Из 120 тысяч воинов, собранных для похода[1], часть османских войск была отправлена в Бендеры, Азов, Браилу, часть оставлена для охраны переправ. К рассвету 10 июля на поле боя было около 100 тысяч турок, до 30–35 тысяч татар, а также до 10 тысяч поляков и запорожцев.

Если в состав войска Балтаджи историки включают нестроевых чинов и нерегулярные отряды крымских татар, поляков и запорожцев, то неправильно не учитывать нестроевых, казаков и молдаван армии Петра I. В целом 38 246 строевым и 8510 нерегулярным служивым царя противостояли втрое большие силы противника[2]. Такой перевес не был неожиданностью — о нём

---

[1] *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 96, 207. Р. Саттон писал о 118 400 человеках, из них янычар, в том числе из Египта — 23 000, сипахов — 20 000, пехоты из Румелии с албанцами и босняками — 20 000, пушкарей — 7000, войск из Анатолии и Румелии — 36 000. *Satton R.* The Despetchts… P. 28; *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 94, 123. П. П. Дезальер давал численность в 121 685, П. А. Толстой — 119 665 человек. К блокаде подключилось и 15–20 (20–30) тысяч татар, до 7 тысяч запорожцев, и до 3 тысяч поляков Ю. Потоцкого. *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 143. П. П. Шафиров преувеличивал число татар до 70 тысяч, Р. Саттон давал численность — 50 тысяч, Ла Мотрей — 30–35 тысяч. Очевидцев всегда впечатляло то, что если 10 000 татар стоят лагерем, то их нельзя обозреть, а если 50 000–80 000, то они раскидываются на четыре-шесть миль. [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok… S. 108.

[2] После Прутского сражения, в середине июля 1711 г., когда в Яссах распределяли провиант, нижних чинов с унтер-офицерами, заротными, деньщиками и извозчиками насчитали 46 419 человек (Без офицеров и отряда Рённе). «Соображение о раздаче провианта в войска, составленное в половине июля 1711 г.». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею … С. 291–293.

знали и раньше. Боеспособность армий определяется не численностью, победа, как и поражение, исходит от боевого духа.

После утреннего намаза османское войско подкрепилось съестным и вскоре везде гарцевали всадники в разноцветных одеждах, перемещались аскеры, росли валы и «великий транжамент». На глаз рассыпанные до горизонта люди казались безбрежным морем[1]. Возобновилась артиллерийская дуэль, русский стан был виден как на ладони, сипахи и пехота и наблюдали за перестрелкой.

«Утром 10 (21) июля было обнаружено, что враг окапывается и возводит четыре мощных батареи. Потом неприятель снова пушками и своей пехотой ударил как по этому [выступающему] флангу, так и по обеим сторонам примыкающей к нему нашей линии. Но, несмотря на сильную канонаду, огонь из ружей и чудовищный крик со всех сторон, он напоролся на такое же сопротивление наших. Под конец, он прекратил [атаку] и убрался за свои линии и батареи на прежние позиции и начал опять окапываться. В этой схватке генерал-майор Видман был убит в лоб фальконетной пулей»[2].

Потери среди русских канониров были ничтожны — убито всего четыре (прислуги-фузилёров 14), ранено двое (прислуги — четыре).

Мера подвига — самоотверженность. Проворно развёрнутый солдатами и грамотными офицерами лагерь казался неприступным. Самозабвенный отпор произвёл такое впечатление, что турецкое командование отказалось от дальнейших атак и решило осаждать русский лагерь как крепость, то есть продолжить навесной обстрел с холмов и только после по-

---

1 «Удивительно, что мы не имели ни малейшего представления о такой многочисленной армии, которая состояла, по меньшей мере, из 200 тысяч человек, до тех пор, пока они не попали в поле нашего зрения» — свыше меры писал П. Г. Брюс. По чрезмерной оценке П. П. Шафирова, находившегося с 10 июля в османском лагере, врагов было не меньше двухсот тысяч. ППВ. Т. 11/2. С. 19. Нельзя доверять тогдашней пропаганде, что «соотношение сил между российской и турецко-татарской группировками составляло 38:190 или же 22:270», как считал Д. О. Серов. См. *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 114.

2 *Hallart L. N.* Dagbok… S. 228. Уже 10 июля в турецком лагере (от пленных?) знали, что ранены Алларт, Вейсбах и убит «Вольдемар» (Видман). [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok… S. 189.

давления воли противника посылать снова янычар на штурм. «Немалое они имели опасение потому, что их янычаря кругом землёю осыпались и яко в горах засели, чая на себя от наших наступления»[1].

«Несчастия бояться — счастья не видать» — говаривал Пётр I. Под Полтавой государь не сомневался в победе. 27 июня 1709 г. его пламенная речь была так горяча, что солдаты срывали мундиры и просили скорее вести их в бой! В апогее Полтавской битвы царь показал чудеса храбрости, он вывел в атаку второй батальон Новгородского полка и бесстрашно понёсся на стрелявших в упор шведов. Эмоции полководца воспламеняют солдат и приказ государя на Пруте мог бы вызвать такой же взрыв самоотверженности.

На молдавской земле всё менялось мгновенно, решения принимались почти экспромтом.

Пётр Великий был гигантом духа, но раскачка его психики могла быть огромной. Необузданность сопровождала всю его жизнь. Трижды он терял самообладание — при бегстве от царевны Софьи в Троицкий монастырь в ночь с 7 на 8 августа 1689 г.; через 11 лет перед появлением шведов у Нарвы ночью 18 ноября 1700 г.; и вот теперь снова через 11 лет — на Пруте.

Лобовые атаки противника впечатлили царя. О неистовстве янычар и сипахов Пётр писал: «…пехота турецкая, хотя и нестройная, аднакож зело жестоко билась и ежели б по своему людству фронтом везде отаковали, то б небезопасно было»; османскую конницу «никто нигде не побивал из регулярных»[2].

Турецкие ядра грозили накрыть весь лагерь. «Огонь из центра к окружности ничтожен, огонь из окружности в центр — неотразим» (Наполеон Бонапарт). С рассвета и до 14 часов дня от обстрела из 310 орудий пало 2856 человек[3]. Если рассвет

---

1 РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. 1703–1712. Д. 160. Л. 126 об. В составленном позже статейном списке П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева тяжесть положения нагнеталась: «И в 10 день поутру рано усмотрено, что неприятельская инфантерья зело сильна и многолюдна безчисленно, и той ночи учинила превеликой транжамент около войск Царского Величества, и поставили пушки. И тако отняли конские кормы, в которых и без того была немалая нужда». ППВ. Т. 11/1. С. 571.

2 Резолюции Петра на донесении Б. П. Шереметева 1–8 мая 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 184.

3 Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 54.

на широте Станилешты 10 июля начинается в 3:40 утра, то ежечасно вплоть до 14 часов выходило из строя по 286 человек регулярных войск.

Воля царя была смята казавшейся «неисчислимостью» противника. Всюду к западу, к востоку и югу от Прута было видно море вооружённых людей, которые перемещались, скакали или работали. Шведы считали положение противника безнадёжным[1]. Возможная гибель блокированной армии вместе с ним, царицей, генерал-фельдмаршалом, правительственным аппаратом, русской гвардией и только что выпестованным офицерским корпусом, а также с казной, полевой канцелярией, — всё это могло представляться царю государственной катастрофой и крахом реформ[2]. Царь запамятовал о своей способности воспламенять солдат энтузиазмом.

Если день 27 июня 1709 г. было звёздным часом царя, то 10 июля 1711 г. стало предельным спадом воли за всю его военную судьбу. Подобное случалось и с другими полководцами — например, в битве при Мольвице (Силезия) 10 апреля 1741 г. Фридрих Великий поддался страху и в отчаянии бежал с поля боя. После битвы при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г. он в крайней безнадёжности оставил записку: «Я не переживу моего несчастья... Прощайте навсегда!».

Примерно в 6–7 часов утра произошёл нервный срыв Петра I, не смыкавшего глаз двое суток. Им были пережиты жутчайшие мгновения: «И, правда, никогда, как и почал служить, в такой десперации не были»[3]. Стресс дополнился эпилепсией, которая часто гостила у царя. Датский посланник Юль пересказывал слова некоего очевидца: «Как рассказывали мне, царь, будучи окружён турецкою армией, пришёл в такое отчаяние, что как полоумный

[1] Сообщение С. Лагерберга Карлу XII 10 июля: «С сердечной радостью сообщаю, что царь с его армией в 50 000 человек… у Прута траншеями и пушками так окружён, что если Бог особо не захочет наказать нас, то по человеческому разумению оттуда уже никто не выйдет». [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs Dagbok… S. 188.

[2] Потом царь писал: «…не токмо лутчее войско российское, а паче в присутствии самих их высочеств, дражайших высоких особ, но и благополучие всей империи Росийской в отвагу отдать было небезопасно». ППВ. Т. 11/1. С. 570. «Пётр I знал, что в этот час он олицетворял Россию». Масси Р. К. Пётр Великий. Смоленск, 1996. Т. 2. С. 416.

[3] ППВ. Т. 11/2. С. 12.

бегал взад и вперёд по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство думало, что с ним удар»[1].

Страх парализует. Победить врага, сомневаясь в собственной мощи, невозможно. Без равновесия нельзя было принять оптимальное решение — идти на прорыв с высшей степенью мужества — бесстрашием отчаяния. Направляющей воли командующего не стало. В фальшивом, как доказано многими историками[2] «завещании» Петра I сенаторам от 10 июля 1711 г. имелись слова: *«Я… ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкой плен… Ежели же я погибну, …то изберите между собою достойнейшего моим преемником»*[3]. Но эта выдумка, напечатанная в 1783 г. собирателем анекдотов «профессором элоквенции и аллегории» немцем Я. Штелиным, свидетельствует о том, как прочно врезался в память современников слом воли русского венценосца на Пруте.

Не желая, чтобы видели его мучительные судороги, царь скрылся в палатке. Невиданный характер тут проявила «новоназванная царица». В отличие от мужа, Екатерина Алексеевна среди воя и плача женщин не растерялась. Не она приняла решение о созыве военного совета и вступлении в переговоры, но именно она, будучи на седьмом месяце беременности, вывела царя из шока и подняла его дух. Благодарную память о роли жены на Пруте Пётр I сохранил почти до конца жизни.

«…Наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великою помощницею была… и во многих воинских действах, отложа немощь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, вспомогала, а наипаче в Прудской баталии с турки (где нашего войска двадцать две тысящи, а турков двести семьдесят тысящ было), почитай, [в] отчаянном времяни, как мужески, а не женски поступала — о том ведомо всей нашей армеи

---

1 *Юль Ю.* Записки… С. 314. С генерал-фельдмаршалом Меншиковым, будь он командующим, подобного бы не случилось. В первой редакции ГСВ было написано: «мужественный и великодушный государь в самом огне между летучими пулями и ядрами верхом ездил и премудро войском своим командовал». ГСВ. Вып.1. С.174. В последней редакции такое подобострастие было исключено.

2 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 8. С. 388; *Павленко Н. И.* Пётр Великий. М., 1990. С. 347–358; *Wittram R.* Peter I… S. 384–385; *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 142–156.

3 ППВ. Т. 11/1. С. 315.

и от них, несумненно, всему Государству»[1]. После Прутского сражения государыня обрела популярность и в армейских кругах.

Два-три часа (столько обычно длились припадки царя) армия оставалась без вождя, но сохранила «великий кураж». Нет свидетельств, что паралич воли властителя и испуг женщин в обозе заразили генералов, офицеров и армию. В Западной Европе русскую беду на Пруте объясняли непрофессионализмом русской армии. Это неверно. Рядовой состав, был как всегда послушен и готов к самопожертвованию. Полтавские ветераны, не теряя бесстрашия, ни на пядь не отходили от рогаток. Любимая царём гвардия была предана своему создателю[2].

Воины, победившие в 1709 г. лучшую армию Европы, не могли потерпеть поражения.

Через пять дней царь сравнил нерушимую стену своих солдат с крепостью (фортецией): «Господь Бог так наших людей ободрил, что хотя неприятели вящее ста тысячь числом превосходили нас, аднакож всегда отбиты были, так что принуждены сами закопатца и апрошами, яко вортецию, наши единыя только рогатки добывать»[3].

К 9 часам утра 10 июля Екатерина подняла супруга, хотя его гнетущее состояние не исчезло. «Около 9 часов утра Его Величество… приказал позвать… в центр экипажей, где находилась его палатка» Б. П. Шереметева, генерала Януса и гене-

---

1 Манифест 15 ноября 1723 г. о предстоящем короновании Екатерины Алексеевны. *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т. 1. С. 180. Адъютант Петра Великого и позже вице-адмирал русского флота Франц (Никита Петрович) Вильбуа (1674–1760), ссылаясь на труд «Ивана Нестесурануа» («Nestesuranoi») — гугенота Жана Руссе де Мисси (1686–1762) «Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie, etc. etc. etc.» Т. 1–4. La Haye; Amsterdam, 1725–1726, писал, что Екатерина, переговорив с царём, предложила солдатам и офицерам выход из мышеловки. Разъезжая на коне по лагерю между палатками и землянками, она призывала пожертвовать личными средствами и драгоценностями, чтобы получить «золотой мост» к отступлению. Даже солдаты стали нести свои гроши. *Villebois F.* Anecdotes de la cour de Russie, sous le regne du czar Pierre Premier et de la sa secounde femme Catherine. РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 124. Л. 60–62. См. также «Вопросы истории 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; *Артамонов В. А.* Трагедия царской семьи // *Семевский М. И.* Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс 1692–1724. М., 1994. С. 20–21.

2 *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 96.

3 Пётр I — Ф. М. Апраксину 15 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 12.

рал-лейтенанта фон дер Остена[1]. Совещание шло долго, мнения военачальников не были зафиксированы.

Решили обратиться к Л. Н. Аллларту, который отлёживался в карете после ранения. Алларт записал, что было принято два варианта — предложить противнику переговоры о мире и если будет отказано — идти на прорыв. «Так как люди и лошади в течение трёх дней и ночей были сильно измотаны и была большая нехватка военных припасов и провианта, то у царя был собран снова военный совет. На нём было принято два разных варианта — предложить перемирие великому везиру для заключения «вечного мира»; если же тот на это не согласится, то сжечь и разломать весь обоз, а из некоторого количества повозок составить вагенбург, заняв его молдаванами и казаками и усилив их несколькими тысячами пехоты. А потом надо всей армией с отчаянием атаковать врага, не давая никому пощады»[2]. Два родовитых аристократа — Б. П. Шереметев и В. В. Долгоруков заявили: «не класть оружия, но проложить штыками дорогу сквозь многочисленные ряды неприятеля»[3].

Полки в это время готовились к генеральной баталии и выстраивались внутри лагеря в боевую линию. Казаки и молдаване сражаться с конницей сипахов и татар не могли, поэтому их оставляли охранять вагенбург.

Прорыв имел шанс на успех — ведь даже неуклюжее армейское каре Б. Х. Миниха 19 августа 1739 г. под Ставучанами, ощетинившееся рогатками и непрерывным огнём, казалось настолько грозным, что 80-тысячное османское войско покинуло свой лагерь, окружённый тройной линией окопов и одиннадцатью батареями с 70 пушками. Неистовость атаки могла рассеять противника. Конечно, нанести поражение только пехотой было трудно, но огонь орудий мог смести врага с поля, как под Лесной и Полтавой[4].

---

[1] Янус прихватил с собой и Ж. Н. Моро, увидев которого, государь «милостиво осведомился» о его раненой руке. Моро Ж. Н. С. 454.

[2] «Wollte man den Feind disperaet attaquieren und alle Extrema ergreifen, auch an niemand quartier gehben, noch nehmen». Неточный перевод помещён в ППВ. Т. 11/1. С. 314.

[3] Подтверждения этой фразы Д. Н. Бантыша-Каменского в труде «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» по другим источникам не удалось обнаружить.

[4] *Артамонов В. А.* Полтавское сражение… С. 279–282, 568–570

Военные профессионалы М. М. Голицын, Я. В. Брюс, Л. Н. Аллaрт, В. В. Долгоруков, А. И. Репнин, А. А. Вейде, а также и Кантемир[1], стояли за прорыв, но Пётр I не «азардовал» принципиально. Уникальный в военной истории случай — утром 10 июля две армии оказались без главнокомандующих: русская из-за шока царя, османская — по изначальной никчёмности Балтаджи. Была упущена очередная возможность одержать верх над противником. Ставку на перемирие поддержали Шафиров и жена царя. Возможно, учитывался падёж лошадей, особенно тягловых, потеря подвижности армии и сложность отступления по выжженной степи. Ф. И. Соймонов в 1754 г. писал: «Император собрал совет. Мненья были разные и болшее число думали, что первой бы огонь турецкой весма был бессилен, а храбрость бы россиан привела их в робость, чего ради и представляли российскому войску вытти из шанцов и напасть на войска турецкие с палашами и саблями. Но вице-канцлер Шафиров, которой имел приказ от государыни защищать данной ею государю совет, доказал в совете, что оная их резолюция десператна [рискованна] и ненадобно производить её в действо, а мнение его, чтобы предложить везирю о перемирии, дабы могли между тем временем или о войне трактовать, или какой договор заключить… Пётр, решив заключить мир…, повелел… поставить среди шанец белой флаг во знак мира. И послана была знатная особа к везирю, пред которою напереди ехал барабанщик»[2]. Вполне вероятно, что в военных советах участвовал и Кантемир, но по источникам это не прослеживается[3].

---

[1] *Górka O.* Dymitr Kantemir o wojsku i sztuce wojennej mołdawian // Studia i materiały do historii sztuki wojennej. T. 3. Warszawa, 1956. S. 279.

[2] ППВ. Т. 11/1. С. 572. Ж. Н. Моро вспомнил только о перемирии: «они все подошли к генералу барону Аларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут... положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей. Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своём посту». Моро Ж. Н. С. 454–455.

[3] В. И. Цвиркун пишет, что Кантемир также предлагал «оставить в лагере обоз под защитой трёх пехотных полков и шеститысячного сводного молдавско-казацкого корпуса, возглавляемого В. Танским, а остальными силами атаковать и сбить неприятеля». *Цвиркун В. И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни… С. 41.

Днём 10 июля на полчаса посыпал сильный дождь и была тревога, что отсыревший порох помешает стрелять, но противники вели огонь до двух часов дня[1]. К этому времени русская полевая артиллерия израсходовала 1014 ядер, 198 бомб, двести 6-фунтовых гранат, 282 картечи. Полковые орудия выпустили по противнику 1101 3-фунтовое ядро и 305 картечей[2]. *Это было почти втрое больше, чем битве под Полтавой,* где 65 русских трёх-, восьми- и двенадцатифунтовых пушек сделали 1405 выстрелов[3]. Положение армии на Пруте было лучше, чем под Нарвой в 1700 г., когда новобранцы Петра I были бессильны против кадровой армии Карла XII. 10 июля 1711 г. соперники оставались в равновесии. Дух русской армии не был сломлен, как и позже на Бородинском поле 27 августа 1812 г.

Историки часто попадают под гипноз источников. В 1724 г. в «Гистории Свейской войны», составленной ради прославления деяний Петра I, давался отличный от дневниковых записей перевод «Истории Алларта», где подчеркивались невозможность прорыва и трагизм окружённого войска, когда лошади якобы «отъедали» хвосты друг у друга: «ни по какому образу мы могли пробитца, понеже наши лошади все измучены, фуража в лагере не было, для того они себе гривы и хвосты отъели, и мало лошадей к службе годных было. Того ради резелюция воспринята трубача к великому везирю послать, и ему об мире объявить». Вся отечественная историография объясняла Прутский мир потерями от обстрела, невозможностью отступать из-за нехватки лошадей, изнурения пехоты, истощения провианта[4].

---

[1] «В 10 день во вторник, того бою было даже до 2-х часов по полудни, не преставая». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 54.

[2] Табель Гюнтера «что ныне в артиллерии обретается и что выпалено. 1711 год июля в 10 день. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 286–287. О том же см.: *Манойленко Ю. Е.* Русская артиллерия в Прутском походе (1711) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. М., 2008. № 77. С. 132.

[3] *Молтусов В. А.* Полтавская битва: уроки военной истории 1709–2009. М., 2009. С. 391.

[4] См. например: *Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1725. М., 2007. С. 452. *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 108. Также писал и Ж. Н. Моро: «Армия наша не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ела хлеба;

Теперь, возможно, жалели, что отказались скашивать хлеб с полей молдаван. *Никто из участников сражения 1711 г. не упоминал, что во время сражения армия умирала от голода и жажды.* Река была рядом, а для людей была баранина, хотя и нехватало хлеба. Тягловые лошади не превратились в одров, если, начиная с 12 июля, они вытянули из Молдавии всю артиллерию, оставшиеся боеприпасы и медные понтоны. У генералов к тому же, как писал Моро, для лошадей имелись мешки с овсом (возможно, и не только у них).

«Воинская генеральная дума», не имея возможности переубедить самодержца, решила послать от имени Шереметева переговорщика к Мехмеду-паше. «Воинской совет» положил, «чтоб по объявлению Костриотову предложить туркам о мире, а между тем обоз велено здвинуть и частию окопать»[1].

На валах выставили белый флаг как сигнал к переговорам (но не капитуляции).

Русская сторона прервала сражение при нерешённом результате. Бои 8–10 июля не определили победителя, но обошлись большой кровью «победоносному войску ислама». Зачисление турецкими историками Прутской баталии в разряд «великих турецких побед» — неоправданно. Шафиров вспоминал: «Я говорил… про окружение войск наших, что тогда было ещё то дело со обоих стран в равной мере, и оружие у обоих войск в руках, и в воле обоим странам было бится и мирится, а счастие в руках состояло».

К верховному везиру отправили парламентёра — унтер-офицера гвардии Дмитрия Шепелева с трубачом и посланием фельдмаршала: «Вашему сиятельству известно, что сия война не по желанию Его Царского Величества, как чаем и не по склонности салтанова величества , но по постронним ссорам… Имеете ль склонность, как мы о том имели известие, не допуская до той крайности, сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя, которой может быть ко обоих сторон ползе и на добрых кондициях. Буде же к тому склонности не учините, то мы готовы и к друго-

---

не паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями… кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет».

[1] *Соймонов Ф. И.* История Петра Великого… С. 224.

му, и Бог взыщет то кровопролитие на том, кто тому причина»[1]. Текст послания был достойным. Более того, слова *«как мы о том имели известие»,* намекали, что турки первыми запрашивали мир через английского и голландского послов и Кастриота.

Уверенности, что противник согласится на переговоры не было. Русский отпор 8–9–10 июля был так сокрушителен, а османские потери так велики, что нежданное предложение было сочтено военной хитростью. Турецкое командование на появление парламентёра ответило усилением обстрела, продолжавшимся, как писал С. Лагерберг, полтора часа. («Между тем же стрелба от часу более от неприятеля умножалась з батарей, однако ж не гораздо вредила».)

Сколько длилось тягостное ожидание — неясно. Перед опасностью силы могут возрасти и вождь, вдохновив солдат героизмом, поразит врага. Но подавленность царя не исчезла и он направил второе письмо от имени Шереметева.

Это послание уже имело вид просьбы, а в дипломатической практике просящая сторона признаёт свою слабость. *«Послали мы сего дня к вашему сиятелству офицера с предложением мирным, но ещё респонсу никакого по се время на то не восприяли. Того ради желаем от вас как наискорейше резолюции, желаете ли оного с нами возобновления мирного, которое мы с вами можем без далнего пролития человеческия крови на полезнейших кондициях учинить. Но буде не желаете, то требуем скорой резолюции, ибо мы с стороны нашей ко обоим* [действиям] *готовы и принуждены* [будем] *воспримать крайнюю* [меру]. *Однако сие предлагаем, щадя человеческого кровопролития. И будем на сие ожидать несколько часов ответу»*[2]. Второе послание составлялось в спешке и намекало на уступки при переговорах — *«учинить мир на полезнейших кондициях».* Вопреки просьбе о «скорой резолюции», русская сторона соглашалась ждать ответа «несколько часов»!

Балтаджи созвал большой совет, на котором, по свидетельству хрониста Мехмеда Рашида, зашла речь о трудном положении турецких войск[3]. Главными сторонниками примире-

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 571. Все переговоры от начала и до конца формально велись от лица Б. П. Шереметева.

[2] ППВ. Т. 11/1. С. 571.

[3] *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 290.

ния были кяхья Осман-ага, янычарский ага Юсуф-паша и всё высшее духовенство. Царь Пётр считался победителем, о его потрясении не знали. Было сочтено, что если русские согласятся вернуть утраченное в 1696 г., то можно дальше не сражаться. Возражали С. Понятовский и Девлет Герай, который предупреждал о лживости «гяуров» и предлагал пленить царя[1]. Для них (и Карла XII) главным было отбросить русскую силу от своих границ.

Писатель и памфлетист Даниель Дефо в 1723 г. издал враждебную русской истории книгу, в которой обзывал Петра I «нехристем» и «сибирским медведем»[2]. Но он же отметил, что Балтаджи, оценив мужество русских, понял, что бой может кончиться его поражением и решил выяснить, нельзя ли воспользоваться сложившимся положением. Напротив, мир пресечет бойню и дальнейшие военные издержки[3].

Янычары отказывались снова нарываться на смерть, даже приняв тысячу дукатов от Понятовского. «Кто просит аман, того не рубить саблей» — таково было турецкое присловье. После двухчасового молчания Шереметеву было послано согласие принять делегатов. «Везир дал знать, что он готов заключить перемирие дважды по 24 часа и принять мирные предложения, если к нему пришлют уполномоченных в его лагерь» — вспоминал Л. Н. Аллард. Около 3 часов дня 10 июля огонь османских батарей затих[4].

---

[1] И в августе 1711 г. хан возмущался уступчивостью турок: «Хан… пошёл вон с сердцем и сказал, что де он им и прежде говорил, что от нас обмануты будут». П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Петру I 19 августа 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 394. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 48–49. Голландский консул в Измире писал в Гаагу: «Везир без опыта, без храбрости и без понимания интересов своего господина и, может быть, будучи ужасно напуган первым огнём московитов (как его обвиняют), принял предложение царя вступить в переговоры на недостойных условиях». *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 131.

[2] *Урнов Д. М.* Дефо. М., 1978. С. 215.

[3] *Defoe D.* An impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy. London., 1723. P. 330.

[4] Не был пущен в ход приказ, надиктованный около 14 часов Мехмедом-пашой Юсуф-паше: «Мой брат, командующий янычарами! Вручаю тебя со всей пехотой воле Аллаха. Молитва моя и благоволение нашего премилосердного Пророка да пребудет с вами. Сразу по получении сего веления соберите все силы и пошлите на лагерь неверных. Такой же

Нет свидетельств, что турки согласились на перемирие, испугавшись русского наступления. Такое искажение допустил Пётр I в «Гистории Свейской войны»[1]. Не писал о выступлении Русской армии в открытое поле и Моро: «Не прошло и двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц, и сказал ему на арабском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтобы мы прекратили наш огонь (что и с их стороны будет учинено) и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире. Мы не дождались повелений генерал-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своём посту, и в минуту на той и на другой стороне водворилось спокойствие. Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено, и… Шафиров отправился в лагерь великого визиря… с поручением трактовать о мире»[2].

«*Полезнейшие* [для турок] *кондиции*» обговаривались царём и Шафировым около двух часов (с 15 или 16 часов). Тогда же подбирались верховному везиру и его окружению обычные в дипломатической практике подарки: «2 пищали добрых золоченых, 2 пары пистолет добрых, 40 соболей в 400 рублей» и несколько тысяч золотых дукатов[3].

10 июля «пред вечером», возможно, около 17–18 часов Шафиров с тремя переводчиками, канцеляристом и двумя курьерами[4] отбыл в турецкий лагерь с полномочной грамо-

---

приказ я дал остальным военачальникам». *Kurat A. N.* Prut seferi… S. 491; его же. Der Prutfeldzug… S. 46. Нет сомнения, что и этот штурм был бы отражен с большими потерями для турок.

[1] «Потом, когда и на ту посылку отповедь замешкалась, тогда велели полкам выступать. И когда сие учинилось, и наши несколько десятков сажень выступили, тогда от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо они мир приемлют, и для того б учинили унятие оружия, и чтоб прислали с кем об оном мире трактовать. И тако учинено армистициум». ГСВ. Вып. 1. С. 372. Словам царя ошибочно поверили авторы Истории Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987 С. 112 и Я. Е. Водарский. См.: *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 115.

[2] Моро Ж. Н. С. 456.

[3] *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода … С. 118–119.

[4] «А при нём посланы переводчики: Андрей Остерман; Николай Барка, которого приказано называть Чернышёвым, чтобы прозвища его

той и с инструкцией, предусматривавшей небывалые уступки османам.

Для спасения русской армии, Пётр делегировал не кого-нибудь из генералов, не опасливо-рассудочного «человека чести с недалёким умом» канцлера Г. И. Головкина, а подканцлера, сорокадвухлетнего низенького толстяка Петра Павловича Шафирова, знатока международных дел, опытного психолога, полиглота, говорившего на немецком как на родном, знавшем латынь, польский и итальянский языки. «Превысокий разум» православного еврея-эрудита признавался всеми, в том числе и царём, у которого он пользовался «кредитом и почтением»[1].

Отправлялся подканцлер с беспокойством. Инструкция Шафирову свидетельствует не о состоянии русской армии, а о потрясении царя. Чтобы вырваться из ловушки, государь был готов на немыслимое — отказаться не только от завоеваний на юге в 1695–1696 гг., но и от 10-летней борьбы за Балтику, сдать Карлу XII и С. Лещинскому Речь Посполитую, уступить всю Лифляндию, (*«и протчия помалу уступать»).* За Ингрию он был готов заплатить Псковщиной, *«буде же того мало, то отдать и иныя правинци»* России![2]

турки не признали, понеже родственники его тем же прозвищем живут в Цареграде, и от того б он мог пострадать от турков; да переводчик Иван Зуда, посольский канцелярии подъячей Иван Юрьев. А для пересылок по прошению посланы с ним генерального шквадрона ротмистр Артемей Волынской, да оберкомисара Петра Бестужева сын, которой служит при армее в валентирах — Михайло Бестужев». ППВ. Т. 11/1. С. 580.

[1] Мастерство Шафирова в «Обители Счастья» признали все дипломаты, работавшие в Стамбуле в 1711–1714 гг. Рискуя «быть порубленным», он упорно отстаивал интересы Российского царства и не жалел казны для вербовки агентуры.

[2] Составители «Писем и бумаг императора Петра Великого» в 1962 г. неверно датировали девятым июля черновую царскую инструкцию П. П. Шафирову от 10 июля. ППВ. Т. 11/1. С. 313. Под этой инструкцией были написаны другими лицами приписки, возможно позднейшего происхождения, с датами 9 и 11 июля. Там же. С. 568. Инструкция была составлена одновременно с полномочной грамотой от 10 июля на ведение переговоров: «Даём полную мочь государственному подканцлеру нашему барону Шафирову, отправленному из обозу нашего в обоз его салтанова величества к великому везирю Магметь-паше для трактования междо нами и его салтановым величеством миру. И что оный наш

«Для угождения туркам» царь предлагал заключить договор как бессрочный[1]. Русско-турецкое перемирие в Карловаце 14 января 1699 г. сроком на год было заключено за один месяц. 30-летнее перемирие в Константинополе 3 июля 1700 г. было оформлено после восьмимесячных (!) переговоров. Русско-турецкий «вечный» (!) мир был согласован всего за два дня — 10 и 11 июля. 12 июля он уже был подписан, скреплён печатями и разменён. Как упоминалось, западногерманский историк Хайнтц назвал 12 июля невообразимой загадкой: «Этот день оказался захватывающим дух моментом всеобщей истории европейского человечества».

Для разгадки напомним, что обе стороны изначально стремились скорее свернуть войну, обе недооценили свои силы и переоценили мощь противника. Мехмед-паша знал, что он не «корифей» военного дела, что дизентерия и другие болезни косили и косят турок[2]. Затяжка кампании могла ухудшить боеспособность его воинства. Мир был заключён всем турецким командованием и ему приходилось считаться не только с кровавыми потерями и недовольством янычар, но, может быть, с сюрпризом (контратакой) «дели Петро» («неистового Петра») и подходом русских подкреплений с севера. Оттуда действительно двигались под конвоем огромные обозы с провиантом.

Турки учитывали, что *к моменту перемирия русская армия не потерпела поражения.* Верховный везир видел её ожесточенный отпор. Гвардейская бригада — Преображенский, Семёновский, Ингерманландский и Астраханский полки, как и войско в целом, «великий кураж имели». Природная выносливость солдат с крестьянской закваской не была исчерпана. После тысячевёрстных маршей, земляных работ и перетаскивания на лямках трёхфунтовых пушек, весивших по 24 пуда 33 фунта без 20-пудового лафета[3], почерневшая от зноя и ко-

---

государственный подканлер учинит и постановит, то от нас содержано будет крепко и ненарушимо». ППВ. Т. 11/1. С. 316.

[1] В турецком тексте в отличие от русского, было неопределённо написано просто «мир». РГАДА. Ф. 89 Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 183 и об.

[2] От них, по сообщению Р. Саттона от 19 августа 1711 г., ещё в лагере на Дунае ежедневно умирало по 300–400 человек, и от дизентерии Османская армия погибла бы раньше, чем дошла до русских границ. *Sutton R.* The dispatches… P. 68, 69.

[3] *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. Исто-

поти пехота стеной стояла за рогатками, только сбрасывая кафтаны из-за нестерпимой жары.

Янычары отражались дружным огнём и «ни в едином месте проломить не могли» русский строй. Бесстрашно командовал опытный офицерский состав. «Российской генералитет великую храбрость и мужество показали» — восхищался Алларт[1]. «Русские вели себя удивительно доблестно» — подтверждал Ю. Юль. Царь Пётр мог быть доволен своим детищем: турецкая армия «разбилась о Русскую» точно также, как пруссаки в битве при Кунерсдорфе в 1759 г. и французы в битве при Бородино в 1812 г. Гибель 9 июля 7–8 тысяч воинов Аллаха сорвала их боевой дух. По донесению Саттона и по записям Моро за три дня боёв русские изувечили ещё столько же[2]. (Не считая умерших от болезней, которых возможно, было около пяти тысяч). *По числу истреблённых потери турок оказались в несколько раз больше, чем в армии Петра I с первого дня вступления в Молдавию*[3].

Боевые потери регулярной русской армии (без учета ушедших из жизни от болезней) составили убитыми 594 человека, умершими от ран 160, ранеными 1388 человек[4].

Один из турецких пашей, присланных охранять от налётов татар уходившую русскую армию, говорил: «Твёрдость [русских] их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников, что, судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершённому, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились,

---

рическое исследование. М., 2011. 2-е изд. Репр. Воспр. Москва, 1883. С. 60–61.

[1] РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 13. Л. 99 об.

[2] *Sutton R.* The dispatches... P.69. 25 июля 1711 г. Саттон писал, что турки потеряли 7 тысяч убитыми и 10 тысяч ранеными. Там же, P.59.

[3] Заслуживающий доверия Л. Н. Алларт оценил количество убитых и раненых в русском лагере в 3–4 тысячи человек; число погибших турок в 7–8 тысяч человек. РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 13. Л. 99.

[4] Число погибших от изнурения и болезней среди русских точно не известно. Попало в плен и пропало без вести 735 человек (Больше всего из дивизии, которой командовал Янус — 229 человек; меньше всего — из дивизии Алларта — 39; из четырёх полков гвардии — 69 человек). Сводку потерь по разным источникам дал *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 134–135, 208–209.

не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8000 убитых и 8000 раненых, и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почётных для султана и выгодных для его народа»[1].

Ни один источник не говорит о разложении русской армии. Для доказательства противного А. Н. Курат привёл два фальшивых довода. Состояние де русского лагеря было «ужасающим»: мёртвые, раненые и трупы лошадей лежали вповалку чуть ли не друг на друге; измученные солдаты и кони были голодны, некоторые военачальники плакали (?!). Укрываясь от обстрела, русские будто забились в землянки, откуда днём и ночью слышалось: «Прости нас Господи!» «Помилуй Господи Авраам, Исаак, Яков, грехи наши!»[2].

Конечно, положение было не лёгким. Солдаты и офицеры почернели от пороховой копоти, дыма, пыли, усталости и нехватки хлеба. (Кусок хлеба в 200 г в лагере поднялся в цене до 6 копеек[3].) Хотя огромный русский лагерь простреливался не весь, но женщинам казалось, что ядра накроют весь стан. Вероятно, в тылу среди женщин вспыхнула паника. «Офицерские жёны, которых было множество, выли и плакали без конца. И действительно казалось, что предстоит неизбежная гибель» — отмечал Ю. Юль. Но солдаты и офицерский состав, не боясь смерти, ни на минуту не покидали строя и упорно держали оборону, никакой деморализации не было. В землянках же укрывались женщины, возчики и нестроевые!

О стойкости духа рядовых может свидетельствовать пример молодого солдата Ивана Русского, взятого в плен (скорее всего до Прутского сражения), отказавшегося, несмотря на истязания, принять ислам, ведшего в плену жизнь подвижника, не озлобившегося на мучителей и ставшего

---

1 Моро Ж. Н. С. 464–465.

2 В подкрепление своего тезиса он привёл сообщение из Могилёва-Подольского (!) от 8 августа 1711 г. о том, что немецкие офицеры держались хорошо, но русские якобы считали, что всё пропало. *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 40–41, 46, 47.

3 *Огуй А.* Прутский поход Петра I и особенности денежного обращения Молдавии и Буковины // Русин. Кишинёв, 2011. № 1. С. 48.

святым Греческой и Русской православных церквей[1]. Нет сомнения, что таких пламенных приверженцев православия в армии Петра I было немало.

Если Шафиров ничего не знал о победном рейде Рённе к Браиле, то турецкое командование сильно тревожилось — русский корпус прорвался в глубокий тыл и находился в 50 милях от турецкого лагеря[2]. (12 июля он атаковал предместье Браилы, 13 июля штурмовал и 14 июля взял замок).

Турок беспокоили не только русские драгуны на границах Валахии, но и отпадение Молдавии, сербский взрыв в Черногории и Герцеговине, переход кабардинцев в русское подданство, молва о намерении царя подступиться к Стамбулу. Каждый день пребывания русских в османских владениях грозил волнениями среди христиан. Обе армии старались как можно быстрее разойтись. «Една сила другой не знала и обе в великом страхе пребывали» — писал Л. Барка Г. И. Головкину 19 ноября 1711 г.

В целом ни турки, ни русские не испытывали ненависти друг к другу. Вот почему, когда было объявлено прекращение огня, турецкий лагерь охватила радость. *Янычары бросились брататься!* «Не дожидаясь заключении договора, [они] без разрешения бросились к лагерю русских продавать провизию, приветно и мирно называя их “кардаш”, т. е. братьями»[3]. Саттон отметил: «во время обмена посланиями царя с визирем и переговоров о мире янычары приносили в лагерь русских хлеб, рис и другую провизию, в которой русские испытывали нужду и за которую хорошо платили»[4]. О том же вспоминал Алларт: «Турки стали очень дружелюбно относиться к нашим людям, разъезжали кругом нас верхом, приближались даже к самим рогаткам и разговаривали с нашими людьми, так что под конец пришлось поставить часовых в 50–60 шагах

---

1 Был продан аге сипаху, жившему в Каппадокии в месте Прокопион (ныне Ургюп), прославился чудесами в жизни и после смерти. См.: Канон и акафист святому праведному Иоанну Русскому. «Фонд Святого Праведного Иоанна Русского». М., 2010. С. 57–66.

2 *Tengberg E.* Från Poltava till Bender… S. 134.

3 La Motrey… Vol. 2. P.19.

4 *Sutton R.* The dispatches… P. 65–66. Радость в связи с концом сражения охватила турок, когда не было и слуха о русском золоте.

от фронта, чтоб неприятель так близко к нам не подъезжал. Часовых этих турки дарили табаком и печением, а те в отплату снабжали их водою, за которою туркам было далеко ходить».

Наплыв османов был так велик, что стал тревожить. И русские и турецкие военачальники расширили дистанцию между войсками. Юсуф-паша «погнал всю турецкую армию в её окопы». Караулы с той и другой стороны разъезжали вдоль «нейтральной полосы». Солдаты и драгуны, продолжая держать строй, тоже отошли от рогаток. Одному настырному сипаху, нарушившему приказ, османский наблюдатель отсёк руку[1].

После перемирия драгуны и солдаты вышли за рогатки косить для лошадей быстро поднявшуюся траву.

С. Понятовский предлагал дождаться Карла XII и, не жертвуя янычарами, гвоздить ядрами русских, после чего те примут любые условия и османы обогатятся их казной, оружием и обозом. Когда он попытался, бросая дукаты, снова поднять на бой янычар и артиллеристов, «эти люди либо не захотели больше подвергаться опасности, либо не посмели сделать что-либо без приказа. Они взяли деньги и, не двинувшись с места, лишь выразили сожаление графу Понятовскому»[2].

Вечером 10 июля посланцев от Шереметева с почётом усадили в шатре Балтаджи. Понятовский удивлялся: «естественно, им самим надлежало изложить цель их миссии, но великий везир опередил их своим очень любезным приветствием и тем, что приказал усадить их. Затем везир […] велел спросить полномочных министров, зачем они пришли в государство султана… Русские были изумлены такой мягкостью и таким приёмом, которого они не ожидали»[3].

Шведский король не озаботился дать полномочия своим представителям для участия в переговорах. Мехмед-паша первым открыл карты и изложил согласованные до приезда Шафирова условия[4].

---

[1] Моро Ж. Н. С. 457.

[2] *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 127.

[3] Там же. С. 118.

[4] Вопреки Н. Н. Молчанову, никакой заслуги Шафирова в том, что он дождался, когда турки первыми выложат свои условия, не было. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 287. «Суд истории должен отвергнуть утверждение о влиянии подкупа и решающей

Главным для турецкой стороны было восстановление положения, существовавшего до 1696 г.: возвращение Азова, ликвидация Таганрога, Каменного Затона и «Еникале» (так именовали турки Новобогородицкую крепость). Выставлялось требование разорить крепости, хотя можно было бы получить их и в том боеспособном виде, до которого подняли их русские.

Это значит, что *полоса «Дикого поля» от излучины Днепра до Азова считалась нейтральной* (на нейтральной полосе не должны строиться укрепления) и крымские ханы только условно могли считать её в своём владении.

Турецкий государственный интерес состоял в том, чтобы расползавшаяся по швам Речь Посполитая не была под контролем ни шведов, ни русских. Поэтому было выставлено требование удалить военную силу царя с границ Османской империи и из Восточной Европы — не вмешиваться в дела поляков, запорожцев и казаков «польской» Украины. Запрашивалась также выдача османских подданных — «изменников» Кантемира и Владиславича, контрибуция как компенсация за разорение в размере троекратной подати, поступавшей из Молдавии, ликвидация посольства в Стамбуле, сдача армейской артиллерии, боеприпасов и ружей. В этот самый «злой случай» турки ничего не потребовали в пользу шведов. Порта не имела союза со Швецией и не собиралась учитывать её интересы. Не было и домогательств по отторжению каких-либо земель в Малороссии[1].

роли Екатерины и её драгоценностей… в выработке условий Прутского мира… Условия мирного договора были выработаны коллективно на совете ещё до приезда Шафирова и до обещания подарка». *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 180.

[1] «Первыя с турецкой стороны под Прутом требования, кои не состоялись»: «Божею помощиею и силою Всевышняго по мирному акорду, дабы Азов со всеми принадлежащими крепостми, как преже, отдан был Таганрог, Каменной Затон и на устье Самары новая фортеция совсем бы разорены были. И впредь казаков, и запорожцев, и поляков не обеспокоивать. И все места, которые прежде надлежали Порте, уступить. Господаря волоского и Саву, яко подданных изменников, дабы отдать, чтобы впредь наша дружба ненарушима была. Трибут, что Волоская земля платит на один год, и дондеже та Волоская земля в прежнее состояние придёт, чтоб те денги также на три года даны были И окроме купцов, никакого б посла в Цареграде не было. И вся аммуниция и пушки нам отданы б были. И понеже король швецкой пришёл под покров Пресветлые Порты, и того ради чтобы с обоих сторон для дружбы Порты Оттоманской никакой недружбы не было. И впредь как нашим подданным… никакой убыток и противность не чинён. И ежели

Ликвидация русского флота на Азовском море вообще не вспоминалась[1].

Крупный набег крымских татар зимой и весной 1711 г. и угон нескольких тысяч полона позволили Девлет Гераю считать, что после 26 лет перерыва в договор должно быть внесено его требование о сношениях Москвы со Стамбулом исключительно через Крым и о «поминках» — дани безопасности. Ради расширения «барьерной зоны» хан хотел вернуть бежавших под турецкую протекцию запорожцев на старое место и восстановить их границы (« а с ляхами по Случь реку»)[2].

По сравнению с ультиматумом Порты перед войной (см. выше) и инструкцией царя от 10 июля, турецкие запросы были относительно легки. Труднее всего было бы отстаивать Прибалтику, но для Порты давать гарантии на возврат шведам Лифляндии и Эстляндии было бессмысленно: вмешательство в Северную войну противоречило турецким интересам.

Выслушав притязания, Шафиров ответил доверительно: «из приязни» к Порте царь вернёт Азов, разрушит новопостроенные крепости и не станет вмешиваться в дела поляков и запорожцев.

Балтаджи и его помощник кяхья Осман-ага не были профессиональными дипломатами. Простоватый садразам не скрыл радости — небывало короткой кампанией он восстановил турецкие границы в Приазовье! Цель войны достигнута!

Верховный везир восторженно отозвался о «добром сердце» посланцев, «не удержался от радостного восклицания

учинитца под вышереченными кондиции, визирь будет просить салтанова величества, дабы те неприятельские поступки забвению предать. И по вышереченной мере дабы были гарантирами англичане и галанцы. И тогда с обоих сторон дадутца два эксемпляры». РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1711. № 17. Л. 12 и об. Напечатано: *Водарский Я. Е.* По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР. № 6.1963. С. 210.

[1] Неизвестно, знал ли Шафиров секретную статью декабрьской инструкции 1704 г. Ф. А. Головина, по которой П. А. Толстому ради предотвращения войны с Портой предписывалось согласиться на удаление кораблей с Азовского моря или продажу их Турции и разрушения Каменного Затона (но не Таганрога). *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения… С. 261.

[2] Балтаджи после баталии наградил Ф. Орлика десятью кисетами денег, кунтушом, расшитым золотом и подшитым соболями и хлебом для казаков. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711. Д. 6. Л. 16–20.

и сказал, что будет вполне справедливо не требовать больше ничего». Шафиров мгновенно схватил, что о Прибалтике и Псковщине вряд ли зайдёт речь и можно твёрже отстаивать свои позиции. Он указал, что русская армия не разоряла Молдавию, а содержала себя на свои средства, взамен артиллерии отдадут пушки из Азова или Каменного Затона.

Попытка Шафирова отстоять русское влияние в Польше (царь не станет «интересоваться» Польшей, если и шведы не будут), с раздражением была пресечена садразамом, который ответил, что вам о себе надо обещать, и «не мешатца в польские дела». Прекословить Шафиров не мог[1].

В шатре секретаря, вероятно, с конца вечера 10 июля шло срочное переписывание документов, перевод с османского и греческого языков на русский, осмысление турецких условий и ответов на них[2].

Русским посланцам отвели намёт со всеми удобствами, где они ночевали. В ночь на 11 июля вооружённое перемирие продолжалось, но от Шафирова не было ни слова. «Всю ночь турки, хотя и положено было, что никакой работы было не делать, однакож они строили шанцы. От наших же ничего не делано, но токмо наши стояли во фрунте со всякою готовностию»[3].

Может быть, под утро 11 июля подканцлер послал тревожное сообщение, что турки выставляют новые запросы: свободный пропуск Карла XII к его армии, возобновление ежегодных «поминок» крымскому хану и оставление в заложниках Шафирова и фельдмаршала Шереметева[4].

---

1 П. П. Шафиров — Петру I 16 июля 1711 . ППВ. Т. 11/2. С. 355; Базарова Т. А. Русские дипломаты… С. 180–181.

2 «Турецкой трактат писан 21/10 июля… И так, везирь по приходе к нему под вечер Шафирова, нимало не медля, ещё в ту же ночь трактат написал… Требовалось перевести оной на какой-нибудь знакомой язык, перевести с оного и на российский… Первый перевод учинен греческий 11 июля… как точно изъяснено в оном». — Письма Петра Великого, писанные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников. М., 1774. С. XLVI.

3 Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 54.

4 «Требовал везирь — фелтмаршала графа Шереметева». *Соймонов Ф. И.* История Петра Великого… С. 223. «И господин Шафиров присылал прапорщика…, который объявил…, что *турки не зело в склонности к трактатам состоят и дабы имели великую опасность*». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 54.

Сигнал о *«великой опасности»* сильно встревожил. Все видели, что турки усиливают укрепления вокруг Русской армии. Перед рогатками выставили часть обозных телег и забросали их землёй.

11 июля военный совет в составе Петра I, Вейде, Алларта, Брюса, д'Остена, Шереметева, Януса, князя Голицына, Долгорукова и Головкина единогласно и окончательно *(«по последней мере»)* предложил ни в коем случае не капитулировать и прорываться к польским границам вдоль Прута. (До Ясс и Сорок было около 80 и 200 километров)[1].

Был принят план, который скорректировал и дважды подправил сам царь: дивизии пойдут двумя линиями, как было при наступлении в июне и первых числах июля. Неприятеля предполагали отбивать главным образом картечью из 87 полковых пушек и мушкетами. Боеприпасы, питьевая вода и скот имелись пока в достатке, хотя от питания исключительно мясом начались болезни. Особо было указано иметь «доволное число» патронов, картечи и «сечь железо на дробь». Каждая дивизия должна подать рапорты о наличии этих боеприпасов.

Количество багажных телег (при лучших лошадях) ограничивалось — для генералов до 5–10, для полковников по одной. (Царь срезал количество телег для генералов до 2–6). Все прочие должны ограничиться вьюками. Генералам было разрешено иметь по одной коляске. Остальные кареты и экипажи царь приказал бросить — жёны офицеров будут следовать верхом. Освободившихся лошадей следовало распределять среди солдат и бедных офицеров. Под орудия намечалось запрягать только «добрых артиллерийских лошадей», а «всех худых побить и мяса изсушить или изжарить».

Ненадёжные и тяжёлые орудия следовало подорвать и утопить. Утоплению подлежали бомбы и «тайные вещи» (непонятно, о чём шла речь). Запас провианта и конины на неделю

---

[1] «Ежели неприятель не пожелает на тех кондициях быть довольным, а будет желать, чтоб мы отдались на их дискрецию и ружья положили, то все согласно присоветовали, что иттить в отвод подле реки». ППВ. Т. 11/1. № 4568. Может быть, всплывала, но была отброшена мысль о походе через Карпаты в Трансильванию. [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten… S. 50; *Ефимов С. В.* Прутский поход 1711 года… // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 17.

приказывалось распределить по полкам поровну[1]. 500 000 рублей казны для сохранности распределялись по артиллерийским тележкам и по лошадям — в сумках и мешках. (Во второй правке после пунктов появилась запись, что деньги будут розданы генералам Вейду, Янусу, Репнину, Алларту, д'Энсбергу, Брюсу, Голицыну).

Сожгли много документов. Всей армии следовало быть готовой к выходу к 16 часам. Время выхода не было указано, но подразумевалось, что он начнётся поздним вечером, чтобы исключить преследование врагом ночью. (Обратный марш 12 июля начался в 18 часов)[2].

Прорыв и успешный отход был возможен. Верить Моро, что русских ожидала «смерть или рабство» — нельзя. Новая армия Петра I отличалась от окружённого воинства боярина В. Б. Шереметева, капитулировавшего перед польско-татарским войском под Чудново в 1660 г. Царь выковал вооружённые силы, бодростью духа которых он сам восхищался (см. выше). Через пять лет, за трапезой в Петербурге в феврале 1716 г., царь, радуясь успехам австрийской армии в войне против турок и предсказывая ей победу, говорил резиденту О. Плейеру, что всего два батальона Преображенского полка 9 июля 1711 г. сдерживали натиск более чем 6000 турок и могли бы совсем их отбросить, если бы не чудовищная жара и отсутствие воды, из-за чего почти все умирали от жажды. Более того, можно было бы победить и двухсоттысячное османское войско, хотя у русских было не более 40 000[3]. Это не было

---

[1] Видимо, за 10 дней предполагалось пройти 200 км до Днестра через Яссы по три мили (18–20 км)

[2] ППВ. Т. 11/1. № 4571 и 4572. Под приказом подписались Б. П. Шереметев, Г. И. Головкин и все генералы.

[3] РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. 1716. Д. 7. Л. 25. 28 сентября (9 октября) 1716 г. на праздновании в Зимнем Дворце Петербурга годовщины битвы при д. Лесной, когда речь зашла об успехах Евгения Савойского, А. Д. Меншиков поднял большой бокал токайского вина за австрийские победы над турками, поставил Плейера рядом с собой и сказал: «Я желаю, чтобы мой государь позволил мне поехать в Венгрию к моему брату, принцу Евгению и присоединиться к его кампаниям, — ведь он князь Римской империи, как и я, он фельдмаршал и я тоже» РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 14. В официальной «Гистории Свейской войны» Пётр повторил, что Преображенский полк, будучи в арьергарде, «в той ретираде до обозу был более 5-ти часов, однакож, крепкий отпор учиня, от главного войска

застольным бахвальством. Можно вспомнить, что 8–9 июля противник нанес только слабый ущерб отходящей армии, которая активно огрызалась всеми видами огнестрельного оружия. Турки на ходу стреляли хуже, чем русские.

С 10 июля пошли дожди, ожил подножный корм. Боеприпасы, скот и бочки с водой были под рукой[1]. Двухсоткилометровая ретирада бригадными каре до Днестра могла быть успешно пройдена.

Риск — одно из мерил полководца. Петра Великого можно зачислить в рубрику талантливых главнокомандующих «операционного уровня», таких, как А. Тюренн, Ян III Собеский, Р. Монтекукколи, Дж. Черчилль герцог Мальборо, Мориц Саксонский, П. А. Румянцев, Г. А. Потёмкин, А. У. Веллингтон[2].

Но в полководческом мастерстве Пётр I прежде всего отдавал приоритет расчёту и осмотрительности. Государь предпочёл вырваться из котла без боя. Истерзанный муками за судьбу армии, трона и государства, он ранним утром 11 июля написал Шафирову записку с немыслимым для державника отречением от результатов Северной войны 1700–1710 гг.

«Мой господин… ежели подлинно будут говорить о миру, то *стафь с ними на всё, чево похотят, кроме шкляфства*»[3]. Обращение самодержца «мой господин» к подканцлеру надо понимать как «мой спаситель». «Все, чево похотят» — как готовность принять довоенный ультиматум Порты, включавший возвращение Прибалтики шведам, утрату «рая» — Пе-

---

себя отторгнуть не допустил». ГСВ. Вып. 1. С. 370. Походные и путевые журналы императора Петра I за 1711 г. СПб., 1854. С. 61.

[1] Выносливость армии Петра I была не ниже, чем у 56-тысячной армии М. И. Кутузова, которая ушла от погони 200-тысячной армии Наполеона в октябре 1805 г.

[2] *Артамонов В. А.* Суворов и полководцы мировой истории // Суворов в Измаиле: 220 лет. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 20. В наполненной ошибками работе П. Е. Букейханов пишет, что «царь Пётр был далёк от европейской школы военного искусства… и следовал методам иррегулярного стрелецкого войска». *Букейханов П. Е.* Как Пётр Первый усмирил Европу и Украину, или Швед под Полтавой. М., 2015. С. 173.

[3] В нем. языке die Sklaverei — рабство, неволя. Здесь по смыслу — пленение армии. ППВ. Т. 11/1. С. 317. По словам П. П. Шафирова, «в здравии монарха благосостояние всего государства и интерес большей части христианства состоит».

тербурга, разрыв союза с Августом II и признание «антикороля» Лещинского. А если бы турки потребовали отторжения Малороссии, на которую они стали претендовать с 1712 г., Псковщины и Новгородчины — пришлось бы соглашаться и на это. Безусловно, капитуляция исключалась начисто[1].

Уход на правый берег Прута в конце июня, отказ от преследования разбитых янычар вечером 9 июля и от атаки под утро 10 июля, нервный срыв 10 июля и эта записка означали слом государя. Стряслось невиданное — самодержец царства Российского, «исполин» русской истории (А. С. Пушкин) был повержен ничтожеством.

Царь тогда ещё не знал, что Шафиров, видимо, в ночь с 10 на 11 июля, чтобы ускорить переговоры, выложил сильный козырь, обещав большие суммы денег верховному везиру и его окружению и устно обнадёжил, что хану будут посылаться подарки, если тот прекратит набеги на север[2].

Престиж Российского царства спасла ссора Балтаджи с Девлет Гераем. «Обещано то [поминки] и на Пруте на словах, хотя в трактат то Мегмет-паша за ссорою с ханом не внёс по своей злобе»[3].

---

[1] «Всё чини по сваему разсуждению, как тебя Бог наставит… И дай нам знать конечно сего дни, дабы свой дисператной путь могли, с помощию Божиею, начать. Буде же подлинно склонность явитца к миру, а сего дни не могут скончать договора, то б хотя то сего дня зделать, чтоб косить за их транжаментом». ППВ. Т. 11/ 1. С. 317. В западной историографии утвердилось мнение, что Русские «капитулировали» на р. Прут. Dictionary of World history. L., 1973. P. 1231.

[2] «Поминки» (погодные выплаты, «годовая казна») — давняя заноза в русско-крымских отношениях. За отказ от набегов на русские и малороссийские земли Москва верхушке Крымского ханства выплачивала около 15–18 тысяч руб. в год. Последний раз Российское царство выплачивало «поминки», как указывалось, в 1685 г., перед вступлением в Турецкую войну 1683–1699 г. *Артамонов В. А.* О русско-крымских отношениях… С. 76. Порта за участие в войнах тоже платила хану 40 тысяч золотых червонных в год. В мирное время выплаты из Стамбула в Крым не шли. Русский посол в Стамбуле… С. 25. После поражения турок в 1699 г. Порте пришлось признать формулировку о навечной отмене погодных дач ханам от царя и его наследников.

[3] Записка П. П. Шафирова, приложенная к письму от 23 июня 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 319. Прутский договор 1711 г., также как Карловицкий 1699 и Константинопольские (1700 и 1712 г.), был заключён с игнорированием крымских интересов. Мехмед-паша не настаивал на фиксации ханских требований. «Ежели, Государь, придёт до того, что нужда будет хана склонять, дабы не был противен, то принуждены ему

Помимо этого, была устная договоренность о том, что срок возврата Азова будет зависеть от высылки Карла XII[1]. Относительно «согласия» султана о том, что вопросы мира и войны с русскими будут решаться совместно со шведами, Балтаджи счёл, что оно невыгодно для Порты.

Утром 11 июля губернатор Трикалы (Фессалия) Мустафа-паша подвез к янычарским шанцам семь подвод *«личных вещей»* Шафирова. «Изволте, государь, деньги приказать совсем бы изготовить в посылку…» — сообщал Шафиров Петру 13 июля 1711 г.[2]

Перед полуднем партнёры согласились по всем вопросам. Мучительная записка Петра I сохранилась только для потомства. Около полудня Шафиров уже вернулся в лагерь.

Отпор русской армии был главной причиной щадящих условий мира[3]*, которому турки были «безмерно рады»*. И толь-

---

будем обещать некоторую дачю и просим на то указу, понеже при договоре о том нам говорили. И хотя я и отбился тогда, чтоб того не писать в договор, а на словах принуждён был обещать, что подарками его изволишь обсылать, ежели он будет мир содерживать, о чём тогда Вашему Величеству доносил, и тогда и на всё то позволять было приказано; ибо ежели ему будет кредит в Царьграде, то много от него пакостей чаять…». П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Петру 16 октября 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 580. О том же писал английский посол Ч. Витворт — С. Джону 1 сентября 1711 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 496. Сумма, по-видимому, не оговаривалась. В 1713 г. называлась цифра в 40 тысяч левков или 18 тысяч руб. (см. ниже).

[1] «А о высылке короля швецкого они нам в явном письме и писать не велели, говоря, что то так и правда в договоре не написано, но учинит то визирь и для нас и для себя». П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Ф. М. Апраксину 19 августа 1711 г. РГАДА. КАб.ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 38; *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 63.

[2] ППВ. Т. 11/2. С. 352–354. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времён. М., 1962. Кн. 8. С. 386. «Изволте те вещи ко мне отправить, ибо я уже имянно обещал и могу в неприсылке оных великое бедство принять». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 15–17 июля. ППВ. Т. 11/2 С. 18.

[3] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты… С. 165–166. В 1712 г. турки говорили, «что под солнцем таких добрых салдат нет, как Царского Величества и [если бы] прошлого году их не уморили нуждою, правиантом и фуражом… и их главные начальники присодили (так!) салдат к баталии, то бы турская армея наголову разорилась». Список с письма Л. Барки и архиепископа Галани Г. И. Головкину от 17 января 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 8. Л. 30. «Причиной позорного события должно признать скорее неудачные распоряжения, недостаток фуража и провианта, презрительное отношение к неприятелю до последней минуты, чем недоста-

ко побочной причиной были денежные посулы, после которых турецкая сторона не стала настаивать на контрибуции в размере трёхлетнего дохода с Молдавии, выдаче «изменников» Кантемира, Владиславича, «заложника» фельдмаршала Шереметева и сдаче артиллерии.

Балтаджи не мог не видеть, что «белыми нитками шиты» уверения Шафирова о бегстве 3 дня назад (из кольца окружения!) Кантемира и незнании, куда делся Владиславич, но ответил, что «из-за этих двух неверных Порта не желает ссориться с Москвой»[1]. Было выставлено и требование дать ответ в течение двух часов.

Вместо фельдмаршала Шафиров обещал прислать его сына — полковника Астраханского полка Михаила Борисовича и (по совету секретаря Мехмеда-паши) просил из лагеря под видом своих личных вещей тайно прислать огромные суммы, обещанные «переговорщикам»: верховному везиру 150 000 руб., кяхье Осман-аге 60 000 руб., командующему корпусом янычар Юсуф-паше и чавуш-баше (чиновнику, выполнявшему приказы командования) Ахмеду-аге по 10 000, брату кяхьи, конюшему и янычарскому секретарю Абдулбаки-эфенди, смотрителю за финансами — секретарю Омер-эфенди, писавшему трактат — по 1000 руб. Кроме этого он просил ефимки и червонные «на раздачи… тысяч пятьдесят» и «лучших соболей и чёрных лисиц» на 15 тысяч рублей. (На сумму в 300 тысяч рублей можно было закупить эскадру от 5 до 13 пятидесяти-пушечных кораблей (стоимость их составляла тогда 22/30/57 тыс. руб.)[2]. Согласно Шафирову, Балтаджи заявлял, что «зело склонен к Его Царскому Величеству и хотел… послать к нему, также к генералам и министрам в подарки добрых аргамаков, но поопасся шведского короля» и согласился доставить турецкое продовольствие в русский лагерь.

ток мужества у солдат или умелости у иностранных офицеров в боевом деле». Такова была характеристика некоего офицера, который всё время кампании следовал за русскими войсками. Сб. РИО. Т. 50. С. 493.

1 *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 61.

2 *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С.718. «От русских денег всяк бежит и не смеют их принять, и так оные дёшевы, что ходит левок их наших денег по 40 алтын», — сообщал Шафиров. *Базарова Т. А.* Русские дипломаты… С.169, 193. Деньги из русского лагеря вывозились на турецких подводах под конвоем десяти чавушей.

Около 13–14 часов 11 июля вернувшийся «миротворитель» свалил гору с плеч своего повелителя — царь «выказал немало радости и велел объявить по лагерю о мире». Ещё бы! Вся армия получала не только свободный выход, но и турецкое продовольствие! Напряжение спало, офицеры умылись, переменили бельё и платье. «Менее, нежели через три часа, все явились в золоте, всякий оделся как можно великолепнее» (Ж. Н. Моро).

Пётр Павлович после отчёта был тут же отправлен назад: «Царское Величество на те пункты соизволил и повелел ему, господину подканцлерцу, в турской обоз ехать и те пункты заключить немедленно». Среди прочего Пётр указал «домогаться, дабы не быть [казакам] на Днепре, а не то, что в такой близости» [между реками Самара и Орель][1].

«Перед вечером», видимо около 17 часов, заложником в турецкий лагерь отправили сына фельдмаршала Михаила Борисовича Шереметева, которому «для лутчего почтения пожалован… чин генерал-майорства» и с 11 июля ему на год вперёд выдали жалованье генерал-майора и полковника[2]. (В 1712 и 1713 гг. унизительная выдача в залог Шафирова и М. Б. Шереметева резко ухудшила позиции русского посольства. В 1713 г. на положении аманатов оказались уже четыре посла — П. А. Толстой, П. П. Шафиров, М. Б. Шереметев и Д. А. Бестужев-Рюмин).

11 июля взяли дополнительно у Б. П. Шереметева 700, из Посольской канцелярии 617 червонных и послали к Шафирову.

Подписание мирного договора проходило торжественно. За нейтральной полосой у турецкого «транжамента» послов встречали «янычарские офицеры и с почётом провожали до везирской ставки». Ближе к шатру «избраннейшего крайнего везира» в их честь был выстроен почётный караул — две

---

1 ППВ. Т. 13/2. С. 267. Этот, повидимому устный указ не был упомянут в ППВ. Т. 11/1 № 4564.

2 ППВ. Т. 11/1. С. 580–581. Выдача заложника только русской стороной была унизительна. Шафирову послали вексель на 2 тысяч червонных, священника с дароносицею, а Г. И. Головкин отослал ему свои 19 православных книг (Шестоднев, Псалтырь, Минеи, Триодь, Требник и др.). ППВ. Т. 11/2. С. 21.

шеренги из четырёх сотен верховых чавушей и сипахов с копьями, прапоры на которых были по одной шеренге лазоревые, по другой — красные[1].

В намёт послов провожали кяхья Осман-ага и чавуш-баша. Верховный везир сидел на подушках, послов усадили на стулья. После традиционных приветствий Шафиров объявил, что генерал-фельдмаршал, «не желая напрасного пролития крови», зная великодушие царя и надеясь на его милость, соизволил согласиться с условиями договора, хотя те и противоречат интересам его государя.

После этого везир указал «тотчас» писать турецкий текст и предложил Шафирову оформить русский подлинник. Потом было угощение шербетом и проводы в соседний шатёр — писать документы набело. В русский лагерь отправили хлеб, рис и даже кофе. (В турецком отчёте сообщалось, что «войска врага получили продовольствия на 11 дней» — так повлияло обещание русского золота)[2].

В то время стороны излагали договоры по-своему и допускались разночтения. Времени на перевод текста противника стороны не имели. Турецкая сторона в преамбуле естественно, раздула победу: «Царь Московский от великаго притеснения и смертоносныя баталии понеже обезсилел, благостию милостиваго и благаго Бога молил, чтобы помириться». Времени протестовать против формулировок (в том числе и непонятных «старооսманских») не было никакой возможности. В рус-

[1] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты... С. 163. Позже турецкая публицистика стала представлять, что русские послы «молили о спасении со слезами и кровью сердца». *Орешкова С. Ф.* Неизвестное турецкое сочинение… С. 136. Не имеет ничего общего с реальностью гравюра из РГАДА: «Русские послы преклоняют колени перед турками после неудачного Прутского похода», которую опубликовал украинский историк *Чухлиб Т.* Скитание гетмана Мазепы // Родина. 1709. № 7. С. 24.

[2] Если верить Ла Мотрею, великий везир прислал на повозках 160 тонн хлеба, 80 тонн риса, 1200 килограммов кофе. По Саттону, русским доставили 1200 повозок с хлебом и рисом и 600 кг кофе. Я. Кольер писал что везир «подарил провизию для царя лично: 1200 мер хлеба и риса, 500 ок. кофе, а также две прекрасные палатки Шафирову и [младшему] Шереметеву, которые остались заложниками с большою свитою при них, и пользуются очень хорошом обращением». Сб. РИО. Т. 50. С. 496; *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 136; С. Понятовский писал, что Шафиров уговорил турок снабдить Петра I «всем, чего ему не доставало для пропитания». С. Понятовский — С. Лещинскому в 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 583–584.

ском тексте подчёркивалось стремление к миру: «Его Царское Величество ради некоторых причин не хотя допустить до кровопролития, требовал паки с его Салтановым Величеством сочинить вечной мир, на которой его сиятельство крайней везирь соизволил». Турецкий вариант предписывал «не обеспокоивать казаков и запорожцев, в их [дела] не вступаться и от них руку отнять». (Такая тёмная формулировка позже произвольно трактовалась как уступка Россией Украины). В русской записи из-под протекции России изымались только казаки Правобережной Украины и те из них, кто скрылся во владениях Крымского ханства[1].

Вечером Шафиров оповестил, что русский вариант составляется на русском и итальянском языке и будет подписан им и М. Б. Шереметевым[2]. Адъютанты П. Ягужинский и А. Девиер передали устный приказ царя «оной договор скорее скончать и розменятца, ибо Царское Величество войскам повелел уже к походу готовитца, которые уже к маршу и готовы».

После подписания договора турки сочли бои 8–10 июля безусловной победой, русские — создали вид непобеждённости.

3.2. «НЕОЖИДАЕМОЕ И НЕСЛЫШАННОЕ ОТ НЕПРИЯТЕЛЯ ОТСТУПЛЕНИЕ»

С тяжёлым сердцем противники начинали войну, но почти дружески расходились. Перед полуднем «во 12 день поутру по написании с обоих сторон мирных трактатов и по прочитании оных, согласно ли оные написаны», стороны «разменялись трактатами» и поздравили друг друга. [Турки] *«зело довольны миром, как и мы»* — такую знаковую описку допустил Пётр I, имея в виду прекращение военных действий. Слова *«как и мы»* он потом вычеркнул, написав: *«что мы и сами видели»*.

Балтаджи с удовлетворением разъяснял Шафирову, что за четыре века Османской империи не было случая, чтобы мир заключался при таком полном согласии всего духовно-

---

1 ППВ. Т. 11/1. С. 323.

2 «Перевод договора на греческий язык был сделан 11 июля, а на русском сочинён 12 июля». [*Левшин В. А.*] Жизнь… Бориса Петровича Шереметева… С. 123.

го и мирского руководства. Русского фельдмаршала одарили породистыми аргамаками «со всем убором»[1]. Таких же «добрых аргамаков» садразам собрался презентовать царю, генералам и министрам, но «поопасся наносов» шведского короля. Коннице хана было приказано не мешать выходу армии царя.

Пётр I после полудня немедля отослал подканцлеру свою ратификацию и в прощальном письме пожелал «долголетнего здравия» Мехмед-паше.

Ф. М. Апраксину указали отдать «городы Азов и протчие с их землями», Д. М. Голицыну разорить Каменный Затон и Новобогородцкую крепость, И. И. Скоропадскому отступить от крымских границ, К. Э. Рённе — соединиться с главным корпусом, не чиня «неприятельских поступков», а Сенату — приготовить на 15 тысяч рублей чернобурых лисиц, соболей и чая в жестянках.

Русско-турецкий мир заключался обеими сторонами в авральном порядке. Молниеносно, не выходя за свои границы, вырвав Азов и Таганрог, Балтаджи и его свита ждали только быстрейшего ухода русской армии за Днестр. Естественно, «несчастливый» с русской стороны договор был составлен на живую нитку и «из неволи написано в нём всё, что сами турки тогда требовали». «Сей мир с такими… околичностями учинён, что не знаю, кто б в свете без бедства из оного выкрутиться мог» — мудрствовал Шафиров 28 октября 1711 г.

В турецком варианте было написано «глухо — мир, а какой — вечной или не вечной не упомянуто». Балтаджи и его советники забыли оговорить сроки сдачи и разорения городов и крепостей; не согласовали обратный маршрут русских и запамятовали об Азовском флоте России. Два следующих договора 5 апреля 1712 и 13 июня 1713 г. утверждались уже детально всем правительством Порты и духовенством.

Казалось, турки подстраховались — забрали двух знатных заложников и настояли выслать пять царских указов о возврате русских завоеваний 1695–1696 гг. и прекращении войны от Балкан до Северного Кавказа.

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 329. *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 185.

12 июля полковник Азовского полка В. К. Павлов, которого «обозначили» генерал-майором, показал Мехмеду-паше царские указы Ф. М. Апраксину, Д. М. Голицыну, И. И. Бутурлину, И. И. Скоропадскому и К. Э. Рённе о немедленном выполнении всех условий «вечного мира». 13 июля Павлов с агой Мирза Мютеферрика-баши отправился в Азов[1].

Молдавская кампания была проиграна. Но, *несмотря на ущербный Прутский мир, русская армия покидала поле боя непобеждённой*. Люди за несколько часов до выхода подкрепилась турецким рисом, хлебом, лошади — скошенной травой и фуражным кормом и 12 июля около 18 часов несломленная армия поднялась. Турки с почётом провожали достойного противника — вытянулись вдоль пути в длинную линию и смотрели на уходящего соперника.

Покидать место сражения, Пётр I приказал, как и положено не потерпевшим неудачи, парадно-боевым порядком. Согласно ритуалу, демонстрируя несломленный дух, войска уходили торжественно, готовые к отпору с пулями в стволах ружей. («Mit Kugeln im Mund»). Каждое полковое каре развернуло знамёна, держало строй, выправку и громко гремело военной музыкой. Барабаны, трубы и гобои поднимали дух. 26 пехотных полков, держа равнение, шли с заряженными мушкетами. Обоз, артиллерия, телеги с ранеными и больными прикрывались колоннами солдат. Почти все шли пешим ходом. Крайние ряды служивых щетинились спицами рогаток, все были готовы к отражению татар. Самой ответственной частью колонны — арьергардом, составленным из четырёх полков гвардейской бригады, командовали генерал-майор князь М. М. Голицын и генерал А. А. Вейде. В более безопасный авангард поставили генерала д'Энсберга, генерал-майора Г. Э. Альбедюля (Альфендейля) и бригадира Ж. Н. Моро: «*Армия, составляя батальон-каре, гордо прошла мимо турков, выстроенных в одну линию в долине по левую нашу руку. Мы шли*

---

[1] ППВ. Т. 11/1. № 4581–4585. Как хорошую мину при плохой игре следует понимать слова царя о мире, о «несравнительной прибыли к великой пользе нашим союзникам». «Уступили всё завоёванное, дабы от той стороны быть вечно беспечным». «Лутче из двух зол легчайшее выбрать… и того ради (как не своею рукою пишу) нужда турок удовольствовать против договору». ППВ. Т. 11/2. С. 12, 137.

до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево»[1]. Около четырёх часов до темноты, войска шли вдоль Прута на север «отошед пол 4 мили» (около 21 км)[2].

Насколько Мехмед-паша был доволен исходом кампании, настолько был взбешён Карл XII. Казалось, будто высшие силы удержали короля под Бендерами. По записке Понятовского от 10 июля, доставленной лейтенантом Л. Йертой вечером 11 числа, король вскочил в седло, промчался около 90 км и появился в месте сражения — но поздно, за пару часов до выхода армии Петра I, около 16 часов 12 июля. Его встретил крымский хан и «от имени визиря приветствовали двое пашей. Затем и визирь, несколько удивлённый его прибытием, сел верхом и выехал ему навстречу со всей свитой»[3].

Выстроив свиту в линию «приветствия», Балтаджи встретил Карла XII в пяти сотнях метров от лагеря. Король, так и не избавившийся от презрения к русским (и турецким) «варварам», рассевшись на софе в шатре везира «*с великим сердцем и угрозами*», «*с великою досадою и грубостию*» требовал дать ему часть войск и пушек, чтобы пленить Русскую армию, разорвать прежнее соглашение и заставить царя заключить договор, дабы «*с ним обще помирился и все от него взятые городы отдал*»[4]. Своим норовом король оскорбил верховного везира. Союза между Швецией и Портой не существовало и садразам, ссылаясь на запрет ислама воевать или заключать мир в интересах христиан, отказал Карлу XII. Впрочем, натиск короля подействовал и 12 июля садразам не слишком настойчиво, но все-таки четырежды (!) предлагал Шафирову запросить от царя полномочную грамоту для мирных переговоров

---

1 Моро Ж. Н. С. 460. Р. Саттон, не будучи очевидцем, передавал слух, что «русские ежедневно теряли человек по триста, по четыреста от болезней, остальные же были до того истощены, что при отступлении не могли идти более двух часов в сутки». Сб. РИО. Т. 50. С. 496; *Sutton R.* The dispatches… P. 66, 69.

2 Фельдмаршал граф… С. 57. Такое расстояние проходили и позже.

3 Так пересказывал письмо голландского посла Я. Кольера от 3 августа 1711 г. Ч. Витворт. Сб. РИО. Т. 50. С. 497. Ю. Д. Хюльтман ошибочно писал, что король примчался около 9 ч. утра. Hultman J. D. O panowaniu Karola XII króla Swecji. Kraków, 2015. S. 60.

4 Слова Балтаджи, сказанные П. П. Шафирову 20 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 352, 361.

со шведским монархом[1], который «с десять лет от своего государства своим безумием отлучён».

Перед отходом пришлось из-за недостатка лошадей бросить много боеприпасов, багажа и экипажей, закопать часть пороха, бомб, гранат, ядер и предварительно сломанного оружия. Погибших забрасывать землёй времени не было. 12 июля воздух стал уже зловонным — смердели трупы, павшие лошади и дизентерийные испражнения. Со злорадством шведы потом раздували «ужасную картину» покинутого лагеря — будто бы «там и сям валялись до 5000 издохших коней и 3000 непогребённых трупов, до 2000 телег, около 6000 ружей… большое количество бомб, гранат ядер и 10 фальконетов утоплены в реке, что должно быть потом извлечено»[2]. (Османский лагерь, который покинули турки, «чтобы избежать отравляющих миазмов», был не чище)[3].

Парадный шаг держали недолго. Когда турецкий стан скрылся из вида, силы упали и умерших от ран оставляли на обочинах.

12 июля с подъячим И. Небогатовым отправили туркам 4923 червонных, потом вплоть до 15 июля отсылали повозки с мелкими деньгами. 30 июля ради склонения к сотрудничеству, Шафиров выдал другому переводчику Ионнаки (Янако) Маврокордато 2500 руб. мелкими деньгами.

Хан, считая, что имелся шанс вынудить врага к сдаче голодом, не признал мира и продлил малую войну в Поднепровье и Приазовье ещё на несколько лет. Балтаджи заявил русским, что если татары будут отбивать людей или лошадей, то он разрешает «самовольных унимать и казнить смертью».

---

1 П. П. Шафиров — Петру I 12 июля из турецкого лагеря. ППВ. Т. 11/2. С. 351, 362. «А сего часу король шведской и воевода киевской и хан у везиря на разговорах немалое время были, толко я мню, что ничего не зделают» — невозмутимо отметил подканцлер. *Базарова Т. А.* Русские дипломаты… С. 169. Пётр I резонно отвечал, что «от благополучного миру не отрицаетца и всегда оной учинить готов» — если король определит место, где соберётся он вместе датским и польским союзниками». ППВ. Т. 11/2.

2 *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug…S. 60. Брошенных обессилевших коней татары забили на мясо. La Motrey… Vol. 2. P.23.

3 14 июля Карл XII покинул место битвы. Так писал очевидец, австрийский секретарь Флейшман, находившийся в армии Мехмеда Балтаджи. Сб. РИО. Т. 50. С. 494.

13 июля врезавшихся наездников пришлось отгонять пушками[1]. Для защиты от нападений Балтаджи указал сипахам сопровождать русских вплоть до днестровской границы. Турецкий 12-тысячный «почётный» эскорт пашей Сиваса и Диярбакыра провожал вплоть до переправы через Прут. Далее до Днестра эскортировал только один паша с полутора — двумя тысячами сипахов[2], но татарские налёты случались ежедневно.

Через 3 или 4 дня после подписания мира ротмистр А. П. Волынский с обозом из 50 лошадей в «пяти ящиках, в семи фурманах, в шести палубех» привёз около сотни увесистых бочёнков с 250-ю тысячами «мелкой российской монеты» и 11 сороков соболей на сумму 5050 руб. «За скорым отпуском и за походом того ж часу армеи Царского Величества в путь свой, также и за опасением от татар», принимать казну ротмистру пришлось в спешке, только по ярлыкам на бочках, не разбивая их и не проверяя лежащих там мешков[3].

«Денги привезёныя отданы будут из них везирю и протчим…» — сообщал Шафиров[4]. Шатёр подканцлера стоял вблизи ставки везира почти в центре турецкого табора. Первым делом отобрали бочёнки на сумму 150 тысяч руб., содрали с них ярлыки и стали перегружать на присланные от садразама «казённые возы кому сколько положено». Перегрузка на турецкие повозки стала фатальной оплошностью — повсюду разнеслась весть о русском золоте.

«Чтоб никто не признал подкуп», турки деньги не приняли (кроме секретаря, переводчика и других нижних чинов)

---

1 ППВ. Т. 11/2. С. 353. 13 июля Кантемир в сопровождении сотни драгун отделился от армии и свободно доехал до Ясс. После этого он навсегда оставил свою родину вместе с женой Кассандрой, дочерьми Марией, Смарагдой и сыновьями Матвеем, Константином, Сергеем (Щербаном) и Антиохом, будущим российским поэтом.

2 [*Bruce P. H.*] Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten… S. 53, 55. Неверно, что по сговору с конвойным начальством хан пустил свои отряды преследовать отступавших, которые потеряли будто бы 7–8 тысяч убитыми или пленными. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P.508.

3 *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 95. Позже оказалась недостача в 3417 руб. П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 23 июня 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 354.

4 П. П. Шафиров — Петру 16 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 356.

и их было велено везти до Исакчи[1]. Для пресечения злостных слухов к Шафирову приставили стражу. Заметным был позыв Балтаджи поссорить шведского короля с ханом (С. Лагерберг).

Обратный путь русской армии на Яссы не был изнурительным — жара спа̀ла, шли ежедневные дожди. После ливней земля покрылась топями, Прут и Днестр сильно вздулись[2]. Солдаты передних дивизий теперь уже косили и молотили хлеб и забирали «харчевников» с их лошадьми и «хозяйством»[3].

13–16 июля марш продолжался. Жалоб на тягловых лошадей и волов не было — они дотянули до Киева всю многотонную артиллерию с боеприпасами в количестве 122-х полевых и полковых пушек.

17 июля стояли на месте. Когда дошли до Ясс, там ждали 1077 подвод с продовольствием, которое со «всяким поспешением» не гарнцами, как обычно, а мешками раскидывали в дивизии. (До столицы Молдавии этот большой обоз дошёл беспрепятственно). С рожью служивые предпочитали не возиться и Шереметев приказал, чтобы «оную б солдаты парили с мясом, а отнюдь бы не бросали». Вейде беспокоился, что из-за безводицы на пути от Прута до Днестра «солдаты отставаться станут и прежняго больше»[4].

После ухода Русской армии Шафиров увидел бывших недругов *«паче чаяния…, совершенно ласковых и склонных»*[5]. Результат сверхкороткой кампании выглядел в глазах турок блестящим. По всем позициям достигнуто status quo ante —

[1] «Хотя оные деньги им уже разочтены и на телеги от них присланные, кому сколко обещано, для отдачи розкладены были» РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1711. Д. 7. Л. 4. 28 июля П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев обещали: «всему чистой росход подадим». ППВ. Т. 11/2. С. 365. В августе 1711 г. в Москве ходили слухи, что всего верховному везиру было предложено 300 тысяч рублей. Сб. РИО. Т. 50. С. 489.

[2] Под Бендерами был затоплен лагерь Карла XII и ему пришлось перебираться на новое место.

[3] Гвардии подполковник кн. В. В. Долгоруков — Петру I 3 августа 1711 г. из Гусятина. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 176. Больные солдаты продолжали умирать. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 66–67.

[4] Приказ при пароле июля 16 дня 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 274. А. А. Вейде — Б. П. Шереметеву 23 июля 1711 г. Там же. С. 341.

[5] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 13 июля. ППВ. Т. 11/2. С. 352.

у Азова до 1696, по казакам Правобережья Днепра — до 1704, по Польше — до внедрения туда русских войск после Полтавской победы в 1709 г. Почти задушевные отношения сложилась у вице-канцлера и М. Б. Шереметева с турецким командованием. Кяхья Осман-ага и секретарь — «умные и покладные, а особливо секретарь к нам…склонен, а [к] шведу противен» — сообщал Шафиров. «Ради охранения и караулу и прочего» русским послам приставили два полка янычар.

23 июля кяхья Осман-ага «в торжественном шествии» въехал в Царьград и доставил весть победы. Тут же, 24 июля к Балтаджи была отправлена ратификация султана[6]. (А через день, 25 июля в Стамбул прибыл мурза от хана с обвинениями против Балтаджи и кяхьи Осман-аги).

Скоротечная кампания 1711 г. казалась превосходной, но сражение на Пруте прервалось при ничейном результате, поэтому османской пропаганде пришлось расцветить доблесть своих войск: турки и татары де истребили весь провиант и фураж в округе, четыре дня (!) штурмовали тройной ряд (!) русских траншей, взяли два ряда, после чего царь «выкинул белый флаг и начал мирные переговоры на условиях возврата Азова, ликвидации других крепостей на турецкой границе и ежегодных подарков туркам и татарам»[7].

Стамбул ликовал. Торжествовали шесть дней кряду и ежедневно столичная артиллерия по три раза палила из всех пушек. Салюты гремели также в Белграде и прочих главных городах Османской империи. Большинство османских военачальников и вся верхушка Порты были довольны садразамом. Ахмед III 3 августа 1711 г. принял титул «Гази» («Победоносный воитель») и приказал освободить невольников, захваченных татарами. 15 августа верховному везиру, Девлет Гераю и прочим высоким чинам — прислали шубы, сабли, алмазные перья и жалованье. Османский поэт Равзи в балладе «Кызыл элма» («Червоное яблоко») воспел мощь войска падишаха, ко-

---

[6] Саттон писал, что уход с Прута — самое необыкновенное событие, которое когда-либо случалось. 25 июля он писал о турках: «Трудно сказать, что сильнее: их прошлый страх или теперешняя радость». *Sutton R.* The dispatches… P. 57.

[7] Так сообщал Осман-ага из Темешвара в Вену 6 августа 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. С. 473.

торое после разгрома Петра I, его трона и короны, отправится на завоевание Рима![1]

Поляков турецкие дипломаты благодарили «за нейтралитет» и положение русских на Пруте расписывали как безвыходное — османское войско так «сдавило» неприятеля, что тот запросил о «милосердии», согласился очистить от своих солдат всю Речь Посполитую и не вмешиваться в дела запорожцев и правобережных казаков[2].

Неистовость довела Карла XII до фантазёрства. 19 (20) июля он оповестил султана, что Пётр I со всей армией был целиком в руках верховного везира. Король прислал схему боя на Пруте и выражал надежду, что султан покарает садразама и не утвердит Прутский мир. Сила России ослабла по сравнению с началом войны, писал король, и она «охотно» пойдёт на новый договор. Если же оправится, то не будет выполнять принятые обязательства. «Нам известно, что враг уже раскаивается в подписанном договоре» — утверждал Карл XII[3].

Ничего не ответив, Ахмед III переправил цыдулу короля Мехмед-паше, которому поручил после размены трактатов как можно быстрее выпроводить шведского гостя из османских пределов. Шафирову Мехмед-паша письмо Карла изложил так: верховный везир де «имел одно сердце» с царём и мог бы настоять на уступке половины его царства, но если отсечь отступление царю, а хану снова напасть на русские земли, то султан через 30–40 дней получит от Карла XII Киев и ещё часть русских городов[4].

---

1 *Abrachamowicz Z.* Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1983. N 1. S. 31.

2 Встречи турецких посланцев с поляками в Язловце 7 сентября 1711 г. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 18. Л. 178. Польское окружение Карла XII домысливало, что по условиям Прутского мира Россия вернёт Польше Киев Чернигов, Смоленск и занятые русскими польские крепости, не будет никогда вводить войска в Речь Посполитую. [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok…S. 116.

3 Lettre du Roi de Suéde au Grand Seigneur donne à Bender le 20. Juillet 1711. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 4. P.249. ППВ. Т. 11/2. С. 453. См. также *Carlson E.* Die eigenhändigen Briefe König Karls XII. Berlin, 1894. S. 367.

4 Письмо Мехмед-паши в августе 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 2. Л. 1–4. Позже, 19 августа Балтаджи писал Петру I: «Дружбу буду содерживать как надлежит, чтоб ваших неприятелей сердца от зависти згорели… Всякое дело на сём свете делаетца правдою… и прежде сего в Волоской земле при Пруте в боях, которые случались междо нами, —

Шведский воитель и Девлет Герай начали непримиримую «войну» против Балтаджи, который «упустил из рук величайшее дело, которое бы в бесконечные веки было славно по всему свету». Письмо за письмом слал хан в Стамбул, обвиняя садразама в предательстве, Дезальер внушал султану, что от царя «ничего не будет здержано». Мехмед-паша «с глазу на глаз» говорил Шафирову, что он Карла XII «признавает за самого дурака и сумозбродного, яко скота». Порта де, потратив на него пять тысяч «мешков левков»[1], хочет его как можно скорее «зжить с шеи». Кяхья Осман-ага сообщал Л. Барке 19 июля, что «они желают, дабы он, король, пропал и чтоб тайно мы писали, чтоб [польский король] Август ево трудился поймать, лишь бы их [турецким] войскам не зделал ничего».

В середине июля Балтаджи объявил Карлу XII, что тот должен выехать не позднее трёх дней после получения извещения, иначе будет выдворен силой. Корреспонденцию короля с внешним миром пресекли, охрану янычар сняли, и срезали расходы на его двор. У Варницы собралось до тысячи сипахов для высылки провокатора. Карл XII против них выставил пять сотен своих солдат[2].

21 июля верховный везир проклинал безумца: «дабы ево чорт взял, ибо ныне вижу де, что он только имянем король, а ума ничего не имеет, и как самой скот»[3].

я не хочу тем хвалиться, — не учинил ли я вам превеликой дружбы, которую я вам в то время показал? И ежели… до уречённого времени Азов очищен и не отдан [будет]… и иные городы не разорены, [то] окроме того, что не покажете милости вашим аманатом, но и меня пред моим державнейшим государём и императором и всеми мусульманскими народами лживыми явите… Сие наше любезное писание посылаетца с вашим дворянином Волынским и немедленно с ним или доброй или злой ответ учините». Там же. Д. 7а. Л. 126–131.

[1] Неточный тогдашний перевод турецкой денежной единицы «кесе» (кожаный кисет, кошель), равной 500 левкам или курушам. 1 левок приравнивался тогда к 45 копейкам. «Кесе» было эквивалентно 500 курушам, 500 пиастрам или 500 талерам. [*Тальман И. Г.*] Турция накануне… С. 86. На шведского короля в таком случае было истрачено 1 млн 125 тысяч руб. В 1711 г. в Стамбуле предпочитали не иметь дела с копейками, за 120 копеек давали 1 левок.

[2] Показания четырёх лифляндских капитанов, вышедших из-под Бендер на русскую службу. Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 24 сентября 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 446–447.

[3] Там же. С. 363.

Армия Петра I ушла с поля боя парадным строем, но в Турции и Европе кампания 1711 г. воспринималась как унижение России. Позже в Стамбуле кусали локти, вспоминая случай на Пруте. Многие из тех, кто заключал договор 12 июля, поплатились головой. «Салтан взыскивал с великим гневом на везире и на протчих, что опустили ползу свою тогда». Очередной янычарский ага, видавший «много случаев военных», даже плакал: «когда войски российские… были уже в их руках, однакож оным от турков показано милосердие и отпущены с пушки, правиантом и дан им комвой… будучи в Солонике в ссылке он плакал о том, что при турских войсках на Пруте не был, ибо янычан де было тогда [якобы] з 90 000, а головы у них не было»[1].

За запорожцев, «яко пришедших в их [турецкую] протекцию», Мехмед-паша не вступился и отсылал их в Крымское ханство, «ныне де нет времени о них определения иного чинить».

Захват Браилы. Путь в Валахию турки не перекрыли и конный рейд к Дунаю был быстрым и результативным. Корволант через «безводные места и потравленную саранчей траву» прорвался к Браиле, когда на Пруте велись переговоры о мире. Миновав селения Хушь и Бырлад, корволант закупил 8 июля в Фокшанах 104 меры пшеницы, ржи, ячменя, хлеба и вина на 58 рублей и угнал турецкий скот. Из Фокшан виртуоз-кавалерист Рённе разослал манифесты с призывом присоединяться к русским и помочь провиантом.

За валашским господарём, укрывшемся в Тырговиште (в 75 км к северо-западу от Бухареста) наблюдала часть турецких отрядов. Брынковяну взвешивал про себя соотношение сил противников. 2 июля он оповестил Рённе о перемещениях турок, о решении примкнуть, когда русские соединятся с валашским войском и просил сообщить, сколько нужно провианта. 7 июля, зная о трудностях русской армии, он писал Кастриоту, что «дела якобы послабели и нам яко не оборонительны и сумнительны»[2]. Из-за выжидательной позиции «коварного» господаря население Валахии, хотя и сочувствовало русским, не поднялось. К Рённе прибилось всего 193 человека верховых сербов и валахов[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 188.

[2] *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 288, 289.

[3] *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого... С. 35, 94–95.

10 июля корпус достиг монастыря Максинень (при впадении р. Бузео в Серет). Там захватили семерых турок и там же Рённе сообщили, что трёхтысячный гарнизон Браилы лихорадочно укрепляет предместье («начал около замка транжамент чинить»).

Превосходство было на стороне русских — под рукой Рённе вместе с нерегулярными было 12 тысяч воинов. Оставив обоз («тягости») в монастыре и двигаясь всю ночь 11 июля, Рённе около 11 часов дня 12 июля окружил крепость, выстроил войско в «ордер де-баталии» и на пробу выслал вперёд молдавские нерегулярные части («партиями нерегулярно билися»). Турки в ретраншементе подготовились к отпору.

Рённе лично провел рекогносцировку вокруг замка и решил атаковать гарнизон, отрезав его от Дуная. К штурму он определил только 5000 драгун.

13 июля Рённе предложил Брынковяну прибыть в русский лагерь, предупредив, что его промедление вызовет враждебные действия[1]. Спешенные Московский и Рязанский драгунские полки он поставил между замком и Дунаем, чтобы пресечь помощь извне, а сам с Чириковым и спешенными драгунами Владимирского, Псковского, Нижегородского, и Тверского полков с 10 часов вечера стал приступать к ретраншементу с сухопутной стороны. Крепость оказалась в блокаде. Рённе с Тверским полком прорвался через укрепления в предместье и «неприятеля в побег обратил». Со стен замка били крепостные пушки и бой шёл всю ночь[2]. Особенно отличился полковник Г. С. Рожнов с Сибирским полком, который также через

---

[1] *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия… С. 289. Досада русской власти на «предателя государя нашего и всего благочестия и верного раба турского» была необычайной. «Чаю, что сему мизерному скончить жизнь свою зле» — пророчил П. П. Шафиров Г. И. Головкину 17 июня 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 220. В августе того же года Шафиров неточно передал слухи о казни Брынковяну, который был «пытан последи 15 августа в день Успения Пресвятыя Богородицы, [и] за свою верность турком принял суровое воздаяние, ибо он и четверо его сынов, да шурин и ещё один казначей его, в салтанском дому пред салтанскими очами ножами зарезаны и потом головы отсечены и вынесчи перед вороты салтанские, брошены. И тако лежали два дни, а потом брошены в воду. А жену оного и дочерей и зятей ещё держат за караулом у бастанджи баши и мучат, выпытывая денег. А какой им конец будет, ещё не ведомо». Там же. Л. 321.

[2] Во время штурма «простые люди» в Браиле разбивали турецкие склады. *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия … С. 287.

ретраншемент ворвался в предместье и выставил там посты. Атака была настолько яростной, что Рённе пришлось пресечь смертоубийство и отвести атакующих. («Наши яростно поступили и [Рённе их] унял и вывел за транжамент»).

Штурмующими со стороны Дуная Московским и Рязанским полками командовали подполковник Соловцов и бригадир Чириков («за генерал-майора»). Гарнизон и турецкий комендант Дауд-паша были так подавлены неистовым и мгновенным захватом форштадта, что отказались сопротивляться. Драгуны потеряли всего 100 человек убитыми и три сотни ранеными. (Число погибших среди нерегулярных — неизвестны). Турки, потеряв («как паша сам генералу Рену объявил») около 800 человек убитыми и несколько сотен ранеными, бежали в замок[1].

14 июля, замок сдался на унизительных условиях: весь гарнизон вместе с жителями должен был покинуть его без оружия и без обоза («еквипажу»). С личным оружием выпустили только коменданта. На трое суток Рённе стал хозяином в глубоком османском тылу. Драгуны, молдаване и валахи опустошали местность, угоняли скот, лошадей и забирали провиант[2].

16 июля Рённе получил депешу царя от 12 июля «о сочинении миру с салтанским величеством турским»: «*Нам вернолюбезный… вы с войски команды вашей отступите назад удобным путём и соединитесь з главным нашим корпусом, проведывая, где удобнее. И будучи в марше, никаких неприятельских поступков вам не чинить*». Ликвидировать, согласно приказу, мост у Исакчи (в 40 км к западу от Браилы) и идти к Галацу не пришлось. Рённе ещё «до ведения о мире» собрал много коров, кулей муки и крупы для русской армии[3]. 13 июля Пётр I указал Рённе освободить пленных,

---

[1] *Бутурлин Д. П.* Военная история походов россиян… С. 484–486. Явно преувеличено сопротивление противника в донесении о браильской атаке: «Неприятель в знатном числе людей и при доброй дефензии в транжаменте зело крепко себя дефендовал, что бой чрез всю нощь продолжился». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 263–264.

[2] Сомнительно, что Балтаджи посылал отряды по «семи разным направлениям», чтобы пресечь отступление Рённе. *Nordberg J. A.* Histoire de Carles XII… T. 2. P.498.

[3] И. Некулче писал, что конница Рённе шла, «грабя и съедая всё, что находилось в стране. И население убегало из долин в горы. А когда слышали, что туда идёт Рент, то не ведали, куда уж дальше бежать».

но трофейный скот и провиант перегнать в армию. 17 июля герой дунайского похода вручил Дауд-паше весь город «с пушками и что во оном было»[1], но на обратном пути «остановился и назад посылал по деревням волоским и во оных велел всё брать безденежно», набив провизией 600 повозок (С. Лагерберг). 18 или 19 июля Балтаджи отправил к Рённе Мустафу-пашу (упоминавшегося губернатора Трикалы), после чего корволант пошёл от монастыря Максинень на север вдоль правого берега р. Серет к Яссам[2]. Турки подтвердили, что молдаванам, участвовавшим в набеге на Браилу, «никакой противности ни от кого учинено не будет, ибо всем де войскам их то накрепко заказано»[3]. 11 августа Рённе перешёл Днестр и покинул османские владения.

Под занавес небольшой успех был достигнут у Днестра. 17 июля 1711 г. полковник С. Хлопов под крепостью Сорока удачно отбил трёхтысячный турецкий отряд пехоты и конницы. Этот отряд, с которым было шесть человек поляков или шведов, отогнал было 125 обозных и 5 драгунских лошадей и 16 пар волов, но под стенами крепости потерял убитыми до полусотни человек.

24 июля 1711 г. русские из Каменного Затона обстреливали появившихся вокруг запорожцев. Когда те спрашивали, известно ли им о мире, солдаты отвечали, что мир заключён

Масан А. «До местечка Чернявец сего же сентября в 23 день» (о русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах в 1709 г. и её международных последствиях) // Русин. Кишинёв, 2011. № 1. С. 25.

1 ППВ. Т. 11/1. С. 330; Т. 11/2. С. 37–38; РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 28. Л. 213–214 об.

2 20 июля Головкин повторил, что Рённе должен «из турецкой области выходить, не чиня никаких неприятельств и з главною армеею случиться меж Могилёвым и Шванцами (Жванцем)». ППВ. Т. 11/1. С. 589. Собранный провиант был брошен и турки отдали его запорожцам и полякам Потоцкого. [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok…s.134. В августе Девлет Герай говорил, что его татары отбили от Рённе много добра и захватили 4–5 сотен пленных. [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok under vistelsen hos Tartar-Chan Dowlet-Gherey 1710–1711. Göteborg, 1896. S. 209.

3 ППВ. Т. 11/1. С. 557–558. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Г. И. Головкину 28 июля 1711 ППВ Т. 11/2. С. 369. «Великою радостью порадовался» Рённе похвальным словам царя в письме от 25 июля. Ю. Потоцкий, играя в рыцарство, в августе прислал Рённе выкупленного им у татар какого-то капитана. Рённе благодарил и просил Потоцкого ради блага Речи Посполитой помириться с Августом II. К. Э. Рённе — Ю. Потоцкому 21 августа 1711 г. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 37а. Л. 39.

с турками, а не с татарами и вами. После этого русские напали на Сечь и увели 60–70 рыбачивших казаков[1]. 1574 больных солдат оставили за Днестром в районе Сорóк[2]. При эвакуации полковником М. М. Фливерком гарнизона, амуниции и больных в Полонное, под Немировым на них дважды напала сильная партия татар, убила и отбила много человек[3].

3.3. ВОЙНА НА КРЫМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И АЗОВСКОМ ПРИМОРЬЕ

Операции на других фронтах, как и на Пруте, окончились с таким же «ничейным результатом». Вспомогательная акция вдоль Днепра «зависла в воздухе». Не удалось ни форсировать Перекопский перешеек и ворваться в Крым, как генералу-фельдмаршалу Б. Х. Миниху и П. П. Ласси в 1736–1737 гг., ни запереть татар на Крымском полуострове. Военачальники и отряды на «крымском направлении» были второсортными.

В мае генерал-майор И. И. Бутурлин и гетман И. И. Скоропадский (при нём были и два русских полка), чтобы «закрыть все малороссийские городы», начали движение в сторону Новобогородицкой крепости. Бутурлин послал полковника Постельникова с четырьмя батальонами разорять «Новую Сечь». Но все казаки оттуда ушли и Постельникову из трофеев досталось три-четыре медных пушки и три небольших колокола[4]. В тыл скрытно зашли запорожцы и крымцы «с десятью тысячи орды или больше» и, судя по допросам пленных, намерились идти в «украинские или великороссийские слободские городы»[5].

---

1 [*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok… S. 218–219.

2 Потом на месте турецкого табора были обнаружены ещё погребения, а часть тел турки спустили в воду. Гарнизон потерял 4 человек убитыми и пленными и 19 человек ранеными. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 59; «Ведение, коликое число оставлено болных при местечке Сороке». РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 22. Л. 30.

3 Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов в 2-х т./ сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 1405, 1417, 1437.

4 Справка И. И. Бутурлина о его действиях в 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 275–276.

5 20 тысяч крымцев, выйдя за Перекоп, к середине мая уже были на р. Конской, а 15 тысяч — на р. Молочной. И. И. Скоропадский — Ф. М. Апракси-

2 июля семь пехотных (один полк был стрелецкий) и один драгунский полк (7178 человек) Бутурлина с казаками Скоропадского и обозом пошли от последнего днепровского порога «Вольного» к югу, к Каменному Затону. Неприятеля они не видели, за исключением запорожцев, которые «делали шкоды почтарям» и отставшим партиям. Их отбивали новобогородицкие казаки. К Каменному Затону они подошли в первых числах июля. Четырёхтысячного калмыцкого подкрепления, о чём настоятельно просил Пётр I там так и не появилось[1].

Девлет Герай летом держал своих воинов на перешейке, «но сам с небольшим конвоем проследовал в Бендеры для совещания о дальнейших движениях»[2]. Степь к югу от Каменного Затона вплоть до Днестра контролировалась татарами и запорожцами и письма к царю приходилось посылать кружным путём через Киев и Подолье[3]. Продовольствия как следует также не приготовили. Из 120 судов с провиантом — 15 «стратилось» на днепровских порогах. Из-за нехватки провизии «войско было зело голодно», ело конину, появилось дезертирство солдат и казаков. Пришлось считаться и с возможной «конфузией в малороссийском войске».

После военного совета Бутурлин со Скоропадским решили 23–24 июля от Каменного Затона спешно, без указа царя следовать на север за неприятелем и дойти до речки Осокоровки. Ордынцы, зацепив Гадячский и Полтавский полки, Опошню и Рублёвку, забрали много людей в неволю. Городок Коломак жители бросили и укрылись в лесах, татары сожгли этот городок, потом повернули обратно к Перекопу[4].

ну 25 мая 1711 г. от р. Ворсклы на основе донесений полтавского полковника И. Черныша. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 109.

1 Ф. М. Апраксин — П. М. Апраксину 27 мая 1711 г. 3 июня П. М. Апраксин отвечал брату, что 4000 конников Аюка туда не пошлёт, опасаясь башкир: «боюсь, чтоб он походу своего и всего нашего дела не остановил». *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 380, 382.

2 Сб. РИО. Т. 50. С. 461.

3 А. И. Ушаков — Петру I 2 июля 1711 г. от днепровских порогов. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 149.

4 А. И. Ушаков — Петру I 17 июля 1711 г. от Каменного Затона. Там же. С. 160. И. И. Скоропадский — Ф. М. Апраксину 4 августа «с обозу от Самары». Там же. С. 180–182.

30 июля Бутурлин и Скоропадский получили грамоту царя о «вечном мире» и 1 августа вернулись к Новобородицкой крепости, ссылаясь на «скудость харчевых запасов» и стали там лагерем[1].

Маневр «в полсилы» (и без петровского напора) Бутурлина и Скоропадского против Крыма не дал результата. Отвлечь татарскую конницу от направления главного удара в Молдавии не удалось.

Война на Азовском приморье кончилась злополучно для турецкого флота. Русское побережье противник в то время обоснованно считал неприступным. За 1696–1710 гг. работные люди, солдаты и каторжники бывшую турецкую крепость Азов, расположенную в восьми верстах от моря на левом берегу Дона к 1711 г., преобразили в мощную твердыню, которая вместе с Каменным Затоном и Новобогородицкой сократила приток рабов в Турцию.

Фортификация Азова и Таганрога велась по планам первоклассного инженера, барона Эрнста Фридриха фон Боргсдорфа, который с 1682 г. укреплял имперские границы в Чехии и Трансильвании, а с 1696 по 1700 г. был на службе царя. Из его девяти руководств по фортификации два были переведены на русский язык. Создавали крепость на Таганроге уже после того, как он уехал. С августа 1698 г. и по 1711 г. гавань на мысу Таган строил капитан венецианского флота славянин «Матвей Семенов сын Миланкович» (Матвей Симонтов)[2]. К 1708 г. на полуторакилометровых молах прямоугольной искусственной Таганрогской гавани с каменными швартовыми тумбами, размещались круглые башни с пушками и с «грудной обороной» для солдат (каменным бруствером высотой в 6 футов). Для ограждения водной поверхности в 400 тысяч кв. метров было забито 30 тысяч свай и уложено под воду 50 тысяч кубических метров камня. В двух километрах от берега для нескольких пушек и сторожевого отряда отсыпали овальный искусственный остров площадью в 2500 кв. м — «Черепаха». Правда, в бухте Таганрога корабли

---

[1] И. И. Бутурлин — Петру I 7 августа 1711 г.; А. И. Ушаков — Петру I от р. Самары 7 августа 1711 г. Там же. С. 184–186.

[2] *Аваков П. А.* Город Троицкий на Таганроге. Каким был облик первой военно-морской базы России // Родина. 2015. № 8. С. 98–99.; Он же. Основание Таганрогской гавани от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 2. С. 298–311.

голландской постройки подгнили. В 1710 г. порт начали углублять[1]. В честь окончания строительства гавани и крепости Таганрог по плану Боргсдорфа в 1709 г. была отчеканена медаль[2].

Боеготовность приграничной Азовской губернии с её 77 городами и мощным военным арсеналом — пушками, мортирами, боеприпасами, кораблями и галерами военно-морского флота была поднята на образцовый уровень. Гарнизон Азова в апреле 1711 г. насчитывал 4115 человек (включая русских драгун, «иноземных» и шведских рейтар), гарнизон в Троицкой крепости — 3070 человек. Там же непрерывно трудились тысячи работных и мастеровых людей[3]. В пороховых погребах хранилось огромное количество пороха, бомб и ядер (включая турецкие трофейные запасы). С 1696 по 1711 г. в обжитом русскими людьми Приазовье и Азове служили 167 квалифицированных иностранцев (немцев, голландцев, датчан, итальянцев, греков, англичан, словенцев, французов, испанцев, шведов) — мастеров корабельного, галерного, городового, оружейного, огнестрельного, шлюзного дела, капитанов, констапелей, боцманов, офицеров, бомбардиров, лекарей и подкопщиков. На северной стороне Дона против Азова была построена крепость Св. Петра. В пяти верстах к западу от Таганрога на «Петрушиной» косе (губе) стоял форт Павловский.

Таким образом, азовское побережье защищалось крепостями — Петровской, Сергиевской и Николаевской у Каланчей, Павловской на реке Миус и Троицкой в Таганроге.

Городки и станицы Донского казачества после подавления восстания К. А. Булавина представляли в целом надёжное заплечье. В столице Войска Донского — Черкасске находилось его «главное войско» в 2–5 тысяч человек, склады с продовольствием и вооружением для азовского населения и гарнизона. Городским строительством в Азове и Павловском руководил инже-

---

1 *Будтолаев Н. М.* Строительство Таганрогского порта в 1697–1711 гг. // Известия АН СССР. Отделение технических наук. М., 1951. С. 1724.

2 *Schwarcz I.* L'ingénieur imperial Borgsdorf — instigateur des fortifications pétroviennes // Pierre Le Grand et l'Europe des sciences et des arts. Circulations, réseaux, transferts, métissages (1689–1727). Colloques internationaux les 28–29 et 30 mars 2013. Paris, 2013. P. 182–183.

3 *Перепечаева Л. Б.* Азов — пограничная крепость России. Конец XVII — начало XIX вв. // Очерки истории Азова. 2001. Вып. 6. С. 155–158. Цит. по: *Андрющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 67, 77.

нер Антоний де Лаваль. Стоимость артиллерии и амуниции на азовском побережье, по оценке Ф. М. Апраксина, составляла огромную сумму — около 2 млн ефимков. Комендантом в Азов 2 февраля 1711 г. специально был назначен герой Полтавы генерал-майор А. С. Келин[1]. Войск в Приазовье было достаточно[2].

Вся Азовская губерния в 1711 г. от устья Дона до Воронежа работала на войну. Из Воронежа и Коротояка для ратных людей и населения хлебные и лесные караваны сплавляли муку, овес, толокно и строительный лес. У крепостей «все куртины и бастионы [были] подделаны камнем, также и от Дону сделано камнем». Строгие санитарные нормы предписывали пользоваться только теми *«нужными чуланами»* (туалетами), от которых под землёй были отведены трубы, выходящие «скосом в реку Дон»[3].

11 июня 1711 г. Пётр I дополнительно приказал от всех губерний послать в Азов 300 мастеров каменных дел. Для защиты азовского побережья царь велел привлечь донских казаков и держать там ежегодно по 10 тысяч калмыков, «чинив им всякое приятство» и выдавая каждому по 2 руб., помимо «особливых дач тайшам и мурзам»[4].

В июне генерал-адмирал Ф. М. Апраксин из Середы отправился к Азову — до него дошли ложные вести о движении «многолюдного» турецкого войска во главе с Юсуф-пашой к Азову[5]. На самом деле это были партии татар и черкесов, нападавших в мае-июне 1711 г. на отряды казаков и калмыков.

---

1 *Андрющенко О. В.* Население и администрация… С. 231, 234, 266, 267–273; Шереметев Б. П. Переписка… С. 323.

2 9 сентября 1711 г. Ф. М. Апраксин просил Сенат прислать в Азов 31 884 рублей жалованья для восьми батальонов (4120 человек) на конец 1711 и будущий 1712 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 762–765. Помимо гарнизона, там жило более 7 тысяч солдатских и пушкарских жён и детей. Ф. М. Апраксин — Петру I 15 августа 1711 г. из Азова. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 188–189. К маю 1711 г. в Приазовье было пороха — пушечного 2345, мушкетного 1510 пудов. Ф. М. Апраксин просил к этому количеству дослать ещё 6000 пудов пушечного и 4000 пудов мушкетного пороха, а также 500 пудов селитры и 70 серы. Ф. М. Апраксин — Сенату 28 мая 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 366.

3 *Андрющенко О. В.* Население и администрация… С. 171.

4 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 324–325. См. также: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Академией наук. СПб., 1880. Т. 1. С. 89, 154.

5 Ф. М. Апраксин — Сенату 18 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 325. Тогда он жаловался, что ему не из чего выплачивать

Адмирал был уверен в неодолимости твердынь. Азов и «пристань морского каравана» (порт) Таганрог «к доброй обороне управлены и людей, хотя и не по препорции крепостей, однакож… бороняться можем». «Страх имеем не велик, крепости изрядные и артиллерии довольно», «будем обороняться до последняго нашего живота» — заверял он из Таганрога в июле и августе 1711 г., возможно помня медали в честь взятия Азова в 1696 г., на которых чеканились гордые надписи: «Пётр Алексеевич, победитель московской и присноприраститель», «Молниями и волнами победитель».

Побережье у Азова защищалось, кроме гренадёрских, двумя солдатскими полками (16 рот), восьмью драгунскими ротами и четырьмя ротами подполковника Пиля. Все 28 рот были расписаны по трём бастионам, четырём полубастионам, четырём равелинам и одному редану, «который от Дону». В Петровском шанце стоял батальон с полным числом офицеров, в Сергиевском — две роты солдат[1]. До 2000 чугунных пушек (больше, чем на тогдашних фортах Кроншлота и Петропавловской крепости) стояло на стенах крепости Св. Троицы в устье р. Миус у Таганрога, у Азова и по побережью («по гаванях»)[2]. Среди них были и трёхфунтовые, из числа 400 стволов, проданных шведами в 1697–1698 гг.[3]

Ни русские, ни османы не имели морских традиций, но состояние военно-морских сил царя было лучше. Флоты противников выдвигались навстречу друг другу почти одновременно. Из Воронежа в марте — апреле к Азову по Дону начали спускать 70-пушечный корабль, четыре 60-пушечных, 48-пушечный фрегат и две 16-пушечные шнявы. Но подвела

деньги казакам, калмыкам, шпионам и тем, кто «охотится» за языками.

[1] Ф. М. Апраксин — Петру I 4 июля 1711 г. из Троицкого. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 151, 274–275. В Азове служило 118 шведов, в Троицком — 368. Численность гарнизонов Азова и Таганрога преувеличена. Там же. С. 283. Переписку с царём в то время Ф. М. Апраксин готовился вести кружным путём через Изюм и Киев.

[2] «И корабельных [пушек] число не малое, также и припасов корабельных многое число» и провианта «слишком на год». ППВ. Т. 11/1. С. 586.

[3] *Великанов В. С.* К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 г. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 г. СПб., 2011. Т. 1. Сноска 48.

погода — из-за быстрого спада вод большие корабли не смогли продолжать путь[1].

Турецкая эскадра с десантом в 30–35 тысяч человек и с провиантом, рассчитанным на полгода, начала формироваться для операции против Таганрога и Азова в феврале 1711 г. В апреле одновременно с выдвижением османской армии к Адрианополю, к устью Дуная по морю вначале пошли 27 галер, 20 галеонов, 30 галиотов, один линейный корабль и 280 мелких судов[2]. После того, как провиант и тяжёлые орудия были переданы армии Балтаджи, флот снялся в Очаков, чтобы затем отправиться в Керченский пролив к Ени-кале. Он состоял из «18 кораблей великих и малых, 21 каторги, 40 галиотов о 24-х веслах всякой, 60 галиотов о 16-ти веслах, 100 плоских суден, 120 шлюпок о 12-ти веслах. Итого 359 суден»[3]. На кораблях с экипажами в 300–500 матросов кроме пушек стояло по две-три мортиры.

В Очакове на суда посадили сотню или две шведов. Пять 80-пушечных кораблей с глубокой осадкой пришлось оставить у Керчи. Состояние турецкого флота было дурным. Позже, когда 31 марта 1714 г. русские послы осматривали с разрешения Порты военные корабли и каторги в «преизрядном порту» на Босфоре, то из 40 судов не нашли «удобных к ходу морскому болши 20, а другие зело плохи и ветхи, а иные малы, а имянно, некоторые изо взятых у малтезов преж сего, у геновезов»[4]. Громадный адмиральский 120-пушечный корабль «зело плохой, [по] препорции походил на флейты галанские и, сказывают, никуда не ходя, сгнил уже в порте… и ныне его валяют и починяют и конопатят. А и все карабли их препорции видится плохо[й], с шпигелями [задними плоскостями кормы — *Примеч. авт.*] плоскими и пузаты, подобно италиянским»[5].

Азовская эскадра была, по крайней мере, вчетверо меньше. Она состояла из 12 судов — 4 кораблей, 3 шняв, 2 бриган-

---

1 Л. Вейсброд — герцогу Квинсберри 26 апреля 1711 г. Сб. РИО. Т. 50. С. 425.

2 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1711. Д. 12. Л. 174.

3 Там же. Д. 6. Л. 64 об.; ППВ. Т. 11/2. С. 372; *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug… S. 22–23; *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения… С. 113–114.

4 У мальтийцев и генуэзцев.

5 П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 14 апреля 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 125 об.

тин, 2 галер, 1 таранты и около сотни казачьих лодок. Давать сражение в Чёрном море она не собирались и отказалась принять бой на мелководье Азовского моря (см. ниже). Завышенное количество Азовской «армады» было представлено англичанам. Эскадра якобы состояла из двух 70-пушечных кораблей («Спящий лев» и «Старый дуб»), четырёх 60-пушечных, («Скорпион», «Цвет войны», «Черепаха», «Сулиц») трёх 50-пушечных, шести 44–48-пушечных, четырёх фрегатов, на каждом из которых стояло от 30 до 36 пушек. В составе флота было три шнявы (на каждой по 12–16 пушек), четыре брандера с 112 пушками, три бомбардирских судна с двумя мортирами на каждом, три пятипушечных галеры и 100 казацких лодок вмещавших по сотне казаков. Численность экипажа будто бы составляла 20 060 человек, всего на судах стояло 1111 орудий![1]

В турецком флоте настрой экипажа и 33-тысячного десанта был угнетённым. Турки помнили провальную осаду Азова в 1641 г. и, может быть, поражение от венецианцев в 1656 г. у Дарданелл, когда из 119 военных судов только 14 бежали из боя, 23 были захвачены, а остальные потоплены. Моряки понимали, что крепость в устье Дона «малолюдством взять не мочно, понеже с одной стороны великая стена, а с другой крепко караулят»; что приступать придётся «с многолюдством татар и обойти кругом и стрелять издалека огненными стрелами, сиречь артифициальными [видимо, ракетами — *В. А.*]»[2]. Второе войско «эрзерумского паши» должно было на кораблях отплыть из Синопа для действий против Азова и Таганрога, но в Вене сомневались, что подобная операция возможна, «так как в распоряжении паши находится только грубая милиция да горсть солдат»[3].

30 июня в Азовском море у Бердянской косы появилось 16 (или 19) турецких больших парусных кораблей капудан-паши Али Мехмеда. О состоянии турецкого флота русские судили по донесениям вице-адмирала К. Крюйса, показаниям трёх православных матросов — грека, болгарина, «новокре-

---

[1] Всего для Азовского флота было построено 215 судов. *Зверев Б. И.* Страницы истории русской морской летописи. М.1960. С. 31.

[2] Вести из Константинополя в январе 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 219.

[3] Ч. Витворт — С. Джону 18 июля 1711 г. из Вены. Сб. РИО. Т. 50. С. 462.

щёного калмыка» и поднятого на дыбу «турченина Ахмета». Показания расходились не сильно. Галерным флотом (галеры, галиоты, бригантины, мелкие суда и фуркаты (турецкие полугалеры) командовал капудан-паша Мустафа. 14 (или 16) сорокадвухвёсельных галер имели по 5 пушек и экипажи по 150 человек, кроме гребцов-невольников. С Кубани собрались подойти некрасовцы на 40–50 лодках.

Большой турецкий флот собрался дать бой русскому Азовскому, стоящему в 20 верстах от Таганрога. («Всего во флоте… из Царьграда послано турок, армян и жидов и цыганов тысяч с 30, в том числе есть и греки, которые на кораблях и галерах и на галиотах управляют морское дело за кормщиков и матросов и на мелких судах в гребцах»[1].) Смертность среди экипажа и десанта была высокой — у Керчи «умерло 4000 человек». Из полутора тысяч больных на 12 июля ежедневно умирало и спускалось «в воду на день человек по двадцати и больше»[2]. Матросы («гемиджи») набиравшиеся из христиан, в том числе и пленных, вряд ли стремились гибнуть за дело ислама[3]. Боевой дух был не выше, чем в 1696 г., когда 13 турецких кораблей и 24 мелких судна не только не атаковали только что созданную Азовскую флотилию, но бежали от лодок донских казаков. О неприступности азовского побережья османский адмирал Али Мехмед-паша знал. Команды страшились высаживаться под огонь сотен русских пушек.

По показаниям перебежчика-грека турки собирались сначала взять Семёновский шанец, а потом, дождавшись из Крыма 40 тысяч конницы и 30 тысяч янычар, брать Троицкую крепость — Таганрог.

Русские корабли ушли к устью Дона. 4 июля турецкие суда появились у Калмиуса, 9 июля — у Миусского устья, вблизи «Семёновского шанца», чтобы разведать, где высадить десант. 12 июля у Семёновского шанца стояли четыре 70-пушечных

---

[1] Распросные речи выходца от турецкого флота гречанина Яна Яндафела 12 июля 1711 г. Грек отрицал, что на флоте было 150 французов, несколько шведских офицеров и инженеров осадного дела. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 268–271.

[2] Там же. С. 269.

[3] Допрос с турецкого флота пленного Ахмета 22 июля 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 12. Л. 8–11; *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 271–272.

корабля и пятнадцать 50–60-пушечных (и с меньшим с количеством пушек).

14 июля у Миуса готовились к атаке 18 больших кораблей, 14 галер, около 20 полукаторг и много мелких судов — всего около 200 единиц[1]. Погоня турок за тремя военными судами капитан-поручика Бредаля, капитана Симптона и командора Рама окончилась безрезультатно[2].

18 июля турецкий флот стоял «промеж Павловского и Золотой Косы. 20 и 21 июля была «зело страшливая погода, с великим непримерным дождём» Подойти близко к крепости турецкий флот не мог. Ф. М. Апраксин и вице-адмирал К. Крюйс распоряжались с валов и бастионов Таганрога, не покидая их ни на минуту[3]. Корабли попали под жестокий огонь русских крепостных и прибрежных орудий и быстро убрались из-под обстрела. В журнале Крюйса было записано: 22 июля в 4 часа после полуночи «подошёл весь неприятельский флот на парусах…, галеры в восьми верстах на якорь стали, а полугалеры больше к вестной стороне кораблей, посреди фарватера». В седьмом часу утра бригантины и прочие суда (по подсчётам Крюйса — 170 единиц) «прошед Павловское, стали от Троицкого посаду на пример с большую версту». «Поставив пушки, как возможно, во оборону, «у старого Павловского» под прикрытием огня артиллерии, с гребных судов стал «выходить на землю» турецкий десант. По донесению Апраксина, на штурм собралось всего-навсего до двух тысяч человек.

Крымской конницы, чтобы поддержать десант, вообще не было. Батыр Герай и 8 тысяч кубанского султана вышли к Азову, разорили часть донских станиц, но к Таганрогу и Азо-

---

[1] Ф. М. Апраксин — Петру I 14 июля 1711 г. из Троицкого. Там же. С. 156–157. Один из очевидцев писал: «Я увидел турецкий флот, широко раскинутый по морю, потому что он состоял из 16 султанских или больших военных кораблей, из которых адмиральский был девяностопушечный, из 28 больших трирем, из 80 бригов и из 276 татарских цимбер и других подобных судов, которые сидят неглубоко и могут безопасно плавать по всему морю, обильному мелями». Письмо отца Иоанна Милана из Москвы к отцу Иоанну Миллеру 6 августа 1712 г. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Рязань, 2010. С. 209–210.

[2] Вице-адмирал К. Крюйс — Петру I 4 июля 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 152.

[3] Вице-адмирал К. Крюйс — Петру I 23 июля из Троицкого. Там же. С. 165.

ву подойти не успели[1]. Генерал-адмирал счёл нужным послать в контратаку почти равные силы — только два батальона солдат, четыре полковых пушки и 1300 конных и пеших донских и азовских казаков. Сам он вместе с азовским губернатором И. А. Толстым «для лучшего осмотрения» последовал за ними. Была дана команда «наступать просто» (т. е. в лоб линейным порядком). Турецкие бригантины «носом в линии к берегу стояли и непрестанно по наших из пушек били». За час до полудня была незначительная схватка с противником.

Наступательного порыва турки не обнаружили, неприятель стрелял, но «без повреждения». Как только солдаты приблизились к туркам, те «с берегу начали уступать в суды». После двухчасового боя десант был сбит. Заняв позицию врага, канониры открыли стрельбу из пушек и турки *«все, как возможно, стали от берегу отгребать и, отгребши, стали в такой дистанции, что пушки наши доставать не стали»*. Вслед за тем неприятельские корабли, в беспорядке *«подняв парусы, пошли все к кубанскому берегу, а сего числа пошли все к своему флоту»*[2].

Нет сомнения — начнись даже активная осада мощно укреплённого Азовского побережья, она бы провалилась. Свою морскую экспедицию турки оценивали так: «на море имели великое иждивение и великие убытки, а пользы никакой не получили».

25 июля, получив весть о мире, турецкий флот, после троекратного залпа из пушек, резво распустил паруса и (ви-

---

1 Ф. М. Апраксин — Петру I 15 августа 1711 г. из Азова. Там же. С. 188–189.

2 Ф. М. Апраксин — Петру I 23 июля из Троицкого. Там же. С. 165–166. Записка К. Крюйса о турецком десанте 18–23 июля 1711 г. Там же. С. 272–273. Ф. М. Апраксин — Петру I 25 июля 1711 г. из Троицкого. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. 84 об. – 85. Фантастично описание боя отцом Иоанном. «22 июля на рассвете Мустафа Челеби некоторое время сражался с нашими меньшими судами в заливе, прилегающем к краю города, но скоро отступил, заметив, что в пылу сражения подошёл под самые выстрелы городских пушек, из которых также действовали против его бригов. По прошествии немногих часов турки высадились на берег, приблизительно в числе 10 000 человек, насколько мы могли судить на глазомер. Против них посланы были из крепости два полка с пищальниками, и тотчас с обеих сторон началась стрельба из пушек. Когда же турки, не имевшие конницы, заметили, что на помощь здешним идёт калмыцкая и казацкая конница, то вернулись обратно на свои корабли». Письма и донесения иезуитов… С. 209–210.

димо, с облегчением) отошёл в направлении Крыма. Однако уже 30 июля турецкий флот вернулся к Таганрогу и 31 июля в Азов от галерного капудан-паши Мустафы прибыл со свитой в 27 человек капиджи-паша и потребовал от Крюйса немедленной сдачи всех городов Приазовья «с их землями».

Крюйс «выразил удивление по поводу требования, предъявленного до получения от царя известия о мире и его условиях повелительным тоном от турок, которые во время военных действий не могли вынудить сдачи требуемых городов, несмотря на все свои силы»[1].

Состояние Ф. М. Апраксина в это время иначе, как шоковым назвать нельзя. Он ничему не поверил и арестовал посланцев («задержал турок в честном аресте»). Когда 2 августа прибыл «генерал-майор» В. К. Павлов с указом царя от 12 июля, это показалось настолько немыслимым, что у генерал-адмирала возникло подозрение, что Павлов послан «в жестокой тесноте под принуждением», т. е. из плена. Царский указ 15 июля о разорении крепостей и эвакуации всех многотонных военных запасов исторг вопль отчаяния у Ф. М. Апраксина: «Смертельно плачем о таком нечаянном несчастливом случае и молим Ваше Царское Величество, умилосердися над нами и над всем российским народом, не дай себя в жестокое сокрушение и на доношение наше повели дать немедленный указ: ежели до ноября месяца крепостей разорить не можем и аммуниции не отвезём, что нам делать, не изволишь ли оныя крепости держать до предбудущаго лета?»[2]

Апраксин и Крюйс ссылались на то, что надо дождаться более точных указаний от государя, но соглашались принять турецких комиссаров и минировать верки, чтобы сдача могла совершиться в день-два.

«Пред полуднем» 5 августа турецкий флот покинул Азовское море, но мор на кораблях продолжался, «а если бы два года войну держали, то бы всю армею потеряли»[3].

---

[1] Рассказ К. Крюйса Л. Вейсброду 26 или 27 сентября. Сб. РИО. Т. 50. С. 528.

[2] Ф. М. Апраксин — Петру I 5 августа 1711 г. из Троицкого. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 182–183. Вывезти всё невозможно, даже если бы было 2000 человек и 1000 будар — жаловался Апраксин.

[3] Л. Барка — С. Л. Владиславичу 19 ноября 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 13. Л. 43.

3.4. «БОГ ПОМИЛУЕТ, А ЦАРЬ ПОЖАЛУЕТ»

С 23 июля по 4 августа у опустевшего польского города Могилёва-Подольского солдаты переправлялись по мосту, поставленному у берега на козлах, а в середине реки на понтонах[1]. Османский конвой отправился восвояси. Мост наводили поспешно, полки огородились рогатками и выставили дальние пикеты против татар. Те партиями по полсотни человек переправлялись через Днестр для захвата ясыря и пленных, не обращая внимания на польские отряды вдоль границы от Карпат до Могилёва и Ягорлыка. 27 июля к Днестру подошёл Шереметев с артиллерией и с дивизиями Репнина и Энсберга. На следующий день появились дивизии Алларта и Вейде. Напряжение спало, офицеры начали спорить, кому принадлежит брошенное и потом подобранное другими добро. Некоторые продавали местным евреям быков с царским тавром. (Ю. Юль).

25–28 июля подсчитывался урон в живой силе, в том числе и умерших в пути от ран. Приняли, что из регулярных «убито и в полон взято и ранено и безвестно пропало — 2872 человека»[2]. Безвозвратные потери в 7,4 % регулярной армии в 37 538 человек не могут считаться высокими. Убыль среди казаков и молдаван не учитывалась. На обратном пути генерал-гевалдигер кн. Шаховской и полковые профосы не следили за порядком и среди пропавших без вести оказались и дезертиры, оставшиеся в Молдавии. *«Дунайский» поход был окончен.*

---

[1] Фантастичны цифры Ж. Н. Моро, писавшего, что из 79 800 человек (?), вступивших в Молдавию, за вычетом 15-тысячного корпуса Рённе, из 64 800 человек уцелело 37 515 человек Д. О. Серов дал численность погибших по фальшивым данным Ж. Н. Моро — 27 385 человек (!) *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 114. Сомнительна строка из автобиографии Р. Эребо, секретаря при датском посланнике Ю. Юле: «Почерневшие и умирающие от голода люди лежали во множестве на дороге». Сам Юль записал по-другому: «Славный народ — хоть куда, но крайне ослабленный голодом». *Юль Ю.* Записки… С. 316, 380.

[2] ППВ. Т. 11/2. С. 37. Позже Я. Е. Водарский дал правильно подсчитанное число — 2 790 человек *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С. 208–209. Майор Преображенского полка Линдеман, прибывший в Москву 18 августа, сообщал, что русские за всю кампанию потеряли не более шести тысяч человек. Сражения не было, а были стычки в течение трёх дней и двух ночей. Лошади неделю не ели ни сена, ни травы, только листву и коренья и едва волочили ноги. Сб. РИО. Т. 50. С. 491.

1 августа в 4 часа дня монарх ещё раз продемонстрировал «непобеждённость» своего войска. Покидая османские владения, он твёрдым шагом маршировал по мосту через Днестр с обнажённой шпагой во главе Преображенского полка. 3 августа, после благодарственной службы Господу и торжественного салюта, Пётр I распределял «лавры», не скупясь на награды. Он не мог не понимать, что самым провальным фактором в походе был слом его духа, а не жара, нехватка провианта, атаки сипахов и янычар.

Выше всего самодержец вознёс подвиг К. Э. Рённе. За блестящий рейд и захват Браилы он возвёл его в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного. 26 августа царь послал герою крест ордена, который наложил на него фельдмаршал Шереметев. Сам Рённе высоко ставил свою победу и начал писать себя (к неудовольствию Януса) «первым генералом от кавалерии»[1] Ф. Кантакузину был пожалован чин генерал-майора. Бригадир Л. С. Чириков 18 августа «для доброго его воинского искусства» тоже был повышен до ранга генерал-майора и стал верховным военным комиссаром русской армии. О повышении чина Г. С. Рожнова, полковника Гренадёрского полка, который с конным Сибирским полком первым овладел предместьем Браилы, ходатайствовали Б. П. Шереметев, К. Э. Рённе и Л. С. Чириков.

Кантемиру был присвоен титул «светлейшего князя Российского». Ему и его окружению «числом мужеска и женска полу больше четырёх тысяч душ» были выделены «дворы» в Харькове и имения бывшего генерал-майора Ф. Ф. Шидловского. Молдавский господарь, после получения российского титула в августе 1711 г. просил вместе с Некулче и частью молдавских бояр выезда «в отечество»[2]. Конечно, путь в Молдавию ему был заказан, но со свободным паспортом, он мог перебраться к Габсбургам, откуда продолжать попытки освобождения своей родины.

Генерал А. А. Вейде получил годовое жалованье «не в зачёт».

Не были забыты и рядовые солдаты и офицеры. По ордерам Шереметева, Голицына и Аларта в Немирове и Полонном

[1] ППВ. Т. 11/2. 4681-а, № 4704, 4705 и прим.

[2] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 23 августа 1711 г.: «Кантемир прислал ко мне брата своего конюшего и требует, дабы ему дать свободный пас, отпустить в ево отечество, но я того без указу Его Величества учинить не мог». ППВ. Т. 11/2. С. 413; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 19.

с августа по декабрь 1711 г. многие из них были повышены в чине. Нет оснований не считать, что за стойкость и храбрость нижним чинам выдали денежное вознаграждение. Известно, что урядникам и солдатам гвардейской бригады М. М. Голицына в июле было выдано по рублю (всего 4665 руб.)[1]. Получив «великое довольство» и в провианте, гвардейцы разгулялись до «зело много шумных питей». Никакого спада военного духа не произошло и в следующем году эти воины успешно били шведов в Померании.

В. В. Долгорукий принял орден Св. Андрея Первозванного.

Л. Н. Алларту положили оклад в 9000 руб. и чин генерал-лейтенанта.

Я. В. Брюс после смерти в шведском плену «генерал-фельдцейхмейстера» имеретинского царевича Александра Арчиловича, теперь уже де юре стал главным начальником артиллерии с окладом 6000 руб. и получил выморочные имения в Новгородском уезде площадью более тысячи четвертей[2]. «Доброго командира», генерал-майора Г. Э. Альбедюля (Альфендейля), получившего, по словам Л. Ю. Эренмальма «от царя большие похвалы… за свои действия в походе 1711 г.»[3], царь повысил в чине до генерал-лейтенанта, бригадира Штафа до генерал-майора, полковника П. П. Ласси, майора Преображенского полка Ф. Н. Глебова, майора Семёновского полка М. Я. Волкова — до чина бригадиров. Генерал-адъютантом при государе был назначен капитан Преображенского полка П. И. Ягужинский (1683–1736).

Шереметев 3 августа 1711 г. выпросил себе богатейшее имение с деревнями в Лифляндии («староство Пебалг»), которое в 1726 г. оценивалось в 40 тысяч ефимков и «лучший двор» в Риге, «дабы при глубокой старости увеселиться мог»[4].

---

1 ППВ. Т. 11/2. № 4649 и прим.

2 Четверть — в старинной русской системе мер мера площади (равна 0,5 десятины или 0,55 га), а также мера объема сыпучих тел (равна 209,9 л) и жидкостей (равна ¼ ведра или 3,07 л). — *Примеч. ред.*

3 *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники… С. 328.

4 ППВ. Т. 11/2. С. 73. Шереметев Б. П. Переписка… С. 324–325. После пережитых тягот фельдмаршал в марте 1712 г. испрашивал отставку и позволения удалиться иноком в Киево-Печерскую лавру. Пётр I не счёл возможным расстаться с опытным военачальником, вызвал его в Петербург и 14 апреля устроил генерал-фельдмаршалу своего рода «триумф», встретив за три версты от Петербурга в шлюпке на Неве салютом

По ордерам фельдмаршала канцлер Г. И. Головкин выхлопотал себе под Новгородом «село Трясово с деревнями и с угодьями». Владиславичу была предоставлена на пять лет монополия покупки парусного полотна и красной меди.

Совсем умеренно был отмечен командующий Кубанским походом П. М. Апраксин: его в грамоте 29 ноября 1711 г. Пётр всего лишь «жаловал и милостиво похвалял».

Л. Г. Януса никто не упрекал за его провал 7 июля. Он запросил для себя какое-нибудь отличие («чтоб весь свет знал») и отпуск в Карлсбад. Ордена Янус не получил, но по его же «приятным писаниям» ему увеличили «пожизненное жалованье до 4000 рейхсталеров чистыми деньгами» (12 000 руб.) и обещали после Свейской войны «конечно употребить в министры» (!) 4 августа Янус без паспорта отбыл из армии «в своё отечество… а конница вручена генералу-майору князю Волконскому»[1].

И. И. Скоропадскому и старшине в январе 1712 г. дали жалованье «против того, как посылано было… за Полтавскую баталию»[2].

С 27 июля по 4 августа государь составил не менее 50 приказов и писем.

Особо отличил Пётр I свою супругу, которая вывела его из потрясения 10 июля 1711 г. В 1711 г. был заложен, а в 1713 г. спущен на воду 60-пушечный корабль «Святая Екатерина»[3]. 20 февраля 1712 г. царь устроил бал, салют и иллюминацию Петербурга в день официального бракосочетания с Екатериной Алексеевной. В честь неё был основан второй в русской истории орден «Освобождения» или «Святой великомученицы Екатерины». 24 ноября 1714 г. Пётр I возложил знаки ордена на «освободительницу царя и всей армии российской».

из 41 пушки с кораблей и крепости. «Принят [я] от Его Величества с таким гонором, которой свыше моей меры учинён» — вспоминал полководец. *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 129. 16 апреля царь сговорил 60-летнего воина жениться на 24-летней вдове Анне Петровне Салтыковой.

[1] ППВ. Т. 11/2. С. 382; № 4681-а и прим. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 64.

[2] РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1712. Д. 3. Л. 15–16.

[3] *Попов Ю. М.* Наименование кораблей русского флота, связанные с образом Екатерины 1 // Петровское время в лицах: краткое содержание докладов научной конференции СПб., 2000. С. 46–50.

Геройский подвиг под Полтавой дал основание Петру Великому заслуженно принять чин генерал-лейтенанта и флотского контр-адмирала. После Прутского похода царь собрался выправить «потерю лица». Только через семь с половиной месяцев (!) он указал было 7 марта 1712 г. Ф. Ю. Ромодановскому и Б. П. Шереметеву возвести себя «за многия службы» в чин полного генерала, но потом, возможно, вспомнив «десперацию», задержал повышение («я тогда не объявил ради несчастия против турок»). По мнению монарха, из предназначенных ему сотни палочных ударов к себе он отнёс пятьдесят. (Царь не упомянул, что получил вдвое меньшее количество ударов благодаря самоотверженности своих воинов).

И только 17 июня 1713 г. Пётр I известил Ф. Ю. Ромодановского, что готов принять чин полного генерала в связи с успешным преследованием в Гольштейне в 1713 г. шведского корпуса М. Стенбока вплоть до крепости Тоннинг.

Себе же после Дунайского похода самодержец в начале августа определил курс лечения из-за «великой нужды для своей болезни»[1]. С 14 сентября по 1 октября властитель Российского царства восстанавливал здоровье минеральными водами на богемском курорте. (Нет сомнения, что надлом в 1711 г. сократил его жизнь).

3 августа царь простился с генералитетом, 6 августа монарху-полководцу салютовал польский гарнизон Каменца-Подольского, а за милю от Жолквы его встречала жена великого коронного гетмана Э. Сенявская, королевич К. Собеский, великий литовский гетман Л. Поцей с женой и все польские сенаторы. Для Польши исчезновение угрозы турецкого вторжения стало радостью. «Письма из Польши в Вену переполнены россказнями о победе русских»[2]. Царя приветствовали крылатой фразой «Пришёл, увидел, победил», лестью и панегириками, в которых он сравнивался с Александром Македонским и Юлием Цезарем. Саксонский генерал и министр по внешним сношениям короля Августа II Я. Г. Флемминг

---

[1] «Поеду в Карлсбад для своей болезни, которая от сего походу не убавилась. А наипаче опасаюсь зимы». ППВ. Т. 11/2. С. 74. Вместе с царём в Карлсбаде были Г. И. Головкин и его сын, посланник при прусском дворе А. Г. Головкин, Б. И. Куракин, Я. В. Брюс и генерал-майор А. А. Гешев.

[2] Ч. Витворт — С. Джону 11 августа 1711 г. из Вены. Сб. РИО. Т. 50. С. 475.

29 июля написал, что рад полной победе царя над турками. Однако почти тогда же среди поляков пронеслось, что «московиты разбиты турками наголову».

13 августа русские дивизии, восстановив боеспособность, не ушли в Киев, а остановились «для успокоения» в Подольском и Русском воеводствах Польши — в Полонном, Дубно, Остроге, Межиричах и Чаусах. Возможно, тогда подсчитали утраченное солдатское снаряжение, военную форму, воинские припасы, амуничные деньги. Подсчитали всё, вплоть до пропавших галстуков, начиная от стычек Януса и вплоть до потерь в лагере на Пруте.

Оказалось пропавших: фузей 4844, мушкетов 15, штуцеров три, пар пистолетов 746, багинетов 184, штыков 3997, шпаг и палашей 2339, портупеев 3217, лядунок с перевязами 779, сумм патронных 3733, церквей полотняных одна, наметов церковных пять, мундирных вычетных денег 7016 руб. 16 алтын, 14 денег, кафтанов 2158, епанеч 2381, сапог пар 1664, галстуков 28, рубах 1554, порток 527, сёдел 2735, полаток 1359, разных ядер 1544, пороху 271 пудов, бочек пороха 97, патронов, пуль, картечи 15 тысяч, тайных вещей [пропуск в тексте], гвоздей 21 610, лопаток 2080, кирок 1030, топоров 426, полупик капральских и пикинёрских копей 413, шуб и полушубков 667, фурманов и телег 258, лошадей 1786, волов 489, железа 29 пудов. Из вещей государя, кроме токарного станка, пропала алмазная ручка и седло с лошади[1].

Вся артиллерия уцелела. В 14 конных полках перед походом должно было быть не менее 10–12 тысяч лошадей (не считая коней нерегулярных войск, обозных и под артиллерию). 1786 погибших конских голов составит — 14–18%, таким образом, основной парк кавалерии уцелел.

Одного порядка были утраты фузей, штыков, портупей, шпаг, патронных сумм, одежды (в пределах 2–5 тысяч). На 2790 убитых и раненых унтер- офицеров, рядовых, заротных и неслужащих пришлось 4844 потерянных фузеи (мно-

---

[1] Коликое число от нижеименованных дивизей в Волоской земле при реке Пруте во время алярму и отступления и баталии с турками ружья, мундиру утрачено, в воду брошено и в землю закопано нового и ветхого и лошадей побито ж и померло и от неприятеля отбито, а особливо денежныя казны, о чём в сём рапорте кратко объявлено. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Д. 16. Л. 672–673 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Д. 3. Л. 14.

гие раненые уходили из строя, бросая ружья). Главный полк гвардии — лейб-гвардии Преображенский потерял 193 фузеи, 84 пары пистолетов, 433 сапогов, 621 епанчи[1].

23 октября Шереметев затребовал с запасом на 70 965 человек (!) и 41 764 лошадей (!), которых собирались разместить от Киева до Курска и Брянска, 106 755 четвертей провианта, 2 935 007 пудов сена и 229 304 четвертей овса[2].

Много иноземных офицеров русской службы было уволено после своей «фронды» в Молдавии. Отправили без отпуска («абшида») или с оным, генералов Януса, д'Энсберга, барона фон дер Остена, Беркгольца, бригадиров графа де Фриза, Моро де Бразе, Боэ, графа Ламберти, И. А. Буша, а также 14 полковников, 22 подполковника, 156 капитанов[3].

В 1711 г. были введены новые штаты для главной полевой армии и разрешалось иметь не более трети иноземных офицеров. (К концу Северной войны их количество не превышало 12,5%)[4]. Все уволенные иностранцы тут же стали распространять слухи о дурном состоянии русской пехоты, артиллерии, кавалерии, о беспорядках, непомерном обозе, безденежье и «непостоянстве» командования[5].

Полководцы всех времён и народов, заботясь о славе оружия, списывали неудачи на природные и случайные факторы. Тяжелые утраты по Прутского договору не соответствовали военной мощи России. 25–28 июля, пока наводилась переправа через Днестр, Пётр I трижды переписал Прутскую эпопею и поручил своим дипломатам и корреспондентам выправить авторитет русской силы[6].

---

1 РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 22. Л. 31.

2 *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 296–297. Четверть муки вместе с кулём весила 7 пудов 20 фунтов.

3 ППВ. Т. 11/2. № 4631, 4653, 4654 и прим.; Моро Ж. Н. С. 471–472.

4 *Рабинович М. Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 170.

5 И. Х. Урбих — Г. И. Головкину из Вены 9 декабря 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1711. Д. 4. Л. 223, 254.

6 О. Плейер по рассказам, которые доходили до его ушей, плёл небылицы, что царь «под страхом смерти» запретил отправлять депеши из армии, сказав, что сам объявит обо всём. В его интерпретации главной баталии русские давать не собирались. Была большая нужда в провианте, а среди

Естественно, царь не мог назвать причиной провала кампании слом своей воли. Справедливо указав на стойкость Русской армии, он сослался на невыносимые условия, нехватку провианта и конницы. (Через несколько лет, редактируя «Гисторию Свейской войны» Пётр I и Шафиров преувеличили безвыходность положения. Они написали, что отступать вверх по Пруту «более было невозможно, а и стоять для голоду, как в провианте, так и в фураже нельзя, но пришло до того, что или выиграть или умереть»)[1].

Подправленная схема стала такой: армия «с великой ревностью» рвалась к Дунаю ради помощи христианам. Предложению верховного везира о начале мирных переговоров не поверили. При засухе, саранче и почти без продовольствия, поход замедлился. Решили идти по правому берегу Прута, «дабы сия река была между нами и турками». Турки упредили и, когда на них неожиданно наткнулся Янус, они уже перешли Прут и отсекли связь с драгунами Рённе. Силы противника неизмеримо превышали русские, у него было 444 пушки и 25 мортир[2]. При таком превосходстве врага дви-

солдат — тяжёлые болезни. С османским войском были группировки шведского короля, татарского хана и Ю. Потоцкого. Только верховный везир согласился на перемирие, но король, татарский хан и Потоцкий протестовали и продолжили военные действия. Плейеру рассказывали, что якобы сам Карл XII с яростью атаковал русский лагерь, но его не включили в русско-турецкий договор, что Б. П. Шереметев и вице-канцлер барон П. П. Шафиров продолжат переговоры в Стамбуле, что верховный везир один или вместе с прочими военачальниками будет оставлен заложником при царе взамен за М. Б. Шереметева и П. П. Шафирова. Донесение О. Плейера вдове-императрице Элеоноре из Ярослава 6 и 18 августа РГАДА. Ф. 32. ОП.5. Д. 6. Л. 30, 31, 32, 66.

[1] ГСВ. Вып. 1. С. 372. Царь постоянно указывал, что именно пехота, а не конница эффективна против турок.

[2] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. 1710–1714. Д. 166. Л. 34 об. В Манифесте 15 ноября 1723 г. писалось: «нашего войска двадцать две тысящи, а турков двести семьдесят тысящ было». В «Мемории» А. В. Макарова было написано: «Государь изволил говорить, что турков было в 1711-м году в баталии 350 или [3]70 тысяч». ГСВ. Вып. 2. С. 458. В описание битвы не включили такие фразы: «Взятые полоняники и перебещики заподлинно сказывали, что турецкой силы было без мала с триста тысяч и что они, турки, не хотели нас в том месте атаковать и генеральной баталии дать, но [на] свой учинённой ретраншемент от нас атаки ожидать и наибольшее нам пушками своими вред приключить». РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. 1703–1712. Д. 160. Л. 126 и об.

гаться вперёд было нельзя, а отступать при «худых лошадях» опасно. Днем и ночью 8–10 июля велись «престрашные бои и огонь», но неприятель был отбит и мог бы *«совершенно побеждён быть, ежели б не раздвоена была конница наша»*. Враг видя, что «не может нагло ничево учинить», ночью апрошами стал подбираться к рогаткам и построил великие батареи. На «штильштанд» (перемирие) «по объявлению Кастриотову» он согласился «с превеликою охотою». Если бы противник не принял мира, то собрались атаковать его окопы. По желанию турок был заключён мир, который обернётся пользой для всего Северного союза. За то, что турки не будут «мешаться в шведские дела» и выдворят Карла XII, они получат пустые Азов, Таганрог и «разорённые» новопостроенные крепости[1].

Статьи Прутского договора были смягчены и искажены. Вмешательство в польские дела запрещалось якобы и турецкой стороне[2]. Обязательство о невмешательстве царя в дела казаков Речи Посполитой было исключено. Выдача заложников и ликвидация русского посольства в Константинополе вообще не упоминалась. Освобождению подлежали не только турецкие, но и русские пленные.

Письмо царя от 15 июля, полученное Сенатом 29 числа, 31 июля читали в Успенском соборе Кремля. Там отслужили благодарственный молебен, дали три залпа из пушек, «и у царевны, сестры государевой, дан был обед». Копии царского письма были разосланы по всем губерниям[3].

15 сентября 1711 г. в Венецию приспела весть о славном мире, «великом бунте» сербов на западе Балкан и о захва-

---

[1] Пётр I — В. Л. и Г. Ф. Долгоруковым 15 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 11. Реляции о Прутском походе 25–28 июля. Там же. С. 31–38.

[2] Пётр указал Шафирову «по времени домогаться», чтобы не только русские, но и турки обязались «оставить Польшу свободно со обоих сторон», а наследники Мазепы — «орликовцы» не появлялись в Приднепровье. Пётр I — П. П. Шафирову 14 июля ППВ. Т. 11. Вып. 2. С. 8–9. Шафиров писал, что за орликовцев они не так будут заступаться, как за Польшу. П. П. Шафиров — Петру I 16 июля. ППВ. Т. 11/2. С. 355.

[3] «Народ боится говорить вслух, но втихомолку идут толки, что будто царь, окружённый неприятелем, вынужден был биться три дня и три ночи, будто гвардейские полки Преображенский и Семёновский, почти уничтожены и обоз их разграблен». Письмо Л. Вейсброда герцогу Квинсберри 2 августа 1711 г. из Москвы. Сб. РИО. Т. 50. С. 466–467.

те ими «многих мест». Такая молва заставила венецианцев сфальшивить, что если Россия продолжит войну, то Венеция присоединится к ней[1]. В Петербурге сочинили и в 1712 г. издали «Приветственные стихи Петру I». В них воспевалась победа 30-тысячной русской армии над 200-тысячной османской: «Храбро, мужественно многочисленных противных побиша, себе же с малым уроном благополучной мир учиниша»[2].

Турецкая и европейская историография единогласны в том, что Пётр якобы изначально не собирался выполнять Прутский мир. Это неверно. Договор 12 июля Пётр I твёрдо решил выполнять — об этом свидетельствуют июльские и августовские распоряжения царя о переброске полков (в том числе гвардейской бригады) с юга в направлении Померании и об ускорении постройки кораблей и бригантин на Балтике. Но Пётр I знал, что Карл XII не перестанет мутить русско-турецкие отношения даже после сдачи Азова *(«Наш чюдин, пока жив, чаю, покоя едва будет»)*. Поэтому он пытался подправить детали, относящиеся к Польше и к удалению короля из османских владений. Восстановив полностью самообладание к 15 июля, Пётр I указал не спешить отдавать Азов и Таганрог без ратификации договора Ахмедом III и без высылки из Молдавии главного подстрекателя войны — Карла XII, не разорять Каменный Затон и Новобогородицкую крепость и тянуть («косно исполнять») их ликвидацию до конца сентября.

26 июля Пётр I, «не доходя Днестра за 4 мили», советовал Шафирову «…понеже наши войска завтра или послезавтрее будет к Днестру, також и Рен скоро к нам будет», в целях скорейшей высылки Карла, «пристращать» турок задержанием войск в Польше и «неотдачею Азова», эвакуация которого

---

[1] Экстракт из письма И. Х. Урбиха из Вены от 15 августа 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 107, 118. Позже венецианский посол в Вене говорил, что с потерей Азова русский флот отсечён от моря и корабли Венеции не смогут соединиться с ним. И. Х. Урбих — Г. И. Головкину 4 ноября 1711 г. Там же. Л. 178. В первых числах августа 1711 г. И. Х. Урбих показывал дипломатам письмо от краковского почтмейстера «о взятии Бендер русскими войсками штурмом после трёхдневной атаки, причём будто бы убито 40 000 турок и король шведский взят в плен, после чего туркам пришлось молить о мире, на условиях, предложенных царём». Сб. РИО. Т. 50. С,472.

[2] *Люстров М.* Шведские и русские победословия эпохи Северной войны // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 328.

дело «сверх человеческой силы». (В сентябре 1711 г. Шафиров просил уведомить «без утайки» собирается ли государь содержать мир и отдать Азов.)

Передачу Азова царь указал тянуть вплоть до начала ноября (вывозя военные припасы в Черкасск вначале из Таганрога), и не отступать от днепровских крепостей войскам Бутурлина и Скоропадского[1].

3 августа 1711 г. царь считал, что, получив «прибыточный мир», турки не начнут новой войны. Османы де заинтересованы, чтобы «в Польше король шведской паки возмутил и остался в войне с нами, а оне в покое безопасном. Мы, разсуждая сие, войск своих из Польши не выведем по договору, пока подлинно проедет король шведской к себе». Д. М. Голицыну 3 августа царь предписал замедлить раскопку земляных валов Каменного Затона и Самары («до половины, дабы сидеть было нельзя») до конца сентября или половины октября («и что позже, то лутче»). Менее ценные железные пушки с десятью выстрелами на каждую, разрешалось оставить, а мортиры, медные орудия и все прочие военные запасы вывезти в Киев[2].

Выполнение Прутского договора заклинило.

Турецкое командование 28 июля намекало Шафирову, что при конвоировании Карла XII в начале осени 1711 г., турецкий конвой не заступится, если того захочет захватить Август II: «желали, почитай, научали они, чтоб я писал х королю Августу, дабы его поимал, говоря, что их де люди за него битца не станут, но, может быть, при сей наступающей осени вскоре, введши его в Польшу, назад позбегутся, только б де ваши русские люди в то не мешались»[3].

---

[1] ППВ. Т. 11/2. № 4592–4595. «На Таганроге разорить один полигон гораздо… хотя до подошвы и с форверками, а более того отнюдь ничего не разорять. Пётр I — Апраксину 28 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 43–44. «Азова не отдавай, но немедленно пиши, х которому времени можешь исправитца» — инстуктировал царь Ф. М. Апраксина 19 сентября. Там же. С. 137. Этому не противоречит надежда царя, что когда-нибудь Азов и Таганрог вернутся в руки России: он указывал разрушать стены только до подошвы, но не фундаменты, «ибо может Бог по времени инако учинить, что разумному досыть». ППВ. Т. 11/2. С. 138.

[2] ППВ. Т. 11/2. С. 69, 79. Д. М. Голицын «расстроил Каменно-Затонскую крепость» и вывез оттуда хлебные припасы и амуницию в конце сентября 1711 г.

[3] ППВ. Т. 11/2. С. 369.

4 августа Балтаджи, передавая Шафирову и Шереметеву копию-перевод ратификации Ахмеда III, клялся на Коране, что «немедленно» вышлет Карла XII. Короля пытались выпроводить «прямым путём до Померании без всякой мешкоты» в сопровождении пяти тысяч конницы под командой румелийского куббе-везира Хасан-паши («больше для чину, а не для войны способные люди») и татар с пятью тысячами «пахотных мужиков для лица»[1]. (Тайно Хасан-паше было предписано провожать Карла XII только до Львова, а королю объявлялось о принудительном выдворении, если тот не выедет добровольно.) С июля под Бендерами стояло 18 тысяч турок, которые вплоть до 16 октября перехватывали курьеров короля. Охрану янычар сняли, но «извергнуть камень преткновения» не удалось из-за решительного противодействия шведов, стоявших в боевой готовности и продолжавшегося восемь суток.

В августе турки осознали полноценность победы 1711 г. («Зело нынешнею компаниею ободрились»). В Язловце на границе два посланца — турок и татарин «с приязнью» предлагали гетману Л. Поцею, С. Хоментовскому и подольскому воеводе, чтобы Речь Посполитая отошла от короля Августа, а русские больше не появлялись в Польше. Мало того, они призывали ревизовать русско-польский мир 1686 г.: «чтобы Его Царское Величество старыми границами довольствовался… и отнятое у Речи Посполитой назад возвратил»[2].

В середине августа 1711 г. «всесовершенную власть имевший» везир пресёк связь короля с Германией и шведскими агентами в Стамбуле, убрал оттуда резидента Т. Функа, запретил продавать шведам провиант и приказал арестовывать тех из них, которые будут пробираться в Константинополь. Он же знакомил Шафирова с перехваченными письмами Дезальера к Карлу XII, где писалось, что ничто царём «не будет сдержа-

---

[1] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 4 августа 1711 г. *Базарова Т. А.* Русские диплматы... С. 199, 208–211. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 11. Л. 137, 147. В это время три сотни запорожцев пришли к русским на Правобережную Украину. Шереметев «обнадёжил их милостью», но взял под караул.

[2] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. 1711. Кн. 14. Л. 173. Поляки поздравляли посланцев с победой, благодарили за заботу о Польше, предлагали придерживаться Карловицкого мира и проводить Карла XII не дальше Львова, после чего конвой будет польским, ибо «негоже врага посылать чрез сердце Короны Польской». Там же. Л. 177–178.

но». В середине сентября он в восемь раз срезал довольствие короля — с 444 пиастров до 50 пиастров в день[1]. Озабоченные азовским вопросом, турки обещали в Польше «никаких диференций не чинить» и рекомендовали Орлику не заводить ссор с русскими и уйти в Крым. Одновременно Хасан-паша, прибывший с подводами в «Карлополис», безуспешно «с великим криком» пытался выдворить шведского короля[2].

Около 13 октября турецкий конвой был распущен. Всплыли варианты высылки поджигателя Турецко-русской войны не через Польшу, где поляки «могут зачать с ним ссоры», а через Трансильванию, через Царьград морем вокруг Европы или даже через Россию, при гарантийных обязательствах русского посольства и киевского губернатора Д. М. Голицына. (Карлу XII и в страшном сне не мог привидеться вояж через страну «варваров»). Пётр I определённо не желал видеть короля в Стамбуле, но был не против путешествия «нашего чудина — брата Карла» через свои земли. В таком случае он предписывал «трактовать его яко монарха и для того его прохождения и при нём шведов изготовить подводы и всякой живности и показать во всём довольство»[3].

Перехватывать короля царь не собирался, но 27 ноября 1711 г. наставлял провожать Карла XII до Финляндии окольным путём через Москву, чтобы тот «не задолго мог приехать до кампании будущей (1712 г.) в свою землю». Такого «щастия» не случилось и Пётр I предписал Меншикову как можно скорее слать войска в Померанию, к которым добавятся солдаты

---

[1] *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender…S. 161–162. Канцелярист Иван Небогатов сообщал 28 сентября 1711 Шереметеву, что король просит от Порты 1000 кисетов левков на лошадей, жалованье своим людям, на путевые расходы и на выплату местным заимодавцам. Он, де, король, не поедет, «если только его не умертвят и не повезут его тело, вот тогда он и денег требовать не будет». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 91–92.

[2] 28 сентября «великий промеж турки и шведами крик был; турки приказали им, как шведам так и полякам и запорожцам, чтоб до одного места сбирались и стращают им каторгами того ради, что много от них воровства и грабежу скотине». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 90. ППВ. Т. 11/2. С. 366–367. РГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 86, 91–92.

[3] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 104–110. 13 июля Пётр был готов предоставить 500 подвод «для проезду его персоны и сущих при нём шведов». ППВ. Т. 11/2. С. 7, 352.

из Прутского похода, а также построить в Риге, Пернове и Луге 80 бригантин и прекратить корабельные работы в Воронеже.

Мыслями царь уже целиком был на Балтике: «…хотя с убытком сей мир с одной стороны, аднакож… уже мы вовъсе розвязаны с турской стороны и можем всею силою […] воевать против шведов. Того для въсяким способом старатца, дабы сего лета хоть один какой замок… нарочитой взять (или город, дабы тем основать войну в Померании и датчан привязать)»[1].

В Речи Посполитой вспыхнула тревога, что турки, оторвав Россию от союза с Польшей, начнут угрожать татарскими вторжениями. Там «зело боялись, что не оставили ль [русские] их вовсе» и просили не посылать Карла XII через Польшу, а русских — не выводить войска, если шведский король всё же пойдёт сквозь их страну[2].

Польская оппозиция сочла Прутский мир почти победным для короля Станислава. Потоцкий, взбодрившись тем, что турки не хотят видеть Августа II королём, 1 августа 1711 г. н. ст. призвал соединяться вокруг «Станислава Первого» и заверял, что Порта заставила Москву уйти со всех польских земель и вернуть полякам Правобережную Украину[3].

Перейдя Днестр, Шереметев с драгунскими и семью пехотными полками дивизии А. А. Вейде и Л. Н. Алларта остановился у Полонного и Острова, чтобы подстраховать путь «старика Карло Карловича» (так именовал шведского короля В. В. Долгоруков). Фельдмаршал получил право вершения дел с турками «без указу», но боясь попасть впросак, старался застраховаться указами царя, отбывшего для поправки здоровья в Центральную Европу, а потом на свадьбу сына Алексея с принцессой Софией Шарлоттой, которая состоялась 14 октября в Торгау.

Лечение водами мочекаменной болезни государя было успешным, но связь на расстояниях в 1000–1130 км между П. П. Шафировым, Ф. М. Апраксиным в Азове и Петром I

[1] Пётр I — Г. Ф. Долгорукому 28 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 41,43.

[2] Без позволения поляков турки не могли провожать Карла XII через Польшу. Пётр I — Г. Ф. Долгорукому 7 сентября 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 121. Пётр I — П. П. Шафирову 14 сентября. Там же. С. 125; Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 80–81.

[3] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 75–76.

в Карлсбаде, катастрофически опаздывала. Шереметев, боясь принять ответственность на себя, страшился объявить туркам сроки ликвидации Каменного Затона и Новобогородицкой крепости и затягивал дело. 18 сентября раздражённый монарх пригрозил фельдмаршалу бесчестием: «ежели впредь так станете глупо делать, то не пеняйте, что на старости обесчещены будете».

В середине августа в Стамбул вернулся из-под Азова ага, сообщивший ответ Ф. М. Апраксина, что меньше, чем за год управиться с вывозом огромного имущества нельзя. Задержку в сдаче Азова Балтаджи «принял в великую злобу и почал с великим сердцем говорить…, что мы миру домогались, когда войсками их окружены и в руках их были, и он не пойдёт до тех мест отсюда, пока не исполнено вовсе будет… и будет де более прежнего войск збирать».

Верховный везир был то «в превеликой печали и опасности от салтанского гнева…, что так слабо поступил в договоре об отдаче Азова», то грозил заложникам стамбульской тюрьмой, или «в куски иссечь» их[1].

17 августа садразам, Девлет Герай, янычарский ага Юсуф-паша, куббе-везир и ещё десять пашей с «великой яростью» обрушились на Шафирова и Шереметева за явный обман и угрожали вторжением османского войска в российские пределы. Шафиров впал «в самую десперацию», заклинал «ради Свейской войны без умедления» сдать уступленные крепости, писал, что готовится к смерти и просил Петра I позаботиться о его семье[2].

19 августа садразам собрал большой военный совет («великий диван» везирей и высших воинских чинов) и заставил П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева подписать обязательство, что Азов будет вручен «Сиятельной Порте» через 61 день после 19 августа (то есть к 20 октября), Таганрог через четыре месяца, Каменный Затон и Новобогородицкая крепость будут

---

[1] Стресс и боязнь расправы стала причиной преждевременной смерти Балтаджи в 1712 г.

[2] П. П. Шафиров — Петру I 17 и 19 августа 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 390–395. В письме к Г. И. Головкину Шафиров писал, что «турки… пеняют на везиря, что до бою не допустил. И могут они собрать и вдвое перед нынешним, понеже без страху будут итить». Там же. С. 395.

полностью разорены через два месяца, считая с 19 августа. Русские припасы позволялось вывозить оттуда в любое время[1].

Боясь за свою жизнь, Балтаджи и Юсуф-паша тайно подали надежду о «склонности к миротворению», непременной высылке Карла XII и об «усмирении» всех татар. Оба сказали, что крымский хан «скинут или удавлен будет и ныне везирь от себя побранясь с ним… [говорил], что [тот] во всём миру является противен и татарам делать ссоры повелевает»[2].

30 августа 1711 г. царь вторично выслал обязательство *«за себя и за наследников наших… во всех пунктах… свято и ненарушимо вечно содержать»* договор 12 июля.

1 сентября несколько успокоенный Балтаджи снова обнадёжил подканцлера, «что не токмо уймут впредь татар, но хана сего скинут, ежели мы по мирным договорам всё исполним»[3]. Подканлер по намёку секретаря Мехмеда-паши преподнёс ему два портрета царя с бриллиантами. В ноябре садразам заверял, что если добром Карл XII не пойдёт, то он «положит ему верёвку на шею и вытащит его из державы турецкой».

3.5. ПОХОД В ПРИКУБАНЬЕ

Безнадёжно запоздавшей и половинчатой оказалась «диверсия» против Малой Ногайской орды, начатая 24–29 августа 1711 г. Она не только не оттянула на себя «анатолийские силы», но вызвала крупные ответные набеги. Война на огромных пространствах Прикубанья, Подонья и всего «Дикого поля» вплоть до реки Ворсклы развернулась уже после Прутского мира, затянулась до сентября 1711 г. и продолжалась потом ещё несколько лет.

Операция в Прикубанье («Кубань Его Царскому Величеству покорить или разорить») планировалась русскими полками, донцами и калмыками с севера, кабардинцами с юга и даже с запада — с Азовского приморья[4].

---

[1] П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Ф. М. Апраксину 19 августа 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 190–191; ППВ. Т. 11/2. С. 395–396.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 7а. Л. 117.

[3] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 82.

[4] «Собрався морскими большими и малыми судами и казацкими лодками, выйдем на море и обще, как землёю, так и морем, над кубанцами

В начале 1711 г. кабардинские князья взяли на себя инициативу восстановления русского подданства и войны с врагами России. 2 февраля саратовский комендант Н. П. Беклемишев известил кабардинских князей, что «великий государь указал на турок и на крымцов идти… Федору Матвеевичу Апраксину со многими полками… и вы, соединяся [с калмыками] войною на кубанцов подите безо всякого сомнения неотложно»[1]. В том же феврале князья ответили, что «впредки какой будет… договор и мирное постановление, и в то число и нас, раб своих, не позабутьте, чтоб крымский хан нам впредь никакой обиды и шкоды не чинил»[2].

5 мая Ф. М. Апраксин ошибочно предположил, что ногайцы Кубанской орды в 1711 г. останутся «смирны» и сообщил, что он также призвал «черкесов» идти вместе с донскими казаками и калмыками «для разорения Кубани»[3]. (Одновременно ногайцам обещалась и «оборона» России, если они не будут «битися» с русскими войсками)[4].

13 мая 1711 г. брат Федора Матвеевича, ближний боярин, казанский и астраханский губернатор П. М. Апраксин, оставив в Казани комендантом Никиту Кудрявцева, выступил против Малой Ногайской орды с солдатами, драгунами и добровольно явившимися недорослями (6353 чел.). Часть войск отправлялась на судах по Волге. Регулярные части, взятые из гарнизонов, конечно, не были «первосортными». Вместе

будем чинить диверзию». Ф. М. Апраксин — Петру I 14 июля 1711 г. из Троицкого. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 156–157. В апреле калмыцкие тайши, прибыв к верховьям Маныча и, не дойдя до Азова 100 вёрст, ушли назад за Волгу, ссылаясь на то, что «от великих снегов лошади и верблюды их исхудали», но обещали вернуться, как только подрастет трава и им будет прислано хлебное и денежное довольствие. Ф. М. Апраксин — Сенату 15 апреля 1711 г. из Таврова. Доклады и приговоры Сената... Т. 1. С. 89, 154. Поход кабардинцев против ногайцев освещён в кандидатской диссертации В. Н. Сокурова и его статьях. *Сокуров В. Н.* Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. Диссертация на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 1977; его же: Освобождение Кабарды… С. 208–233.

1 ППВ. Т. 11/1. С. 433..

2 Там же. С. 432.

3 ППВ. Т. 11/1. С. 477. См. также *Бранденбург Н. Е.* Кубанский поход 1711 г. // Военный сборник. СПб., 1867. Т. 54. С. 29–42.

4 ППВ. Т. 11/1. С. 401.

с донскими, яицкими казаками и нестроевыми у него было 13 888 человек. Была и артиллерия с 67 служителями[1].

В июне в Азов прибыли посланцы из Кабарды, которые обнадёжили, что всадников из Черкессии и Кабарды наберётся до 15 тысяч, а вместе с «чёрными работными людьми» (ополчением) якобы и до 30 тысяч. 29 июня 1711 г. на съезде кабардинцев в Большой Кабарде князь А. Б. Черкасский обещал им протекторат русского царя. Кабардинцы («черкесские владельцы») со своей стороны просили не оставить «черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру», испрашивали погодного жалованья («как предком их было жалованье прежде») и защиты от врагов («ежели неприятель наступит на них»). Они же выставляли желание не посылать их в дальние походы.

Со съезда «горские черкесы и кабардинские владельцы» отправили царю грамоту о «великой недружбе с крымским ханом и кубанскими татары», начиная с «азовского взятья», о желании «вседушно и радетелно служить», о принятии русского подданства и включении их в «мирное постановление», если таковое случится, с турецким султаном и с крымским ханом[2]. Они же просили присоединить к ним часть драгун из гарнизонного полка в Астрахани. («Хотя бы малое число для славы взять драгунов из Астрахани»). Попытка Девлет Герая склонить кумыков для нападения на кабардинцев с востока и всё Предкавказье «привесть салтану турскому… даже до персидской границы» — не осуществилась[3].

Извлечь до конца пользу от калмыцкого войска в 1711 г. не удалось. Калмыцкое ханство, достигшее при хане Аюке высшей ступени развития и пика боеспособности, только формально признавало протекторат царя и проводило независимую политику. Аюка балансировал между Москвой, Стамбулом и окружавшими его мусульманскими народами. Калмыцкие воины, часть которых имели железные доспехи, легко

[1] П. М. Апраксин — Сенату 1 июня 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 37 об.; *Бранденбург Н. Е.* Кубанский поход 1711 г.… С. 30–32; *Приймак Ю. В.* Северо-Восточное Причерноморье… С. 241–242.

[2] ППВ. Т. 11/1 № 4312 и прим. См. также донесение 30 июня 1711 г. А. Б. Черкасского Петру 1. Там же. С. 436.

[3] Запись 1712 г. в Посольском приказе словесного донесения кабардинских владельцев. *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 390–391.

совершали тысячевёрстные походы и были грозой для ногайцев, юртовских (астраханских) татар, каракалпаков, казахов, туркмен Мангышлака, кумыков Терека, горцев из Кабарды и Дагестана, кубанских татар и башкир Южного Урала. Эти западные монголы не только помогали в боях со шведами, поляками и крымцами, но и подавляли восстания булавинцев, астраханцев и башкир. В 1630-х гг. они оттеснили казахов за реку Эмбу, из междуречья Яика и Волги изгнали Большую Ногайскую Орду и иногда перебирались на правый берег Волги[1]. В 1655/1657 гг. калмыцкая знать оформила акт о подчинении царю Алексею Михайловичу. С 1708–1710 гг. взамен за защиту восточных границ калмыкам разрешили кочевать вплоть до Дона. «Калмыцкие татары гораздо воинственнее и сильнее прочих татар» хвалил царь[2].

Вместе с тем в Москве хорошо знали о тайных контактах Аюки с Бахчисараем, воеводы с Волги доносили о возможном уходе части калмыков в пределы Крымского ханства[3], а по-

---

[1] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman sous la régne de Pierre le Grand (d"après les documents des archives ottomanes // Cahiers du monde russe et soviétique. P. 1966. N 1. P. 66–68, 73. Перевод см.: *Лемерье-Келькеже Ш*. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа средневекового и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 257–258, 265.

[2] *Юль Ю.* Записки… С. 250. В сражении при Калише 18 октября 1706 г. участвовало 10 тысяч калмыков, в 1708 г. 20 тысяч их воевали с восставшими башкирами и несколько тысяч участвовало в битве при д. Лесной. В 1709 г. 3-тысячное калмыцкое войско явилось под Полтаву, возможно, специально после битвы. *Артамонов В. А.* Калишская баталия 18 октября 1706 г. М., 2007; его же. Мать Полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008.

[3] «Аюка-тайша с крымскими ханами непрестанные имеет пересылки и табуны в Крым посылает по вся годы и татаровя называют его ханом. И всякие ведомости с московской стороны в Крым от него, Аюки, чинятся». По сведениям, полученным подъячим В. Айтемиревым от татар в 1695 г., Аюка после посылки в 1694 г. трёх тысяч калмыцких и кумыцких всадников на помощь туркам в Венгрию, просил подкрепить его крымскими и ногайскими войсками, чтобы идти «под городок под Казань и под иныя, которыя обретаются по Волге реке», под предлогом отместки за разорения калмыцких улусов донскими, гребенскими и яицкими казаками. Распросные речи В. Айтемирева. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695. Д. 1. Л. 21–23. См. также переложение письма сына Аюки Гунжапа

сол П. А. Толстой из Стамбула писал о связях Аюки с султаном Ахмедом III. В конце 1703 или начале 1704 г. по поводу восшествия Ахмеда III «на османский победоносный трон», Аюка через посланца — ногайца Иш Мехмед-агу отправил «светочу чертогов величия и славы, солнцеподобному султану двух материков» акт клятвенного обещания «быть недругом вашему недругу и другом вашему другу», а также обещания верности и службы с напоминанием, что калмыцкие ханы с 1648 г. уже дважды обращались к его предшественникам с просьбой о переходе в османское подданство. «Наша просьба и прошение к высочайшей государевой милости состоит в том, чтобы [вы] излагали нам любые приказы… дабы мы, по мере возможности выказав свою покорнейшую службу, делали [для их исполнения] всё, от нас зависящее»[1].

В 1704 г. Аюка обещал служить османскому «Порогу Счастья», дружить с мусульманами и охранять «победоносные пределы Крымского вилайета»[2].

Посланцев, появлявшихся в Стамбуле в 1710–1711 г. от хана Аюки («отзывавшегося с услугами» против Москвы), Порта выслушивала, но не верила, так как де он не «нашей веры»[3]. Устное послание Аюки в Стамбул весной 1710 г. о будто бы планируемом антирусском «союзе четырёх племён» — башкир, казахов, каракалпаков и калмыков[4] следует признать дипломатической игрой.

Здесь имеет смысл раскрыть опасность связей Аюки с турками для Астрахани и Северного Прикаспия, что до сих пор не вошло в оборот исторической науки. Изложенные ниже сведения были вскрыты П. П. Шафировым в 1714 г.

В Стамбул постоянно прибывали «хивинцы и бухарцы», обещавшие легко взять Астрахань при помощи Аюки: «не-

---

царицынскому воеводе Ф. Р. Ермолаеву от 12 мая 1702 г. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1702. Д. 2. Л. 6.

[1] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Волжские калмыки… С. 261–262. См. также отпуск указа царя азовскому губернатору Т. Н. Стрешневу РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704. Д. 9. Л. 1–2.

[2] Отпуск письма османского великого везиря калмыцкому хану Аюке 28 октября 1704 г. *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 314–315.

[3] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 24 июля 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп.1. 1714. Д. 3. Л. 274–284, 303, 308–309.

[4] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 48; Лемерье-Келькеже Ш. Волжские калмыки… С. 265, 271.

престанно к турскому двору приезжают послы узбе[к]ские и туркменские, которым имянем здесь турки называют бухарцов, хивинцов, також народы некаких ханов кашкарского и ахменского и харазинского... и приемлются зело честно и с великими дарами отпускаются… Турки их ласкают, …чтоб во время случившейся войны у них с Персиею иметь от тех народов помощь против персиян. А со временем де, понеже почали сюда приезжать узбеки, или бухарцы и при Астрахани живущие почали с ними турки иметь разговоры, как бы их употребить и против Царского Величества во время с ним войны». Так сообщал 24 июля 1714 г. П. П. Шафиров.

В 1714 г. бухарский бей Атей прислал «своего свойственника духовного человека мул[л]у Мусу». Мулла от имени Атея и «некоторых же знатных в Астрахане ж живущих бухарцов» заверял, что «они все не токмо по единоверию Порте верны, и желают им служить во всяких случаях против Царского Величества, но и склонили будто к тому и калмыцкого Аюку хана, что и он согласен с ними быть в послушании и подданстве у салтана. И буде де ему угодно, то могут они Астрахань у московских без всякой трудности взять, ибо оная всегда, почитай, в их руках, понеже де при оном городе они живут и свободно в оной ходят. Толко б Порта приластила и обнадёжила Аюку хана своею протекциею и награждением».

Тогда верховный везир Али-паша видимо, оценил это как авантюру и отвечал, что «Аюке хану не верят, ибо он не их веры и человек непостоянной, и хотя и преж сего и отзывался пред четырьмя леты [в 1710 г.] к Порте с склонностию своею ко услугам против Москвы, а потом посылал во время начатия войны у них с московскими, людей своих на подданных их нагайцов войною и учинил им разорение[1]. И тот де мулла Муса говорил, что он, Аюка в том отговаривается, будто люди ево яко самовольные то учинили без его воли. А он де в то время Порте услужить не мог за тем, что о начатии оной войны против Царского Величества был неизвестен заранее. Ныне, буде когда похочет Порта то учинить, то он ко вспоможению готов и обще с ними, бухарцы Астрахань могут взять, толко б Порта

[1] Имеется в виду совместный поход калмыков с П. М. Апраксиным в августе 1709 г.

помыслила как её содержать, и приняли б потом ево, Аюку в свою протекцию и подданство и дали ему место где с своими людьми кочевать».

Али-паша «не дал никакой подлинной на то резолюции, но сказал, что о том помыслят, и, увидя впредь ис поступков того Аюки, так и станут в том поступать»[1].

О контактах Аюки с турками Шафиров разведал, подкупив и «подпоив вином» некоего агу («эмиря») бухарца, живущего в Стамбуле, который часто бывал в Астрахани. Этот эмир выяснил, что Аюка прислал в Стамбул посланца родом из Кашкар Хаки-хаджи «з грамотою к салтану и везирю и с комиссиями тайными… А ехал де он чрез Кубань и был и у хана и принят от него честно и подарен и послан сюда к Порте». Аюка предлагал помочь взять Астрахань «и быть потом в подданстве у Порты, желая кочевать у Азова. Також имеет де он приказ от Аюки домогатся на то дело от Порты денег».

7 августа Шафиров узнал от бухарца содержание грамоты Аюки к Порте, в которой тот сообщал, что калмыки люди свободные и желают с Портою быть в приязни, с приятели — приятелями, а с неприятели неприятелями. Если Порте будет угодно «употребить людей его против кого похочет, и они де могут им против их неприятелей служить, и какие земли Порте или места во область взять. И чтоб Порта к нему, Аюке хану, была бы склонна и учинила б какое награждение ему. А он готов Порте против всех неприятелей пограничных услужить». О том же Аюка писал и крымскому хану.

Никакого ответа на эту грамоту Али-паша не дал и обещал отпустить посланцев Аюки до рамазана, до 1 сентября[2].

Русский посол выяснял, нет ли в Стамбуле казанских или астраханских татар и ногайцев, кочующих под Астраханью и каково отношение Порты к этим «русским» мусульманам. Ага-бухарец, судя по его словам, наговорил везиру, что на калмык надеяться невозможно, «ибо они обыкли непрестанно не-

---

[1] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 24 июля 1714 г. Получено в Петербурге 3 сентября. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 274–284.

[2] П. П. Шафиров предположил, что отвечено будет только комплиментом, так как у Турции с Россией в то время уже не было состояния войны. П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 9 августа 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 308 об. – 309 об.

постоянствовать и не быть ни на которой стороне постоянно верны, как и башкирцы, которые также присылали преж сего к Порте при везире прежнем Али-паше, которой также тогда ево спрашивал, мочно ли им тот народ по прошению их принять под протекцию Порты и дать им жилище в Крыму, как они просили». Знатные же мурзы астраханских ногайцев постоянно пересылаются с ханом Крыма.

Понятна безрезультатность попыток Аюки перейти под турецкий протекторат — для османов далёкое Поволжье в то время было менее значимым, чем потеря Мореи, Венгрии или Трансильвании.

Шафиров объяснил садразаму, что пользы от подобных «русских» подданных не будет никакой, «но возмутят оныя, будучи в Крыму и татар и будут от них непрестанные неспокойства, как потом то дело и не состоялось. А сей де Аюка с калмыки просил преж сего и у бухарского хана себе места для кочевья, обещая принять веру мусулманскую, но бухарцы не похотели ево принять, ведая, что от них было б неспокойство, а не полза (что он, ага утвержал за правду нашему переводчику) и везир де говорил ему аге, смеясь — «увидим де, что после с ними чинить надлежит… И хотя де тот посланец Аюкин… Хаки-хаджи непрестанно домогается, дабы сперва к везирю, а потом и к салтану допущен был з грамотами, однакож по сё число не был допущен, и дают ему корм съестными харчами, левков по десяти на день».

В Россию Шафиров давал совет: «не без опасения в том, чтоб сей везирь, хотя и не мысля войны с Царским Величеством начать, однакож не склонился б иного — денежною дачею возбудить калмык и тех бухарцов к бунтам против Царского Величества и не велел бы им трудится что-нибудь незапно над Астраханью, от чего, Боже сохрани, сделать, а меж тем будет смотреть, что тамо чиница станет и по тому поступки свои восприимать».

Шафиров предлагал «сперва тех заводчиков бухарцов мул[л]у Мусу и бея Атея с товарищи, позвав зачем в город Астрахань, взять за караул и ими о той измене розыскать, а иных мурз их и знатных людей бухарцов также и из нагайцов прибрать к рукам. И впредь оных народов в город не пускать и иметь от них осторожность, а лутче б и вовсе их оттуду буде

возможно, известь, а по последней мере иметь на них присмотр, и ни из Астрахани, ни ис Казани, ни за чем сюда татаром и бухарцом ездить не позволять и чтоб не имели случая к факциям. А как от того удержать Аюку, того не знаю, однакож, может быть, что и он, увидя, что тот умысл открылся, впредь престанет»[1].

По донесению вице-канцлера двух бухарских заговорщиков сослали «на Кольский острог на вечное житье», а мусульманам России на некоторое время запретили паломничество в Мекку[2].

Несмотря на подвохи Аюки, Петербург исходил из того, что Калмыцкое ханство было русским протекторатом. 4 марта 1711 г. Пётр I основной части калмыцкого войска предложил, не дожидаясь соединения с П. М. Апраксиным, нанести упреждающий удар: «со всеми тайшами и с улусными [...] людьми» «иттить напредь на Кубань и в Крым» и «разорять жилища и отправлять всякие воинские действа» против кубанских ногайцев.

Но Аюка не выполнил этого распоряжения. Только 17 июня хан встретился с П. М. Апраксиным на Ахтубе и с большим запозданием послал на ногайцев 20 474 всадника во главе со своим сыном Чапдержапом, а также внуком и зятем.

27 июня калмыки сошлись с русскими и 3 июля соединённые силы двинулись от Царицына к Азову[3]. Через 156 вёрст дух наступающих упал. От великого зноя «умножилось» число больных солдат и драгун, телеги ломались, лошади измучились, калмыцкая конница «скучала» и просила наступать быстрее[4].

2 августа казанский губернатор получил от брата-адмирала весть о мире между Россией и Османской империей, но война с Ногайской ордой продолжалась с обеих сторон. Пётр Матвеевич 5 августа, пройдя от Царицына 516 вёрст,

---

[1] Там же. Л. 281–283 .

[2] *Андреев А. А.* Россия и Бухарское ханство в конце XVII — начале XVIII в.: к истории нескольких посольств // Меншиковские чтения 2013. СПб., 2014. Вып. 9. С. 20.

[3] «Никогда таких лучших людей и столько нигде в походах не бывало, больше двадцати тысяч их ныне со мною… и зело охотно идут» — писал о калмыках П. М. Апраксин брату 3 июля 1711 г. «из обозу меж Царицына и Дону». *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 150–151.

[4] П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину 12 июля 1711 г. от р. Аксая. Там же. С. 156.

был у Азова и только с 14 августа стал преследовать ногайцев, уходящих к рекам Ея и Кубань.

От реки Бейсуг П. М. Апраксин выслал в погоню мобильный корволант — 18 тысяч калмыков, драгун, донских и яицких казаков, а сам с регулярными частями пошёл вверх по Кубани для соединения с кабардинцами, намереваясь дойти до урочища Элан-ачю, где был брод через эту реку[1].

29 августа первое столкновение заставило часть ногайцев бежать за Кубань. Успех свой в походе вдоль Кубани П. М. Апраксин невероятно раздул. В тот же день 29 августа он разорил центр Малой Ногайской орды — Копыл, потом прошёл 86 вёрст вверх по течению и написал, что пленил якобы 38 560 мужчин и женщин, перебил 11 460 человек и сжёг 20 тысяч (!) деревень. Калмыки де угнали 22 490 человек, 2000 верблюдов, 39 200 лошадей, 195 тысяч голов рогатого скота, 227 тысяч овец. (Русские потеряли убитыми, ранеными и пленными 150, калмыки — 541 человека). Похвальбе Апраксина нельзя верить потому, что Закубанье не превратилось в пустыню и при его отступлении ногайцы энергично взялись за преследование.

С кабардинцами казанский губернатор так и не соединился и в конце августа повернул на север, опорочив союзника: «А горские владельцы солгали, к нам не приехали или приехать не смели, зело безсильны и не могли себя собрать, чтоб было 3000; и калмык, которые были от нас 1000 человек посланы им в помощь, при себе задержали… Также князь Александр Черкасский писал, что была и у них акция невеликая и кубанцев несколько и от них убито»[2]. Получив сведения, что из набега на Саратовский и Пензенский уезды возвращаются около 3000 ногайцев, которые разорили 36 деревень, П. М. Апраксин послал в августе им навстречу калмыков, которые в 50 верстах от Кубани у р. Чала (Сал) 4 сентября перебили нападавших и освободили от двух до пяти тысяч русских селян[3].

---

[1] ППВ. Т. 11/1. С. 407; ППВ. Т. 11/2. С. 397; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 5. Л. 1–38.

[2] П. М. Апраксин — Петру 15 сентября 1711 г. из обозу от р. Кагальника. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 196–197; Г. И. Головкин — П. П. Шафирову 28 сентября 1711 г. из Риги; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 10. Л. 23 об.

[3] *Приймак Ю. В.* Северо-Восточное Причерноморье… С. 246.

5 или 6 сентября 1711 г. войска казанского губернатора снова бились недалеко от реки Чала с четырёхтысячной конницей нуреддин-султана, бросившегося на «реванш» вместе «с кубанцы и абазинцы и воровскими казаками-некрасовцами». Нападавшие по данным П. М. Апраксина потеряли 1400 человек убитыми и 470 пленными[1].

За «конечным изнеможением людей и лошадей» казанский губернатор вернулся к Азову, а 14 октября 1711 г. отбыл в Царицын. Поход П. М. Апраксина на Кубань не был погромным и не сказался к выгоде России.

От князя А. Б. Черкасского поступили более скромные сведения: 5 тысяч кабардинцев под командованием его брата — князя Татархана Бекмурзовича вышли из своих жилищ на 100 вёрст и 30 августа на берегу Кубани после короткого боя рассеяли, как писал Александр Бекович, 10 тысяч ногайского нуреддина («султана мурадина») вместе с полутора сотнями «воровских казаков Игнатки Некрасова». За противником кабардинцы гнались два часа, перебили 359, пленили 40 человек, захватили 2700 лошадей. Нуреддин был ранен в ногу и «с небольшими людьми ушёл». Много людей бросилось в реку и потонуло. Из некрасовцев спаслось мало. Кабардинцы потеряли 70 человек убитыми и 120 ранеными[2].

В 1712 г. в письме к царю кабардинцы преувеличили свой успех: «хотя и противно стали против веры нашей, на войска

---

[1] П. М. Апраксин — кн. В. В. Долгорукову из Азова 22 сентября 1711 г. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 198–199.

[2] См. упомянутые выше работы В. Н. Сокурова, а также письмо А. Б. Черкасского — А. Д. Меншикову 31 августа 1711 г. от р. Кубани. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 343. См. также: Адмирал Ф. М. Апраксин — Сенату из Таганрога (Троицкого) 15 сентября 1711 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 188. 368–371. Возможно, что кабардинцы нанесли поражение абазинцам и карачаевцам, но потом свернули своё наступление, так как с тыла на Кабарду напали отряды тарковского шамхала и дагестанцев. *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 87. Через два месяца тысяча кабардинцев отогнала 5500 лошадей, успешно отбившись от втрое сильнейшей погони. А. Б. Черкасский оставался в Кабарде с июня 1711 по июнь 1712 г., пытаясь подключить к борьбе с Крымом кумыков и чеченцев, обещая им русское покровительство и вознаграждение. (Те обещали помочь при условии оплаты их воинов, но в целом дело окончилось безрезультатно.) Осенью 1712 г. русское правительство в награду горцам выделило 6000 руб.

нурадына салтана в котором было 15 тысяч, мы били боем и рубили саблями… И ис того войска нурадына салтана несколько побили до смерти, иных в реке потопили, а сам он, нурадын салтан, ранен насилу ушёл». После сражения кабардинцы «стояли близ неприятеля», ожидая П. М. Апраксина, но тот, не известив их, ушёл назад. «И о том мы зело опечалялись, для того, что будто мы стали ему ненадёжны, и в том на него пеняли». В противном случае «не един бы татарин на Кубани не остался. И от города Тамани… до Кабарды и… до Терка, которые живут у гор народы, все бы те вашему величеству поддались». В случае новых нападений ногайцев кабардинцы просили поддерживать их терскими казаками и калмыками. «Сколько мочи нашей будет, кровь свою проливать готовы…, а буде мочи нашей против крымцев стоять не станет, в том на нас не изволь гнева своего держать, для того, что Крымская Орда сильнее нас и войска у них премного»[1].

В награду за кампанию против ногайцев Посольский приказ в 1712 г. послал «черкесским [главным] трём персонам» меха на сумму 3000 руб., и 2000 руб. денег, а царь 16 мая 1713 г. направил кабардинским князьям «благодарную» грамоту с обещанием милости и «в награждении жалованья».

Война в Прикубанье стимулировала конфликт крымцев и ногайцев с адыгами, но никак не помогла русской дипломатии на переговорах в Стамбуле в 1712 г. Падишах и крымский хан претендовали на «влияние» в Кабарде, требовали от них повинной за бунт «против своего государя и веры» и готовились к реваншу.

26 сентября 1711 г. адмирал Апраксин писал Шафирову, что «от непостоянных крымцов и кубанцов бедные християне терпят великое разорение. После состояния мира ханской сын Арбей Батыр Герай из украинных городов и из Слобоцких казацких полков побрал болши дватцати тысяч человек. Также и кубанской нарадын салтан с кубанскими мурзами после миру в государевых городех побрали болше десяти тысяч душ и донские городки и калмыцкие улусы в конец разоряют,

[1] Перевод с татарского письма… каков писали… кабардинские владельцы с узденями… 1712 году сентября в 30 день. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2. № 6.

за что зделано на Кубане некоторое отмщение и взято у тех мурз , которые шли из городов, калмыцкими войски болши дву тысяч душ християн и несколько татар… Всякое разорение и нестерпимые обиды християнским народам чинятца непрестанно от кубанских и крымских татар. И ныне их боле 1000 человек под Танбовом и под Пензою и под другими государевыми городами разоряют. А отмщения чинить за учинённым нынешним миром не можем»[1].

В декабре 1711 г. перед Николиным днём «20 000 крымской орды пошло на черкесы для помоги ногайцам от калмык»[2]. Осенью 1712 г. крымский отряд в 6000 человек снова напал на кабардинцев; нападение было повторено и весной 1713 г. В том же 1713 г. султан и хан требовали от кабардинцев повиниться за разорение «кубанских жителей» и войну против Османской империи, но те ответили — «мы издавна у русских царей в подданстве»[3]. В мае 1714 г. князь А. Б. Черкасский сообщал, что из Крыма по указу Порты в Черкессию, Кабарду и Дагестан отправлены посланцы с предложением принять подданство ханства.

Можно добавить несколько слов о некрасовцах. Ожесточение и ненависть наследников вождя казацкого восстания К. А. Булавина 1707–1708 гг. можно понять. Во время смертельной схватки со Швецией, русское правительство пресекало дезертирство на Дон, с которого, по давнему обычаю, «выдачи не было». После разгрома булавинского «сполоха», И. Некрасов 9 сентября 1708 г. увел за Кубань около 2000 (по другим данным до 8000) казаков-староверов вместе с семьями. «С лишком со ста человек» пришли в Кабарду[4].

Основная часть казачества на Дону, Донце, Хопре, Медведице, Бузулуке во главе с войсковым атаманом Петром

---

1 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 7а. Л. 162 об. – 163 об.

2 Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 124.

3 После этого крымцы и ногайцы «собрав великия войска дважды на нас [кабардинцев] приходили и мы, сколько могли, от них боронились». Письмо кабардинских владельцев ранее 13 июля 1713 г. Перед ним помета: «1713 г. ноября в 26 день подал князь Александр Бекович Черкасской». *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 393–394.

4 Доношение присланного от Аюки хана афицера Беклемишева, марта 2 1711 году. *Рахаев Дж. Я.* Политика России… С. 368.

Емельяновым (возможно до 20 тысяч казаков в сотне станиц) в 1708–1713 гг. верой и правдой защищали Россию (в том числе под Лесной и Полтавой) и слагала песни про «шельму-изменника» Некрасова[1]. Позже некрасовцы мстили и расправлялись с жителями станиц и русских деревень, грабя «у москалей» никонианские церкви и монастыри[2]. Занимающийся «казаковедением» историк Д. В. Сень переход части казаков на сторону врагов России именует «выбором», (также, как ныне на Украине квалифицируют измену Мазепы) и «неконфронтационным» сожительством с Крымским ханством[3]. Поддержку сепаратизма, хвалу «симфонии» симбиоза, «благоденствию» и «верному и сознательному служению некрасовцев Гераям», где якобы «подданство не воспринималось унижением», нельзя оправдать. С античности люди осуждали принцип «где хорошо там и родина». Далеко не все некрасовцы горели жела-

---

[1] Некрасовцы, переметнувшиеся на сторону крымцев, османов и шведов пели по другому: «Мы пойдем, братцы, разобье м армеюшку, А мы, братцы, армеюшку Царя белого, Царя белого, да Петра Первого». *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков некрасовцев Ростов/Дон 1961. С. 26, 157 162, 170.

[2] *Иванов-Желудков В.* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. М., 1866. Т. 63. № 6. С. 430, 432. «Лил Игнат пули, ядра из крестов, колоколов, вот и покарал нас за то Бог. Потому мы в Турции убавляемся… и напасти на нас разные напали» — рассказывали потомки некрасовцев. *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков некрасовцев… С. 152–153, 252, 253. В советское время бегство на Дон ходульно объясняли тем, что дезертиры-беглецы, не желая быть «крепостными или физически уничтоженными», вели классовую борьбу.

[3] См.: *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XIX в.). Автореферат диссертации на сискание учёной степени доктора исторических наук. Ростов-на-Дону, 2009; его же: Миграция некрасовских казаков на земли Причерноморья: практика и тенденции начального этапа (до 1712 г.). Проблемы адаптации // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011. С. 94–112. В XIX в. анатолийский некрасовец, морочил голову заезжему русскому, когда прихвастывал: «У какого царя живём… тому и служим верой и правдой казацкой, по чести, без лжи и измены. Таков наш закон от Игната… За то у нас и херманы (фирманы) от всех царей и от всех садразамов есть». *Иванов-Желудков В.* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. М., 1866. Т. 63. № 6. С. 420.

нием воевать «*крест на крест*» с русскими. Многие желали вернуться в Россию и пели: «Мы отрубим Игнатке буйную голову, пойдём опять служить царю Петру Первому»[1].

3.6. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ: ВОЙНА СЕРБСКИХ СОЮЗНИКОВ

Помимо Восточной Европы, Петру Великому удалось создать фронт и на западе Балканского полуострова. Война сербских союзников продолжалась до 1714 г.

В Москве хорошо знали о православной солидарности балканских славян. Вера южных славян в мессионизм русской «боговенчанной державы» родилась в конце XVII в. после краха надежды на католических лидеров в Восточной Европе — Австрию и Польшу.

Могущество русского царя казалось сербам исполинским. В понимании сербов «превысочайший господарь Пётр I был первым императором и вторым Константином Великим» (так обращался к нему серб-герцеговинец М. Милорадович). Сербская «огнепальная любовь» держалась на православии. Сербы, греки, молдаване, валахи, болгары и македонцы не сомневались, что «светлозарному светилу» Всея Руси под силу изгнать османов из Европы. В проекте мира с Портой 23 октября 1698 г. Возницын указывал, что если султан является покровителем всего исламского мира, а австрийский император католиков, то Россия имеет право вступаться за православных[2]. Это стало стержнем русской политики на Балканах в XVIII и XIX вв.

Координация военных действий русских и сербов в Герцеговине, Приморье и Черногории в 1711 г. началась слаженно. Полковник русской службы М. Милорадович был назначен командующим всеми «многочисленными народами» в Сербии и Албании («Скандербегии»). 12 апреля М. Милорадович получил в Бухаресте грамоту царя от 3 марта и надворного советника серба-герцеговинца С. Л. Владиславича от 4 марта,

[1] *Савельев А. М.* Сборник донских народных песен. Песни исторические СПб., 1866. № 12. *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков некрасовцев… С. 218. *Тумилевич Ф. В.* Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д, 1963. С. 140–142.

[2] *Богословский М. М.* Пётр I. Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 393.

в котором тот неявно обнадёжил, что Русская армия с царём появится в мае на западе Балкан[1].

В манифесте авторитетно заявлялось, что весной 1711 г. русская армия во главе с царём войдёт «*сильным оружием в средину владетельства*» Османской империи, после чего «наследницы Магомета будут прогнаны… в пески и степи аравийския». Капитан Иван Албанез (псевдоним монаха Моисея Митановича) послал 12 писем в Македонию, Албанию, Черногорию, Герцеговину и Приморье. Личный призыв царя к балканским христианам и в особенности к каждому из племён Черногории, вызвал взрыв энтузиазма[2]. И если валахи и молдаване обещали присоединиться только после появления войск царя на их землях, если греки сулили выставить 10–15 тысяч повстанцев лишь после присылки русских знамён, патентов и медалей, то славяне Черногории без помощи русских, венецианцев, австрийцев и при нехватке оружия сразу вслед за получением царских грамот начали освободительную войну. К восставшим присоединилось и католическое сербо-албанское племя климентов, поднятое хорватским архиепископом В. Змаевичем[3].

«Горная крепость» Черногория была очагом свободы для христиан Сербии, Герцеговины, Боснии и Северной Албании. Политический вес воинственной южнославянской земли был неизмеримо выше её экономического и военного потенциала. Мобилизации не требовалось — боеготовность черногорцев с давних времен была высокой, они ежемесячно по несколько раз схватывались с турками[4].

---

[1] «Прошу, да изволиш пойти в Сербию, Албанию, к климентам, кучам, пиперам, черногорцам и к иным и увещевайте оных, дабы, собрав, воевали на турков. Ибо наш Всемилостивейший Царь и государь со всем своим сильным воинством и своею особою месяца майя, аще Бог изволит, имеет быти в тамошних странах». — Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 31. См. также Распопович Р. Первые официальные визиты черногорцев к Российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г. // Черногорцы в России. М., 2011. С. 10–11.

[2] Грамота черногорскому народу от 3 марта и христианским народам, подвластным Турции от 23 марта 1711 г. ППВ. Т. 11/1. С. 117–119, 151–153.

[3] Об этом трижды писал Шафирову П. А. Толстой. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 133 об.

[4] Их характеристику первой трети XIX в. без особого риска можно отнести на век назад. Е. П. Ковалевский в 1838 г. писал, что черногорцы «с восторгом стремятся к битве, смерть в сражении отрадна — она оставляет

Черногорский Давид раньше всех балканских христиан бросился на османского Голиафа за «единоверие и единоязычие» с Россией, за «христолюбивого царя нашего Петра Алексеевича, великого императора русинского и самодержца всех северных стран». Восстание, которое турки сочли за всеобщий пожар, дружно началось в июне 1711 г.. Страстный патриот Черногории и России митрополит Скадарский и Приморский, владыка Цетиньский Даниил Шчепчевич Негош собрал в своём доме на горе Ловчен старейшин Чёрной Горы и Герцеговины и поднял «за христианскую веру и честь царя» несколько сотен воинов[1]. Албанез в Герцеговине вооружил (видимо, в основном, холодным оружием) на свои средства отряд в 800–1000 воинов. Там же отряд силой в роту собрал воевода Славуй Дьякович[2].

Ставка вождей — Даниила, который называл себя «владыка Цетиньский Негош воеводич сербской земли» и «великого полковника и кавалера» русской службы М. Милорадовича была в монастыре Цетинье. Денег М. Милорадович привёз безнадёжно мало. Ему и его брату Гавриилу пришлось взять

по нему долгую память и прикрывает народным уважением его оставшееся семейство. Не только православные, но и магометане и албанские католики переходят в подданство или правильное покровительство Черногории и вместе с нею вступают в число нападающих и обороняющихся». «Сила Черногории и её политическое бытие основаны не на… числе народа, но… в духе его». Пётр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М., 2013. № 176.

[1] «Из негромонтанов до сего времени собралось с лишком десять тысяч… и ежели крепкия ваши войска чрез Дунай пройдут, то учинятся во всей Румели, Македонии и в Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общаго врага христианов» — сочинял Д. Ф. Боцис. Д. Ф. Боцис — Петру I 18 августа 1711 г. из Венеции. ППВ. Т. 11/1. С. 423. 5 февраля 1712 г. М. Милорадович преувеличил силы повстанцев до 29 800 бойцов и писал, что мог бы собрать ещё 20 тысяч, если бы имел порох, свинец и деньги. — Политические и культурные отношения России… С. 40–41. Р. Распопович рискованно сопоставляет 30 тысяч партизан Милорадовича с регулярной армией Петра I, которая имела численность 38 326 воинов. Распопович Р. Первые официальные визиты черногорцев… С. 12, 25. См. также: *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Зборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С. 13.

[2] *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 32–33 В честь начала восстания была сложена песня: «Са Ловчена кличе вила, ој, Русијо, мајко мила».

взаймы 2250 золотых червонных на изготовление знамён с русским гербом, покупку пороха, свинца, прочей амуниции и подарки кнезам, воеводам и воинам[1]. Ружья были не у всех, пушек совсем не было.

Невозможность захвата турецких гарнизонов вряд ли сбила боевой дух и вокруг Никшича, Спужа, Колашина, Подгорицы и Жабляка земля горела до ноября[2]. Боевые действия разных племён задержали часть албанских и герцеговинских войск, которые могли бы быть брошены против русских. И турки и венецианцы полагали, что повстанцы имеют в виду какие-то далеко идущие планы, а не только набеги в разных направлениях[3].

Будучи в эйфории, славяне на Балканах ожидали, что «триумфальные знамёна» русского царя взовьются под Царьградом! Во второй половине июня черногорцы начали жечь мусульманские деревни, разорять мечети и впервые осаждать укреплённые города — Гацко, Никшич, Спуж и Жабляк, пытаясь за неимением пушек ломами и кирками разрушать каменные стены[4]. Во второй половине июля 1711 г. силы восставших насчитывали до 6000 воинов[5]. Турок изолировали в городах, но без артиллерии и военных инженеров захватить

---

[1] У владыки Саватия занято 500, у купцов 806, роздано сукна на 620, выплачено жалованья 324 червонных. Г. И. Милорадович и М. И. Милорадович — Петру 1 мая 1715 г. РГАДА. Ф. Сербские дела. Оп. 1. 1714–1717. Д. 1. Л. 80 и об. Милорадович в 1715г. просил послать в Черногорию ещё 24 медали по пять червонных и выплатить ему полковничье жалованье за 5 лет, в связи с тем, что денег, кроме кормовых не получал. Сыну М. Милорадовича Стефану тогда же была пожалована пара соболей и шёлковая ткань с золотыми и серебряными узорами (байберек).

[2] *Јовановић Ј.* Везе Црне Горе са Русијом од друге половине XVI вијека до данас // Историски записи. Цетиње, 1948. Књ. 2. С. 148–149.

[3] *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори од појаве Милорадовића до Нуман-пашиног похода (1711–1714) // Историски записи. Цетиње, 1955. Књ.11. № 1–2. С. 182–183.

[4] У восставших было всего две пушки, приобретённых в Дубровнике. *Станојевић Г.* Црна Гора у доба Владике Данила. Цетиње, 1955. С. 74. Посол в Польше Г. Ф. Долгорукий доказывал австрийскому резиденту О. Плейеру, что из-за восстания сербов турки не осмелятся перейти на левый берег Дуная. О. Плейер вдове императрице Элеоноре из Ярослава 18 (29) июня 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 51.

[5] *Самарџић Р.* Срби у Турском царству 1718–1737 // Историја Српског народа. Срби у XVIII веку. Београд, 1986. Књ. 4. Т. 1. С. 29.

укрепления было нельзя. От Никшича повстанцы отошли через 5 дней[1].

Среди «австрийских» и «турецких» сербов массового движения не вспыхнуло. Тех, кто ещё не осел прочно в Паннонии, в марте 1711 г. призвали соединиться Русской армией через Богдана Поповича, который привёз полковникам Й. Текелии, В. Иличу, Рашковичу для раздачи 4 алмазных и 53 золотых портрета царя[2].

В сербских землях призыв Петра I нашёл отклик, но население не рисковало выступать против турок, когда Русская армия находилась далеко за Дунаем. Печский славеносербский патриарх Афанасий отправил в Россию письмо, в котором заявлял, что, если война будет идти в Сербии, он сам будет помогать русским и перейдёт на их сторону.

Не хотели расставаться с сербской военной силой и Габсбурги, которым эти воины оказали немалую помощь в борьбе с восстанием Ференца II Ракоци. Вена пресекала поездки сербов в Россию и боялась появления солдат царя за Карпатами. Австрийцы были против оголения австро-турецкой границы и против ухода сербских граничар с венгерских земель, где те так ожесточенно бились с куруцами. Поэтому энергичному и смелому Й. Текелии приходилось поднимать сербов конспиративно. Это сильно осложняло дело. К 29 июня (в день апостолов Петра и Павла) сербы «во всём оружии» «пошли… оттуду своею охотою», но австрийцы блокировали их перемещение. Молдавский гетман Йон Некулче взвел напраслину на валашского господаря К. Брынковяну, который якобы пресёк соединение 20 тысяч сербов с армией Петра I[3]. Из-за ав-

---

1 *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955. С. 65.

2 *Димитријевић Ст. М.* Грађа за српску историју… С. 251.

3 По отзыву Шереметева Некулче в то время бедствовал: «На свете такова я человека не видал, как пребывает здесь гетман волоской в мизерии з женою и з детьми, по миру скитаетца и не токмо по вся дни, но и по всяк час слезами скучает, дабы ему учинить предел или отпустить или принять в службу и учинить заплату… Изволите умилитца на ево бедность и нищенство, изволте что-нибудь ему определить…, понеже он болши чаю, уже жить с печали не может, ежели ему скоро решения не учинитца… А он между тем от голоду с своими людьми помирает». 25 августа фельдмаршал предлагал выделить Некулче часть из имений Шидловского, переданных Кантемиру. Б. П. Шереметев — Г. И. Головки-

стрийской блокады летом 1711 г. к Русской армии пробилось вначале всего 157 человек[1], потом несколько больше.

Горстка сербов (239 человек) и венгров (140 рядовых гусар и 117 рядовых пехотинцев) произвела хорошее впечатление на фельдмаршала Б. П. Шереметева, который счёл их боеспособнее молдавских гусар.

Сербы, жившие непосредственно под османской властью, без военной поддержки вообще не имели возможности поднять восстание.

Мир царя с турками не пригасил славянское восстание на западе Балкан, куда докатывались противоречивые вести. Оправдалось пророчество оказывавшего «службу великую интересам царского пресветлейшего величества» архиепископа Бара Вицко Змаевича, писавшего 26 февраля 1711 г., что если русские в самом начале не одержат победы и не напугают турок, то они не облегчат положения христианских народов[2].

Значение Прутского мира. Турецкие историки высоко оценивают «реванш на Пруте». С 1711 и по 1715 г. пошла череда османских успехов против России, Польши, Черногории и Венеции. «Помня Прутские дела» Порта даже через четверть века «легко ценила» Россию[3]. В памяти же русских потомков отложилась гнетущая память о трагедии царя в 1711 г.: *«Проклятый, поносный Прут». «Название сей реки от 1711 года было весьма противное слово для ушей российских»*[4]. Не случайно генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев подвёрстывал подписание Кючук-Кайнарджийского договора 10 июля 1774 г. к дате подписания Прутского мира.

ну 9 июля и 25 августа 1713 г. из Киева. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 102 об ., 140.

1 Неточно указано у С. К. Богоявленского — 148 человек. *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений…С. 29. Он не учёл девятерых офицеров. капитана В. Болюбаша, «который с того времени обретался на службе… безотлучно». Потом число сербов увеличилось ещё на несколько десятков.

2 *Радонић J.* Римске курије… С. 529.

3 *Соловьев С. М.* История России… М., 1963. Кн. 10. С. 386.

4 *Миних Э.* Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). М., 1996. С. 148.

Однако в целом действия России на балканском и кавказском направлениях в 1711 г. были удовлетворительными. В Валахии был даже успех — взята турецкая крепость Браила. В Приазовье был отбит турецкий морской десант, в Прикубанье частично разорена Малая Ногайская орда. Прутский договор 12 июля 1711 г. ничего не дал ни Шведскому королевству, ни экс-королю Станиславу Лещинскому, ни «бендерскому конгломерату» — польской оппозиции и наследникам Мазепы. Не случилось опасного возвращения «северного льва» на Балтику — он на следующие три года засел в глухом углу Молдавии.

На севере союзные русско-саксонско-польские войска (около 85 тысяч) в августе 1711 г. выдавили шведов из части Передней Померании к Штеттину и Стральзунду. Общий расход русского пороха в 1711 г. достиг 26 610 пудов (426 т)[1].

Вместе с тем Прутский договор нанёс тяжкие утраты Российскому царству. Он отсёк его от «Тёплого моря», покончил с Азовской эскадрой, азовской прибрежной обороной (крепостями Азов, Таганрог, Павловск, Миус), Воронежским Адмиралтейством, верфями и судостроением в Воронежском крае, «Ивановским каналом» (двухсотвёрстным водным путём, строившимся в 1701–1711 гг. по рр. Дону, Шату и Упе и связывающим через Оку Волгу и Дон)[2].

Южный флот, гавани и крепости, на устройство которых были потрачены громадные силы и средства, царь отрывал от себя с кровью[3].

Ликвидация Каменного Затона, крепостей Новобогородицкой и Новосергиевской укрепили безопасность Крыма[4] и теперь ханам можно было расширять сферу влияния на север — на барьерные земли Запорожья и Правобережья Днепра. (Ради отговорки Девлет Герай говорил, что Украина не будет ни под ничьим протекторатом).

---

[1] Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. 5. С. 375. В 1712 г. — 762 пуда.

[2] *Юркин И. Н.* Пётр Железный: Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. С. 75–88.

[3] 19 сентября 1711 г. Пётр I писал Апраксину: «С слезами прошение ваше видел, о чём прежде и больше вашего плакал»). ППВ. Т. 11/2. С. 137.

[4] «Один из плацлармов имперской колонизации Запорожья был уничтожен». — Так хлёстко пишет *Мільчев В. І.* Сергіївська фортеця… С. 174.

Турки, не считая Правобережную Украину «польской»,[1] стали претендовать на «обе стороны Днепра». Судьба части Малороссии и Правобережья вообще могла в 1711 г. повиснуть в воздухе, если вспомнить роковые слова царя *«ставь с ними на всё, кроме шклявства»*. Петру I пришлось проститься не только с видами на приналежавшее Польше Правобережье, откуда православное казачество выдавило шляхту, но и с нейтральной («пустой» после 1686 г.) полосой вдоль Днепра. (Фактически она была заселена украинцами)[2].

Ещё при Днестре Пётр I 17 июля выписал инструкцию Шереметеву — разорить Белую Церковь и Немиров, вывести гарнизон из Полонного и отдать его полякам, если будет отписка от Г. Ф. Долгорукова, а «козаков, которые бунтовали, вывести к Москве ближе, а прочих за Днепр переселить». Фельдмаршал должен был наблюдать за проходом шведского короля, препятствовать его соединению с поляками и идти фланговым маршем вдоль Вислы в сторону Пруссии.

Положение пехотных полков было незавидным: «ротные лошади уже мало не все померли», сена после саранчи было мало, тащить казённые телеги и провиант приходилось пехоте, провианта и дров не было, солдаты болели, воровали, были ободраны, не было рукавиц, шуб, обуви — доносил Вейде 7 октября. Половина драгун, большинство которых состояло из рекрут, не имела «не токмо ружья, а у других лаптей не было».

В октябре 1711 г. польские гетманы то требовали покинуть территорию Короны, то, опасаясь турок, просили, чтобы русские прикрыли южную часть коронных земель от Рашкова до Брацлава и оставили часть полков при Немирове и у Белой Церкви, «дабы оттоль оборонять могли» от приверженцев шведского короля и Лещинского[3].

Всплыли и побочные спекуляции вокруг Прутского мира. В Париже стали думать, как поднять теперь турок против Габс-

1 «И сие краи и не знают, что польские». ППВ. Т. 11/2. С. 17, 78.

2 «И которыя городы и места написаны в Вечном миру с поляки быть пустым, оныя все зжечь и разорить». «Пункты» Б. П. Шереметеву 31 июля 1711 г. ППВ. Т. 11/2. С. 56.

3 Решение военного совета 10 октября 1711 г. в Полонном. РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. Св.1. Д. 4. Л. 18–19. К. Э. Рённе — Петру I 15 ноября 1711 г. РГАДА. КАб.ПВ. Отд. 2. Кн. 13. Л. 884 и об.

бургов. Послу Г. И. Волкову, с которым раньше обходились «беспозорно», стали «чинить дикий приём», отказывая в аудиенциях. Венецианский Сенат уклонился от союза с Россией. Саксонские генералы поступали в отношении к русским «зело гордо», как «волки к овцам». Всплыли планы раздела Речи Посполитой, по которым Великое княжество Литовское должно отойти к России, Великая Польша к Пруссии, остаток Короны Польской — Августу II. «Кто знает, не отдана ли туркам Подолия с Каменцем, или другие провинции Польши?» — задавался вопросом Г. В. Велчек[1].

Союзная конфедерация сандомирян усилила нажим по поводу возврата Белой Церкви и прочих «на Украине от Палея взятых мест, Речи Посполитой надлежащих». В Польше и Литве поднялась «шатость», шляхта начала говорить о сборе посполитого рушения и расторжении союза с Россией. С «великим бесчестием» изгонялись и даже рубились русские фуражиры, просивших выдавать солдатам по два фунта хлеба и полфунта мяса. В. В. Долгоруков считал, что если турки начнут войну, то озлоблять поляков не надо, если же нет, то провиант можно «рвать и с принуждением»[2]. «Я никогда поляков к нашей стороне так противных не видал» — сообщал Г. Ф. Долгоруков из Варшавы 8 апреля 1712 г.

Но полноценно использовать поражение России ни поляки, ни саксонцы не могли из-за давления шведов и польской эмиграции.

Как только померк «полтавский престиж» русского оружия в глазах Блистательной Порты, она перешла в наступление. Прутский мир сильно ободрил войско и двор. Много греков было зверски убито и много «потурчилось»[3]. Катастрофически пострадала Молдавия, куда Порта запустила запорожцев, которые бесчинствовали вплоть до Хотина. «И дана им во всём над волохи воля… и всех ловят и мучат и хлеба крадут и всякую живность»[4]. Часть молдавского ополче-

---

1 РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 34.

2 Пётр I, напротив, указывал провиант в Польше «брать з добрым порятком, что б от поляков ни было». ППВ. Т. 12/2. С. 126.

3 И. Х. Урбих — Г. И. Головкину из Вены 21 октября 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 167.

4 Сообщение 29 февраля 1712 г. агента из Молдавии — Б. П. Шереметеву. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 16. Л. 33. Яссы грабили вплоть до 21 июля

ния рассеялась. Три молдавских боевых полка (два Танских и один Кигеча) связали судьбу с Россией и просили определить им место для жительства[1]. Из нерегулярных частей при армии Пётр I указал оставить только лучших — 500 донцов, венгров 500, волохов 500, а прочих распустить. На вопрос, держать ли молдавские полки при армии или отпустить, Пётр I вначале поставил знак креста, потом зачеркнул его[2]. Валахия не подверглась опустошению, но в 1714 г. за многолетние связи с Россией мученическую смерть вместе с четырьмя сыновьями принял в Стамбуле Брынковяну, который отказался от помилования в обмен за обращение в ислам[3].

Для Петра I провал балканской эпопеи означал не только политическое, но и моральное поражение. Позже Пётр I не забывал, но и не раздувал восстаний балканских христиан и делал ставку исключительно на тактику обороны на степном пограничье. После набегов крымцев и ногайцев был сделан вывод, что регулярные войска не справляются с подвижной конницей противника и Б. П. Шереметев предложил к весне 1712 г. набирать как можно больше донских казаков и калмыков[4].

1711 г. *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода… С. 116–117. «После ухода Думитрашко водэ из Ясс, татары начали грабить и жечь Цара де Жос... напустились к утру в торг Галаць и взяли в плен всех людей которые укрывались в монастыре Св. Георгия, ворвались в монастырь и грабили всё что нашли... Не осталось в святом монастыре ни колоколов, ни дверей, даже кресла и святые иконы поломали и сожгли. А торг Бырлад ещё хуже натерпелся — остался лишь пепел... Вот во что превратил страну Думитрашко водэ Кантемир своим поспешным решением, что не поправится навеки». (Н. Костин). Электронный ресурс. Режим доступа http://www.gao25.ru/--xvi-xvii-/1594.html

[1] Б. П. Шереметев интересовался о выплате жалованья недавно завербованным («новозатяжным Накулова, Киржева, Абазина») молдавским полкам, а также сербской и польской ротам, которым заплатили только за 1–3 месяца.

[2] ППВ. Т. 11/2. С. 46.

[3] Бывшего Андреевского кавалера Пётр I проклял. «Обнадёживания господаря мултянского… в самом деле июдским лобзанием было, ибо всё сообщал туркам, что от нас получал и нарочно тянул на нашу пагубу». ГСВ. Вып. 1. С. 176.

[4] Боеспособность малороссийских казаков как тогда, так и по прежнему опыту боёв 1708–1709 гг., считалась ограниченной. Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 2 января 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 16. Л. 1.

ГЛАВА IV

УХОД В ГЛУХУЮ ОБОРОНУ НА ЮГЕ

4.1. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВТОРАЯ ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ

«Вечный мир» 1711 г. продержался всего три с половиной месяца. Молниеносность Прутской кампании распалила агрессию в султанском дворце Топкапы. С конца июля 1711 г. к султану Ахмеду III от шведов, крымцев и поляков сыпались вести, что договор несоизмерим с катастрофой царя на Пруте, когда «непобедимое войско султана загнало неверную Москву в самое пропастное место». В Стамбуле возмутились против русских, которые «Мегмед-пашу обманули и подкупили и что он тот мир учинил собою без указу салтанского». Послам-заложникам было «ясно объявлено, что ежели Азов не будет отдан ныне, то уже войну объявят, а их отдадут на убиение янычаном». Сонм поджигателей (шведы, Дезальер, Девлет Герай, Потоцкий, Понятовский) исходил криком, что алчный и бездарный верховный везир «одурачен» царём, что виной скверного мира — нагруженные золотом телеги, прибывшие ночью в турецкий лагерь, что русские продолжают оккупацию Польши. Канцлер Карла XII Г. Г. Мюллерн дал знать послу Дезальеру, что Балтаджи упустил шанс, который выпадает раз в тысячу лет. Представитель французского «аспидского племени» раздул срок вдвое и сообщил в Париж, что подобного не бывает и в 2000 лет[1]. Спекуляции о шансе на Пруте, который выпадает раз в две тысячи лет и очернение Мехмеда Балтаджи нужны были для его низвержения. Чтобы унизить

[1] Эту одиозность позже подхватила европейская историография, это же повторил и А. Н. Курат. См. также: *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 120–121.

царя и выпятить его обречённость, в ход пошла байка о том, что жена Петра I провела ночь в шатре Балтаджи. Эта нелепость давно была опровергнута даже в Турции А. Н. Куратом, но «пережёвывается» до сих пор[1].

Карл XII, не отрешившийся от великодержавных амбиций, мечтал снова оседлать польский плацдарм и поднять турок с поляками против России. Шведы предлагали использовать «великую конфузию» противника, помочь Швеции и Крыму, после чего Российское царство будет «опровергнуто».

В 1712, 1713 и 1714 гг. России пришлось биться на трёх направлениях — наступлением в Финляндии и Северной Германии, глухой обороной на Украине и на драматичных переговорах в Стамбуле и Эдирне, где умерла часть русского посольства.

Никто из бывших членов Священной Лиги так и не помог России. Посол в Вене И. Х. Урбих, которому 29 ноября 1711 г. выдали полномочия на переговоры с императором Карлом VI, самозванно обещал «перепустить» Великому союзу 10, 15, 20 и даже 40 тысяч войск для войны в Италии и выплатить 1 млн ефимков,[2] если австрийцы поднимутся на турок. Но те всего лишь заявили в Стамбуле, что «по силе союза» не потерпят вторжения сил ислама в Польшу, увеличили гарнизон в Брашове (Кронштадте) до 12 тысяч человек и поставили усиленные караулы вдоль трансильванской границы.

Австрийский резидент на Босфоре Тальман, по словам Шафирова, был «противен Царского Величества интересам». Слабая «Речь Посполитая Венецейская», хотя и получила в Стамбуле заверение, «дабы она страху не имела», но панически боялась турецкого реванша. Слабой была её надежда отбиваться от турок на море двадцатью пятью галерами, не-

---

[1] *Reychman J.* Historia Turcji. Wroclaw etc., 1973. S. 175; Sejdamet Dz. Wprowadzenie do pracy E. Kirimala “Narodowa wojna krymskich Turkow” // RocznikTatarów polskich. Gdańsk, 1994. T. 2. S. 104–105. Цит. по: *Возгрин В. Е.* История крымских татар. СПб., 2013. Т. 1. С. 757–758.

[2] Царь, напротив, писал, что русские привыкли к «студёному воздуху» и могут заболеть от жары, как и в Молдавии. Но при выплате субсидий и гарантий на русские завоевания в Прибалтике, они могут быть использованы под командой царевича Алексея на Рейне или во Фландрии. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 3. Л. 28, 49–50.

сколькими галеотами и фрегатами, «а по сухому пути чают, не могут защититься». (Так писал М. Каретта Г. И. Головкину 18 августа 1712 г.).

Послы-заложники маялись в предчувствии «свирепого и превеликого мучения». («Истинно, государь, вне ума от превеликой печали и смертного страха обретаемся»).

Шафиров предупреждал о грядущем походе турок и татар весной. Если прежде подканцлер торопил сдать Азов, то теперь заклинал держаться за устье Дона: *«Хотя б Азов отдан был, то, однако ж, мир они не здержат, но войну начать конечно намерены»*[1]. Казаков он рекомендовал переселить с правого на левую сторону Днепра, оставив «Заднепрскую Украину» полякам, «чтоб Орлику в ней пристанища не было». (Турки и крымцы готовились переселять мазепинцев с низовьев Днепра под Новобогородицк и под «пустой» Кодак).

Как указывалось, передачу Азова Пётр затягивал, чтобы выдворить из османских владений «возмутителя» спокойствия — шведского короля. Прутский договор царь твёрдо решил выполнять, и, не дождавшись ратификации султана, к «смертной печали» Шафирова, царь «положил конечно отдать» все крепости, оговоренные договором 12 июля 1711 г. 17 июля царь приказал прекратить на Воронеже корабельные работы[2]. После этого он считал, что безопасность на юге будет установлена, а возможное вторжение Карла XII в Польшу «даст ему новых друзей».

С конца июля 1711 г. из Поднепровья и Приазовья эвакуировались огромные массы военного снаряжения и продовольствия. Артиллерию, оружие и кладь из Каменного Затона вывозили по Днепру до порогов, а потом на подводах на Гетманщину. В Троицкой крепости (Таганроге) Ф. М. Апраксин приказал делать мины под кавальеры и разбирать куртины и равелины. Земля там так ссохлась, что её приходилось рубить топорами. 4 августа в будары (грузовые барки) грузили в первую очередь медные пушки, мортиры и колокола. К 15 ав-

---

[1] П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Петру I 13 ноября 1711 г. Получено 1 января 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 298.

[2] Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. СПб., 2003. Ч. 1. С. 178.

густа 1711г. адмирал вывез из Таганрога и Азова медные орудия, церковные колокола, медь, олово и 10 000 пудов пороха. Выбирая «лучшие через пушку» стволы среди 2000 чугунных орудий, он собирался, если не хватит времени, подорвать все остальные. Артиллерию намечалось вывозить выше по Дону в «удобное место — Новый транжамент» на острове между Доном и Аксаем, «не доезжая Черкаска за 3 версты». Самое ценное имущество Апраксин намечал отправить к концу августа. Адмирал жаловался, что эвакуировать огромные крепостные и флотские припасы, тяжёлые морские и городские орудия будет невозможно вплоть до лета 1712 г. («насилу и в год может»)[1].

26 сентября 1711 г. в Москву из Азова с большой командой корабелов, флотских офицеров и матросов переехал вице-адмирал К. И. Крюйс, который пытался утешать, что все покинутые крепости легко можно вернуть.

6 октября 1711 г. Ф. М. Апраксин сокрушался, что до конца турецкого ультиматума о сдаче Азова (20 октября) осталось две недели и был «в немалом страхе, чтоб кораблей не отняли». Порта с 1704 г. настаивала либо сжечь, либо продать ей русские корабли[2], но наотрез и «со злобой» отказывались пропустить «Предестинацию», «Ластку» и две шнявы через Босфор, чтобы обвести их вокруг Европы в Петербург.

Из-за такой «суровости при невольном договоре, за конечным злобным розъездом» пришлось фиктивно продать османам за 26 167 венецианских золотых дукатов две шнявы и построенные руками царя два корабля — «Предестинацию» и «Ластку» (которая якобы была «зело худа») вместе с оснасткой, боеприпасами и инвентарём. (На них было 108 орудий, 3640 кг боеприпасов, 7339 снарядов, более 9 тонн черного по-

---

[1] См. также: *Комолов Н. А.* Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 1710–1720-е годы. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 13–14. 9 сентября Апраксин просил Сенат прислать ему на 1711 и 1712 годы жалованье на 4120 человек в размере 31 884 рубля. РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 762–765.

[2] *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 255. 15 июля 1711 г. царь писал Ф. М. Апраксину: «Корабли, которыя в Азове и на Таганроге, буде продать туркам нельзя, то жъжечь».

роха, запасы свинца, якори и т.д.)[1]. Все золото пошло на подкуп Юсуф-паши.

3 октября был отдан прощальный салют («должная честь из пушек») с бортов этих боевых судов, сняты русские флаги и вымпелы и 2 ноября 1711 г. капитан Симсон привёл их в Босфор[2]. Несколько галер, шняв и скампавей отправили вверх по Дону в Черкасск. Корабль «Шпагу» со сгнившими палубами и балками и «негодные» суда Азовской эскадры «предали огню». Через 15 лет после 1696 г. с Азовским флотом было покончено.

В присутствии бендерского сераскера Измаил-паши быстро разорили Новобогородицкую крепость, Каменный Затон, отдали 37 чугунных пушек, амуницию переправили в Бендеры[3]. У Балаклавы 30 турецких каторг и собрались идти под Азов, туда же должны были подойти кубанские ногайцы и черкесы.

19 октября 1711 г. по сухопутью к палисадам Азова подошёл турецкий сераскер Айвас-паша с тремя пашами и восемью тысячами войск, «кубанцов и некрасовцов тысячи з две, да с правиантом пришло десять шаек, и на них есть янычан… бутто две тысячи»[4]. Требуя впустить их в Азов, турки «зело сердитовали» и настаивали «разорять всё до основания», но Апраксин, не зная решения царя, собрал солдат в одно место и прервал эвакуацию.

---

1 *Недков Б.* Несколько документов о военных кораблях, проданных туркам после Прутского похода // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 186–198. По незнанию этот автор писал о выгодной продаже русских кораблей и об удовлетворении султана этой сделкой. На самом деле все деньги ушли в мошну Юсуф-паши. 15 апреля 1712 г. садразам указал, чтобы русские послы, «понеже обещанного числа червонных… пронесть [для него] трудно и опасно…, прислали к нему в приёме денег за карабли, которые принимают они, в цену отпись, бутто оные уже приняты и он те деньги может получить секретно». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 260. Деньги были зачтены «в дачу» обещанных Юсуф-паше 30 тысяч червонных, иначе «то б и даром те деньги пропали б», ибо получить их из султанской казны было невозможно. П. П. Шафиров — С. Л. Владиславичу 17 июня 1714 г. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Д. 10. Л. 401–402.

2 *Базарова Т. А.* русские дипломаты... С. 302.

3 Д. М. Голицын — Г. И. Головкину 6 октября 1711 г. из Печерской крепости. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711. Д. 5. Л. 33. По валам Новобогородицкой крепости ездил очаковский паша в сопровождении сотни турок и татар и осматривал сожжённые строения.

4 ППВ. Т. 11/2. С. 457.

Мехмед-паша Балтаджи, приняв жалобы станиславцев, шведов и даже поляков из Польши о наличии там русских войск, стал грозить новой войной. Отговорки Шафирова, что царь ожидает прохода Карла XII не принимались. 21 октября Балтаджи с войском прибыл в Адрианополь, а русских послов поставили «со всеми людьми стоять в палатках… в жестоком аресте».

31 октября Порта собрала «большой совет», который постановил вторично объявить войну России. Главный носитель османской державности Ахмед III аннулировал Прутский договор, «понеже он учинён без его указу от одного только Мехмеда Балтаджи», которого русские послы обманули. «Победитель на Пруте» так и не успел низложить Девлет Герая — тот «уходил его скоряе». Для отвода глаз «при многом собрании» Мехмеду-паше 8 ноября «объявили от салтана милостивое слово за его службу», прислали жалованье, вручили «шубу соболью, саблю оправную, да кинжал с каменьем… И везир приняв то, зело тому радовался и забавлялся музыкою своею гораздо довольно… а потом в ночи… везира отставили»[1].

Новым садразамом был назначен янычарский ага Юсуф-паша, имевший «мочь премалу при султане». 10 ноября Юсуф-паша всё же объявил, что Прутский мир будет содержан, если будут выполнены все его условия.

12 ноября всё войско вместе с ниспровергателем Девлет Гераем двинулось на юг в Царьград. В своих каретах под строгим караулом вывозили и русских послов. С 20 ноября их держали как арестантов, не выпуская даже за продуктами. Шафиров сделал вывод о грядущей к весеннему «Егорьеву дню» войне, их «свирепой казни» и предостерег от сдачи Азова. Татары, по его мнению, набегут «по первой зиме».

День 26 ноября стал переломным. Узнав, что Азов так и не сдан, турки «озлобились», резко взвинтили запросы и «с великим нареканием» по навету хана потребовали отдать весь малороссийский край, так как в турецком варианте Прутского договора царь де «оттянул руку» от всех казаков и запорожцев, а Мазепа со старшиной поддался под их протекцию[2].

---

[1] «И посажен он до указу в тюрьму со многими своими конфиденты». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 7а. Л. 178, 182 об.

[2] Шафиров отбивался тем, что по русскому тексту договора царь «отнимал руку» только от казаков, принадлежащих полякам и «у хана сущих»,

Захватом Украины Порта рассчитывала вбить клин между Россией и Речью Посполитой. Указывая, что не так важен Азов, как очищение Польши, через которую царь может снова вторгнуться в османские владения, Порта требовала и расторжения союза России с Польшей, в которой «ныне и впредь не быть ни одному человеку».

9 декабря Ахмед III издал хатт-и-шериф о военных операциях против России. 14 декабря 1711 г. снесли головы кяхье Осман-аге, секретарю — надзирателю за финансами Омер-эфенди, который составлял текст Прутского договора и писцу. В вещах Осман-аги нашли доказательства его вины — монеты саксонской и русской чеканки. Другие участники событий были брошены в заключение или сняты с постов, а их имущество конфисковано. Только благодаря заступничеству матери султана Мехмед-паша избежал казни, но лишился имущества и был сослан на о. Митилена, где умер своей смертью в 1712 г.[1]

Стратегия Крымского ханства состояла в том, чтобы отбросить северного соседа дальше от Причерноморья[2]. Девлет Герай заявлял, что войну с Россией надо начинать именно сейчас, когда войска царя «в розни против шведов», иначе если шведов разгромят, то Пётр захватит и Украину и Польшу.

а о малороссийских городах речи никогда не шло. Письма П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 26 декабря 1711 и 1 января 1712 г. РГАДА. Ф. 89. ОП.1. 1711. Д. 7а. Л. 210 об.

1 *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug…S. 64. В декабре 1711 г. и позже повсеместно была огласка, что его «пешего и босого, посадя на цепь» водили по Стамбулу и «задавили вере вкою» по тайному приказу султана за то, что взял 8 милионов рублей денег. ППВ. Т. 11/2. .616. Девлет Герай распространял слух, что двадцати участникам Прутского мира глаза и горло были залиты золотом и серебром.

2 Отпущенные из плена люди в середине декабря 1711 г. рассказывали, что татары «готовятся паки к войне и коней кормят, и приставлены над татары надсмотрщики от хана, дабы кони были сыты, и будто итить хотят с королём шведским в Польшу… Воевода киевский хочет, как реки утвердятся, иттить с татары на Немиров и бить на войска Царского Величества... Буджакской орде велено сбираться ниже озёр по сю сторону Днестра на Маяках… Турки марш свой хотят восприяти с частью к Киеву и с частью к Белой Церкви». Татары якобы зайдут со стороны Слободской Украины и пойдут до Севска, Карл XII с Орликом и казаками с Правобежья вместе с поляками пойдут под самый Глухов и там будут дожидаться османской армии, которая была собрана в 1711 г. По весне все двинутся на Москву! Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 102–103, 112, 117, 120, 131.

15 декабря хан «с великою честию от салтана отпущен и от везиря за город чиновно проважен».

Девлет Герай настаивал на очищении от русских «польского» Правобережья Днепра, находившегося в 1704–1712 гг. под контролем Российского царства и предлагал отбить Киев, «Киевское княжество», степи Запорожья, (так доносил голландский посол Я. Кольер) и даже Левобережную Украину[1]. В январе 1712 г. хан пугал, что если русские разобьют шведов, то они легко возьмут снова Азов, и что якобы новая крепость строится на р. Орель[2]. Бывшие мазепинцы (Ломиковский, Горленко, Мирович, Герцик, Быстрицкий, Максимович) в то время ориентировались на исламских покровителей и «Порту непрестанно обще с шведами возбуждали на войну». В конце декабря 1711 г. султан назначил Орлика гетманом Украины «обоих сторон Днепра» и Войска Запорожского.

Ахмед III собрался перевести свою ставку в Адрианополь, чтобы побудить войска к сбору в Исакче к маю 1712 г. и тем выторговать больше дивидендов. Была запущена молва, что под Азов снова пойдёт великий флот, а войско, которого будет вдвое больше, чем на Пруте, двинется на Киев. Украина де взбунтуется и легко перейдёт под власть султана. Были и слухи, что турки войдут в Польшу вместе с Лещинским.

Старый мост на Дунае подправили и сделали предмостное укрепление на северном берегу. В Килию завезли 15 тяжёлых орудий и восстановили Браилу. Вдоль Днестра от Бендер до Снятыни встали посты Ю. Потоцкого. Была и провокационная подсылка к гетману Сенявскому — принять несколько миллионов ефимков и начать совместный поход против русских, но тот отказался.

2 января 1712 г., когда на льду Невы против дворца Меншикова ещё стояла арка в честь Прутского мира с надписями:

---

[1] «Также и об Украине Заднепрской, которая по договору последнему хан претендует себе, а имянно, по тем словам, что написано: от казаков запорожцов и от страны их руку отнять. А они то толкуют землею» П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 10 ноября 1711 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1711. Д. 11. Л. 215; Л. Барка — Г. И. Головкину 17 декабря 1711 г. Там же. Д. 3. Л. 57 об.

[2] В Стамбуле воинственной политикой Девлет Герая были недовольны «особливо войско и народ», считавшие, что тот «на войну салтана подущает для своей корысти и для шведа».

«Мир на злобу ненависти»; «Богу благодарение за счастливое прибытие»; «Бог, укрепи камень сей», а в Риге светился орел с надписью «Виват оборона Лифляндии», турок впустили в азовскую твердыню. Там ещё оставались огромные военные припасы и строительные материалы. Старые турецкие укрепления Азова и добротные русские постройки в его предместье, за которые турки дали крупный куш, были оставлены целыми, хотя по договору они должны быть уничтожены. (Позже, в июне 1712 г. турки ликвидировали азовский Предтеченский монастырь и выслали его священника, шестерых служек и церковную утварь в Новый Транжемент и «христианской церкви в Азове никакой быть не велено»). Таганрог сожгли и взорвали все укрепления, хотя турки предлагали заплатить за них большие деньги. (Окончательно таганрогская крепость была оставлена 21 мая 1712 г.). Пушки и остатки военных припасов Апраксин собрался продать или уничтожить, но Пётр приказал их вывезти. Шереметев в день сдачи Азова жаловался, что его армия «ещё ни в чем [не] укомплектована, и не токмо рекрут и мундир или протчие припасы [не] присланы, но и в назначенных местех для довольства полков магазеинов не учинено».

Шведский король 9 января 1712 г. призвал Польшу встать под его знамёна, а султана двинуться на Правобережную Украину. Король трубил, что со стотысячным османским войском снова «станет под Полтавой» или возглавит татар при вторжении в Речь Посполитую, где соединится с корпусом М. Стенбока[1]. 24 января 1712 г. Карл XII за военную помощь обещал пожизненно платить 50 000 риксдалеров в год Девлет Гераю. Муфтию король-изгнанник обещал 30 000 левков за оглашение войны. (Такой же куш, но «за мир» сулил ему П. П. Шафиров). Отечественные историки упускали из вида те громадные суммы, с помощью которых король втравливал Порту в войну с Москвой. У турецкой казны и частных лиц он занял

[1] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 15. Л. 1095–1096. Жолнежи Ю. Потоцкого в то время держали стражу вдоль Днестра от Бендер до Снятыни. Карл XII 9 января 1712 г. прислал полковнику К. Урбановичу на вербовку поляков 4000 червонных, и тот «многие разорения учинил и людей в полон побрал и паки под [турецкую] протекцию ушёл». Из Окопов Св. Троицы ушло 40 жолнёров и 16 офицеров. К Потоцкому с форпостов перекинулось 8 хоронгвей. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 140.

около 3 миллионов (!) золотых талеров, которые ушли на подкуп высших чинов в Стамбуле и содержание шведов, поляков и запорожцев[1]. Польские сторонники Августа II боялись вторжения шведского короля и конвоя хотя бы и состоящего из 12 тысяч турок с обозом в 1500 телег, особенно «хищников» татар и предлагали свой эскорт[2]. Но Юсуф-паша торжественно заверял, что конвой не станет поднимать на бунт поляков.

Пётр I, не желая затягивать Северную войну, любым путём хотел избавиться от конфликта с Турцией. 22 января он написал Ахмеду III о полном и безоговорочном выполнении Прутского договора: Азов и Таганрог удерживались только потому, что не успевали эвакуировать флотскую артиллерию, амуницию и запасы провианта. Новая война не вспыхнула только благодаря Юсуф-паше, который «по склонности» к русским «в согласие привёл от нас же [царских послов] склонённого муфтия и многих из главных духовных и янычарского агу со офицерами главными, [и] почитай силно принудили [султана не начинать войну] законною причиною».

В январе 1712 г. новый верховный везир разгласил, что после многих несогласий с царём, гетманскими казаками и с поляками, все недружбы «пресеклись и положено никаких обид в противность договору» не делать. Ставка Ахмеда III на принцип «угроза страшнее исполнения» оказалась действенной. Всего лишь объявлением войны Порта достигла цели. Теперь турецким крепостям — Бендерам, Очакову и Азову ничего не угрожало с русской стороны.

---

1 *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 191, 237–238. В 1727–1728 и 1733 гг. в Стокгольм ездили турецкие посланцы с требованием погашения долгов. Только в 1738 г., через 20 лет после смерти Карла XII, было достигнуто соглашение о выплате трети долга. Взамен остального Швеция обязалась построить для турецкого флота 70-пушечный фрегат и послать в Стамбул 30 тысяч мушкетов. Фрегат затонул перед Гибралтаром у Кадиса, но другой корабль с боеприпасами и 10 тысячами мушкетов прибыл на Босфор. Остатки долга были погашены в счёт дополнительных 6 тысяч мушкетов. *Финкель К.* История Османской империи. Видение Османа / Пер. с англ. М., 2010. С. 461.

2 Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев…С. 175, 179. В Польше шли слухи, что русские заключили мир со шведами и в связи с этим « поляки зело было утихли и хорошо стали поступать», считая, что Карл XII проедет в Швецию через Москву. В. В. Долгоруков — Г. И. Головкину 17 декабря 1711 г. из Торуни. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 23. Л. 22–23.

2 февраля Апраксин, после того, как «зело любовно» простился с Айвас-пашой, принимавшим Азов, ушёл вместе с азовским гарнизоном в Новый Транжемент, который стали лихорадочно укреплять теперь уже против «турецкого Азова»[1].

Оправдан ли был отказ от мощных укреплений в Приазовье при повторном объявлении Портой войны? Возможно и нет — ведь прикрываясь Днепром и степью, можно было вполне удерживать приморские крепости. (Азов был «яко узда обуздывающая турков в варварских их запросах и принуждены б были они сначала выступить в поле» — а это была задача огромной сложности).

В феврале 1712 г. бунчуков войны не выставили — «все духовные чины зело дерзновенно султану противились в том, чтоб войны не начинал и приговору своего и благословения дать на оную ему не хотят, понеже по трактату всё исполнено». Склады в Эдирне и прочих местах были «учинены самые малые перед прошлогодними».

Узнав о сдаче Азова и Таганрога, Шафиров, его стамбульская агентура и даже английский и голландский послы «схватились за голову». Кольер доносил Голландским Штатам, что турки радостны и не могут понять, почему так нечаянно и неожиданно отдан Азов. Зная восточную психологию, все посчитали, что после отказа от Азова вырастут новые турецкие притязания: «*они возгордятся* [и] *миру не похотят учинить ни на каких кондициях. И когда ведомость пришла об отдаче Азова, то не токмо мы, но и все наши приятели во отчаянии были, чая, что конечно турки* […] *похотят претендовать всей Украины*»[2].

---

[1] В 1712 г. из Черкасска у донцов взяли 36 медных больших и малых пушек для Нового Транжемента, а вместо них прислали из Азова 170 чугунных, но без станков. Для лафетов станичный атаман И. Игнатьев просил прислать 1020 пудов железа. Сенат 16 марта 1713 г. распорядился наградить И. Игнатьева серебряным ковшом весом в 1 фунт. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 783.

[2] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 110; ППВ. Т. 12/1. С. 301; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711г. Д. 11. Л. 215. «Все ужасаются о худом поступке царя в том, что отдал Азов и разорил Таганрог, не быв прежде обнадёжен о мире, но оставя здесь аманатов, пошёл в Теплицы богемские и в Ригу». Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1712. Д. 4. Л. 207.

Пётр получил послание Шафирова «о удержании Азова», но «разсудил оной отдать», надеясь, что турки откажутся воевать и «дабы тем на весь свет показать своё справедливое содержание постановленного вечного мира».

Французы и шведы натравливали — царь выполнит всё, если послать с Карлом XII 30 тысяч турок и 15 тысяч татар, тогда и поляки признают шведского короля освободителем и освободятся от «московских мучений». Султан счел, что царь «бессилен», исполнился «великого бесстрашия против прежних времен» и решил, что запугивание выжмет новые уступки («может своим страхом многое добро зделать и честь народу своему показать»). С пьедестала победителя он уже не сходил вплоть до демаркации границ в 1714 г.

11 февраля «турецкие комиссары зело гордо поступали и отдачу Азова ставили ни во что, понеже де оной не во время отдан и многое войско их в том походе, идучи назад померло». 27 февраля султан велел справиться с прежними трактатами, как обстояло дело об Украине при чигиринской войне. Юсуф-паша советовал послам не быть упорными — турецкие войска вооружаются, пашам приказано собираться к Исакче, но хану не указано «чинить впадения» в земли царя.

Действуя по пословице: «запрашивать и тянуть за верёвку нет стыда», турки предъявили запрос на Киев и всю Украину обеих сторон Днепра и назначили иерусалимского патриарха Хрисанфа на «Казачью патриархию». Тот не отрекся и на него «надет был от везиря кафтан».

Окружение Ахмеда III, оповестив английского и австрийского резидентов, что «им дела до Польши нет», решило провести зондаж — за кого встанет большинство поляков — за Августа II или Станислава I, и могут ли противники Веттина одержать верх?[1]

Фельдмаршал Шереметев приказал всем дивизиям стать в боевой готовности, заготовить сухарей на месяц, генерал-майору И. И. Бутурлину придвинуться к Полтаве, а Скоропадскому послать туда же 1000 казаков. Он же советовал собрать несколько тысяч донцов и 20 тысяч калмык, которые «весьма против татар способны».

---

[1] П. П. Шафиров — Петру I 24 марта 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 144, 151, 152.

Если в 1707 г. русская дипломатия ради удержания турок от нападения, преувеличивала число своих войск в Польше якобы до 100 тысяч, то теперь приходилось уверять в отсутствии там даже одного солдата. Однако для войск в Померании нужен был провиант и о нём приходилось просить поляков[1].

4.2. ПЕРЕМИРИЕ 5 АПРЕЛЯ 1712 Г.

Весной 1712 г. турецкая готовность к войне ещё больше «одрябилась», артиллерия и войска не собирались. Не получив ни строчки после 31 декабря 1711 г. в ответ на девять писем, послы-заложники 5 апреля 1712 г. на свой страх и риск «чрез великую силу» подписали перемирие на 25 лет.

8 апреля 1712 г. Шафиров подробно отчитался, как противник выколачивал новые уступки.

Переписка русского посольства с внешним миром была пресечена, но благодаря мощному рычагу подкупа и разветвлённой агентуре у «Порога Счастья», оно заранее знало о турецких запросах. Архиепископ Галани и Л. Барка, получавшие через С. Л. Владиславича жалованье, а также подкупленные толмачи почти всех послов крымского хана, шведского и польского короля, переправляли русскому посольству всё, что переводили, даже извиняясь в случае задержек. Шафиров «на вески алмазные» взвешивал и перепроверял информацию и знал не только то, о чём говорилось на аудиенциях в «султанском Дворце-сарае», но даже чем угощались и как были одеты иностранные представители. По его наущению французский переводчик Форнет, который за 500 левков в год присягнул «служить во всём верно царскому величеству», и советовал своему хозяину Дезальеру как следует поступать. Английскому послу Саттону, который «руками и ногами» вступился в примирение России с Турцией, Шафиров давал рекомендации кого и когда следует посещать в Стамбуле. 15 июня 1712 г.

[1] «Хотя поляки радуются тому, что турки с нами то постановили, чтоб войск наших не было в Польше, но то б оне разсудили, что в том же трактате есть — когда шведы войдут в Польшу, то и нам вольно; и тогда паки прежнее разорение будет в Польше. Того для лутче им малым сим [провиантом] удовольствовать нас ныне и потом вечно свободным быть». Пётр I — Г. Ф. Долгорукому 8–9 мая 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 193.

подканцлер склонил к сотрудничеству за 50 левков в месяц переводчика при Функе и Понятовском — «обосурманенного немчина». Чувствуя себя как рыба в воде, он торжествовал: «ныне, кроме одного цесарского, у всех переводчики наши!».

За солидную мзду «сторону Царского Величества держали» три высших чина Порты — садразам Юсуф-паша, рейс-эфенди (один из первых заместителей верховного везира, ведавший внешними сношениями) Абдюлкерим и муфтий (шейх-уль-ислам) Абдуллах Эбе-заде. Контакты с Юсуф-пашой поддерживались почти ежедневно. Доверительные отношения сложились у П. П. Шафирова и П. А. Толстого с первым драгоманом (переводчиком) И. Маврокордато, которому, как «единоверному христианину» обещали ежегодно платить по 1000 червоных. Под регулярным наблюдением держался Карл XII и даже мать Ахмеда III[1].

Главный державник Османской империи был осажден со всех сторон. В чиновном аппарате Порты подканцлер ничего, кроме «обыклой глупости», не усматривал.

Османское правительство «почитало и присматривало» Петра Павловича, зная, что у русского посольства «много приятелей и советников», которые «чрез коварства развращают дела». Юсуф-паша, получив русскую мзду и показывая «партикулярную любовь» к Шафирову, так отзывался о нём: «ежели де болшаго диавола не станет, то он по не м будет доброй генерал и наибольший диавол». Жалобой царю, что он «еле жив с печали и нажил не одну болезнь… — в печени или в селезёнке запор, от которого весь бок заложило», Шафиров подчеркивал свою неутомимость.

В это время французы, эмигранты поляки, шведы и казаки продолжали поджигать войну. Они доказывали, что султан возвысит свою славу, и «без крови» вернёт Каменец-Подольский, если утвердит в Польше вместо Августа II Лещинского. Инспиратор первой и второй войны Девлет Герай был «злобен и уничтожен» прекращением переписки царя с ним.

[1] Когда Карл XII послал матери султана часы с алмазами и изумрудные серьги, чтобы выхлопотать для себя большой конвой и 1200 кошелей левков на расплату с долгами, Толстой и Шафиров, подарив ей алмазное перо на шапку и кушак с алмазами и яхонтами ценой в 6200 левков, уговорили вернуть шведский подарок и не помогать королю. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1712. Д. 6. Л. 436 об.

Реальной была угроза ввода шведского короля в Польшу без оговаривания маршрута[1]. Удаление русского присутствия из всей Речи Посполитой принималась как залог безопасности «оттоманских провинций». (Поначалу турки требовали, чтобы «ни один человек руской в Польше не остался, от чего насилу их отбили, ибо хотели, чтоб и вся корреспонденция была пресечена»).

Турецкий ультиматум гласил — не вмешиваться в польские дела, убрать войска из южной Польши в один месяц, из северной — в три месяца. Только в случае, если поляки присоединятся к шведскому королю, русским позволялось вступить в Польшу. Если же на польских землях состоится баталия со шведами, после которой те отступят, то войска царя должны покинуть в шляхетскую республику. В географии турки не разбирались и только позже выяснили, что русским войскам из Померании, кроме как через польские земли пути назад нет.

Вариант «невмешательства» как русских, так и шведов в польские дела П. П. Шафирову отстоять не удалось. Падишах Ахмед III шантажировал — при отказе от этого условия послов бросят в Йеди куле, весь штат посольства на галеры и начнётся война, поход на Киев во главе с султаном «для лучшего сердца» и новый десант в Приазовье. Правда, марша через степи султан опасался, а морская экспедиция, которая в 1711 г. завершилась плачевно, казалась слишком дорогой. Ещё больше тревожил бунт янычар в случае неудачи у русских границ. Очищение же Польши от московских войск султан считал своим большим «благодеянием».

Как писал подканцер, после сдачи Азова садразам, муфти, все улемы, большая часть мирских чинов, народ и войско склонялись к миру и «нарекали на хана», что тот толкает султана к войне, который «являя свою храбрость и ревность к вере», готовится к выходу в Адрианополь, чтобы приобрести «какое место казацкое». Поводом к войне будет обвинение московитян в связях с сербами «в Албании и Боснии».

---

[1] Устно турки заявляли, что в турецком эскорте будет не больше людей, чем шведов у Карла XII и что наблюдать за проходом короля могут не русские, а датские или саксонские войска. П. П. Шафиров — Петру I 25 апреля 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 301.

После сдачи Азова дела Шафирова осложнились. 16 и 17 февраля Юсуф-паша уговаривал, чтобы русские «для увеселения салтану» уступили хоть что-нибудь малое по той или другой стороне Днепра и «чтоб о Киеве подумали». Заявив, что «Киев древнего Российского государства город», подканцлер уклонился от формулировки «отказ от территории в пользу Турции», сменив её на смысл — «удаление влияния»: царь де от польских земель Украины «руку отимает, твердя то глухо, а не изображая, что то им уступают». (Турки знали, что те земли принадлежат Польше).

Подканцлер предполагал, что султан с войском скорее всего станет на Дунае или на Днестре, а в Польшу «для возмущений» пошлёт Карла XII. Ради предосторожности он советовал собрать у Киева 50 тысяч регулярных войск, сколько можно нерегулярных и вести войну калмыками. Увидев готовность к отпору, султан урежет свои домогательства.

В Москве правильно считали, что прежде, чем приблизиться к российским границам, османам придётся проходить через степь и коронную часть Украины, после чего их армия должна разложиться[1].

20 февраля садразам передал слова султана: «хоть и надлежит ему и всей Украины претендовать по трактату, однакож, желая склонность показать к миру, отступает от претензии к Киеву також может и ещё провинции две или три изо оной Украины уступить Царскому Величеству, а ис прочих бы де провинцей на той стороне Днепра Его Царское Величество уступил вместо Киева салтану для удовольства»[2]. На это было отвечено, что на левобережье Днепра владений султана никогда не было, а от всех «заднепрских мест [царь] руку отнимает, кроме Киева со ограничением» от р. Ирпень до р. Тясмин вдоль Днепра, «а в ширину на 5 миль»[3].

Чтобы сбить домогательства, Шафиров сулил «муфтию ныне и впредь пригодную дачу, також и фаворитом салтанским, чтоб удержать турков от войны… Однакож опасаемся

---

[1] Пётр I указывал, что морские державы знают, как трудно перебрасывать суда с войсками на большие расстояния и турки не смогут навредить. РГАДА, Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 33–36.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 108–109.

[3] Там же. 110–114.

мы, понеже салтану от хана и от шведов, и поляков, и казаков внушено, … и для того всеконечно надобно Вашему Величеству ко обороне изготовить войск регулярных и нерегулярных в Украине доволное число, чтоб незапного не претерпеть нападения и малороссийские знатнейшия городы осадить своими людьми, чтоб на прелести не были шатки». Для хана подканцлер предлагал обещать возобновление с ним корреспонденции и «погодные дачи».

Посол настоятельно рекомендовал очистить Польшу и Правобережье, собрать в кулак войска в пределах своих границ и намекал на возможность повторения «шатостей» в Малороссии, чего ждут турки[1]. Западную часть степей Запорожья, принадлежавших Российскому царству, Шафиров не мог отстоять.

Выделяя своё значение, подканцлер писал, что султан умерил свои требования «поневоле, принуждён будучи по наших трудах чрез склонённого везиря и его силную тогдашнюю партию», и что ему с «превеликим трудом» удалось отстоять рубежи Киева, но «в крайней нужде» пришлось отступаться от казаков Правобережной Украины и «полуострова Сечи» (степей Запорожья по правобережью Днепра)[2]. Для проформы «турки по прошению швецкому отчасти упоминались, дабы и с королём швецким перемирье учинить», но в этом послы «весьма отказали». «Можем Всевышшим засвидетельствовать, что более того учинить невозможно, и упорнее стоять не смели при таком множестве наших неприятелей и склонности салтанской к войне» — заверял подканцлер царя.

В первый день марта, чтобы усилить давление на послов, были выставлены бунчуки (хвосты) — знаки войны, оглашена

---

[1] «Неправая претензия [турок] о казаках малороссийских… и надлежит стеречься, чтоб… не учинилось чрез какую [турецкую] факцию в них шатости». П. П. Шафиров — Петру I 9 февраля 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 293–295. В феврале в Стамбуле ещё не выставлялись бунчуки «во знак войны» и не раздавалось жалованье янычарам.

[2] 22 февраля султан через голландского и английского послов дал знать Шафирову, что он «отступается» от Киева, «також может и ещё провинции две или три из оной Украины уступить». 28 февраля Юсуф-паша снова «о Украине паки слехка молвил, чтоб о Киеве подумали… для увеселения султана». П. П. Шафиров — Петру I 28 февраля 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 106 об., 177.

и дата выступления султана в поход из Адрианополя. Туда же грозили «поволочь» и русское посольство.

Воюющие с Францией Великобритания и Голландия пытались сбить пламя в Восточной Европе. «Древние друзья Блистательной Порты» — английский и голландский послы Р. Саттон и Я. Кольер работали против Карла XII. Через них русское посольство отсылало свою корреспонденцию домой. «На прекосердье» шведам и французам, они старались примирить Стамбул с Москвой и «ни явно, ни тайно» не протестовали против вторжения северных союзников в шведскую Померанию. Они считали, что султан не выйдет в поход, а если увидит русских у своих рубежей, то, опасаясь низвержения, пойдёт на мировую.

«С великою ревностию, так что и природной болше того не может», помогал русским послам и секретарь голландского посольства В. Тейльс, который «истинно служил сколько мог тайно» и которому платилась «погодная дача».

6 марта 1712 г. на Великом Диване «более склонности являлось к заключению мира» с Россией и уже возникала мысль о реванше против Венеции («с венетами войну зачать, как идти гулять»). В Эгейском море турки собрались иметь «великую морскую силу», а в Чёрное море направить только несколько галер и галиотов.

14 марта, когда султан молился в мечети Айя-София, Стамбул пережил «страшное, минут с четыре землетрясение», которое повторилось и на следующий день. Ахмед III, считая это за «недобрый знак, впал в великий ужас», но, тем не менее, 17 марта янычарам объявили о походе на предстоящий май. Козырной картой при этом было утверждение о «слабости и страхе» России. Сулились уже деньги на покупку лошадей и палаток, но ничего так и не выдали. Некоторые янычары, возможно, вспоминая жестокость потерь на Пруте, демонстративно приходили к русскому посольству, «лая салтана и тех, кто ево склоняет к войне неправедной… и что может он салтан ис того себе сам получить бедство»[1].

27 марта 1712 г. Порта заявила, что передача документов и переговоры и будут вестись только через посредников —

[1] Дубликат письма П. П. Шафирова Петру I от 24 марта 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 142; Там же. Д. 7а. Л. 165.

английского и голландского послов. Юсуф-паша, о благосостоянии которого, «яко патрона», имели «попечение» русские послы, повернул назад войска от Исакчи[1].

«Преразумный и искусный» Саттон, «какова при здешнем дворе нет другого от христианских монархов» и Кольер — «усердный, но не острый и не в великом кредите» у турок, несмотря на владение турецким языком, «тайно и явно» внушали, что если Порта впустит Карла XII в Польшу, то займётся война не только с Речью Посполитой, но и с Габсбурами. Короля-беженца они рекомендовали перебросить в Швецию через Белград и австрийские владения.

Шафиров советовал наградить англичанина и голландца «кавалерией» (орденом) Св. Андрея Первозванного с бриллиантами или портретом царя «с алмазами доброй цены»[2]. Портретами царя и прибавкой жалованья следовало отличить и переводчиков голландского посла, «понеже… и ныне иных приятелей так верных и усердных в делех и интересах Царского Величества мы здесь не имеем и чрез них *по позволению посолскому всё нужное управляем и проведываем и как своими нарежаем*»[3].

Признав Киев с «тамошними древними рубежами» за Россией, турки изъяли «из-под руки» царя территорию (не население) Правобережья, считая, что «ту Украину они своим оружием очистили от московских [войск]»[4]. Россия вышла

---

[1] «Истинно удивително его к нам поступки… чего никогда от прежних везирей не бывало… и о всём нас уведомляет и учит, как поступать… Знатно, ещё в нём есть кровь христианская, ибо он родом грузинец». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 422.

[2] В январе 1712 г. Р. Саттону было передано 6000 червонных, портрет царя стоимостью 1400 руб., и меха на 1000 руб. Я. Кольеру выдано 4000 червонных, портрет царя в 1300 руб., и меха. (Царскими портретами послы не были удотворены и стремились получить орден Св. Андрея). В русском варианте договора 5 апреля 1712 г. было написано, что посредничества просили обе стороны, но в турецком тексте было указано, что «медиации» добивались только «аманаты».

[3] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 9 и об., 111–112. Карл XII в это время, опираясь на «сконфедерованность» (но не союз) с султаном, безуспешно протестовал против посредничества подкупленных русскими английского и голландского послов.

[4] С 1704 г. шляхта безуспешно добивалась восстановления там своего господства, но только Порта вернула ей эти коронные земли. Юсуф-па-

из начавшейся ещё в XVII в. борьбы за закрепление на Правобережной Украине и с 1712 г. работала над тем, чтобы она досталась польскому союзнику, а не туркам.

Существенной была и потеря степей Запорожья к западу от Днепра. Кроме «казаков… которые обретаются по сю [западную] сторону Днепра», пришлось «отнимать руку и от полуострова Сечи, которой сообщён на сей стороне вышереченные реки». Добиться незаселённости тех степей не удалось.

Так в 1712 г. в борьбе за Правобережье остались только три соперника — Турция, Польша и Крымское ханство. Русское присутствие в Польше турками начисто исключалось — «чтобы Москва ни ногою своею в государстве польском не была».

Юсуф-паша позволил укреплять на землях России «старые порубежные крепости», но «искоренить» к сентябрю 1712 г. «Новый Транжемент», куда поначалу вывозились пушки и припасы из Азова и Таганрога. На том месте турки могли строить свою крепость. Всплыл даже вопрос о ликвидации Черкасска. 60 медных пушек, стоявших в Азове до 1696 г., русская сторона обязывалась вернуть или заплатить за них[1]. На месте разорённых Каменного Затона и Новобогородицкой крепости не позволялось строить никаких фортец. Пункт о свободной торговле купцов был изъят. В самый последний момент турки настояли на праве строить крепость на месте Петровского форта против Азова, на разорении «Нового Транжемента» и ограничили договор 25 годами[2].

Тревожным было условие о добавлении новых статей. Эта вставка касалась повторного обещания Шафирова о выплатах «погодных дач» Крыму. Дань Крыму не была зафиксирована вероятно потому, что в феврале 1712 г. османский муфтий сообщил Шафирову через секретаря английского посольства, русского агента Л. Барку, что Порта потребует её под видом

ша настаивал возвратить туда и правобережных казаков. ППВ. Т. 12/1. С. 492. Опасаясь за судьбу мира, Шафиров тоже предлагал вернуть хотя бы часть казаков в старые жилища.

[1] 60 медных стволов с 55 ядрами при каждом орудии были отданы 24 июля 1712 г. Оставшийся провиант, лес и «хоромное строение» туркам продали.

[2] В русском тексте срок действия не был указан. ППВ. Т. 12/1. С. 206. См. также ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 4. № 2515

подарков хану, но потом, возможно, султан откажется от этого[1]. «*И при сём трактате, хотя на словах, однако ж погодная дача обещана… и, государь, буде благоволите…, обещать ему* [хану] *приказать какую погодную дачу, то, чаю, чтоб он склонился к Вашего Величества стране, а особливо, егда ему объявлено будет, что ежели увидите его склонность, то и сами к нему писать изволите*»[2].

Хан, скрепя сердце, отложил на будущее внесение в договор условия о поминках.

Была опасность, что турки заставят делать уступки и на Балтике, но Порта не вмешалась в Северную войну и вопрос о запрете прохода русским через Польшу в Померанию не поднимался. Перед тем, как поставить свою подпись, Ахмед III указал «всем духовным и мирским главным управителем, съехався, сей трактат вычесть и, ежели они все на оной соглашаютца, то его подписать и припечатать всем… дабы не сказали потом, что он сей трактат учинил»[3].

5 апреля договор был подписан. На оформление Константинопольского перемирия ушло почти столько же денег, как и на Прутский договор. Всего на дачи было израсходовано 297 470 рублей (84 900 венецианских червонных и 22 тысячи рублей)[4]. Шафиров сообщал, что «этот мир все от мала до ве-

---

1 П. П. Шафиров — Петру I 28 февраля 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 92 об.

2 П. П. Шафиров — Петру I 8 апреля 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 501–502. В расчёте, что Девлет Герай будет смещён, посол 25 апреля советовал Петру I написать о «годовой даче»: «Повторяю Вашему Величеству о посылке к хану для склонения оного дачею годовою против прежняго моего доношения, ибо зело то высоко потребно, дабы он не толь злобен был к стране Вашего Величества, пока иногда Бог даст, что сам пропадёт».

3 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 196 и об.

4 30 000 червонных отдали Юсуф-паше, 10 000 муфтию, 10 000 зятю султана Али-паше, 3000 рейс-эфенди, комиссару («капычилар кегаю») 4000, казаскеру (верховному судье) Мирзе-эфенди, выступавшему в Диване против войны 2000, Р. Саттону 6000, Я. Кольеру — 4 000, их переводчикам и секретарям 1000, И. Маврокордату 500.
Ещё раньше при Балтадже для получения вестей и турецким курьерам — 14 400 червонных и 22 000 руб. На «домовые расходы» ушло не больше 3000 руб. «Роспись, сколко в росходе червонных и денег и что кому посулено». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 217–218. Украинский историк Чухлиб общую сумму подкупа бесчестно подвёл под «контрибуцию» с России. *Чухлиб Т.* Скитание гетмана Мазепы… С. 25.

лика хотят содержать, кроме салтана и двора его». Юсуф-паша, муфти и рейс-эфенди «хотя потаёмно…, на сей мир приговорили и салтана от походу, почитай, чють что не силно удержали».

В связи с этим верховный везир тайно давал знать, «чтоб мы обещали б дать знатную сумму в подарок салтану, понеже оной к деньгам охотник»[1]. При заключительной церемонии одевания кафтанов Юсуф-паша рекомендовал удалить в Москву «злохитрого проныру и злого наветника народа оттоманского» (так живописали шведы) П. А. Толстого, имевшего большие связи в Стамбуле. (На это было отвечено, что распоряжаться судьбой полномочного и чрезвычайного посла, который был «утеснён и оскорбле н», нет возможности. Толстой с его свитой в 60 человек был выпущен из Йеди куле 10 апреля). «Мочно принять за чюдо, что Бог склонил сердце султана к миру», радовался Шафиров.

Чтобы сорвать переговоры, шведы, «нарядя своего секретаря в турское платье», несколько раз подавали мемориалы султану, когда тот ходил в мечеть Айя-София. Садразам, жалуясь султану на С. Понятовского и Т. Функа, который одевал «арнаутское, а иное армянское платье» говорил: «оные ходят по ночам неведомо куды и многие разглашают лжи и всевают, где могут, плевелы… к тому и прочие безделицы… и что оные забавляются с турскими блятками». Над гуляками был установлен надзор янычар. Когда в мае Функ принёс верховному везиру жалобу на английского и голландского послов, то везир «мемориал изодрав, бросил… в глаза и говорил, с великою досадою, что де уже у короля вашего у гузна кол и скоро пройдёт сквозь голову… И может быть, что он, король, будет у них […] шинкарём и станет до своей смерти продавать вино, как чинил Текелий»[2]

В середине апреля султан принял решение выслать короля-эмигранта с «сохранением мирного состояния с Польшею и Москвою, с удовольствием и без озлобления» при турецкой оплате корма. Для высылки с 6–8 тысячным эскортом, набранным в Румелии и Очакове и тремя сотнями татар «для чести»,

---

[1] ППВ. Т. 12/1. С. 501

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 329–330. И. Тёкёли (1657–1705) — вождь венгерских повстанцев против Габсбургов.

был определён Ахмед-ага, которому русские послы вручили тысячу червонных, обещали ещё четыре тысячи и «годовую дачу… ежели он ага, сие дело совершит благополучно»[1].

19 апреля Юсуф-паша повторил то же, что и Балтаджи: «с четыреста лет, как турки с христианы становят, а ни однажды таким образом трактату не постановлено как сей, понеже де он, опасая себя учинил, что прежде розмены с нами все государственное собрание […] сей трактат подписали»[2].

Садразам игнорировал спекуляции о том, что русское владение Киевом, стоящим в центре Украины, будет сковывать свободу казаков, которые, по словам Дезальера, могут де собрать 100 000 войск «военнее» русских, а когда обучатся военному делу, то будут «непобедимы».

Эти казаки, которые «хвалилась выбить Москву» с Украины, теперь «пухли с голода и помирали, кормились только зверем». Всех их турки велели «отлучить» от Карла XII, «собрать и поселить в жилища, которые ныне пусты и дать им несколько скота и хлеба на пропитание… А ежели станут воровать, то у них каторг доволно». Часть пеших ушла из Бендер в Олешковскую Сечь (1711–1728), часть в Крым, часть «склонялась» к стороне царя[3]. Турки уверяли, что некрасовцам не позволят жить у Азова.

25 апреля Юсуф-паша дал знать Карлу XII, чтобы тот отправлялся домой через Польшу. Озлобление против «проклятого короля-гяура» дошло до того, что садразам даже матерно прошёлся по его матушке Ульрике Элеоноре, умершей в 1693 г.[4]

Султан стращал, что если поляки будут противиться пропуску шведского короля, то он «принужден будет иттить для

---

1 «Записка, что Агмет ага, посланной в Бендер объявил господину Макарию». Там же. Л. 266–271.

2 Там же. Д. 7а. Л. 268.

3 «Костю кошевого запорожцы хотели убить до смерти и он ушёл к хану». Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 124–125. С. 130–131. Шафиров так характеризовал казачью эмиграцию: «ис тех казаков человек пять или шесть есть знатных, которых мочно назвать людьми и те от Мазепы заведены — болшая часть обманом. А протчие все плуты и разбойники и яко скот глупы». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1712. Д. 7а. Л. 271.

4 «В 19 день [мая]…секретарь возвратясь, доносил министром…, что везирь станет о том мыслить, как… самому де королю, браня его по-турецки «анассимъ сиким», будет он делать сколько может зла». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 344. Правильнее по-турецки «anasını sikeyim».

того отправления короля швецкого сам особою своею со всеми своими войсками в Польшу».

Шафиров убеждал царя перепустить датчанам и саксонцам часть русских полков и просить их, чтобы те ввели 15 тысяч своих солдат в Польшу. (С. Л. Владиславич тоже предлагал заменить русских саксонцами).

3 мая послы-аманаты преподнесли Юсуф-паше посольские дары признательности — два собольих меха ценой в 2600 рублей и некоторое количество чая, а 5–7 мая обещали одарить капудан-пашу Ибрагима, который мог бы стать новым верховным везиром и зятя султана Али-пашу, у которого, по отзыву турок, напротив, «ворота к приёму подарков не отверсты».

Ахмед III, признавая «штуки воровские и возмутительные короля шведского», в конце мая послал в Бендеры конвой, лошадей, верблюдов, ослов и телеги с провиантом для выпроваживания из Молдавии «железной башки». Новый договор он не считал благом и выговаривал Юсуф-паше: «вы де согласяся с протчими, научили московских полномочных ссылатца на суд Божий и на Закон их и тем склонили всех к восприятию оного трактата, но увидит он, что из того впредь произойдёт»[1].

9 мая в Петербурге уже знали о Константинопольском перемирии. 12 мая Пётр I поздравил своих союзников и соратников с миром: «хотя не без великого нашего урону и убытку, свободныя руки получили». Чтобы без помех продолжать войну на севере, царь ратифицировал 20 мая 1712 г. этот, ещё более ущербный договор, также обещая содержать его за себя и своих наследников[2]. П. П. Шафиров и М. Б. Шеремев полу-

---

[1] Юсуф-паша клялся султану, что «он верно и радетельно поступал без всяких корыстей и своих прихотей и будет де он… для какой страсти учинил, то просит, дабы его такою казнию казнил, какой никогда не бывало над крайним везирем». Там же. Л. 284 и об. Через 8 месяцев Юсуф-паша потерял голову.

[2] ППВ. Т. 12/1. № 5256–5258. 3 апреля царь указывал, чтобы Шафиров при переговорах не отдавал Польшу в волю шведского короля, а Украину во владение султана. 17 июня из Москвы с тремя вариантами грамот и дарами на 12 тысяч рублей к султану был отправлен брат бывшей царицы Евдокии стольник А. Ф. Лопухин. На 108 подводах посылались самые лучшие «пластинчатые» собольи и чернобурые меха, 5 кречетов и 5 ястребов с кречетниками. На «особые дачи» предназначалось два портрета царя с алмазами на 1400 и 1300 рублей, 2 пуда чаю и меха на 8400 руб. От Киева обоз следовал под охраной турецкого конвоя и прибыл в Стамбул 12 ав-

чили характер чрезвычайных и полномочных послов. (Сын фельдмаршала, «яко молодой» всё время оставался лишь декоративной фигурой и заложником).

Через восемь дней Пётр I предложил Габсбургам заключить «для впредь будущих времен вечный оборонительный союз», поддерживая друг друга корпусом от 10 до 30 тысяч человек. Но, как позже писал А. А. Матвеев, черный австрийский орёл «трепетал, как цыпле нок от коршуна» перед шведами, не хотел обострять отношения с турками, был «ни студён, ни горяч» к русским и полякам и отвечал только пожеланиями дружбы.

27 лет (1672–1699 гг.) часть Правобережной Украины — Белоцерковщина, Брацлавщина, Уманщина находилась под протекторатом Османской империи, а в 1704–1712 гг. — под русско-украинским управлением. С 1711 г. «стали проноситься» вести о турецких претензиях на контроль над казаками по обеим сторонам Днепра. Верхушка мазепинцев, осевшая в Яссах, через татар и шведов «повседневно докучала Порте, будто вся Украина под султанской протекцией жить желает». Пётр I, вопреки обязательству «отнять руку» от казаков Правобережья, приказал перевести от Южного Буга и Немирова (с половины польских воеводств — Брацлавского и Киевского) жителей на левый берег реки. Перемещения населения с левого на правый берег Днепра и обратно не были уникальны в истории Украины[1].

В ответ на запрос Шереметева, куда выводить казацкие полки, Пётр I распорядился «своих казаков» выводить за Днепр, местных, которые не хотят, оставить, «а протчих [кто неустойчив] всех — перегнать». Без ответа Пётр I оставил запрос Шереметева о подрыве укреплений городков Правобережья.

Воевавшие на юге русские дивизии ещё в декабре 1711 г. стали покидать Речь Посполитую. Дивизию Вейда расквар-

---

густа, 17 августа 1712 г. Шафиров написал, что «султанская ярость» была укрощена выводом русских войск из Польши. ППВ. Т. 12/1. С. 508–512.

[1] В 1678–1679 гг. гетман И. С. Самойлович переселял жителей с Правобережья на левый берег из-за крымской угрозы. Акты, относящиеся к истории Западной России. М., 1853. Т. 5. С. 150–151; *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687). М., 2012. С. 130–132.

тировали «на Орле и Болхове, Аллартову — в Калуге, в Туле, в Боровску; кавалерию… Януша… в Чугуеве, в Белегороде, в Змееве, в Харькове. 4 полка дивизии Рённе с генерал-майором Вейсбахом следовали в Переяславль и Лубны[1]. 16 декабря 1711 г. Шереметев выехал из Белой Церкви в Киев, оставив вместо себя генерала Рённе с гренадёрским полком Рожнова и бригадира Анненкова. Рённе должен был подготовить эвакуацию семи правобережных полков и жителей на левый берег Днепра «пока реки не укрепились». Малочисленные правобережные полки — Каневский, Богуславский, Корсунский, Чигиринский (полковник И. И. Галаган) «жались» у российской границы. Уманский и Брацлавский полки находились в Побужье.

Переселять казаков и старшину, а также «пашенных мужиков» должны были по универсалу гетмана Скоропадского и украинские полки: Белоцерковский полковника А. Танского (он был самым крупным — до 1,5 тысяч казаков и несколько пушек), полк И. Галагана и Брацлавский полк И. Григораша, а также 500 молдавских гусар, 500 донцов и пять драгунских полков, стоящих в окрестностях Немирова. Донцов выставили под Уманью, чтобы пресечь контакты запорожцев с населением. «Обывателей», которые откажутся переселяться, позволялось оставлять, но забирать сено и хлеб, чтобы не доставалось противнику. Под «смертной казнью» офицерам и рядовым предписывалось переселять «порядочно и не чинить никаких обид, грабежей… задоров и досаждений…, но во всём со оными поступать ласково». Сено, которое не под силу будет вывезти, следовало сжигать, пушки и амуницию вывозить в Киев. Акция закончилась без эксцессов. В январе — феврале 1712 г. Белоцерковский полк перешёл под Киев, на р. Ирпень и объединён с Киевским полком. Правобережным полковникам Скоропадский должен был выделить землю, но в Белой Церкви ещё оставались гарнизон, полк Анненкова, пушки и амуниция. Польская магнатерия просила вернуть «мужиков», выплатить компенсацию, не рубить лес, не косить траву и не угонять лошадей. Видимо в конце марта в Белую Церковь вошёл поль-

[1] Б. П. Шереметев — А. Д. Меншикову 15 декабря 1711 г. из Белой Церкви. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 210–211.

ский гарнизон,[1] но 40 польских орудий из Белой Церкви поляки так и не получили[2].

Турки тоже призывали не выселять жителей, но Юсуф-паша считал эвакуацию делом «не в великой важности». Садразам советовал потерпеть и не протестовать против возвращения некрасовцев под Азов и Кости Гордеенко «с единомышленниками» в разорённую Старую (Чертомлыцкую) Сечь, которая расположена рядом с Каменным Затоном, которому по договору положено быть без поселения с обеих сторон.

21 января 1712 г. Головкин информировал Шафирова о выводе войск с правого берега Днепра и из Польши, хотя из-за турецкой угрозы драгунские полки Рённе с частью рот французов и венгров стояли ещё при Белой Церкви, Богуславле, Корсуни и Умани. (Они находились там до конца апреля и только в мае перебрались к р. Десне). 21 мая Рённе вряд ли вводил в заблуждение царя, что за исключением лошадей, комплект полков восстановлен, но офицеры «переживают мизерию, понеже принуждены все экипажи и ружьё к пропитанию продавать, ибо года по три и по два своих заплат не получали»[3]. Великий канцлер заявлял, что 12 тысяч русских солдат находятся в Померании под командой Августа II вместе с саксонцами. Донцы подполковника Селиванова были посланы к Корсуни давать отпор хоронгвям Ю. Потоцкого, попутно разоряя местные хозяйства.

---

[1] *Trąbski M.* Przejęcie twierdzy Biala Cerkiew przez wojsko koronne w 1713 r. // Twierdze Osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojskowej. Oświęcim, 2016. S. 373.

[2] По росписи белоцерковского цейхгауза на 1 января 1696 г. там было: медных мортир 40-фунтовых — одна, 36-фунтовых — десять, чугунных мортир 15-фунтовых — три, 6-фунтовых — одна, медных пушек 12-фунтовых — одна, от одной до шести фунтовых — 18, чугунных пушек 12-фунтовых — одна, 2-фунтовых — пять, гаубица 12-фунтовая — одна. Ядер более 3000, гранат ручных и стеклянных более 300 свинец, порох, 1100 вязок фитиля, 238 зажигательных стрел, сера, лопаты, мотыги, кирки, топоры кузнечные меха, котлы, гвозди. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 163 об. – 164. Инструкцию Б. П. Шереметева К. Э. Рённе от 16 декабря 1711 г. см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1711. Д. 17. Л. 103–104.

[3] К. Э. Рённе — Петру I 21 мая 1712 г. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 15. Л. 1102. Перехваченное поляками и предъявленное султану письмо Рённе о его и Шереметева повторном заходе в Польшу, возможно, было фальшивкой. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1712. Д. 6. Л. 929

Девлет Герай, главной целью которого оставалось обрушение мирного договора, указывал, что все казаки с правобережья Днепра «выгнаны и городы и деревни их разорены и позжены… а новая крепость меж Азовом и Черкаским… будто крепчее Азова будет… и из оной де московские люди могут в 15 дней Азов паки взять».

Через столетия вторя хану, «брутальным сгоном» и безжалостной «депортацией» назвал перевод населения на Гетманщину украинский историк М. Крикун. По умозрительным выкладкам Крикуна, каждый из семи правобережных полков состоял якобы из полутора тысяч человек (как и крупнейший Белоцерковский). Вместе с 10,5 тысячи казаков будто бы жило и 14,5 тысяч «посполиства» (не казаков). Сумму в 25 тысяч он пятикратно увеличил, приняв, что пять человек жило в одном хозяйстве. Цифру в 125 тысяч человек он счёл заниженной. Приняв поверхность, откуда выселялись люди в 35,5 тысячи кв. км и перемножив эту площадь на плотность населения (якобы 5,56 человека на один кв. км), он счел, что высылке должно было подлежать не менее двухсот тысяч украинцев[1]. Автор криводушно раздул свои расчёты и умолчал, что татары с Правобережья в 1711 г. угнали несколько тысяч украинских рабов, что часть казаков бежала с Орликом за Днестр, что немало укрылось от переселения, что лесные массивы и болотистые места не были заселены, а плотность жителей на периферии Речи Посполитой — в Киевском и Брацлавском воеводстве после опустошительной «Руины» не могла составлять пять-шесть человек на квадратный километр. От Киева до почти пустого, всего с двумя пушками Немирова вообще был «пустынный край»[2]. Эвакуированное русскими Правобережье с 1712 г. стало полем конфликта поляков, татар, орликовцев и запорожцев.

---

[1] *Крикун М.* Згін населення… С. 66, 69, 85. Автор считает, что тогда могла родиться «независимая Украинская держава под протекторатом Порты». Там же. С. 73. Т. Чухлиб повторил, что Правобережье стало пустыней: «по настоянию польского короля и согласно его договоренностям с Россией, *состоялось принудительное выселение* 200 тысяч (!) жителей казацких полков». *Чухлиб Т.* Скитание гетмана Мазепы… С. 25.

[2] Непонятно, как тогда в 1713 г. из «пустынного края» татары угнали до 20 тысяч украинцев. (см. ниже).

4.3. ТРЕТЬЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ПОРТОЙ

Воспользовавшись уходом большей части русских войск, Галицию, Малую и Великую Польшу по приказу Карла XII и без согласия Порты «прошил» кавалерийский рейд раввского старосты и полковника шведской службы Я. Грудзинского[1]. Начался он 16 марта 1712 г. от молдавских границ из-под Могилёва-Подольского и шёл со 2 мая 1712 г. по маршруту Снятынь-Коломыя-Галич-Дрогобыч-Самбор-Пшемысл и далее на север к Калишу. Рейд должен был пресечь русским путь в Померанию, поднять мятеж в Польше, выйти навстречу шведскому десанту и снова побудить Порту к войне.

С четырёхтысячным отрядом, вооружённым частично трофейным оружием с Прута, были и казаки генерального есаула Ф. И. Мировича и полковника И. Быстрицкого. Поначалу для «усыпления поляков» отряд « просил амнистии», но потом везде стал сеять слух, что султан восстановит на польском троне Лещинского, что следом вдоль Карпат идут Карл XII, Потоцкий и Орлик с 50-ю тысячами османов. Отряд вырос до 15 тысяч конников, разбил недалеко от Познани 1 июня 1712 г. Киевский драгунский полк, следовавший из Риги в Померанию, но восстания так и не поднял. Летом приверженцы Станислава I были разбиты и рассеяны русскими полками, саксонскими драбантами и коронными частями гетмана А. Н. Сенявского. В начале июля 1712 г. они покинули Польшу[2].

Неудачный рейд «бездельника» Грудзинского оказался на руку Карлу XII и польской эмиграции. Основная часть войск царя ушла из Польши в июне 1712 г., но из-за кавалерийского налёта часть русских сил вынуждена была вернуться «для отомщения над теми разбойниками». Русские партии собирали провиант в Польше для войск в Померании, охраняли

---

[1] 14 апреля 1712 г. Юсуф-паша сказал Шафирову, что «тот поступок и салтану и ему и всему народу зело противен и впредь таковое чинить им не позволится и… воевода киевской яко своеволник и разбойник пошёл». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1712. Д. 6. Л. 241 об.

[2] Подробнее см. *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 123–126. Из последних польских работ см.: *Wagner M.* Zagon kawaleryjski Grudzinskiego w 1712 roku // Wojny Pólnocne w XVI–XVIII wieku w czteresetlecie bitwy pod Kirchholmem. Toruń, 2007. S. 209–223.

продовольственные склады, а часть армии в польской части Западной Пруссии готовилась отражать высадку 16-тысячного шведского десанта в Гданьске. (Русские войска покинули Познань, Эльблонг и Торунь только в сентябре-октябре 1712 г.).

16 июля Шафиров заявил, что «бунтовщики поляки и изменники казаки, с которыми несколько и татар, всех от 8 до 10 тысяч» напали у прусской границы на русские войска, «идущие вон из Польши». Верховный везир «подтвердил, что оные воры не будут впущены более в их область, а тех де воров мочно поляком… переловя, посажать на колья… а войскам де Царского Величества в Польше останавливатца […] не для чего… и в дела их польские не мешатца и войска вывесть и ни под каким предлогом кроме силного вступления короля швецкого […] во оную не вводить войск»[1].

Опасение Шафирова, что «поляки своим сумазбродством» навлекут на себя турок, не оправдалось. Порта презирала военную силу Польши, которая есть «отворенные ворота» Для красного словца турки заявляли, что если поляки откажутся пропускать Карла XII, то «матерей их и жён, и детей всех вывезут из Польши» одни татары.

В конце сентября 1712 г. Юсуф-паша в том же тоне сообщал Дезальеру: «Польша будто блядка непостоянная — сегодня одного, а завтра другова любит»[2].

Воевать с «Лехистаном» османы не собирались, но считали непреложным очищение её от московских войск, которые, по слухам, стояли в том числе и в Гданьске, где будто бы 20–25 тысяч находятся с царевичем Алексеем. Раздувалась ложь, что царь якобы с 80-ю тысячами войск «заступит путь» Карлу XII.

По поручению шведского короля его резидент Т. Функ обжаловал «зложелательство» русских, но Юсуф-паша ответил, что «государь де его дурак, и для того б он, посланник, не всё

---

[1] Конференция русских послов с «крайним везиром» 16 июля 1712 г. РГАДА. Ф. 89 оп 1. 1713. Д. 7а. Л. 558 об. – 565. Юсуф-паша «о сём польском пункте говорил с великою горячестию». Там же. Л. 637.

[2] Французский посол отвечал, что можно привести её к постоянству: «То де правда, однакож сия блядка ныне обретается в руках некоторого человека, которой может привести оную и зделать постоянную чрез вспоможение, которое воспринимает от своих друзей». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 974.

по его воле поступал». Скандинавский строптивец «тяжело обходился» османской казне и был уже «всеконечно не в кредите». В июле 1712 г. Юсуф-паша говорил Шафирову, что король «подобен тому человеку, которой посажен на кол и с тоски то за то, то другое хватается, хотя и помощи ни от чего имети не может»; «король де шведцкой сам дурак, да и посланник де его [Т. Функ] такой же дурак». «С того мула уже седло спало (сиречь уже все дела его уничтожены) и естли де сей король сумазбродной ещё будет упрямитца… то зашлют его в такую даль, где он может и исчезнуть, к чему уже де весма салтан склонен». Муфтий, передавая благодарность Шафирову за обещанную погодную дачу, повторял «с клятвою»: король нам «безмерно скучил», пусть царь и поляки разоряют и обирают его как хотят, только бы «изжить того собаку».

Понимал расстановку сил в Восточной Европе и «наивысший адмирал Оттоманского флота» мелкорослый и быстроглазый капудан-паша Ибрагим, которому «все пограничные дела вверены». По его мнению, в Польше не должны быть королями ни Август II, ни Станислав I — первый на стороне Габсбургов и на содержании царя, а Лещинский — креатура Карла XII, который «есть млад и претедует всем светом завладеть»[1].

С конца июля дело мира, над которым совместно работали подканцлер и верховный везир, начало сыпаться. Порта не хотела видеть Польшу ни под русским, ни шведским контролем. Задержка на польских землях части русских вооружённых сил вне рамок трёхмесячного лимита, установленного Портой для их удаления, сорвала Константинопольское перемирие. Громадный труд и все затраты русского посольства рухнули. «Султан зело озлобился… и [решил] по-прежнему просить у царя казаков»[2].

Порта вывела наследников Мазепы из подчинения шведам и «гультяйство запорожское, не оставляя неукротимую злобу и бесчеловечную проклятую вражду», нападало на Левобережье — так жаловался Скоропадский, которому предписывалось находиться «во всякой кротости».

[1] Там же. Д. 6. Л. 507, 956; Д. 7а. Л. 522 об.

[2] То есть — Украины. ППВ. Т. 12/2. С. 430–431, 444, 461.

28 июля ага, прибывший в Стамбул из Польши, сообщил, что от поляков он слышал, как «во многих польских городех и местечках» стоят войска царя. Султан пригрозил, что «надобно ему будет короля швецкого проводить самому с сильным войском». Пошла молва, что в то время, как на договоре 5 апреля ещё «чернила не обсохли», «царь хотел их обмануть, однакож сам будет обманут». Ложь царя принималась за издевательство. Шведы, «став веселыми», твердили, что 30 тысяч русских переняли дорогу их королю и в будущем году снова начнётся война.

Не получая ни строчки с 12 мая, «бродя в слепоте и тьме», Шафирову трудно было возражать и 30 июля он отправил с курьером В. Юрьевым требование всем «генералом, полковникам и протчим высокого и нижняго чина офицером, конным и пехотным в землях Королевства Польскаго и в Прусах полских… выходить немедленно вон из Польши».

31 июля султан с «великой злобой», приказал салахору (подконюшему) Ахмед-бею проверить «все места в Польше и гарнизоны». Юсуф-паша тайно передал Шафирову, что удержит контролера на 4–5 дней, чтобы курьер Юрьев гнал день и ночь.

Тогда же, 31 июля Шафиров выслал депешу Головкину со зловещим прогнозом «на весну самой войны, буде не на нас, то конечно на поляков». Ахмед-бея подканцлер обнадёжил собольей шубой и двумя тысячами червонных, если тот будет «доброхотствовать» русской стороне. На сей раз испытанное средство сорвалось: Ахмед-бей — «добрый мусульманин с изрядным кредитом у султана», огласил попытку подкупа.

3 августа салахор отправился на официальную инспекцию. К нему приставили мурзу Шефершах-бея от хана и представителя от бендерского Измаил-паши. Комиссия попутно собиралась отстоять право Порты на Правобережную Украину, от которой царь «отнял руку». Ахмед-бей «без указу, больше для своей осторожности», взял с собой и свидетелей, переодетых в греческое платье — секретаря Карла XII О. В. Клинковстрема и генерал-адъютанта С. Арвидсона. С трудом удалось и Шафирову пристроить своих провожатых — капитана Жидовинова и переводчика Антонаки с наказом ехать из Царьграда неторопко, «увеселять» в пути салахора и по возможности подольше застрять на польской границе якобы из-за «чумных мест».

Положение русского посольства в Стамбуле становилось безнадёжным — о русских силах в Польше в это время проведывали и знали о них — шведы, крымский хан, бендерский паша и господари Молдавии и Валахии.

В начале августа 1712 г. султан встречал флот, осматривавший состояние Приазовья. Заложенный выше Азова «Новый Транжамент», который Дезальер называл «великой фортецией крепче Азова», обеспокоил Порту[1].

С 8 августа послы попали почти «под домашний арест» и только Юсуф-паша «по любви своей» допускал к ним посетителей.

Затянулась и присылка ратификационных грамот из России. Стольник А. Ф. Лопухин «за тягостию возов и людства» задержался в Киеве на 11 дней и прибыл в Бендеры с турецким конвоем только 28 июля. Там Измаил-паша, которому Д. М. Голицын обещал дачу в 7 тысяч червонцев, осведомил Лопухина об имевшемся у него перечне русских частей на польских землях и советовал хотя бы временно вывести их, пока Карл XII не будет удалён из Бендер, «а там, как хочете, [хоть] совсем его возьмите».

Стамбул встречал Лопухина 13 августа без особого церемониала. За пол-версты от Царьграда вышли к нему 25 чавушей, «от городовых ворот по улице по обе стороны» стояли янычары, а 35 русских дворян, лакеев, гайдуков и переводчиков приветствовали его «для славы пред неприятелями и турками».

Шведы тут же подали челобитную «светлейшему и сиятельнейшему императору, сокровищу света» с обвинениями царя в «злом намерении и гнусной злобе». Когда де поляки Грудзинского поехали в своё государство, предполагая, что там нет русских, на них напали московские полки, гнали до турецких рубежей и даже перебили «много мусульман». «Царь московский давно явен всему свету предательством», он не соблюдает договоры, а ратификации присланы, чтобы «ослепить и усыпить Блистательную Порту». Чтобы избавить-

[1] «Русские по той стороне Азова в 6 милях зделали деревню, где поставили всю артиллерию и пушки, вывезенные ис Таганрога, от которой деревни в три часа могут прийти под Азов и осадить оной» — объявлял капудан-паша 23 сентября 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 957 об.

ся от «свирепости царя московского», надо освободить Польшу, насильно занятую Августом II при помощи Москвы[1].

Царскую ратификацию турки запретили подавать до возвращения салахора.

Функа и Понятовского по указанию Юсуф-паши стали «держать за крепким караулом и з двора [не] пускать никуда», но в конце августа «народная молва» разласила: «мир с Царским Величеством не подтверждается».

Предчувствуя неладное, послы ежедневно добивались аудиенции у султана, чтобы «объявить о подтверждении мира… и благодарить за милость… что они, послы по его салтанской милости 13 месяцов довольствуютца кормом». 28 августа в «изрядном уборстве» они прибыли к верховному везиру, который пенял о «погрешении», что войска царя проходят через Польшу в Померанию. Он же поверял: пусть бы русские захватили все владения шведов в Германии, но лишь бы не ходили непрестанно через польские земли.

Ничего не зная наверняка, Шафиров упорствовал в том, что все русские полки ушли в Померанию или на Украину. Дезальер же, «повседневно поступавший с великою злобою», доносил султану, что в Польше стерегут Карла XII 40–80 тысяч солдат царя, 6–7 тысяч датчан, 5 тысяч саксонцев и поляки тут же восстанут против них при подходе скандинавского воителя к польским границам.

1 сентября 1712 г. в Бендерах Карлу XII был предложен проект военного соглашения с Францией, по которому Людовик XIV, зная от посла в России Ж. К. де Балюза «о скудости царя и его обоих союзников», предлагал шведскому королю утвердить на польском троне Лещинского, за что Станислав I вернёт Порте южную часть Подолии с Каменцем, а турки заставят царя уступить Речи Посполитой «воеводство, княжество и город Киев и все места по правую сторону Днепра». Милион ливров Франция даст прошведским «партизантам», а Карл XII получит субсидии в 100 тысяч ефимков ежемесячно, если вторгнется в Силезию[2]. Конечно, это было чистой

---

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 769–772. 9 августа Юсуф-паша сообщил, что султан пожаловал Шафирова сомнительным подарком - кинжалом с алмазами.

[2] Пропаганда разглашала, что Лещинский обяжется платить туркам ежегодную дань в 400 тысяч червонных. «Перевод з договору учинённого

фантазией. Ни шляхта, ни русский царь в 1712 г. не отдали бы свои земли; шведы не имели сил ни для вторжения в Польшу, ни, тем более в Силезию. «О договоре же или согласии [со шведами турки] не хотят ни слышать, ни давать»[1].

16 сентября Ахмед III был «смутен, гневен и со слезами» говорил, что взыщет Бог на русских министрах, что удержали его от похода, а если бы он пошёл, то «того гяура» (Карла XII) уже бы давно выслал. Юсуф-паша вторил: «если бы тот проклятый дьявол не мутил, то б де никаких трудностей не было». Почва уже резко сотрясалась как под русским посольством, так и под верховным везиром, который на приём к султану ходил «вне себя от страха, чая себе погибели». Садразам заклинал «для Бога Господа» писать царю, чтобы все войска удалились из Польши и дали бы дорогу «проклятому королю шведскому», иначе ни Порта, ни царь не будут иметь покоя. 17 сентября послы в очередной раз беспардонно клялись «своими животами», что никаких русских войск в Польше нет[2].

4.4. ЗАЩИТА КИЕВА И ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Русское правительство, пытаясь найти защиту, продолжало рассчитывать на «ближайшую аллианцию» с цесарем Карлом VI, но австрийцы, как и прежде, обнадёживали всего лишь «дружбой и добрым намерением». (Впрочем, если турки войдут в Польшу, то император предполагал послать туда 20 тысяч своих войск).

Надеясь быстрее завершить Северную войну, Пётр I собирался бросить основные силы на завоевание Финляндии,

между королём французским и королём швецким» РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 1–2. «Экстракт из трактата в Бендерах» — там же. Ф. 89. Оп 1. 1713. Д. 7. Л. 214 об.

[1] Не обещали турки шведам ни новых субсидий, ни конвоя сверх 8000 человек. Так комметировал 16 июля «в поле» вне Стамбула Ж. Б. Савари русскому секретарю Н. Барке послание Карла XII султану от 6 июля и ответ с турецкой стороны. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 586 об–587. В сентябре 1712 г. турки просили прислать три-четыре французских корабля для высылки короля морем через Салоники (были варианты через Дубровник, Боснию или Венецию), потом в Алжир и Францию, а в случае несогласия «засадить до смерти» в заключение.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 887 об., 897–899, 906.

а войска Шереметева, оставленные против турок, усилить только дивизией Вейда. Отбиваться на юге он полагал разумнее не оружием, а дипломатией, червонцами и мехами. Оборонительной войны с турками царь не боялся: «С турецкой стороны… хотя б нечто и стало являться за короля шведского или иным каким образом (чего не чаем), для того оставлен фельдмаршал Шереметев при Киеве для лутчего безопасения, а я свой путь [в Померанию] для того не отставлю»[1].

В отличие от 1711 г., «дефензивная» стратегия на юге развертывалась как сверхосмотрительная и даже опасливая. Пётр I прорабатывал её с той же тщательностью, как и перед нашествием шведов на Москву в 1707 г.[2]

Рённе 15 февраля велели перебраться в Киев, фельдмаршала Шереметева 26 февраля вызвали для обсуждения будущей кампании в Петербург[3].

Весной туда же выехал Ф. М. Апраксин (прибыл 9 мая 1712 г.).

Полагая, что война на Левобережье может продлиться дольше года, Пётр I в феврале 1712 г. «под жестоким истязанием за неисправление» предписал состоящие из полков полевой армии гарнизоны Малороссии снабдить хлебом и прочим продовольствием «на год и больше» и «укрепить людьми из украинцев».

Основная угроза виделась для «матери городов русских». Киев должны были защищать две конных и две пехотных дивизии, артиллерийские полевые служители и все полки Скоропадского под общим командованием фельдмаршала Шереметева, который сильно беспокоился — устоят ли киевские укрепления при осаде его турками. Для регулярных войск туда следовало привезти провианта и фуража на семь месяцев возможной осады, «а сена или сечки сколько возможно».

С Кубани от ногайцев царь не предвидел особой опасности, поэтому все полки Азовской губернии вместе с казанским губернатором переводились на Слободскую Украину. На Север-

---

[1] Пётр I — В. Л. Долгорукову 23 января 1712 г. ППВ. Т. 12/1. С. 37.

[2] В. Е. Возгрин неверно считает, что в 1712 г. «русские снова стали готовиться к агрессии на юг». *Возгрин В. Е.* Военно-политический конфликт… С. 69.

[3] Фельдмаршал в марте 1712 г. испрашивал отставку.

ском Донце, на Середе и в Таврове оставлялись только некоторые гарнизоны. У Харькова или Изюма к маю 1712 г. должны были собраться 5 тысяч донцов и к июню 15 тысяч калмыков[1]. П. М. Апраксин с калмыками должен был встать у Полтавы[2].

1 мая 1712 г. в доме Б. П. Шереметева собрался совет о новой Турецкой войне[3]. Пётр I подтвердил проект обороны Киева двумя конными дивизиями К. Э. Рённе и Л. Г. Януса и двумя пехотными — А. А. Вейде и Л. Н. Алларта. Скоропадскому, (который боясь Орлика, Гордиенко и Петрика, просил приставить к нему 2–3 русских полка), поручалось «не перепускать» противника на левый берег Днепра. Старую киевскую крепость превращали в «транжемент», Печерск должны были отстаивать полторы тысячи солдат. Укрепления поручалось возводить инженер-полковнику Штоку.

Хотя казалось невероятным, что турки форсируют Днепр и начнут воевать, где закончил свой «восточный поход» Карл XII, но на Левобережье царь указал создать крепкий шанец, чтобы днепровский мост был прикрыт и с тыла. Об укреплении Киева в 1712 г. никогда не упоминалось в историографии. В шанец «для закрытия мосту» предписывалось поместить две трети регулярных солдат и треть малороссийских казаков. Царь знал топографию Киева. К мосту от «горки» (Владимирской) по обе стороны спуска устраивалась «линея куманикацион». Небольшую речку Лыбедь, текущую вдоль Днепра, указывалось перекрыть плотинами, чтобы большая вода остановила неприятеля. Считали, что если плотины будут даже разрушены, то османская конница завязнет в грязи. За этой водной преградой от Печерска до «старого» Киева обновлялась и оборонительная линия длиной три-четыре километра.

Сдерживать превосходящие силы противника мыслилось до конца сентября 1712 г., когда турки начнут свертывать кам-

---

1 «И на их дачу дать пятьдесят тысяч рублёв». ППВ. Т. 12/1. С. 19, 20. Вопреки прогнозам царя, Малая ногайская орда, мстя за поход П. М. Апраксина 1711 г., нанесла болезненные удары по югу России (см. ниже).

2 Хан Аюка отписал царю 22 мая, что «калмыков пятнадцати тысяч человек за некоторым случаем послать невозможно». ППВ. Т. 12/1. С. 527.

3 В Малороссию Шереметев вернулся 26 июля. В Глухове его встречал гетман И. И. Скоропадский, с этого времени он пробыл на Украине вплоть до 1715 г.

панию. Если же силы будут равны, то намечалось изматывать врага частными нападениями, а потом, «якобы боясь», отступить и встать между Печерском и Киевом за земляной линией. Когда «зело жаркой неприятель» приблизится апрошами и батареями, то повелевалась атака, захват пушек и нанесение «великого урона» пехоте врага. Не исключалась и утрата Киева: если Шереметев признает невозможность отстоять его, предписывался подрыв стен Печерской крепости.

Пётр I полагал, что прикрывать одновременно Украину и Польшу невозможно, но если турки всё же пойдут по расходящимся направлениям, то в Польшу для подавления станиславцев спешить не следует. Даже если османы задержатся там на два-три месяца, то в сентябре они уберутся за Дунай и осенью — зимой можно будет «тот пламень погасить». В случае, «ежели пойдут великою силою турки в Польшу ко Померании или в Саксонию» (!), то царь в конце августа или начале сентября будет сдерживать их с фронта, а Шереметев следовать за ними[1].

Саксонцам и полякам советовали выйти к молдавским границам и «объявить крепкой союз меж Российским и Полским государством» туркам, а если те пойдут к русским границам, то «хотя партиями чинить развращение». (Август II в то время «обновлял дружбу и корреспонденцию» в Стамбуле, просил не отправлять Карла XII через Польшу и добивался выдачи ему Ю. Потоцкого и С. Понятовского).

Если турки задержатся перед Днестром и запустят в Польшу Карла XII и Станислава, а Август II и поляки станут просить помощи, то Шереметеву позволялось выслать туда часть войск «нерегулярных, отобрав лутчих». В крайнем случае, отправить и «деташемент войска регулярного и конницы для постраху неприятелю, толко смотреть того, чтоб их неприятель от Киева не отрезал». Но предварительно и обязательно следует оповестить султана.

«Черкас» царь советовал не помещать в те крепости, которые далеко от главных русских сил, а в ближние места вводить не более трети гарниизона. Царедворцев «для лучшего обна-

[1] Резолюции Петра I на донесении Б. П. Шереметева 1–8 мая. ППВ. Т. 12/1. № 5234. В мае того же года Пётр I объявил, что в случае войны с турками, вся дивизия Алларта останется при Шереметеве. ППВ. Т. 12/1. С. 184.

дёживания малоросийскому народу» собирались разместить около Белгорода, Севска и Рыльска.

Историки никогда не писали, что к лету 1712 г. для отпора предполагаемому вторжению турок *возвели оборонительную линию не только вокруг Киева, но начали укреплять даже Москву!* Возможно, начало этому положил всё тот же Функ, который вещал, что Москва, подчинив Польшу и Швецию, начнёт «свирепую войну» на юге, захватит Крым, пробьёт путь к Чёрному морю и приблизится к Стамбулу. Если же вся «Казацкая земля» отойдёт султану, то царь никогда не сможет начать войну, «понеже войска турецкие и татарские будут от самые Москвы обретатися толко за 4 дни разстоянием и будет татаром, как и прежде бывало, свободный и отворенный путь чинить набеги даже до самых стен города Москвы». «Оттоманская область» дойдёт почти до Швеции, «обе потенции будут в… близости и в любви совершенной», поляки примут законного короля Станислава I и царь отдаст все земли, которые отобрал у Швеции. «И останется Москва в таком состоянии, как и прежде была и не будет уже иметь сил… и тогда государство Оттоманское уже будет… в покое мыслей»[1].

Во время шведского нашествия, в 1707–1708 гг. вокруг Кремля и Китай-города была выстроена огромная земляная «фортеция» с валами и бастионами, на которых стояло 1145 орудий[2]. Хотя янычары в Бендерах в то время и «поносили» имя царя и «собирались быть» в Москве, но в 1712 г. вряд ли кто думал, что турки доберутся до столицы. Тем не менее, против крымцев (сжёг же хан Девлет I Герай в 1571 г. посады вокруг Кремля) и против социальных бунтов было решено принять меры. 27 сентября 1712 г. Сенат распорядился рассчитать количество необходимых материалов и работных людей для ремонта земляных бастионов и больверков Москвы, устроенных в 1707–1708 гг. Сенат же указал подать ведомость об установленных на них пушках, мортирах и караулах[3].

---

1 Функ считал, что Киев и Казацкую землю можно взять, если послать туда тайных казацких агентов, обещая протекторат султана, свободу веры и помощь янычар с татарами. Челобитная Т. Функа султану, май 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1712. Д. 7а. Л. 401–409 об.

2 *Артамонов В. А.* Полтавское сражение… С. 175–176.

3 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3. Л. 730–731.

«Стратегия истощения» противника была основательно разработана. Памятуя умелый отход армии через Белоруссию в 1708 г., который сильно ослабил шведскую армию, теперь на дальних подступах также собирались жечь степь, провиант и уклоняться от сражений с турками. Головкин считал, что крепости Белую Церковь (там был полк Г. И. Анненкова) и Полонное (где был полк Сухарева), отстоящие от Киева за 75 и 225 вёрст, можно держать, пока турки не подойдут к Днестру, но как только они появятся у этой реки, надо «разорить» обе фортеции и вывести их гарнизоны в Киев. С оглядкой на малороссийское казачество, предписывалось снизить налоги с Киевской губернии. В малороссийских городах разместили четыре гарнизонных полка. (В 1711 г. там было 20 полков). Молдаванам и сербам снова решили платить жалованье, «дабы на то смотря, иные из тех наций в службу приходить охоту имели»[1].

Война заставила русское правительство в 1712 г. выскребать людей из приказов, таможенных, кабацких и конских изб всех губерний и городов. «А у дел оставить только тех, без которых по самой крайней нужде пробыть невозможно». В пехотные и кавалерийские дивизии царь указал зачислять по 100–150 «молодых дворян и людей боярских». С городов набирали мало — от двух до 28 рекрутов. За укрывательство или удержание у себя «в лишку» грозили штрафом. Фискалы разумно предлагали забирать дворовых людей из имений фельдмаршалов, адмиралов, генералов и прочих высоких чинов, указывая, что «за ними волости большие»[2]. Но провинциальное начальство за деньги ухитрялось утаивать людей или отдавать в новобранцы 16–17-летних ребят, либо «немощных, которые болезни имели». Писарями и солдатами записывали даже подъячих из Сената. Безусых призывников обряжали в тяжёлый мундир, нагружали ружьём, провиантом на несколько дней, амуницией (весом до двух пудов) и скованными по двое гнали в грязь и непогоду за сотни вёрст. За каждого сбежавшего из полка солдата назначались штрафы от полутора рублей (с полковника) до 10 копеек (с сержанта) и копейки (с солдата). Тех, кто укрывал беглых солдат и новобран-

[1] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 23. Л. 116–119.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 23. Л. 202, 218.

цев, ссылали на галеры. Рекрутам на кисти левой руки, между большим и указательным пальцами, накалывали крестик и натирали его порохом[1]. Из 4854 рекрутов, отправленных 1 августа 1712 г. из Московской, Казанской, Азовской и Сибирской губерний умерло 256, бежало 823, заболело 66, через 7 месяцев дошло до Риги 3709 человек (пропадал каждый четвёртый)[2]. В 1712 г. велено купить 20 тысяч лошадей на доходы Азовской губернии (губернатор И. А. Толстой написал, что закуплено всего 8500 голов). Табуны в сотню голов тогда перегоняли к Москве по 30 вёрст в сутки[3].

3 сентября 1712 г. Б. П. Шереметев проводил смотр Московского драгунского полка, французской, венгерской и сербских рот[4]. В октябре 1712 г. фельдмаршала охранял генеральный шквадрон и две сербские роты (ещё две сербские роты находились при Рённе). Французов и венгров (их оставалось 160 конных и 150 пеших) он с сожалением отпустил «без заплаты» к венгерскому графу М. Берченьи под команду полковника Ж. Ж. Шарьера. 250 молдаван под командой полковника Левашова перешли к генерал-майору князю Волконскому[5].

Светлейший российский князь Кантемир в это время вошёл в элиту Российской империи, стал позже видным сановником, сенатором и тайным советником, экспертом по делам Востока и ближайшим сподвижником царя-реформатора. Пётр Великий, ценя ученость молдавского господаря, стремился удержать его в России. Но в 1712 г. приходилось опасаться его связей с агентами в Молдавии и Валахии, что могло нарушить мир с турками. Кантемир не мог согласиться с крушением своих планов и ещё с осени 1711 г. вел переписку с Веной, чем вредил русской дипломатии[6]. Удаление Кантемира

---

1 ППВ. Т. 12/1. С. 17, 19. Из-за этого на армию Петра I нельзя навешивать кличку «армия рабов», как делают исказители русской истории.

2 РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 18. Л. 690.

3 Для лошадей готовили станции с фуражом, давая утром и вечером четырём лошадям по пол-осьмине (2 четверика) овса, а сена «со удовольством». РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 529.

4 Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев…С. 187.

5 Там же. С. 201; *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею… С. 175.

6 Донесение И. Х. Урбиха в ноябре 1711 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 183 и об.

от Харькова к Москве можно увязать с интригой Т. Функа, который в мае 1712 г. писал султану, что отступника Османской империи царь сделал владетелем в «Казацкой земле», что дает дурной пример православным подданным Порты.

Шафиров, беспокоясь за судьбу только что заключенного мира, предложил выслать господаря «куда подале»[1]. Б. П. Шереметев спрашивал в первых числах мая 1712 г.: «Господарь волоской и протчие от того народа, где будут во время нынешней кампании обращатися? А ежели оной будет при войске, как ево персона имеет быть содержана — в верности ль? И до совещаний тайных допущать ли? И буде желать будет в обоз турецкой чинить з доброжелателными к стороне Вашего Величества, о которых он уповает, карреспонденцию, и в том имеет ли ему быть позволено? Також и в волоскую сторону, или в мунтянскую, в корреспонденции ему не запрещать ли? Понеже бан молдавский объявляет об нём некоторые опасности»[2].

Сугубо оборонительная стратегия 1712 г., опасение за Киев и Москву, свидетельствует о том, насколько горьким был осадок у русского командования от кампании 1711 г. Однако план обороны не оставлял Порте шансов на победу. «При оборонительной войне опасаться турок нечего, так как они могут про-

---

[1] Подканцлер несправедливо писал Г. И. Головкину 4 и 14 июня 1712 г. из Стамбула: «Как здесь слышу, [Кантемир] человек зело превратной и фалшивой и хану друг великой был… Может иногда и примиритися [с турками]» «А ему [Кантемиру] истинно по здешним его поступкам верить нечего, ибо и на патриарха, и на брата своего, и на мултянского доводил туркам многожды». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 419 об., 427–428.

[2] ППВ. Т. 12/1. С. 188. 30 января 1712 г. резидент в Польше А. И. Дашков писал Г. И. Головкину, что Брынковяну подсылал агентов отравить Кантемира, «чтоб не делал факции в Мултянской и Волоской землях против турков». Там же. С. 423. В ответ на беспокойство Шафирова о живущем на Украине Кантемире Г. И. Головкин писал П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву 4 сентября 1712 г.:
«Господарь волоский князь Кантемир прежде получения ваших писем ещё с начала весны переведен с Украины к Москве и определено ему жить всегда тамо, а не на Украине и маетности, которые было ему даны были в Украине Шидловского, розданы все волоским боярам и другим чинам, которые с ним выехали, а ему дано вместо того ис Камарицких волостей 1000 дворов да под Москвой вотчина. И с Москвы он, Кантемир, на Украину мало съезжать будет и в протчем никакова дела до оной не имеет». См. также ППВ. Т. 12/2. С. 368.

извести разве несколько незначительных вторжений» — такой вывод делал и Ч. Витворт.

В Османской империи рачители войны не унимались.

Понятовский сочинял, что 30 тысяч русских войск не уйдут из-под Варшавы, пока не закроется сейм, утверждавший королём Августа II, что тайно на сейме присутствует сам царь, Девлет Герай слал ложь, что русские строят новые крепости на р. Орели, «в двух часах езды от р. Самары». (Мурза, специально проверявший там местность, раскрыл 2 августа обман, но хан уверял, «буде ныне не строят, то впредь строить имеют»). Шведы разносили «ветреную ведомость», что Юсуф-пашу вот-вот сменят на прошведского капудан-пашу.

Юсуф-паша просил не ставить новых укреплений, пока они « не зживут с шеи» Карла XII, а потом «стройте в своей земле, что хотите». «Считая дни и часы» в ожидании ратификации из России, верховный везир надеялся, что Девлет Герай будет низвержен «и то де сам салтан совершенно учинит».

В «битве червонцев» Шафиров держал верх над шведами, которым перестали давать деньги в долг. Хан, шведы и прочие «неприятели» твердили, что все в османском правительстве ослеплены русским золотом.

В это время сербы, в отличие от Вены и Венеции, как и прежде, готовы были поддержать Россию. 25 марта 1712 г. Пётр I и С. Л. Владиславич выслушали известие «о горячести сердец православного народа, сущих под властию турецкою и цесарскою», о том, что «полковник Вулин до 20 000 в готовости войска имеет» и что 10 000 сербов готовы «к службе Его Царского Величества». Сербам предлагалось «как возможно скоро поспешать» к русским границам и по пути сжигать турецкие склады продовольствия. В тот же день Г. И. Головкин составил письмо о том, чтобы Вена разрешила, или хотя бы не запрещала сербам пройти через Воеводину и Трансильванию и соединиться с Русской армией: «…сущим сербянам, кто похощет, к войску Его Царского Величества приттить на вспоможение против турков». За это обещалось в будущей войне Вены против турок таким же числом «не толко нерегулярными, но и регулярными вспомогать»[1].

---

[1] ППВ. М., 1975. Т. 12/1. С. 149–150, 426–427. О просьбе выслать 10 тысяч конных воинов писали также и к сербскому митрополиту. РГАДА Ф. 32. Оп. 1 1712. Д. 13.

Сербы Черногории, многие из которых работали курьерами между Стамбулом и венецианским Котором, неплохо знали турецко-русские дела. Они не верили туркам и венецианцам, что русские разбиты и 14 месяцев,[1] вплоть до августа 1712 г. не складывали оружия. Ещё 12 декабря 1711 г. Д. Боцис писал И. Х. Урбиху, что черногорцы не верят порочащим слухам, надеются на русскую помощь и продолжают сражаться[2].

На помощь повстанцам из венецианских владений спешили с оружием племена бокельцев, маинян, грблян. В связи с тем, что ни Венеция, ни Дубровник не разрешили бунтарям покупать в своих владениях порох, кремни и свинец, с отчаянными письмами в Россию от «Македонии, Черногории, Герцеговины, Албании и Приморья» в середине декабря был отправлен брат М. Милорадовича — Гавриил[3].

Русское командование не отказывалось помогать датчанам и саксонцам в Померании, а также полякам. Со второй половины XVIII в. Российская империя отправляла эскадры к Пелопоннесу (1769–1774 гг.). Однако в начале XVIII в. перебросить к восставшим христианам десант, оружие, порох и свинец не было ни сил, ни времени. Снарядить из Кроншло-

---

[1] Так писал М. Милорадович, который в середине июля 1712 г. поехал к царю. См.: *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Михаилу Лалићу у почаст. Зборник радова. Титоград, 1984. С. 21.

[2] РГАДА. Ф. 41. Оп. 1.1711. Д. 2. Л. 57. Возможно, эти сведения относились к осени. Зимой боевые действия затихли. М. Милорадович пускал слух, что Москва из Ливорно пришлёт корабль, полный оружия и боеприпасов. *Ћоровић В.* Одношаји Црне Горе са Дубровником од Карловачког до Пожаревачког мира // Глас Српске Краљевске Академије. CLXXXVII. Други разред. № 94. С. 42.

[3] *Станојевић Г.* Црна Гора у доба Владике Данила. Цетиње, 1955. С. 73–74. Г. Милорадович вместе с «Вукашилом Поповым и Николой Властелиновым» прибыл в Петербург 1 февраля 1712 г. и желал уведомиться — мир или война с турками. «Ежели мир, чтоб о них попечение имели, ежели ж война, — что они к той готовы». — Ведение о монтенегринцах и иных. РГАДА. Ф. 86. 1715 . Д. 1. Л. 1. Л. 1об. Позже, в 1715 г., в связи с тем, что Гавриил потерял всё своё имущество в Черногории, он хлопотал получить «за верную службу персону с алмазы» и чин полковника в Малороссии. Г. Милорадович — Петру I 30 апреля 1715 г. — РГАДА. Ф. Сербские дела. Оп. 1. 1714–1717. Д. 1. Л. 77 и об. В 1715 г. Гавриилу была вручена «персона золотая с алмазы» стоимостью 300 руб., изготовленная ювелиром Вестфалем. — РГАДА. Письма разных лиц на русском языке. Оп. 1. 1715. Д. 1. Л. 166 об.185.

та (после освобождения его ото льда), Архангельска, Риги, Петербурга или дружественной Голландии хотя бы один торговый корабль никому не приходило в голову. (В источниках петровского времени таких проектов не обнаружено). Зафрахтовать же судно в Адриатике, или перевести деньги восставшим через венецианцев или дубровчан было трудно, так как эти «латиняне», боясь войны с турками, блокировали подвоз боеприпасов к черногорцам. Для восставших отчеканили только медали. Определе нным облегчением для восставших было то, что часть боснийских войск была отвлечена в Молдавию против русских.

В России не думали о протекторате над Черногорией. Но М. Милорадович для поддержания духа восставших от своего имени огласил 16 апреля 1712 г. на сборе в Цетинье «договор» о русском протекторате (защите) Черногории с сохранением её церковного и гражданского суверенитета, при отсутствии любых налогов и при обязательстве черногорцев воевать с врагами России[1].

Весной 1712 г. несколько тысяч ратников, воодушевлённых возобновлением Турецко-русской войны, действовали активнее, чем в 1711 г. Они нападали на торговые караваны на землях Дубровника, присоединяли сербов из Герцеговины, к ним убегали дезертиры из венецианских отрядов. Отсутствие провианта и амуниции восполнялось стихийными грабежами. Под угрозой нападений «московских повстанцев» были Косово и Македония. Архиепископ В. Змаевич заклинал Шафирова помочь восставшим[2]. Для подавления мятежа

[1] Черногорско-русские отношения 1711–1918. Русские архивные документы о Черногории (конец XVII — середина XIX в.). Подгорица-Москва, 1992. Т. 1. С. 31. Историк Б. Павичевич ошибочно писал, что превышение полномочий Милорадовичем охладило отношение русского правительства к нему. См.: *Павићевић Б.* Владика Данило…С. 22. Однако в декабре 1712 г. М. Милорадович был приветливо встречен царём в Шлезвиг-Гольштейне, а 15 мая 1713 г. тайный советник Т. Н. Стрешнев вручил в Сенате Милорадовичу драгоценный портрет царя с бриллиантами ценой в 420 руб. — ППВ. Т. 12/2. С. 538. 10 июня 1715 г. ему предоставили «хлебную» должность полковника в Гадяцком полку в Малороссии. М. Милорадович «в военных делах искусной и сердца доброго» — такую характеристику дал Г. И. Головкин 9 июля 1715 г.

[2] «Два христианских войска» в Албании, Сербии и Македонии не взяли никакой фортеции, «понеже не имели инструментов», но «превеликия ра-

было собрано 4–5 тысяч аскеров. Ахмеду III пришлось указать пашам Албании и Боснии собирать конное войско (не менее 12 тысяч) для расправы с бунтовщиками[1].

В начале лета 3000 черногорцев собрались дать отпор скадарскому Тахир-паше, который повел на них наступление. И как раз в июне 1712 г. Владиславичу пришлось писать к Милорадовичу, чтобы тот против турок не воевал, ибо «ис того может произойти при дворе турецком немалая противность»[2]. Шафиров тоже дал знать, что им из Стамбула нельзя вступаться за повстанцев, «ибо ежели пронесётся, то не токмо нас на колья пересажают, но и войну [турки] начнут». Но бросать «тех верных служителей» нельзя и пусть Владиславич перешлёт архиепископу Змаевичу для них 3 тысячи червонных и «велеть им быть тихим до времени»[3].

В отличие от неудачи России на Пруте, 1711 и 1712 гг. стали временем боевой славы Черногории. Летом 1712 г. турки с трёх сторон решили вторгнуться в Черногорию. Боснийский везир Ахмед-паша Шапчалия, который сражался с русскими

зорения учинили турком… и овладели полем так, что проклятые агаряне за великим устрашением принуждены были здаться, ежели б не последовал мир и не поспешило б из Волоской земли многое войско, которое принудило моих верных оставити всякое начатие». Потом турки разорили «слабые места, однакож многие ушли из них, покинув домы и всё своё имение». Воины в горах ещё держатся, но «при последней бедности». Если будет помощь и русская протекция, то «наши народы паки азардуются против турков». Архиепископ В. Змаевич из Котора — П. П. Шафирову 15 марта 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 397–400.

[1] *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори… С. 185, 187–188, 190–195.

[2] *Павленко Н. И.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни 1978. № 3. С. 160. Но месяц спустя он просил от имени восставших о дополнительной финансовой помощи на приобретение оружия и амуниции. В том же 1712 г. Владиславич предложил определить М. Милорадовича в нерегулярные полки до будущего года, «а тамошним народам писать, дабы к предбудущему году готовились с обстоятельством против неприятеля воевать, а в сию кампанию лестили бы туркам к приязни, дабы их впредь могли обмануть, когда от Царского Величества указ и жалованье им послано будет». РГАДА. Каб.ПВ. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Кн. 15 Л. 1016–18. *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений… С. 36–37.

[3] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 4 июня 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 430. Каретте в Венецию был послан вексель на 3 тысяч червонных, чтоб черногорцы «от воинских действ престали». *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения… С. 274.

на Пруте,[1] собрал с Боснии, Герцеговины, Албании, Македонии и Старой Сербии до 20 тысяч войска (в том числе и подневольных христиан-ополченцев)[2] и решил покончить с союзниками России.

12 июля М. Милорадович, кнезы и воеводы, безрезультатно пытаясь закупить боеприпасы, обратились с письмом к венецианцам, которые настаивали на замирении с турками. В нём они писали, что не могут покориться, пока не получат одобрения от царя, или пока тот не отступится от них[3]. Часть черногорцев вместе семьями и скотом ушли в горы, часть для видимости подчинилась Ахмед-паше. Возможно, две тысячи или больше (как писал М. Милорадович) с русскими знамёнами («под гербом Царского Величества»)[4] храбро, из-за засад и каждого камня бились против семитысячного авангарда Тахир-паши. Нанося противнику потери, они медленно отходили, проводя тактику «выжженной земли» и уничтожая позади себя постройки, корм и траву.

Крупные потери туркам были нанесены в июле 1712 г. в местности Царев Лаз. Может быть, было перебито до двух тысяч в основном албанских турок[5]. Владыка Даниил был ранен. 8 августа н. ст. Каратели всё же добрались до духовного центра Черногории, разрушили Цетиньский монастырь и сожгли окрестные деревни, но задержаться в опустошен-

---

[1] *Самарџић Р.* Срби у Турском царству 1718–1737 // Историја Српског народа. Срби у XVIII веку. Београд, 1986. Књ. 4. Т. 1. С. 101.

[2] *Томић J.* Турски поход на Црну Гору 1712 год. Сарајево, 1920. С. 20–21; *Станојевић Г.* Црна Гора у доба Владике Данила. Цетиње, 1955. С. 82. Венецианцы сожалели, что часть восставших племён Ахмед-паша уговаривал к повиновению переговорами. *Томић J.* Питање Царева Лаза. Београд, 1933. С. 127, 130.

[3] *Томић J.* Турски поход на Црну Гору… С. 29. В начале 1712 г. ради покупки свинца и пороха М. Милорадович пытался продать на далматинское побережье 11 захваченных подростков и детей. — *Ћоровић В.* Односаји Црне Горе са Дубровником… С. 34.

[4] Часть русских знамён турки взяли как трофеи. П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 17 августа 1712 г. из Стамбула. ППВ. Т. 12/2. С. 446.

[5] *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори… С. 198. Эту битву считал «мистификацией» *Томић J.* Питање Царева Лаза. Београд, 1933. С. 129, 223. Убедительные доказательства о боях 1712 г. привёл *Драгићевић Р.* Неколико напомена о боју на Цареву Лазу // Историски записи. Титоград, 1960. Књ.17. Св.1. С. 351–369.

ном месте не могли. Серия побоищ при Царевом Лазе стала гордостью черногорцев[1]. Цетиньский монастырь был наскоро восстановлен. По словам Милорадовича, при отступлении воины Ахмед-паши «побегоше срамотно и изгинули, ранены и уморении». До трети их войска было потеряно убитыми, умершими от болезней и дезертирами[2].

В 1712–1713 гг. военные действия русских и черногорцев шли вразброд . В августе 1712 г. М. Милорадович со свитой в несколько человек выехал добиваться помощи от царя, а в сентябре военные действия черногорцев были приостановлены. Но если их перемирие, продолжавшееся до января 1713 г., сочеталось с ожиданием новой войны, то в России надеялись на стабильность отношений с османами.

Весть о возобновлении русской войны с турками в 1712 г. черногорцы приняли с воодушевлением. Владыка Даниил ободрял, что в Черногорию прибудут русские офицеры, деньги и боеприпасы. Как писали венецианские наблюдатели, владыка «отчаян, полон сил и может своим гневом распалить новый огонь». Турки опасаясь, что восстание разгорится также сильно, как в 1711 г., стали укреплять города, особенно Никшич[3].

В целом военная помощь сербов на западе Балкан оказалась намного существеннее, чем молдаван и валахов.

После подписания Константинопольского перемирия, канцлер Г. И. Головкин в мае 1712 г. указал сербское «приготовление к походу весьма отставить»[4].

Вопреки этому, дело продолжил «государственный тайный секретарь царского величества» уроженец Крита Павел Аркулей (Арколео), который мае — июне 1712 г. объявился в Черногории. С 1703 г. он 8 лет служил боцманом на галерном флоте контр-адмирала грека И. Ф. Боциса и потом 10 месяцев писарем при надворном советнике С. Владиславиче. Согласно

---

[1] Описание боевых действий в 1712 г. и дискуссию вокруг них см.: *Ћоровић В.* Односаји Црне Горе са Дубровником… С. 66–73; *Станојевић Г.* Црна Гора у доба Владике Данила. Цетиње, 1955. С. 81–96.

[2] *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Михаилу Лалићу у почаст. Зборник радова. Титоград, 1984. С. 31. *Томић Ј.* Турски поход на Црну Гору 1712 год. Сарајево, 1920. С. 40–41.

[3] *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори… С. 203, 207.

[4] ППВ. Т. 12/1. С. 422.

Шафирову этот «гораздо неглупый и о многом сведущей» грек, одержимый идеей освобождения христиан, «чаял сыскать свою фортуну» на русской службе. В 1711 г. он посылался в Италию формально «з грамотою царского величества к Венецкой Речи Посполитой о церкве Греческой». Владиславич дал ему около 3000 червонцев и такую же сумму он занял у других людей «на государя» (на представительские расходы). Аркулей накупил лошадей, седла, епанчи, сумки, шубы, изумрудные и лаловые серьги, перстни, вызолоченные саадаки, пистолеты, фузею, «серебряную» саблю, ковер, часы, щеголял роскошью и выезжал в бархатной ливрее в золоченой коляске[1].

Свою деятельность Аркулей осветил в ранее не публиковавшихся письмах царю от 13 декабря 1713 г. 1 июня 1711 г. он вручил грамоту царя венецианскому дожу Джованни II Корнелио, 10 июня принял ответ, а с 3 по 16 июля пятикратно появлялся на аудиенциях у Папы Климента XI, которому передал «благодарную грамоту» С. Владиславича и трактовал «об обороне Святой веры и освобождении християн из варварской неволи». Папа, по словам Аркулея, обещал позволить именовать царя «не токмо титулом величества, но… деклеровати Императором Восточным, когда от Вашего Императорского Величества дасться поволность миссионаром католицким в вашей Империи [и] свободный проезд оных в другие стороны»[2].

С 18 июля 1711 г. Аркулей находился во Флоренции, где вручил тосканскому великому герцогу Козимо III Медичи царские подарки и предлагал ему послать против турок его каторги, соединив их с мальтийскими и папскими. Герцог отвечал, что если те выйдут в поход, то присоединится и он. Там же Аркулей пытался завербовать в качестве агента токарного мастера Ф. Зенгера, с которым имел дело отправленный царём

[1] «Промемории, сколько чужих денег взято… и иных вещей на государя». РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 349–350. Всего взято было на сумму 6133 и 4913 левков. Деятельность П. Аркулея изложил С. Л. Владиславич в письме к П. П. Шафирову 28 февраля 1714 г. См.: Походная канцелярия… Шафирова. Часть 2. С. 75–76. См. также: П. П. Шафиров и П. А. Толстой — Г. И. Головкину 8 января 1714 г. из Константинополя. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 12. Отрывочно об Аркулее писал *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I… С. 35–36.

[2] П. Аркулей — Петру I 17 декабря 1713 из Стамбула. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 29–32.

во Флоренцию капитан С. Г. Нарышкин, хлопотавший о покупке станка, на котором можно вытачивать «фигуры человечьи». 7 октября 1711 г. в Торуни Аркулей вручил Петру I венецианский ответ, «реляцию о станке», подзорную трубу, карету с упряжью на шесть лошадей для царицы Екатерины Алексеевны, купленную в Вене надворным советником К. Урбихом, а также золотую и серебряную медали от Папы Климента XI с изображением профиля понтифика и баталии турок с христианами, которые царь изволил «зело изрядно разсмотрити»[1].

Вообразив себя искушенным политиком и прослышав о возобновлении турками войны в ноябре 1711 г., он без полномочий с «ценными вещами» Владиславича отправился на Балканы, «чтоб подать куражу сербом» и после того, как «ушёл от государя ис Торуни… скитался от места до места 6 месяцев». Как раз после заключения перемирия с турками 5 апреля 1712 г., он появился на Балканах. По его словам, в хорватском Осиеке некий архиерей якобы сообщал ему, что «дванадесять тысящь грацианов [видимо, хорватских граничар — *В. А.*], готовы поднятца… когда услышали [бы] хотя неболшую викторию… против турок». В Петроварадине (Нови-Саде) Аркулей «сыскал капитана Богдана Марковича в аресте в фортеции, окована железами на шеи, на руках и на ногах… понеже того же дня, в которой определил поднятца с пятнадцатию тысящами сербов в споможение оружия российского был… предан и […] немцы поймали ево, яко началного бунтовщика, с которым и другие многие пострадали»[2].

Через Хорватию, Фиуме (Риеку) и Далмацию Аркулей прибыл в окрестности Дубровника и с моря прорвался к черногорцам сквозь кордон двух венецианских каторг и двух фрегатов генерал-капитана А. Пизани, который блокировал берег «для препятия всякого вспоможения монтенегрином как морем, так и сухим путём».

Аркулей дал знать, что желает соединиться с бунтарями-сербами. К нему спустилось два десятка воинов и, вскинув его баулы на плечи, привели в горы, к отряду в сотню человек, «ко-

[1] П. Арколео — Петру I 17 декабря 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 31 об.

[2] Там же. Л. 23.

торые с великой радости (понеже им показалося видети своего избавителя) поздравили мне одним залпом из мушкетов». «Красноречием» и подарками Аркулей поднял дух повстанцев. «И понеже сыскал я монтенегринов безнадёжных, которые сказывали, что Ваше Величество их вовсе покинул, [то] аз сладкими словами по своей возможности утешал их и подарил публично как архиепископу Даниелю (которой весь разсточился и привёл себя в последнюю нужду) также и господину кавалеру Милорадовичу и другим начальным графом четыре персоны вашего величества, которые велел зделать в Венеции и несколко пар пистолет, которые купил в Ф[и]уме, также один крест золотой — реченному кавалеру Милорадовичу. Сии не имели ни пороху, ни пуль ниже имели денег, которыми б могли учинити провизию нужных вещей противу нападения турецкого, которых было болши сорока тысяч с пашою башняцким и з другими тремя пашами тамошних стран, кроме караула, которой за плечми их чинили венецияне с указом от республики, что ежели одержат турки викторию и черногорцы уйдут к венециянном, то б караулы поставленные паки от[о]гнали их к туркам и дали б в руки варварские, чтоб таким образом могли завладеть и частию их земли и разпространити границу венецкую [и] тем же угодити Порте Оттоманской. Но сему противно приключилося, понеже монтенегрины порубили девять тысяч турок с потерянием токмо пятнадцати христиан»[1]. Так фантазия Аркулея расцветила победу черногорцев при Царевом Лазе.

К этому времени Аркулей, по его словам, издержал деньги, занятые в Кёнигсберге (!). и одолжил в 1712 г. в требиньском монастыре 1000 червонных с ростом «по десяти на сто»[2].

Когда до России дошёл слух о том, кто срывает перемирие с турками, Владиславичу пришлось отмежеваться от подопечного. Как писал Аркулей, он был «нетокмо о[т]ставлен, но и гнан смертно и оглашен вором казны [Царского] Величе-

---

1 Там же. Л. 24–25 об.

2 400 золотых он вручил черногорцам под расписку, которую послал к Владиславичу с капитаном И. Албанезом, Славуем Дьяковичем и поручиками С. Михайловичем и С. Бриновым, которые выехали через Фиуме в ноябре 1712 г. к царю, а 600 червонных Аркулей оставил себе на дорогу к русскому двору. Там же. Л. 27. Тысяча червонных была возвращена монастырю русским правительством только в 1722 г. Г. И. Головкин — Даниилу Негошу, март 1722 г.

ства 10 000 рублев и бутто издержал 1000 левков… министра, обретающагося в Константинополе, также, бутто я плут и обманщик, являя, что мои потенты фалшивы. Того ради меня арестовал в городе Фюме… господин Матвей Карета, агент Вашего Величества при дворе венецы[й]ском… декларуя меня… чрез куранты венецкие, напечатанные в сентябре 1712 году, что «арестован в городе Фюме один гречанин, которой ушёл из Монтенегра без пашпорту и украл из казны царя Московского 10 000 рублев и промотал других 1000 левков»[1]. Арестованный в августе 1712 г. Аркулей 37 дней просидел в тюрьме, смог подкупить стражу, бежал и семь месяцев скрывался в монастыре капуцинов, «чтоб удобнее мог показати пред судом мою правость». Вслед за тем через Корфу и прочие пелопоннеские острова через пять месяцев, к концу 1713 г. добрался до Царьграда.

Возмущённый взведенной напраслиной и неправедным арестом, Аркулей проговорился архиепископу Галани и Луке Барке Кирикову, «что он о всей с ними корреспонденции российской и о многих иных секретах сведом», а в русском посольстве утверждал, что теперь поднимет и греков на восстание против «оттоманской силы»[2]. У русских послов, только недавно вывезенных в Стамбул из Адрианополя, возникло подозрение, что неуемный делец выдаст их агентурную сеть туркам. Было решено спровадить его в Вену к послу А. А. Матвееву фиктивным «секретарем». Матвеев, чтобы «не набраться в чужом пиве напрасного похмелья», 24 августа 1714 г. сбыл его с рук в Петербург, где самозванец был арестован[3].

В целом можно признать, что деятельность Аркулея в определённой мере поддержала восставших сербов, как позже и борьба самозванца Степана Малого, выдававщего себя за российского императора Петра III в 1768–1773 гг.

---

[1] П. Аркулей — Петру I 17 декабря 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 17–18.

[2] «Намерен Его Царскому Величеству служить в краях греческих под протекциею Венецкою сущих и в пограничных со оными турецких и чтоб Царское Величество изволил ево употребить секретно для склонения их к своей стране подчас впредь будущей Турской войны, ибо он […] ведает, что все [греки] готовы за Его Царское Величество против турков поднять оружие». Там же. Л. 13 об.

[3] Походная канцелярия…Шафирова. Часть 2. С. 355, 397.

4.5. ПРОБА СБЛИЖЕНИЯ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ

«Утопающий и за нож хватается» — гласит присловье. Мало известно, что в 1712 г. Пётр I предпринял попытку оторвать Крымское ханство от османов.

13–23 марта, чтобы снизить давление с юга, царь изъявил готовность принять Крымское ханство в русское подданство. «*Ныне, когда турки ничем довольствоваться не хотят, но неотложно злобы одной для войну объявили, то мы… рады хана принять и пожелания ево все изполнить. Для чего б он, не испуская времени, прислал человека своего с полною мочью к фельтъмаршалу Шереметеву, которому также посылается полная мочь от царского величества для трактованья, не описываясь к царскому величеству, дабы в тех описках время не потерять… Ничем не может хан так верность и приятство царскому величеству показать, как тем, чтоб увез караля шведского, в чем и его самово польза будет, ибо когда будет король в руках, то мы от шведской стороны будем свободны и всеми силами помогать будем хану. А сверх того, за сие обещаем хану две тысячи мешкоф* [кошелей левков]». Таким образом, за голову шведского короля Пётр обещал 1 миллион левков, или 450 тысяч рублей. *Ежели кароля не может привесть, то хотя б магазеины сожгли, которыя от Дуная к Бендерю и в протчих местах обретаютца*»[1].

Такую сенсационную инструкцию царь составил для бывшего ротмистра польской службы, жителя Хотина молдаванина А. Давыденко, который сообщил 24 февраля 1712 г., что Девлет Герай и крымские мурзы просят от фельдмаршала и царя «тайной отповеди, […] хотят ли ево принять к стороне царского величества или нет», а также «пунктов, на чём ему в подданство притти»[2]. Этот эпизод не был известен отече-

---

1 РГАДА. Подлинные царские письма. Оп. 2. Т. 9. Л. 112–113. Собственноручное. Копия: Там же. Л. 114–115. Л. Барка из Стамбула рекомендовал 11 марта 1712 г. н. ст. «послать достойную особу с подарком каким» к хану. Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 8. Л. 40 об.

2 Эта секретнейшая инструкция сразу же стала известна саксонскому посланнику при русском дворе И. А. фон Лоссу. Раскрыл её содержание адмиралтейц-советник А. В. Кикин («дедушка» — как ласково называл его царь). 26 марта (5 апреля) Лосс сообщил Августу, что царь предлагает перейти хану под русский протекторат и захватить Карла XII, за что получит 600 тысяч рублей. В России хану обещались такие же и даже

ственным историкам и поэтому имеет смысл рассмотреть его предисторию[1].

Русско-крымские отношения никогда не были исключительно враждебными и тема русско-крымской взимопомощи и союзов XVI–XVII вв. ещё ждет своих исследователей. Ущемление прав Крыма османами вынуждали ханов, не раз попадавших в критическое положение, рассматривать возможность перехода в русское подданство. Летом 1686 г. хану Селиму I Гераю через гетмана Левобережной Украины И. Самойловича предлагали принять протекторат русских царей[2].

Авторитет «белого царя» после Азовских походов 1695–1696 гг. вырос и внимание кочевых народов стало чаще обращаться в его сторону. В 1699 г. 20 тысяч буджакских ногайцев взбунтовались против Бахчисарая, «ожидая помочи и милости» либо от султана, либо от царя, а естли б совершенно им с стороны турской отказано будет, то хотят к полякам приклониться, о чём уже и послали туды». Мазепа писал Петру I, что «поголоска по всему Крыму носится, что белогородская орда имеет намерение бить челом вам, великому государю, прося, дабы под державную Вашего Царского Величества руку были приняты»[3]. Во главе бунтовщиков стоял брат крымского

большие привилегии, как и в составе Османской империи. И. А. фон Лосс — Августу II 26 марта (5 апреля н. ст.) из Петербурга. *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 230.

[1] Освещение его также см.: *Артамонов В. А.* Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 269–286; его же публикация: ППВ. М., 2003. Т. 13/2. С. 246–247,578–580. Неверно называть А. Давыденко «конфидентом» Девлет Герая, которого он послал в Петербург «предвидя скорое смещение с ханского престола». *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 106.

[2] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 395–397. Во время первого Крымского похода в начале июня 1687 г. главнокомандующий В. В. Голицын предлагал крымцам поискать «здравыи способы» вместе с другими «первыми честными родами Крымского юрта», чтобы с царями «учинить соединение». Кочегаров К. А. Крымские походы 1687 и 1689 гг. Рукопись 2019 г. С. 9.

[3] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699. Д. 34. Л. 3; Ф. А. Головин — Петру I 29 марта 1701 г. ППВ. СПб., 1888. Т. 4. С. 494–495. В 1700 г. Август II завербовал

хана Девлета II нураддин Гази Герай, который ушёл с ногайцами в Бессарабию, к польским границам. В 1701 г. Гази Герай через Мазепу просил «белого царя» принять его «з Белогородскою ордою в подданство». В 1702 г. в Азов приезжал мурза Кубек с просьбой о русском покровительстве над кубанскими ногайцами. Однако русское правительство, не рискуя разрывать мир с Портой, сообщило султану о своём отказе ногайцам[1]. В Москве появлялись сведения и о намерении Девлета II Герая перейти в русское подданство. 26 декабря 1702 г. Порта, недовольная скудной информацией этого хана об усилении русских крепостей и Азовского флота, назначила в Бахчисарай в четвёртый и последний раз его отца, 70-летнего старца Хаджи Селим I Герая. 17 февраля 1703 г. Толстой писал, что татары *«на турок возымели превеликую злобу… и с черкесами и с ногайцами учинили договор и утвердились клятвою, что им всеконечно не токмо ис подданства турецкого выти, но и воевать турок и доступать государства Оттоманского, чтобы и владеть им»*[2]. Низложенный хан не подчинился отставке, поднял ногайцев и направил войска под командованием своего брата калги Саадет Герая в Буджак, к Аккерману и Измаилу. К мятежному хану присоединились и запорожцы («ехиднино порождение» — так называл их Мазепа)[3]. А. Давыденко беседовал и с мятежным ханом и тот тогда якобы сообщил, что готов вместе с беями «поклониться всемогущей царской державе и дале на турка воевати». Не было ничего необычного в том, что терявший в 1702 г. почву под ногами

несколько тысяч ногайцев для похода под Ригу. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1701. Л. 4–5.; Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 6. Л. 27 об.

[1] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века СПб., 1887. С. 670–672, 673–681. «А белогородцкой салтан и мурзы присягали к великому государю, что их принять в подданство и свободити от ханского владения (тогда ещё не сущу миру). Однакож великий государь на сие никоим образом соизволити восхотел, но твёрдо отказано». Ф. А. Головин — П. А. Толстому в 1702 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 59–60. Под военным нажимом янычар и крымских войск Гази Герай бежал в Чигирин, затем пошёл на мировую и был отправлен на о. Родос.

[2] *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 257.

[3] О соединении запорожцев и крымцев писал О. Плейер 25 декабря 1702 г. на основании донесений воеводы Масальского из Каменного Затона. *Устрялов Н. Г.* История царствования… Т. 4. Ч. 2. С. 595, 597–598.

хан, выяснял позицию Москвы. (Не использовать традиционные сепаратистские тенденции крымских феодалов было бы неразумно)[1]. Мятежники распространяли слух, что идут на Стамбул. Османское правительство в начале 1703 г. снарядило флот из Синопа, чтобы «усмирить гордость татар крымских». «И того де ради и флоту на Чёрное море выводят, чтобы татар соверенно устрашить, понеже татары ещё злобу на турков в сердцах своих вкорененну имеют и турки их зело опасны»[2]. Хаджи Селим I Гераю приказали повести против бунтовщиков причерноморских и кубанских ногайцев[3]. По слухам, доходившим до Москвы, кубанские ногайцы «новому крымскому хану подручны быть не хотят, и будет де прежней хан по прежнему на ханство не будет, и они не хотят подклониться под высокодержавную великого государя руку»[4]. Запорожцев Порта увещевала не связываться с крымцами, ибо «татаре, кого зазывают и примают с ними дружбу, потом они того ж коньми своими топчут»[5]. Бунт был подавлен. «Турские паши тех нагайцов ныне уняли, старшину их казнили, а меж черным народом стоят их войска и нагайцы их кормят. И берут у них хто что хочет насилно»[6]. Девлет II Гераю, вышедшему из Крыма, пришлось задержаться у Очакова, затем он переместился на Украину, наконец, отступил в Кабар-

---

[1] 12 января 1703 г. Давыденко писал Петру: «Аз до Кримского шествовал панства, где много отводил и гана [хана Девлет Герая — *В. А.*] на тие замысли, же бил отлучен от турков: так бо зараз и Молтянска и Волоска земля совокупно и Крим вашому пресветлому и всемогущему царству изволяют поклон отдати и доволно з собою имеют брани». РГАДА. Ф. 123. Оп. 3. 1703. Д. 13. Л. 1. В польском варианте письма Давыденко докладывал, что он якобы склонил хана искать поддержку у России. Известна резолюция на это письмо дьяков Посольского приказа: «Писано доволно о том к гетману» (Мазепе). РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 92 об.

[2] *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 258.

[3] По донесению П. А. Толстого от 4 июля 1703 г. таковых будто было 60 тысяч. ППВ. Т. 2. С. 223; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 145 об.

[4] Допрос 20 мая 1703 г. астраханского стрельца, жившего в неволе у кубанцев. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 11. Л. 672 об.

[5] Переложение письма очаковского паши запорожцам в письме И. С. Мазепы Ф. А. Головину от 7 февраля 1703 г. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 21, 45.

[6] Донесение сторожевой службы Мазепы в июне 1703 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 11. Л. 680 об.

ду и позже принёс повинную отцу[1]. Запорожцам пришлось просить султанского и крымского протектората у Хаджи Селим I Герая. Но османское правительство, как ранее и русское в отношении ногайцев, обещало не принимать их в турецкое подданство[2]. 30 июля 1703 г. Давыденко предлагал сколотить антитурецкий фронт из молдаван, валахов, крымцев и малороссов. В Москве этим заинтересовались и с 1704 г. в продолжении года и трёх месяцев ротмистр жил в столице. Им занимался не только Посольский и Малороссийский приказ, но глава правительства Ф. А. Головин и даже сам царь, судя по записи за 1704 г. в его записной книжке: «О Давыд… человеке …и что об нём говорит мултянской [валашский господарь К. Брынковяну]»?[3]

Мятеж Девлет Герая был подавлен, а новый хан Гази III Герай не хотел или не мог «показывать» «доброжелательство» к России. Посланец от Гази Герая в мае — июне 1705 г. обещал Мазепе «наедине ханскую приязнь», но крымские феодалы требовали компенсации за набеги казаков на татар[4]. Поэтому намек Ф. А. Головина о благосклонном согласии на изменение в судьбе Крыма, был исключен из новой редакции письма генерал-адмирала Мазепе от 5 февраля 1705 г. и замене н просто желанием жить в мире и дружбе[5].

Отказываясь начинать отношения с вассалами султана, Москва стремилась нейтрализовать связи своих тюркских на-

---

[1] По свидетельству торгового агента от С. Л. Владиславича грека «Андрея Васильева», проезжавшего через Тамань в апреле-мае 1703 г., Девлет Герай собирался отступать «в Калмыки или в Черкесы или к Москве». Там же. Л. 666 об., 670 и об., 679.

[2] П. А. Толстой — азовскому воеводе С. В. Ловчинову 1 апреля 1703 г. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 11. Л. 657 об.

[3] ППВ. Т. 2. С. 315. В 1702 г. эксперт по турецко-татарским делам К. Брынковяну рекомендовал «обнадёжить» белгородских ногайцев принятием их в русское подданство. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 56.

[4] И. С. Мазепа — Ф. А. Головину 9 июня 1705 г. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3. Л. 111об. и 112.

[5] «Учинился в Крыму ханом бывшей Казы Гирей салтан, которой в прошлом 1701 году имел с вашею вельможностию пересылку» (далее зачеркнуто: «и желал быть у Его Царского Величества и з Белогородскою ордою в подданстве). И изволь всяким образом его приводить к себе к дружбе». (Далее зачеркнуто: «и доброжелательству к нашей стороне)». Там же. 1705. Д. 2. Л. 5., 70–73.

родов с Портой и Крымом. Затевать дело с Крымом сочли невозможным и Пётр I указал 29 сентября 1706 г. послу П. А. Толстому заверить падишаха, что царь не примет никого в русское подданство и ожидает того же от Блистательной Порты в отношении кочевых народов Российского царства[1].

«Каков хан, такова и орда». Очередной хан Каплан I Герай был рьяным противником Москвы. В кризисном 1708 г., когда Карл XII наступал на русскую столицу, восставшие булавинцы грозились взять Азов и Таганрог, и, провоцируя Порту на войну, оповещали султана, чтобы тот «не верил великому государю в мирном состоянии, потому что он многие земли за мирным состоянием разорил и готовит корабли и каторги и иные воинские суды и всякой воинской снаряд»[2]. Русское командование надеялось на гетмана Мазепу, чтобы не допустить соединения повстанцев-булавинцев с крымцами. Но в октябре 1708 г. Мазепа изменил и чтобы поднять Крымское ханство против русских, он обещал выплачивать Каплан Гераю ту дань, которую Москва сбросила в 1685 г. Он же обещал убедить польского короля Станислава Лещинского отдать весь невыплаченный хараадж (налог с иноверцев, завоёванных мусульманами) Польши за прошлые годы.

Каплан Герай добивался разрешения Стамбула соединиться со шведами на Украине. Обстановку неожиданно разрядило низложение Каплан Герая в декабре 1708 г. после разгрома его войск кабардинцами у горы Канжал и смены его Девлет II Гераем (последнее правление с 10 декабря 1708 по 11 апреля 1713 г.)[3]. Считая Кабарду русской сферой влияния и не соби-

---

[1] «А как напредь сего за тем же мирным состоянием ис подданных салтанова величества народов, из Белогородской орды, и из нагайцов домогались со многим желанием, чтоб им быть в подданстве под высокодержавною нашею Царского Величества рукою, и тогда мы, великий государь, для истинного мирных договоров содержания их в подданство к себе принимать не указали, что взаимно и салтанову величеству ныне учинить надобно». РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1706. Д. 2. Л. 1–2.

[2] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 218 об.-219 об.; *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина 1707–1709. М., 1962. С. 109, 149.

[3] В связи с этим русское правительство расширило связи с адыгами, имея в перспективе цель принять их в подданство, если Порта начнет войну. *Сокуров В. Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII — начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 37.

раясь в то время воевать с Россией, Порта запретила крымцам вредить в «московских странах»[1].

Перед отъездом из Стамбула в Крым 14 декабря 1708 г. Девлет Герай оповестил П. А. Толстого о сожалении, что не встретился с ним, заверил, что сохранит хорошие отношения с Россией и просил, чтобы Москва удерживала казаков от набегов[2].

В предполтавский период главной заботой русского правительства было не допустить соединения крымцев и шведов в Малороссии. 3 января 1709 г. П. А. Толстой из Стамбула через Азов направил посланца В. И. Блёклого благодарить Девлет Герая «за чистосердечное приятельское объявление», которое хан передал при отъезде в Крым и просил выдать некрасовцев, ушедших к ногайцам на Кубань[3].

Хану поднесли немалую сумму в 10 тысяч дукатов, «чтобы умилостивить его этим и заполучить в свою партию»[4]. Заботясь о престиже, Девлет Герай 10–13 июня 1709 г. пенял Блёклому за то, что царь перестал писать к нему от себя, что переписка Москвы со Стамбулом ведётся через его голову, что русские жалуются падишаху по поводу мелких пограничных инцидентов. Согласно отчёту Блёклого хан 13 июня 1709 г. дипломатично темнил: «Турки вас не любят… И Крым де и я так хочем, чтоб Москва и Крым была одна земля… Естли б страна Царского Величества совершенно была со мной в союзе, то бы не был швед в вашей земле. И ни поляки на вас, ни казаки, не восстали. Они де смотрят на меня все»[5]. Девлет Герай уклонился от разговоров о выдаче некрасовцев и о конкретных де-

---

1 *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре … С. 270, 272.

2 Там же. С. 273. Прибыв на полуостров, Девлет Герай сообщил султану, что Каплан Герай не только оказался никуда не годным командующим в походе против кабардинцев, потеряв свыше 30 тысяч воинов, но и спровоцировал мятеж Мазепы. *Kantemir D.* Geschichte des Osmanischen Reichs… S. 759–760, 761.

3 Статейный список П. А. Толстого за 1709 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 1. Г. И. Головкин в то время послал П. А. Толстому запрос: действительно ли Порта разрешила Крыму требовать с России прежние «поминки»? (Толстой успокоил: «…и во сне не снится такое»). Г. И. Головкин — П. А. Толстому 16 февраля 1709 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 104об., 120об.

4 Донесение И. М. фон Тальмана 21 августа 1709 г. [*Тальман И. Г.*] Турция накануне … С. 47.

5 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 11об., 12 об.

талях союза, но подношение принял и, зная о тяжёлом состоянии Карла XII на Полтавщине, «обещал своих татар и протчих народов удержать в страху, дабы не чинили никаких обид российскому народу, о чём и указы от него разосланы». Судя по словам Давыденко, записанным в 1712 г., хан тогда якобы интересовался, почему Москва медлит с ответом на его предложение о переходе ханства на сторону России[1].

В Крыму в то время гуляла поголоска, что царь, предложив Девлет Гераю золото, сокровища и титул «полноправного правителя» в казанской земле, получил ответ: «Я де не хочу от царя ни жал, ни меда»[2].

В 1709 г. Бахчисарай и Стамбул удовлетворяло положение России, связанной по рукам и ногам войной от Финляндии до степей Запорожья. Русская дипломатия в это время наладила удовлетворительные отношения с Крымом и Портой и ни шведские, ни польские, ни мазепинские, ни некрасовские вояжи в Крым не дали результатов. Порта не позволила татарской коннице появиться под Полтавой.

После событий на Пруте Давыденко около Жванца прибился к гвардии подполковнику В. В. Долгорукову и снова заявил «о хане крымском, будто желает быть в подданстве» русского царя[3]. Он же предлагал захватить Карла XII и ма-

---

[1] «Хан… хочет поддатися со всем Крымом и з Буджаки под державу Его Царского Величества и против турка воевати. Причина тово его желания та, что опасаются турков. Когда б они силны были против Царского Величества, тогда могут их, как хана, так и мурз давити и головы снимати, как они обыкновенно чинят… Хан… сказал, что когда присылан к нему… Василий Блеклой з жалованьем, дабы он, хан, к шведу не приставал, и тогда он с ним, Васильем, о сём своём намерении наказывал донесть Царскому Величеству, говоря при том, для чего отповеди ему… не учинено?». РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 4–7.

[2] *Гаркави А.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. Прил.2. С. 1–41; С. 27, 34–35. Шведы, узнавшие о русской подсылке к хану, сочли, что царским посланцам якобы «тут же заткнули рот и отослали назад». *Возгрин В. Е.* Южный фронт российской внешней политики накануне и после Полтавы // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (К 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского) СПб., 2009. С. 96.

[3] В. В. Долгоруков — Петру I 26 июля 1711 г. Заодно Давыденко «слезно» жаловался, что донские казаки отняли у него 400 кобыл и 200 голов скота. *Мышлаевский А. З.* Война с Турциею 1711 года… С. 171.

зепинцев: «когда хан… твёрдо примет, что поддатися Его Царскому Величеству, то б не испустя времени, с ханом договор зделать и для тово ево, ротмистра, …к хану послать. А наипаче для того надобно тем договором поспешать, покамест король швецкий из Бендеря ещё не выехал, ибо он и изменники все чрез хана могут быть в руках Царского Величества»[1].

В июле 1711 г. в Могилёве-Подольском в связи с только что заключенным Прутским миром Пётр I отмахнулся от таких предложений. Но очередное объявление войны Портой вынудило закрыть глаза на враждебные действия крымцев, смягчить их «зложелательство» и испробовать химерный вариант о подданстве хана, раздражённого турецким произволом[2].

4 апреля Давыденко отправили из Петербурга с вышеупомянутой инструкцией, но едва он добрался до Киева, как туда поступили сведения о заключении 25-летнего перемирия в Стамбуле. Киевский губернатор Д. М. Голицын задержал Давыденко, сообщив в Петербург, что если хан выдаст его туркам, то вновь начнётся война.

«Зело… коварной и острой» Девлет Герай был «в великом кредите» у султана, лучше всех знал русские, украинские и польские дела и «к нашей стороне наипаче за то злобен, что с ним корреспонденция у Вашего Величества пресечена и оной был уничтожен»[3]. Шафиров для нейтрализации этого «шведского партизанта» посоветовал направить к нему под предлогом размена пленных грамоту и дары от имени Головкина или Шереметева и посулить погодную дачу, которая устно обещалась при составлении договоров в 1711 и 1712 гг. 7 апреля такой план и Юсуф-паша принял «зело за благо… и сказал за великий секрет, что чает он, его хана, скинут

[1] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 8–9.

[2] «Злоба ему в том, что их часто салтан пременяет и турком головы всегда рубят, чего и он боитца и уже он сам был трижды перемениван и ныне на него измену нарекали. И был от чину отставлен 15 дней, только как стал турком за своё ханство противно говорить». РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 2.

[3] О характере Девлет II Герая см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15. С. 166

по времяни, однако же де ныне его нам удобрить на время надобно»[1].

29 мая 1712 г. Головкин предложил послать «умного офицера» с толмачом к Девлет Гераю и Шереметев отправил подполковника Ф. К. Чихачёва с «самыми добрыми пластинчатыми соболями» на сумму 5000 рублей. Подсылка была конспиративной и, обращаясь к «Великия орды и Юрта Крымского Кипчацкие степи многих татар и Ногай Правителю и Светлейшему Девлет Гирею хану», фельдмаршал формально извещал только о мире с Портой и предлагал размен пленных. Чихачёву предписывалось испросить тайного приёма и ни в коем случае не передавать подношение публично. Если хан заявит о возобновлении погодных дач, то следовало ответить, что «ежели он к стране Его Царского Величества склонен будет, то Его Царское Величество его без награждения не оставит, а о погодной не упоминать»[2]. Чихачёву позволялось обещать отправление грамот лично от царя в Бахчисарай, но самое главное — разузнать «о склонности ево, хана, к стране Царского Величества и о намерении ево в том всякими способы, чрез кого мочно разведывать»[3]. О будущем характере подданнических отношений Крыма русское правительство, возможно судило по аналогии с договором 1711 г. с Кантемиром. Одновременно русское посольство в Стамбуле работало над свержением бахчисарайского властителя, передавая Порте некоторые сведения о секретных русско-крымских переговорах.

Впечатление от «победы» на Пруте и нежелание России воевать на юге подняло хана в его собственных глазах. 10 дней Девлет Герай не принимал в Бендерах Чихачёва под предлогом, что тот прибыл без грамот царя. Лишь 23 августа 1712 г. подполковника удостоили кратким и холодным приемом, на котором хан заявил, что пленных разменивать не раз-

[1] «А особливо егда объявлено ему будет, что ежели увидите его склонность, то и сами к нему писать изволите». П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Петру I 8 апреля 1712 г. из Константинополя. ППВ. Т. 12/1. С. 493–502; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 7а. Л. 239.

[2] ППВ. Т. 12/1. С. 187, 472–473. «Мемория» Г. И. Головкина Б. П. Шереметеву от 29 мая 1712 г. См.: *Шереметев Б. П.* Переписка… С. 360–364.

[3] Инструкция Ф. К. Чихачёву от 27 мая 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 15. Л. 19–21 об.; Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 19 об. — 22.

решит, впредь без грамот Петра I никого к себе не допустит и отклонил присланное подношение. На вопрос, что можно ответить по поводу главного дела, хан ответил, что «что де мне ныне говорить нечего и болши говорить не стал». Один из крымско-татарских чиновников потом пояснил Чихачёву, что хан хотел бы иметь «сердечную любовь» с Россией, но недоволен тем, что Россия дважды, в 1711 и 1712 гг. игнорировала Крым, заключая договоры с турками, что русско-крымские отношения характеризуются состоянием «ни мира, ни брани», а если бы де вступили в переговоры с крымцами, то мир на юге русские получили бы через неделю. Только в случае, если, помимо договора с Ахмедом III, будет оформлен отдельный русско-крымский договор, хан де «с радостью» возьмёт любой подарок, даже одного соболя[1].

Девлет Герай приказал своему везиру Дервиш Магомет-аге написать Шереметеву, что «обид» русским не будет, что пленных позволят выкупать, но не разменивать, что русские должны пропустить Карла XII через Польшу в Померанию и что после выезда шведского короля хан всякое подношение примет «за великий подарок». Фельдмаршал ответил, что Россия желает мира с Крымом, что царь не оставит «забвенна» хана «за ево добро» и упрекал за грабежи царских конвоев запорожцами[2].

Таким образом, хан уклонился от темы смены вассалитета. Контраст между его враждебными действиями и обещаниями перейти к «белому царю» не удивляли современников. Крымское ханство не было намертво спаяно с Турцией. «Наживкой», которую хан «забрасывал» через Давыденко, он пытался втянуть Москву в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г. Летом 1712 г. хан беседовал с подполковником драгунского Гренадёрского полка русской службы Питцем, разыскивавшим плененных крымцами жену и детей. Девлет Герай, будучи уверенным, что его слова дой-

---

[1] Ф. К. Чихачёв — Б. П. Шереметеву 26 сентября 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 16. Л. 96, 127–128 об.

[2] Из соболиной казны для хана Борис Петрович взял себе два сорока соболей ценой в 500 и 380 рублей, а всё остальное переправил Д. М. Голицыну. Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 10 марта 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 13 об.

дут по назначению, «выговаривал» Питцу, что царь «презрил его», что русские мирятся с турками, а надлежало бы прежде мириться с ним, что он «пограничной и сам король и имеет де войска довольно и шесть генералиссимов», что «они де люди вольные, куды хотят, туда и оборотятца»[1].

Как только Девлет Герай был низложен, эстафету контактов в 1713 г. с его преемником перенял П. П. Шафиров. 3 апреля подканцлер записал: «был у салтана публично на приезде новой хан Каплан Герай и дано ему по обычаю перо алмазное, и шуба да сабля, яко знак наставления ево в тот чин». Тогда же в апреле подканцлер послал к нему «с поздравлением» и стал склонять на сторону России. 20 апреля Каплан Гераю «во знак любви» переданы дары — пластинчатй соболий мех, две пары добрых соболей, венецианские атласы, сукна и парчи «с золотом», а «впредь со временем будет иметь довольство, ежели будет к стране Царского Величества приятен»[2].

Новый заход оказался таким же неудачным. Для Бахчисарая, как и Стамбула, было неприемлемо присутствие русских в Польше. Ханы не отказывались от навязчивой идеи вынудить Россию выплачивать годовые дачи-поминки, что формально превращало бы её в вассальное государство. В Стамбуле, как писал Шафиров, «хан по обычаю своему татарскому, яко желатель войны, говорил многие противности и будто некоторые пункты в трактатах неясно изображены и неисполнены, а имянно проходом войск чрез Польшу в Померанию, объявляя, что никогда будто Ваше Величество быть не может с сим Империем в покое без их удовольства».

Таким же было и общее представление в Крыму, где считали, что перемирие 13 июня 1713 г. оной «им в убыток и во умаление и приведёт их в подданство, яко мужиков,... но ежели… Москва будет давать прежде бывшие звычайне податки, такожде и с Украины… то и они будут сему миру последствовать»[3]. Впрочем, русский дипломат не собирался отказывать-

---

[1] ППВ. Т. 12/2. С. 442. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев … С. 199.

[2] Каплан Герай советовал «послам, когда они будут в конференциях, чтоб немного спорили, но как возмогут, склоннея поступали». РГАДА Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 179 и об.

[3] Экстракты из писем, присланных чрез шпионов. РГАДА Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 113.

ся от устных «пересылок с ханским высочеством», но только на условиях перемирия 5 апреля 1712 г.[1]

Обоюдный русско-крымский зондаж всё же имел положительный результат: он почти разорвал отношения шведов с татарами. Шведы перехватили часть депеш хана к Шереметеву и к саксонскому министру Я. Г. Флеммингу и распространяли по Европе слухи, что хан подкуплен царём и хотел выдать Карла XII в руки Петра I[2].

4.6. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вслед за прекращением 5 апреля 1712 г. состояния войны с Турцией, Шафиров и Толстой для выправления «прутского» и «едикюльского» унижения подготовили грандиозный дипломатический прие м. За повод была взята третья годовщина Полтавской виктории.

Султан «в знак приязни» позволил отмечать «сугубое торжество» в своей столице, но без послов из Европы. В посольстве срочно составили на русском и итальянском языках пьесы-комедии «ко укоризне шведов и изменников поляков и козаков». На фасаде посольства повесили выписанный красками на полотне русский герб, в главной приемной — портрет Петра I в полный рост. В помещениях и во дворе развесили больше 300 разноцветных лампад и паникадил, горевших потом три ночи. Охрана из янычар украсила парадные ворота пальмовыми и лавровыми ветвями с вплете нными живыми и искусственными цветами.

---

1 887 «Но я впредь от пересылки с ним, сколько могу, буду, естьли не буду принужден от Порты уклоняться. Однакож, хотя б и дошло с ним быть в разговорах, то ничего сверх договору позволять не будем». П. П. Шафиров — Петру I 17 апреля 1713 г. РГАДА Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 143 и об.

2 Б. И. Куракин — Г. И. Головкину 27 марта 1713 г. из Гааги. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1713. Д. 4. Л. 196. Бывший великий литовский гетман Я. К. Сапега тоже договоривался с крымским властителем выдать Карла XII великому коронному гетману А. Н. Сенявскому во время проезда короля через Польшу и получить за это амнистию от Августа II. Хан в случае успеха мог бы заключить антирусский союз с Августом II. 19 июня н. ст. 1712 г. Лосс сообщил Августу II, что хан не собирается в данное время договариваться с царём, но если изменится положение, то хан будет готов вступить в новые переговоры. В феврале 1712 г. хан писал А. Н. Сенявскому, что он будет действовать в интересах Августа II, а не шведов. *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender…S. 231.

27 июня 1712 г. посольство засияло огнями и провело молебен. В день апостолов Петра и Павла 29 июня прибыли П. А. Толстой, саксонский посланник Ф. И. Гольц, «наместник» от Папы ариепископ Галани, представитель императора Карла VI, секретари и переводчики посольств Англии, Голландии, Венеции и европейские купцы — всего около сотни человек. Даже Дезальер прислал своего переводчика Форнета с поздравлением. Семь столов были заставлены фруктами, конфетами и «фонтанами с вином» (сосудами типа самоваров). Центральным был «фонтан» в виде русского Самсона, раздирающего пасть шведского льва. Из «львовых челюстей» истекало красное, из рук Самсона — белое вино. Здравицы возглашались под звуки труб.

После 16 часов гости слушали пьесы, «орацию к славе Его Царского Величества» на итальянском языке одного из молодых сотрудников посольства и латинские эпиграммы русского переводчика. «При столе, так и во время комедии» звучали музыка и пение. Один из итальянцев (возможно, венецианец) пел сонет в честь Шафирова.

Вечером в окнах посольства засияла иллюминация и больше сорока «эмблем», среди которых были сюжеты с низвергнутым с неба Икаром (Карлом XII) и рассыпающейся от грома горой с падающей фигурой человека. Потом два часа гости любовались фейерверком. На больших щитах лазоревые, красные, белые и желтые искрящиеся огни прославляли на первом — двуглавого орла с орденом Андрея Первозванного («Российской империи краса и сила»); на втором — имя Петра I под императорской короной («Да здравствует блеск и слава всей России»); на третьем — Полтаву, орла, мечущего молнии в издыхающего льва, реки Ворсклу и Днепр, за которые убегал трусливый заяц («Взыскуя чужого, упустил своё »). На двух щитах в жестяных лампадах три дня горели сердца с надписями «Виват царь Пётр и царица Екатерина», «Виват кронпринц Алексей и кронпринцесса Шарлотта». Веселились и танцевали до утра[1]. Небывалое для Стамбула празднество было самым пышным и единственным за всё время работы русского посольства с 1702 по 1714 гг.

---

[1] *Базарова Т. А.* «Знак приязни оной Порты к Его Царскому Величеству и к министрам его» // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 61–64.

Но выправить престиж не удалось. Авторитет русских вооружённых сил на юге сходил на нет. Французы городили бредни — «не токмо что салдаты русские не имеют сердца, но и сам царь опасаетца, дабы ево не скинули ради многих возмущений в подданных ево». Юсуф-паша и муфтий обретались в «великом страхе, понеже невозможно шутить с салтаном». Габсбурги из-за войны с Францией не собирались идти навстречу русским проектам о союзе. Шведы обнадёживали Порту, что султан «велик авантаж иметь будет, ежели б король Станислав… королём польским будет». Восстановление шведской власти в Польше и вторжение шведов по примеру Густава II Адольфа в земли Габсбургов якобы позволит Сиятельнейшей Оттоманской Порте «стяжать» утраченные венгерские города.

На сей раз русское посольство лишилось помощи Англии и Голландии. С марта 1712 г. журнал «Review of the British Nation» начал жесткую критику России при участии журналиста и политика Д. Дефо, помещая шведские письма, в которых расписывались «зверства» русских солдат в Финляндии, которые де резали на куски женщин и детей, «чтобы их жарили и подавали им для еды», забирали детей в рабство и продавали христиан мусульманам[1]. В конце апреля 1712 г. Саттон получил из Англии приказ от 11 марта 1712 г. воздержаться от любой помощи русскому посольству. Тем не менее, когда ему «отовсюду стали противные указы приходить… он всё пренебрегши, говорил [туркам все], что мог ко интересу Царского Величества. И ныне он зело болен и опасаемся, чтоб не умер» — писал Шафиров 17 августа этого года[2].

9 сентября во Львове салахор Ахмед-бей, которого не пропустили вглубь Польши, забрасывал провокацию, что русские,

---

[1] *Ротштейн Э.* Даниэль Дефо и Северная война // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 103.

[2] 4 октября 1712 г. Р. Саттон «о склонностях их двора […] весма в те разговоры не входил, но краткими ответы от того удалялся и дал знать, что стыдится поступками [своего] нынешнего министерства». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 987 об. Посол А. А. Матвеев так обрисовал политику Альбиона: «Агличаня обыкли весь свет обманывать и ссорить, и… народ весма особливо России злодейственными есть». А. А. Матвеев — П. П. Шафирову 21 апреля 1714 г. из Вены. Походная канцелярия… Шафирова. Часть 2. С. 156.

засевшие в «польском» Киеве, якобы отдали польскую часть Украины султану[1].

В Стамбуле Дезальер 23 сентября призывал не верить ни в чем «московским аманатам» — мол, «платье не переменяет нрава, и хотя де оные [русские] господа и надели платье франское, но в своём слове не суть франки». (Турки европейцев называли «франками»). 5 октября туркам были представлены перехваченные письма Рённе от 5 и 7 августа 1712 г., в которых тот писал, что из-за бунта в Польше царь приказал расправиться с ним и блокировать шведский десант в Гданьске[2].

13 октября Шафиров с Толстым в последний раз пытались предотвратить разрыв. Через чавуш-башу Ахмед-агу, которому вручили очередную взятку в 2000 червонных и который «прикрывал правду», они «надули» султану, что проход шведского короля через польские земли приведёт к войне с Россией, Польшей и даже с Австрией. Если же Карл XII усилится в Речи Посполитой, «то горшего от него чаять… ибо он, король, человек неразсудительной и неспокойной и взмерчивой, которой желает всем светом завладеть»[3].

Эта интрига провалилась. 25 октября прибывший в Стамбул салахор сообщил султану, что он слышал, что «по другую сторону» Польши «ещё многия войска [царя] в розных местех обретаются». Юсуф-паша, которого «многие уже стали покидать», безнадёжно, «з досады и со слезами» продолжал упрекать Шафирова и советовал хоть напоследок заменить русских солдат в польских гарнизонах саксонцами.

30 октября 1712 г. плохо знакомый с обстановкой в Причерноморье, царь приказал из Карлсбада прервать перегово-

---

[1] «Будто Царское Величество Украйну полскую… уступил всю салтанову величеству, которую салтан де не для того взял, чтоб её себе удержать, но токмо взяв оную, отдадим поляком и тем возвращением показать свою приязнь им, поляком, а неприязнь Его Царского Величества, что Его Величество собственное их отдал им, турком». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 983.

[2] Выписка из писем шведского переводчика турченина Мустафы к Шафирову 8 и 13 октября 1712 г. РГАДА. Ф. 89 Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 894–896 об.

[3] «И то де салтан зело в голову взял и с того случая отложил его посылать чрез Польшу, но хочет иным путём отправить, что уже явилось заподлинно… И тако конечно чаем его выжить и сей мир… крепко основать». П. П. Шафиров — Петру I 13 октября 1712 г. Там же. Л. 933–934.

ры с турками[1]. А 31 октября 1712 г. за «злое намерение», неисполнение Константинопольского договора, за ложь аманатов и для «возвышения знамени веры святой» Порта в третий раз объявила войну России. 205 или 210 человек посольства бросили в нижнюю земляную тюрьму одной из башен Йеди куле, «где и пятидесяти было бы тесно». Туда заточали уголовных преступников и там начались пятимесячные муки всего штата посольства. В смрадное, площадью в шесть саженей узилище тусклый свет проникал только сверху через узкие щели решетки[2]. На послов-аманатов обрушились все немыслимые в анналах дипломатии приемы: их «бесчестили», угрожали пытками и «лютой смертью». Всех турок, служивших в русском посольстве, послали на галеры.

«Зело злобный… и с непримиримым озлоблением на короля Августа», Ахмед III отказался ратифицировать Константинопольский договор, пока русские не уберутся из Речи Посполитой, в том числе из Эльбинга, Познани, Данцига, Торна, Литвы и Курляндии. Манифест султана гласил, что после крушения на Пруте царь «покорно просил мира», но потом возымел «лживое и лукавое намерение» овладеть Польшей, вступить в Молдавию и «в наше Цесарство нечаянно». Всем пашам с людьми «из Азии и Греции» (Румелии), султан приказал собраться вместе с провиантом к 21 марта 1713 г. в Адрианополе.

В Варнице вспыхнула радость. Полтора часа под окнами Карла XII играли турецкие музыканты. Королю выдали сумму денег, которую он просил в июне 1712 г. — 600 тысяч левков

---

[1] «Порта несмотря на исполнение всего с нашей стороны по договору, всчинает сверх оного запросы такия, о которых отнюдь ничего во учинённом нашем с ними мирном трактате не упомянуто… и ищет по прелестям и лживым внушениям неприятельским какой причины к разорванию мира». Пётр I — П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву 30 октября 1712 г. из Карлсбада. ППВ. Т. 12/2. № 5651.

[2] «Истинно, саженях на шести сидело нас с 210 человек и не имели свету, кроме малых стекол и решеток сверху. И от вони и духоты чюдесно от Бога в животе содержаны и можем причесть за явное чюдо, что на дворех в прохладе и довольстве будучи, было у нас много больных и ме ртвых, а в сём заключении совершенно, почитай, ни один болен не был и все по сё число милостию Всевышняго живы, хотя посажено было людей наших со 180 человек в одну башню под землею и жили один над однем в 3 и 4 яруса». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 5 апреля 1713 г. из Эдирне. ППВ. Т. 13/1. С. 421.

(1200 кошелей) и советовались «с ним тайно и явно о действах воинских». (Деньги собирались и «от доходов с мултанской и волошской земли и иных мест»). Карл XII подарил на турецкие галеры сотню бывших у него под рукой пленных украинцев и русских. Девлет II Герай уверял, что как только султан объявит войну, царь в очередной раз уступит.

Падишах собрался отправить Карла XII через Польшу «по-неприятельски» и предоставить полякам войско, чтобы те, кто хочет освободиться от «тиранства русского», встали на сторону Османской империи и выгнали русских. На жалованье татарскому войску определялось 70 тысяч левков, хану 33 550, калге 4500 левков[1]. Кружили слухи, что сам султан пойдёт до Дуная, соберёт там поляков и казаков, 450 орудий, а шведского короля пошлёт под Каменец-Подольский[2].

1 ноября султан и воинственная придворная партия во главе с зятем падишаха дамат Али-пашой отправила верховного везира, «доброго приятеля» Шафирова — Юсуф-пашу в ссылку на о. Мителену (по другим данным на Родос). Новым верховным везирем стал безталанный Сулейман-паша, «который гораздо глуп и ничего распоряжать сам не может».

6 ноября 1712 г. державник Ахмед III, «несмотря ни на чьи советы и, не слушая никаких резонов», заявил, что признает польским королём только Станислава I и будет отвоевывать у царя всю Украину!

14 ноября султан торжественно со всем двором, с 20 отрядами янычар вышел в Адрианополь и «хотел до Бабады иттить, показывая явно всем… что намерен… воевать». Перед султаном плыл санджак-и-шериф (зелёное знамя Пророка) и святыни — «подлинный Коран» и одеяние Мухаммеда, покоившиеся на двух богато украшенных верблюдах.

21 ноября падишах приказал снаряжать флот на Чёрное море, а «400 пушек с великим числом амуниции» готовить против Киева («и говорят, к осаде Каменца»).

Дезальер в декабре 1712 г. послал султану мемориал как расправиться с Россией: надо уничтожить все городки на рас-

---

1 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1712. Д. 11. Л. 11–14. Не датировано.

2 Л. Барка — Г. И. Головкину 26 ноября 1712 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 8. Л. 98 и об.

стоянии 50 часов верховой езды (т. е. не менее чем на 500 км) от Азова по обоим берегам Дона, отдать Украину «под защищение Оттоманского цесарства или хана Крымского», сменить тирана Августа II законным королём Станиславом, вернуть Карлу XII всё завоеванное и принудить царя к миру со Швецией[1].

В декабре по всем трактам от Прута до Днестра были поставлены заставы из татар и людей Потоцкого, которые с молдаван сдирали провиант. Буджакская орда подкатилась к Черновцам и Днестру.

Вопреки «смертному страху» Шафиров ухитрился тайно через серба Данило Николаева выслать Шереметеву депешу о безмерной беде, в которую попали все они и сын фельдмаршала. Если посланца от государя не будет, то все погибнут. Подканцлер прибавлял, что многие турки раздражены растравливанием конфликта и давали ему знать, чтобы царь заявил о своём желании мира[2].

Целый год — вплоть до 12 ноября 1713 г. Ахмед III грозил мечом войны из Адрианополя. (Если бы с днестровской границы, то нажим на царя и короля Августа II, возможно, был бы результативнее).

---

[1] «Перевод с письма известного Макария от 23 декабря 1712 г.». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 8. Л. 109–110.

[2] «Сия война… одним только салтанским изволением начата… [Султан] принудил страхом своим муфтия и протчих позволить на сию войну, будто законно нарекая на них и за прежнее удержание, будто по страсти к нашей стороне. И тотчас велел нас запереть в сию тюрьму и держать толь жестоко и крепко, чтоб мы никакого ему препятия своими промыслы учинить не могли. И ежели… сия война им вскоре скучит, то [султан], конечно опасаясь на себя бунту, принужден будет к миру… А ежели… турки где получат себе или в Украине или в Польше благополучие, (на которые два народа они надеются), то уже салтан себя в кредит приведёт… и зело возгордеет». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 10 декабря 1712 г. Там же. Д. 6. Л. 919 и об.
М. Б. Шереметев отчаянно молил отца: «Милостивый государь батюшко, … слезно чрез Бога Вас, моего государя-отца молю, яви надо мною отеческое своё человеколюбие и призрение, не оставь меня напрасно бедственною смертию умереть… Ежели, от чего Боже сохрани, той присылки не будет, то война зело будет продолжительна и потом мы никакой надежды в свободе нам невозможно [расчитывать] и принуждены будем помереть безвременно». Перевод с цифирных писем русских послов Б. П. Шереметеву, полученных 15 мая 1713 г. в Киеве. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 60–61 об.

Хану был выдан указ «как скоро реки замерзнут, с королём шведским к Польше идти». Девлет Герай и бендерский Измаил-паша, «вменяя себя за приятелей», отправили к «первому сенатору в вере Иисусовой» А. Н. Сенявскому посланца выяснять, насильно или «с доброй воли» московские войска в Польше и будет ли великий коронный гетман в союзе с Портой против Москвы. Предлагалось принять «в приязнь и в братство» тех польских братьев, которые «ныне гости при хане» и обещалось не чинить «никакой шкоды» татарами при сопровождении Карла XII[1].

Переписка Петербурга с послами в Стамбуле оборвалась. Только через 7 месяцев, 13 мая 1713 г., Пётр I смог ответить на их отчаянную депешу от 11 ноября 1712 г.[2].

России пришлось спешно готовиться к отпору.

29 декабря 1712 г. Сенату велели набрать 6–10 тысяч ландмилиции (ополчения) для гарнизонов. В Киевской и Азовской губерниях стали собирать из «драгун, солдат, стрельцов, казаков, пушкарей и отставных тех же чинов» 10 000 человек в возрасте от 15 до 30 лет для размещения вдоль южных границ.

Сколачивались очередные партии рекрут, на которых надевали ножные кандалы и «в деревнях разыгрывались настоящие трагедии». «Забривали» даже дьячков. По стране вводился 10-процентный налог со всех видов имущества[3]. На Дон срочно слали жалованье, чтобы казаки как можно быстрее выезжали к Б. П. Шереметеву. Хану Аюке указали встать между Доном и Волгой и быть готовым воевать. «Дабы приласкать… Аюку и других с ним мурз и тайшей на сопротивление туркам», Сенат отправил ему меха, но на сей раз всего на 2000 рублей (в 10 раз меньше, чем в 1711 г.)[4].

---

1 Девлет II Герай и бендерский Исмаил-паша А. Н. Сенявскому. Там же. Л. 287–288.

2 ППВ. Т. 13/1. № 6010; там же. Т. 12/2. С. 461–462. 17 апреля 1713 г. П. П. Шафиров «с великим ужасом и горестию сердечною усмотрел, что… писем наших ни одного не получил». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 277.

3 Донесение О. Плейера 14 (25) мая 1713 г. из Москвы. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 60.

4 Сенаторы — Петру I 26 января 1713 г. ППВ. Т. 13/1. С. 303. См. также письмо сенаторов Петру 14 марта 1713 г. Там же. С. 194, 345.

Б. П. Шереметеву в январе 1713 г. дали задание отсечь на Правобережной Украине драгунскими полками от турецких границ неприятеля, если тот прорвется в Польшу. Полководцу пришлось ломать голову: ему приказывали пресечь путь шведскому фельдмаршалу М. Стенбоку, который пойдёт на соединение с Карлом XII. Но в таком случае шведский король, турки и татары отрежут его от Киева. А как прикрывать от татар слободские города и воронежские верфи с их флотскими припасами?

Пётр I в очередной раз воззвал к дипломатической помощи цесаря и савойского герцога, а также к балканским славянам. 17 декабря 1712 г. сенаторы собрались заключить новую капитуляцию с сербами (и молдаванами). Боеспособность сербов оценивалась выше, чем прочих нерегулярных войск России: сербы «*против турок во всех случаях к действию могут благопотребнейшии наших нерегулярных быти*». На сей раз русское командование снова собиралось навербовать 10 тысяч (!) «доброконных и доброружейных» сербов из Венгрии[1].

Сербам обещали послать 5000 рублей, возможно, после того, как Шереметев дал знать, что им и молдаванам не выплатили жалованье за 8 месяцов и те «пришли в такую нищету, что смотрить на них невозможно, а во все партии употребляютца… уже и не верят мне в том»[2]. 26 февраля в русском штабе явился поручик Михайло Константинов Елчики и спрашивал, куда следует прибыть 10 тысяч сербам. Он же сообщал, что хотя немцы по Карпатам сделали заставы и засеки против сербов, но выбраться к русским можно с турецкой стороны[3]. За три дня до выезда австрийских сербов К. Э. Рённе написал

---

[1] Отпуск серба Д. Симеоновича к сербскому патриарху Афанасию и к М. Кантакузину. ППВ. Т. 12/ 1. № 5178–5179 и прим. Фельдмаршал Шереметев жаловался, что при нём для защиты Малороссии сербов и молдаван, которые «зело потребны против татар», всего около 400 человек. Для вербовки в Венгрии сербов (учитывая путь в 3 месяца туда и обратно) он просил срочно выслать им «на первый час» 5000 рублей, «ибо бес того в службу итить не хотят, …а иные и розъехались». Б. П. Шереметев — Сенату в январе-апреле 1713 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 23. Л. 228–233.

[2] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 28 мая 1713 из лагеря у р. Лыбедь. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 73 об.

[3] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев… С. 139–140.

им, чтобы они «не подымались» в связи с заключением мира с турками[1].

На крайнем «западном фронте» сербы Черногории весной 1713 г. возобновили набеги на турок. Владыка Даниил обнадёживал их, что Пётр I все-таки подаст помощь и этого как раз больше всего опасались османы[2]. В декабре 1712 г. в Шлезвиг-Гольштейне с царём встретилась делегация черногорцев. Помня, что в 1711 г. Чёрная Гора, по сути, осталась один на один с турками, государь определил делегатам денежное содержание и советовал им снова поднять восстание.

30 декабря 1712 г. Пётр I написал Сенату из Гольденбоу: «Отпущены отсюду к Москве приехавшие от мунтенегринского народа три[3] человека товарыщи полковника их Милорадовича, которой отпущен к вам к Москве в недавном времяни из Демина. И вы того полковника и сих товарыщей ево, удовольствовав жалованьем, тако ж дав, что пристойно, к ведению им войны против турок, на воинские потребности, отправте их с Москвы без задержания. И прикажите им с приятным напоминанием, что понеже турки ныне против нас войну уже объявили, того ради дабы они против сих неприятелей всякие поиски и военной промысл чинили со усердным радением»[4].

---

[1] Б. П. Шереметев — Сенату 28 апреля 1713 г. из Прилук. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 23. Л. 228–233. 27 апреля 1714 г. Сенат приказал Шереметеву сербов и волохов и донцов распустить «по домам». *Шереметев Б. П.* Переписка... С. 392. См. также *Артамонов В. А.* Сербы и Турецко-русская война 1710–1713 гг. (К 300-летию русско-сербского боевого содружества) // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. Самара, 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 333–341.

[2] *Томић Ј.* Н. Поход Нуман-паше ћуприлића на Црну Гору 1714 године. Београд, 1931. С. 51.

[3] На самом деле — четыре человека.

[4] М. Милорадович был отпущен ещё раньше из Деммина. ППВ. Т. 12/2. № 5787 и прим. Историк Б. Павичевич ошибочно счёл, что русское правительство было недовольно превышением полномочий М. Милорадовича в 1711 и 1712 гг., когда тот от имени царя заключил договор с черногорцами о принятии Черногории в русское «подданство». *Павићевић Б.* Владика Данило… С. 22. О заслугах М. Милорадовича перед Российским царством Пётр I позже написал, что тот «на наши государства Великой и Малой России турок и татар удержал... Притом немало и имений своих на дачю под командою своею имеющих употребил» Пётр I — И. И. Скоропадскому 10 июля 1715 г. РГАДА. Ф. 86. Сербские

Однако С. Л. Владиславич убедил царя не отправлять команду Милорадовича на Балканы, так как восставшие обескровлены, а Россия не в силах подать им помощь. Из Германии М. Милорадович прибыл в Москву 7 января 1713 г., а его соратники — И. Албанез, Славуй Дьякович и поручики С. Михайлович и С. Бринов — 12 февраля[1]. После успехов 1711–1712 гг. весть о русско-турецком примирении и провал надежды на русскую помощь подточили боевой дух восстав-

дела. Оп. 1. 1714–1717. № 1. Л. 124–125об. Милорадович получил чин гадячского полковника в Малороссии, 500 червонных и драгоценный портрет государя.

[1] Московские писцы, составляя клиентам челобитные, традиционно преувеличивали бедственность просителя. В заявлении Сенату писалось о том, что черногорцы приехали «из Отечества своего со обнадёживанием Его Величества милости и жалованья и с собою ничего не привезли». Кроме «вышеписанного жалованья иного ничего нет…[и им] на Москве прокормитца не мочно», в связи с чем приходится распродавать свои платье и вещи. Сенат немедля постановил выплачивать ежемесячно «присланным от мунтенегринского народу» М. Милорадовичу по 20 рублей, капитанам Албанезу и Дьяковичу по 12,5 рублей. прапорщикам Саве Михайловичу Саве Брайовичу, Кузьме Семёнову по 5,5 рублей, слугам Милорадовича Марку и Афонасью Никитиным по 3 рубля. Расчёт всем черногорцам был произведен с 7 января по 7 октября 1713 г., потом с 9 октября 1713 по 7 октября 1714 г.
12 января 1714 г. Сенатор и генерал-квартермистр В. А. Апухтин распорядился «против прежних дач» выдать с 7 января по 7 апреля 1714 г. 202 р. 16 алтын 4 деньги. Потом Сенат слал запрос в Петербург, выделять ли деньги на 1715 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 18. Л. 529 и об., 530 об., 532 об ., 770–771. Албанез со своими товарищами просил о выделении отдельного жилища: «В прешедшем 1713 году февраля в первых числех Царского пресветлаго Величества имянным повелением прибыли мы к Москве и явились в канцелярии Правительствующаго Сената. А велено отвесть нам особливую квартиру, а и до днесь на одной квартире с господином полковником Милорадовичем и челядники в одной полате человек з десять и примали себе великую тесноту. А особливой квартиры не просили, понеже не чаяли себе на Москве продолжительнаго житья. А ныне видим, что нам вскоре с Москвы отпуску не будет. А в той одной полате за таким многолюдством и утеснением жить нам ни по которому образу невозможно. Того ради просим, дабы Правительствующий Сенат указал нам четырем человеком с двумя челядники отвесть особливую квартиру без утеснения. Пресветлого Величества всепокорные раби Черногорския и Албанеския земли капитаны Иван Албанес, Славия Дьякович, поручики Сава Браев, Сава Михайлов». РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 18. Л. 534. Квартира была без задержки «приискана» Измайловым. Запросы 1714 г. М. Милорадовича и его окружения о выдаче денежных средств (с их автографами). Там же. Л. 528, 661–662 об., 768–769.

ших. Они сложили песни, что Пётр I заключил мир «с турком не по воле, но поневоле», после чего «заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного»[1]. В июне 1713 г. черногорцы разоряли сёла с мусульманским и славянским населением, находившимся под властью султана и платившим туркам хараджю. Они же пытались обнадёжить русский генералитет, что крымские татары «в великом страхе и смятении застают»[2].

5 ноября 1713 г. собрание черногорцев должно было дать ответ скадарскому Хаджи Мехмед-паше о хараджe и признании власти султана. Былого единства уже не было. 25 ноября 1713 г. владыка Даниил с сокрушением писал Г. И. Головкину: *«учинили временное с турки перемирение, в чем и до сего числа пребываем без всякие добрые надежды, не знаючи, куды обратиться и от кого помощи и наставления искати»*[3].

В 1713 г. османские войска не были посланы в Черногорию, так как собранные ранее против русских 30 тысяч татар и 12 тысяч турок со 120 пушками султан 1 августа отправил против польского короля Августа II, чтобы добиться территориальных уступок от Речи Посполитой[4].

Резко изменилась обстановка в феврале 1713 г. после схватки янычар и татар в «Карлополисе» с «железной башкой» Карлом XII. Шведский «дели бей» (безумный правитель) не был послушным орудием османской политики, но скудость средств не позволяла ему конкурировать с русским посольством, щедро ублажавшим турок золотом и мехами. Добиваясь исламской помощи, он маниакально хотел восстановить дополтавскую ситуацию в Европе. В Карлополисе при нём было около 1200 шведов, 2 тысячи поляков, до 6 тысяч запорожцев.

---

1 *Аншаков Ю. П.* Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства» // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 343.

2 Г. Милорадович — Ф. Кантакузину 15 июня 1713 г. *Цвиркун В. И.* Соратник Петра Великого… С. 104–105.

3 *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I … С. 35.
С 28 ноября по 2 декабря черногорские старейшины согласились на переговоры с турками, но они закончились безрезультатно. *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори… С. 210.

4 *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 142–143.

В Стамбуле с 1712 г. тяготились залетным гостем, который так и не устроил удар из Померании. Много турецкой казны (на что «можно было бы купить королевство») было израсходовано на содержание эскорта, транспорт и провиант. Зимой 1712/1713 г. коронованному изгнаннику предлагался конвой всего в 5000 татар.

Шведского правителя, которого старались «сбить с шеи», стали считать провокатором и сравнивать с венгерским вождём куруцев Имре Тёкёли, из-за которого османы потеряли Венгрию и Морею[1].

20 января 1713 г. Диван в присутствии Ахмеда III постановил силой выбить «чугунную башку» из османских владений. Крымским, белгородским и буджакским татарам было велено блокировать шведский лагерь. Дело поручили коменданту Бендер Измаил-паше и Девлет Гераю, который увел от короля казаков и поляков. Карл XII «по своей салдатской голове удалой стал отказывать гордо» и пустил огласку, что хан якобы собрался выдать его Августу II и назвал хана «старой собакой». В сторону турецких аксакалов, предлагавших «отдаться без бою», король, по рассказам, «плевал с великою яростию»[2]. В ответ были увезены шведские стога и сожжены «припасы и анбары».

Строптивец «сделал окоп кругом своего двора и изготовился к бою и во оскудении провианта велел побить излишних лошадей, междо которыми и от салтана присланные были и приказал, их посоля, употреблять в пищу». Он дал знать, что будет биться до конца, а если возможности не будет, то «с восемью бочками пороха взлетит на небо». (Так сообщал Б. П. Шереметев Г. И. Головкину 1 марта 1713 г. из Киево-Печерской крепости).

«И так сия разумная со обоих сторон война у них началась». 31 января 1713 г. вокруг шведской ставки в Варнице, охраняемой пятью сотнями шведов, собралось около 2–3 ты-

---

[1] Гость, который содержится год и 6 недель, должен выехать или, как неверный, платить хaрадж. Отчёт польского посла С. Хоментовского о пребывании в Турции. AGAD. Archiwum koronny warszawski. Dział Turecki. Karton 79. Tecka 572. Л. 55,57.

[2] Допрос запорожца Ф. Митлушенка РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 39–40.

сяч янычар, 6–7 тысяч буджакских, белгородских, крымских татар, черкесов и много зевак. «Упрямого и своенравного гяура» уведомили, что чавуш-баше Ахмед-аге приказано начать атаку. (В апреле 1713 г. Шафиров отблагодарил Ахмед-агу тремя тысячами червонных и соболиными мехами на 800 руб). «Господа поляки от короля безчестно отступили». «Когда турки и татары к его окопу приближились и начали чинить промысл он, учредя великое своё воинство начал бить по них из двух пушек и из мелкого ружья и побил их немало». Турки подвезли из Бендер свои шесть пушек и выпалили до 30 залпов пыжами и ядрами. «И по разбитии транжамента король засел в хоромах и из окошек бился. Из окон и в окна стреляли целый день. Когда камышевыми факелами подожгли крышу и кровля стала обваливаться, осажденным пришлось переходить в другую постройку. При ретираде один янычар «сказывают, ему [Карлу] четыре пальца у руки отсек, в которой держал шпагу, а другой отстрел[ил] часть уха и конец самой нос, а третей поколол или пострелил ево в спину, но потом, узнав что [это] король, взяли ево живова».

Потери турок составили около 40, по другим данным две сотни человек, шведов — 12–13 человек. Были ранены генералы А. Спарре, Ю. В. Дальдорф, и Х. А. Гротхузен, насквозь прострелили польского полковника К. Ц. Урбановича[1].

Этот бой турки назвали «калабалык» (kalabalik — «свалка, толчея, заваруха»)[2]. Шведских солдат, офицеров и генералов пленили, имущество короля и оружие расхватали янычары и татары. «Сия виктория [была] тем… славнее, ибо столь малым трудом взяли короля с тремя или четырьмя гетманы и со многими генералы… [Так Господь] «посрамил неприятелей и обратил чюдесно их изощренные мечи… в междоусобную брань», — насмешничал Шафиров.

---

[1] Письмо К. Ц. Урбановича из Бендер в Варшаву 21 февраля н. ст. 1713 г. Там же. Л. 28 об.

[2] Сохранились много описаний «калабалыка». ППВ. Т. 13/1. С. 315–317; [*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok… S. 173–184; *Tengberg E.* Från Poltawa till Bender… S. 258–259. О том же на пяти страницах писал Ф. И. Соймонов. История Петра Великого… С. 258–263. См. также: *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 134–135; *Цвиркун В. И.* «Калабалык в свидетельствах и воспоминаниях современников (по материалам извлече нных из российских архивов)». Рукопись 2013 г.

В горячечном состоянии упрямца арестовали, собрались посадить на первый уходящий итальянский корабль, но потом на турецкой арбе отправили в ссылку в Демиотику (Фракия), «на зимовую квартиру» — туда, где по словам Шафирова делается «изрядная глиняная посуда» и он мог присмотреться к мастерству гончара. Под конвоем двух сотен сипахов выслали туда же несколько десятков шведов без шпаг, где часть их «переженилась на гречанках, чтобы иметь пропитание». Шведские постройки в Варнице были разрушены татарами, шведов заключили в ясский монастырь «Святой Троицы», молдаване и турки стали гнать и бить насельников «Карлополиса» вплоть до Черновиц.

С польского пограничья сгинул очаг, лихорадивший Восточную Европу четыре года. Карл XII «весь проигрался» и очутился «в сущем изнеможении и великой мизерии». Антирусский блок рассыпался, разношерстная смесь вокруг «обруганного» короля стала распадаться, рухнула видимость шведского великодержавия. В марте пронеслась даже весть, что король умер от лихорадки.

Верховный везир Сулейман-паша «без гнева салтанского, толко знатно, за простоту, был отставлен и учинён капудан-пашею». Сменены были муфти и бендерский паша, а вместо «счастливейшего» Девлет II Герая, отправленного в марте из Эдирне через Галлиполи на о. Родос, ханом снова стал его брат Каплан Герай, по характеристике Шафирова — «человек преострой». В Бендерах среди поляков ссоры перешли в грызню и началась слежка друг за другом из-за подозрений перекинуться к Августу II.

Король-саксонец после «преславной баталии» в Варнице летом 1713 г., объявил себя «чистым приятелем Порты», послал новому хану подарок — 12 тысяч червонных и просил примирить его с «братом» Карлом XII на конференции в Брауншвейге, обещая принять из Молдавии польских эмигрантов и поселить орликовцев на Украине. В январе 1714 г. Август II через татарского мурзу ещё раз предложил мир и союз «умаленному величеству королю шведскому» и Крымскому ханству, обещая разорвать союз с Москвой[1].

---

[1] Перевод с грамоты Каплан Гирея к Карлу XII, январь 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 68–69, 84 об.–87. Шафиров дал такую оценку:

Пётр I уверился в том, что его брат «чудин» бессилен отвоевать польский плацдарм. «Итак, уже с турецкой стороны… опасатца нечево» — точно поставил диагноз царь 16 марта, предвидя, что обстановка в Стамбуле развернётся в сторону мира. Армию и флот он стал готовить к грандиозной операции на Балтике.

По договорам с Данией и Саксонией Россия должна была послать 24-тысячный корпус в шведскую Померанию против армии М. Стенбока. В 1712 г. туда направлялись огромные суммы денег: на мундир и закупку товаров 727 757 руб., на 11 полков кавалерии выплачивалось 130 800 руб., на 17 полков пехоты (в том числе и на два гвардейских) 156 207 руб. Каждому из 15 персон в генеральских чинах платили по 33 880 руб.[1].

Для захвата финской земли с моря и суши Пётр I готовил к весне 1713 г. невиданную силу из 93 галер, 60 карбусов и 50 больших лодок с десантом 16 050 человек. М. М. Голицын с 25-тысячным корпусом должен был взять главный город Финляндии — Або.

Все южное пограничье он приказал переводить в глухую оборону. Б. П. Шереметеву строжайше велели ни в коем случае не преследовать врага за российскими рубежами[2]. Исключительно ради антиосманской накачки Пётр I в марте 1713 г. извещал австрийского графа Д. Х фон Шёнборна, что всегда поддержит замысел императора скинуть с шеи турок и вышибить шведов из «Священного Рейха». С «турецким псом» он, царь, хочет сначала наверняка сравняться в силах. Врагу же напасть на русские границы невозможно из-за больших препон на местности, болот и безлюдных степей. В крайнем случае, он выжжет собственную землю вокруг врага на 30 миль и тогда «турецкий пес» быстро свернёт войну[3]. По-

---

хан это «шведский партизант» и употреблять его в посредники — «яко б дьявола в кумы звать». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 16 марта 1714 из Стамбула. Там же. Л. 94, 152 об.

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 745–746.

[2] О. Плейер из Москвы 10 июня 1713 г. ст. ст. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 61. Пётр I — Сенату 28 февраля 1713 г.: «А на Украйне при фельтъмаршале Шереметеве доволна будет и тех людей, которые при нём ныне есть, хотя бы турки и конечно войну начали, ибо ему инаково с ними немочно там воевать, что дефензивно». ППВ. Т. 13/1. С. 93.

[3] Экстракт из донесения графа Д. Х. фон Шёнборна из Брауншвейга 7 марта 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. Л. 13–14.

сол в Вене А. А. Матвеев просил императора Карла VI заверить турок, что войска царя и шведы эвакуированы из Речи Посполитой и русские очистят Польшу после заключения мира с султаном, хотя имеют право снова войти туда, при шведском вторжении[1].

17 февраля Порта объявила послам-невольникам о состоявшемся калабалыке, собираясь одновременно начать силовой натиск на русское посольство и на русские границы с востока и запада рейдами Крымского ханства.

26 и 28 февраля 1713 г. на р. Донец вышла 5-тысячная партия кубанских ногайцев с двумя сотнями некрасовцев и захватила два казацких городка — Калитвенец и Кондрючую и облегла Каменку. Потом часть пошла вверх по Донцу, другая — по Дону, опустошать сёла и деревни в Острогожском полку, третья — под Валуйки и оскольские городки. 28 февраля ногайцы налетели на Бахмут, отсекли посад от замка, разоряли «и волочили людей с хат», а часть конницы пошла к Полтаве. Изюмский полковник, опасаясь за Изюм, где не было добротной крепости, привёл в боеготовность Тор, Маяки и все городки Изюмского полка. В Острожском полку, в Волуйском и Полатовском уездах татарами сгребался полон, разорялись сёла и деревни[2].

5 марта 1713 г., переправившись в трёх разных местах — под Бендерами, Шебурчеем и Аккерманом на Триполье, Васильков и Киев накатилась, хватая людей и разоряя всё кругом, 30-тысячная (по другим данным 15-тысячная) орда буджакских и белгородских ногайцев во главе с Ширином Сефир Казы-мурзой. Тут же было две-три сотни запорожцев и три десятка янычар «для скупки полону». По показаниям плен-

---

1 Меморандум А. А. Матвеева 6 апреля 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 60.

2 Донесение «изюмского полковника» — Б. П. Шереметеву, полученное в Киеве 9 марта. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д19. Л. 13об., Л. 15, 20 об. Там же. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 663–666. Посланный с жалованьем к донцам К. Сытин писал, что он чудом избежал встречи с татарами. В Черкасск он с конвоем шёл «с великим поспешением» и пришёл к Новому Айдару 22 февраля 1713 г. «А ныне стоят вокруг казацких городков Кундрючья и Каменки — на Донце, Лугани и около Бахмута. А мы, не дойдя до врага 3 мили, пошли назад в Изюм. И ныне стоим там… А как вода на Донце будет, пойду водой на Черкасск», хотя среди татар есть булавинцы и запорожцы, «которые могут и с воды напасть». К. Сытин — Сенату 2 марта 1713 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 807 и об.

ных, орда выясняла количество русских под Киевом. Сбор запорожцев в то время происходил в Умани. По данным киевского губернатора Д. М. Голицына, «в Умань запорожцев из Сечи конницы, а из Бендер пехоты пришло с 1000 человек и над ними полковник… учинён, а другой в Корсуни… и набирают до себя гультяев, которых уже с 200 человек собрано»[1]. Польское войско не смогло пресечь угон 8 тысяч ясыря[2].

Шереметев тратил немало средств на засылку лазутчиков молдаван и греков в Бендеры, Стамбул и Крым. От агентов к нему шли нелепые вести, что после калабалыка сам султан Ахмед III с 500-тысячным войском появится к 13 апреля у Дуная и «всеконечно» двинется вместе с 40-тысячной ордой и запорожцами на Киев[3]. Запорожцы из Олешковской Сечи, якобы уже подсушив сухари, соединились с тысячью янычар и в апреле числом в 5000 человек с кошевым атаманом, конницей, пехотой и татарами пойдут воевать на Слобожанщину и Белгород. Ф. Орлик, будто получив от турок 20 пушек, 10 мортир и 2000 бомб, утверждал, что вся Правобережная Украина уступлена царём туркам,. Мазепинцы сочиняли, что их гетман, под началом которого якобы состоит 15 тысяч орды у Южного Буга, помчался к Дунаю встречать Карла XII, с которым маршируют 100 000 турок к Рашкову, где уже наводят три моста через Днестр. По другим данным, самого султана на войне не будет, но его войско появится к 22 мая[4].

22 марта 1713 г., Шереметев писал Ф. М. Апраксину, что татар под Киевом якобы было 30 тысяч и теперь они у Умани, Корсуни и у Брацлава недалеко от границы с Волынью[5]. Против ногайцев фельдмаршал указал 5500 донским казакам двинуться к Украине. Он же бил тревогу, что в апреле турки придут «в немалом собрании под Киев», татары «под

---

1 *Шереметев Б. П.* Переписка… С. 366–367.

2 А. Н. Сенявский — Б. П. Шереметеву 28 мая 1713 г. из Львова. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19.. Л. 215.

3 Агент Б. П. Шереметева майор Лешевский из Каменца-Подольского 30 марта 1713 г. Там же. Л. 24–25. 10 мая тот же майор доносил, что подлинно ожидают Карла XII с турецкими войсками в Бендеры. Там же. Л. 75

4 Сведения от майора Лешевского. Там же. Л. 38, 52. Запорожцы появлялись даже под Ахтыркой. Там же. Л. 47–48.

5 *Шереметев Б. П.* Переписка… С. 375–376.

украинные городы», прилуцкий полковник Горленко с тремя тысячами конных и пеших запорожцев к Брацлаву, а Орлика турки поставят в Чигирине. Подстраховывая себя, он просил как можно скорее прислать к нему дивизию Алларта[1]. Чтобы «не пустить воров внутрь Украины», Шереметев отправил на их перехват бригадира Ф. Осипова с Ахтырским, Сумским, Харьковским и Изюмским полками, а также чугуевских казаков и калмык[2].

30 марта бежавший из Азова невольник-малорос сообщил, что там неприятель «в немалом собрании» и под городом стоит 10 тысяч орды; кубанская орда, которая опустошала Малороссию, вернулась к Азову 26 марта и пойдёт на Кубань для смены лошадей, после чего ей немедленно приказано вернуться. Вскоре ожидается якобы и приход турецкого флота с янычарами для захвата Нового Транжамента и Черкасска[3].

3 апреля 1713 г. пришла весть, что турки заготовили лес для мостов через Дунай и через Днестр у Сорок. После калабалыка хан приказал сечевой вольнице не быть при Орлике, а разойтись по кошам и в конце апреля до 10 тысяч запорожцев «вкоренялись» по рекам Днепр, Буг, Ингул, Ингулец. Часть их была у Брацлава, Корсуни, Умани, часть тех, кто «жил домами», хотели бы вернуться в Старую Сечь, но опасались наказания. Запорожцы делали набеги вплоть до р. Орели, угоняли людей, скот, разорили в Полтавском полку несколько хуторов и собрались идти под Полтаву. В апреле же татары кружили между Днестром и Южным Бугом и жгли слободы под Васильками, Коломаком, Водолагами и Хмелевым. Генерал-майор Вейсбах послал против них молдаван, полтавского полковника, а также Ахтырский, Сумской и Харьковский полки, которые собирались гнать врагов до р. Самары.

---

[1] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 24 марта. Он же Петру 18 апреля 1713 г. — РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 20об, 23, 103об. Сенат указал выдать донцам по 5 рублей на казака и мобилизовать 1500 казаков даже с Яика. *Шереметев Б. П.* Переписка… С. 375–377. «Кубанская орда» вернулась к Азову 26 марта. Донесение И. А. Толстого 3 апреля 1713 г.- РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 31.

[2] Б. П. Шереметев — Петру I 24 марта 1713 г. ППВ. Т. 13/1. С. 233.

[3] Письма из Транжамента и з Дону 3 апреля 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1713. Д. 19. Л. 31 и об.

Все это была «малая война», несравнимая с той, что велась на Балтике, но главнокомандующий «южным фронтом» сокрушался, что у него нет инженеров укреплять линии обороны и крепости у Киева, Днепра и реки Лыбедь. Царедворцев, городовых дворян и даточных из Белгорода он предлагал перебросить в Путивль, «чтобы малороссийский народ знал, что позади их войско есть», а Белгородчину оставить под защиту «деташамента» казанского губернатора П. М. Апраксина[1].

26 апреля фельдмаршал предупреждал о наступлении зловещих времен и ненаде жности малороссийских полковников: «Турецкая война не утихает и время крутое приходит, а здесь черкасские полковники зело люди слабые и в нужное время и гетману нет помощников»[2]. Фельдмаршал оправдывался, что «неприятелское впадение учинилось, не от его непрестерегания». Он жаловался на «злые пути и водное разлитие», извещал, что татары могут появиться в слободских полках, силы которых разбросаны и «пребывают праздно» и что надо как «наискорее закрыть великороссийские слободские города» и воронежские верфи[3].

К первым числам мая к Изюму и Харькову должны были собраться 15 тысяч калмыков и 5 тысяч донцов, на содержание которых отпускалось 50 000 руб. из Казанской губернии. (К Саратову на службу П. М. Апраксину пришло 2 тысячи калмык). Фельдмаршал перевел свою штаб-квар-

---

[1] Б. П. Шереметев — Петру I 18 апреля 1713 из Прилук. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 22–23. Воеводой у царедворцев был назначен Ф. П. Шереметев, брат фельдмаршала.

[2] Б. П. Шереметев докладывал: «Я сам рассмотрел и гетман выговаривал, что стародубской зело болен и плоской, зело пьян и нерушим с места, нежинской зело глуп и не потребен, прилуцкой чрезмерно стар и плох и всем слаб». Надзиратель за украинской верхушкой Ф. И. Протасьев, намекая на вероломство, при И. И. Скоропадском и старшине открыто грозил всем полковникам: « у меня де вам всем каторга готова». ППВ. Т. 13/1. С. 346. 22 мая Г. И. Головкин не советовал обострять ситуацию: «Полковников четырёх человек вдруг переменить видитца непристойно и небезопасно, також и господин гетман о том не пишет». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 26–27.

[3] Б. П. Шереметев — Сенату 28 апреля 1713 г. из Прилук. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 23. Л. 228–233. У турок были слухи, что Шереметев пойдёт брать Азов. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Карт 21. Д. 111. Л. 1.

тиру из Киева в Прилуки, чтобы не допустить врага в Малороссию[1].

В мае Сенат, не сообразуясь с реальностью, велел Шереметеву заслонить от татар весь юг — нижний Дон, воронежские верфи, великороссийские и малороссийские города и навербовать 5–10 тысяч сербов[2].

В мае же по указу царя князь Ю. Ю. Трубецкой и секретарь В. В. Степанов «домогались» на польском сейме, чтобы поляки «по силе союзу Вечному оборонительному [1686 г. — *В. А.*] противу турок Его Царскому Величеству вспомогли» и указали своему чрезвычайному послу в Стамбуле мазовецкому воеводе С. Хоментовскому, «отвращать турскую войну». Польские сенаторы письменно обещали выставить на пограничье войска только в том случае, если Речи Посполитой будет отдана Лифляндия[3]. В связи с нараставшей угрозой с юга польским войскам было велено к 1 мая встать у Глинян, а Август II с саксонскими полками собрался «персоною своею итить к войскам подо Львов»[4].

Чтобы Порта отказалась от намерения посылать янычар к границам России, военное прикрытие для Киева, Гетманщины и Азовской губернии собиралось основательно. Губернаторам Киевской, Азовской и Казанской губерний приказали оберегать городки, «остерегать народ» и вести разведку. Из Азовской губернии для защиты Малороссии были отправлены 10 100 ратных людей вместе с двумя сотнями азовских и таганрогских пушкарей. К этому контингенту собрались добавить даже казанские полки, 2200 драгун и 1500 яицких казаков[5].

---

[1] По этому поводу в Бахчисарае была состряпана ложь, что фельдмаршал пошёл на восток для отвоевания Азова. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 249.

[2] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 25 июня 1713 г. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 91. 26 апреля фельдмаршал просил выслать деньги «на затягу» 5000 сербов. Там же. Л. 34; ППВ. Т. 13/1. С. 345.

[3] Б. П. Шереметев — Сенату 28 апреля 1713 г. из Прилук. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 23. Л. 228–233. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 262.

[4] А. И. Дашков — П. П. Шафирову 21 мая из Варшавы. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 275; ППВ. Т. 13/2. С. 39. Позже за своего польского союзника и против претензий Порты на польскую Украину вступились и Габсбурги.

[5] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 241об.

Весной из Чернигова по Десне к Киеву прибыла артиллерия, которую с трудом втаскивали наверх по днепровским кручам. В половодье из-за «великой воды» мостов у Киева навести было невозможно и с середины мая паромами на правый берег Днепра медленно переправлялись четыре пехотных полка дивизии Вейде, 11 драгунских полков, артиллерийские служители, четыре сербские роты и обозы. Старая линия укреплений осела, работников поначалу собрали только 500 человек из 12 тысяч и с 31 мая линию подновляли половинными составами драгунских, пехотных, гарнизонных и гетманских полков. Остальных держали на форпостах по границе. 1300 дровосеков рубили лес под Киевом для частокола, которого вкапывали «зело много»[1].

К июню 1713 г. на защиту «матери городов русских» мобилизовали почти такую же силу, как для Дунайского похода 1711 г. «Обсервационный корпус» Шереметева включал 6 пехотных полков дивизии генерала А. А. Вейде — 8759 человек, четыре полка Киево-Печерской крепости — 5847 человек, четыре гарнизонных полка с Украины — 3709 человек Всего пехоты было 18 315 человек В 11 драгунских полках (вместе с больными, нестроевыми и в «ближних отлучках») насчитывалось 18 593 человека, в Генеральном и Домовом «швадронах» (эскадронах) 571 и 185 всадников. Всего регулярной пехоты и кавалерии было 37 664 человека. В нерегулярной коннице состояли: 271 серб, пять сотен вновь прибывших казаков и 90 казаков астраханских. Число молдаван («прежних и новозатяжных волохов») увеличилось до 1065 человек. 13 июня к Киеву прибыло 12 780 казаков Скоропадского с Черниговским, Киевским, Нежинским, Стародубским и Прилуцким полками, а также с глуховской сотней и сердюками[2]. Всего иррегулярных конников было 14 706 человек[3]. Ф. Кантакузин переучивал на гусарский лад несколько тысяч человек.

Донских казаков не было — они писали, что покидать Дон им нельзя из-за неприятеля. И. А. Толстой также полагал не-

[1] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 5 июня 1713 г. Там же. Л. 77–79.

[2] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 25 июня 1713 от Киева. Там же. Л. 89об., 92–93, 240об.

[3] Корпус Б. П. Шереметева при Киеве по состоянию на 25–26 июня 1713 г. Там же.. Л. 92–93

разумным отсылать 5 тысяч донцов с атаманом Кутейниковым под Киев к Шереметеву.

(В июне 1713 г. из Черкасска всё же вышло 3250 казаков, но после спада напряжённости, Шереметев велел им задержаться около Маяка)[1].

Для Печерской крепости, где по ведомости Д. М. Голицына в 1713 г. было 8146 годных и 679 негодных фузей, затребовали 10 000 работных людей, для Чернигова — 5000, в Нежин — 4000, в Переяславль — 5000. Всего 24 000 человек[2]. В целом на земляные работы для укрепления Киева и других городов Малороссии планировали собрать до 50 тысяч крестьян. Из «наряженной» ландмилиции числом 10 658 человек пришло всего только три тысячи из Киевской губернии[3].

Стратегия громадной киевской группировки численностью в 52 370 человек состояла в том, чтобы один её вид сдержал противника от нападения. Шафиров разумно писал: если турки миру не заключат, то надо соединяясь с поляками и саксонцами их постращать. «То б чаю, и разбежались тотчас… и так бы гордость их сломилась и скорее к миру бы склонились»[4]. Тактически русской военной силе предписывалось держаться сугубо «дефензиво»[5].

О нехватке провизии, как в 1711 г., теперь не было и речи. Через Брянск в Киев для солдатских и драгунских полков с Московской, Казанской, Киевской, и даже Архангельской и Сибирской губерний сенаторы указали поставить громадное количество провианта — 189 423 четверти муки, круп и овса. К середине июня было доставлено 70 707 четвертей[6]. Для регулярных полков предписали заготовить 15 тысяч пудов масла,

---

[1] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 9 июля 1713 из Киева. Там же. Л. 103 об.

[2] «О работниках и о припасех железных к городовым делам». РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 588об., 875.

[3] Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 28 мая 1713 из лагеря у р. Лыбедь. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1713. Д. 19. Л. 72–73.

[4] П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Петру I 1 июня 1713г. Там же. Д. 7. Л. 277.

[5] Б. П. Шереметев писал Г. И. Головкину 25 июня из Киева: «Слава Богу, доброй отпор даван им и в полон взято 31 человек, турок 4 человека, а запорожцов — 7 повешено, 27 на каторгу послано». Там же. Д. 19. Л. 89.

[6] Там же Л. 240–241.

30 тысяч пудов сала или 60 тысяч пудов мяса, а также закупить 186 куф вина на 2233 рублей и сварить 1000 четей [четвертей объёмом по 3 л. — *В. А.*] пива[1].

По Днепру, у Полтавы и переправ через р. Орель «для престерегания татар и запорожцев» выставили четыре драгунских полка генерал-майора И. Б. фон Вейсбаха и пять украинских полков с наказным миргородским полковником. Перебросить их к Киеву было невозможно, так как 14 мая 5000 крымцев разложили кош под Хмелевым и атаковали пас у урочища Муравка[2]. Помня измену Мазепы, жён казацкой старшины вместе с супругой Скоропадского снова свезли в Глухов, который тоже укрепили на случай нападения[3].

Несмотря на нападения буджакских ногайцев и «каналий-запорожцев» на Киевщину, Левобережную и Слободскую Украину, несмотря на захват ясыря, русское командование не «чинило отмщение». Всем командующим — Б. П. Шереметеву, И. И. Скоропадскому, П. М. Апраксину, И. А. Толстому (тот сохранил звание азовского губернатора) запретили нападать на турецкие, крымские и кубанские владения. Фельдмаршал был согласен с Шафировым, который просил не «задирать» противника, иначе начнётся самая «неукротимая война и нас причтут за обманщиков и можем пострадать смертно». Борис Петрович распространял молву, что он стоит в Киеве не для войны, но для «усмотрения» турок и ремонта крепостей вокруг этого города и вдоль р. Лыбедь[4]. Шереметев заверял,

---

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 824 об.

[2] Тут удалось побить 30, пленить 20 татар, которые говорили, что вышли из Крыма «собою, без указу» 15 дней назад. Вести от генерал-майора Вейсбаха из урочища Муравки. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 74–75.

[3] Г. И. Головкин — коменданту Глухова Б. И. Гагарину 8 мая 1713 г. РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. № 3. Св.1. Л. 131, 132, 135. Двум полкам при гетмане в то время указали платить вдвое меньше, чем армейским: полковнику вместо 150 рублей — 75, капитанам по 50, поручикам по 40, прапорщикам по 30, сержантам по семь, капралам, рядовым и заротным по 6, извозчикам и денщикам по три рубля. РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 21. Л. 582об.

[4] Б. П. Шереметев — Петру I 19 мая 1713. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 58–59. «Я с войски …неподвижно пребываю здесь, и в рубежи салтанова величества… ни един человек не бывал… И под смертною казнию всем войскам запрещено». Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 26 июля из Киева. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 373.

что хотя «везде татары и запорожцы розсыпались и облегли на дорогах», «ни единого человека не пошлём противно делать за границы»[1].

Фельдмаршал послал к верховному везиру четыре запроса разными путями — в Бендеры, Азов, Хотин и Яссы в какой силе и куда идут турецкие войска? Сохраняя уверенную твердость, Шереметев оповещал Али-пашу, что на «начинающего Бог Всемогущий да будет нам помощник. [Я] со многими регулярными и нерегулярными войски по состоянию чина моего в своих границах к отпору во всякой готовности пребываю, [и] сколько в правде Его Царскому Величеству Бог да поможет, вашу везирскую светлость обнадёживаю».

[1] Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 5 июня 1713 г. из лагеря от Киева. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 296–299.

ГЛАВА V

ЗАВЕРШЕНИЕ КОНФЛИКТА С ТУРЦИЕЙ

5.1. ПЕРЕМИРИЕ 13 ИЮНЯ 1713 Г.

Османское командование, как и прежде, сознавало невозможность похода на Киев и приняло верную стратегию — не снимая военного давления крымскими татарами, добиться уступок от России, пугая «дьявольским намерением» — вводом в Польшу «знатного корпуса» во главе с Карлом XII и Станиславом I.

13 марта фаворит султана капудан-паша Ибрагим послал в Йеди куле намек о возможности возобновить контакты с русскими арестантами и позволил голландскому послу Я. Кольеру навестить узников, которые «от вони и тесноты и, не имея воздуху при наступающей теплоте, собрались уже умирать».

Не получая с декабря 1712 г. ни единой вести из Петербурга, 15 марта Шафиров на свой страх и риск через Кольера дал знать о «сердечном намерении Царского Величества сочинити счастливой мир с Блистательной Портой»[1]. Ведь царь «отнял руку от Польши», «испразднил тамошние анбары», вывел гарнизон из Эльбинга и русские полки ушли в Померанию.

В каждом донесении подканцлеру приходилось изыскивать оправдания на случай царского гнева за свои инициативы. Вот как расписывал он всесилие антирусского блока, с которым ему пришлось биться: «Сии варвары и безумны

---

[1] Я. Кольер «зело просил» русский орден Св. Андрея и советовал не вступать полкам царя в турецкие рубежи и не побуждать турок «к злобе». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 62–63.

и непорядочны, однакож силны, многолюдны и безмерно многоденежны и ныне имеют такое благовременство, какова Бог весть когда могут иметь, ибо имеют таких учителей, которые все интересы… не токмо Российского государства, но и всея Европы знают… Король швецкой хотя не умен, но при нём есть несколько министров и генералов умных... Изменники черкасы знают о всём внутреннем состоянии государства Российского… Им всем промотор и ходатай хан крымской — человек преострой и за [погодную] дачу непримиримо на нас озлобившийся… и все они вседневно и всенощно советуются между собой»[1].

Пётр Павлович воззвал «сильнейшего, славнейшего, державнейшего великого государя» Ахмеда III вызволить русское посольство из Йеди куле и назначить «комиссаров» (делегатов) для подтверждения договора 5 апреля 1712 г.[2]. За арестантов хлопотали также резидент в Стамбуле от Августа II барон Ф. И. Гольц и «великий посол» от Речи Посполитой граф С. Хоментовский, которые опасались, что Турецкая война захватит и коронные земли Польши.

22 марта после пятимесячного «претяжкого и истинно неудобь сносимого заключения» страдальцев с тремя десятками обслуги освободили и под конным конвоем из 40 янычар 30 марта привезли в Эдирне. (В «яме» остались П. А. Толстой, А. Ф. Лопухин и основной состав посольства). В Эдирне их разместили в «изрядном дворе в палатах с турским убором», на котором прежде стоял каймакам (наместник верховного везира) капудан-паша Ибрагим. Через двух переводчиков тот прислал поздравление «послам народа христианского, пришедших от страны Московской».

С 30 марта по 16 июня 1713 г. на 10 конференциях «с поистине страхом смертым» шла драма «возобновления мира». Голландского посла, активно помогавшего русским, до посредничества не допустили.

В марте Порта намечала большую цель — снести русские укреплённые места в Подонье на расстоянии в 50 часов езды

---

[1] П. П. Шафиров — Петру I из Адрианополя 23 июня 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 304–305.

[2] П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев — Г. И. Головкину 17 марта 1713г. Там же. Л. 58.

от Азовского моря, взять под турецкую протекцию всю Украину и склонить Августа II к отречению от польской короны[1].

Был пущен слух, что султан вызовет Карла XII в Адрианополь, заключит с ним союз и вместе со шведами продолжит войну против России. Очередной янычарский ага дал знать, что на Киев «он с янычары идти готов и надеется, зделав апроши, взять его, только б дала Порта ему обнадёживание, что тот город держать и не отдавать назад», как это случилось с Каменцем-Подольским в 1699 г. В Адрианополь прибыл и патриарх Хрисанф, надеясь по указу турок утвердиться «на Казачьей патриархии».

Переговоры начались приветливо, знаменательным стал день 2 апреля. В полдень в доме государственного канцлера и министра иностранных дел (рейс-эфенди) послы высказались «о неправедном разрыве мира, несносном заключении» и выразили надежду, что Порта «паки мир возобновит». Рейс-эфенди заверил, что «конец будет доброй», хотя русские войска в 1712 г. и не вышли в трёхмесячный срок из Польши. Послы просили передать каймакаму Ибрагиму-паше, что под «его мудрым правлением сие дело обоим государствам полезное к бессмертной его славе между сими великими двумя империями благой конец скоро воспримет».

10 апреля из стамбульского заточения освободили уже всё русское посольство, но без права сношений с иностранцами и всех в Эдирне держали «взаперти, яко в тюрьме… не имея свободности купить послать и ествы и питья».

13 апреля, чтобы «стяжать прибытки» по максимуму, Ибрагим-паша опрометчиво, без санкции султана, на «великом консилиуме» в четвёртый раз объявил России войну и возвестил о походе 100-тысячной армии на Киев![2] Он обосновывал своё решение тем, что на турецкий разрыв 31 октября 1712 г.

---

[1] Там же. Д. 6. Л. 31; *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski… S. 68.

[2] «Знатно по наговору и по обещанию или дачам от французов, которые денно и ночно трудятся ввесть турков в войну… тот превратной везир» заявил, что «надобно в тот поход ему с войски главными к границам Вашего Величества итить, и нас и польских послов с собою взять, чтоб там трактовать, и начал… молитву, которая при объявлении войны у них говоритца». П. П. Шафиров — Петру I 17 апреля 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 283, 285 об.

царь до сих пор не отозвался, а по донесениям из Крыма, царская армия готовится снова взять Азов[1]. Если Пётр I хочет мира, пусть шлет новые грамоты, а он де «не воевать идет, но [выступает] для осторожности от войск Царского Величества границ своих, и может и там трактат заключить мирной». (По отзыву Шафирова, турки «сами сим поступкам дивились и называли их дурацкими»).

15 апреля султан под предлогом, что «Ибрагим-паша дурак и не может дел порядочно управлять и… мужик простой из морских салдат»,[2] низложил его, конфисковал всё имущество и назначил каймакамом своего зятя (дамада) Али-пашу.

К переговорам был подключен и Каплан Герай. Тот в «русском деле имел кредит и комиссию» (выступал экспертом), и послы, «желая ханской склонности», послали к нему соболью шубу и несколько пар соболей на шапку. Петицию о мире султану («мемориал») им было позволено подавать только по ступеням — через хана, рейс-эфенди, муфти и в завершение — через Али-пашу. По оценке подканцлера новый везир, собиравший казну и часто менявший должностных лиц, был «прегорд, суров, бессовестен, скуп, зол и делал по своей силе, что хочет», был «человеком зело жестоким и непокладным».

Просматривая русский мемориал султану, «его светлость» Каплан Герай пенял, что там слова о казаках польской Правобережной Украины поданы «темно и обманчиво», что Порта обманута трактатом 1712 г. и послы должны «безковарно»

---

1 От П. П. Шафирова «Записка апреля в 13 день». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 121 об. Под Васильковым был захвачен русский капитан с солдатами и те на допросе в Эдирне 9 апреля сказали, что в Киеве и вокруг него много войск. Разжигая военный психоз, крымцы «заподлинно» утверждали, что Шереметеву с войском «велено добывать Азов». Порта собралась послать к Азову, Бендерам и на Дунай войска «остерегать свои места, а нападения чинить на земли Его Царского Величества не указано, но велено содержать мир до тех мест, пока с стороны Его Величества не будут начаты воинские действа. А сам де салтан и крайней везир в тот воинской поход не пойдут». П. П. Шафиров — Б. П. Шереметеву 12 апреля 1713 г. Там же. Л. 82об.; ППВ. Т. 13/1. С. 232–233.

2 Ибрагим-паша «пред малыми леты был в ызвозном каюке в Константинополе правильщиком и с натуры человек самой глупой». «По данной от [султана] свободе» Ибрагим-паша говорил «о всём дерзновенно, как никто иной так не может». РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 26 об–27, 30–32об., 112–115.

признать, что царь, обещав «отнять руку» от казаков на правобережье Днепра, на самом деле перегнал их на левый берег. Кроме того, зря упомянуты жалобы на грабежи и захват пленных — это заобычно как в русских, так и татарских петициях.

24 апреля 1713 г. канцелярист И. Небогатов и курьер К. Дмитриев подали султану по пути в мечеть Айя-София на пятничный намаз объемный мемориал, с просьбой определить турецких «комиссаров» на переговоры: «Хотя Блистательная Порта уже шестой месяц, как войну объявила, […] покорнейше молим […] определить с нами для конференции […] из верных своего мусульманского правителства людей... Такой же равной мемориал… для донесения вам подали прошлой субботы по приказу от Блистательной Порты светлейшему хану… Мы известны от бывшаго крайняго везиря Ибраим-паши, что татары трижды чинили уже нападения на земли Царского Величества… Опасаясь, чтоб ныне… сей неспокойной и всегда для грабежу своего желающий народ более каких нападений в земли Царского Величества не учинил, и тем бы не принудил и с страны государя нашего каких равных им людей или казаков для отомщения той обиды таковое ж нападение учинить… то опасно, чтоб […] сие доброе намерение к миру […] не возымело препятствия. [Уповаем] вскоре сие дело окончать к ползе… и к славе вечной вашего величества»[1].

Диалог бывшие аманаты собирались вести только на основе Константинопольского договора, «а Прутского трактата ныне и вспоминать не надлежит, понеже он весьма отречен и опорочен от самих турских тогдашних комиссаров… и объявлено им в конференциях многих, что тот трактат салтан не приемлет, понеже оной учинён без его указу от одного только везиря Мегмет-паши, которого бутто они послы обманули ж и за то оно[го] салтан в ссылку, а его советникам головы отсекли»[2].

26 апреля «на один двор» к Шафирову вместе с сотрудниками вселился «великий помощник по своему искусству» П. А. Толстой[3]. Активность «полномочных его Царского Ве-

---

[1] «Список с мемориалу…подан салтану апреля в 24 день 1713 г. в Андреянополе, как шёл в мечеть». Там же. Л. 161–164.

[2] Там же. Л. 174 и об., 176об.–177.

[3] Знание замыслов противной стороны облегчало действия русских послов. Например, переводчик Форнет «от пункта до пункта» изла-

личества» обеспокоила французов, которые пытались обвести их вокруг пальца: если мол, турки войдут в Польшу, Австрия вступится за неё и таким образом Турецкая война отвратится от России. С такой провокацией послы тут же ознакомили Порту, которая не последовала совету «злодея» П. П. Дезальера «просить разорения Черкасского, Новой крепости и [отделения] некоторой части от Украины»[1].

В своих депешах в Петербург русские амбассадоры предлагали дать «сильный отпор… при границах, но никаких действ [не]начинать и впадение в земли их [не]чинить, пока от них ничего не явится… [А] народ и войско [в Стамбуле] […] сию войну весьма все за неправедную ставят».

Тогда же, 26 апреля, Пётр I указал выписать киевскому губернатору Д. М. Голицыну и генерал-майору Л. С. Чирикову полномочные грамоты и инструкции на случай переговоров с турками у российских границ. «А самим к турком с желанием о миру никого не посылать», но при приближении турецких войск к российским границам послать офицера и спросить, «ради какой причины они… войну всчинают, ибо его Царское Величество учиненной с ними мир во всех пунктах исполнил… а едучи дорогою, и тамо будучи, велеть ему о том разглашать народу турскому»[2]. Шафиров поправил: султан и не думал заключать мир у русских границ. Турки «гордый народ… и салтан сам несмел [бы] и устами пошевелить от себя о предложении миру, хотя б и хотел, но разве прошен с стороны Царского Величества, или уже вовсе побеждён был». Муфти и Каплан Герай, «почитая мир за постановленный», дали знать русским послам, что сначала надо де выслать Карла XII с конвоем в пять тысяч, но тот

гал Шафирову переговоры Дезальера с Портой и крымскими ханами. П. П. Шафиров — Петру I 6 апреля. Там же. Л. 85 об.

[1] Письмо переводчика французского посольства Форнета 8 (19) мая 1713 г. Там же. Л. 267. Чертежи русских крепостей в низовьях Дона не были поданы Дезальером.

[2] ППВ. Т. 13/1. № 5968, 5969. Эти документы остались неиспользованными, так как Порта не послала войска на Киев, но решила выдавливать уступки от русского посольства в Стамбуле. Русский резидент при Августе II А. И. Дашков тогда просил польского короля удерживать турок от войны. А. И. Дашков — П. П. Шафирову 23 июля 1713 г. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 368.

«диявол зело упорен» и требует 40 тысяч турок и 30 тысяч татар[1].

После удачных набегов в русские границы 1711, 1712 и 1713 гг. авторитет Крыма вырос и 30 апреля турецкая сторона снова выставила тягостный запрос: «учините хану удовольство, ибо он пограничной и у Порты в кредите, а и наперёд сего дачи от царя бывали». Татары «не имеют с чего кормиться» и если бы царь платил дань, то крымцы не захватывали бы невольников. Хуже того, Каплан Герай стал «припрягиваться» к переговорам, чтобы перевести Российское царство в положение до 1686 г., когда выплачивались погодные дачи, хотя бы в виде секретных статей. Хан напоминал, что деньги («тысяч на 40 левков»)[2] — «невеликое дело, а дело стоит о чести, которой всяк ищет». Прибыток же должен идти «не ему одному, но на его братью и мурз... и если того не будет обещано, то они могут и силою получать». (После таких запросов в дипломатических кругах Европы разнеслось, что от Москвы требуют «харадж за все прошлые годы разом заплатить»).

Бывшим страстотерпцам пришлось по совету драгомана Маврокордато уклончиво намекать, что если хан будет склонен к России, то «усмотря его поступки дружеские, Царское Величество не оставит и нисхождения своего явить — подарки присылать»[3].

Шафров не был уверен, будет ли мир, но поставил себе в заслугу, что сумел доказать султану, муфти и «простому народу» неправедность войны. «Чрез наши сирые, аще и в тюрьме труды, нынешняя компания от них тща прошла, ибо уже месяц май наступил, а у них ещё никакова походу воинского не видется». Большая часть янычар и вся артиллерия оставалась ещё в Царьграде. Если бы турки и вздумали выйти в мае, вреда не предвидится, была бы осторожность от татар. «И тако сим благополучным отвращением от земель Вашего Величества войны вас поздравляю» — такая отписка полетела в Петербург 2 мая.

---

[1] РГАДА. Ф. 89 оп 1. 1713. Д. 7. Л. 201 об.; П. П. Шафиров — Б. П. Шереметеву 2 мая 1713 г. из Эдирне. Там же. Д. 19. Л. 273–275.

[2] 18 тысяч рублей в год. Там же. Д. 7. Л. 258.

[3] Но не погодные дачи. «Удавить здесь хана подарком и обещанием впредь будущим некоторого награждения по изволению вашему» — писал П. П. Шафиров — Петру I 7 мая 1713 г. Там же. Л. 193об., 197.

Поздравление оказалось преждевременным. Заболевшего из-за антисанитарии рожистым воспалением и не способного ступить на ноги подканцлера, турки 7 мая вынесли на конференцию, «говоря, что не могут ни часу потерять, понеже приближился час или иттить в поход, или заключить мир»[1]. Рейс-эфенди начал с упреков, что «Империя турская» обманута трактатом 1712 г. Русские войска застряли в Польше, а послы «коварно» скрыли, что пути в Померанию, кроме как через польские земли, нет. Очистить Польшу и удалить войска из Померании — таким было безоговорочное требование. Подканцлеру пришлось извлекать географическую карту и уверять, что Порте не будет вреда, если царские полки пройдут на удалении двухсот часов езды от турецких границ вдоль берега Балтики.

Отпор был дан и по унизительному вопросу о дани, которая «пред многими годы и несколькими трактаты уже отставлена и ис памяти вон вышла... На то им не то что позволять, но ниже говорить [не]возможно, ибо естьли б и десять трактатов зделали, то б Царское Величество оных не принял, но по возвращении б их восприняли они послы смертную казнь, ибо лехче Царскому Величеству часть некоторую государства своего уступить, нежели на сие безчестное дело позволити … Царское Величество государь самодержавной и в свете славной, как же он может салтанова величества подданному дачю какую давать с повинности?» При этом подканцлер допустил редко случавшийся с ним промах: никаких де росписей о дани послы в глаза не видели и, может быть, таковые «давно уже сожжены, понеже те времена миновались». На эту нелепость турецкие комиссары рассмеялись и предложили вопрос о погодных дачах передать на усмотрение хана.

Выручил переводчик французского посольства Форнет, тайно сообщив о том, что «Порта дала ответ хану, что не надобно ему претендовать того, что в прошлые времена антецессоры его получали от Его Царского Величества, но что надобно ему согласиться с соизволением Блистательной Порты». Каплан Герай и сам особо не верил в возможность превратить царя

[1] П. П. Шафиров — Петру I 8 мая 1713 г. Там же. Л. 200.

в «трибутаря хана» и говорил Дезальеру, что «с трибутом сделается как в мире Карловицком»[1].

После 7 мая турки перестали вызывать послов на переговоры и 27 дней «токмо пересылки чинили». Верхи Порты и хан в то время развлекались метанием джирид и прочими военными упражнениями[2].

Хан требовал только войны — русские де ослабели и не сопротивлялись при захвате зимой и весной 20 тысяч ясыря. К тому же Порта имеет свободу рук, ибо цесарь ещё не замирился с Францией и Россия выполнит всё требуемое.

Притязания крымцев усилили позиции турок, которые блефовали — если позволить ста тысячам (!) татар пойти в набег, то они и сами возьмут дань с русских земель, и тогда послы сами предложили бы выплачивать поминки хану.

Теперь Шафиров советовал уже отражать налёты из Крыма. «И ежели, государь, сие варвары остращены не будут, то от них миру склонного не чаять… а во время войны они «битца не умеют и не охочи», предупреждал он и просил перенести диалог на границу с другими послами, «ибо истинно, здесь никому ныне с сими варварами сладить невозможно… а нам впредь с ними трактовать невозможно и бесчестно имени вашему»[3].

Был и другой тягостный запрос — расширить барьерный пояс Крымского ханства, пусть не до «прежней границы под Полтавой», а только до междуречья рек Самары и Орели (восточное Запорожье) и далее прямо степью, чтоб была коммуникация по сухому пути с Азовом вплоть до Северского Донца[4].

---

[1] Форнет — П. П. Шафирову 13 (24) мая 1713 г. Там же. Л. 268–269. В 1699 г. поляки ликвидировали обязательство платить харадж крымцам, 28 мая 1700 г. Порта признала за Россией отмену погодных дач ханам и о неправомочности татарских претензий на них в будущем. 11 мая турки вынудили Дезальера уехать из Эдирне в Стамбул.

[2] Poselstwo Chomętowskigo do Porty. Archiwum Koronny Warszawski (AKW). Dział Tureckie. Karton 79. Teczka 572. F.66.

[3] П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев Петру I 1 июня 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 239, 275–278, 319 об.

[4] «Для любви Порты определить границу меж Самарою и Арелью на половине дороги, понеже в тех местах имеют они нужду» поселить казаков… «говоря, что они сего малого дела претендуют в [на]граждение всех своих убытков, которые они учинили для воинских иждиве-

Пришлось отвечать, что отнимать землю от своих верных подданных и отдавать «изменникам, ворам, разбойникам и возмутителям тишины» нельзя, ибо те вместе с татарами будут срывать мир своими «задорами». Казаков, бежавших в османские пределы, можно расселить у Днепра, Южного Буга, в Буджаке или в Молдавии. При отказе же от дани хан получит «партикулярный подарок в почесть», а при отречении от территориальных претензий — 30 кошелей левков и на 10 кошелей левков мехами и соболями. «Число погодной дачи невелико, но следование оного бесчестное… скрытным же образом те два пункта обещать нельзя» — объяснял Шафиров.

Тем не менее, чтобы не сорвать переговоры, Шафиров сообщил, что ему «надо переговорить со своими людьми, которые те места знают… и переслатца с ханом… А о даче отказать вовсе, а меж тем склонять хана обещанием некоторого подарка склонить, […] чтоб он турком в голову вбивать престал». Погодные же дачи с 10 000 левками (4500 руб.) и мехом собольим сулились для муфти, который считал, что царь всё исполнил и новая война противна мусульманскому закону.

За восемь месяцев 16 раз, начиная с объявления войны в 1712 г., посольство запрашивало об инструкциях, но не получало ответа. Шафиров заклинал молчащий Петербург: «для милости Божией и государственного интересу, изволите к нам какой нибудь указ прислать, хотя з добром, хотя з гневом. И буде не надобно мир, то б [мы] уже покинули о сём трудиться и сказали б им о том правду, хотя б и паки в страдание посланы были»[1].

15 мая послы упрашивали муфти — «правосудного наместника своего Пророка» и «сиятельнейшего и превосходительнейшего Алию-пашу» склонить Высокую Порту «ко отвержению сих нововымышленных… претензий». Но ситуация обострилась — в тот же день вечером «с ругательством» перед воротами русского двора были брошены сукна, собольи меха и выкрикивались угрозы от имени хана, что послов снова посадят в ямы, где они все сгниют, за то, что не хотят дать «погодных дач, как прежде сего бывало».

ний и без того быть невозможно». Записка после отпуску писем майя от 2-го числа. Там же. Л. 209 и об., 210, 323 об.

[1] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 14 мая 1713 г. Там же. Л. 213.

На просьбу предоставить хотя бы полтора месяца для отписки в Петербург, Каплан Герай отвечал, что ни на день не будет отсрочки. 17 мая Али-паша «с клятвою по своей вере и Ал Корану… с великим сердцем» запугивал, что он «взял фетву их всеконечно умертвить и говорил, что де они мыслят ещё его обманывать также, как сперва Ибраим-пашу обманули, который был дурак и дал себя обмануть, что надеясь на их обнаде живание, не велел было войскам иттить… [но сейчас] уже посланы указы, чтоб войска их поспешали, которых уже большая часть у Бабады»[1]. Снова угрожалось, что армию возглавят садразам и сам султан.

«От приятелей» послам было известно, что турки будут «стоять крепко за прибавку земли к границе прежней», чтобы показать успех в новой войне. Послы поначалу отговаривались, что от верховьев рек Самары и Орели «до Дону и Азова чинить границы не для чего, ибо тут границы никогда не бывало и уступить им такого великого числа земель государя своего, хотя б и пустые были, невозможно. Понеже по Северскому Донцу и Дону, многие есть Царского Величества городы и села. И та претензия вымышлена по злобе к стране Царского Величества от хана нарочно, чем бы ему разорвать мир»[2].

Все же в конце-концов пришлось согласиться, «чтоб быть… границе меж Самарою и Арелью на средине… с такою кондициею, дабы те бунтовщики… туда отнюдь не были поселены, яко орудие к нарушению мира». В противном случае и царь может начать «взаимно какие действа воинские возмездием за претерпенные от Порты обиды»[3]. Турки тоже уступили, сместив на 50 км к югу границу от Северского Донца, так что Бахмут, Маяки и Тор остались за Россией.

И снова «всё опровերглось» 28 мая. Султан потребовал вписать «в договор о даче погодной ханской и о жилище казаков на Самаре», иначе послов бросят в «прежесточайшее заключение и начнётся война». Аманаты впали в смятение — к примирению нет надежды, им угрожают смертью. Шафиров

1 Там же. Л. 258.

2 Там же. Л. 323 об.

3 Список с мемориалов, поданных муфтию и каймакану Алии паше. Там же. Л. 168, 273 об. Поселение в тех местах «иных народов» позволялось.

вручил попечению царя «оставшихся своих сирых» и умолял отозвать их всех от «сего двора». «Лаи, нарекания, угрозы, несносное бесчестие и ругательство» перемежались с увещеваниями. Рейс-эфенди убеждал, чтоб «хотя без договора хана от себя дачею удовольствовали, что мы и обещали здесь учинить, яко от себя подарком».

13 июня рейс-эфенди пугал, что если послы-заложники не согласятся на новые требования, то «будут им головы, где у них ноги и не мыслили того, что им то угрозы, но исполнят то в самом деле. И говорили все с клятвою по своей вере и с великим сердцем словом везирским, и что б де знали, что война уже начинается и велено хану ехать в Крым и готовиться в поход, а и войскам их всем велено итить к границам». Во двор к послам прислали даже палача. «Для страху, а иногда и взаправду прислан был на двор наш и сидел, ожидая не малое время, и полатцкой голова… Только ждали мы часа, когда повезут нас казнить или мучить или уже, по последней мере, одних нас в такую тюрьму или яму сажать, о чём к нам хан напоследок приказывал, чтоб мы во оной в краткое время исчезнуть могли»[1].

Вот так 13 июня 1713 г. в Адрианополе послам-заложникам, работавшим без инструкций «наугад, яко слепые», был навязан третий, состоявший из 11 статей договор. «Сей трактат… отважились постановить, не получа вновь никакого указу, ибо не смели сего случая пропустить и турок до войны допустить. От объявления сей войны писали 16 отпусков, однакож тому уже осмой месяц ни единой строки […] получить не могли» — сообщали они.

Важнейшим изменением в новом договоре было перенесение русско-турецкой границы с Днепра и приазовских степей в междуречье рек Самары и Орели, причём граница от их верховий должна была проходить по Северскому Донцу. Этим Крымское ханство расширяло свою «зону безопасности» и «воссоединяло» ногайские земли вокруг Азовского моря. Строить фортеции и замки по Самаре и Орели запрещалось. Потерю второй, восточной части запорожских степей Шафиров смягчал доводом, что эти земли «самые пустые и без посе-

[1] Записка от 23 июня 1713 г. Там же. Л. 333; П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 9 августа 1713 г. Там же. Л. 398об.–399.

ления» и что новые границы турки означат только на письме (по урочищам и рекам как было при Е. И. Украинцеве).

В договор турки включили статью и о разграничении на Правобережье, начиная от Киева. О выплате дани было написано глухо: «О запросе крымском… в ыное время говорить и соглашаться с соизволения обоих стран».

Все войска царя должны в двухмесячный срок покинуть Речь Посполитую, которая изымалась из-под русского контроля. Даже царю воспрещалось появляться в польских землях («ежели восхощет подавать сикурс в Померанию, не имеет оной проходить чрез Польшу»)[1]. Калмыки не должны «учинять убытки» крымцам, ногайцам и черкесам, «равенственно и крымцы».

Султан указал, что не позже, чем через 90 дней, к 13 сентября, должен прибыть «особливый посол» с царской ратификацией, иначе война возобновится.

Шафиров умолял царя послать добрых курьеров, иначе он и сын фельдмаршала «воспримут зло», а также простить их «прегрешение», какое было учинено «ни с какого пристрастия, но ради смертного страху», чтобы не допустить «прежестокой и опасной войны», ибо всё до последнего момента «на паутинной нити висело».

Несмотря на согласование условий, Али-паша продолжал «злобиться» на русских послов, которые «[об]манами своими и трактатами провели двух глупых везирей». Помня о расправе с его предшественниками, он постановил утвердить новый турецко-русский договор в Диван-и-Хумайюне (на полном Государственном собрании) — со всеми духовными, гражданскими и воинскими чинами, «чтоб никто нарекать не мог».

14 июня послов вызвали к высшим чинам Османской империи — к муфти, верховным военным и религиозным судьям, улемам-законоведам, главам янычарского и сипахского корпуса. Присутствовало всего около сотни человек, Каплан Герая не было. Когда подали проект договора, Али-паша предупредил послов, что «ежели то, что мы ныне заключаем, содержано не будет… то претерпите великое зло за то, что своими трактатами удержали Порту от всеконечной и намеренной войны и походу нынешнего году».

---

[1] ППВ. Т. 13/1. С. 180–186.

Потом везир спрашивал у собрания, принять ли эти условия, или выдвинуть ещё претензии, особенно о погодной даче ханам, и если послы откажут, начинать ли войну против царя? Собрание ответило, что договор разрывать не следует и «согласное доношение послали к самому салтану». 15 июня, уже в присутствии Ахмеда III и Каплан Герая собрание подписало «общий приговор» от всех улемов и мирских чинов «также и ханскими руками».

«На сей мир» ушли все средства посольства за исключением остатков «мягкой рухляди». «Только денница Божья нам сирым вспомогла трактат к заключению привесть» — доносил Шафиров. Он же престерегал Б. П. Шереметева — если мир не будет подтвержден или в чем-нибудь не исполнен, «то всеконечно можем мы с сыном вашим смерть пострадать, ибо и ныне многократно живот наш на волосу висел, понеже нынешний везирь Али-паша зять салтанской и крайней его фаворит — зело человек прегордой и пресвирепой и многократно при нынешнем трактовании смертию нам угрожал, како аманатам».

При отпуске в Крым хану пожаловали «по обычаю шубу соболью и лошадь со всем убором», указав «удерживать татар от своевольств». Отъезжал хан «зело злобен», с угрозами и «похвалялся», что мир устоит только до тех пор, пока он доедет до Бендер. (Вскоре в Стамбул из Крыма стали приходить ложные вести о движении войск царя к Бендерам).

16 июня послов призвали к рейс-эфенди и в присутствии четырёх крымско-татарских мурз снова с «великою усильностию говорили, что зело потребно для общей ползы … давать по-прежнему хану дачу… без чего никогда сей мир крепок быть не может»[1].

22 июня при размене с Али-пашой беловыми текстами договора послы сидя держали слово, как «чрез мудрое правление» верховного везира народы двух государств будут прославлять его имя и надеяться, что мир будет не временным, но вечным. По обычаю подавалось кофе, шербет, было омовение рук «благоуханной водой» и кадились благовония. Под-

[1] Было отвечено, что это будет донесено царю. «И то дело отложили». П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев Петру I 16 июня 1713 г. ППВ. Т. 13/2. С. 352–355.

линник на османском языке с итальянской копией был отослан в Петербург с «шквадронским ротмистром» А. П. Волынским. Через несколько дней Али-паша отставил рейс-эфенди и отправил в ссылку муфти, который «был склонен к стороне Царского Величества».

9 июля в Киеве праздновали заключение нового 25-летнего мирного договора[1].

13 июля через курьеров, «которые поспели в 21 день» из Адрианополя, весть о договоре получили в Петербурге и мир был разглашен «во всей Империи государства Всероссийского»[2].

Торжествовали и в северной столице, хотя в июне и июле продолжались налёты «гультяев-запорожцев» на Царичанку, татар на Нехворощу, жнецы и кони угонялись с р. Орели, а «дели» нураддин Бахты Герай с 20-тысячной ордой ногайцев 24 июля 1713 г пошёл в набег на калмыков хана Аюки, разоряя и русские деревни вплоть до Царицына и Саратова[3].

Условия мира царь оценил как приемлемые («*Мир, которой вы ныне учинили, по нынешним конъюнктурам — довольно*»)[4]. Но первую статью о запрете проезжать ему через Польшу Пётр I расценил как оскорбительную («*зело безславно*

---

[1] «Всемогущему Богу хвалу воздали и тому щасливому окончанию триумфовали. И то порадование видели все присланные от Блистательной Порты в канвое». Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 351. В середине июля от потрясений серье зно заболел М. Б. Шереметев.

[2] Тем не менее, весной 1714 г. армию были готовы перебросить из Гольштейна обратно на Украину в случае нового обострения обстановки на юге. Пётр — Б. П. Шереметеву 14 июля 1713 г. ППВ. Т. 13/2. С. 59. Шереметев тоже не надеялся на установление стабильного мира на юге из-за претензий «дань татарам против старого обыкновения давать»: «больше разсуждаю быть войне, нежели твёрдому от них миру». Б. П. Шереметев — П. М. Апраксину 24 декабря 1713 г. *Шереметев Б. П.* Переписка... С. 384–385.

[3] И. А. Толстой — П. П. Шафирову 28 июля 1713 г. из Нового Транжамента. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 374–377. Против ожесточенных набегов ногайцев между Волгой и Доном в 1718–1725 гг. была воздвигнута Царицынская оборонительная линия.

[4] О. Плейер передавал слова царя: «Дальше я хочу служить Шафирову также, как он теперь мне отслужил». О. Плейер из Москвы 19 (30) августа 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 62. Царь послал Шафирову свой портрет украшенный бриллиантами, огромной стоимостью в 10 тысяч руб. Донесение О. Плейера 5 (16) июня из Москвы. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. Л. 19, 20. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 2. С. 82.

учинено, как невольничьим образом»). С сомнением царь принял новою демаркацию османо-российской границы к востоку от Днепра. Он считал, что в пространстве между реками Самарой и Орелью, хотя и запрещено возводить укреплённые пункты, но не заказано жить «изменникам и прочим ханским подданным», «которые своим кочеванием могут болшее число украинных себе привесть».

Шафирову пришлось оправдываться: «кроме позволения одной пустой земли к разграничению от Самары до половины разстояния от Арели реки ничего вновь им от нас не уступлено и то с такою кондициею, чтоб не то что фортец и городов, но и паланок (что разумеется тыном огороженных местечек) в тех местех им строить не позволено было». «А без крепостей в тех пустых местах никто жить не может, а у царя подобных пустых мест довольно» — мудровал струхнувший от возможной немилости подканцлер в письме к Головкину 9 августа.

Категорически царь отказался слать какие-либо «поминки» в Крым по десятой «глухой» статье договора, *«ибо… оставлена дыра сим псам в огород христиан влезть»*. Пётр I скорее был готов к войне на два фронта и даже к потере Малороссии, чем к «дани безопасности» ханству. [Если хотя бы] *«одним словом оное дело* [статья о выплате поминок] *было лутче изъяснено, все бы труды ваши пропали, и война бы не отменилася, ибо Царскому пресветлейшему Величеству оный пункт велми противен и прежде хочет потерять Украину, нежели хану данну давать»*. Впрочем, монарх считал, что если бы и «наотсечь» было отказано платить поминки, то турки всё равно не начали бы войны. Если бы они стремились к войне, то и *«дачею не удержал*[и] *бы их»*.

Вопрос о «годовой дани» Крыму стоял ребром вплоть до отъезда русского посольства из Турции[1]. И вплоть до 2 сен-

---

[1] 8 мая 1713 г. в ответ на запрос о погодной даче в 40 тысяч левков, Шафиров обещал только единовременный взнос — 30 кошелей левками и соболиными мехами на 10 кошелей левков. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 221об., 258. Австрийские агенты из Стамбула злорадно писали в Вену о том, что Россия будет платить погодную дань турецкому вассалу — Крымскому ханству. А. А. Матвеев — П. П. Шафирову 16 января 1714 г. из Вены. Походная канцелярия… Ч. 2. С. 20. 10 февраля 1714 г. А. А. Матвеев писал: «Сердечно радуюся, что везирь нынешней от претензии известной крымской дачи упорно не домогается, и что прежние слухи, от злосклонных

тября 1714 г. османским должностным лицам и переводчикам рекой текли подношения червонным золотом и серебром, горностайными и соболиными мехами, сукнами, атласом, алмазными перстнями.

Надежда вернуть захваченных крымцами здоровых пленных была слабой: «ис тех сабачьих рук трудно уже вырвать, ибо они лутчих всех и молодых, сказывают, тайно роспродали, а старых и дряхлых объявили»[1].

Царь правильно полагал, что от нового конфликта с Россией турки были удержаны тем, что «христианские варвары-шведы» после калабалыка «весьма упали» и у Карла XII исчезла возможность «всевать плевелы и мутить дела». К Киеву же поход очень труден, а в Польше надеяться на поддержку оппозиции туркам практически невозможно, ибо поляки не хотят войны у себя.

Больше ни в какие переговоры царь вступать не разрешил, а новые запросы принимать только «на устное доношение». В заключение государь советовал добиться пребывания русского секретаря при дворе падишаха «для корреспонденции», чтобы опровергать «наносы» татар и изменников-казаков и просить о свободе торговли для купцов, как было до 1711 г.[2]

15 августа послы «с несказанной радостью лицеземно» благодарили канцлера Головкина за весть, что их «убогие труды» приняты за благо и тут же объявили об этом сановникам Порты.

О дипломатическом мастерстве П. П. Шафирова, который самоотверженно бился за русские интересы, заговорили везде: *«вся Европия, как мы слышим, блажит»* о нём — льстил Б. П. Шереметев. Обманно, исключительно в расчёте

к нам о том здесь рассеянныя, вконец исчезли… Толко ещё одно опасение… оная претензия крымская в салтанской раутификации некако упомянута есть... И чтобы тот превратной и злохитрой салтан… своего прежняго запросу потом при самом отпуске вашем от себя впредь по силе той своей ратификации внезапу его не возобновил». А. А. Матвеев — П. П. Шафирову 10 февраля 1714 г. из Вены. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 2. С. 48.

[1] Экстракт из писем П. П. Шафирова к Б. П. Шереметеву. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 147.

[2] С. Л. Владиславич — П. П. Шафирову 21 июля 1713 г. из Петербурга. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 363–367; ППВ. Т. 13/2. С. 356–357.

на Габсбургов, царь говорил: «Когда я рассчитаюсь со шведами, то турецкими трактатами я буду повязан не больше, чем турки с ними дважды до этого. Доставим им мелкую радость по поводу Азова. В будущем он будет стоить мне меньше хлопот, чем до этого. Мои союзники уже наполовину замирились. Я хочу поразить турок в другом месте. Они сдадут мне Азов так же дёшево, как получили его от меня»[1].

Но это были только слова. Вплоть до конца жизни Пётр I так и не решился возобновить войну с Турцией, даже когда подвернулся случай выступить вместе с австро-венецианским союзом в 1716 г. 5 ноября 1720 г. русский посол А. И. Дашков переоформил Адрианопольский мир в бессрочный. Только 19 июня 1736 г. Азов снова был взят русской армией, а в 1774 г. он окончательно вошёл в состав России.

Ставка на стратегию обороны на юге в 1712–1713 гг. по большому счёту оказалась оправданной. Все вооружённые силы перебросили на северный театр военных действий. В Лифляндию послали дивизию Вейде, а за ней должна была двинуться и дивизия Рённе. На Левобережье Днепра осталась только дивизия Шереметева для наблюдения за татарами, орликовцами и станиславцами.

5.2. ЭХО ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ НАД ПОЛЬШЕЙ

Рассчитавшись с Россией и поняв, что царь избегает конфликта на юге, Османская империя перенесла давление на Речь Посполитую, чтобы пересмотреть Карловицкий договор 1699 г. «Порта [поляков] ни во что ставит и ведают, что когда хотят, тогда с ними подтвердить могут»[2].

---

[1] «Wenn ich mit den Schweden fertig sein werde, dann werde ich mich an die Traktate mit den Turken ebenso binden lassen, wie die Turken schon zweimal sich daran gebunden erachtet haben; lasst ihnen eine kleine Freude an Azow, es soll mir künftig weniger Mühe kosten als es vorher der Fall war. Der Friede meiner Allierten ist schon zur Hälfte herum, ich will die Türken an einem anderen Ort heimsuchen; sie warden mir Azow so wohlfeil zurückgeben als sie es von mir bekommen haben». О. Плейер из Москвы 19 (30) августа 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 62.

[2] П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 16 марта 1714 из Стамбула. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 94–96. «Не имел респекту» у турок и большей части татар и экс-король Станислав.

Ахмед III и его воинственный зять решили военной демонстрацией, используя «клятвенного злодея, крайнего неприятеля и креатуру шведову» — Лещинского, обрести контроль над коронной Правобережной Украиной, которая в 1712 г. турецко-татарским напором была очищена от русских.

Бумажный экс-король Станислав и его приверженцы Ю. Потоцкий, М. Вишневецкий, К. Ц. Урбанович, Я. Грудзинский сменили шведское покровительство на турецкое. С. Понятовский подал мемориал, чтобы Высокая Порта через крымского хана объявила полякам — кто поддержит Станислава I, тем гарантируются имения, в противном случае татары вторгнутся в польские границы. Султан пусть разорвет мир с царём, а Карл XII возглавит тех, кто ждет освобождения от тирана Августа II, который ввел в Польшу «извечного врага москалей»[1]. Как только турки появятся на польской границе, Коронное и Литовское войско и большая часть сенаторов перекинутся к Станиславу I. Лебезя перед Каплан Гераем, польские эмигранты 13 июля просили его принять их в «протекцию» и «спасти» Речь Посполитую, обещая расплатиться Подолией, Правобережной Украиной и Белой Церковью[2].

Формально Карловицкий договор Порта разрывать не собиралась и толмачу польского посольства 6 июля 1713 г. в Эдирне объявляли, что речь идёт всего лишь о восстановлении в правах польских эмигрантов и обещалось возвращение ясыря, скота и добра, захваченного татарами. Но Каплан Герай передавал полякам, что Правобережная («Нижняя») Украина, «подвешенная» между соседними государствами, не имеет «дедичного» (наследственного) государя, там не должно быть ни поляков, ни русских и Польша не должна занимать земли к югу от Немирова.

---

[1] Копия мемориала С. Понятовского к Высокой Порте 15/26 июля 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1.1713. Д. 7. Л. 388–389. Русская пропаганда приписывала туркам даже намерение возвести на польский трон баварского курфюрста Максимилиана II: «Всему свету известно, что они законного короля Августа с престола свергнуть, или Станислава или кого другого, якоже уже о курфирсте баварском говорят, паки на оной взвесть могут». РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712. Д. 10. Л. 49 об.

[2] «При гангрене лучше потерять один орган, чем всё тело», писал Лещинский Карлу XII. *Feldman J.* Stanisław Leszczinski… S. 92–94. Пропаганда Августа II вещала, что польская эмиграция обещала давать Крыму «по вся годы дани многое число».

В Стамбуле не было уверенности, как поведёт себя Пётр I вплоть до августа 1713 г. (см. ниже), но предполагалось, что помощь Лещинскому при изоляции шведов после калабалыка, не даст повода царю вмешаться в турецко-польские отношения. Вот почему хотинский сераскер (главнокомандующий) «над румельскими, анатольскими и над трёх и двух бунчужными пашами и над беями» Абди-паша извещал «доброго приятеля и соседа» Б. П. Шереметева, что им обоим надо содержать «святой мир», заключенный в Эдирне и что он всего лишь идёт укреплять Хотин[1].

Летом 1713 г. в населенных пунктах от среднего Днестра до буковинских Карпат (в том числе и Черновцах) появилась военная сила. Перемещение турок к Бендерам и Хотину встревожило Восточную Европу и Балканы. Вспыхнули разные кривотолки. Больной Карл XII якобы вспух «от головы до ног», но султан подарил ему саблю, 500 кошелей денег, шесть аргамаков и шлет через Польшу с 30-тысячной ордой. Французы по слухам, доставили три миллиона денег шведскому королю. Московские послы требуют выдачи Карла XII за 20 000 кошелей, но султан обещал запереть того в Йеди куле. Русская армия будто подходит к Днестру и султан «для остерегания московского приходу» приказал янычарам быть на левом берегу Дуная. Московских послов снова засадят в подземелье. Султан заявил, что выбьет немца Августа II в Саксонию. В Стамбуле будто муфтий «кричал всем голосом», что Москва хочет разнести в пух и прах Польшу и Швецию, поэтому она главный враг и янычары в ответ ревели «Аминь!». Ахмед III самолично присутствует уже в Бендерах вместе с Дезальером, Лещинским, Потоцким, Вишневецким, Шмигельским, Тарло, а войска польских эмигрантов растянулись вдоль Днестра от Хотина до Снятыни. Все турки, в том числе из Анатолии, уже у Дуная. Султана на войне не будет, но его более мощное, чем на Пруте войско, прибудет к Николину дню (11/22 мая). 100 000 турок идут к Рашкову, где выстроено три моста через Днестр. Османы пойдут под Киев, а Карл XII вверх по Пруту на Польшу. Турки и татары требуют от поляков «учинить аккорд» с Лещинским и не сотрудничать с русскими. По Дунаю на судах уже везут

---

[1] Абди-паша — Б. П. Шереметеву из Бендер. Получено в Киеве 30 июля 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 236.

албанцев и босняков, морем — войска из Египта, 30 000 турок перебрасываются к Азову на 60 кораблях. Молдавскому и валашскому господарям велено поднятся на службу к городовому строению Хотина. Турки отнимут половину Молдавии между Днестром и Прутом и поставят господарем турецкого пашу.

Подтасовки союзных России сербов, молдаван и валахов, заинтересованных в продолжении войны с османами были другими. В пользу русских лазутчики-молдаване принижали противника — не все турецкие войска исправны, «лошади все худы», к «потребному делу» не наберется и 30 тысяч, в наличии у них 120 пушек, из которых 24 больших и каждую тянут десятки пар буйволов. Л. Барка, которого Шафиров намечал было в резиденты от России, уверял, что турки и «не мыслят о мире». Серб Гаврила Милорадович 15 июня 1713 г. из Брашова поощрял на новое ратоборство, хотя бы враг развернул и больше сил, чем на Пруте. Турки де толкутся «в великом страху и сметению, понеже известны о великой препорации воинской с стороны Царского Величества». Султан в Адрианополе обретается будто в великом согласии и любви с Карлом XII.

М. Кантакузин писал Фоме Кантакузину 12 июня 1713 г., что турки колеблются от мира к войне и полагают, что мир в Адрианополе заключён только для видимости, дабы «усыпить Его Царское Величество и чтоб ещё чего не захватить [бы] от православия».

Ротмистр Е. Мултян, побывавший в Килии и Бендерах, сообщал, что новый везир с войском появится у Дуная 27 июня 1713 г. и двинется к Хотину и Сороке. Валахи измышляли, что турки «в великой тревоге» от подхода Русской армии к Днестру, они отгоняют скот к Дунаю, но «мурзы и татары тому войску рады и говорят, что как московское войско будет, заодно турков рубить будут».

Всю, даже любую несуразицу, Шереметев без проверки ворохом отсылал к царю, в Сенат, к А. Д. Меншикову, Г. И. Головкину и Ф. М. Апраксину.

Реже были показания очевидцев, которым можно было доверять. Например, майор Исайя Сухарев 24 июля 1713 г. видел 158 турецких больших и малых пушек, восемь мортир и до 4000 янычар, перемещавшихся к Бендерам. От Бендер на расстоянии в четыре часа езды, стоит Каплан Герай с ордой,

числом, как ему сказали, в 40 000. Там же и под Исакчей находятся турецкие войска. Татары говорят, что идут провожать короля в Польшу и через две недели грянут военные действия.

По одной из присланных росписей в июле 1713 г. в сторону Хотина, Бендер и Азова направлялось 18 000 пехоты — янычар, босняков, албанцев, пушкарей, оружейников и 33 700 конницы. Под команду Абди-паши поступало 36 500 пехоты и сипахов[1]. Сераскер уверял, что вышел только по просьбе польских эмигрантов. Взявшись за бороду и подняв с земли щепку, он утверждал, что даже в размер такой мелочи от него никакой шкоды для Польши не будет — «игра идёт только о короле»[2].

На самом деле ставки были выше — Станислав I за военную помощь Турции и Крыма намерялся отдать Порте Подолию и утвердить Ф. Орлика гетманом на Правобережной Украине[3].

В это время вокруг Хотинского замка разместились турецкие войска и начался ремонт крепости. Молдаване везли к крепости бревна, валахи разбирали обвалившиеся участки стен[4].

Достоверные донесения из Стамбула сильно запаздывали. Относительно турецко-польской «ссоры» русские послы резонно советовали следовать примеру поляков, когда те «при объявлении Его Величеству двоекратном войны от турков, поступали с фиглями и ждали и смотрели, куда дела пойдут». Не исчезала досада, что вопреки Вечному миру 1686 г., союзу 1704 г. и обещаниям 1711 г., Август II и поляки оставили Россию без помощи, а царь «за содержание короля Августа при Короне польской войну Турскую на себя навел».

---

[1] Роспись войскам турским, нынешнею компанию командированных в Азов, в Салцу, в Бендер и в Хотин. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 270 и 270об. «Волокутся против воли и охоты своей»- писали послы царю 1 июня 1713 г. Там же. Л. 276об. Некий литовский ротмистр, посланный в Турецкую землю, говорил, что турок под Хотиным 60 000, орды 40 000 и 2000 поляков. Там же. Д. 19. Л. 173об.

[2] «А у Абди-паши и турков и большей части татар Станислав «респекту не имеет». На бедность экс-королю пожаловали всего 25 кесе (кошелей) левков. Разговор польского стольника Шолкерта с Абди-пашой в конце июля 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 265–268.

[3] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая… С. 184–185.

[4] Ремонт закончили только в 1718 г. *Масан А.* «До местечка Чернявец… С. 26.

«Дела польские в опасном состянии» — доносил 28 июля П. П. Шафиров. Послы рекомендовали, чтобы шляхта добивалась помощи Австрии, а на Венецию нет надежды — ради своей безопасности она и так подталкивает турок против русских и поляков. Если же царь вступится за Польшу, то австрийцы и венецианцы «всё дело на его плечи скинут». Турки даже намек в защиту польской республики примут за разрыв мира, ибо по всем договорам Россия не должна вмешиваться в её дела, пока шведы не вступят в Польшу. Впрочем, османам под силу только разорить и «выграбить» татарами некоторые места «пространной» Речи Посполитой, а потом они уйдут, так как зимовать «в чужих краях не обыкли». Имея свободные руки, воюя в Финляндии и Северной Германии, Россия принудит к миру Карла XII и освободит Польшу «без всякой трудности».

Б. П. Шереметев, будучи в «великом сумнительстве», счел, что начался новый накат османо-татарского вала. «Хан крымской в сорока тысячах орды и с турки, которые ныне при Бендере и при них прежней Абди-паша и протчие сераскеры и паши пойдут под Хотин для постраху полякам»[1]. Фельдмаршал рекомендовал строго придерживаться договора 13 июня 1713 г., иначе «всеконечно… сей мир паки разорвется и воспоследует война».

Из Петербурга тоже советовали Августу II показать силу, но не разрывать мира, так как турки сильны в пехоте, а кроме татарской «саранчи» они ведут из Царьграда и Адрианополя 30 полков, 50 пушек, около 30 мортир и способны перебросить войска ещё из Египта, Румелии и Азии[2].

Шведы с генерал-майором Г. Цюлихом и крымцы тоже двинулись из Бендер к Хотину. (О Карле XII никто не вспоминал). Лещинский уже мечтал о троне в Варшаве. Ф. Орлик нацелился на Белую Церковь или Чигирин, где турки собирались сделать для него резиденцию. По берегам Дуная был заготовлен провиант, Прут прочищен для судоходства. Вверх по Пруту везли воинские припасы и порох, валахи подготовили 700 телег провианта и 1000 возчиков. Гарнизон Камен-

1 Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 25 июля 1713 г. из Киева. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 370.

2 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 415–416.

ца-Подольского бил тревогу — грянула новость, что в Хотине тайно находится сам султан.

Поляков и «литву», вооружённые силы которых составляли не более 20 тысяч, вторжение сил ислама из-за «обнищания» жолнёров страшило сильнее, чем накладистые постои от петровских войск. Польское командование считалось и с тем, что турки вместе с Крымской и Буджакской ордой притянут Карла XII, Станислава I и всех польских эмигрантов под Хотин и на границе станут добиваться пересмотра Карловицкого договора. Варшава, боясь шведского короля, просила турок высылать того домой не через Польшу и обнадёживала, что после окончании войны со Швецией союзу с Москвой придёт конец[1].

Саксонцы в то время перемещались под Сандомир из Померании и Саксонии, коронная и литовская пехота переводилась в Каменец, Окоп Св. Троицы, Станиславув, Мариамполь, Броды, а кавалерия, с которой против врага «стоять невозможно», должна была «ретироваться к Висле».

В Варшаве происходили «великие замешания». Фельдмаршала Шереметева засыпали паническими депешами. «Стращаной человек и малыя вещи боится» — писал из польской столицы 27 июля резидент А. И. Дашков: у польского короля нет добрых войск и если татары и турки придут под Львов, он сбежит в Познань. Все надеются, что царь «не отступит» от Речи Посполитой

Всего год назад великий коронный гетман А. Н. Сенявский благодарил Порту «за избавление» от русских. Теперь ради союза России и Польши он заклинал не верить «всяким блудным делам», обманным трактатам, но стоять в боевой готовности при своих границах. Если победят поляков, — предостерегал он, Лещинский, собрав все польские силы и вместе с турками, пойдёт против России для отвоевания утраченных шведских провинций. Крымский хан и Абди-паши через несколько дней придут под Каменец-Подольский и только со-

[1] Список с письма подканцлера коронного к С. Хоментовскому 29 апреля н. ст. 1713 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 250. Дезальер позже писал Карлу XII, «хотя бы кто как за него не старался, не надобно ему иметь больше никакого надеяния» и следует выбираться из Турции любым путём. Форнет — П. П. Шафирову 5 сентября 1713 г. РГАДАФ. 89. Оп. 1. 1713 Д. 7. Л. 470

единясь вместе русские, саксонские, коронные и литовские войска дадут должный отпор.

Август II просил помощи Габсбургов, морских держав, Венеции, но главным образом России. 28 и 29 июля король-саксонец и великий коронный канцлер Я. Шембек били тревогу: « без всякой причины против нас является оружие неприятельское…, а брат и союзник наш» обещал помогать «истинной обороне нашей и Речи Посполитой… не токмо для остерегания поступок войска турецкого, но и для давания им отпору, дабы внутрь государств наших […] оные вступить и союзным интересам убыточного намерения исполняти не возмогли».

Великий литовский гетман Л. К. Поцей, у которого 6 полков пехоты, 8 кавалерии и 36 польских хоронгвей находились «в зело худом состоянии,… ибо обыватели никакого правианту и денег давать не хотят», просил 25 июля и 8 августа придвинуться корпусу Шереметева ближе к польским границам.

Фельдмаршал, как обычно, вопрошал: ему де советовали «отдавать послушание» польскому королю, но если войти в Польшу — рухнет мир с османами. Оставить же без защиты Киев и Малороссиию нельзя, «ибо на одних черкас надежды иметь невозможно». Гетман Скоропадский жалуется, что его полки под Киевом «приели» все припасы и казаки разбегаются. Распускать ли их? — запрашивал Шереметев из Киева 6 августа 1713 г. Г. И. Головкина[1].

Впрочем, русско-польский союз 1704 г., не был «соломенным». Соседу в 1713 г. вместо вооружённой помощи оказали существенную дипломатическую. Вену просили послать за Карпаты войска и подписать австро-русские гарантии о недопущении Карла XII и Лещинского в Польшу. Шафиров убеждал турок, что если они вступятся за Станислава I, то «цесарь того не снесет, но с Францией помирится и принуждён будет Августа II оборонять».

В Стамбуле беспокоились, как бы Шереметев не появился у Бендер. В Киев прибыл чавуш с уверением, что турецкие отряды перемещаются не против русских и Порта не нарушит только что заключенный мир в Адрианополе[2]. Из Азова Резеп-

---

1 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 130–132.

2 Русским сообщали, что если они захватят Ю. Потоцкого, то могут делать с ним что угодно, «хоть в масле варить». Донесение О. Плейера 26 июня (7 июля) 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. Л. 20.

паша 26 июля 1713 г. заверил И. А. Толстого, что с их стороны не будет военных действий.

Шереметев отвечал вежливо: «я с войски Царского Величества неподвижно пребываю здесь [в Киеве] и в рубежи салтанова величества не токмо партии или посылки [не] происходили, но ни един человек не бывал. А когда уведали… о заключении мира з Блистателною Портою, то и под смертною казнию всем войскам запрещено… [хотя] непрестанно в самые наши рубежи татары и запорожцы впадении чинят и всякое за миром разорение показывают. И на днях сего месяца изменник Швачка в 500 запорожцев да татар 1500 приходили от Самары к Орелским и другим места, которые всякое зло показывали ж»[1].

Ситуация слегка разрядилась, когда морские державы и император Карл VI Габсбург, получивший свободу рук на Балканах после войны за Испанское наследство, потребовали мира на польской границе, а 26 500 саксонцев были переброшены с запада в Польшу. Имперский резидент И. М. Тальман предостерег, что его Империя не потерпит турецкого вторжения в Польшу.

Убедившись, что Польша не на стороне Станислава, турки списали его со счетов и «ругательно» вывезли во внутренний замок Бендер, а его сторонникам было запрещено поднимать оружие против Августа II[2].

К 15 августа 1713 г. в Стамбуле уверились, что русское правительство не вмешается в турецко-польский раздор. («И кажется, все сомнения у турок вышли» — писал в тот день П. П. Шафиров). 18 августа указом царя были распущены пехотные полки П. М. Апраксина, стоявшие у Харькова, царедворцы и донские казаки, а калмыкам указали вернуться в их юрты.

Османская победа 1713 г. над Россией отмечалась торжественно и репутацию царства Петра I в Стамбуле надо было выправлять. Посол Д. А. Бестужев, срочно отправленный 20 июля из Петербурга через Киев и Бендеры с ратификаци-

---

1 Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 26 июля 1713 г. из Киева. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 1. С. 373 .

2 *Feldman J.* Stanisław Leszczinski… S. 95.

онной грамотой, с десятью тысячами червонных и мехами на три тысячи рублей, за 13 дней до назначенного срока, въезжал 31 августа в Эдирне.

Встречали его «с подобающей честью против иных великих послов коронованных глав». За час езды до города «у встречного места» его приветствовали пять сотен османских воинов и шесть десятков дворян и людей русского посольства. По правую руку ехал чавуш-паша. Перед послом шли три скорохода, два гайдука, и вели трёх заводных лошадей. Вдоль улицы в карауле стоял полк янычар.

Шествие трёх послов на аудиенцию 2 сентября с Али-пашой проводилось помпезно, с «честию не меньши ничем перед цесарскими». Необходимо было утверждать престиж Российского царства, «дабы то видя, неприятели имели себе озлобление». Впереди русской процессии дефилировали 50 чавушей в чалмах с перьями, за ними 10 посольских лошадей «в добром уборе с двумя конюшими», посольские служители и 36 лакеев в ливреях, следом шёл чорбаджи с турецкой стражей посольства. Позади турок ехали доктор, посольские переводчики и подъячий И. Никифоров с обернутой в красный атлас грамотой царя, которую он держал у сердца, за пазухой. За подъячим следовали девять кавалеров Генерального шквадрона в красных гренадёрских шапках с двуглавым орлом, с перевязями и портупеями, отделанными бархатом и золотыми позументами. За ними шесть скороходов — трое в парчевых «жарких золотных» с бархатом шапках с высокими перьями, трое — в белых атласных кафтанах, следом два гайдука с серебряными топориками. Потом ехали сами послы, чавуш-паша, посольские офицеры, дворяне и канцеляристы. На расстоянии в три-четыре сажени лакеи несли для Али-паши меха, покрытые фатами. Сотня янычар эскортировала посольство.

Во дворе верховного везира вплоть до крыльца вытянулось два ряда янычар и его «гвардия», в «сенях» перед палатой садразама по обеим сторонам стояли знатные аги. Послов усадили на три бархатных с позолотой стула, Али-паша в большой чалме, перевязанной широкой золотой лентой, сел в углу на подушках и турки трижды прокричали ему здравицу.

Шафиров, а не присланный «в товарищи» Бестужев-Рюмин, прочел царскую грамоту и просил исходатайствовать

у султана аудиенцию, чтобы доложить, что государь желает жить в непременной любви и нерушимо содержать мир. Послы подтвердили, что ни одного русского солдата в Польше и в принадлежащих ей провинциях нет, о чём присланы свидетельства от польских гетманов и сенаторов, а также от родных тех противников царя, которые обитают в османских владениях.

После того, как Али-паша выслал своих приближённых, он в доверительной манере снова завёл беседу о «полезных обоим государствам делах», просил послов быть «по-покладнее», а Бестужеву-Рюмину не быть таким упорным, как подканцлер. Чтобы не «озлобить такого гордого человека, ежели б наотсечь отказать», Шафиров дело о погодных дачах хану «отвел вдаль» на будущее.

Али-паша интересовался, где царь, где Петербург и был ли этот город шведским. Бестужев дал знать, что государь сам построил город у моря на земле, которая исстари была российской, но неправедно отнята шведами. Хотя был поднят вопрос, будут ли поляки «мстить московским или искать себе какого награждения за претерпенныя от них в Польше обиды и разорения и взятыя контрибуции», но из-за смутных представлений о географии и польско-русском споре за Прибалтику, садразам не использовал такое выигрышное средство давления, как требование отдать Августу II или Речи Посполитой Ригу и Лифляндию.

Прием завершился кофе, шербетом, кроплением розовой водой, кажением благовониями и выдачей послам и свите пяти десятков кафтанов.

8 сентября послы вручили ратификационную грамоту султану. 13 сентября на второй аудиенции послы говорили Ахмеду III о том, что «Его Царское Величество ничего иного так не желает, как с Вашим Величеством содержать чистую соседскую дружбу и корреспонденцию и не сумневается, что и Ваше Салтаново Величество с своей высокой страны по своему славному праводушию и истине тот трактат равенственно своею ратификациею подтвердить и свято и ненарушимо содержать до определе нного сроку [будет]».

Для приличия дали слово и неизменно безгласному М. Б. Шереметеву, который сказал: «Мы за особливое счастие себе причитаем, что сподобились по толиким трудностям сие обоим государствам полезное дело ко окончанию приве-

сти и в том орудием быти […] Просим немедленно вручить нам взаимно свою императорскую ратификацию и нас повелеть отпустить к нашему царю и государю».

Казалось распре пришёл конец. На Украине начались согласованные действия против нарушителей мира. Бендерский Мустафа-паша в приветствии «христианской веры избраннейшему и в законе своём славнейшему, благодатнейшему и милостивейшему другу» Шереметеву сообщил, что под страхом жестокого наказания он закажет запорожским атаманам отгонять скот и табуны с Украины. Абди-паша просил содержать с ним «любовное соседство» и рекомендовал заболевшему 8 сентября и «лежавшему при смерти» фельдмаршалу хватать своевольцев[1].

В сентябре вокруг Киева корма были потравлены, наступил «великий падеж» лошадей, валялось и умирало до двух тысяч больных. Шереметев вместе с гетманом Скоропадским выехали за Днепр и распустили по домам казачьи полки. Борис Петрович приказал больше не призывать иррегулярных воинов с Балкан, из их наличного числа выбрать только лучших и просил о передислокации его корпуса.

1 октября Пётр I распорядился оставить на зиму для обороны малороссийского края войска кругом Киева и по Днепру, а шесть драгунских полков вывести в великороссийские города.

Однако вздувшееся величие подталкивало Порту ещё раз нагнуть Россию и заставить платить дань хану — «выборному скифского народа правдивому слуге и превысокого нашего государства и древнему рабу и исполнителю». Турецкие «комиссары», которых готовили к межеванию границ, 13 сентября «в дружеском разговоре покладно и ласково» снова напомнили о погодной даче хану.

После 9 октября Али-паша «зело являя себя сердита в пересылках», опять пригрозил войной и арестом послов, «чтоб о 10 пункте в даче ханской они послы с ними трактовали… и ежели они того не учинят, то паки воспоследует война и они послы, по прежнему в Едикул будут посланы»». «З дерзновением» ему было отвечено, что 10 пункт отлагается «до иного

---

[1] Перевод с письма от 2 сентября от сераскера хотинского Абди-паши из Хотина Б. П. Шереметеву Получено в Киеве 14 сентября 1713 Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 19. Л. 255–256.

времени… хотя бы из того и война назавтра произошла». Послы положат «живот свой и честь за высокий интерес Царского Величества… и лехчае некоторые городы отдать, нежели на сие позволить». Мир заключался с Портой, но не с крымцами, «а буде то в воле татарской… то никогда сей мир не будет крепок и их, яко хищников, ничем удовольствовать кроме страху невозможно»[1].

Наконец 22 октября «генеральный консилиум» военных, мирских и духовных чинов единогласно постановил «за крымский запрос войну весть противно закону их» и предложил султану вернуться в Стамбул. Собрание закончилось молитвой и «закланием в жертву многого скота».

«Для чести Его Царского Величества» четыре посла — П. А. Толстой, П. П. Шафиров, Д. А. Бестужев-Рюмин, М. Б. Шереметев, (на которых выдавалось от Порты всего навсего 135 левков на день), держали «по вся дни стол публичный и нескудный» для приема иноземцев, духовных лиц и купцов. Из этой суммы кормились курьеры и две сотни скопившихся при посольстве человек, ни одного из которых турки не позволяли возвращать. Все же контраст обхождения с русскими по сравнению с «обруганным и в великой нужде» Карлом XII, который «сих варваров ещё час от часа болше на себя к злобе побуждает», был огромным. Его радения разжечь снова войну расценивались русскими послами как «замки на воздухе». Предполагалось, что он будет «сослан в место Измит[2] и тамо до смерти держан будет, как тамо ж умер и Текелий»[3].

На польско-османской границе напряжённость спала — войска разводились в разные стороны. Шереметев получил весть, что 20 тысяч турок уйдут к Бендерам, в Валахию и Мол-

---

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 Д. 7. Л. 522–524.

[2] Город у Измитского залива Мраморного моря.

[3] На просьбы посланца от короля о выдаче денег дамат Али паша «ответствовал с сердцем и зело неласково», что Порта многократно давала денег, но король издержал их на свои потребности, затягивая свой отъезд. Только на это будут выделены лошади, телеги, провиант и фураж. П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 9 августа 1714 г. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 305. В июне 1714 г. в Демиотике восемь десятков янычар, «чинящих непрестанные шумы и своеволства… покололи двух слуг от господ швецких». Архиепископ Галани — П. П. Шафирову 29 июня н. ст. 1714 г. Там же. Л. 250 об.

давию, а в Хотине останутся янычары, артиллерия с расчётами и египетские войска со своими пашами. Ротмистр Анофриев, посланный Шереметевым в Хотин, видел укрепле нную крепость и 120 медных и чугунных пушек и полагал, что при Абди-паше осталось 20 тысяч янычар и сипахов.

На аудиенции у султана 27 октября Шафиров говорил о «счастье явитися во всепокорности пред счастливейшим лицом Салтанова Величества» и просил Господа, чтобы тот подал «обоим империям пожеланные плоды сего святого покою благополучно вкусити». Султанская ратификация договора от 13 июня 1713 г. была получена, но никому из четырёх послов не разрешили выезжать вплоть разграничения рубежей.

12 ноября 1713 г. султан и его двор выехали из Эдирне. Великодержавие Блистательной Порты сияло в полной мере. Процессия возвращалась торжественно — в парадных одеждах, со святыней — зелёным знаменем Пророка, Кораном и одеянием Магомета. «И тем, слава Богу, война их окончилась, в которой они двух королей[1], повоевав, в полон взяли» — не преминул подковырнуть Шафиров, который теперь слал пожелания вступить русским «в клятвенное место — Стокгольм и преклонения гордой выи злобного народа под ноги» царя.

26 ноября Ахмед III «отправил свой въезд в Царьград с великою помпою, якобы победитель». Чтобы ярче выпятить значимость своего похода в Эдирне, султан-халиф приказал казнить бывшего садразама Юсуф-пашу. «А пред въездом своим стоял он несколько дней в наметах на поле… недалеко от Царьграда и туда привезена к нему отсеченная голова бедного Юсуф-паши, бывшаго прошлого году везиря, а нашего доброго приятеля, которой… удавлен в Родосе и разглашена ему вина, будто он мир тогда с нами учинил по страсти не основательной, а ныне будто салтан уже своим походом оной зделал основательной»[2].

В ноябре Ахмед III послал «его высочеству» Каплан Гераю «императорскую грамоту»: «Понеже меж нашим Высоким Им-

---

[1] Карла XII и Станислава I.

[2] Недвижимое имущество Юсуф-паши и Мехмеда Балтаджи были отписаны на султана. РГАДА Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 550 об. — 551.

перием и Царём Московским заключён есть блаженной мир, того ради не надлежит от многочисленного войска татарского … учинитися никакому действу противному и непристойному против того миру, також подобает кондиции оного сохранять и почитать»[1].

29 ноября русское посольство поставили на «прежние дворы» в Стамбуле.

За два месяца до этого турецко-татарское посольство во Львове во главе с везиром хана Шефершахом вручило коронным и литовским гетманам 17 сентября грамоты, в которых признавался Карловицкий мир, а Август II королём. В конце сентября стороны подтвердили, что Карлу XII, когда тот отправится в путь от Снятыни до Гданьска с шестью тысячами мусульманского конвоя, не будет препятствий ни от польских, ни московских войск. Русские не должны появляться в «Лехистане». Станиславцы присягнут Августу II, а Речь Посполитая даст им амнистию и вернёт имения.

Авторитет польской эмиграции рассыпался полностью. Посланцу от Лещинского Кшышпину объявили, что Пречестнейшая Порта не считает Станислава королём, а «бунтовщиком» и если его приверженцы не признают этого, «то б шли от них к дьяволу». Отсюда Шафиров сделал вывод, что реально начинать войну с Речью Посполитой турки не собирались, иначе «так не озлобляли бы» станиславцев.

Теперь Порта перешла к дипломатическому нажиму на официальное польское посольство с целью получить Правобережную Украину или ту её часть, которая в 1704–1712 гг. удерживалась под русско-украинским контролем и была «освобождена» османским оружием. На правый берег Днепра «запускались» запорожцы, которых, по мнению Порты, могло прийти до 20 тысяч. Амбассадору С. Хоментовскому стали угрожать войной и «волочь» его к границе, как прежде Шафирова.

Беспособность войск Речи Пополитой была крайне слабой и поляки просили, чтобы русские не допустили турок в Польшу. «Что же о польском и литовском войсках, то и вспоминать напрасно, всё зруиновано, и зело малое число их, чаю, добро-

[1] Там же. Л. 558—559.

конных в обеих войсках не собралося бы и осми или наиболши десяти тысячь» — так считал А. И. Дашков[1].

В декабре 1713 г. каменецкий каштелян полковник Калиновский с 20 хоронгвями и несколькими батальонами коронных войск под Погребищами, Немировым и Фастовым громил, рубил, вешал и сажал на кол казаков, оседавших на Правобережной Украине[2].

Шафиров напротив, агитировал казачью эмиграцию вернуться на левый берег Днепра. После писем подканцлера два полковника, 4 сотника, два хорунжих и обозный полковой старшина, 2 есаула, один полковой писарь, 580 сердюков и рядовых конных прибыли с повинной на Левобережную Украину. То же собирались сделать атаман прилуцкий полковник Горленко и кошевой К. Гордиенко, не считавший Орлика за гетмана. Шереметев приглашал запорожских эмигрантов прибывать «без писем, чтоб шли без всякого опасения», обнадёживал милостью царя и отправлял вернувшихся к Скоропадскому, предлагая селить их «не врозь, а вкупе» на севере Гетманщины, подальше от татарской границы[3].

С казачеством на Правобережной Украине навсегда было покончено. Часть запорожцев ушла на русскую сторону, часть бежала во владения хана, который, выдавая желаемое за действительное, пытался уверять, что на правом берегу Днепра и без турецких денег соберётся якобы до 40 тысяч казаков. Часть же старшинской верхушки обещала исламскому покровителю «дань великую, дабы из-под державы царской свободитца и под протециею турецкой состоять».

---

[1] А. И. Дашков — П. П. Шафирову 25 января 1714 г. из Дрездена. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 2. С. 28–29.

[2] Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 9 марта 1714 г. из Лубен. Там же. С. 100, 103.

[3] Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 3 марта 1714 г. из Лубен. Там же. С. 88. В 1712 г. Гордиенко «с товариством» писал И. И. Скоропадскому, что если царь подтвердит все их права и вольности и простит за «грехи измены», они готовы прийти «к державе православного монарха», «понеже Войско их из служеб военных от хана отпущены». РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1712. Д. 4. Л. 85–86. 28 апреля 1714 г. Головкин сообщал, что запорожцев пришло уже «с 700 человек, которым ничего за их противность не учинено, но приняты и поставлены близ великороссийской границы, а именно в Конотопе и около Глухова на квартирах».

В польско-литовской республике в то время сильное возмущение вызывал произвол саксонских войск. «Вельможи, духовные и светские чины и простые люди» клеймили Августа II «тираном», отнявшим у них вольность и отказывались содержать его армию. В начале 1714 г. османы снова требовали от поляков уступки части Правобережной Украины, «а по последней мере, хотя на несколько часов оной расстоянием». В марте 1714 г. Али-паша угрожал польскому посольству, что двинется с двухсоттысячным войском в Польшу, если «непостоянные и оплошные» поляки не согласятся на поселение казаков на коронной Украине, и «озлобясь, выслал [польских послов] от себя с лаею». Но посол Хоментовский не мог отступать от инструкции, выписанной Сеймом и стойко отказывался приписывать к Карловицкому договору какие-либо дополнения и «своею гордостию и запальчивостью» довел до разрыва переговоров. (Саксонский резидент в Турции Ф. И. Гольц жаловался Шафирову, что Хоментовский «человек нерадетельной, оплошной в делех… и что он и турок привёл [в раздражение] своею гордостию».)

24 марта 1714 г. комендант из Меджибужа писал А. Н. Сенявскому, что турки копят силы в Приднестровье и продолжают «стращать» войной, строят склады провианта и наводят мост под Хотиным[1]. Великий коронный гетман паниковал и слал курьера за курьером к Шереметеву с просьбой о помощи, уверяя, что турки смогут водрузить на польский трон Лещинского. Но Пётр I, уверяя, что «имеет неразрушимую дружбу и вечной союз с королём полским, а особливо с Речью Посполитою», приказал Шереметеву ни на пядь не преступать российские границы, чтобы не спровоцировать очередной конфликт. Вместо военной помощи Сенявскому послали деньги из Киева[2].

Декорации радикально сменились, когда австрийцы заявили в Стамбуле о своём мире с Францией 7 марта 1714 г. в Раштатте (Южный Баден). Теперь войска Габсбургов могли быть переброшены на Балканы. 2 апреля 1714 г. рейс-эффенди

---

[1] *Шереметев Б. П.* Переписка…С. 395.

[2] Донесение О. Плейера из Москвы 11 (22) сентября 1713 г. РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 63. В это время Пётр I планировал нанести русско-датский удар по Стокгольму или Карлскроне и высадить десант в Сконе. Инструкция Петра I П. И. Ягужинскому и В. Л. Долгорукому 26 ноября 1713 г. ППВ. Т. 13/2. С. 202–203.

и везир крымского хана возобновили переговоры с Хоментовским, требуя за свой отказ от Украины хотя бы официального разрыва русско-польского союза.

12 апреля поляки согласились приписать к Карловицкому договору «бессильные» дополнения. Речь Посполитая и Август II обязывались содержать первый пункт русско-турецкого договора от 13 июня 1713 г. о невмешательстве России в польские дела. Когда Карл XII со шведами и 6-тысячным мусульманским конвоем будет двигаться от Снятыни до Гданьска, не будет допущено никаких вмешательств поляков, русских и шведов. Конвой не позволит шведам вступать в контакт с поляками. Польское войско будет предшествовать или следовать на расстоянии двух часов езды от процессии. Русские не войдут ни в польскую «нижнюю Украину», ни в прочие польские земли. Не позднее, чем через 20 дней после входа Карла XII польские эмигранты присягнут Августу II, а польская республика амнистирует их и вернёт им имения[1]. Вписать пункт о разрыве союза с Россией польский посол отказался.

12 мая 1714 г. Маврокордато заверил русских в мирных планах Порты: «Порта имеет ныне добрую склонность к стороне Царского Величества, понеже за что была злоба преж сего и суспиция, то всё ныне искоренено, и тако не имеют они никакого намерения против Его Величества, но зело злобны на венецыян… На них война в год или в два учинится. А для собственной своей безопасности […] хочет Порта […] укрепить все свои пограничные места от страны Царского Величества и от Польши, яко же Азов, Бендерь и Браилов и Хотин». Относительно мазепинцев было сказано: если хан не найдёт места, где поселить изменников-казаков у себя «дабы могли прожить в покое и безсорно», то выбьет их «из сего Империя»[2].

В мае же Польша восстановила полный контроль на всей спорной территории от Днестра до Киева.

Урегулировав отношения с Москвой и Варшавой, Стамбул решил расправиться с союзником России в «Карадаге» (Черногории). Весной и летом 1714 г. Черногория ещё оставалась свободной. Черногорцы и племя грблян продолжали нападать

---

1 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 545- 548.

2 Там же. Л. 194.

на турок Герцеговины, сжигали и забирали имущество тех, кто отдавал заложников и хорадж[1].

Шафиров писал Головкину со слов И. Маврокордато, что турки концентрируют боеприпасы в Солуни и готовятся покарать черногорцев, которые до сих пор непокорны и не платят дани[2].

20 июня 1714 г. Маврокордато успокаивал, что слух о военных приготовлениях против России ложен, что посланы указы в Македонию идти войскам на сербов Черногории, чтоб их «весма искоренить». В июле 1714 г. Али-паша заявлял, что «мир сей с Царским Величеством свято и ненарушимо от Порты содержан будет».

Вождём очередного карательного похода был назначен боснийский бейлербей Нуман-паша Кёпрюлю. Месть за помощь России (при продолжавшейся глухой блокаде со стороны венецианцев и дубровчан) была ужаснее, чем молдаванам, перешедшим на сторону царя в 1711 г. В конце июля или в начале августа 1714 г. на сборе черногорских племен возникла разноголосица. Большинство высказывалось за признание власти султана в случае снижения хараджа. Катунская нахия (1200 воинов) и владыка Даниил стояли за независимость и отпор карателям[3].

23 сентября 700 катунянцев напали на окрестности Грахова и угнали оттуда скот.

10 октября 30 тысяч турок начали наступление с трёх сторон к сердцу Черногории — Цетинье. Из Сараева с пушками малого калибра двигались 15 тысяч войск Нуман-паши — янычары, сеймены, ополчение из мусульман и православных — тех, кто не участвовал в восстании 1711–1712 гг. и кто хотел отомстить черногорцам за прошлые набеги[4]. Со стороны Албании поднялось 8–10 тысяч албанцев Ахмеда-паши, известного по походу 1712 года. Пять тысяч мусульманских и православных ополченцев пошло с герцеговинским Бечир-пашой. Против племени грблян предусматривалась акция

[1] *Мијушковић С.* Догађаји у Црној Гори… С. 211–212, 214.

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 238.

[3] *Томић Ј.* Н. Поход Нуман-паше ћуприлића … С. 60, 66, 70, 76, 77.

[4] Там же. С. 81–84

с моря. Подобная сила и угроза голода привела к раздорам. Пропала вера в успех, часть людей ушла в горы, но 1200 героев Катунской нахии предпочли сражаться. Каратели свирепо охотились за людьми «московского войска», уничтожая всех, в том числе женщин, детей, стариков даже в венецианских владениях. Такой жуткой катастрофы никогда не знала история Чёрной Горы.

26 октября 1714 г. перед отъездом в Россию через Котор и Вену, Даниил обратился к соотечественникам: «Ждите царя Петра и пусть каждый следует заповедям его царства. А кто по неправде или личному злу не будет [этому] следовать, помните — умрете»[1]. 27 ноября 1714 г. из Вены он писал в Петербург, чтобы Россия не забывала о верной службе тех христиан, которые укрылись в горах.

Восстание в Черногории, несмотря страшную катастрофу 1714 г., было оправдано. Можно было бы, как валахам, грекам и болгарам, не откликнуться на призыв русского царя в 1711 г. и избежать резни. В таком случае крупнейшая веха черногорской государственности была бы отнесена на более позднее время.

В 1711 г. племена Черногории выступили как сплоченный и независимый политический организм и стойко сражались во время Турецко-русской войны. Вписать в русско-турецкие договоры пункт об амнистии черногорцам не было возможности. Не могло быть и речи о том, чтобы в пользу сербских подданных султана русская сторона выставила какие-либо условия, как это произошло после Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Россия в то время не могла оказать помощи не только Черногории, но и себе. Черногорское восстание, проходившее без внешней помощи — только за идею славянской взаимности и свободы — осталось в истории Европы примером взлета народного духа.

В 1715 г. в Петербурге владыка предложил наградить 60 героев-воинов золотыми медалями[2]. Царь отчеканил 160 золо-

---

[1] *Станојевић Г.* Црна Гора… С. 107–108.

[2] *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Михаилу Лалићу у почаст. Зборник радова. Титоград, 1984. С. 33. Ещё в 1841 г. черногорцы показывали медали, полученные от Петра Великого, Екатерины II и Павла I. «Эти медали действительно существовали и бережно хранились во многих семьях страны». Донесение К. В. Чевкина — Г. А. Струве

тых медалей и пожаловал 10 000 рублей сербскому народу на восстановление монастырей и церквей, церковные книги, утварь и облачение. 9 июля 1715 г. всем ратоборцам за геройство и вспоможение Российскому царству Пётр I написал благодарственную грамоту[1]. Так Россия, впервые установив русско-черногорские отношения в 1711/1715 г., косвенно стимулировала становление черногорской государственности.

* * *

Вероятность войны на юге России стала окончательно исчезать, когда «пронеслось» о войне османов против Венецианской республики. Турки имели «великую ненависть» на венецианцев из-за потери Пелопоннеса-Мореи, «которая у них зело у всех на сердце лежит». В Алжире, Тунисе, Триполи и «других барбарейских местах» было приказано «изготовить» 20 кораблей. Такое же количество, кроме галер и мелких судов, должно было собрать и купечество. Набирались матросы и «морские солдаты — левенты». На Босфоре в то время ремонтировались 33 корабля и строились 4 новых. За работами почти ежедневно наблюдал садразам Али-паша. В июле готовились порох, пушки, мортиры, припасы для флота, ковались сотни тысяч сабель и делались ружья. Сам султан и дамат Али-паша наблюдали, как «мечут бомбы». Провиант с Дуная и Чёрного моря было велено перевозить в Царьград и Салоники. Для отвода глаз говорилось, что провиант в Салоники собираются против черногорцев, «которые и посе число им непокорливы и никакой дани им не платят, как преж сего было обыкновенно. И подлинно то, что послан против оных Чюперли Нуман-паша, которой преж сего был недолго везирем. И велено ему с бошняцкими и с албанскими пашами совокупясь, трудится их искоренить, как о том и Маврокордат к нам приказывал. Також и от иных многих мы заподлинно уведомлены, но многие разумные люди разсуждают, что то учинено у турков токмо для претексту, чтоб под оным чинить против венециян свои предуготовления. И умножа тамо войска и поставя

2 августа 1841 г. Пётр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М., 2013. С. 537–538.

[1] Политические и культурные отношения России … С. 51–53. РГАДА. Ф. 86. Сношения с Сербией. Оп. 1. 1714–1717. № 1. Л. 120–122об.

в квартеры в близости от их рубежей, потом вдруг незапно на них нападение учинить, ибо против монтенегринов им толь многих воинских предуготовлений чинить не для чего, понеже их малолюдно и живут в таких неприступных местах и горах, что их добыть трудно. И только разве принудить гладом»[1].

Петербургу с разных сторон советовали ни в коем случае не помогать венецианцам[2]. А. И. Дашков убеждал «удаляться» от интересов Венеции, чтобы не навлечь войны на Польшу и Россию. В феврале 1714 г. Дашков сделал правильный вывод, что турки не начнут войны в 1714 г. ни против русских, ни против поляков, так как время для подготовки войск уже прошло, а приверженцы шведов — князь М. Вишневецкий, К. Кшишпин, А. Шмигельский, Ю. Потоцкий поедут к Августу II «просить прощения за свои преступления»[3]. Поляки также рекомендовали не «помогать венецианом».

Особенно зло высказывался против республики Св. Марка П. П. Шафиров. Ведь если турки начнут воевать с ней, а австрийцы, не имея возможности помогать республике, склонятся к оборонительному союзу с Россией, то необходимо не обязываться помощью этой слабой, но «коварной и Его Царскому Величеству весьма противной республике». Когда в 1711 г. России был нужен союз с Венецией и Габсбургами, то венецианский посол в Стамбуле «с послом французским труждался турков против Его Царского Величества к войне возбуждать и в том многое иждивение полагал... А ныне… Царскому Величеству в такую трудность за сих своих злодеев без всякой пользы вступать не для чего, ибо хотя б впредь и случилась (от чего Боже сохрани) паки от турков… война, то от них никакой помощи ожидать… невозможно, ибо они ныне турской морской силе отнюдь противустать не могут, понеже турки ныне не так изнурены, как в войну Цесарскую»[4].

---

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 235–239.

[2] П. А. Толстой: «Венециян [турки] в великой ненависти имеют… и того ради по всяк день мыслят учинить с ними войну внезапную». Русский посол в Стамбуле… С. 51.

[3] А. И. Дашков — П. П. Шафирову 18 февраля 1714 г. из Дрездена. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 2. С. 64.

[4] П. П. Шафиров, М. Б. Шереметев и Д. А. Бестужев-Рюмин — Г. И. Головкину из Адрианополя 8 января 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3.

Наблюдая их военно-морскую подготовку, русский посол прогнозировал нападение на Венецию если не в 1714, то в 1715 г. В преддверии войны с Венецией муфтий предложил русским послам оповестить христианских государей о соблюдении царём перемирия, не вступаясь ни за кого. На вопрос, кого надо уведомить, последовало насмешливое: «У кого свербит, тот и чешется»[1].

9 декабря 1714 г. Порта объявила войну республике Св. Марка под предлогом, что она укрывала черногорских мятежников. За два месяца 1715 г. Али-паша отвоевал Пелопоннес. Венецианцы были выбиты с Крита и из Эгейского моря.

Русская армия и флот за это время овладели почти всей Финляндией, захватили Аландский архипелаг и даже г. Умео на побережье Швеции.

5.3. МЕЖЕВАНИЕ ГРАНИЦ 1714 г.

Несмотря на Адрианопольский мир, вероятность Турецкой войны висела над Россией вплоть до фиксации новых границ в июле 1714 г. Русское посольство не выпускалось из Стамбула вплоть до окончания разграничения, «дабы не навесть тем какого сумнения».

Переписка о межевании началась с ноября 1713 г. Русская сторона стремилась к скорейшему разграничению, которое в нижнем Приднепровье должно было проходить на 100–200 километров севернее границ 1704–1705 гг.[2]. По мнению русских послов, определение новых границ, возможно, могло начаться в середине февраля, когда сойдёт снег в степях[3]. От турок будут назначены «люди знатные и богатые и некоторые из них и умные («искусные»). Через Измаил они поедут в Очаков, чтобы там дождаться представителей от Абди-паши и крымского хана.

Л. 1–7; П. П. Шафиров — Г. И. Головкину из Стамбула 15 мая 1714 г. Там же. Л. 184–186.

1 Переговоры русских послов с Али-пашой и муфтием 27 января 1714 г. Там же. Л. 63.

2 О нём см.: *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре… С. 257.

3 П. П. Шафиров, М. Б. Шереметев, Д. И. Бестужев-Рюмин — Г. И. Головкину 3 ноября 1713 г. из Адрианополя. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713. Д. 7. Л. 497–507, 531, 539.

К Азову прибудут «преумный и пребогатый и к нашей стороне не злой» Мехмед-эфенди и «злой, сердитый, малоумной и самый ханский партизан» Ибрагим-эфенди. К Киеву, где граница определена П. Б. Возницыным по Вечному миру 1686 г. с поляками от р. Ирпень и дел не предвидится, приедут Кадри-эфенди и налоговик Гуссейн-эфенди. С русской стороны Шафиров предлагал послать Л. С. Чирикова и Ф. Протасьева вместе с «подарками». Турецкая сторона затягивала дело, оправдываясь зимним временем и нехваткой кормов в степи.

В Петербурге решили для разграничения у Киева и вдоль Днепра определить не киевского губернатора Д. М. Голицына (его вызвали в Петербург), а Б. П. Шереметева с генерал-майором Л. С. Чириковым. Представителем от Скоропадского был назначен генеральный хорунжий И. Ф. Сулима. За разграничением от устья рек Самары и Орели до Азова должны были следить казанский губернатор П. М. Апраксин и толковый азовский вице-губернатор С. А. Колычев. Приходилось опасаться, что межевание пятисотвёрстного степного пространства, смежного с Крымским ханством, может вызвать споры.

К П. М. Апраксину Шафиров отослал сына переводчика Посольского приказа Рамазана Тевкелева — молодого татарина Муртазу, который «нарочито» обучившись в Стамбуле читать, говорить и переводить по-турецки и арабски, счёл «за грех и бесчестие» служить христианскому посольству. Эскорт комиссаров, подбиравшихся из полковников, был определён в полтысячи драгун и такого же числа нерегулярных всадников. Порта собиралась отправить «комиссаров» примерно с таким же конвоем в 700 турок и 800 татар.

Шереметев обоснованно тревожился — зачем турецкая сторона собралась «досматривать» на Киевщине русско-польскую границу 1686 г. — не с целью ли ссорить русских с поляками, поселить там «бунтовных запорожцев» и претендовать «той земли, которая уступлена в сторону Царского Величества, а имянно от Сечи вверх Днепром по реку Тясму и вверх же полем, не займуя Чигирина, к Чёрному лесу для запорожцев же»[1].

---

[1] Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 9 марта 1714 г. из Лубен. Походная канцелярия... Шафирова. Ч. 2. С. 100.

Абсолютной уверенности в мире не было. В марте 1714 г. русское посольство, уверяя Порту, что «блаженный мир будет свят и ненарушим», нервничало и боялось новых «вымышленных споров». Весной 1714 г. на калмыцкие улусы налетела Кубанская орда ногайцев, которая уничтожила до сотни кибиток и угнала много скота и полона.

9 мая Шафиров писал Головкину: «Кажется, что турки содержать мир с Его Царским Величеством крепко намерены, також и с Польшею к войне виду нет… Докончание нашего трактату стало токмо за одним разграничением»[1].

Когда для Порты стало ясно, что отбить Правобережную Украину не удалось, она отказалась от межевания на Киевщине. 10 июня 1714 г. рейс-эффенди расцветил великодушие Порты: «Мы полякам ту часть Украины «подарили». Но послы просили дать декларацию на письме об отказе разграничения у Киева, «чтоб впредь о том им не претендовать»[2].

На русско-крымскую границу Порта собралась выслать комиссаров ко дню Св. Георгия (6 мая), но турецкая комиссия во главе с нишанджи Ибрагимом-эфенди прибыла только 4 июня 1714 г. Русское предложение провести маркировку границы на землях Запорожья по имевшимся урочищам между реками Орель и Самарой, турки отклонили. Они предложили проводить её по часам («розъездом с часами») и обеим сторонам насыпать курганы через определённое время конной езды, иначе де татары и знать границы не будут[3].

От Днепра до верховьев р. Самары было отсыпано шесть курганов, а от верховьев р. Самары к Азову — 5 курганов. Восточная часть этого рубежа была проложена по водоразделу между мелкими речушками — те, что текли на юг к Азовскому морю — оставались за Крымским ханством, а те, что на север (в том числе рр. Бахмут и Тор и Лугань с их верховьями) и впадали в Северный Донец — за Россией[4].

---

1 РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 144–145.

2 Там же. Л. 210об.– 211об.

3 И. Л. Клишин — П. П. Шафирову 22 июня 1714 г. Походная канцелярия… Шафирова. Ч. 2. С. 243.

4 «Чего преж сего не было и не владели» — писал П. М. Апраксин П. П. Шафирову после 22 июня 1714 г. Походная канцелярия... Шафирова. Ч. 2. С. 252. «Токмо Миюса-реки все вершины и оной реки без мало со ста вёрст

В июле 1714 г. кубанские ногайцы в Черкасск вернули 143 русских пленников, захваченных после Адрианопольского договора в 1713 г. За проданных в рабство ногайцы прислали «компенсацию» — 11 денежных кисетов-кошелей, в каждом из которых было по 250 рублей, что русской стороной было расценено как унижение и «велено сыскивать» всех остальных пленных[1]. Тем не менее, в Стамбуле не прекращали поговаривать о войне против «московских»: «Господа московские не мыслят окончить разграничение, но толко забавляют их словами, покамест построят один кастель [форт]»[2]. Об окончании межевания между рр. Самарой и Орелью Шафиров узнал не от русских курьеров, а от «склонного» к русскому посольству довольно высокого чина, который посылался Портой к королю Августу II.

Турецкая комиссия, маркируя новые границы, выступала победителем и в июле 1714 г. снова пошатнула мир. Давать трижды поверженному 12 июля 1711, 5 апреля 1712 и 13 июня 1713 гг. царю титул, равноценный «Салтанову Величеству» она не считала возможным и 10 дней продолжала «превеликие споры». Русские предлагали вписать любой — полный, средний, или краткий титул — всё отклонялось. Турки отказывались присваивать русскому монарху слово «Величество» и обозначали его только «московским царём», указывая, что титул «Величество» дается только австрийскому императору и османскому падишаху. Четырежды турецкая комиссия объявляла об отъезде, возлагая вину за разрыв мирных отношений на русских.

прихватили быть в стороне ж Царского Величества. И обшед Черкаской далеко в левой стороне пришли на речкуТемерник. И оною речкою Темерником пришли к самому реке Дону, и по обе стороны той речки Темерника на самом её в Дон устье у реки Дону поставили последние два знака, насыпав курганами, недалече от городка Лютика с малым вёрст з десеть». П. М. Апраксин — П. П. Шафирову 28 июля 1714 г. из лагеря близ Изюма. Походная канцелярия... Шафирова. Ч. 2. С. 299, 342. О «великом прибытке во обширности земель перед прежним» П. П. Шафиров поздравил Г. И. Головкина 9 августа 1714 г. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 301 об.

[1] Г. И. Головкин — П. П. Шафирову, М. Б. Шереметеву, Д. А. Бестужеву-Рюмину 31 июля 1714 г. из Петербурга. Походная канцелярия... Шафирова. Ч. 2. С. 319.

[2] Агент «Иона» — П. П. Шафирову 4 июля н. ст. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 256 и об.

Все же, в конце концов, стороны согласились обменяться «беститульными грамотами»[1]. «Долгопротяжный» турецко-русский конфликт и демаркация отбросили Россию на несколько сотен километров от Причерноморья и Приазовья.

Благодаря дипломатии и работе с агентурной сетью Шафирова дела в Стамбуле пришли в «доброе состояние». Оставлять в Стамбуле ни посла, ни резидента турки не позволили. Старый дьяк Посольского приказа Л. Т. Протопопов, намеченный на этот пост, оказался никудышним. Он не знал ни одного языка (в русском посольстве рабочим языком с иностранцами и турками был итальянский, в Стамбуле среди дипломатов в ходу были итальянский и французский языки, «а по нужде и латынь»). Шафиров просил перевести к нему из Парижа Г. И. Волкова, а Протопопов «в делах не сведом, все толкует по своей старой приказной манере» и «по своему обычаю старосветскому с иноземцами в конфиденцию» вступать не станет и будет пересылать только то, что услышит от греков и патриархов, которым «верить ни в чем ни одному невозможно». Кроме стыда, от него ничего нельзя ждать — честил дьяка Шафиров. Тем не менее, посольству удалось оставить «добрую» агентурную сеть в Стамбуле[2]. Выезда из Турции тогда добивались русские, шведские, польские и венецианские дипломаты. Шведским «министрам» тоже не позволили оставаться в Стамбуле. Только через пять лет после катастрофы 1709 г. Карл XII осознал, что отвоевать Польшу и восстановить всё, что было до Полтавы ему не под силу и согласился отправиться в шведские владения через венгерские и немецкие зем-

[1] «В лице написать Величество не допустили, а в подписях позволили, и сами подписались: «Великого государя Его Царского пресветлого Величества определённый комиссар Степан Колычев». 13 июля стороны обменявшись межевыми письмами, разъехались. И. Л. Клишин — П. П. Шафирову 17 июля 1714 г. от р. Аксай из-под Черкасска. Походная канцелярия... Шафирова. Ч. 2. С. 285. С. А. Колычев — П. П. Шафирову 28 июля 1714 г. «Из Голой Долины, не дошед Изюма». Там же. С. 304–305, 309. Договор о разграничении с Турцией см.: ПСЗРИ. Т. 5. № 2834.

[2] «При выезде своём из Царяграда учредили мы для службы… добрых и верных корреспондентов, чрез которых о всех здешних делех можем ведать верно и подлиино». П. П. Шафиров — Г. И. Головкину выехав из Царяграда сентября в 2 день 1714 г. РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1714. Д. 3. Л. 178–179, 205, 319. Г. И. Волкову было приказано прибыть в Стамбул, если русские послы ещё будут там находиться.

ли. «И сколко он не трудился, однакож ничего у турков выторговать не мог, ибо денег ему ничего не дали, хотя было и много просил… И на подъем его королевской собрали французские и английские купцы 30 000 левков и дали за порукою французского посла взаймы. А долгов на нём здесь многие сты тысяч»[1].

Последний аккорд русско-турецких отношений отзвучал «ласково и весело», а расставание полюбовным. Али-паша и Ахмед III были довольны тем, что трижды в 1711, 1712 и 1713 гг., взяли верх над Россией. Пётр Великий мог быть удовлетворен, что избавился от войны на юге.

На прощальной аудиенции 29 августа Шафиров поздравил Али-пашу «окончанием всего мирного дела и что мир междо Империями […] уже запечатлен разграничением земель благополучно» и будет служить к «вечной славе везира». Посол заверил, что Царское Величество «мир намерен крепко и ненарушимо содержать», только пусть Порта «накрепко воздерживает татар, яко лехкомышленных людей, дабы они никаких инкурсий в земли Царского Величества не делали и подданным Его Величества никаких обид и разорения не чинили, ибо оные, а особливо нагайцы и кубанцы под претекстом будто ходят на калмык, в земли Царского Величества непрестанные набеги чинят и людей берут и иные многие разорения чинят… Ежели того учинено не будет, то и калмыки яко люди своевольные и такие ж лехкомышленные, как и татары, не вытерпя обид своих будут для отомщения тож чинить… Також […] чтоб впредь никаким возмущениям неприятельским и татарским лжам Порта верить не изволила».

Али-паша напоследок в очередной раз намекнул о дани Крыму: «для лутчаго успокоения и удержания татар Царское Величество изволил [бы] и о крымском известном деле повелеть учинить какое нибудь определение». На это Шафиров возразил, что «татар от их своеволства ничем иным, кроме страха и жестоких указов и наказания унять невозможно».

Под конец, «подчивав по обычаю шербетем и покадя и кропя водою, надели на послов и на служителей их кафтаны и отпустил их [везир] с ызрядною честию. И поступал при том везирь зело ласково и весело». «Кажется, что Порта

[1] Там же. Л. 319–320об.

от всех северных дел себя отрешила и намерена с сей стороны с соседями содержать мир» — писал П. П. Шафиров Г. И. Головкину 21 сентября 1714 г. уже от Измаила и просил дать турецкий эскорт, хотя бы до Рашкова, из-за опасности от татар и запорожцев, «которые на нас зело злобны». Жертвой драмы в Стамбуле стал М. Б. Шереметев — он скончался 23 сентября от пережитых потрясений[1].

[1] Смерть сына подкосила силы отца. «За самою моею несносною и претяжкою болезию […] при старости моей сущее несчастие постигло… — сын мой Михайло умре в пути от Измайлова к Бендеру, сентября 23 числа. […] От сердечной болезни едва дыхание во мне содержится и зело опасаюся, дабы внезапно меня грешника смерть не постигла, понеже все мои составы ослабли и владети не могу» — писал Б. П. Шереметев — Ф. М. Апраксину 7 октября 1714 г. из Киева. *Шереметев Б. П.* Переписка… С. 383, 398–399. М. Б. Шереметева похоронили в Киево-Печерской лавре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пётр Великий принял на себя строительство всей громады Российской империи. На своих плечах он вынес тяготу Северной войны 1700–1721 гг. и довёл её до победы. Звёздным часом Петра I была переломная битва русской истории под Полтавой 27 июня 1709 г. Россия, став гегемоном Восточной и Северной Европы и подмяв Речь Посполитую, обеспокоила Османскую империю, которая помня о прошлой военной славе, оставалась великой евразийско-африканской державой с большим людским, военным, финансовым потенциалом и централизованным войском. Турецко-русская война стала логичным следствием триумфа русского оружия на Украине.

В отличие от монархии Габсбургов, Франции и Турции, Россия в начале XVIII в. ещё не могла воевать одновременно на двух фронтах. Чтобы сократить срок войны на юге и быстрее вернуться к главному театру военных действий на севере, Пётр I запланировал наступление на Балканы, Крым, в Прикубанье и взял на себя командование армией. отправлявшейся к Дунаю. Форсировать Перекопский перешеек, отвлечь татарскую конницу от Русской армии в Молдавии и спустить по Дону большие корабли в Азовское море не удалось из-за быстрого спада вод.

Выучка солдат царя в Дунайском походе не уступала русским победным кампаниям в Белоруссии и на Украине в 1708–1710 гг. и баталия на р. Прут 9–10 июля 1711 г. была прервана при нерешённом исходе.

Из-за блокады превосходящих сил турок и крымских татар, а также нервного срыва царя пришлось по условиям Прутского «вечного» мира 12 июля 1711 г. поступиться Азовом, Таганрогом и несколькими приграничными крепостями в Причерноморье. С Азовской эскадрой и судостроением в Воронежском крае было покончено. Не помогли ни захват крепости Браила, ни отпор под Азовом слабому турецкому десанту, которому не помогла крымская конница, ни восста-

ние сербов в Черногории, ни запоздавшее опустошение Малой ногайской орды.

В битве на Пруте османское 120-тысячное войско потеряло убитыми и ранеными до 16 тысяч человек (13,3%). Безвозвратные потери в Дунайском походе регулярной армии Петра I (37 538 чел.) убитыми, пленными, без вести пропавшими и умершими от ран составили 2 790 человек или 7,4%.

Война в Прикубанье, Подонье и «Диком поле» затянулась до сентября 1711 г. и продолжалась потом ещё несколько лет.

В 1712–1713 гг. на юге, ради войны на Балтике, русским командованием была сделана ставка исключительно на оборону. В 1712 г. угрозами расправ над послами П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым Порта добилась вытеснения военной силы России с Правобережной Украины и из западного Запорожья.

В 1713 г. бросив всё русское посольство в тюремные подвалы, Османская империя вынудила послов-заложников согласиться на перенос рубежей Крымского ханства от Днепра в междуречье рек Самары и Орели. Россия потеряла восточную часть запорожских степей, а Крымское ханство восстановило единство своих земель вплоть до Азова и Кубани. Русско-турецкие договоры 1711, 1712 и 1713 гг. ничего не дали ни Шведскому королевству, ни польскому экс-королю Станиславу Лещинскому, ни наследникам Мазепы. Опасного возвращения на Балтику Карла XII не случилось вплоть до 1714 г.

Отечественная историография войну 1710–1713 гг. щадяще именовала «неудачной» и зачисляла её в рубрику второразрядных эпизодов на фоне успешных кампаний на Балтике. Однако из-за масштабных потерь на юге Пётр I лишился значительной части влияния в Молдавии, Валахии, Черногории, Герцеговине, Сербии, Западной Черкессии и Кабарде. Война с Турцией на несколько лет затянула войну Северную. Тем не менее, походы войск Петра I в направлении Дуная, Крыма и Кавказа стали новым этапом русской политики в «восточном вопросе» и предвестием османских неудач в войнах XVIII — первой четверти XIX вв.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

О боях на Пруте 8–10 июля 1711 г. недалеко от невысокого кургана Рябая Могила, поведал очевидец Феофан Прокопович в стихотворении, которое стало популярной солдатской песней.

Вот её смысл.

8 числа в воскресенье в полдень русские увидели турецкое войско. Ему навстречу бросились казаки, молдаване и донцы, но из-за малочисленности они не смогли отогнать врага. Низкая пойма («поял») у реки была удобна для обстрела противником нашей лёгкой конницы. Армия стала отступать строем вдоль Прута, чтобы найти подходящее место для сражения. При отходе вечером по широкой луговине («пляцу») русские войска жестоко отбивались.

9 июля вражеская сила окружила и нападала на лагерь («обоз»). В ночь с 9 на 10 июля не стихал огонь, шум и крик. Когда ночь прошла, 10 июля артиллерия («армата») загремела ещё с «большей злостью». Приказ о прекращении стрельбы был отдан не скоро.

Бог не судил освободить христиан от «поганства», но время ещё покажет, кто одержит верх.

ЗА МОГИЛОЮ РЯБОЮ[1]

За Могилою Рябою
Над рѣкою Прутовою
Было войско в страшном бою.
В день неделный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришол турчин многолюдный.
Пошли навстрѣчь козацкия,
пошли полки волоския,
пошли загоны донския.
Легкий воин дѣлав много,
да что был числа малого,
не отнял мѣста лихаго.

[1] Букву ѣ («ять») в соответствии с украинским произношением следует читать как «и».

Поял то был город близкий
врагом добрый, бо был ниский,
дал бы на вас пострѣл рѣский.
Пришли на Прут коломутный
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншаго мѣста искати,
а не всуе пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российския силы
на отворот загримѣли.
Страшно грѣмят и облаки,
да страшный там Марс жестокий.
гримѣл на весь пляц широкий.
Зоря з моря выходила,
ажно поганская сила
в тыл обозу зашумѣла.
Всю нощь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю нощь там Марс шёл дикий.
А скоро ночь уступила,
большая злость наступила,
вся армата загримѣла.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
Не судил Бог христианства
«На мир, на мир!» — закричано
освободить от поганства,
еще не дал збить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

Феофан Прокопович[1]

---

1 *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л.,1961. С. 214–215.

А. Н. Курат

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ ПРУТСКОГО ПОХОДА. ПЕРЕХОД ТУРЕЦКОГО ВОЙСКА В АТАКУ[1] (ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

7 июля по Юлианскому календарю,
18 июля по Григорианскому, суббота

18 июля, в субботу, турецкое войско, находясь на левом берегу Прута, к обеду дошло до села Багуль (Bagul), где разбило лагерь. После обеда был созван «Большой Диван», основным вопросом которого стало обсуждение русской стоянки на противоположном берегу реки, в двух-трёх километрах от турецкой позиции. Было принято решение о постройке мостов через Прут.

Пока на левом берегу велась подготовка к построению перехода, на другой берег бросилось много татарских воинов. Часть их переплыла реку на плотах. После обеда (около 3–5 часов) на правом берегу Прута оказалась часть османских и татарских сил. Однако ни одного орудия не было переправлено. Понятно, турецким всадникам не терпелось напасть на врага, так как в прежние времена награждали любого, кто принёс голову или язык неприятеля и жаждущих воздаяния было немало. Однако противоположный берег выглядел заболоченным и нападение на русских казалось сложным. Заросли камыша должны были затруднить переход коней и аскеров.

После того, как с участка, выбранного для постройки перехода, были отправлены люди для обследования берега, выяснилось, что лишь часть поймы была болотистой, остальная же часть — ровной и сухой. Аскеры на тачках затащили камни, песок, фашины и засыпали, таким образом, топкое место. Стоит отметить, что примерно тогда же перебравшиеся через реку турецкие и татрские всадники начали атаку на части генерала Януса, занявшего оборону.

Гром выстрелов на правом берегу Прута стал постпенно затихать, а через некоторое время турецким и татарским командирам стали приносить головы и языки.

Несомненно, Янус не использовал всё для того, чтобы воспрепятствовать переправе турок через реку, однако часть русских солдат пыталась сорвать постройку перехода. Согласно данным, которые приводит Ахмед, русские, пробравшись сквозь камыш, открыли стрельбу. В ответ на это Чархаджи Мехмед-паша приказал задействовать имевшиеся у него 40–50 пушек, обратив, таким образом, русских в бегство. В других источниках нет таких сведений об этом. Согласно Ахмеду, тот факт, что русские пробрались к самому берегу реки, принёс большую пользу, — так

[1] *Kurat A. N.* Prut seferi ve barişi. 1123 (1711). Ankara, 1951.

выяснилось, что на заросшем камышом берегу, нет топи. В связи с этим увеличилось число желавших перебраться на ту сторону реки, поэтому садразам разрешил всем желающим перейти реку, учитывая то, что они не позволят неприятелю помешать постройке мостов. Вайсмантель приводит, наоборот, противоположное. Он пишет, что русские не предпринимали никаких попыток воспрепятствовать наведению моста. Генерал Янус разбил свой лагерь прямо напротив садразама для того, чтобы показать, что он абсолютно не боится османских войск. После этого русскими не предпринималось никаких действий, а турки, в свою очередь, не открывали огонь по русскому авангарду. Того, что русские пробрались сквозь камыш и открыли стрельбу, не приводит ни один источник, кроме Ахмеда. Если бы Чархаджи Мехмед-паша, как пишет Ахмед, использовал свои 40–50 пушек, Вайсмантель не писал бы, что «ни разу не выстрелила ни одна пушка». Довольно сомнительно и то, что выход русских к реке сквозь камыши дал знать об отсутствии топи на правом берегу. Для разведки было бы естественнее перебросить людей на плотах и лодках. Можно сделать вывод, что данные Ахмеда не имеют под собой никаких оснований. На том берегу был замечен лишь один русский дозорный, который убежал после того, как турки открыли огонь из ружей.

[…] После того, как русский авангард подвергся атаке, часть шведских солдат, включённых в войско Януса, сбежала к туркам. Среди них был и капитан Рапп, служивший одно время в Кронобергском полку. По прибытии в расположение турецких войск он был переправлен к садразаму. Рапп дал турецкому командованию подробную информацию о состоянии русской армии, её расположении, недостатках, количестве больных и военных дозорах. Таким образом, Балтаджи Мехмед-паша и его окружение, ещё не начав наступления, уже к вечеру 18 июля знали о состоянии войск противника. Согласно Раппу, на противоположном берегу стояли войска Януса численностью в 7000 человек. Там же находился генерал Вейде. Эти данные были немного преувеличены и неверны. Войска Януса насчитывали не 7000, а 4000 человек. Кроме того, было около 5000 молдаван[1]. Генерал Вейде был ещё далеко. Несмотря на то, что Рапп дал не совсем точные данные, информация о состоянии русских войск была крайне важна для турок. Мехмеду-паше Балтаджи и его военачальникам стало ясно, противник намного слабее, чем предполагалось раньше, а из-за болезней и непорядков он потерял свою военную мощь. Это прибавило мужества турецким воинам, и подтолкнуло их к более решительным действиям. Если раньше турки испытывали настоящий страх перед русскими, то теперь он испарился и вместо него родилось желание разметать их и непременно одержать победу. Татарский хан Девлет Герай вместе со шведом Лагербергом устроили Раппу допрос. После этого садразам отослал шведского капитана Понятовскому.

В то время, как на правом берегу татары и сипахи атаковали русских, а на левый берег приносились русские и молдавские головы и язы-

[1] Под командой Януса находилось около 5000 драгун и несколько тысяч молдаван и казаков. См. *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода… С.77–78.

ки, османское командование напряжённо действовало. Через Прут пытались навести сразу три моста. Работали тысячи людей, перевозились брёвна, камни, песок и прочий материал, который выгружался у места переправы. К переправе прибыли боснийский корпус, Дурмаш-паша, Охри и Дукакин-паша. Для защиты переправы был привлечён вали Алеппо Ибрагим-паша.

[…] Туркала-паша направил Мустафе-паше распоряжение «произвести нужные работы по засыпке болота на месте строительства второго моста, выровнять, расчистить и расширить место, так как здесь планируется постройка для высоких чинов». Для охраны второго моста был назначен Яхья-паша с отрядом в 1000 человек. Бейлербею Анатолии приказали подготовить «четыре артиллерийских расчёта для охраны моста». При постройке мостов на противоположную сторону реки было направлено 4000 работников, которые отсыпали там предмостные укрепления.

Пока на берегу Прута кипела работа, военачальникам доставляли пленных и головы убитых неприятелей. Примерно за три часа татары и турки доставили 20–30 пленных и голов убитых. 20 татарских конников привели 12 русских пленных, за которых им было выпоачено 500 курушей. В тот день за каждую доставленную голову и язык выдавалось примерно по 50 курушей. Немного позже эта сумма убавилась до 30 курушей. Русских приказывалось брать в плен, а молдаван убивать как подлых предателей. Благодаря информации, полученной от пленных, открывались все новые и новые данные, которых не было в рассказе шведского капитана. Становилось ясно, что Русская армия находится в плохом состоянии.

Стоит отметить, что немного раньше Салиху-паше был отдан приказ быть готовым к переправе через Прут и тот запросил войско в 10 000 человек. Салиху-паше для начала надо было пройти по мосту. После начала постройки моста этому паше приказали «направить воинов и не уступать ни пяди». В связи с этим татарам было выдано 10 000 копий. В то время, как главнокомандуюший остановился в селе Багуль, туда прибыли аскеры из Бендер под командой Джина Али. Находящимся в этих отрядах сипахам, другим военачальникам, второму командующему янычарами Абдулле и другим было приказано отправиться в распоряжение Салиха-паши.

[…] Около полуночи постройка мостов закончилась и шум, продолжавшийся около 8–9 часов, прекратился. Вокруг установилась тишина. Вдруг с противоположного берега, где-то очень близко, раздался выстрел. Сначала у моста, а затем и по всему турецкому лагерю пронеслись возгласы турецких аскеров: «О, Аллах, Аллах!» Тысячи голосов разнеслись по берегам Прута и пойме, поднявшись к холмам и небу. Все пытались понять, что происходит. Неужели русские посреди ночи пошли в наступление? Неужели 12-тысячный авангард, отделившийся от армии, вдруг решил напасть? Однако через некоторое время шум прекратился и вновь воцарилась тишина. Как выяснилось позже, причиной переполоха стало следующее: один из буйволов, запряжённых в телеги, спустился среди ночи в воду и поплыл через Прут. Один из ас-

керов, находившийся на другой стороне, подумал, что приближается враг и открыл огонь. После этого и другие аскеры начали стрелять или голосить, реакция перебросилась и на левый берег реки, подняв на ноги всех воинов и офицеров. Как только аскеры, стоявшие на предмостном укреплении поняли причину переполоха, они стали призывать всех к спокойствию. Постепенно всё успокоилось и наступила тишина. Впрочем, писарь из казначейства преподносит это по-другому. По его записям один из османских аскеров, стоявших на посту, засыпая, случайно спустил курок ружья и раздался выстрел. После этого и другие часовые переполошились и стали стрелять и кричать, посчитав, что наступают русские.

Таким образом, согласно Хасану — буйвол, а по Ахмеду — оплошность часового стали причиной переполоха во всём османском лагере.

[…] Это происшествие несколько проливает свет на царившую в ту ночь атмосферу. Один выстрел заставил предположить наступление врага, так как османское войско по обоим берегам Прута ожидало возможной атаки.

7/18 июля царь, собираясь тронуться от «Герлы» («Gerla» или «Gura Prutetsului»), получил от Януса известие о том, что турецкое войско собирается перейти Прут и пока ожидает приказа. Царь направил Янусу приказ срочно повернуть назад и соединиться с основной армией. Понимая, что гонцы с этим приказом могут попасть в руки турок или татар, царь с той же бумагой направил ещё двух казаков. Генерал Янус получил царский приказ уже ночью и приступил к подготовке отступления. Ради ускорения он приказал сжечь или бросить всё самое тяжёлое и ненужное. Свет от этих «пороховых костров» в русском лагере виделся с османских постов. Около трёх часов ночи (по другим данным в 11 часов) генерал Янус приказал отступать и русское войско направилось «не к дунайским берегам, а в сторону Ясс». Русские удалялись настолько осторожно и бесшумно, что когда наступило утро, турецкое войско увидело вместо русского лагеря пустое место.

Воскресенье
8 июля по Юлианскому календарю,
19 июля по Григорианскому

8/19 июля утром в воскресенье дело обстояло так. Турки построили три моста через Прут. Перед ними были созданы предмостные укрепления площадью в несколько сот квадратных метров, чтобы за ними размещалось 1000–1500 воинов. В заросли камыша поставили посты. В пяти-шести километрах от моста, на «Берёзовом месте», был выставлен один из аскеров вали Алеппо Ибрагима-паши.

Когда турки пришли к бывшему русскому лагерю, они поняли, что генерал Янус ещё утром покинул это место. Турецкое командование, узнав о том, что русские отступили, сначала подумали, что это ловушка.

[…] Однако через некоторое время поняли, что это никакой не маневр, противник действительно отступил. Было принято решение сле-

довать за русскими. Это задание днём ранее (7/18 июля после обеда) было поручено Татар Салих-паше, которому приказали готовиться к переходу Прута. Когда были учтены все детали, Татар Салих-паша стал преследовать русских. С ним было от 10 000 до 15 000 воинов. Таким образом, первыми аскерами, перешедшими по мосту Прут, стали «нападающие» отряды Татар Салих-паши. В то время, как всадники Салих-паши проходили по мосту, немного выше по реке татарские войска переправлялись вплавь. Во главе их находился хан Девлет Герай, под командой которого было тоже около 10 000–15 000 воинов. Салих-паша, переправившись на правый берег, приказал отправить следом за собой 20 пушек. Миновав Прут по воде и мостам, турки и татары галопом погнались за русскими. 20 000–25 000 лошадей подняли огромное облако пыли. Сипахи и татары, обнажив клинки, гнали коней в атаку на русских и молдаван… Вдали показались медленно отходящие русские. Генерал Янус, увидев погоню, довел свой отряд до места «Балта Прутецулуй» («Прутский залив»), остановил его и дал приказ готовиться к отражению атаки. Весь обоз поместили в середину, конница спешилась и построилась по взводно. Спешно предпринимались действия для отражения налёта татар и сипахов.

Татарские конники и сипахи, приблизись к русским и готовились напасть на их ряды.

[…] Однако ровные шеренги Януса, не нарушая строя, встретили атакующих выстрелами из ружей. Татары и сипахи отступили и остановились недалеко от русских.

Видя нерушимость русского строя, татарские и турецкие отряды решили напасть на молдаван, которых, согласно данным Неджульдже, было около 4000 . Молдаване не могли стройно держать свои ряды, поэтому сразу помчались укрываться за повозками и рогатками. Множество их было зарублено татарскими и турецкими клинками. Находившиеся в русском войске казаки хоть и собирались ответить, но эти попытки окончились неудачей с самого начала. Русские войска находились в очень опасном положении — они пытались сохранить порядок своих рядов, но атаки нападающих только усиливались. Русский отряд удерживал свою позицию только благодаря нескольким пушкам, находившимся у Януса, в то время, как ни одна из 20 пушек, которым Салих-паша приказал следовать за конницей, ещё не прибыла.

Вслед за Салих-пашой и татарами, следовавшими за русскими под командой Чархаджи Черкеса Мехмеда-паши, отправился вместе османскими воинами и ополченцами и Мактулзаде Али-паша — военачальник из Диярбакыра. К этому времени число воинов увеличилась до 30 000 человек. Отряд Чархаджи Мехмеда-паши, подойдя к месту боя Януса с воинами Салих-паши, не выдержав, начал отступать. Однако отходили они медленно, не нарушая строя. Османские и татарские отряды, увеличившиеся с приходом Мехмеда-паши, уже не только атаковали меньших по численности русских, но и пытались брать их в плен…

[…] К этому времени царь и его военачальники, не видя возможности биться с турками, приняли решение отступать всей армией. Однако

сначала нужно было спасти авангард генерала Януса. Для вызволения Януса был отправлен генерал Энсберг с шестью пехотными полками (6000 человек). Всё своё тяжёлое снаряжение они оставили в лагере.

Ранним утром 8/19 июля генерал Энсберг, пройдя четыре-пять километров от лагеря, соединился с корпусом Януса, подвергавшегося со всех сторон атакам турок и татар. Благодаря Энсбергу, генерал Янус и его солдаты были спасены от плена. После соединения новообразованное десятитысячное войско почувствовало себя более уверенно и приступило к отходу.

Несмотря на то, что бойцы Салих-паши, Чархаджи Черкеса Мехмеда-паши и Девлет Герая продолжали хаотично атаковать, русские отступали, не ломая строя. Татарский хан и паши поняли свою ошибку: для того, чтобы остановить и уничтожить русское войско, конницы было недостаточно, необходимы были и пушки, ведь русские защищались именно артиллерией. Хан Девлет Герай и Черкес Мехмед-паша, отправляя к садразаму гонца за гонцом, просили у него пехоты и пушек, а также провианта и воды. Гонцы, передававшие просьбу о пехоте и пушках, говорили: «если не прибудет пехота, вода и провиант, то мы не сможем одолеть отступающих, они уйдут к холмам, где леса и болота, и мы будем жалеть об упущенном шансе». Однако Балтаджи Мехмед-паша, как всегда, поступил по-своему: он не понимал, что для того, чтобы пленить или уничтожить русское войско, […] отколовшееся от основной армии, конницы было недостаточно и не видел нужды отправлять пехоту и артиллерию. Но воду и провиант он отправил. Вместе с этим он послал хану и Черкесу Мехмеду-паше письмо: «Дорогой хан, дорогой мой брат Чархаджи Мехмед и мои другие братья, продолжайте делать то, что делаете, сила в ваших руках. Вы не упустили неверных, не упустите же их и сейчас, а мы завтра с благословением Пророка и Творца поспеем к вам на помощь. Да оградит вас Аллах от боли».

На помощь к атакующим Януса и Энсберга татарам и сипахам не были посланы ни пехота, ни артиллерия. Это была одна из главных ошибок турецкого командования. Мало того, что не направили артиллерию, так ещё и пушки, подготовленные для Салиха-паши, не послали к месту боя, а повезли обратно к переходу. Это ввело часть воинов в панику, которые, заподозрив неладное, стали уходить по мостам обратно. Балтаджи Мехмед-паша действовал крайне медленно и необдуманно. Он всё ещё сомневался в отступлении русской армии и полагал, что она вот-вот перейдёт в атаку. Возможно, главным образом из-за этого он не отправлял через мост ни пехоту, ни артиллерию, да и у него самого не хватало смелости отдаляться от османского войска.

Когда хан Девлет Герай и паши поняли, что русские, отступавшие под давлением татар и сипахов, пытаются уйти за холмы и леса, они заняли возвышенности на правом берегу Прута и таким образом, помешали им продвинуться к ним. Однако, из-за отсутствия пушек и пехоты они так и не смогли задержать русских. В то же время основной целью османского войска в тот день было уничтожение разделённых русских сил до того, как они соединятся с главной Русской армией. Из-за без-

действия Балтаджи Мехмеда-паши и его окружения, турецкой армии не удалось достичь желаемого. От этого выиграли русские — Янус и Энсберг без больших потерь добрались до главной армии царя.

[…] Во время отступления отправленный Янусом к царю во второй половине дня 18 июля подполковник Фейт, который собирался передать весть о нападении турок, был зарублен саблей татар или сипахов.

Сколько человек потеряла в тот день турецкая сторона, неизвестно. Однако среди погибших были Сарбан Али-ага, помогший аге янычар стать везиром; Шахин-ага; один из помощников Балтаджи Мехмед-паши Агъяр Мустафа-ага. Тело Сарбан Али-аги привёз босниец Мехмед-ага и похоронил у моста на левом берегу Прута.

Сражавшийся тогда писарь янычар Хасан так описывает день 8/19 июля: «В то утро от лагеря неверных не осталось и следа. Казалось, с их стороны готовится обман. Везир, Черкес Мехмед-паша вместе с Мактулзаде Али-пашой сразу же перешли на противоположный берег и передали, что на месте лагеря врага лишь пустое место, а сами отправились вслед за русскими. Находившиеся в османском лагере многие из аскеров узнав, что русские ушли, снова заподозрили в этом неладное. Однако самые смелые из них были готовы переправиться через реку и отправиться за головами противника. Постепенно воины стали перебираться на противоположный берег. В это время Черкес Мехмед-паша уже добрался до неверных. В голове русской армии шла пехота, за ней всадники. Приблизившись к врагу, Сарбан Али-ага (который помог Юсуф-паше стать везиром) и Шахин-ага вместе со своими командирами совершили молниеносную атаку на русских и снесли много голов. Увидев это, и другие воины ислама, воодушевившись, бросились на неприятеля. Множество русских пало или попало в плен, а упомянутые двое аг были сражены пулями и стали шахидами. В тот день конница вместе с пехотой и с молитвой на устах нападали на неверных и забирали головы своих врагов. В это время садразам вместе со свитой ожидали у моста новостей с места боёв.

[…] Один из аскеров прибыл с головой врага и сообщил о состоянии дел. За новости ему вручили 100 алтын, а отрубленные головы продолжали поступать. За каждую, принесенную до обеда, платили по 50 курушей, а после — по 30. Был отдан приказ брать в плен русских, молдаван же убивать на месте».

Некоторые воины, бравшие врага в плен и приводившие их к садразаму, слышали в ответ: «отдаю этого пленного в твоё владение». Это не нравилось бойцам. Отойдя от шатра везира на четыре-пять шагов, они отрубали пленным головы, приносили их везиру и тот платил в таком случае минимум 10 курушей. Это ясно показывает, что к тому моменту уже полностью отпала необходимость в «языках» и «пленных». К вечеру того же дня уже полностью были закончены работы по наведению мостов.

Принимавший участие в атаках 8 (19) июля сипах из Бурсы Хюсейин-ага дает больше информации по сравнению с писарем янычара. Если учесть, что янычары в воскресенье так и не перешли мост, то можно понять, почему Хасан дает в общих чертах сведения.

Хюсейин-ага же был направлен вместе с Дервишем Мехмедом-пашой на передовую, поэтому он называет и имена состоявших в корпусах и командиров, преследовавших русских… Он также упоминает, что отсутствие пушек было большой ошибкой.

[…] Если учесть записи одного из командиров Русской армии генерала Алларта, то обстановка проясняется лучше. Вот что пишет Алларт о событиях 19 июля:

«Ранним утром 8/19 июля царь созвал военный совет. Отмечалась невозможность организовать эффективную атаку на противника, так как тот занял позиции на возвышенностях. К тому же силы противника состояли из 40 000 янычар и 400 пушек, то есть 40 батарей. Царь с генералами наметил место напротив османских позиций, которое находилось в полумиле от лагеря, однако оно не отвечало нашим задачам, а именно — не позволить неприятелю занять исходные позиции для удара. Кавалерия после возвращения могла попасть в руки врага из-за малой скорости хода, вызванной наличием воинских тягостей. Для того, чтобы выручить находившуюся впереди конницу Януса, генерал Энсберг с шестью полками был отправлен навстречу ему, находившемуся как раз в полумиле от лагеря. Генерал Энсберг, несмотря на непрекращающиеся атаки, сразу соединился с Янусом и, не нарушая строя и не понеся потерь, вернулся к нам, отражая атаки противника, состоявшего из 16 тысяч татар и трёх тысяч сипахов и янычар. Враг же не мог приближаться к нам ближе 2–3 сотен шагов благодаря периодическим пушечным выстрелам нашей артиллерии. Постепенно время подошло к двум часам дня. Царь вновь решил наступать на врага. Спешно были отданы приказы. Необходимо было выяснить, каковы были силы неприятеля. Основные корпуса вместе дивизией Алларта собрались идти на противника.

После того, как основные силы тронулись вперёд, за ними последовала и дивизия генерала Алларта, чтобы занять возвышенности, поэтому он приказал одному из батальонов занять правый фланг. Однако враг оказал отпор, открыл огонь из ружей и отступил. Так продолжалось до шести часов в течении которых не происходило ничего достойного описания.

[…] Потом конница противника оказалась прямо за нашей кавалерией, приблизилась к полкам генерала Энсберга и ворвалась в части дивизии генерала Вейде. В связи с тем, что наша конница очень устала за сутки, ей срочно требовался отдых. Бывшие в полумиле от нашего лагеря подполковник Фейт, его адъютант и двое казаков погибли от сабель врага. Тогда же неприятельские войска продвинулись вперёд и татары с сипахами заняли находившиеся впереди высоты. Все холмы вокруг, настолько хватало глаз, были усеяны их шатрами. К вечеру царём был созван очередной военный совет, на котором было принято решение продолжить ночью отступление. Несмотря на то, что некоторые генералы предлагали двигаться днём, так как в темноте трудно держать порядок, решение следовать ночью осталось в силе. В связи с этим были отданы распоряжения — полки должны идти на равном расстоянии друг от друга, с каждой

стороны по четыре батальона, а между линиями — пушки и обоз. С внешней стороны полков должны быть рогатки, конники должны двигаться пешим порядком. Когда всё было готово, наступила ночь. Войска противника разожгли множество костров на высотах, мы же в 11 часов вечера начали движение по правому берегу».

Судя по записям генерала Алларта, царь всё ещё хотел атаковать турок, однако местность не позволяла этого и царь изменил планы. Пётр Алексеевич до этих пор не ценил воинов турецкой армии. Однако к вечеру стало понятно истинное положение русской армии — не было иного выхода, кроме как отступления. В связи с этим, к вечеру 19 июля боевой дух русской армии полностью упал, началась подготовка к ретираде в направлении Ясс.

[…]Несмотря на атаки татар и сипахов с самого раннего утра, Русская армия не сбивала строй, а солдаты не паниковали. Поэтому экспедицию Русской армии 1711 г. называют «достойными страницами безславного похода». Петра Алексеевича и всю Россию от катастрофы спасли лишь организация и самоотверженность. 19 июля русские не понесли больших потерь, так как татары и сипахи старались держаться вдали от пушечных выстрелов. Однако стоит отметить, что несколько известных османских мужей в тот день отдали Богу душу. Два янычарских командира, два знаменосца и около двадцати аскеров также погибли в тот день.

В воскресенье, 19 июля, в то время, как татары и сипахи атаковали русские войска, в османском лагере у моста оставшиеся турецкие воины пребывали в большом волнении. Уже никто не сомневался, что русские отступают. Близкая победа туманила взор. К полудню в лагерь стали поступать пленные и головы убитых врагов. Как уже отмечалось, за головы, принесённые до полудня, платили по 50 курушей, после обеда — по 30 курушей, а к концу дня эта сумма сползла до 20 курушей. Русских было приказано брать в плен, а молдаван убивать на месте. 19 июля множество молдаван погибло от рук татарских и турецких всадников. Ни в русских, ни турецких источниках не упоминается количество погибших в тот день молдаван.

19 июля в лагере Балтаджи Мехмеда-паши готовились к продолжению марша. Мосты усилили, подготовив их для проезда самых тяжёлых орудий. В то же время часть тяжёлой амуниции поручили нести воинам вместо их собственной поклажи.

В тот день за время столкновений у русских отбили несколько пушек. Несмотря на то, что в русских источниках нет таких сведений, «приказ», упоминаемый в «Тетради» проливает свет на это. […] В распоряжении, посланном Балтаджи Мехмедом-пашой губернатору Диярбакыра Али-паше и Татару Салих-паше, было написано: «возьмите у неверных их пушки и, не тратя времени на прочее, доставьте их в распоряжение штаба». Здесь же отмечается — «вернуть к штабу» ушедшие вперёд подразделения. Возращение аскеров губернаторов Сиваса и Диярбакыра обратно к мостам было крайне важно для Балтаджи. Это видно из второго распоряжения. Губернатору Сиваса Мехмеду-паше и гу-

бернатору Диярбакыра Али-паше было приказано: «*Оказать помощь и поддержку находящимся впереди воинам, развернуть их и спокойно направить назад*». Причиной, по которой Балтаджи Мехмед-паша отправлял такие приказы, была полученная им от «языков» недостоверная информация о Русской армии. Осторожности он проявлял больше, чем дальновидности.

Конечно, всех «языков» обязательно допрашивали. По их словам Русская армия, находившаяся недалеко от османского войска, состояла из 5–6 тысяч человек, с ними был и молдавский господарь Кантемир. Второе войско состояло из 80 тысяч человек и находилось под командой сына Шереметева. Под командованием же царя находилось ещё 120 тысяч солдат. По словам одного из «языков», царь, завидев издали османское войско, взял подзорную трубу и увидев громадное количество турецких солдат, гневно отругал Кантемира. Тот же в свою очередь заверил, что численность османского войска не имеет значения, так как многие из аскеров, испугавшись, отступят.

Очевидно, что многие из «языков», попавших в руки турок, давали абсолютно неверные сведения о царской армии и её состоянии. Эти показания напугали Балтаджи и оказали на него сильное влияние.

[…] Вот что показал один из пленных: «Наш царь по прибытии в Яссы отделил 12 тысяч всадников и, выдав им 12 пушек, куда-то отправил. А куда, не знаем. У нашего царя есть ещё один командир, которого кличут «Соболиной бровью». Вот у него есть в свою очередь, 25 тысяч отважных всадников, они ещё не прибыли, но вот-вот прибудут. Везир снял с себя кафтан, надел его на воина, который привёл этого «языка», дал ему 50 курушей и «отправил душу врага прямиком в ад, срубив ему голову своей рукой». Если принимать во внимание данные, приведённые этим пленным, то число солдат в русском войске, не считая корпус генерала Рённе, составляло 230 000 человек. Перебежавшие к туркам шведы давали совсем другие цифры. Кому должен был верить Балтаджи Мехмед-паша? В османском стане более охотно верли информации «языков», потому что считали Русскую армию очень сильной. Именно по этой причине Садразам вёл себя опасливо, даже слишком осторожно и поэтому не пустил 19 июля через мост ни янычар, ни пушки, в которых очень нуждались сражавшиеся турки.

На основании данных шведов, перебежавших от русских к туркам, Балтаджи Мехмед-паша и его военачальники сделали вывод о том, что Русская армия «разделилась» на три части, но вместо того, чтобы её уничтожить, они действовали медленно и нерешительно. 18 и 19 июля три моста были построены. Утром 19 июля нужно было срочно бросить вперёд всадников, пехоту и лёгкие пушки. 19 июля самые необходимые османские войска остались незадействованными. У турок было столко неиспользованных возможностей утром 19 июля, что следует откровенно признать бездарность османских военачальников. И действительно, по словам командира албанцев Махмуд-бея, «Балтаджи Мехмед-паша и его воители были неискушёнными, бездарными и бесчестными ублюдками».

[…] Командующие же русской армии — и русский царь и генералы — делали всё возможное ради успеха России, использовали любые шансы и доказали, что готовы ради этого на самую большую самоотдачу и даже самопожертвование.

19 июля все русские силы соединились у «Гуры Прутецулуй». К шести часам вечера, пока царь был занят приведением армии в порядок, татары и сипахи заняли все окружающие высоты. Русским не оставалось другого выхода, кроме как отступать. Уже отмечалось, что они решили уходить к Яссам... А османские войска, получив приказ от командования, вернулись обратно к мостам. Наблюдать за русскими остались только татары — и возможно, воины Татар Салиха-паши. Эти отряды заняли возвышенности по правую сторону от русского лагеря, поставили шатры, разожгли костры и провели там ночь. Итак, больше 19 июля ничего существенного не происходило.

Понедельник (9/20 июля)

Как уже отмечалось, в османском лагере 19 июля, готовились к дальнейшему движению вперёд. Достраивались укрепления у мостов, глашатаи ходили по лагерю и сообщали, что «завтра, в понедельник, готовится переход по мостам, поэтому всю тяжёлую поклажу необходимо оставить и быть готовыми к маршу». В лагере царило возбуждение. Пехота была полна решимости схватиться с врагом. Предполагалось, что воины пройдут по мосту после полуночи, а перед этим нужно переправить тяжёлую артиллерию.

Садразам в воскресенье направил командующему артиллерией такой приказ: «переправить через Прут пушки на свободных подводах». Агу янычар просили «оказать помощь в переправе пушек». Анатолийскому и румельскому бейлербеям (каждому отдельно) было сказано: «после того, как пушки будут переправлены по мостам и прибудут на место, подготовить по два знамени для каждой части войска». Вот что, по словам Ахмеда ибн Махмуда царило в османском лагере за ночь до решающих событий: «Вечером воины поели плова, глашатаи же сообщали всем, «что нужно оставить всё самое тяжёлое, а утром, даст Аллах, двинемся вперёд». Все прощались друг с другом; разве можно было сомкнуть глаза в такую ночь? Братья по вере говорили: «брат, не оставим же наши тела неверным, а оставшиеся в живых пусть отомстят за сыновей и дедов». Со слезами на глазах все возглашали: «Боже, когда же настанет утро?». По записям Ахмеда можно понять, что с одной стороны, османские воины понимали опасность битвы с русскими, с другой — было сильно желание настичь и уничтожить врага. До поздней ночи в воскресенье шла подготовка к выполнению данных распоряжений. Так и завершился этот день.

На рассвете, как и было приказано, все тяжёлые пушки были перевезены по мостам, очередь дошла до солдат…

[…] Переход всех османских войск по мостам занял несколько часов. Садразам, перейдя реку, решил не двигаться сразу дальше и велел поставить рядом с переправой свой шатёр. Было заметно, что османское

командование никуда не торопится. Садразам пожелал лично следить за переходом всего войска. В одном из источников это объясняется нехваткой смелости османского руководства. Очевидно, что пехота и другие подразделения после перехода Прута задерживались намеренно.

На другой стороне Прута у мостов была высота, а чуть дальше от берега — равнина. Это место у Прута «напоминало стамбульский район Фенербахче». После прохода мостов войска выходили на равнину и брали путь на Яссы. Если верить Понятовскому, то якобы для того, чтобы поторопить Балтаджи, вперёд были посланы несколько турецких воинов, которые потом вернулись и доложили, что никого из них враг не пленил, его впереди нет. Балтаджи приказал свернуть шатёр у моста и продолжил движение.

Как было отмечено выше, русская армия ещё 19 июля в 11 часов вечера начала отступать. Русские сожгли часть своего самого тяжёлого груза прежде, чем отправиться от «Гуры Прутецулуй». Однако операция «облегчение» на этом не закончилась. Русский лагерь находился под неотрывным наблюдением татар.

[…] Хан Девлет Герай поручил это сыну Азамат Герая — Ислам Гераю и Осману-аге. Рано утром 20 июля, когда царская армия начала марш, а правый фланг войск под командой Репнина оказался немного впереди, между основным корпусом армии и дивизией Алларта образовался разрыв. Татары мгновенно набросились на русский обоз, оставшийся без прикрытия. К ним присоединилась и часть сипахов. Генерал Алларт, пытался построить шеренги из нижегородских гренадёр и солдат Роппа и двинуть их в образовавшуюся брешь. Однако много повозок с амуницией было потеряно. Русским при этой атаке пришлось потерять до 6000 телег с поклажей. Испорченное имущество они рассовывали по мешкам. В результате налёта татар Русская армия потеряла значительную часть своей амуниции. Кроме лопат, топоров, гвоздей и прочих инструментов, было потеряно и много провианта, татары лишили их даже винных запасов. Заполучив такое количество трофеев, татары занялись их разделом между собой…

[…] Так как у каждого татарского всадника были запасные лошади, то они собрались навьючить на них трофеи и отступить. Среди захваченного было много и возов, которые можно было использовать. Османским воинам было запрещено касаться этих трофеев и все они достались татарам. Османам пришлось сдержать свой «голод» до нападения на врага. Русские, восстановив порядок после налёта, продолжили отступать, а татары и сипахи, продолжили их преследовать, не приближаясь блиэко из-за периодических пушечных выстрелов.

Другое важное событие 20 июля — это захват русских плотов и лодок. Русское командование приготовило для спуска по Пруту несколько плотов, с их помощью они собирались вместе с солдатами перебраться на другой берег[1]. Ранним утром 20 июля большая часть этих плотов была захвачена польскими жолнежами, пришедшими из-под Бендер.

[1] Как указывалось, до пяти сотен русских больных солдат были отправлены по воде на 16 понтонах. — *В. А.*

Более 400 русских солдат бежали в лес, оставив свои плавучие средства. Таким образом, русское войско лишилось возможности перейти Прут. Янычары, перешедшие по мосту, погнались на русскими, сбежавшими в лес. Оружейные выстрелы, доносившиеся с берега, привлекли внимание и многие аскеры побежали в ту же сторону. Когда выяснилось, что противник в лесу, Сейид Сабри эфенди вместе со своими людьми и янычарами нагнал русских. Как пишет Ахмед ибн Махмуд, «тут же началась охота за более чем восемьюстами неверными».

К тому времени, как османское войско переправилось по мостам и пошло в сторону Ясс, русские, потеряв часть своей амуниции и плотов, по-прежнему отступали, не теряя строя.

[…] Солнце поднялось выше и жара, длившаяся уже несколько дней, в этот день поднялась не на шутку. Так как татары и сипахи заняли возвышенности по правую сторону равнины, русским ничего не оставалось, как двигаться прямо по её середине. Потребность в воде не позволяла отходить далеко от Прута. Основной целью русских было добраться, пусть и медленно, до Ясс и не попасть в руки врага. До обеда ничего существенного не происходило, русские продолжали отступать. Однако прошли они короткое расстояние. К 11 часам вечера они не прошли и четырех-пяти километров…

[…] 20 июля Балтаджи продвигался тоже очень медленно. После четырёх часов марша под палящим солнцем он приказал поставить шатёр, в котором вёл себя, словно в стамбульском дворце — степенно и спокойно занимался мелочами, что ясно показывает суть этого главнокомандующего. Вместо того, чтобы послать против врага пехоту и хотя бы лёгкие пушки, Балтаджи продолжал медлить. Пешие воины очень уставали в такую жару, но и солдаты противника находились в таком же положении. Несмотря на то, что татарский хан и Черкес Мехмед-паша непрерывно просили помощи, Балтаджи не придавал этому значения. Задачей османского командования было не дать русским где-либо задержаться, окружить их и уничтожить. До полудня 20 июля всё способствовало этому, однако медлительность Балтаджи позволяла русским продолжать отход…

[…] Часам к двум дня русская армия миновала место «Станилешты» и подошла к урочищу Пагунлук. Войска обессилили. Находясь в движении с 11 часов ночи, русские были утомлены жарой и нападениями. Воды тоже не хватало. За 15 часов русские прошли всего 5 километров. Некоторым частям приказали сделать привал и набрать воды из Прута. Путь был полностью перекрыт татарами, двигаться вперёд было невозможно.

В такой ситуации солдатам приказали срочно окапываться и готовиться к отражению неприятеля. Однако у них уже не было сил копать землю. Им раздали все лопаты, по периметру расставили рогатки. Огородились и свободными телегами, между которыми были поставлены пушки. Западная сторона была оставлена неукреплённой, так как для этого уже не было возможности. На северной стороне лагеря для царя и его свиты были вырыты землянки. 20 июля в понедельник, в два часа дня на русских напали татарские всадники, здесь же были и сипахи.

Османские войска находились к этому времени ещё в трёх-четырёх часах пути от места сражения. Пока русские занимались отсыпкой укреплений, на противоположном высоком берегу Прута появились турецкие, татарские и польские части. То были войска из Бендер под командой Джина Али-паши. Была среди них и некоторая часть казаков и шведов. Эти отряды заняли позиции прямо против русских войск. Здесь был брод и у русских была возможность перебраться через Прут. Однако с появлением на противоположном берегу войск из-под Бендер, всякая возможность отступления отпала. Пока русские готовились к отражению атак, Черкес Мехмед-паша отдал приказ открыть огонь из четырёх небольших пушек, однако толку от этого не было никакого. Приблизить их к русским войскам было невозможно из-за огня русской артиллерии. Татарский хан и Черкес Мехмед-паша направили командованию весть о том, что русским «больше некуда деваться» и попросили прислать боеприпасы. Балтаджи Мехмед-паша пожелал им удачи и передал, что к вечеру он сам прибудет на поле боя.

20 июля
Атаки янычар вечером в понедельник

Как отмечалось, после обеда янычары перешли в наступление, они горели желанием успеть на передовую. Первые отряды янычар начали приближаться к русскому лагерю часам к пяти. В семь часов большинство янычар уже появилось у русского лагеря. Однако командование янычар ещё отставало. Среди янычар крепла мысль немедленно начать атаку. Они считали возможным уничтожить русские войска с первой же попытки и прибывшим позже уже ничего не осталось бы делать. Кроме ликвидации русского лагеря, они могли бы завладеть множеством ценных трофеев, что, как они считали, сделало бы им честь. Узнав о подготовке янычар к атаке, хан Девлет Герай немедленно направил к ним своего казначея Абдул-баки эфенди и передал:

[…] «Русские практически повержены, им некуда бежать, однако они подготовились к отражению атаки и отрыли укрепления»... Янычарам было предложено отложить атаку, потому что воины целый день находились в пути, устали и им не стоит атаковать сегодня вечером, лучше отдохнуть, дождаться всех остальных и уже вместе с ними штурмовать противника. Однако никто не придал значения словам татарского хана. Хотя руководство янычар и не горело желанием начинать приступ, самих янычар уже невозможно было остановить. «Мы ждём встречи с врагом уже три дня и вот этот момент настал, а нам говорят укрыться в укреплениях. Враг под нашим носом, а нам открыто говорят не нападать. В таком случае мы отказываемся выполнять приказы!» — кричали они. Янычары верили, что только они могут разбить русских и ревновали, что сипахи и татарские конники нанесли врагу столько ущерба. Для янычар было привычно с презрением относиться к другим родам войск… Они высмеивали сипахов и лучников, а сейчас готовились к геройству. Как известно, в то время организация янычар претерпевала

изменения. Чорлюлю Али-паша ради внутренней стабильности уменьшил их количество до 8000 человек. Однако на сей раз для нападения на русских необходимо было увеличить количество янычар до 30 000. За время боевых действий снизилась и дисциплина. Неправильно, что все 20 000 янычар, прибывших к бою, состояли из хорошо подготовленных воинов. Это подтверждается и тем фактом, что янычары не стали слушать своих командиров и татарского хана и решили обязательно напасть на неприятеля, что не делало чести их дисциплине. Однако в этом есть и положительное: это доказывает их самоотверженность.

[…] Несомненно, янычары хотели соблюсти и старую османскую тардицию — нападать на врага, едва завидев его. Таким образом, невзирая ни на что, янычары приняли решение напасть на русских. Время близилось к 7 часам. Обнажив клинки, янычары без всякого строя бросились на южный фланг русского войска, на дивизию Алларта, на вал и рогатки. По всей равнине разнеслись тысячи голосов янычар, сипахов и татар, кричащих одно слово: «Аллах, Аллах, Аллах!»

[…] Однако несущаяся к лагерю толпа состояла лишь из янычар, которые двигались только вдоль защищённой стороны[1]. Русские тут же поняли, как надо действовать. Генерал Алларт подключил самые важные части к себе и приказал подтянуть батареи. Янычары в это время беспорядочной толпой валили к русскому лагерю. Командир «serdengecti»[2] Мехмед-ага, другой Мехмед-ага со знаменем в руках и третий Мехмед-ага были во главе, подавая пример своим бесстрашием.

Однако идти с холодным оружием против пушечного и ружейного огня оказалось бессмысленным геройством. Русские установили пушки против места, куда направлялась янычарская атака и открыли огонь. Эффект орудийных выстрелов сказался тут же. Наступавшие хаотично и без строя янычары стали падать замертво. Сотни их погибли, сотни были ранены. Но они всё равно продолжали штурм, некоторые даже добрались до русских валов, разбросали часть рогаток и установили в одном месте жёлто-красное знамя[3]. Лишь часть янычар участвовала в атаке, остальные же остались сзади. От русского огня, всё более усиливавшегося, воины падали убитыми или получали увечья, «serdengecti» же, не получавшие подкреплений, постепенно отходили назад. Таким образом, первая атака ничем не закончилась. У нас нет точных данных о количестве убитых и раненых, известно только о девяти убитых командирах «serdengecti» и семи павших янычарских чорбаджи.

Несмотря на первую неудавшуюся атаку, янычары готовились ко второй. Снова раздались возгласы «Аллах, Аллах!» Янычары опять бросились на укрепления с холодным оружием. Русские сопротивлялись, используя прежнюю тактику — стреляли в янычар пушками и заменяли уставших солдат свежими. Такая их тактика снова принесла им успех.

---

1 Неясно, о чем идёт речь. — *В. А.*

2 Расшифровать это воинское соединение не удалось — *В. А.*

3 Русскими источниками это не подтверждается — *В. А.*

[…] После окончании второй атаки янычары стали готовиться к третьей, которая также не принесла результата. В некоторых источниках говорится, что янычары провели и четвёртую атаку[1]. Казалось, что они хотели одолеть русское войско любой ценой. Однако с наступлением темноты неприятеля уже было трудно видеть. Янычары прекратили штурм и укрылись в высохшей старице Прута, ставшей своего рода укрытием от русских пуль и ядер. Янычарский ага, поняв невозможность уничтожения русской армии, приказал янычарам воздвигать укрепления и укрываться в них.

Во время третьего или четвёртого приступа янычар, к месту боя подошёл Балтаджи Мехмед-паша. Ещё прежде янычарский ага Юсуф-паша объяснил садразаму обстановку и просил его скорее прибыть к месту сражения. Балтаджи, взглянув на часы и увидев, что до вечера осталось полтора часа, повелел «укрыться в укреплениях, если противник под натиском янычар не примет решения об отступлении». Когда Балтаджи подходил к месту сражения вместе со священным знаменем Санджак-и-шерифом, всюду раздавались возгласы «Аллах, Аллах, Аллах!» Но боеприпасы и арбы с пушками были ещё далеко. Буйволы из-за сильной жары шли очень медленно. Несущий священное знамя шейх Карабаш, гази шейх Юсуф Ахмеди и гази шериф Мехмед Истери пришли к янычарам, которые первыми бросались на русских и осыпали их похвалами. С прибытием к месту сражения религиозного знамени янычары прекратили приступы.

[…] В это время Балтаджи приказал поставить себе шатер недалеко от места битвы. Садразам получал вести о сражении, сидя под его сенью. Одно из русских ядер упало недалеко и Балтаджи тут же приказал перенести шатёр подальше. Османский главнокомандующий был не из воителей. В связи с активным отпором русских, из-за множества убитых и раненых и из-за темноты, янычары приостановили атаки. Османским воинам приказали скрыться.

На поле боя стали прибывать аскеры из провинций, однако сразу ни один из них не присоединился к атакующим янычарам. Один лишь Мехмед-паша, сын бейлербея Аданы Курта Байрама, вместе с янычарами мужественно бросился на русских. Все воодушевились отвагой сына Курта Байрама. Часть египетских янычар тут же присоединилась к наступавшим. Геройство сына бейлербея и египетских янычар позволило на некоторое время забыть о задержке основных османских войск. Однако храбрость сына Курта Байрама и египетских янычар не привела к успеху. В дневнике Петра I имеется следующая интересная запись об атаках янычар: «И, собрався, турки со всею своею янычарскою и протчею пехотою, которой по скаске их со сто тысячь, да конницы кроме татар со 120 тысяч обреталось, учинили на войско росийское после полудни часа за три до захождения солнца жестокую атаку последующим образом. Пехотный фронт первой шеренги не более, как ста три или четыре был, а в ряды длиною близ мили, все не строем.

[1] В русских источниках отмечены только две атаки — *В. А.*

Однакож приближились саженях в 30-ти, и тот бой стрелбою продолжили близ трёх часов или более до самого вечера.

[…]Сей клин их трафился на дивизию генерала Аларта, а конница образом саранчи везде кругом была разсыпана, и напускали отвсюды. Но ис той конницы некоторые в малом числе блиско приезжали, а протчие толко издали криком атаковали. Но вышеписанная пехота турецкая, хотя и нестройная, однакож зело жестоко бились, и ежели б по своему людству фрунтом везде атаковали, то б не безопасно было, ибо перед нашим войском (которое токмо все в 31 554 пехоты и 6692 человеках ковалерии регулярной, которых большая часть бесконных состояла) множественным числом людей превосходили. Но понеже они ту атаку водном только месте чинили, то с нашей стороны свежими людьми то место подкрепляли, также восемь осьмифунтовых пушек туды привезли и несколько полковых прибавили (для того что видели, что в иных местех атаки пехотою от них не будет). И скорою стрелбою, двойными выстрелы, то есть ядры и картечи, во оный клин стреляли, отчего их-зело много побито как ис пушек, так из ружья мелкого (понеже, хотя б какой плохой пушкарь был и хотя б в перестрел стрелял, то б людей не миновало, так густо оные стояли), что потом сами турки сказывали, что их тут около 7000 пропало.

И тако оные с помощию Божиею отбиты и, ежели бы за ними хотя мало следовали, то б полную викторию получить могли. Но сего не могли учинить, для того, что обоза окопать не было времяни, а ежели б, не окопав, итить на них, то б конница их ворватца могла, и всё б могли потерять своё пропитание, которого и так мало было»[1].

Информация о потерях турецкой стороны, приведённая в этом источнике, абсолютно не соответствует действительности. Как известно, потери янычар в тот день составили максимум 1500 человек[2]. Во время сражения был ранен и командующий янычарами Юсуф-ага. Он находился позади янычар и воодушевлял их своими командами, хотя даже лошадь его была ранена. Несмотря на рану, Юсуф остался в строю. Но, невзирая на взбадривание своим командиром, янычары не выдержали отпора русского войска. Вот как описывает эти события генерал Алларт:

[…] «Однако, встретив отпор, турки отступили. Противник, несмотря на то, что дошёл до рогаток, не смог захватить ни пяди земли и ему пришлось отступать более, чем на сотню шагов. Они укрылись в логе у Прута, где мы не могли нанести им никакого ущерба. В это время прибыл фельдмаршал Шереметев, приказавший одному из офицеров, чтобы гренадёры «выкурили» врага из укрытия. После атаки 80 гренадёров неприятель отошёл ещё на 20–30 шагов, однако, когда гренадёры закончили операцию и стали возвращаться, янычары гнались за ними почти до наших рогаток, но получив несколько пуль и потеряв часть

---

[1] Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 371, 372. — Этот отрывок А. Н. Курат процитировал неточно. — *В. А.*

[2] По русским данным потери янычар составили 7–8 тыс. чел. — *В. А.*

бойцов, снова отступили и спрятались в укрытиях. Так было несколько атак с обоих сторон, в ходе которых генерал Алларт получил пулю в локоть правой руки. Лишившись, таким образом, возможности держать оружие, он сдал команду генерал-лейтенанту фон дер Остену, сам же направился к царю. Гренадёры и Казанский полк, потеряв много солдат, попросили заменить их другими подразделениями. Генерал понимал, что противник обязательно снова нападёт с того же фланга. В том же месте очень серьёзное ранение в тот день получил и генерал граф Волконский».

Эти три или четыре приступа янычар являются самыми основными боями за время Прутского похода. Все налёты 19 и 20 июля проходили по одной тактике. К вечеру 20 июля атаки янычар сильно ослабили русское войско. Янычарам даже казалось, что у русских больше не осталось частей, способных к отпору. Но дальнейшие события показали другое: у противника ещё оставались боеспособные солдаты, достойно и деятельно отражавшие натиск.

[…] Всё это, несомненно, оказало на османов сильное действие. Даже у самых уверенных в успехе пробудился страх. Стало ясно, что неприятель не сломился после атак янычар и прочих воинов. Все поняли основную ошибку: укрывшегося за валами и пушками врага можно разбить только с помощью фортификации и артиллерии.

Начальство укрыло янычар и остальную пехоту за земляными укреплениями. 20 июля русские понесли серьёзные потери, а к ночи — потерпели поражение.

Место на берегу Прута, на котором турки окружили русское войско, зовётся Берёзовой равниной. 20 июля, после полудня, часов с двух дня, возвышенности по правую сторону этой равнины были заняты татарскими и османскими всадниками, а дорога на Яссы после урочища Пагунлук была перекрыта татарами. В то время, как янычары часов до семи атаковали, остальные турецкие войска постепенно подходили к месту сражения. После прекращения атак янычары стали отсыпать укрепления, а отставшие турецкие части только-только прибывали. С каждым часом турецкое войско, окружившее русских, увеличивалось и усиливалось. Сзади подходили всё новые силы, приносившие всё больше боеприпасов.

Османское командование в срочном порядке приказало готовить батареи и боеприпасы. К отбою (часам к десяти) прибыли три фуры со снарядами и лопатами, а немного позже — ещё семь пушек, которые сраэу же были направлены в распоряжение командира. Пушки были тут же установлены и с них был открыт огонь по русским. Стоит отметить, что огонь начался только после намаза. И если до этого русские орудия громили позиции турок, то теперь ситуация изменилась и русский лагерь оказался накрыт турецким огнём.

[…] С каждой минутой успех склонялся к туркам. К полуночи немного позади янычар, уже стояло 250 пушек, а ближе к излучине Прута установлены деревянные платформы, на которые поставили тяжёлые и лёгкие пушки. Благодаря напряжённой работе, к утру русский лагерь

уже обстреливался со всех сторон. Однако самые тяжёлые орудия, — по словам Ахмеда, их было семь — ещё не прибыли. Каждую из них везли по 36 пар буйволов, однако из-за жары животные двигались очень медленно и эти орудия так и не прибыли.

В то время, как турки были заняты отсыпкой земляных укреплений и установкой пушек, русские продолжали вести огонь. Пушками они старались помешать работам османов.

Начальник янычар Юсуф-ага всю ночь провёл на позиции рядом с распорядителем артиллерии. Балтаджи Мехмед-паша тоже не спал. В полночь садразам сообщил начальнику янычар, что он бодрствовал. Юсуф-ага ответил: «*Кланяюсь в святые ноги моего повелителя. Да не забудет он помолиться о нас и мы останемся невредимыми, не отступим от врага и, даст Аллах, одолеем неверных. Оставаясь в добром здравии и силе, не верьте тем, кто притворяется мусульманином, — таковых сейчас много*)». Говоря, что среди войска много ненастоящих мусульман и что не стоит им верить, Юсуф-ага хотел сказать, что свита садразама постепенно раскрывает истинное обличье. Зная о том, что верховный везир испытывает страх, он хотел подбодрить его и придать смелости. И конечно же, он понимал, что безуспешные атаки янычар крайне раздосадовали Балтаджи.

[…] Балтаджи Мехмед-паша в эту ночь отлучался из шатра, ходил в расположение войск, безуспешно пытаясь что-либо разузнать.

Хотя русские орудия и не наносили серьёзного ущерба турецким позициям, но периодически их выстрелы бывали успешны. Например, когда командир 48-го соединения Хасан-ага совершал утренний намаз, в его голову попало ядро и он погиб, не успев и вскрикнуть. Ещё одному Хасану-аге, албанцу, командиру 50-го соединения, снесло голову ядром также во время утреннего намаза. Начальник 41-го соединения Хаджи Хюсейин-ага был ранен. А когда его положили на носилки и несли к его шатру, его обе ноги оторвало ядром и он тут же погиб. Не только офицеры, но и множество рядовых воинов было убито и ранено. Точных данных об убитых и изувеченных той ночью не приводит ни один источник. Единственно известно то, что противник не мог беспрепятственно обстреливать позиции.

К ночи, когда положение русского войска становилось всё хуже и хуже, царь и его генералы стали думать о спасении. Пётр Алексеевич сильно нервничал. Обычно он умел держать себя в руках, но сейчас он словно сошёл с ума. Он не знал, что делать. Два раза за ночь генералы собирались на военный совет и докладывали о положении дел. Они наперебой давали советы. Царь решил готовить атаку на турецкие батареи и с помощью солдат захватить турецкие пушки. При успехе такой операции утром можно было бы начать общую атаку всей Русской армии на турок. С другой стороны, царь думал и о том, чтобы любой ценой прорваться сквозь турецкие войска и бежать в Трансильванию. Если бы Петру Алексеевичу удалось бежать вместе с войском в Трансильванию, то остальное было бы просто: из России пришли бы новые войска, которые бы их спасли. Однако такие смеху подобные планы больше по-

ходили на беспочвенные мечты и были невозможны в связи с тяжёлым положением русского войска. У русских не было возможности ни захватить турецкие пушки, ни напасть утром всей армией.

[…] Им не оставалось ничего иного, как отдаться на волю случая и действовать в зависимости от поведения турок. Инициатива полностью перешла к туркам. Ночь с 20 на 21 июля была самой тяжёлой и отчаянной в жизни Петра Алексеевича, да и всего русского войска. Им казалось, что назавтра их ожидает смерть, либо плен, третьего не дано. Армия голодала, была без сил, в лагере было много женщин, повсюду лежали трупы и раненые. Всё это придавало лагерю ужасный вид. Царь, царица, генералы, офицеры, солдаты, господарь Дмитрий Кантемир и его молдавские ополченцы — все были в отчаянии, все боялись грядущего дня и в страхе ждали утра.

10/21 июля, вторник

Наконец начало светать. В то время ночи были короткими, между закатом и рассветом проходило около шести часов. Светать начало примерно в 2:30 и в 3:00 уже рассвело. Начинался один из самых волнующих дней мировой истории. Решалась судьба недавно родившейся и в достаточной мере укрепившейся Российской империи. Царь Пётр Алексеевич, отобравший у турок Азовскую крепость, победивший под Полтавой шведского короля, продемонстрировавший силу Русской армии, завоевавшей всю Прибалтику, прорубивший Москве окно в Европу, захвативший много крепостей в Польше, позарившийся и на Османскую империю, сделавший молдавского воеводу князем и фактически организовавший в Молдавии беспорядки, возжелавший установить на соборе Святой Софии крест, — сейчас он вместе с армией находился на маленьком клочке земли, окружённый со всех сторон турецкими войсками!

[…] С каждой минутой ужасное положение, в котором находился царь, становилось всё яснее. Отдохнушие за ночь турки и татары, совершив утренний намаз, с аппетитом принялись за «посланную Богом пищу». И ведь на самом деле эта снедь была послана Богом: разве царь не своими ногами пришёл на османскую землю? С ночи 18 июля татары и турки добыли много голов, языков и трофеев. Однако самым счастливым должен был стать день, когда армия противника будет уничтожена. В этом все были уверены. Татары очень ждали этого момента, потому что от русского царя больше всего натерпелись они. Новые крепости, построенные на Днепре, в особенности Каменный Затон, мешали татарам выпасать домашнй скот в Поднепровье и закрывали татарским всадникам путь на Украину. Кроме того, благодаря Каменному Затону русские войска получили возможность беспрепятственно доходить до Крыма. После захвата русскими Азовской крепости, на Таганском мысу была построена новая крепость Таганрог. Это отсекло кубанских татар от Крыма. Москва уже более двадцати лет не платила дани Крыму[1].

[1] На самом деле русские поминки в Крым не выплачивались с 1686 г. — *В. А.*

После захвата Азова и постройки на Днепре новых крепостей сократился и поток пленных из Российского государства. Сейчас же этот «неверный враг» попал в руки мусульман, что не могло не вызвать у крымских татар ликования. Таким образом, в ночь с 20 на 21 июля татарские воины с радостью ждали наступления утра.

Несомненно, этого утра с той же радостью ждали и прибывшие от Бендер казаки, поляки и некоторая часть шведов, которые разбили свой лагерь на левом берегу Прута, против русского войска. Казаки горячо ждали свободы со времён Богдана Хмельницкого, когда Украина вошла в состав России. Несомненно, победы Петра не восхищали казаков. Украина стала российской марионеткой. Казацкий гетман Мазепа старался добиться для Украины независимости, воспользовавшись войной между Карлом XII и Петром I. Однако его планам не суждено было сбыться из-за Полтавского сражения.

[…] Мазепе пришлось вместе с Карлом XII искать убежища в османских владениях. После смерти Мазепы теперь среди войска, прибывшего от Бендер, находился новый гетман Орлик. Командуя казаками, он стоял плечом к плечу с турками и ждал дня, когда сможет вернуть Украине независимость.

Киевский воевода Потоцкий также расчитывал, что 21 июля станет поворотным рубежом для Польши, которая избавится от русского господства. Он надеялся, что русский ставленник Август II покинет Польшу и поляки снова смогут свободными выборами избрать себе короля и снова жить в независимом государстве. Жолнежи, бежавшие из Польши, надеясь вернуться на свободную родину, также с радостью ожидали наступления нового дня.

Скорее всего, и шведские офицеры и солдаты с надеждой вглядывались в наступающий день, когда закончатся годы их мучений. Крепости, которые они потеряли, вернутся Швеции. Обитавший как беглец в Бендерах, король с честью и достоинством мог бы вернуться на родину.

Воодушевлению и надеждам османских воинов не было предела. Неверный русский царь, его армия, вся его собственность должны попасть в руки стражей ислама. В этот день погибшие станут шахидами, выжившие — героями. Все ждали этого дня. С такими разговорами, вкушая яства, провели ночь воины. Ранним утром все мусульмане принялись совершать намаз. В этот момент русские открыли артиллерийский огонь, который перебил много человек…

Русское войско находилось на пространстве размером в два-три кв. километра в месте излучины Прута, которая в молдавских источниках зовётся «Valea rifoasa», а в турецких «Hus sahrasi» («Берёзовая долина»). В нескольких сотнях метров находились турецкие укрепления и окопы.

[…] К югу от войска, начиная от берега реки, стояли соединения: солдаты из Аданы и сын Курта Байрама Мехмед-паша; далее часть египетской и боснийской пехоты; Мехмед-паша под текинским знаменем; Дурмуш-паша под герцеговинским знаменем. Далее стояли по порядку: джебеджи — артиллерия — янычары и «serdengecti» на конях — губернатор Сиваса Черкес Мехмед-паша-вали Диярбакыра Али-паша-вали

Алеппо Ибрагим –паша-вали Боснии Али-паша-вали Румелии Хасан-паша — Татар Салих-паша — крымский хан.

[…] Эти подразделения, находившиеся на правом берегу Прута, окружили русское войско со всех сторон. В нескольких сотнях метров за губернатором Кутахьи Хасаном-пашой стояли ветераны, как и за боснийским вали Али-пашой. Таким образом, османский лагерь находился за артиллерией и янычарами, то есть, на безопасном расстоянии от пушечных выстрелов противника.

[…] В нескольких километрах от каждого подразделения стояли палатки. Единственной стороной, где русское войско не было окружено, был сам берег реки. Но на левом берегу, как указывалось, стояли прибывшие от Бендер отряды. Считая с севера на юг это были: татары под командой Мехмед Герая, знаменосцы, «serdengecti» из Бендер, пушки, поляки, казаки и небольшая группа шведов. В связи с тем, что пушки на левом берегу стояли на возвышении и русское войско обстреливалось с той стороны, можно сказать, что оно было окружено полностью, со всех сторон. Лучшей позиции представить было нельзя.

Русские попытались перейти в наступление. Для этого они использовали момент, когда турки пробуждались. В атаку солдат собрался вести генерал Видман. Чтобы показать пример, он пошёл впереди всех. Солдаты, выставив штыки, пошли на турецкие укреплениям. Однако турки за ними наблюдали и от янычар и других воинов полетели пули. Продолжать атаку русским было невозможно. Генерал Видман был сражён пулей и пал на землю[1]. Слева и справа от него росло количество убитых и раненых. У рванувшихся в атаку солдат не было другого выхода, кроме как отступать. Стало очевидно, что турецких воинов и турецкую артиллерию молниеносной атакой не взять.

Османское командование, учтя урок тщетной атаки прошлого вечера, поменяло тактику. Было решено обстреливать неприятеля из пушек. Турки открыли огонь из 400 орудий, русские же отвечали всего 122 пушками. К тому же турецкие орудия стояли так, что русское войско обстреливалось абсолютно со всех сторон. Был выбран способ, который позволял победить врага. Да и всю ночь турецкие пушкари время от времени обстреливали русский лагерь.

Конечно, ночью артиллерийские залпы впечатляли, но они не были действенны. С утра можно было целиться более чётко. С восходом солнца выстрелы турецких пушек стали интенсивнее. Русские отбивались всеми силами, однако их ответ не наносил никакого ущерба туркам. В артиллерийской дуэли перевес был на турецкой стороне.

Так как янычары и другая пехота находились близко к расположению русских, им хорошо были слышны голоса за укреплениями и видно всё происходившее там. Турки просматривали всё, вплоть до самого центра лагеря. Все видели, как растет число убитых, как тела разбросаны где попало, как трупы лошадей валяются вперемежку с мертвецами, как солдаты начали срывать ветки с деревьев и есть листву. В какой-то мо-

[1] Вылазки генерал-майора И. Видмана не было. — *В. А.*

мент русские решили спуститься к Пруту, чтобы запастись водой, однако с противоположной стороны те, кто прибыл из Бендер, открыли по ним огонь и им пришлось без воды вернуться обратно.

Турецкие орудия стреляли с утра до полудня без остановки. За канонадой с интересом наблюдали сипахи и пехота. После полудня янычары пришли в раж от нетерпения. Они стали требовать приказа идти на штурм. В связи с этим начальник янычар Юсуф-паша послал садразаму сообщение: «*Аскеры и офицеры пехоты полны сил, у неверных не осталось ни пушек, ни ружей, османские укрепления находятся очень близко к шанцам кяфиров, пехота требует наступления*». Таким образом, янычарский ага просил у Балтаджи разрешения начать атаку пехотой.

Балтаджи Мехмед-паша решил, что пришло время решающего удара и приготовился отдать приказ идти всем на приступ. Верховный везир созвал в свой шатёр писарей и начал диктовать приказ об атаке низамом.

[…] Первый приказ был написан Девлет Гераю, потому, что он находился на холме далеко от османского лагеря. «*Достойнейший татарский хан, пусть Ваша пехота с Божьей помощью и молитвой на устах гонит неверных, нападёт на них, а моя молитва и моление нашего милосердного Пророка с Вами*». Подготовил он и распоряжение для Чархаджи Черкеса Мехмеда-паши, стоявшего недалеко от татарского хана. В предписании янычарскому аге были слова: «*Брат мой, Ага янычар, вверяю тебя и всех твоих аскеров под защиту Аллаха. Да благоденствуйте вы в этом мире, моя молитва и моление нашего милосердного Пророка с вами. Сразу же по получении сего приказа пошли все имеющиеся свои силы на лагерь неверных*». Командующему джебеджи Мустафе-аге и остальным командирам были подготовлены такие же распоряжения. Балтаджи Мехмед-паша приступил к подписанию подготовленных бумаг. Это означало окончательное решение начать атаку пехотой. Необходимо было пойти навстречу желанию низама и прежде всего, янычар. Никто в османском лагере не сомневался в успехе предстоящего штурма. Главнокомандующий Балтаджи Мехмед-паша был в шаге от того, чтобы изменить русло мировой истории. Подписывая на коленях каждый из приказов, он приговаривал Московское царство к смерти. Османский муж Балтаджи Мехмед-паша был одной из известных величин мировой истории. Но в тот момент он не понимал значимости этих минут!

Перевод Н. Белера

СОКРАЩЕНИЯ

Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ГСВ — Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) М., 2004. Вып.1

Каб. ПВ — РГАДА, Кабинет Петра Великого

Моро [Моро де Бразе]. Записки бригадира Моро де Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1965. Т. 8

ППВ — Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1; М.,1964. Вып. 2; Т. 12. М., 1975. Вып. 1; М., 1977. Вып. 2; Т. 13. М., 1992. Вып. 1; М., 2003. Вып. 2

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Сб. РИО — Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1886.

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском Университете

AGAD — Главный архив древних актов (Варшава)

KKD — Karolinska Krigares Dagböker

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

Российский государственный архив древних актов
Ф. 2. Кабинет Петра Великого
Ф. 32. Сношение России с Австрией.
Ф. 89. Сношения России с Турцией.
Ф. 248.
Российский государственный военно-исторический архив
Ф. 2.
Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
Ф. 83
AGAD — Главный архив древних актов (Варшава)
Archiwum koronny warszawski. Dział Turecki. Karton 79.

ИСТОЧНИКИ ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. Т. 5. М., 1853.

Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. СПб., 2016.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2009.

Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Ч. 2. М., 1969. С. 98–139.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.

Гаркави А. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчёт Имп. публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884.

Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Составитель Т. С. Майкова. Вып. 1–2. М., 2004.

Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Академией Наук. Т. 1. СПб., 1880.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате, в царствование Петра Великого за 1711–1712 гг. Т. III, СПб., 1889.

Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 по 1711 г. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 50. СПб., 1886.

Ефимов С. В. Новый источник по истории Прутского похода 1711 года // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–17 сентября 2006 года. Секция «Военная история России: опыт современного изучения». СПб., 2006.

Исторические песни и баллады / сост. С. Н. Азбелев. М., 1986.

[*Кантемир Д. К.*] Димитрия Кантемира, бывшаго князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнию сочинителя. М.,1789.

Марсильи Л. Ф. Военное состояние Османския империи с ея приращением и упадком. Ч. 1–2. СПб., 1737.

Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). М., 1996.

[*Монтекуколи Р.*] Записки Раймонда графа Монтекуколи или главные правила военной науки. М., 1760.

[*Моро-де-Бразе*]. Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) // Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М., 1977.

Мышлаевский А. З. Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлечённые из архивов. СПб., 1898.

Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов в 2-х т. / сост. К. В. Татарников. М., 2015.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. М., 1884–1885.

Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика и киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польском языках // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. № 1. М., 1847. С. 36–49.

Пётр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М., 2013.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1–2. М.,1962/1964; Т. 12. Вып. 1–2. М., 1975/1977; Т. 13. Вып. 1–2. М., 1992/2003.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Рязань, 2010.

Письма Петра Великого, писанные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников. М., 1774.

[*Плейер О.*] О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. Донесение Оттона Плейера в 1710 году // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Апрель — июнь. Кн. 2. М.,1874.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.

Понятовский С. Записки сподвижника Карла XII // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 2–4.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3 ч. СПб., 2011.

Походные и путевые журналы императора Петра I за 1711 г. СПб., 1854.

Русский посол в Стамбуле. (Пётр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века). М., 1985.

Соймонов Ф. И. История Петра Великого. СПб., 2012. 454 с. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов: в 2 т. / сост. К. В. Татарников. Т. 1. М., 2010.

[*Тальман И. М.*] Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977.

Тейльс В. Известия, служащие к истории Карла XII. Ч. 1–2. М., 1789.

Толстой П. А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М., 2006.

Тунманн [*Г. Э.*]. Крымское ханство. Перевод с немецкого издания 1784 г. Симферополь, 1991.

Устав воинский. о должности генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежит быть и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. СПб., 1716 г.

[*Шереметев Б. П.*] Переписка и бумаги графа Б. П. Шереметева. СПб., 1879.

[*Шереметев Б. П.*] Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / под ред. А. З. Мышлаевского. СПб.,1898.

Юст Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001.

Яковлев А. А. Выписка из журнала Александра Андреяновича Яковлева, находившагося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711-м году // Отечественные записки (изд. П. Свиньиным). СПб., 1824. № 51. Июль.

[*Agrell S.*] Sven Agrells dagbok 1707–1713. Stockholm, 1988.

Bruce P. H. Des Herrn Peter Heinrich Bruce… Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Russland, Tartarey, Turkey, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Russland. Leipzig,1784.

Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., a military officer in the services of Prussia, Russia & Great Britain, containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies etc. as also several very interesting private anecdotes of the Czar, Peter I of Russia. London, 1970.

Carlson E. Die eigenhändigen Briefe König Karls XII. Berlin, 1894.

Carlson E. Kapten Jefferyes bref till engelska regeringen från Bender och Adrianopel 1711–1714, från Stralsund 1714–1715. Sthlm., 1897.

Fabrice F. E. Zuverlässige Geschichte Karl des Zwölften. Hamburg, 1759.

Hallart L. N. Dagbok förd under Ryssarnes fälttåg vid Prut I Juni — 15 August n. st. 1711 // Karolinska krigares dagböcker. Bd. 9. Lund, 1913.

Hultman J. D. O panowaniu Karola XII króla Swecji. Kraków, 2015.

Kantemir D. K. Geschichte des Osmanischen Reichs nach seinem Anwachse und Abnehmen, beschrieben von Demetrie Kantemir. Hamburg, 1745.

[*Karl XII*]. Die eigenhändigen Briefe König Karls XII. Berlin, 1894.

[*Lagerberg S.*] Acter, rörande öfferste lieutenanten Sven Lagerbergs beskickningar ifrån Bender till Tartar Chan // Handlingar, hörande till Konung Carl XII's historia. Delen 2. Stockholm, 1820.

[*Lagerberg S.*] Sven Lagerbergs dagbok under vistelsen hos Tartar-Chan Dowlet-Gherey 1710–1711. Göteborg, 1896.

Literae universalis regis sueciae ad ucrainensis // ЧОИДР 1847. № 1.

Lukinich J. A. Satmari beke tortenete es okirattara. Budapest, 1925.

La Motrey A. de. Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Vol. 2. A la Haye, 1727.

Nordberg J. A. Histoire de Carles XII, roi de Suéde. V. 2–4. A la Haye, 1748.

Nordberg J. A. Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden. Bd. 2, 3. Hamburg, 1751.

Poniatowski S. Remarques M. Le Comte Poniatowski, seigneur polonais, lientenant-general cidevant au cervice de Suede et actuellement au cervice de Pologne, zur l'Histoire de Charles XII, roi de Suede, par M. de Voltaire. A la Haye. 1741.

Sanstedt E. Studier rörande Jöran Nordbergs Konung Carl XII's historia. Lund, 1972.

Sutton R. The dispatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1710–1714). L., 1953.

Villebois F. Anecdotes de la cour de Russie, sous le regne du czar Pierre Premier et de la sa secounde femme Catherine. РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 124. Л. 60–62.

[*Weismantell E. H.*] E. H. Weismantells dagbok. Utg. S.E.Bring. Stockholm., 1928.

ЛИТЕРАТУРА

Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

Аваков П. А. Город Троицкий на Таган-роге. Каким был облик первой военно-морской базы России // Родина. 2015. № 8. С. 98–99.

Аваков П. А. Основание Таганрогской гавани от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298–311.

Аваков П. А. Оборона Крынкской слободы в 1711 г. (эпизод из истории русско-турецкой войны 1710–1713 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов н/Д., 2018.

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687). М., 2012.

Андреев А. А. Россия и Бухарское ханство в конце XVII — начале XVIII в.: к истории нескольких посольств // Меншиковские чтения 2013. СПб., 2014. Вып. 9.

Андрющенко О. В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008.

Аншаков Ю. П. Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства» // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. Сборник статей. М., 1985. С. 71–85.

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.

Артамонов В. А. Трагедия царской семьи // М. И. Семевский. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс 1692–1724. М., 1994.

Артамонов В. А. Мать Полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008.

Артамонов В. А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009.

Артамонов В. А., Константинов В. А. Дмитрий Кантемир и монархия Габсбургов в 1715 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 3 (2). Самара, 2011.

Артамонов В. А. Сербы и Турецко-русская война 1710–1713 гг. (К 300-летию русско-сербского боевогосодружества) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 3 (2). Самара, 2011.

Артамонов В. А. А. Д. Меншиков в 1711 г. // Меншковские чтения 2013. Научный алманах. СПб. 2013. С. 9–14.

Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I в 1711 г. М., 2015.

Андрющенко О. В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008.

Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982.

Базарова Т. А. «Знак приязни оной Порты к Его Царскому Величеству и к министрам его» // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 61–64.

Бережков М. Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича учёным славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891.

Беспятых Ю. Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998.

Богословский М. М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1946.

Богоявленский С. К. Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 19–41.

Богоявленский С. К. Связи между русскими и сербами в VII–XVIII вв. // Славянский сборник. М., 1947.

Бранденбург Н. Е. Кубанский поход 1711 г. // Военный сборник. Т. 54. № 3. СПб., 1867. С. 29–42.

Бранденбург Н. Е. Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. // Артиллерийский журнал. 1897. № 1.

Будтолаев Н. М. Строительство Таганрогского порта в 1697–1711 гг. // Известия АН СССР. Отделение технических наук. М.,1951. С. 1718–1730.

Букейханов П. Е. Как Пётр Первый усмирил Европу и Украину, или Швед под Полтавой. М., 2015.

Бумай О. К. Организация медицинского обеспечения армии и флота при Петре I // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). Часть I. СПб., 2004.

Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1820.

Великанов В. С., Нечитайлов М. В. Стракутра и организация армии Османского государства (1670–1710-е гг.) // Военно-исторический журнал «Воин». 2010. № 12. С. 20–32.

Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семёнова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

Витол А. В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

Водарский Я. Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР. 1963. № 6. С. 207–212.

Водарский Я. Е. О некоторых событиях Прутского похода Петра I (1711 г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 82–95.

Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.

Водарский Я. Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26.

Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Территория и население России в 15–18 веках // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011.

Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992

Возгрин В. Е. История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма: в 4 т. Т. 1. СПб., 2013.

Возгрин В. Е. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы // Скандинавский сборник. Т. 29. Таллин, 1985.

Возгрин В. Е. Южный фронт российской внешней политики накануне и после Полтавы // Проблемы истории России и стран Северной Европы от Средних веков до наших дней (К 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского) СПб., 2009.

Возгрин В. Е. Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. (К 200-летию подписания Тильзитского договора). Материалы международной научной конференции. СПб., 2008.

Гаврищук В. В. Строительство Российской армии в 18 веке: историографическое исследование. Дис. … доктора ист. наук. М., 1999.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. III. М., 1788.

Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелигитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013.

Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006.

Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловицкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2. М., 2001.

Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России. Сб. статей. М., 1986. С. 213–280.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб, 1994.

Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958.

Достян И. С. Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995.

Драгићевић Р. Неколико напомена о боју на Цареву Лазу // Историски записи. Титоград, 1960. Књ. 17. Св. 1.

Дучич Й. Граф Савва Владиславич: серб дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I . СПб., 2009.

Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потёмкина. М., 2000.

Ефимов С. В. Прутский поход 1711 года в воспоминаниях шотландского офицера на русской службе // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 20–25; № 10. С. 16–20.

Жомини Г. Очерки военного искусства: в 2 т. — изд. 2-е. Т. 2. М., 2011.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени. Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.,1989.

Иванов-Желудков В. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. Т. 63. М., 1866.

Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Бранденбург-Пруссия в двух европейских войнах до битвы под Полтавой // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 158–177.

Игнатова О. М. Османские владения в Крыму XVI–XVIII вв. Картографическое отображение //Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в Средние века. Вып. 11. М., 2005.

Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. Т. 3. М., 1970.

История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1–2. М., 2006.

Јовановић Ј. Везе Црне Горе са Русијом од друге половине XVI вијека до данас // Историски записи. Књ. 2. Цетиње, 1948.

Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия. СПб., 1895.

Катифоро А. Житие Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, собранное из разных книг. СПб., 1772.

Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1999.

Кириченко Н. П. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 г. Кишинёв, 1958;

Ковалевский Е. П. «Статистическое и географическое обозрение Черногории» // Русско-черногорские отношения в середине XIX в. (Пётр II Петрович Негош и Россия 1830–1851 гг.). М., 2011.

Комолов Н. А. Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10–20-е годы XVIII века. Автореферат на соискание уч. степени канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

Костић М. Култ Петра Великог међу Русима, Србима, и Хрватима у XVIII веку // Историски часопис САН. Београд, 1959. Књ. 8. (1958).

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

Кочубинский А. Мы и они. 1711–1878 гг. Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878.

Крикун М. Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років. (До питання про політику Петра I стосовно України // Україна модерна. № 1. Львів, 1996. С. 42–88.

Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017.

Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941.

Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709) // Исторические записки. Т. 65. М., 1959.

Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714) // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961

Крылова Т. К. Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710–1713 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. 1964. № 49.

Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966.

Курникова О. М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2009.

Кутищев А. В. «…Повелеваем вам… походом поспешать безотлагательно…». К 300-летию Прутского похода // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 1 (35). С. 116–125.

Кутищев А. В. «Итить с войском к Дунаю». Прутский поход — героическая трагическая страница российской истории // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 17–19.

Левашова З. П. Библиография русской военной библиографии М., 1950.

[*Левшин В. А.*] Жизнь, анекдоты, военные и политические деяния российскаго генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, любимца Петра Великаго и храбраго полководца. СПб., 1808.

Лемерье-Келькеже Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневекового и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 255–271.

Леонов О. Г, Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. История Российских войск. М.,1995.

Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

Люстров М. Шведские и русские победословия эпохи Северной войны // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009.

Магилина И. В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012.

Майков Л. Княжна Мария Кантемирова // Русин. № 1. Кишинёв, 2011.

Малов О. В., Векленко В. О., Векленко А. В. Картографічні джерела до історії Богородицкої фортеці — Старосамарського ретраншементу. // Фронтири міста. Історико-культурологічний альманах. № 1. Дніпропетровськ, 2012.

Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в Прутском походе (1711) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 77. М., 2008..

Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в первой трети XVIII в. Автореферет дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2010.

Маркова О. П. О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы 18 в.) // Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России. Сб. статей. М., 1986. С. 5–46.

Масан А. «До местечка Чернявец сего же сентября в 23 день» (о русско-шведско-казацкой стычке в Черновцах в 1709 г. и её международных последствиях) // Русин. № 1. Кишинёв, 2011.

Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времён императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. Историческое исследование. М., 2011. (Репринт 1883).

Масси Р. К. Пётр Великий. Т. 2. Смоленск, 1996.

Матях В. М. Гетьман в емиграції Пилип Орлик: історико-історіографічний портрет політика // Український історичний журнал. № 4. Київ, 2001.

Мијушковић С. Догађаји у Црној Гори од појаве Милорадовића до Нуман-пашиног похода (1711–1714) // Историски записи. Књ. 11. № 1–2. Цетиње, 1955.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991.

Мышлаевский А. З. Две катастрофы. Суворов в Швейцарии, Пётр на Пруте. СПб., 1901.

Мышлаевский А. З. Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. 1901. № 1–2.

Недков Б. Несколько документов о военных кораблях, проданных туркам после Прутского похода // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М., 1964.

[*Новицкий Е. Ф.*]. Прутский поход 1711 года : Итоги архивных розысков. Отчёт о сообщении проф. А. З. Мышлаевского. СПб., 1899.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948.

Огуй А. Прутский поход Петра I и особенности денежного обращения Молдавии и Буковины // Русин. № 1. Кишинёв, 2011.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.

Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду 1715 године // Зборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984.

Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни 1978. № 3.

Павленко Н. И. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2.

Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1990.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994.

Пенской В. В. Русско-крымская война 1568–1574 гг. Белгород, 2009.

Петров П. Лука Барка — дубровнишки търговец и разузнавач // Известия на държавните архиви. Т. 76. София, 1998.

Петрухинцев Н. Н. Война с пространством // Родина. 1998. № 5–6. С. 63–64.

Петрухинцев Н. Н. Два флота Петра 1: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4.

Пештич С. Л. Ценный источник по истории Северной войны // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина 1707–1709. М., 1962.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984.

Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир, 2011.

Първев И. Балканите между две империи: Хабсбургата монархиа и Османската държава (1683–1739). София, 1997.

Радонић J. Римске курије и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950.

Распоповић Р. М. Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица, 1996.

Распопович Р. М. Первые официальные визиты черногорцев к Российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715г. // Черногорцы в России. М., 2011.

Рахаев Д. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М., 2012.

Савельев А. М. Сборник донских народных песен. Песни исторические. № 12. СПб.,1866.

Самарђић Р. Срби у Турском царству 1718–1737 // Историја Српског народа. Срби у XVIII веку. Књ. 4. Т. 1. Београд, 1986.

Санин О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996.

Санин О. Г. Крымское ханство в русско-турецкой войне 1710–1711 гг. // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. № 2. М., 2000.

Семёнова Л. Е. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969.

Семёнова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006.

Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. Симферополь, 2012.

Сень Д. В. Миграция некрасовских казаков на земли Причерноморья: практика и тенденции начального этапа (до 1712 г.). Проблемы адаптации // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011.

Сень Д. В. Казаки-некрасовцы: некоторые аспекты адаптации на территории Крымского ханства в XVIII веке. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/s/sen_kozaknekras02081.htm

Серов Д. О. Прутский поход 1711 г.: аспекты несостоявшейся катастрофы // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Вып. 2. СПб., 2002. С. 44–51.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Т. 15. Одесса, 1889.

Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII — начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10. Нальчик, 1976.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 8. М., 1962.

Станојевић Г. Црна Гора у доба Владике Данила. Цетиње, 1955.

Субтельний О. Мазепинцi: Український сепаратизм на початку XVIII ст. К., 1994.

Томић J. Питање Царева Лаза. Београд, 1933.

Томић J. Н. Поход Нуман-паше Ђуприлића на Црну Гору 1714 године. Београд, 1931.

Томић J. Турски поход на Црну Гору 1712 год. Сарајево,1920.

Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков некрасовцев Ростов н/Д, 1961.

Тумилевич Ф. В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д, 1963.

Тюхменева Е. А. «Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века». М., 2005.

Урнов Д. М. Дефо. М., 1978.

Финкель К. История Османской империи. Видение Османа / Перевод с англ. М., 2010.

Філімонов Д. Новосергіївська фортеця: маловідома пам'ятка Присамар'я кінця XVII — XVIII століть // Нові дослідження пам'яток козацької доби Україні. Збірник наукових праць. Вип. 21. Ч. 2. Київ, 2012. С. 137–147.

Флоровский А. В. От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1971.

Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.

Хроника 2000. Дніпропетровські виміри історичної долі. Дніпропетровськ, 2008. В. 73.

Цвиркун В. И. У истоков русско-молдавского боевого содружества // Ţvircun V. Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006.

Цвиркун В. И. Дмитрий Кантемир. Краткое жизнеописание // Ţvircun V. Vitralii — Витражи. Chişinau, 2006.

Цвиркун В. И. Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010.

Цвиркун В. И. Под сенью двух держав. История жизни и деятельности Димитрия Кантемира в Турции и России. Кишинёв, 2012.

Цвиркун В. И. Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Томы Кантакузина в письмах и документах. СПб., 2015.

Черногорско-русские отношения 1711–1918. Русские архивные документы о Черногории (конец XVII — середина XIX в.). Т. 1. Подгорица; Москва, 1992.

Чернышёв А. А. Российский парусный флот. Справочник. М. 1997.

Чухлиб Т. Скитание гетмана Мазепы // Родина. 1709. № 7.

Ћоровић В. Одношаjи Црне Гореса Дубровником од Карловачког до Пожаревачког мира // Глас Српске Краљевске Академиjе. CLXXXVII. Други разред. № 94.

Шидловский С. П. Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696–1727 гг. СПб.,1896.

Шныпко В. С. Роль российских императоров в создании военных знамён // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 165–169.

Энгельгардт Р. Ю. Из истории Прутского похода Петра I // Кишинёвский Госуниверситет. Учёные записки. Т. 6 (исторический). Кишинёв, 1953. С. 97–117.

Aksan V. Ottoman wars 1700–1870. 2007.

Artamonov V., Constantinov V. Incercarea de trecere a lui Dimitrie Cantemir sub protectorat Austriac in anul 1715 //Revista de istorie a Moldovei. № 1–2. Chişinau, 2011.

Bengtsson F. G. Karl XII:s levnad. Från Altranstädt till Fredrikshall. Tryckt i Finland, 2001.

Cojocaru T. Tratatul dintre D. Cantemir si Petru I // Basarabia. № 5. Chişinau, 1991.

Defoe D. An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy. London, 1723.

Feldman J. Polska a sprawa wschodnia 1709–1714. Kraków, 1926.

Feldman J. Stanisław Leszczinski. Wrocław-Warszawa, 1948.

Górka O. Dymitr Kantemir o wojsku i sztuce wojennej mołdawian // Studia i materiały do historii sztuki wojennej. T. 3. Warszawa, 1956.

Haintz O. König Karl XII. von Schweden. Bd. 2. Berlin, 1958.

Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches vom Carlowiczer bis zum Belgrader Friden 1699–1739. Bd. 7. Pest, 1831.

Jarring G. Arkivforskningar i Turkiet // Karolinska Förbundet Årsbok. 1939.

Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1913.

Jobst K. S. Die Perle des Imperiums: Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz, 2007.

Kantecki K. Stanisław Poniatowski, kasztelan krakowski, ojciec Stanisława Augusta. T. 1–2. W Poznaniu, 1880.

Karlsson G. H. Kring kalabaliken i Bender // Karolinska Förbundet Årsbok. 1973.

Kogalnicean M. Fragments tires des chroniques Moldaves et Valaques pour server à l'histoire de Pierre-le-Grand, Charles XII, Stanislas Leszczynski, Démétre Cantimir et Constantin Brancovan. Jassi, 1845.

Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish diplomatic relations (15th–18th Century). Leiden; Boston; Köln, 2000.

Kolodziejczyk D. Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanate: "Oriental Despotism" à rebours? // Acta slavica japonica. 2012. Vol. 32. P. 1–21.

Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne za panowanie Piotra I. Kraków, 2010.

Kurat A. N. Prut seferi ve barişi 1123 (1711). C.1–2. Ankara, 1951–1953.

Kurat A. N. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 10. H. 1. Wiesbaden, 1962.

Lemercier-Quelquejay Ch. Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman sous la régne de Pierre le Grand (d'après les documents des archives ottomans) // Cahiers du monde russe et soviétique. № 1. P., 1966.

Müller R. Die Armee August des Starken. Berlin, 1984.

Rözcan A. Ottoman military establishment // History of the Ottoman State, Society & Civilization. Istanbul, 2001. P. 349–430.

Refik Jfr. A. Baltadjy Mehemed Pascha och Peter den Store 1711–1911. KFÅ.1919.
Rostworowski E. Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977.

Sandstedt E. Studier rörande Jöran Nordbergs Konung Carl XII:s historia. Lund, 1972.

Stafsing J. Kalabaliken vid Bender. Stockholm, 1960.

Tengberg E. Från Poltawa till Bender. En studie i Karl XII:s turkiska politik 1709–1713. Lund, 1953.

Trąbski M. Przejęcie twierdzy Biala Cerkiew przez wojsko koronne w 1713 r. // Twierdze Osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojskowej. Oświęcim, 2016. S. 364–399.

Wagner M. Zagon kawaleryjski Grudzinskiego w 1712 roku // Wojny Połnocne w XVI–XVIII wieku w czteresetlecie bitwy pod Kirchholmem. Toruń. S. 209–223.

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Bd. 1. Göttingen, 1962.

Xenopol A. D. Istoria Românilor din Dacia traiana. Vol. 8. Jasi, 1896.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Алексеевич Артамонов

ТУРЕЦКО-РУССКАЯ ВОЙНА
1710–1713 гг.

Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*
Корректор *Л. А. Куртова*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать ____2019.
Формат 125x200 мм. Усл. печ. л. 23,52
Тираж 300 экз.

ISBN ISBN 978-5-907171-00-8